

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

Народные русские сказки

Александр Николаевич Афанасьев

Народные русские сказки

Народные русские сказки – мудрые и поучительные, смешные и грустные, наивные и лукавые, но всегда чарующие, увлекающие в свой волшебный мир, где лиса может быть исповедницей, а лягушка – царевной, где живут-поживают Крошечка-Хаврошечка, Василиса Прекрасная и Кощей Бессмертный, где играют гусли-самогуды, а золотая рыбка исполняет любые заветные желания.

Собрание сказок, в том числе и заветных, составленное фольклористом, литературоведом и историком Александром Николаевичем Афанасьевым, представляет собой наиболее полную их коллекцию, удачно дополненную народными анекдотами и прибаутками.

Содержание

#1	0014
Народные русские сказки	0047
ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК	0047
ЛИСА, ЗАЯЦ И ПЕТУХ	0057
ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА	0060
СТАРИК ЛЕЗЕТ НА НЕБО	0065
СТАРИК НА НЕБЕ	0066
МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА	0067
СТАРАЯ ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ	0072
ОВЦА, ЛИСА И ВОЛК	0075
ЗВЕРИ В ЯМЕ	0076
ЛИСА И ЖУРАВЛЬ	0082
КОЛОБОК	0083
КОТ, ПЕТУХ И ЛИСА	0087
ВОЛК И КОЗА	0091
ВОЛК-ДУРЕНЬ	0094
МЕДВЕДЬ	0099
КОЗА	0100
МЕДВЕДЬ И ПЕТУХ	0104
КОЧЕТ И КУРИЦА	0105
СМЕРТЬ ПЕТУШКА	0106
КУРОЧКА	0109
ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ	0110
ЗОЛОТАЯ РЫБКА	0112
ЖАДНАЯ СТАРУХА	0118

БАЙКА О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ	0122
ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ	0124
РЕПКА	0124
МОРОЗКО	0125
СТАРУХА-ГОВОРУХА	0133
ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА	0135
КРОШЕЧКА-ХАВРОШЕЧКА	0138
БУРЕНУШКА	0142
БАБА-ЯГА	0148
ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ	0151
ГУСИ-ЛЕБЕДИ	0165
КНЯЗЬ ДАНИЛА-ГОВОРИЛА	0168
ПРАВДА И КРИВДА	0175
ИВАН-ЦАРЕВИЧ И МАРФА-ЦАРЕВНА	0188
КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ И СЛУЖАНКА	0199
ТРИ ЦАРСТВА – МЕДНОЕ, СЕРЕБРЯНОЕ И ЗОЛОТОЕ	0206
ФРОЛКА-СИДЕНЬ	0213
БУРЯ-БОГАТЫРЬ ИВАН КОРОВИЙ СЫН	0219
ИВАН БЫКОВИЧ	0244
ИВАН КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И МУЖИЧОК САМ С ПЕРСТ, УСЫ НА СЕМЬ ВЕРСТ	0264
ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА И ПОЛУНОЧКА	0275
МЕДВЕДКО, УСЫНЯ, ГОРЫНЯ И ДУБЫНЯ- БОГАТЫРИ	0283
ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ	0295
СЕМЬ СЕМИОНОВ	0304
НИКИТА КОЖЕМЯКА	0307

ЗМЕЙ И ЦЫГАН	0310
БАТРАК	0315
СОЛДАТ ИЗБАВЛЯЕТ ЦАРЕВНУ	0322
БЕГЛЫЙ СОЛДАТ И ЧЕРТ	0331
ДВА ИВАНА СОЛДАТСКИХ СЫНА	0338
КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ	0359
МАРЬЯ МОРЕВНА	0369
ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА	0384
ЕМЕЛЯ-ДУРАК	0389
ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ	0408
СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ, ЖАР-ПТИЦЕ И О СЕРОМ ВОЛКЕ	0416
ЖАР-ПТИЦА И ВАСИЛИСА-ЦАРЕВНА	0438
СКАЗКА О МОЛОДЦЕ-УДАЛЬЦЕ, МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ	0445
СИВКО-БУРКО	0456
СВИНКА ЗОЛОТАЯ ЩЕТИНКА, УТКА ЗОЛОТЫЕ ПЕРЫШКИ, ЗОЛОТОРОГИЙ ОЛЕНЬ И ЗОЛОТОГРИВЫЙ КОНЬ	0467
ВОЛШЕБНЫЙ КОНЬ	0480
КОНЬ, СКАТЕРТЬ И РОЖОК	0492
ДВОЕ ИЗ СУМЫ	0496
ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО	0501
СКАЗКА ПРО УТКУ С ЗОЛОТЫМИ ЯЙЦАМИ	0510
ЧУДЕСНАЯ КУРИЦА	0516
ЦАРЬ-МЕДВЕДЬ	0527
ПРИТВОРНАЯ БОЛЕЗНЬ	0536
ЧУДЕСНАЯ РУБАШКА	0547

ПОДИ ТУДА – НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО – НЕ ЗНАЮ ЧТО	0551
МУДРАЯ ЖЕНА	0579
ТРИ КОПЕЕЧКИ	0591
МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ	0598
НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО	0623
КУПЛЕННАЯ ЖЕНА	0629
ЦАРЬ-ДЕВИЦА	0638
ПЕРЫШКО ФИНИСТА ЯСНА СОКОЛА	0646
ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ	0671
ГУСЛИ-САМОГУДЫ	0691
ЦАРЕВНА, РАЗРЕШАЮЩАЯ ЗАГАДКИ	0695
ВЕЩЕЙ СОН	0698
СОЛЬ	0712
ЗОЛОТАЯ ГОРА	0719
ЧУДЕСНАЯ ДУДКА	0725
ПТИЧИЙ ЯЗЫК	0730
ОХОТНИК И ЕГО ЖЕНА	0734
ДИВО	0737
ДИВО ДИВНОЕ, ЧУДО ЧУДНОЕ	0747
СЧАСТЛИВОЕ ДИТЯ	0750
КЛАД	0754
СКОРЫЙ ГОНЕЦ	0759
СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА, БРАТЕЦ ИВАНУШКА	0770
ЦАРЕВНА – СЕРА УТИЦА	0780
БЕЛАЯ УТОЧКА	0785

АРЫСЬ-ПОЛЕ	0790
ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА	0792
ЦАРЕВНА-ЗМЕЯ	0811
ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА	0817
ОКАМЕНЕЛОЕ ЦАРСТВО	0846
БЕРЕЗА И ТРИ СОКОЛА	0853
ЗАКЛЯТЫЙ ЦАРЕВИЧ	0855
СОПЛИВЫЙ КОЗЕЛ	0859
НЕУМОЙКА	0863
КОСОРУЧКА	0868
ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО И ПТИЦА-ГОВОРУНЬЯ	0882
СВИНОЙ ЧЕХОЛ	0895
ЗОЛОТОЙ БАШМАЧОК	0899
ЧЕРНУШКА	0902
ЦАРЕВНА В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ	0906
НЕЗНАЙКО	0909
НЕСМЕЯНА-ЦАРЕВНА	0941
НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ	0945
МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК	0951
ВЕРЛИОКА	0955
ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ	0963
ГОРЕ	0966
ДВЕ ДОЛИ	0974
ИСТОРИЯ О СЛАВНОМ И ХРАБРОМ БОГАТЫРЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И О СОЛОВЬЕ-РАЗБОЙНИКЕ	0978
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЗМЕЙ	0990
ВАСИЛИЙ БУСЛАВИЧ	1001

АЛЕША ПОПОВИЧ	1003
ДАНИЛО БЕССЧАСТНЫЙ	1010
ВАСИЛИЙ-ЦАРЕВИЧ И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ	1019
БАЛДАК БОРИСЬЕВИЧ	1028
ВАСИЛИСА ПОПОВНА	1041
ПРО МАМАЯ БЕЗБОЖНОГО	1046
СКАЗАНИЕ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ	1062
ШЕМЯКИН СУД	1064
ЗАГАДКИ	1068
ГОРШЕНЯ	1073
МУДРЫЕ ОТВЕТЫ	1077
МУДРАЯ ДЕВА	1079
ПОПОВ РАБОТНИК	1082
ЦАРЕВИЧ-НАЙДЕНЬШ	1083
СОСВАТАННЫЕ ДЕТИ	1085
ДОБРОЕ СЛОВО	1089
ДОЧЬ ПАСТУХА	1093
ОКЛЕВЕТАННАЯ КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ	1097
ЦАРИЦА-ГУСЛЯР	1103
ОТЕЦ И ДОЧЬ	1107
СОЛДАТ И ЦАРЬ В ЛЕСУ	1110
СОЛДАТ И РАЗБОЙНИК	1117
РАЗБОЙНИКИ	1119
МУДРАЯ ДЕВИЦА И СЕМЬ РАЗБОЙНИКОВ	1126
УБОГИЙ	1138
БЕССТРАШНЫЙ	1141

РАССКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХ	1145
УПЫРЬ	1155
ИВАН КУПЕЧЕСКИЙ СЫН ОТЧИТЫВАЕТ ЦАРЕВНУ	1163
РАССКАЗЫ О ВЕДЬМАХ	1169
СМЕРТЬ СКУПОГО	1185
СКРИПАЧ В АДУ	1186
ГОРШЕЧНИК	1190
ВДОВА И БЕС	1193
ЛЕШИЙ	1195
МОРОКА	1197
ДОКА НА ДОКУ	1199
ВОРОЖЕЯ	1202
ЗНАХАРЬ	1210
СЛЕПЦЫ	1213
ВОР	1218
ВОРОВАТЫЙ МУЖИК	1229
СОЛДАТСКАЯ ЗАГАДКА	1233
МЕРТВОЕ ТЕЛО	1235
ШУТ	1238
ИВАНУШКА-ДУРАЧОК	1246
ДУРАК И БЕРЕЗА	1251
НАБИТЫЙ ДУРАК	1255
ЛУТОНЮШКА	1257
МЕНА	1260
СКАЗКА ПРО БРАТЬЕВ ФОМУ И ЕРЕМУ	1263
ХОРОШО, ДА ХУДО	1266
НЕ ЛЮБО – НЕ СЛУШАЙ	1270

БАЙКА ПРО СТАРИНУ СТАРОДАВНЮЮ . . .	1279
УДАЛОЙ БАТРАК	1281
ИВАН-ДУРАК	1284
ФОМА БЕРЕННИКОВ	1289
СКАЗКА О ЗЛОЙ ЖЕНЕ	1295
ЖЕНА-СПОРЩИЦА	1306
ЖЕНА-ДОКАЗЧИЦА	1309
ГОЛОВИХА	1319
МУЖ ДА ЖЕНА	1320
ВЕЩИЙ ДУБ	1322
ДОРОГАЯ КОЖА	1325
КАК МУЖ ОТУЧИЛ ЖЕНУ ОТ СКАЗОК	1330
КРЕСТ – ПОРУКА	1332
ОБ ОТЦЕ НИКОЛАЕ	1335
СКРЯГА	1337
Народные анекдоты	1340
Докучные сказки и прибаутки	1383
ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ	1383
ПРИБАУТКИ	1384
Русские заветные сказки	1395
СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОП ТЕЛЕНКА РОДИЛ	1395
КАКОВ Я!	1399
В-ЧЕМ-Я?	1403
СУД О КОРОВАХ	1405
ЖАДНЫЙ ПОП	1409
ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ	1412
АРХИЕРЕЙ ОТЧИТЫВАЕТ	1413

ДОБРЫЙ ПОП	1415
ПАХОМ	1417
ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ	1419
ПОХОРОНЫ КОЗЛА	1421
ПОП-ВОРОЖЕЙКА	1425
ПОП УГОДИЛ В СОЛДАТЫ	1435
ПОП, ПОПАДЬЯ, ДЬЯКОН И РАБОТНИК	1436
ПОП У БАБЫ И БАТРАК	1446
ПОП РЖЕТ КАК ЖЕРЕБЕЦ	1448
МУЖ ДА ЖЕНА	1453
ХИТРАЯ БАБА	1455
ХИТРАЯ ЖЕНА	1458
НИКОЛА ДУПЛЯНСКИЙ	1464
МОНАХ И ИГУМЕНЬЯ	1469
РАЙСКАЯ ДУДКА	1471
ПОП-ТОЛОКОННЫЙ ЛОБ	1477
ЧУДЕСНАЯ ДУДОЧКА	1483
НЕ ЛЮБО, НЕ СЛУШАЙ	1487
СОЛДАТ-СКРИПАЧ И ЧЕРТ	1489
СОЛДАТ-СКРИПАЧ И НЕЧИСТЫЙ	1493
СОЛДАТ И ЧАСЫ	1496
БЕГЛЫЙ СОЛДАТ	1500
СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА	1501
СОЛДАТ И БАРИН	1502
ВОР	1504
ЧУДЕСНАЯ ДУДКА	1508
ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ЖЕНА И КУПЕЧЕСКИЙ СЫН	

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД.....	1517
СНЫ.....	1522
КУПЕЧЕСКАЯ ЖЕНА И ПРИКАЗЧИК.....	1529
«НЕТ!».....	1531
ЖЕНА СЛЕПОГО.....	1533
ДВЕ ЖЕНЫ.....	1534
ЖЕНА ХИМКА.....	1536
ФОМКА-ДУРАК И ЕГО ЖЕНА.....	1538
ДОГАДЛИВАЯ ХОЗЯЙКА.....	1542

**Александр Николаевич
Афанасьев
Народные русские сказки**

*Родное слово, русский дух
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
А.С. Пушкин, «Руслан и Людмила»*

Часто задумываешься – несколько необязательно-отрешенно, но как о чем-то все же притягательном: почему это сказки мы возводим к какому-то лукоморью? Если оно край страны, то понятие это как-то всё более и более зыбко и условно, и нам всё больше доводится бывать на берегу пустынных волн. Если край света, то туда добру молодцу вообще путь как правило заказан, разве что в крайнем случае и разве что в силу его же оплошности. Но туда тянет и тянет, хотя бы мысленно – будь ты хоть и вправду дитя, хоть взрослый или старик. Ну, а уж извечный-то урок сказки добру молодцу – он-то уже ведь точно безусловен?

Златые игры первых лет, и первых лет уроки – ещё до Пушкина выразился мечтательно Жуковский. Эти уроки старших юным, эти уроки в стольких поколениях повторенного и проверенного здорового опыта – они каковы?

Или ответа не нужно, а нужно только чутье и чувство?

Уроки; уроки; уроки. Это было бы по-гимназически назойливо – не говори о них Пушкин с Жуковским, не повторяй этого Гоголь, Толстой, Шолохов; и Гайдар с «Горячим камнем» и «Голубой чашкой», и Шукшин с его «Третьими петухами», и Рубцов или Юрий Кузнецов с его постоянными, и в чисто народном ключе, мифолегендами, бывальщинами и прямыми сказками. Нам велено думать, хотя бы думать душой; так послушаем и будем послушны.

* * *

В колыбельной песне, сказке, прибаутке, былине художественное слово является нам раньше всего, о нем и чуть ли не самая первая память. Есть и память, заключенная в нем самом, причем память самая долгая и самая всеобщая. Как всегда, хорошая память указывает вперед, образует дорогу. Надо знать и дорогу, и направление. «Дорога-то есть, я стою на твердой полосе; да что толку?» Необычайно меткое это усмотрение Пушкина в «Капитанской дочке». Человек, который у

него так говорил, вроде бы знал народ, был сам совершенно народен; Петруше он со значением рассказал и известную сказку о разнице между горячей живой кровью своих жертв и чьим-то питанием мертвечиной (орел и ворон). Однако вопрос об истинном направлении он лично оставил открытым, и для народа не меньше, чем для себя.

Содержанием, состоянием, «безумной прихотью» отдельного человека не исчерпывается достояние всего народа.

Отдельный человек может вообще не знать поговорок и сказок, а былин не слышать и подавно. Кто-то не может припомнить по своему детству как раз самых драгоценных слов. А народу в целом именно полнота ранней памяти и свойственна – как по «жанрам», так и по содержательному существу.

Народ помнит себя вовсе не только со дня, когда кто-то умный привел его за руку в довольно среднюю школу и сказал: теперь, маленький, поучись. Это не значит, что настоящего детства у народа не было. Один классический мыслитель именно о народах древности и заметил: есть буйные, невоспитанные

дети, и есть старчески умные дети. Нормальными детьми были греки, добавил классик: Прометей, Эдип, Дедал, Геракл – там везде дерзание, везде бодрость и здоровье смолоду. Он не разъяснил, кто относится к первым двум разновидностям, и науке стоит заняться этим особо. Но детство как ценность признается им не без оснований.

К этой детской, но коренной, к этой дописьменной, но ясной и твердой памяти народов тянется здоровая память отдельных людей, и это для зрелости только полезно. Иногда без этого настоящая зрелость и невозможна. Это видно по самым умным людям России. «Ах, умолчу ль о мамушке моей», – пишет Пушкин и тут же переходит к сказкам «мамушки» про лихих полканов и добрыней, о чудесах и подвигах Бовы. Поздний пушкинский «Гусар» сталкивается с чудесами малоблагообразными, но именно лихость доброго сказочного склада ему и помогает уйти от «мерзостной игры» – даже, помнится, сорвать её. Пушкин к тому времени уже давно созрел; он получил немало именно от няни – вдобавок к царственному Лицею; а искушенным

литераторам, не знавшим этого, он советовал учиться кое-чему у просвирней, не обольщаясь ни лицеем, ни университетом. Слушаю сказки няни – и восполняю тем недостаток своего проклятого образования... Как честно, как смело сказано! Ах, нянины сказки, что за прелесть они: каждая народная сказка есть поэма, по Пушкину. Без этой убежденности великого художника не родились бы ни «Руслан и Людмила», ни «Царь Салтан», ни даже «Капитанская дочка» – то есть именно прямые поэмы, желающие сравняться с народной сказкой; так музыка Глинки и Чайковского или «Снегурочки» равнялась на русскую сказку и русский народный напев, и только потому преуспела как всемирная ценность. (Да так и во всех здоровых обществах: что такое «Лесной царь» величественного Гёте?)

Общества и люди меняются. Как село может превратиться, за утратой ряда коренных признаков, в «населенный пункт», так и земля может стать простой «территорией». Как новые кварталы, стесняясь классического слова «переулок» (стеснение и стыд не без ос-

нований), предлагают нам в качестве замены некий почему-то «проезд» – так происходит и с бабушкой, и с няней. Даже простые пушкинские Никитские ворота, ликвидировав свою безграмотность и ряд ненужных зданий – например, славный когда-то гастроном «Три поросенка», – стали «площадью Никитских ворот». И как округлая площадь вообще иногда перестраивается в бездушно огромный перекресток, который пользуется, по существу, чуждым ему именем, – так и здесь. С одной стороны, Арина Родионовна и переулок, а с другой – радионяня и проезд. И драматизировать это не надо. Надо просто понять, что поджарой пятидесятилетней женщине в тренировочном костюме «Адидас» и кроссовках для утренних пробежек все эти занятия, все ее умные журналы и садово-огородный участок не так уж много оставляют времени вспомнить сказку. А учебники и «Родная речь» не могут ведь распухнуть. Поэтому им некогда напомнить людям о том, о чем во времена, когда еще не было «стрессов и страстей», люди вспоминали постоянно:

...И начну у бабки

*Сказки я просить,
И начнет мне бабка
Сказки говорить:*

*Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал...*

Это из тех стихов, откуда мы знаем только «Вот моя деревня, вот мой дом родной, вот качусь я в санках по горе крутой», – с окончанием, если по нынешним букварям, на довольно сомнительном итоге: «мне в сугробе горе, а ребятам смех». Эти деревенские ребята жестоки и злы; и вы, «трулялята», должны быть гораздо человечнее – даже, говоря уж совсем попросту, толерантнее. Но Иван Захарович Суриков (речь о нем, речь о всеобщем) не спешит этому поверить, не хочет этого никому внушить и продолжает о чудесном:

*И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.*

Вот передо мною

Чудный сад цветет;
В том саду большое
Дерево растет.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица
Точно жар горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поет,
Ярким, чудным светом
Сад весь обдает.

Вот я к ней подкрался
И за клетку – хватъ!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум-звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

*Уж в избу, в окошко,
Солнышко глядит;
Пред иконой бабка
Молится, стоит.*

*...Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.*

О, сироту Сурикова омрачали те еще горе и злосчастье. Но со сказкой и одиночка не одинок.

* * *

Чистое детство, чистое слово, чистые сны – это не вымысел. Это то, чем дорожили люди умные. Это те сокровища, бережностью к которым проверялась не только народность человека, но и его интернационализм. Тютчев ведь по заслугам воздал хвалу Гильфердингу, «хоть родом он был не славянин». Скольким мы обязаны этому собирателю народных сокровищ! Пожалуй, не меньше, чем сладкопевцу Фету; хотя их разница по «происхождению», казалось бы, невелика, дело ведь не в нём. А Даль? А фольклорист-патриот Орест Миллер? А неприязнь либералов к Степану

Шевыреву – первому, кто посягнул поставить русского богатыря не ниже «Цида» (Сида), да еще сравнить двух великих героев по нравственной красоте, по чувству долга, по их совсем несхожему отношению к родному отцу? [1]

Чистые сказки-сны. Там Василиса Прекрасная и Премудрая, там ленивец Емеля, без советов деловито-сухого прагматика Штольца сотворивший, когда приспело, немало лихих дел – и лихих, и удачливых. Там Илья Ильич Муромец, способный не хуже любого иного оспорить Илью Ильича Обломова. Да, и это вроде спор; но спор этот, так сказать, не со стороны. А если сказать словами Пушкина, то давнишний, добрый спор славян между собою («Клеветникам России») – то есть спор без злорадства над «нелепым» и «невежественным». Там же калики перехожие, Сивка-бурка. Там и другие товарищи казака вместе с ним в дозоре на дальнем пограничье. Там бывалый солдат, Смерть его не берет, суп он варит из топора и черт ему не брат; там ушлый Жихарка бросает Бабу-Ягу в печь. Издалека наезжает порой и нечисть; откуда-то возни-

кают и тать, и вор, и семиглавый Змей-Горыныч, и наглый Сокольник – он Илье Муромцу хоть оказывается и сын, но тоже заслуживает суровой расправы, которую позже творил над отступником и старый Тарас Бульба. Залетает и разбойничающий Соловей; он еще не пишет стихов помодернее, но проучивают его все равно за дело – и снова лихо, с улыбкой. Настигнутый Кащей дрожащими руками протягивает Иванушке чуть ли не паспорт: не тронь меня, я Бессмертный... Что ж, это надо еще проверить; и наглуую, трусливую ложь иного, чужого слова тут же проверяют непосильным злодею делом. Все здесь как в древней, но умной басне: здесь Родос! здесь прыгай! – и разоблачение лжеца у нас не менее уверенно, чем в старой младенческой, нормальной Греции; в случае Кащей – на суше, на море и в воздухе: точно так же, как об этом позже сообщали нам голосом Левитана с разных родных лукоморий фронтовые сводки Совинформбюро.

Вот почему Суворов любил народную песню и прибаутку, народную музыку. Поэтому, а не потому, что для иных духовой оркестр,

например, «просто приятен». Оркестр этот, тоже в чем-то родственный и прибаутке, и песне, и легенде, дорог и ценен на самом деле вовсе не просто «звуками нашей молодости», каковы бы они ни были, а правдой той молодости, подлинным духом ее, если подлинным этот дух и верно был. Есть чему поучиться у сказочного, песенного, суворовского, пушкинского слова и дела. С высоким и с народным словом одновременно шел в стан русских воинов и Жуковский. Он не понес им в 1812 году свою книжечку томных стихов «Для немногих», но и не занизил задачи. Он хорошо знал, что настоящему воинству не надо сервиса бойких шлягеров и эстрадных кокоток-звезд.

*Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет,
И первых лет уроки.
За них, за них всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы.
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.*

Соответственны были и результаты. Разве сорок первый – сорок пятый годы подтверди-

ли не это же самое в условиях новой эпохи?

* * *

Не всякое лыко в строку, не всякая сказка лучший урок, не всякая наука подлинна.

*Всё ходит, ходит кот учёный
А Васька слушает, да ест...*

Тому же самому Петруше Гриневу, мы же помним, рассказывают сказку про орла и ворона. Вывод вроде безупречный: лучше питаться живым мясом и живой кровью, чем падалью. Но Петруша, видать, тоже не промах, и он дает понять разбойнику, что разница невелика.

Наша сказка знала живую и мертвую воду, знала людей, рвущих из себя мясо, чтобы накормить верного товарища – серого волка, но вот самому питаться волчатинной не предлагала, считая несущественным, какова именно «сортность» – залежалость или свежесть – того, что съедобно или еще как-то пригодно лишь для извергов.

*Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел*

И стрелу запустил наугад.

*Он пошел в направлении полета
По серебристому следу судьбы,
Угодил он к лягушке в болото
За три моря от отчей избы.*

Мы говорили о не всегдашней правоте науки. Юрий Кузнецов так и продолжает:

*Пригодится на правое дело!
Положил он лягушку в платок,
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.*

Финал: «В долгих муках она умирала, в каждой жилке стучали века. И улыбка познанья играла на счастливом лице дурака...» Сказка, бывает, поет и дурачка, хотя бы, увы, и Иванушку. Но становиться дурачком нарочно, чтобы Бабе Яге или иному заморскому чуду-юду было поспособней, – не по нашей сказке. Что до Бабы Яги, то у нее есть своя, что называется, «легенда», подобно её собрату Кащею. Но фальшивая легенда эта не более народна, чем иной современный роман, то и дело твердящий: я не роман Льва Толстого, я современнейший и одновременно древнейший

по истокам «роман-миф».

* * *

Сказки приходили к нам от бабушки и матери; сказки сказывали друг другу взрослые люди в солдатской казарме; захожалый странник, были времена, мог рассчитывать на приют и хлебсоль столько вечеров, на сколько у него хватало сказок, такого и нищего считали гостем богатейшим; сказки и песни приходили к нам из разных мест и от разных народов. Роднились, с веками, сказки русские и калмыцкие, русские и татарские, русские и бурятские. Если вы ели в детстве овсяный кисель, то кто бы из вас тогда поверил, что известные стихи про него – нерусские:

*Детки, овсяный кисель на столе;
читайте молитву;
Смирно сидеть, рукавов не ма-
рать и к горшку не соваться...*

Не все даже и позже узнавали из римлянина Плиния, что овсяный кисель – любимая пища древних германцев; что сами эти стихи Жуковского – по происхождению из Гебеля,

алльманно-швейцарца. Но всем, кто их помнит с детства, в них что-то слышится родное; таков народный интернационализм; его драгоценность и его возраст огромны, его полезность для письменного слова очевидна. И не одна зарубежная умная сказка-притча приходилась вполне ко двору и у нас. Скажем, из британца Саути – о том, как наказан был жадный и злобный епископ Гаттон, что припрятал от сырых и голодных хлебные запасы в год недорода, а потом его самого сожрали, навалившись несметным войском, изголодавшиеся грызуны:

*Мечется кошка, невесело ей:
Чует она приближенье мышей...*

Этим предвосхищено многое, а именно – это лучше разъясняет важные для нас вещи, чем известный роман Достоевского с эпиграфом из Пушкина: «бесконечны, безобразны в мутной месяца игре» и т. п. Как Пушкин, так и Саути, так и Жуковский (он и здесь оказался переводчик) согласно и совместно приближают нас к истине наперед. «Бесконечны и безобразны», самозванцы никого не накормили,

да накормить и не думали. Но пришли они поделом, а не просто «по ошибке» – ошибке совести, самомнения или ума. В некотором царстве, в некотором государстве.

* * *

Что-то слышится родное... Такова наша сказка, где человеку может быть родным и побратим-человек, и серый волк, и мышка-норушка, и ветер с месяцем или звёздами. «Так не бывает?» (Обычный в науке и в научном атеизме довод: например, «природа на самом деле не имеет разума и души»; или – «бога на самом деле нет».) И все подобное, таким образом – предрассудки? Что ж – а вдруг такое когда-то и вправду было; по Боратынскому (привожу по памяти) —

*предрассудок, он обломок
древней правды: храм упал
и руин его потомок
языка не разгадал.*

Значит, спешить с развенчиваниями не стоит. К такому мнению высокой и трезвой классики о народном, к радости Пушкина над вечными образцами неписьменного слова

присоединился бы, впрочем, каждый: «там русский дух, там Русью пахнет». Разве что у Бабы Яги свое особое мнение. Это и определило дальнейшую судьбу наследия; даже ее отдельные изгибы, даже в её устройении известные надломы и перегибы (запрещала же ведь Надежда Константиновна удалого «Конька-Горбунка» за прославление, как объявлялось, глупости и невежества в лице героя сказки, опять же Ивана); а возможно, и гораздо худшее.

Разве не примечателен здесь вклад нашего радио и телевидения? Чем чаще слышишь или видишь там «что-то... родное», тем ясней выигрыш у «страусят» и «паучат», в новейшем сказочном жанре способных подменить журавушек и мышку-норушку, ягненокка и лошадку: разница огромна, последствия не поддаются калькуляции, но огромны. Это дорога правильная; живая вода должна течь вперед; изгибы есть, но ей не надо изламывать русло и загонять ее в пески. Дорога, все больше дающая простор народному искусству слова, народному фильму-сказке, народной музыке, – верная. Это уже явно не «массовые

средства». (Если учесть, что такой оборот речи пришел из зарубежной философии культуры, из тамошней печати, то в нем самом оба слова совершенно точны: рыночный культ массы, рыночный же культ средства для затемнения целей.) Но как не вяжутся с этим речением народные идеалы, которыми так дорожат наша журналистика, радио, книжная печать! «Без друзей меня чуть-чуть, а с друзьями много» – это, конечно, говорок, любопытный для таки трезвого языковеда.

Но право же: «добрая подружка», «подруга дней моих суровых», с песней ли про девицу, с песней ли про синицу, с чистой ли русской речью и чистой совестью, – спутники понадежней. Разве зря Пушкин съездил в Михайловское после Кишинева и Одессы? Чем больше ребенок будет с детства слышать родное, тем меньше он восприимчив к «кривлялкам», тем меньше опасений, что он станет и останется навсегда «радиомалышом» или «труляленком». Нет, в зрелом возрасте он лишь в еще большем объеме примет под свою ответственность будто бы и бесписьменную, но грамотную и коренную народную память. А

как же иначе взять под свою ответственность сказочную птицу-тройку, как иначе не допустить ужимания и усыхания, как это случилось с шагреновой кожей, родного нашему поэту лукоморья? Древние тридцать витязей прекрасных и их добрый дядька Черномор нас за такие просчёты не похвалили бы. И от того, что юный русский согласится с Достоевским относительно «Ах, вы, сени, мои сени» (тот заметил: «...поэт не ниже Пушкина»), не станет же для него Пушкин ниже, чем был. Станет ниже лишь то, что этого заслуживает.

Не так давно мы заслушали, по телевидению же, на интернациональном вечере поэзии, литературные мечтания Андрея Андреевича Вознесенского: хорошо, если б явился в нашу поэзию этакий сказочный соловей-разбойник и защелкал, засвистал на тысячу ладов.

Новатор-разбойник? Если по народному разумению, то судьба его предрешена. Если соловей повзрослеет – не годами, а совестью – и потому покается, – то опять ясно: его наверняка заключают вновь явленные жестокие соловьята. Но все же странный, право, сам вы-

бор образца-идеала. Так или иначе, а старинному дозору богатырей на рубеже правды и лжи расхолаживаться нет оснований.

* * *

Урок добру молодцу, красной девице: не пей, если заповедано, из козьего копытца (козленочком станешь), не заглядывай в преисподнюю, не бахвалься молодечеством, слушайся отца-матушку и голоса матери сырой земли; урок и особям и силам совсем иного рода – такова сказка. Со всяческими ворогами честному люду, с нечистью и нежитью, с кознодеями и извергами, с завистниками и супостатами она расправляется круто. Укорот она дает им лихой и безоговорочный, порою беспощадный, и так что иной раз этому даже удивишься. Кого обварит смолой, кому переломит руки-ноги и крылья-перья, кого пошлет-таки и в тартарары, заморозит ледяным дыханием или высечет... Сказка и за словом в карман не лезет, и в суде наперсникам разврата она скоро и спора. Впрочем, а что тут, собственно, робеть и закрываться печаткою? Злодею и хищнику воздается поделом, воздается образцово:

*Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру
знаю,
И потому обычай мой —
С волками иначе не делать миро-
вой,
Как снявши шкуру с них долой —*

не со сказочных ли скрижалей взял свое «кредо» крыловский басенный заступник народного дела, наш уже чисто и вполне исторический герой? И тут же выпустил на волка гончих стаю. Нет, педагогичная формула «добро побеждает зло», которая пытается ухватить зерно и сущность нашей сказки в их самом-самом общем и сжатом виде – она верна и удачна во всем, кроме разве что некоторой своей кисейной жеманности: своей салонности, мы бы сказали. Как тогда выразиться точнее и хлеще о народном, бойком духе самой сказки, – или как выразиться об этом прямо в духе той же сказки, которая не терпит идейно-нравственных редактур, хотя нравственностью и добром она же буквально дышит и пышет?

Добро и удача приходят к тому, кто боек и

хваток, кто неутомим и сметлив, не чурается черного труда, открыт душой, предан в любви и братском чувстве и деятельно честен. Бог-то бог, да сам не будь плох; добро сказки – оно, как удачно кем-то обозначено, еще и оснащено добрыми крестьянскими кулаками; оно не чахлая белоручка-барышня; добрый молодец, подвижница Аленушка, крошечка-хаврошечка, мастерица-невеста или какой-нибудь незаможный младший сын, обделенный сперва судьбою Иван Меньшой – разумом большой, они не ждут у моря погоды. Хвать судьбу за гриву и не плошай! О, сказка умеет злодею и прощать – то есть судить вполне «по-христиански»; хотя родилась сказка еще когда-когда, в добиблейские времена, она врожденно знакома с сердечной и возвышенной благодатью, не преминет она и проявить щедрую милость к падшему. Однако и на расправу она, мы уже говорили, весьма крута. Иной раз оторопеешь. А добавьте сюда еще и не столь редкую в сказке и совершенно непрописную, неблагочинную скабрёзность, которую несколько уклончиво называют «пикантной нескромностью». Что с этим делать,

как быть?

Как оно есть у народа-сказителя, так оно и должно быть. Или вам известно что-нибудь более путное и дельное?

Впрочем, что там ссылаться на «мы уже говорили». Умные люди высказались об этом еще много раньше; и перечитать, проверить их честные размышления о нравственном мире нашей сказки сегодня совершенно нелишне.

* * *

«Я недостаточно знаю русские народные сказки, чтобы судить о том, очень ли силен в них элемент жестокости, – пишет, например, Александр Блок (это ноябрь 1915 года). – Что она в них содержится в той или иной мере, во всяком случае, несомненно». И вот наш тонкий, воздушный поэт благостных снов, женских духов и туманов разворачивает бестрепетно-правдивую мысль, достойную воспроизведения целиком.

О тех сказках, где жестоки только подробности, не составляющие сути дела, говорить нечего. Стоит подумать о тех сказках, в которых заключена «жестокость для жестокости»,

так сказать.

Всякая сентиментальность и по отношению к этим сказкам, по-моему, может только повредить. Нельзя ни на минуту забывать о том, прежде всего, что сказки – не так называемое «индивидуалистическое» творчество, что, следовательно, жестокость в них не есть проявление только «безумной прихоти певца», но имеет глубокие корни.

Во-вторых, нельзя забывать о том, что век наш – «железный» и что всякая сентиментальность по отношению к детям в наше время есть великий грех, потому что может развить в них бездеятельность, апатичность, неприспособленность к жизни, следовательно, сделать из них несчастных, безвольных людей.

В-третьих, и в главных, нельзя забывать, что нашим детям предстоит в ближайшем будущем входить во все более тесное общение с народом, потому что будущее России лежит в еле еще тронутых силах народных масс и подземных богатств; песенка всяких уютных «привилегированных» заведений спета, уж поздно рассуждать о том, что их «на наш век

хватит». Дети наши пойдут в технические школы по преимуществу и рано соприкоснутся поэтому с так называемым невежеством, темнотой, цинизмом, жестокостью и т. п.

Имея все это в виду, надо по мере сил объяснять детям все «народное»; на родителях лежит громадная ответственность; если нельзя требовать с них творчества (как нельзя вообще требовать с человека таланта, если бог его обделил талантом), то надо требовать по крайней мере честности; чтобы не закрывали глаз на действительность. Право, если перестать всячески белоручничать, многое «неприглядное» объяснится и окажется на вольном воздухе гораздо более приглядным, чем казалось в четырех стенах.

Все дело, конечно, в мере: нечего совать детям непременно все русские сказки; если не умеете объяснить в них совсем ничего, не давайте злобных и жестоких; но если умеете хоть немного, откройте в этой жестокости хоть ее несчастную, униженную сторону; если же умеете больше, покажите в ней творческое, откройте сторону могучей силы и воли, которая только не знает способа применить

себя и «переливается по жилочкам».

Вот задача, на которую стоит потратить силы; потому что Россия явно требует уже не чиновников, а граждан; а ближайшее будущее России требует граждан-техников и граждан-инженеров; а в какой мере не хватает инженерам и техникам «творческой интуиции», нам показывает печальная действительность; а какое великое возрождение, т. е. сдвиг всех сил, нам предстоит, и до какой степени техника и художественное творчество немыслимы друг без друга (техне по-гречески – искусство), мы скоро увидим, ибо, если мы только выправимся после этого потопа, нам предстоит перенестись как на крыльях в эпоху великого возрождения, проходящего под знаком мужественности и воли.

* * *

Не забудьте перенести это блоковское представление о мере и такте, о бесстрашии, мужестве и прямоте, о вреде трусоватой уклончивости также и в область раздумий о сказке дерзостно-похабной, о ее месте в мире взрослого и в мире ребенка; но что «ребенка» – о ее месте и роли в мире и судьбе вашего

собственного ребенка. Не забудьте, выбирая нужную меру и здесь, осознать нечто чрезвычайно важное художественно, чисто художественно: да, в подобной сказке, при всей ее симпатичной лихости – ведь нет в ней все же столь необходимой для искусства одной-единственной черты: тайны, глубины и загадки. Ибо какая загадка в области чресел? (Кстати, нет в этих «заветных» сказках и приписанных им когда-то «революционной демократией» безбожия, антикрепостничества и т. п.: чресла безыдейны и выбирают себе в предмет посягательства что попа, что попадью, что попову дочку, что любую сударыню-барыню совершенно наобум Лазаря. Они озоруют, и все тут.) И вот тогда – тогда пожалуйста: подбирайте домашнее чтение своим детям, исходя из того, какими вы хотите их видеть – какими девицами и женами-невестами, какими женихами-молодцами и мужьями-семьянинами. Однако же не забудьте и о гораздо большем в словах Блока: чуть не за сто лет до нас он задумался, как неотменима народная сказка, смелая своим подходом к жизни, как она неотменима в условиях неви-

данных испытаний лишениями и бедами, перед чем народы и человечество стоят, очевидно, всегда. Любая народная сказка учит бесстрашию и удали; в любой нашей народной сказке – наш родной народ, хотя бы и с его, pardon, недочетами и шалостями.

* * *

Народное, жизненно-огнедышащее, лихое, удалое, негибаемое, трудовое, непостное и непресное, глубочайше природное и изобильно детородное, простодушно-мощное и благородное, неисчерпаемо загадочное, всемирно ко всему братское, земное и незаемное, чудесно-прелестное, сочное и непорочное, сверхлитературно-прочное, вольное и крылатое, непрописное и неканцелярское – все это извечное и, подчеркнем еще раз, народно человеческое и разумное в силу сверхнаучной таинственности бытия и будущего; все это, загодя данное нам нашей сказкой, совершенно неотменимо и сегодня, и в будущем.

* * *

Русских сказок безмерно больше, чем их когда-то собрал подвижник Александр Афанасьев. Однако безмерно же богато и то, что со-

брано им – как богат народный опыт, как бездонна и загадочна глубина природы, как все-содержательна жизнь в родственном союзе и сотрудничестве с естеством. Ковер-самолет, Крылатый корабль, Сивка-Бурка и Конек-горбунок ничуть не дальше от нашего – а мы его знали воочию – пролетанья над морями и землями в зрелом XX веке, чем самая строгая наука, которая обеспечила эти головокружительные и судьбоносные для всего мира полеты: обеспечила «непосредственно» и чисто интеллектуально-инженерно. Воздать А.Н. Афанасьеву должное – это стать его вдумчивым, верным читателем. (Редкое дело: фольклор – искусство, в принципе, бесписьменное, он есть творчество анонимно-безавторское; однако в случае трехтомника «Народных русских сказок», которому сейчас почти полтора десятилетия, без благодарного упоминания имени его составителя не обойтись.) И возможно, возможно еще большее: из читателя афанасьевских сказок стать усердным сказывателем их – своим детям, своим внукам, их сверстникам-друзьям. Говорят, что это практика уходящая; но вы же, например, читаете

малышам и отрокам наизусть «Песнь о вещем Олеге»? Тогда начните подобное и тут – хотя бы с «Курочки-рябы» и с «Колобка». Начав так, постепенно втянетесь и полюбите это занятие. Итог же очень соблазнителен: оздоровление всего нарождающегося народа чистым русским словом и заключенным в нем умом-разумом.

А вдруг кто-то, тоже воспитанный под сказку, благодаря вам обогатит весь мир каким-нибудь, не слабее пушкинского, шедевром?

Читаете вы детям не по книге – хотя из книги взяли и выучили – также и про наше Лукоморье? Его самое время под занавес упомянуть.

*У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.*

*Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках*

Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чах-
нет;
Там русский дух... там Русью пах-
нет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.

Вот он и вопрос о Лукоморье. Почему оно?
Да потому, что воспето Пушкиным вслед за

народом-сказителем, потому что земной рай,
потому что край нашенский, потому что со-
кровищница и скатерть-самобранка ума-разу-
ма и диво-красот.

С. Небольсин

Народные русские сказки

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК

Жил себе дед да баба. Дед говорит бабе: «Ты, баба, пеки пироги, а я поеду за рыбой». Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая. «Вот будет подарок жене», – сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Пovyбросала всю рыбу, и сама ушла.

«Ну, старуха, – говорит дед, – какой воротник привез я тебе на шубу». – «Где?» – «Там, на возу, – и рыба и воротник». Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: «Ах ты, старый хрен! Такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!» Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая; погоревал,

погоревал, да делать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе. Навстречу ей идет волк: «Здравствуй, кумушка!» – «Здравствуй, куманек!» – «Дай мне рыбки!» – «Налови сам, да и ешь». – «Я не умею». – «Эка, ведь я же наловила; ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь – рыба сама на хвост нацепляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь».

Волк пошел на реку, опустил хвост в прорубь; дело-то было зимою. Уж он сидел, сидел, целую ночь просидел, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» – думает он. Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого: «Волк, волк! Бейте его! Бейте его!» Прибежали и начали колотить волка – кто коромыслом, кто ведром, чем кто попало. Волк прыгал-прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать. «Хорошо же, – думает, – уж я тебе отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотела попробовать, не удастся ли еще что-

нибудь стянуть; забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу: «Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!» – «Эх, куманек, – говорит лисичка-сестричка, – у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь». – «И то правда, – говорит волк, – где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя довезу». Лисичка села ему на спину, он ее и понес. Вот лисичка-сестричка сидит, да потихоньку и говорит: «Битый небитого везет, битый небитого везет». – «Что ты, кумушка, говоришь?» – «Я, куманек, говорю: битый битого везет». – «Так, кумушка, так!»

«Давай, куманек, построим себе хатки». – «Давай, кумушка!» – «Я себе построю лубяную, а ты себе ледяную». Принялись за работу, сделали себе хатки: лисичке – лубяную, а волку – ледяную, и живут в них. Пришла весна, волчья хатка и растаяла. «А, кумушка! – говорит волк. – Ты меня опять обманула, надо тебя за это съесть». – «Пойдем, куманек, еще поконаемся, кому-то кого достанется есть». Вот лисичка-сестричка привела его в лес к глубокой

яме и говорит: «Прыгай! Если ты перепрыгнешь через яму – тебе меня есть, а не перепрыгнешь – мне тебя есть». Волк прыгнул и попал в яму. «Ну, – говорит лисичка, – сиди же тут!» – и сама ушла.

Идет она, несет скалочку в лапках и просит к мужичку в избу: «Пусти лисичку-сестричку переночевать». – «У нас и без тебя тесно». – «Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а после спрашивает: «Где же моя скалочка? Я за нее и гусочку не возьму!» Мужик – делать нечего – отдал ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идет и поет:

*Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку – гусочку!*

Стук, стук, стук! – стучится она в избу к другому мужику. «Кто там?» – «Я – лисичка-сестричка, пустите переночевать». – «У нас и без тебя тесно». – «Я не потесню вас; сама

ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку. Рано утром она вскочила, схватила гусочку, ощипала ее, съела и говорит: «Где же моя гусочка? Я за нее индюшечку не возьму!» Мужик – делать нечего – отдал ей за гусочку индюшечку; взяла лисичка индюшечку, идет и поет:

*Ишла лисичка-сестричка по до-
рожке.*

*Несла скалочку;
За скалочку – гусочку,
За гусочку – индюшечку!*

Стук, стук, стук! – стучится она в избу к третьему мужику. «Кто там?» – «Я – лисичка-сестричка, пустите переночевать». – «У нас и без тебя тесно». – «Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку». Ее пустили. Вот она легла на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку. Рано утром лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощипала ее, съела и говорит: «Где же моя индюшечка? Я за нее не возьму и невесточку!» Мужик – делать нече-

го – отдал ей за индюшечку невесточку; лисичка посадила ее в мешок, идет и поет:

*Ишла лисичка-сестричка по до-
рожке,
Несла скалочку;
За скалочку – гусочку,
За гусочку – индюшечку,
За индюшечку – невесточку!*

Стук, стук, стук! – стучится она в избу к четвертому мужику. «Кто там?» – «Я – лисичка-сестричка, пустите переночевать». – «У нас и без тебя тесно». – «Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку». Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку. Мужик потихоньку выпустил из мешка невесточку, а впихал туда собаку. Вот поутру лисичка-сестричка собралась в дорогу, взяла мешок, идет и говорит: «Невесточка, пой песни!», а собака как зарычит. Лисичка испугалась, как шваркнет мешок с собакою да бежать.

Вот бежит лисичка и видит: на воротах сидит петушок. Она ему и говорит: «Петушок, петушок! Слезь сюда, я тебя исповедаю: у тебя

семьдесят жен, ты завсегда грешон». Петух слез; она хватъ его и скушала.

* * *

Ехал лесом мужичок со снетками. Лисица накрала снеточков мужика, склала в кувшинчик, да и села под стог пообедать. Бежит голодный волк. «Кума, кума, что ты ешь?» – говорит он, увидав лису. «Снеточки», – отвечает она. «Дай-ка мне!» – «Сам налови». – «Да я не умею», – говорит волк. «А вот кувшин, надень на хвост, да и пусти в прорубь». Послушался волк, а лисица говорит про себя: «Ясни, ясни на небе звезды! Мерзни, волчий хвост!»

Сама побежала в деревню, попалась в одной избе в квашню головой и подняла тревогу. Бежит лисица из деревни прямо на волка, а за лисицей народ. Волк от страху ну рваться, а хвост-от примерз; насилу полхвоста оторвал. Нагоняет волк лисицу в лесу, а та прикинулась хворой. «Ах, кум! – говорит. – Всю головушку избили, мочи нет идти». – «Так садись, кума, на меня», – говорит волк. Вот и едет лисица на волке, сама попевает: «Битый небитого везет!» – «Что ты, кума, говоришь?» – спрашивает волк. «Брежу, кума-

нек!» – отвечает лисица, а сама, воровка, допекает: «У битого гузка болит!»

Вот те сказка, а мне кринка масла.

* * *

Вот в одной деревне на задворье стояли зимой стога сена, и на один из них взобралась лисица; она промыслила где-то рыбки и кушала себе. Тут же случилось проходить ночью волку. Он увидал лису и сказал ей: «Здорово, кумушка!» – «Здравствуй, куманек», – отвечала она. «Что ты ешь?» – «Рыбку». – «Да где ты взяла?» – «Наловила в пруде». – «Каким бы то способом?» – «Коли хочешь, научу». – «Спасибо скажу». – «Ну, пойдём».

И повела кума к проруби: «Вот садись и хвост опусти в воду, а рыбка и всползет на него греться». Кум сел и хвост опустил в прорубь, а кума ворчит: «Ясни, ясни на небе! Мерзни, мерзни, волчий хвост!» – «Да что ты, кума, говоришь?» – «И, батько, скликаю рыбку-то тебе». – «Ну, спасибо!»

Когда лиса увидела, что прорубь замерзла, она сказала: «Побегу в деревню за медом». Побежала, и след ее простыл. А обманутого волка с примерзлым хвостом увидали на пруде

мужики и убили его. Я там был, мед пил, по усам текло, да в рот не кануло.

*За лапоток – курочку,
за курочку – гусочку*

Шла лиса по дорожке и нашла лапоток, пришла к мужику и просится: «Хозяин,пусти меня ночевать». Он говорит: «Некуда, лисонька! Тесно!» – «Да много ли нужно мне места! Я сама на лавку, а хвост под лавку». Пустили ее ночевать; она и говорит: «Положите мой лапоток к вашим курочкам». Положили, а лисонька ночью встала и забросила свой лапоть. Поутру встают, она и спрашивает свой лапоть, а хозяева говорят: «Лисонька, ведь он пропал!» – «Ну, отдайте мне за него курочку».

Взяла курочку, приходит в другой дом и просит, чтоб ее курочку посадили к хозяйским гуськам. Ночью лиса припрятала курочку и получила за нее утром гуська. Приходит в новый дом, просится ночевать и говорит, чтоб ее гуська посадили к барашкам; опять схитрила, взяла за гуська барашка и пошла еще в один дом. Осталась ночевать и просит посадить ее барашка к хозяйским бычкам.

Ночью лисонька украдала и барашка, а поутру требует, чтобы за него отдали ей бычка.

Всех – и курочку, и гуська, и барашка, и бычка – она передушила, мясо припрятала, а шкуру бычка набила соломой и поставила на дороге. Идет медведь с волком, а лиса говорит: «Подите, украдьте сани да поедemте кататься». Вот они украли и сани и хомут, впрягли бычка, сели все в сани; лиса стала править и кричит: «Шню, шню, бычок, соломенный бочок! Сани чужие, хомут не свой, погоняй – не стой!» Бычок нейдет. Она выпрыгнула из саней и закричала: «Оставайтесь, дураки!», а сама ушла. Медведь с волком обрадовались добыче и ну рвать бычка; рвали-рвали, видят, что одна шкура да солома, покачали головами и разошлись по домам.

ЛИСА, ЗАЯЦ И ПЕТУХ

Жили-были лиса да заяц. У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная; пришла весна красна – у лисицы растаяла, а у зайчика стоит по-старому. Лиса попросилась у зайчика погреться, да зайчика-то и выгнала. Идет дорогой зайчик да плачет, а ему навстречу собаки: «Тяф, тяф, тяф! Про что, зайчик, плачешь?» А зайчик говорит: «Отстаньте, собаки! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная, попросилась она ко мне, да меня и выгнала». – «Не плачь, зайчик! – говорят собаки. – Мы ее выгоним». – «Нет, не выгоните!» – «Нет, выгоним!» Подошли к избенке: «Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!» А она им с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!» Собаки испугались и ушли.

Зайчик опять идет да плачет. Ему навстречу медведь: «О чем, зайчик, плачешь?» А зайчик говорит: «Отстань, медведь! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала». – «Не плачь, зайчик! – говорит

медведь. – Я выгоню ее». – «Нет, не выгонишь! Собаки гнали – не выгнали, и ты не выгонишь». – «Нет, выгоню!» Пошли гнать: «Поди, лиса, вон!» А она с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!» Медведь испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему на встречу бык: «Про что, зайчик, плачешь?» – «Отстань, бык! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала». – «Пойдем, я ее выгоню». – «Нет, бык, не выгонишь! Собаки гнали – не выгнали, медведь гнал – не выгнал, и ты не выгонишь». – «Нет, выгоню». Подошли к избенке: «Поди, лиса, вон!» А она с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!» Бык испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему на встречу петух с косой: «Кукуреку! О чем, зайчик, плачешь?» – «Отстань, петух! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала». – «Пойдем, я выгоню». – «Нет, не выгонишь! Собаки гнали – не выгнали,

медведь гнал – не выгнал, бык гнал – не выгнал, и ты не выгонишь». – «Нет, выгоню!» Подошли к избенке. «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» А она услышала, испугалась, говорит: «Одеваюсь...» Петух опять: «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» А она говорит: «Шубу надеваю». Петух в третий раз: «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» Лисица убежала; он ее зарубил косой-то и стал с зайчиком жить да поживать да добра наживать.

Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА

Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши. На зоре прибежала она в деревню, вошла на двор к мужику и полезла на насесть к курам. Только что подкралась и хотела схватить одну курицу, а петуху пришло время петть: вдруг он крыльями захлопал, ногами затопал и закричал во все горло. Лиса с насести-то так со страху полетела, что недели три лежала в лихорадке.

Вот раз вздумалось петуху пойти в лес – разгуляться, а лисица уж давно его стережет; спряталась за куст и поджидает, скоро ли петух подойдет. А петух увидел сухое дерево, взлетел на него и сидит себе. В то время лисе скучно показалось дожидаться, захотелось сманить петуха с дерева; вот думала, думала, да и придумала: дай прельщу его. Подходит к дереву и стала здоровкаться: «Здравствуй, Петенька![2]» – «Зачем ее лукавый занес?» – думает петух. А лиса приступает с своими хитростями: «Я тебе, Петенька, добра хочу – на истинный путь наставить и разуму научить.

Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жен, а на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму».

Петух стал спускаться ниже и ниже и попал прямо лисе в лапы. Схватила его лиса и говорит: «Теперь я задам тебе жару! Ты у меня за все ответишь; попомнишь, блудник и пакостник, про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю темную ночь приходила и хотела попользоваться одним куренком, а я в то время три дня ничего не ела, и ты крыльями захлопал и ногами затопал!..» – «Ах, лиса! – говорит петух. – Ласковые твои словеса, премудрая княгиня! Вот у нашего архиерея скоро пир будет; в то время стану я просить, чтоб тебя сделали просвирнею, и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны[3] сладкие, и пойдет про нас слава добрая». Лиса распустила лапы, а петух порх на дубок.

* * *

Зело удивительно: шла лисица из дальних пустынь. Завидевши петуха на высокоем древе, говорит ему ласковые словеса: «О милое мое чадо, петел! Сидишь ты на высокоем древе

да мыслишь ты мысли недобрые, проклятые; вы держите жен помногу: кто держит десять, кто – двадцать, инный – тридцать, прибывает со временем до сорока! Где сойдетесь, тут и деретесь о своих женах, как о наложницах. Сниди, милое мое чадо, на землю да покайся! Я шла из дальних пустынь, не пила, не ела, много нужды претерпела; все тебя, мое милое чадо, исповедать хотела». – «О мати моя, лисица! Я не постился и не молился; приди в иное время». – «О милое мое чадо, петел! Не постился и не молился, но сниди на землю, покайся, да не во грехах умреш». – «О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Не осуждайте друг друга, и сами не осуждены будете; кто что посеял, тот и пожнет. Хочешь ты меня силой к покаянию привести и не спасти, а тело мое пожрать». – «О милое мое чадо, петел! Почто ты такую речь говоришь? Почто я учиню так? Читывал ли ты притчу про мытаря и фарисея, как мытарь спасся, а фарисей погиб за гордость? Ты, мое милое чадо, без покаяния на высокоем древе погибнешь. Сниди на землю пониже, будешь к покаянию поближе; про-

щен и разрешен и до царствия небесного допущен».

Узнал петух на своей душе тяжкий грех, умилился и прослезился и стал спускаться с ветки на ветку, с прутка на пруток, с сучка на сучок, с пенька на пенек; спустился петел на землю и сел перед лисицу. Скочила лисица, яко лукавая птица, схватила петуха в свои острые когти, зрит на него свирепыми глазами, скрежещет острыми зубами; хочет, как некоего беззаконника, жива пожрать.

И рече петел лисице: «О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Ты ли меня спасешь, как тело мое пожрешь?» – «Не дорого твое тело и цветное платье, да дорого отплатить некую дружбу. Помнишь ли ты? Я шла ко крестьянину, хотела малого куренка съесть; а ты, дурак, бездельник, сидишь на высоких седалах, закричал-завопил велиим гласом, ногами затопал, крыльями замахал; тогда курицы заговорили, гуси загоготали, собаки залаяли, жеребцы заржали, коровы замычали. Услыхали все мужики и бабы: бабы прибежали с помелами, а мужики с топорами и хотели мне за куренка

смерть учинить; а сова у них из рода в род пребывает и всегда курят поедает. А тебе, дурак, бездельник, не быть теперь живому!»

Рече петух лисице: «О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Вчерашнего числа звали меня ко Трунчинскому митрополиту во дьяки, выхваляли всем крылосом и собором: хорош молодец, изряден, горазд книги читать, и голос хорош. Не могу ли тебя, мати моя лисица, упротить своим прошеньем хоть в просвирни? Тут нам будет велик доход: станут нам давать сладкие просвиры, большие перепечи,[4] и масличко, и яички, и сырчики». Узнала лисица петушиный признак (sic), отпустила петуха из своих когтей послабже. Вырвался петух, взлетел на высокое древо, закричал-завопил велиим гласом: «Дорогая боярыня просвирия, здравствуй! Велик ли доход, сладки ли просвиры? Не стерла ли горб, нося перепечи? Не охоча ли, ворогуша,[5] до орехов? Да есть ли у тебя зубы?»

Пошла лисица в лес, яко долгий бес, и возрыда горько: «Сколько-де я по земле не бывала, а такой срамоты отроду не видала. Ко-

гда бывают петухи в дьяконах, лисицы в про-
свирнях!» Ему же слава и держава отныне и
до веку, и сказке конец.

СТАРИК ЛЕЗЕТ НА НЕБО

Жил старик и старуха. Старик катал, катал
одну горошину. Она и упала наземь; ис-
кали, искали, не могли найти с неделю. Ми-
нула неделя, и увидели старик да старуха, что
горошина дала росток; стали ее поливать, го-
рошина взяла расти выше избы.

Горох поспел, и полез старик по горох, на-
щипал большой узел и стал слезать по кити-
не.[6] У старика узел упал и старуху убил; тем
и кончилось.

СТАРИК НА НЕБЕ

Жил дед да баба, и была у них хата. Посадили дед бобинку, а баба горошинку под стол. Горошинку поклевала курица а бобинка выросла под самый стол; приняла стол, она еще выше выросла, сняли накат, крышу – все растет и выросла под самое небо. Дед полез на небо; лез, лез – стоит хатка, стены из блинов, лавки из калачей, печка из творогу, вымазана маслом. Он принялся есть, наелся и лег на печку отдыхать.

Приходят двенадцать сестер-коз; у одной один глаз, у другой два, у третьей три, и так дальше; у последней двенадцать. Увидали, что кто-то попробовал их хатку, выправили ее и, уходя, оставили стеречь одноглазую. На другой день дед опять полез туда же, увидел одноглазую и стал приговаривать: «Спи, очко, спи!» Коза заснула, он наелся и ушел. На следующий день сторожила двуглазая, потом трехглазая, и так дальше. Дед приговаривал: «Спи, очко, спи, другое, спи, третье! и проч.». Но на двенадцатой козе сбился, заговорил только одиннадцать глаз; коза увидала его

двенадцатым и поймала.

МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Пахал мужик ниву, пришел к нему медведь и говорит ему: «Мужик, я тебя сломаю!» – «Нет, не замай (не трогай); я вот сею репу, себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки». «Быть так, – сказал медведь, – а коли обманешь – так в лес по дрова ко мне хоть не езд!» Сказал и ушел в дуброву. Пришло время: мужик репу копает, а медведь из дубровы вылезает. «Ну, мужик, давай делить!» – «Ладно, медведюшка! Давай я привезу тебе вершки», – и отвез ему воз ботвы.

Медведь остался доволен честным разделом. Вот мужик наклак свою репу на воз и повез в город продавать, а навстречу ему медведь: «Мужик, куда ты едешь?» – «А вот, медведюшка, еду в город корешки продавать». – «Дай-ка попробовать, каков корешок!» Мужик дал ему репу. Медведь как съел – «а-а, – заревел, – ты меня обманул, мужик! Корешки твои сладеньки. Теперь не езжай ко мне по дрова, а то задеру!» Мужик воротился из города и боится ехать в лес; пожег и полочки,

и лавочки, и кадочки, наконец делать нечего – надо в лес ехать.

Въезжает потихонечку; откуда ни возьмись бежит лисица. «Что ты, мужичок, – спрашивает она, – так тихо бредешь?» – «Боясь медведя, сердит на меня, обещал задрать». – «Небось медведя, руби дрова, а я стану порскать;[7] коли спросит медведь: что такое? скажи: ловят волков и медведей». Мужик принялся рубить; глядь – ан медведь бежит и мужику кричит: «Эй, старик! Что это за крик?» Мужик говорит: «Волков ловят да медведей». – «Ох, мужичок, положи меня в сани, закидай дровами да увяжи веревкой; авось подумают, что колода лежит». Мужик положил его в сани, увязал веревкою и давай обухом гвоздить его в голову, пока медведь совсем окочурился.[8]

Прибежала лиса и говорит: «Где медведь?» – «А вот, околел!» – «Ну что ж, мужичок, теперь нужно меня угостить». – «Изволь, лисонька! Поедем ко мне, я тебя угощу». Мужик едет, а лиса вперед бежит; стал мужик подъезжать к дому, свистнул своим собакам и притравил лисицу. Лиса пустилась к лесу и

юрк в нору; спряталась в норе и спрашивает: «Ох вы, мои глазоньки, что вы смотрели, когда я бежала?» – «Ох, лисонька, мы смотрели, чтоб ты не спотыкнулась». – «А вы, ушки, что делали?» – «А мы всё слушали, далеко ли псы гонят». – «А ты, хвост, что делал?» – «Я-то, – сказал хвост, – все мотался под ногами, чтоб ты запуталась, да упала, да к собакам в зубы попала». – «А-а, каналья! Так пусть же тебя собаки едят». И, высунув из норы свой хвост, лиса закричала: «Ешьте, собаки, лисий хвост!» Собаки за хвост потащили и лисицу закамшили.[9] Так часто бывает: от хвоста и голова пропадает.

* * *

У мужика с медведем была большая дружба. Вот и вздумали они репу сеять; посеяли и начали уговариваться, кому что брать. Мужик сказал: «Мне корешок, тебе, Миша, вершок». Выросла у них репа; мужик взял себе корешки, а Миша вершки. Видит Миша, что ошибся, и говорит мужику: «Ты, брат, меня надул! Когда будем еще что-нибудь сеять, уж меня так не проведешь».

Прошел год. Мужик и говорит медведю:

«Давай, Миша, сеять пшеницу». – «Давай», – говорит Миша. Вот и посеяли они пшеницу. Созрела пшеница; мужик и говорит: «Теперь ты что возьмешь, Миша? Корешок али вершок?» – «Нет, брат, теперь меня не надуешь! Подавай мне корешок, а себе бери вершок». Вот собрали они пшеницу и разделили. Мужик намолотил пшеницы, напек себе ситников[10] пришел к Мише и говорит ему: «Вот, Миша, какая верхушка-то». – «Ну, мужик, – говорит медведь, – я теперь на тебя сердит, съем тебя!» Мужик отошел и заплакал.

Вот идет лиса и говорит мужику: «Что ты плачешь?» – «Как мне не плакать, как не тужить? Меня медведь хочет съесть». – «Не бойся, дядя, не съест!» – и пошла сама в кустья, а мужику велела стоять на том же месте; вышла оттуда и спрашивает: «Мужик, нет ли здесь волков-бирюков, медведёв?» А медведь подошел к мужику и говорит: «Ой, мужик, не сказывай, не буду тебя есть». Мужик говорит лисе: «Нету!» Лиса засмеялась и сказала: «А у телеги-то что лежит?» Медведь потихоньку говорит мужику: «Скажи, что колода». – «Кабы была колода, – отвечает лиса, – она бы на

телеге была увязана!» – а сама убежала опять в кустья. Медведь сказал мужику: «Свяжи меня и положи в телегу». Мужик так и сделал.

Вот лиса опять воротилась и спрашивает мужика: «Мужик, нет ли у тебя тут волков-бiryюков, медведёв?» – «Нету!» – сказал мужик. «А на телеге-то что лежит?» – «Колода». – «Кабы была колода, в нее бы топор был воткнут!» Медведь и говорит мужику потихоньку: «Воткни в меня топор». Мужик воткнул ему топор в спину, и медведь издох. Вот лиса и говорит мужику: «Что теперь, мужик, ты мне за работу дашь?» – «Дам тебе пару белых кур, а ты неси – не гляди».

Она взяла у мужика мешок и пошла; несла-несла и думает: «Дай погляжу!» Глянула, а там две белые собаки. Собаки как выскочут из мешка-то да за нею. Лиса от них бегла, бегла, да под пенек в нору и ушла и, сидя там, говорит с собою: «Что вы, ушки, делали?» – «Мы всё слушали». – «А вы, ножки, что делали?» – «Мы всё бежали». – «А вы, глазки?» – «Мы всё глядели». – «А ты, хвост?» – «Я все мешал тебе бежать». – «А, ты все мешал! Постой же, я тебе дам!» – и высунула хвост собакам. Собаки

за него ухватились, вытащили лису и разорвали.

СТАРАЯ ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ

Попался было бирюк[11] в капкан, да кое-как вырвался и стал пробираться в глухую сторону. Завидели его охотники и стали следить. Пришлось бирюку бежать через дорогу, а на ту пору шел по дороге с поля мужик с мешком и цепом. Бирюк к нему: «Сделай милость, мужичок, схорони меня в мешок! За мной охотники гонят». Мужик согласился, запрягал его в мешок, завязал и взвалил на плечи. Идет дальше, а навстречу ему охотники. «Не видал ли, мужичок, бирюка?» – спрашивают они. «Нет, не видал!» – отвечает мужик.

Охотники поскакали вперед и скрылись из виду. «Что, ушли мои злодеи?» – спросил бирюк. «Ушли». – «Ну, теперь выпусти меня на волю». Мужик развязал мешок и выпустил его на вольный свет. Бирюк сказал: «А что, мужик, я тебя съем!» – «Ах, бирюк, бирюк! Я тебя из какой неволи выручил, а ты меня съесть хочешь!» – «Старая хлеб-соль забывается», – отвечал бирюк. Мужик видит, что де-

ло-то плохо, и говорит: «Ну, коли так, пойдём дальше, и если первый, кто с нами встретится, скажет по-твоему, что старая хлеб-соль забывается, тогда делать нечего – съешь меня!»

Пошли они дальше. Повстречалась им старая кобыла. Мужик к ней с вопросом: «Сделай милость, кобылушка-матушка, рассуди нас! Вот я бирюка из большой неволи выручил, а он хочет меня съесть!» – и рассказал ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и сказала: «Я жила у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, изо всех сил на него работала, а как стала стара и пришло мне неважко работать – он взял да и стащил меня под яр;[12] уж я лезла, лезла, насилиу вылезла, и теперь вот плетусь, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!» – «Видишь, моя правда!» – молвил бирюк.

Мужик опечалился и стал просить бирюка, чтоб подождал до другой встречи. Бирюк согласился и на это. Повстречалась им старая собака. Мужик к ней с тем же вопросом. Собака подумала-подумала и сказала: «Служила я хозяину двадцать лет, оберегала его дом и скотину, а как состарилась и перестала бре-

хать,[13] – он прогнал меня со двора, и вот плетусь я, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!» – «Ну, видишь, моя правда!» Мужик еще пуще опечалился и упросил бирюка обождать до третьей встречи: «А там делай как знаешь, коли хлеба-соли моей не попомнишь».

В третий раз повстречалась им лиса. Мужик повторил ей свой вопрос. Лиса стала спорить: «Да как это можно, чтобы бирюк, этакая большая туша, мог поместиться в таком малом мешке?» И бирюк и мужик побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не верила и сказала: «А ну-ка, мужичок, покажь, как ты сажал его в мешок-то!» Мужик расставил мешок, а бирюк всунул туда голову. Лиса закричала: «Да разве ты одну голову прятал в мешок?» Бирюк влез совсем. «Ну-ка, мужичок, – продолжала лиса, – покажи, как ты его завязывал?» Мужик завязал. «Ну-ка, мужичок, как ты в поле хлеб-то молотил?» Мужик начал молотить цепом по мешку. «Ну-ка, мужичок, как ты отворачивал?» Мужик стал отворачивать да задел лису по голове и убил ее до смерти, приговаривая: «Старая хлеб-соль

забывается!»

ОВЦА, ЛИСА И ВОЛК

У крестьянина из гурта бежала овца. На встречу ей попалась лиса и спрашивает: «Куда тебя, кумушка, бог несет?» – «О-их, кума! Была я у мужика в гурте, да житья мне не стало: где баран сдурит, а все я, овца, виновата! Вот и вздумала уйти куды глаза глядят». – «И я тоже! – отвечала лиса. – Где муж мой курочку словит, а все я, лиса, виновата. Побегим-ка вместе». Через несколько времени повстречался им бирюк. «Здорово, кума!» – «Здравствуй!» – говорит лиса. «Далече ли бредешь?» Она в ответ: «Куда глаза глядят!» – да как рассказала про свое горе, бирюк молвил: «И я также! Где волчица зарежет ягненка, а все я, бирюк, виноват. Пойдемте-ка вместе».

Пошли. Дорогою бирюк и говорит овце: «А что, овца, ведь на тебе тулуп-то мой?» Лиса услышала и подхватила: «Взаправду, кум, твой?» – «Верно, мой!» – «Побожишься?» – «Побожусь!» – «К присяге пойдешь?» – «Пойду». – «Ну, иди, целуй присягу». Тут лиса сметила, что мужики на тропинке поставили

капкан; она привела бирюка к самому капкану и говорит: «Ну, вот здесь целуй!» Только что сунулся бирюк сдуру – а капкан щелкнул и ухватил его за морду. Лиса с овцой тотчас убежали от него подобру-поздорову.

ЗВЕРИ В ЯМЕ

Шла свинья в Питер богу молиться. Попадаетея ей волк навстречу: «Свинья, свинья, куда идешь?» – «В Питер, богу молиться». – «Возьми и меня». – «Пойдем, куманек!» Шли-шли, попадаетея лиса навстречу: «Свинья, свинья, куда идешь?» – «В Питер, богу молиться». – «Возьми и меня». – «Иди, кума!» Шли они, шли, попадаетея им заяц: «Свинья, свинья, куда идешь?» – «В Питер, богу молиться». – «Возьми и меня с собой». – «Ступай, косой!» Потом выпросилась еще белка, и вот они шли-шли... Глядь – на дороге яма глубокая и широкая; свинья прыгнула и попала в яму, а за ней и волк, и лиса, и заяц, и белка.

Долго они сидели, сильно проголодались – есть-то нечего. Лиса и придумала: «Давайте, – говорит, – тянуть: кто всех тоньше запоет, того и скушаем». Волк затянул толстым голо-

сом: «О-о-о!» Свинья немного помягче: «У-у-у!» Лиса и того мягче: «Э-э-э!», а заяц с белкою тонким голоском: «И-и-и!» Тотчас разорвали звери зайца да белку и съели со всеми косточками. На другой день лиса опять говорит: «Кто толще всех запоет, того и скушаем». Волк всех толще затянул: «О-о-о!», ну, его и съели.

Лиса мясо скушала, а кишочки под себя спрятала. Дня через три сидит да ест себе кишочки; свинья и спрашивает: «Что ты, кума, кушаешь? Дай-ка мне». – «Эх, свинья! Ведь я свои кишочки таскаю; разорви и ты свое брюхо, таскай кишочки и закусывай». Свинья то и сделала, разорвала свое брюхо и досталась лисе на обед. Осталась лиса одна-одинехонька в яме; вылезла ль она оттудова или и теперь там сидит, право, не ведаю.

* * *

Жил себе старик со старушкой, и у них только и было имения, что один боров. Пошел боров в лес желуди есть. Навстречу ему идет волк. «Боров, боров, куда ты идешь?» – «В лес желуди есть». – «Возьми меня с собою». – «Я бы взял, – говорит, – тебя с собою, да там яма

есть глубока, широка, ты не перепрыгнешь». – «Ничего, – говорит, – перепрыгну». Вот и пошли; шли-шли по лесу и пришли к этой яме. «Ну, – говорит волк, – прыгай». Боров прыгнул – перепрыгнул. Волк прыгнул, да прямо в яму. Ну, потом боров наелся желудей и отправился домой.

На другой день опять идет боров в лес. Навстречу ему медведь. «Боров, боров, куда ты идешь?» – «В лес, желуди есть». – «Возьми, – говорит медведь, – меня с собою». – «Я бы взял тебя, да там яма глубока, широка, ты не перепрыгнешь». – «Небось, – говорит, – перепрыгну». Подошли к этой яме. Боров прыгнул – перепрыгнул; медведь прыгнул – прямо в яму угодил. Боров наелся желудей, отправился домой.

На третий день боров опять пошел в лес желуди есть. Навстречу ему косой заяц. «Здравствуй, боров!» – «Здравствуй, косой заяц!» – «Куда ты идешь?» – «В лес, желуди есть». – «Возьми меня с собою». – «Нет, косой, там яма есть широка, глубока, ты не перепрыгнешь». – «Вот не перепрыгну, как не перепрыгнуть!» Пошли и пришли к яме. Боров

прыгнул – перепрыгнул. Заяц прыгнул – попал в яму. Ну, боров наелся желудей, отправился домой.

На четвертый день идет боров в лес желудди есть. Навстречу ему лисица; тоже просится, чтоб взял ее боров с собою. «Нет, – говорит боров, – там яма есть глубока, широка, ты не перепрыгнешь». – «И-и, – говорит лисица, – перепрыгну!» Ну, и она попала в яму. Вот их набралось там в яме четверо, и стали они горевать, как им еду добывать.

Лисица и говорит: «Давайте-ка голос тянуть; кто не встанет – того и есть станем». Вот начала тянуть голос; один заяц отстал, а лисица всех перетянула. Взяли зайца, разорвали и съели. Проголодались и опять стали уговариваться голос тянуть; кто отстанет – чтоб того и есть. «Если, – говорит лисица, – я отстану, то и меня есть, все равно!» Начали тянуть; только волк отстал, не мог встать голос. Лисица с медведем взяли его, разорвали и съели.

Только лисица надула[14] медведя: дала ему немного мяса, а остальное припрятала от него ест себе потихоньку. Вот медведь начи-

нает опять голодать и говорит: «Кума, кума, где ты берешь себе еду?» – «Экой ты, кум! Ты возьми-ка просунь себе лапу в ребра, зацепись за ребро – так и узнаешь, как есть». Медведь так и сделал, зацепил себя лапой за ребро, да и околел. Лисица осталась одна. После этого, убравши медведя, начала лисица голодать.

Над этой ямой стояло древо, на этом древе висел дрозд гнездо. Лисица сидела, сидела в яме, все на дрозда смотрела и говорит ему: «Дрозд, дрозд, что ты делаешь?» – «Гнездовью». – «Для чего ты вьешь?» – «Детей выведу». – «Дрозд, накорми меня, если не накормишь – я твоих детей поем». Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу ему накормить. Полетел в село, принес ей курицу. Лисица курицу убрала и говорит опять: «Дрозд, дрозд, ты меня накормил?» – «Накормил». – «Ну, напои ж меня». Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу напоить. Полетел в село, принес ей воды. Напилась лисица и говорит: «Дрозд, дрозд, ты меня накормил?» – «Накормил». – «Ты меня напоил?» – «Напоил». – «Вытащи ж меня из ямы».

Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу вынимать. Вот начал он палки в яму метать; наметал так, что лисица выбралась по этим палкам на волю и возле самого дерева легла – протянулась. «Ну, – говорит, – накормил ты меня, дрозд?» – «Накормил». – «Напоил ты меня?» – «Напоил». – «Вытащил ты меня из ямы?» – «Вытащил». – «Ну, рассмеши же меня теперь». Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу рассмешить. «Я, – говорит он, – полечу, а ты, лиса, иди за мною». Вот хорошо – полетел дрозд в село, сел на ворота к богатому мужику, а лисица легла под воротами. Дрозд и начал кричать: «Бабка, бабка, принеси мне сала кусок! Бабка, бабка, принеси мне сала кусок!» Выскочили собаки и разорвали лисицу.

Я там была, мед-вино пила, по губам текло, в рот не попало. Дали мне синий кафтан; я пошла, а вороны летят да кричат: «Синь кафтан, синь кафтан!» Я думала: «Скинь кафтан», взяла да и скинула. Дали мне красный шлык. Вороны летят да кричат: «Красный шлык, красный шлык!» Я думала, что «краденый шлык», скинула – и осталась ни с чем.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Лиса с журавлем подружилась, даже покумилась с ним у кого-то на родинах.

Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости: «Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я как тебя угощу!» Идет журавль на званный пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчевает: «Покушай, мой голубчик-куманек! Сама стряпала». Журавль хлоп-хлоп носом, стучал, стучал, ничего не попадает! А лисица в это время лижет себе да лижет кашу, так всю сама и скушала.

Каша съедена; лисица говорит: «Не бессудь, любезный кум! Больше потчевать нечем». – «Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости».

На другой день приходит лиса, а журавль приготовил крошку, наклал в кувшин с малым горлышком, поставил на стол и говорит: «Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать». Лиса начала вертеться вокруг кувшина, и так зайдет и этак, и лизнет его, и понюхает-то, все ничего не достанет! Не лезет

голова в кувшин. А журавль меж тем клюет себе да клюет, пока все поел. «Ну, не бессудь, кума! Больше угощать нечем». Взяла лису до сада, думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла как несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось! С тех пор и дружба у лисы с журавлем врозь.

КОЛОБОК[15]

Жил-был старик со старухою. Просит старик: «Испеки, старуха, колобок». – «Из чего печь-то? Муки нету». – «Э-эх, старуха! По коробу[16] поскреби, по сусеку[17] помети; авось муки и наберется».

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, и набралось муки пригоршни с две. Замесила на сметане, изжарила в масле и положила на окошечко постудить.

Колобок полежал-полежал, да вдруг и покатился – с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

Катится колобок по дороге, а навстречу

ему заяц: «Колобок, колобок! Я тебя съем». – «Не ешь меня, косой зайчик! Я тебе песенку спою», – сказал колобок и запел:

*Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон.[18]
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
У тебя, зайца, не хитро уйти!*

И покатился себе дальше; только заяц его и видел!..

Катится колобок, а навстречу ему волк: «Колобок, колобок! Я тебя съем!» – «Не ешь меня, серый волк! Я тебе песенку спою!»

*Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
У тебя, волка, не хитро уйти!*

И покатился себе дальше; только волк его и видел!..

Катится колобок, а навстречу ему медведь: «Колобок, колобок! Я тебя съем». – «Где тебе, косолапому, съесть меня!»

*Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
Я у волка ушел,
У тебя, медведь, не хитро уйти!*

И опять укатился; только медведь его и видел!..

Катится, катится колобок, а навстречу ему лиса: «Здравствуй, колобок! Какой ты хорошенький». А колобок запел:

*Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,*

*Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
Я у волка ушел,
У медведя ушел,
У тебя, лиса, и подавно уйду!*

«Какая славная песенка! – сказала лиса. – Но ведь я, колобок, стара стала, плохо слышу; сядь-ка на мою мордочку да пропой еще разок погромче». Колобок вскочил лисе на мордочку и запел ту же песню. «Спасибо, колобок! Славная песенка, еще бы послушала! Сядь-ка на мой язычок да пропой в последний разок», – сказала лиса и высунула свой язык; колобок сдуру прыг ей на язык, а лиса – ам его! и скушала.

КОТ, ПЕТУХ И ЛИСА

Жил-был старик, у него были кот да петух. Старик ушел в лес на работу, кот унес ему есть, а петуха оставили стеречь дом. На ту пору пришла лиса.

*Кикереку-петушок,
Золотой гребешок!
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.*

Так лиса пела, сидя под окном. Петух выставил окошко, высунул головку и посмотрел: кто тут поет? Лиса схватила петуха в когти и понесла его в гости. Петух закричал: «Понесла меня лиса, понесла петуха за темные леса, в далекие страны, в чужие земли, за тридевять земель, в тридцатое царство, в тридешатое государство. Кот Котонаевич, отыми меня!» Кот в поле услышал голос петуха, бросился в погоню, достиг лису, отбил петуха и принес домой. «Мотри[19] ты, Петя-петушок, – говорит ему кот, – не выглядывай в окошко, не верь лисе; она съест тебя и косточек не оставит».

Старик опять ушел в лес на работу, а кот

унес ему есть. Старик, уходя, заказывал петуху беречь дом и не выглядывать в окошко. Но лисица стерегла, ей больно хотелось скушать петушка; пришла она к избушке и запела:

*Кикереку-петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку,
Дам и зернышков.*

Петух ходил по избе да молчал. Лиса снова запела песенку и бросила в окно горошку. Петух съел горошек и говорит: «Нет, лиса, не обманешь меня! Ты хочешь меня съесть и косточек не оставишь». – «Полно ты, Петя-петушок! Стану ли я есть тебя! Мне хотелось, чтоб ты у меня погостил, моего житья-бытья посмотрел и на мое добро поглядел!» – и снова запела:

*Кикереку-петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка!
Выгляни в окошко,
Я дала тебе горошку,
Дам и зернышков.*

Петух лишь выглянул в окошко, как лиса

его в когти. Петух лихим матом закричал: «Понесла меня лиса, понесла петуха за темные леса, за дремучие боры, по крутым бережкам, по высоким горам; хочет лиса меня съесть и косточек не оставит!» Кот в поле услышал, пустился в догоню, петуха отбил и домой принес: «Не говорил ли я тебе: не открывай окошка, не выглядывай в окошко, съест тебя лиса и косточек не оставит. Мотри, слушай меня! Мы завтра дальше пойдем».

Вот опять старик на работе, а кот ему хлеба унес. Лиса подкралась под окошко, ту же песенку запела; три раза пропела, а петух все молчал. Лиса говорит: «Что это, уж ныне Петя нем стал!» – «Нет, лиса, не обманешь меня, не выгляну в окошко». Лиса побросала в окошко горошку и пшенички и снова запела:

*Кикереку-петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка!
Выгляни в окошко,
У меня-то хоромы большие,
В каждом углу
Пшенички по мерочке:
Ешь – сыт, не хочу!*

Потом прибавила: «Да посмотрел бы ты, Петя, сколько у меня редкостей! Да покажись же ты, Петя! Полно, не верь коту. Если бы я съести хотела тебя, то давно бы съела; а то, вишь, я тебя люблю, хочу тебе свет показать, уму-разуму тебя наставить и научить, как нужно жить. Да покажись же ты, Петя, вот я за угол уйду!» – и к стене ближе притаилась. Петух на лавку скочил и смотрел издалека; хотелось ему узнать, ушла ли лиса. Вот он высунул головку в окошко, а лиса его в когти и была такова.

Петух ту же песню запел; но кот его не слышал. Лиса унесла петуха и за ельничком съела, только хвост да перья ветром разнесло. Кот со стариком пришли домой и петуха не нашли; сколько ни горевали, а после сказали: «Вот каково не слушаться!»

ВОЛК И КОЗА

Жила-была коза, сделала себе в лесу избушку и нарожала деток. Часто уходила коза в бор искать корму; как только уйдет, козлятки запрут за нею избушку, а сами никуда не выходят. Воротится коза, постучится в дверь и запоет: «Козлятушки, детятушки! Отопритесь, отворитесь! А я, коза, в бору была; ела траву шелковую, пила воду студеную. Бежит молоко по вымечку, из вымечка в копытечко, из копытечка в сыру землю!» Козлятки тотчас отопрут двери и впустят мать. Она покормит их и опять уйдет в бор, а козлятки запрутся крепко-накрепко.

Волк все это и подслушал; выждал время, и только коза в бор, он подошел к избушке и закричал своим толстым голосом: «Вы, детушки, вы, батюшки, отопритесь, отворитесь! Ваша мать пришла, молока принесла, полны копытца водицы!» А козлятки отвечают: «Слышим, слышим – не матушкин голосок! Наша матушка поет тонким голоском и не так причитает». Волк ушел и спрятался. Вот приходит коза и стучится: «Козлятушки, детятуш-

ки! Отопритесь, отворитесь! А я, коза, в бору была; ела траву шелковую, пила воду студеную. Бежит молоко по вымечку, из вымечка в копытечко, из копытечка в сыру землю!»

Козлятки впустили мать и рассказали ей, как приходил к ним бирюк и хотел их поестъ. Коза покормила их и, уходя в бор, строго-на-строго наказала: коли придет кто к избушке и станет проситься толстым голосом и не переберет всего, что она им причитывает, – того ни за что не впускать в двери. Только что ушла коза, волк прибежал к избе, постучался и начал причитывать тоненьким голоском: «Козлятушки, детятушки! Отопритесь, отворитесь! А я, коза, в бору была; ела траву шелковую, пила воду студеную. Бежит молоко по вымечку, из вымечка в копытечко, из копытечка в сыру землю!» Козлятки отперли двери, волк вбежал в избу и всех поел, только один козленочек схоронился, в печь улез.

Приходит коза; сколько ни причитывала – никто ей не отзывается. Подошла поближе к дверям и видит, что все отворено; в избу – а там все пусто; заглянула в печь и нашла одного детища. Как узнала коза о своей беде, села

она на лавку, зачала горько плакать и припевать: «Ох вы, детушки мои, козлятушки! На что отпирались-отворялися, злому волку доставалися? Он вас всех поел и меня, козу, со великим горем, со кручиной сделал». Услышал это волк, входит в избушку и говорит козе: «Ах ты, кума, кума! Что ты на меня грешешь? Неужли-таки я сделаю это! Пойдем в лес погуляем». – «Нет, кум, не до гулянья». – «Пойдем!» – уговаривает волк.

Пошли они в лес, нашли яму, а в этой яме разбойники кашицу недавно варили, и оставалось в ней еще довольно-таки огня. Коза говорит волку: «Кум, давай попробуем, кто перепрыгнет через эту яму?» Стали прыгать. Волк прыгнул, да и ввалился в горячую яму; брюхо у него от огня лопнуло, и козлятки выбежали оттуда да прыг к матери. И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать.

ВОЛК-ДУРЕНЬ

В одной деревне жил-был мужик, у него была собака; смолоду сторожила она весь дом, а как пришла тяжелая старость – и брехать[20] перестала. Надоела она хозяину; вот он собрался, взял веревку, зацепил собаку за шею и повел ее в лес; привел к осине и хотел было удавить, да как увидел, что у старого пса текут по морде горькие слезы, ему и жалко стало: смиловался, привязал собаку к осине, а сам отправился домой.

Остался бедный пес в лесу и начал плакать и проклинать свою долю. Вдруг идет из-за кустов большущий волк, увидел его и говорит: «Здравствуй, пестрый кобель! Долгонько поджидал тебя в гости. Бывало, ты прогонял меня от своего дому; а теперь сам ко мне попался: что захочу, то над тобой и сделаю. Уж я тебе за все отплачу!» – «А что хочешь ты, серый волчок, надо мною сделать?» – «Да немного: съем тебя со всей шкурой и с костями». – «Ах ты, глупый серый волк! С жиру сам не знаешь, что делаешь; таки после вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое песье

мясо? Зачем тебе понапрасну ломать надо мною свои старые зубы? Мое мясо теперь словно гнилая колода. А вот я лучше тебя научу: поди-ка да принеси мне пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и делай со мною что угодно».

Волк послушал кобеля, пошел и притащил ему половину кобылы: «Вот тебе и говядинка! Смотри поправляйся». Сказал и ушел. Собака стала прибираться мясцо и все поела. Через два дня приходит серый дурак и говорит кобелю: «Ну, брат, поправился али нет?» – «Маленько поправился; коли б еще принес ты мне какую-нибудь овцу, мое мясо сделалось бы не в пример слаще!» Волк и на то согласился, побежал в чистое поле, лег в лощине и стал караулить, когда погонит пастух свое стадо. Вот пастух и гонит стадо; волк повысмотрел из-за куста овцу, которая пожирнее да побольше, вскочил и бросился на нее: ухватил за шиворот и потащил к собаке. «Вот тебе овца, поправляйся!»

Стала собака поправляться, съела овцу и почуяла в себе силу. Пришел волк и спрашивает: «Ну что, брат, каков теперь?» – «Еще

немножко худ. Вот когда б ты принес мне какого-нибудь кабана, так я бы разжирел, как свинья!» Волк добыл и кабана, принес и говорит: «Это моя последняя служба! Через два дня приду к тебе в гости». – «Ну ладно, – думает собака, – я с тобою поправлюсь». Через два дня идет волк к откормленному псу, а пес за-видел и стал на него брехать. «Ах ты, мерзкий кобель, – сказал серый волк, – смеешь ты меня бранить?» – и тут же бросился на собаку и хотел ее разорвать. Но собака собралась уже с силами, стала с волком в дыбки и начала его так потчевать, что с серого только космы летят. Волк вырвался, да бежать скорее: отбежал далече, захотел остановиться, да как услышал собачий лай – опять припустил. Прибежал в лес, лег под кустом и начал зализывать свои раны, что дались ему от собаки. «Ишь как обманул мерзкий кобель! – говорит волк сам с собою. – Постой же, теперь кого ни попаду, уж тот из моих зубов не вырвется!»

Зализал волк раны и пошел за добычей. Смотрит, на горе стоит большой козел; он к нему, и говорит: «Козел, а козел! Я пришел тебя съесть». – «Ах ты, серый волк! Для чего ста-

нешь ты понапрасну ломать об меня свои старые зубы? А ты лучше стань под горою и разинь свою широкую пасть; я разбежусь да так прямо к тебе в рот, ты меня и проглотишь!» Волк стал под горою и разинул свою широкую пасть, а козел себе на уме, полетел с горы как стрела, ударил волка в лоб, да так крепко, что он с ног свалился. А козел и был таков! Часа через три очнулся волк, голову так и ломит ему от боли. Стал он думать: проглотил ли он козла или нет? Думал-думал, гадал-гадал. «Коли бы я съел козла, у меня брюхо-то было бы полнехонько; кажись, он, бездельник, меня обманул! Ну, уж теперь я буду знать, что делать!»

Сказал волк и пустился к деревне, увидел свинью с поросятами и бросился было схватить поросенка; а свинья не дает. «Ах ты, свиная харя! – говорит ей волк. – Как смеешь грубить? Да я и тебя разорву и твоих поросят за один раз проглочу». А свинья отвечала: «Ну, до сей поры не ругала я тебя; а теперь скажу, что ты большой дурачина!» – «Как так?» – «А вот как! Сам ты, серый, посуди: как тебе есть моих поросят? Ведь они недавно родились.

Надо их обмыть. Будь ты моим кумом, а я твоей кумою, станем их, малых детушек, крестить». Волк согласился.

Вот хорошо, пришли они к большой мельнице. Свинья говорит волку: «Ты, любезный кум, становись по ту сторону заставки, где воды нету, а я пойду, стану поросят в чистую воду окунать да тебе по одному подавать». Волк обрадовался, думает: вот когда попадет в зубы добыча-то! Пошел серый дурак под мост, а свинья тотчас схватила заставку зубами, подняла и пустила воду. Вода как хлынет, и потащила за собой волка, и почала его вертеть. А свинья с поросятами отправилась домой: пришла, наелась и с детками на мягкую постель спать повалилась.

Узнал серый волк лукавство свиньи, насилу кое-как выбрался на берег и пошел с голодным брюхом рыскать по лесу. Долго издыхал он с голоду, не вытерпел, пустился опять к деревне и увидел: лежит около гумна какая-то падла. «Хорошо, – думает, – вот придет ночь, наемся хоть этой падлы». Нашло на волка неурожайное время, рад и падлюю поживиться! Все лучше, чем с голоду зубами пощелки-

вать да по-волчьи песенки распевать. Пришла ночь; волк пустился к гумну и стал уписывать падлу. Но охотник уж давно его поджидал и приготовил для приятеля пару хороших орехов;[21] ударил он из ружья, и серый волк покотился с разбитой головою. Так и скончал свою жизнь серый волк!

МЕДВЕДЬ

Жил-был старик да старуха, детей у них не было. Старуха и говорит старику: «Старик, сходи по дрова». Старик пошел по дрова; попал ему навстречу медведь и рассказывает: «Старик, давай бороться». Старик взял да и отсек медведю топором лапу; ушел домой с лапой и отдал старухе: «Вари, старуха, медвежьей лапу». Старуха сейчас взяла, содрала кожу, села на нее и начала щипать шерсть, а лапу поставила в печь вариться. Медведь ревел-ревел, надумался и сделал себе липовую лапу; идет к старику на деревяшке и поет:

*Скрипи, нога,
Скрипи, липовая!
И вода-то спит,
И земля-то спит,*

*И по селам спят,
По деревням спят;
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет,
Мое мясо варит,
Мою кожу сушит.*

В те поры[22] старик и старуха испугались. Старик спрятался на полати под корыто, а старуха на печь под черные рубахи. Медведь вошел в избу; старик со страху кряхтит под корытом, а старуха закашляла. Медведь на-шел их, взял да и съел.

КОЗА

Сидит козел да плачет: он послал козу за орехами; она пошла и пропала.

Вот козел и запел:

*Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, коза! Пошлю на тя вол-
ки.*

*Волки нейдут козы гнать:
Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, волки! Пошлю на вас*

медведя.

Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
Нет козы с орехами,

Нет козы с калеными!

Добро же, медведь! Пошлю на тя
люд.

Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:

Нет козы с орехами,

Нет козы с калеными!

Добро же, люди! Пошлю на вас ду-
бье.

Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:

Нет козы с орехами,

Нет козы с калеными!

Добро же, дубье! Пошлю на тя то-
пор.

Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:

Нет козы с орехами,

Нет козы с калеными!
Добро же, топор! Пошлю на тя
камень.

Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:

Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, камень! Пошлю на тя
огонь.

Огонь нейдет камень палить,
Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:

Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, огонь! Пошлю на тя во-
ду.

Вода нейдет огонь лить,
Огонь нейдет камень палить,
Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,

Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, вода! Пошлю на тя бурю.

Буря пошла воду гнать,
Вода пошла огонь лить,
Огонь пошел камень палить,
Камень пошел топор тупить,
Топор пошел дубье рубить,
Дубье пошло людей бить,
Люди пошли медведь стрелять,
Медведь пошел волков драть,
Волки пошли козу гнать:
Вот коза с орехами,
Вот коза с калеными!

МЕДВЕДЬ И ПЕТУХ

Был у старика сын дурак. Просит дурак, чтобы отец его женил: «А если не женишь – всю печку разломаю!» – «Как я тебя женю? У нас денег нету». – «Денег нету, да есть вол; продай его на бойню». Вол услышал, в лес убежал. Дурак опять пристаёт к отцу: «Жени меня, не то всю печку разломаю!» Отец говорит: «Рад бы женить, да денег нету». – «Денег нету, да есть баран; продай его на бойню». Баран услышал, в лес убежал. Дурак от отца не отходит: «жени меня», да и только. «Я же тебе говорю, что денег нет!» – «Денег нету, да есть петух; заколи его, испеки пирог и продай». Петух услышал, в лес улетал.

Вол, баран и петух сошлись все вместе и выстроили себе в лесу избушку. Медведь узнал про то, захотел их съесть и пришел к избушке. Петух увидал его и запрыгал по настести; машет крыльями и кричит: «Куда-куда-куда! Да подайте мне его сюда; я ногами стопчу, топором срублю! И ножишко здесь, и гужишко здесь, и зарежем здесь, и повесим здесь!» Медведь испугался и пустился назад,

бежал-бежал, от страху упал и умер. Дурак пошел в лес, нашел медведя, снял с него шкуру и продал; на эти деньги и женили дурака. Вол, баран и петух из лесу домой пришли.

КОЧЕТ И КУРИЦА

Жили курочка с кочетком, и пошли они в лес по орехи. Пришли к орешне; кочеток залез на орешню рвать орехи, а курочку оставил на земле подбирать орехи: кочеток кидает, а курочка подбирает. Вот кинул кочеток орешек, и попал курочке в глазок, и вышиб глазок. Курочка пошла – плачет. Вот едут бояре и спрашивают: «Курочка, курочка! Что ты плачешь?» – «Мне кочеток вышиб глазок». – «Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?» – «Мне орешня портки раздрала». – «Орешня, орешня! На что ты кочетку портки раздрала?» – «Меня козы подглодали». – «Козы, козы! На что вы орешню подглодали?» – «Нас пастухи не берегут». – «Пастухи, пастухи! Что вы коз не бережете?» – «Нас хозяйка блинами не кормит». – «Хозяйка, хозяйка! Что ты пастухов блинами не кормишь?» – «У меня свинья опару пролила». – «Свинья, свинья! На

что ты у хозяйки опару пролила?» – «У меня волк поросенчика унес». – «Волк, волк! На что ты у свиньи поросенчика унес?» – «Я есть захотел, мне бог повелел».

СМЕРТЬ ПЕТУШКА

Ходят курица с петухом на поповом гумне. Подавился петушок бобовым зернятком.

Курочка сжалелась, пошла к речке просить воды.

Речка говорит: «Поди к липке, проси листа, тогда и дам воды!» – «Липка, липка! Дай листу: лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, – подавился петушок бобовым зернятком: ни спышит,[23] ни сдышит, ровно мертвый лежит!»

Липка сказала: «Поди к девке, проси нитки: в те поры дам листа!» – «Девка, девка! Дай нитки, нитки нести к липке, липка даст листу, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, – подавился петушок бобовым зернятком: ни спышит, ни сдышит, ровно мертвый лежит!»

Девка говорит: «Поди к корове, проси молока; в те поры дам нитки». Пришла курочка

к корове: «Корова, корова! Дай молока, молоко нести к девке, девка даст нитки, нитки нести к липке, липка даст листу, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, – подавился петушок бобовым зернышком: ни спышит, ни сдышит, ровно мертвый лежит!»

Корова говорит: «Поди, курочка, к сенокосам,[24] попроси у них сена; в те поры дам молока». Пришла курочка к сенокосам: «Сенокосы, сенокосы! Дайте сена, сено нести к корове, корова даст молока, молоко нести к девке, девка даст нитки, нитки нести к липке, липка даст листу, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, – подавился петушок бобовым зернышком: ни спышит, ни сдышит, ровно мертвый лежит!»

Сенокосы говорят: «Поди, курочка, к кузнецам, чтобы сковали косу». Пришла курочка к кузнецам: «Кузнецы, кузнецы! Скуйте мне косу, косу нести к сенокосам, сенокосы дадут сена, сено нести к корове, корова даст молока, молоко нести к девке, девка даст нитки, нитки нести к липке, липка даст листу, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к

петушку, – подавился петушок бобовым зернытком: ни спышит, ни сдышит, ровно мертвый лежит!»

Кузнецы сказали: «Иди, курочка, к лаянам, [25] проси у них уголья; в те поры скуем тебе косу». Пришла курочка к лаянам: «Лаяна, лаяна! Дайте уголья, уголье нести к кузнецам, кузнецы скуют косу, косу нести к сенокосам, сенокосы дадут сена, сено нести к корове, корова даст молока, молоко нести к девке, девка даст нитки, нитки нести к липке, липка даст листу, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, – подавился петушок бобовым зернытком: ни спышит, ни сдышит, ровно мертвый лежит!»

Дали лаяна уголья; снесла курочка уголье к кузнецам, кузнецы сковали косу; снесла косу к сенокосам, сенокосы накосили сена; снесла сено к корове, корова дала молока; снесла молоко к девке, девка дала нитки; снесла нитки к липке, липка дала листу; снесла лист к речке, речка дала воды; снесла воду к петушку: он лежит, ни спышит, ни сдышит, подавился на поповом гумне бобовым зернытком!

КУРОЧКА

Жил-был старик со старушкою, у них была курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, остро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко разбилось. Старик плачет, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась. Идет просвирня, спрашивает: что они так плачут? Старики начали пересказывать: «Как нам не плакать? Есть у нас курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, остро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко и разбилось! Я, старик, плачу, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась». Просвирня как услышала – все просвиры изломала и побросала. Подходит дьячок и спрашивает у просвирни: зачем она просвиры побросала?

Она пересказала ему все горе; дьячок побегал на колокольню и перебил все колокола. Идет поп, спрашивает у дьячка: зачем колоко-

да перебил? Дьячок пересказал все горе попу, а поп побегал, все книги изорвал.

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Летала сова – веселая голова; вот она летала-летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела; летала-летала и села, хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля, построили себе по концам избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться. «Дай пойду посватаюсь на цапле!»

Пошел журавль – тят, тят! Семь верст болото месил; приходит и говорит: «Дома ли цапля?» – «Дома». – «Выдь за меня замуж». – «Нет, журавль, нейду за тя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязый!» Журавль как не солоно похлебал, ушел домой.

Цапля после раздумалась и сказала: «Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля».

Приходит к журавлю и говорит: «Журавль, возьми меня замуж!» – «Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!» – Цапля заплакала со стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал: «Напрасно не взял за себя цаплю; ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж». Приходит и говорит: «Цапля! Я вздумал на тебе жениться; поди за меня». – «Нет, журавль, нейду за тя замуж!» Пошел журавль домой.

Тут цапля раздумалась: «Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду!» Приходит свататься, а журавль не хочет. Вот так-то и ходят они по сю пору один на другом свататься, да никак не женятся.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

На море на океане, на острове на Буяне стояла небольшая ветхая избушка; в той избушке жили старик да старуха. Жили они в великой бедности; старик сделал сеть и стал ходить на море да ловить рыбу: тем только и добывал себе дневное пропитание. Раз как-то закинул старик свою сеть, начал тянуть, и показалось ему так тяжело, как доселева никогда не бывало: еле-еле вытянул. Смотрит, а сеть пуста; всего-навсего одна рыбка попала, зато рыбка не простая – золотая. Возмолилась ему рыбка человеческим голосом: «Не бери меня, старичок! Пусти лучше в сине море; я тебе сама пригожусь: что пожелаешь, то и сделаю». Старик подумал-подумал и говорит: «Мне ничего от тебя не надобно: ступай гуляй в море!»

Бросил золотую рыбку в воду и воротился домой. Спрашивает его старуха: «Много ли поймал, старик?» – «Да всего-навсего одну золотую рыбку, и ту бросил в море; крепко она возмолилась: отпусти, говорила, в сине море; я тебе в пригону стану: что пожелаешь, все

сделаю! Пожалел я рыбку, не взял с нее выкуп, даром на волю пустил». – «Ах ты, старый черт! Попалось тебе в руки большое счастье, а ты и владать не сумел».

Озлилась старуха, ругает старика с утра до вечера, не дает ему покоя: «Хоть бы хлеба у ней выпросил! Ведь скоро сухой корки не будет; что жрать-то станешь?» Не выдержал старик, пошел к золотой рыбке за хлебом; пришел на море и крикнул громким голосом: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Рыбка приплыла к берегу: «Что тебе, старик, надо?» – «Старуха осерчала, за хлебом прислала». – «Ступай домой, будет у вас хлеба вдоволь». Воротился старик: «Ну что, старуха, есть хлеб?» – «Хлеба-то вдоволь; да вот беда: корыто расколосось, не в чем белье мыть; ступай к золотой рыбке, попроси, чтоб новое дала».

Пошел старик на море: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Приплыла золотая рыбка: «Что тебе надо, старик?» – «Старуха прислала, новое корыто просит». – «Хорошо, будет у вас и корыто». Воротился старик, – только в дверь, а старуха

опять на него накинута: «Ступай, – говорит, – к золотой рыбке, попроси, чтоб новую избу построила; в нашей жить нельзя, того и смотри что развалится!» Пошел старик на море: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Рыбка приплыла, стала к нему головой, в море хвостом и спрашивает: «Что тебе, старик, надо?» – «Построй нам новую избу; старуха ругается, не дает мне покою; не хочу, говорит, жить в старой избушке: она того и смотри вся развалится!» – «Не тужи, старик! Ступай домой да молись богу, все будет сделано».

Воротился старик – на его дворе стоит изба новая, дубовая, с вырезными узорами. Выбегает к нему навстречу старуха, пуще прежнего сердится, пуще прежнего ругается: «Ах ты, старый пес! Не умеешь ты счастьем пользоваться. Выпросил избу и, чай, думаешь – дело сделал! Нет, ступай-ка опять к золотой рыбке да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтоб меня добрые люди слушались, при встречах в пояс кланялись». Пошел старик на море, говорит громким голосом: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко

мне головой». Приплыла рыбка, стала в море хвостом, к нему головой: «Что тебе, старик, надо?» Отвечает старик: «Не дает мне старуха покою, совсем вздурилась: не хочет быть крестьянкою, хочет быть воеводихой». – «Хорошо, не тужи! Ступай домой да молись богу, все будет сделано».

Воротился старик, а вместо избы каменный дом стоит, в три этажа выстроен; по двору прислуга бегают, на кухне повара стучат, а старуха в дорогом парчовом платье на высоких креслах сидит да приказы отдает. «Здравствуй, жена!» – говорит старик. «Ах ты, невежа этакой! Как смел обозвать меня, воеводицу, своею женою? Эй, люди! Взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетьюми как можно больнее». Тотчас прибежала прислуга, схватила старика за шиворот и потащила в конюшню; начали конюхи угощать его плетьюми, да так угостили, что еле на ноги поднялся. После того старуха поставила старика дворником; велела дать ему метлу, чтоб двор убирал, а кормить и поить его на кухне. Плохое житье старику: целый день двор убирай, а чуть где нечисто – сейчас на конюшню!

«Экая ведьма! – думает старик. – Далось ей счастье, а она как свинья зарылась, уж и за мужа меня не считает!»

Ни много, ни мало прошло времени, придурило старухе быть воеводихой, потребовала к себе старика и приказывает: «Ступай, старый черт, к золотой рыбке, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею». Пошел старик на море: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Приплыла золотая рыбка: «Что тебе, старик, надо?» – «Да что, вздурилась моя старуха пуще прежнего: не хочет быть воеводихой, хочет быть царицею». – «Не тужи! Ступай домой да молись богу, все будет сделано». Воротился старик, а вместо прежнего дома высокий дворец стоит под золотою крышею; кругом часовые ходят да ружьями выкидывают; позади большой сад раскинулся, а перед самым дворцом – зеленый луг; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балкон с генералами да с боярами и начала делать тем войскам смотр и развод: барабаны бьют, музыка гремит, солдаты «ура» кричат!

Ни много, ни мало прошло времени, при-

докучило старухе быть царицею, велела разыскать старика и представить пред свои очи светлые. Поднялась суматоха, генералы суеются, бояре бегают: «Какой-такой старик?» Насилу нашли его на заднем дворе, повели к царице. «Слушай, старый черт! – говорит ему старуха. – Ступай к золотой рыбке да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы все моря и все рыбы меня слушались». Старик было отнекиваться; куда тебе! коли не пойдешь – голова долой! Скрепя сердце пошел старик на море, пришел и говорит: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Золотой рыбки нет как нет! Зовет старик в другой раз – опять нету! Зовет в третий раз – вдруг море зашумело, взволновалось; то было светлое, чистое, а тут совсем почернело. Приплывает рыбка к берегу: «Что тебе, старик, надо?» – «Старуха еще пуще вздурилася; уж не хочет быть царицею, хочет быть морскою владычицей, над всеми водами властвовать, над всеми рыбами повелевать».

Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла в глубину моря. Старик

воротился назад, смотрит и глазам не верит: дворца как не бывало, а на его месте стоит небольшая ветхая избушка, а в избушке сидит старуха в изодранном сарафане. Начали они жить по-прежнему, старик опять принялся за рыбную ловлю; только как часто ни закидывал сетей в море, не удалось больше поймать золотой рыбки.

ЖАДНАЯ СТАРУХА

Жил старик со старухой; пошел в лес дрова рубить. Сыскал старое дерево, поднял топор и стал рубить. Говорит ему дерево: «Не руби меня, мужичок! Что тебе надо, все сделаю». – «Ну, сделай, чтобы я богат был». – «Ладно; ступай домой, всего у тебя вдоволь будет». Воротился старик домой – изба новая, словно чаша полная, денег куры не клюют, хлеба на десятки лет хватит, а что коров, лошадей, овец – в три дня не сосчитать! «Ах, старик, откуда все это?» – спрашивает старуха. «Да вот, жена, я такое дерево нашел – что ни пожелай, то и сделает».

Пожили с месяц; приелось старухе богатое житье, говорит старику: «Хоть живем мы бо-

гато, да что в этом толку, коли люди нас не почитают! Захочет бурмистр, и тебя и меня на работу погонит; а придерется, так и палками накажет.

Ступай к дереву, проси, чтоб ты бурмистром был». Взял старик топор, пошел к дереву и хочет под самый корень рубить, «Что тебе надо?» – спрашивает дерево. «Сделай, чтобы я бурмистром был». – «Хорошо, ступай с богом!»

Воротился домой, а его уж давно солдаты дожидают: «Где ты, – закричали, – старый черт, шатаешься? Отводи скорей нам квартиру, да чтоб хорошая была. Ну-ну, поворачивайся!» А сами тесаками его по горбу да по горбу. Видит старуха, что и бурмистру не всегда честь, и говорит старику: «Что за корысть быть бурмистровой женою! Вот тебя солдаты прибили, а уж о барине и говорить нечего: что захочет, то и сделает. Ступай-ка ты к дереву да проси, чтоб сделало тебя барином, а меня барыней».

Взял старик топор, пошел к дереву, хочет опять рубить; дерево спрашивает: «Что тебе надо, старичок?» – «Сделай меня барином, а

старуху барыней». – «Хорошо, ступай с богом!» Пожила старуха в барстве, захотелось ей большего, говорит старику: «Что за корысть, что я барыня! Вот кабы ты был полковником, а я полковницей – иное дело, все бы нам завидовали».

Погнала старика снова к дереву; взял он топор, пришел и собирается рубить. Спрашивает его дерево: «Что тебе надобно?» – «Сделай меня полковником, а старуху полковницей». – «Хорошо, ступай с богом!» Воротился старик домой, а его полковником пожаловали.

Прошло несколько времени, говорит ему старуха: «Велико ли дело – полковник! Генерал захочет, под арест посадит. Ступай к дереву, проси, чтобы сделало тебя генералом, а меня генеральшею». Пошел старик к дереву, хочет топором рубить. «Что тебе надобно?» – спрашивает дерево. «Сделай меня генералом, а старуху генеральшею». – «Хорошо, иди с богом!» Воротился старик домой, а его в генералы произвели.

Опять прошло несколько времени, наскучило старухе быть генеральшею, говорит она

старику: «Велико ли дело – генерал! Государь захочет, в Сибирь сошлет. Ступай к дереву, проси, чтобы сделало тебя царем, а меня царицею». Пришел старик к дереву, хочет топором рубить. «Что тебе надобно?» – спрашивает дерево. «Сделай меня царем, а старуху царицею». – «Хорошо, иди с богом!» Воротился старик домой, а за ним уж послы приехали: «Государь-де помер, тебя на его место выбрали».

Не много пришлось старику со старухой нацарствовать; показалось старухе мало быть царицею, позвала старика и говорит ему: «Велико ли дело – царь! Бог захочет, смерть нашлет, и запрячут тебя в сырую землю. Ступай-ка ты к дереву да проси, чтобы сделало нас богами».

Пошел старик к дереву. Как услышало оно эти безумные речи, зашумело листьями и в ответ старику молвило: «Будь же ты медведем, а твоя жена медведицей». В ту ж минуту старик обратился медведем, а старуха медведицей, и побежали в лес.

БАЙКА О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ

В ночь на Иванов день родилась щука в Шексне, да такая зубастая, что боже упаси! Лещи, окуни, ерши – все собрались глазеть на нее и дивовались такому чуду. Вода той порой в Шексне всколыхалась; шел паром через реку, да чуть не затопился, а красные девки гуляли по берегу, да все порассыпались. Экая щука родилась зубастая! И стала она расти не по дням, а по часам: что день, то на вершок прибавится; и стала щука зубастая в Шексне похаживать да лещей, окуней подавливать: издали увидит леща, да и хватить его зубами – леща как не бывало, только косточки хрустят на зубах у щуки зубастой.

Экая оказия случилась в Шексне! Что делать лещам да окуням? Тошно приходит: щука всех приест, прикорнает.[26] Собралась вся мелкая рыбица, и стали думу думать, как перевести щуку зубастую да такую торовастую. На совет пришел и Ерш Ершович и так наско-ро взголцыл:[27] «Полноте думу думать да голову ломать, полноте мозг портить; а вот послушайте, что я буду баять. Тошно нам всем

тепере в Шексне; щука зубастая проходу не дает, всякую рыбу на зуб берет! Не житье нам в Шексне, переберемтесь-ка лучше в мелкие речки жить – в Сизму, Коному да Славенку; там нас никто не тронет, и будем жить припеваючи да деток наживаючи».

И поднялись все ерши, лещи, окуни из Шексны в мелкие речки Сизму, Коному да Славенку. По дороге, как шли, хитрый рыбарь многих из ихней братьи изловил на удочку и сварил забубённую ушицу, да тем, кажись, и заговелся. С тех пор в Шексне совсем мало стало мелкой рыбицы. Закинет рыбарь удочку в воду, да ничего не вытащит; когда-некогда попадетя стерлядка, да тем и ловле шабаш! Вот вам и вся байка о щуке зубастой да такой торовастой. Много наделала плутовка хлопот в Шексне, да после и сама несдобровала; как не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червячков и попалась сама на крючок. Рыбарь сварил уху, хлебал да хвалил: такая была жирная! Я там был, вместе уху хлебал, по усу текло, в рот не попало.

ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ

Жили-были пузырь, соломина и лапоть; пошли они в лес дрова рубить, дошли до реки, не знают: как через реку перейти? Лапоть говорит пузырю: «Пузырь, давай на тебе переплывем!» – «Нет, лапоть, пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, а мы перейдем по ней». Соломинка перетянулась; лапоть пошел по ней, она и переломилась. Лапоть упал в воду, а пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул!

РЕПКА

Посеял дедка репку; пошел репку рвать, захватился за репку: тянет-потянет, вытянуть не может! Созвал дедка бабку; бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла внучка; внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла сучка; сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла нога (?). Нога за суч-

ку, сучка за внучку, внучка за бабу, бабу за деду, деду за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла друга нога; друга нога за ногу, нога за сучку, сучка за внучку, внучка за бабу, бабу за деду, деду за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! (и так далее до пятой ноги). Пришла пята нога. Пять ног за четыре, четыре ноги за три, три ноги за две, две ноги за ногу, нога за сучку, сучка за внучку, внучка за бабу, бабу за деду, деду за репку, тянут-потянут: вытянули репку!

МОРОЗКО

Жили-были старик да старуха. У старика со старухою было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила. Девушка скотину поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топила, обряды[28] творила, избу мела и все убирала еще до свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала: «Экая ленивица, экая неряха! И голик-то не у места, и не так-то стоит, и сорно-то в избе». Девушка молчала и плакала; она всячески

старалась мачехе уноровить[29] и дочерям ее услужить; но сестры, глядя на мать, Марфушу во всем обижали, с нею вздорили[30] и плакать заставляли: то им и любо было! Сами они поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают. Вот наши девицы росли да росли, стали большими и сделались невестами. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Старик у жалко было старшей дочери; он любил ее за то, что была послушная[31] да работающая, никогда не упрямилась, что заставят, то и делала, и ни в чем слова не перекорила;[32] да не знал старик, чем пособить горю. Сам был хил, старуха ворчунья, а дочки ее ленивицы и упрямицы.

Вот наши старики стали думу думать: старик – как бы дочерей пристроить, а старуха – как бы старшую с рук сбыть. Однажды старуха и говорит старику: «Ну, старик, отдадим Марфушу замуж». – «Ладно», – сказал старик и побрел себе на печь; а старуха вслед ему: «Завтра встань, старик, ты пораньше, запряги кобылу в дровни и поезжай с Марфуткой; а

ты, Марфутка, собери свое добро в коробейку да накинь белую исподку:[33] завтра поедешь в гости!» Добрая Марфуша рада была такому счастью, что увезут ее в гости, и сладко спала всю ночку; поутру рано встала, умылась, богу помолилась, все собрала, чередом уложила, сама нарядилась, и была девка – хоть куды невеста! А дело-то было зимою, и на дворе стоял трескучий мороз.

Старик наутро, ни свет ни заря, запряг кобылу в дровни, подвел ко крыльцу; сам пришел в избу, сел на коник и сказал: «Ну, я все изладил!» – «Садитесь за стол да жрите!» – сказала старуха. Старик сел за стол и дочь с собой посадил; хлебница[34] была на столе, он вынул челпан[35] и нарушал[36] хлеба и себе и дочери. А старуха меж тем подала в блюде старых щей и сказала: «Ну, голубка, ешь да убирайся, я вдоволь на тебя нагляделась! Старик, увези Марфутку к жениху; да мотри, старый хрыч, поезжай прямой дорогой, а там сверни с дороги-то направо, на бор, – знаешь, прямо к той большой сосне, что на пригорке стоит, и тут отдай Марфутку за Морозка». Старик вытаращил глаза, разинул

рот и перестал хлебать, а девка завывала. «Ну, что тут нюни-то распустила! Ведь жених-то красавец и богач! Мотри-ка, сколько у него добра: все елки, мянды[37] и березы в пуху; житье-то завидное, да и сам он богатырь!»

Старик молча уклал пожитки, велел дочери накинуть шубняк[38] и пустился в дорогу. Долго ли ехал, скоро ли приехал – не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Наконец доехал до бору, своротил с дороги и пустился прямо снегом по насту; забравшись в глушь, остановился и велел дочери слезать, сам поставил под огромной сосной коробейку и сказал: «Сиди и жди жениха, да мотри – принимай ласковее». А после заворотил лошадь – и домой.

Девушка сидит да дрожит; озноб ее пробрал. Хотела она выть, да сил на было: одни зубы только постукивают. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает да пощелкивает. Очутился он и на той сосне, под коей девица сидит, и сверху ей говорит: «Тепло ли те, девица?» – «Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!» Морозко стал ниже спускаться, больше

потрескивать и пощелкивать. Мороз спросил девицу: «Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная?» Девица чуть дух переводит, но еще говорит: «Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко!» Мороз пуще затрещал и сильнее защелкал и девице сказал: «Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?» Девица окостеневала и чуть слышно сказала: «Ой, тепло, голубчик Морозушко!» Тут Морозко сжалился, окутал девицу шубами и отогрел одеялами.

Старуха наутро мужу говорит: «Поезжай, старый хрыч, да буди молодых!» Старик запряг лошадь и поехал. Подъехавши к дочери, он нашел ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками. Не говоря ни слова, старик сложил все на воз, сел с дочерью и поехал домой. Приехали домой, и девица бух в ноги мачехе. Старуха изумилась, как увидела девку живую, новую шубу и короб белья. «Э, сука, не обманешь меня».

Вот спустя немного старуха говорит старику: «Увези-ка и моих-то дочерей к жениху; они еще не так одарит!» Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Вот поутру рано

старуха деток своих накормила и как следует под венец нарядила и в путь отпустила. Старик тем же путем оставил девок под сосною. Наши девицы сидят да посмеиваются: «Что это у матушки выдуманно – вдруг обеих замуж отдавать? Разве в нашей деревне нет и ребят! Неровен черт приедет, и не знаешь какой!»

Девушки были в шубняках, а тут им стало зябко. «Что, Параха? Меня мороз по коже подирает. Ну, как суженый-ряженный не приедет, так мы здесь околеем».[39] – «Полно, Машка, врать! Коли рано женихи собираются; а теперь есть ли и обед[40] на дворе». – «А что, Параха, коли приедет один, кого он возьмет?» – «Не тебя ли, дурище?» – «Да, мотри, тебя!» – «Конечно, меня». – «Тебя! Полное тебе цыганить[41] да врать!» Морозко у девушек руки ознобил, и наши девицы сунули руки в пазухи да опять за то же. «Ой ты, заспанная рожа, нехорошая тресся,[42] поганое рыло! Прясть ты не умеешь, а перебирать и вовсе не смыслишь». – «Ох ты, хвастунья! А ты что знаешь? Только по беседкам ходить да облизываться. Посмотрим, кого скорее возьмет!» Так девицы растабаривали и не в шутку озябли;

вдруг они в один голос сказали: «Да кой хранци![43] Что долго нейдет? Вишь ты, посинела!»

Вот вдалеке Морозко начал потрескивать и с елки на елку поскакивать да пощелкивать. Девицам слышалось, что кто-то едет. «Чу, Параха, уж едет, да и с колокольцем». – «Поди прочь, сука! Я не слышу, меня мороз обдирает». – «А еще замуж нарохтишься![44]» И начали пальцы отдувать. Морозко все ближе да ближе; наконец очутился на сосне, над девицами. Он девицам говорит: «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?» – «Ой, Морозко, больно студёно! Мы замерзли, ждем суженого, а он, окаянный, сгинул». Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощелкивать. «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?» – «Поди ты к черту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмерзли». Морозко еще ниже спустился, сильно приударил и сказал: «Тепло ли вам, девицы?» – «Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный!» – и девушки окостенели.

Наутро старуха мужу говорит: «Запряги-ка

ты, старик, пошевёнки; положи охабочку сенца да возьми шубное опахало.[45] Чай девки-то приозябли; на дворе-то страшный мороз! Да мотри, воровей,[46] старый хрыч!» Старик не успел и перекусить, как был уж на дворе и на дороге. Приезжает за дочками и находит их мертвыми. Он в пошевёнки деток свалил, опахалом закутал и рогожкой закрыл. Старуха, увидя старика издалека, навстречу выбегала и так его вопрошала: «Что детки?» – «В пошевнях». Старуха рогожку отвернула, опахало сняла и деток мертвыми нашла.

Тут старуха как гроза разразилась и старика разбранила: «Что ты наделал, старый пес? Уходил ты моих дочек, моих кровных деточек, моих ненаглядных семечек, моих красных ягодок! Я тебя ухватом прибью, кочергой зашибу!» – «Полно, старая дрянь! Вишь, ты на богатство польстилась, а детки твои упрямыцы! Коли я виноват? Ты сама захотела». Старуха посердилась, побранилась, да после с падчерицею помирилась, и стали они жить да быть да добра наживать, а лиха не поминать. Присватался сусед, свадебку сыграли, и Марфуша счастливо живет. Старик внучат

Морозком страдал и упрямиться не давал. Я на свадьбе был, мед-пиво пил, по усу текло, да в рот не попало.

СТАРУХА-ГОВОРУХА

И день и ночь старуха ворчит, как у ней язык не заболит? А всё на падчерицу: и не умна, и не статна! Пойдет и придет, станет и сядет – все не так, невпопад! С утра до вечера как заведенные гусли. Надоела мужу, надоела всем, хоть со двора бежи! Запряг старик лошадь, затеял в город просо везть, а старуха кричит: «Бери и падчерицу, вези хоть в темный лес, хоть на путь на дорогу, только с моей шеи долой».

Старик повез. Дорога дальняя, трудная, все бор да болото, где кинуть девку? Видит: стоит избушка на курьих ножках, пирогом подперта, блином накрыта, стоит – перевертывается. «В избушке, – подумал, – лучше оставить дочь», ссадил ее, дал проса на кашу, ударил по лошади и укатил из виду.

Осталась девка одна; натолкла проса, наварила каши много, а есть некому. Пришла ночь длинная, жуткая; спать – бока проле-

жишь, глядеть – глаза проглядишь, слова молвить не с кем, и скучно и страшно! Стала она на порог, отворила дверь в лес и зовет: «Кто в лесе, кто в темном – приди ко мне гостевать!» Леший откликнулся, скинулся[47] молодцом, новгородским купцом, прибежал и подарочек принес. Нынче придет покалякает,[48] завтра придет – гостинец принесет; увадился,[49] наносил столько, что девать некуда!

А старуха-говоруха и скучила[50] без падчерицы, в избе у ней стало тихо, на животе тошно, язык пересох. «Ступай, муж, за падчерицей, со дна моря ее достань, из огня выхвати! Я стара, я хила, за мной походить некому». Послушался муж; приехала падчерица, да как раскрыла сундук да развесила добро на веревочке от избы до ворот, – старуха было разинула рот, хотела по-своему встретить, а как увидела – губки сложила, под святые[51] гостью посадила и стала величать ее да приговаривать: «Чего изволишь, моя сударыня?»

ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА

Женился мужик вдовый с дочкою на вдове – тоже с дочкою, и было у них две сводные дочери. Мачеха была ненавистная; отдыху не дает старику: «Вези свою дочь в лес, в землянку! Она там больше нарядет». Что делать! Послушал мужик бабу, свез дочку в землянку и дал ей огниво, кремешик, труду[52] да мешочек круп и говорит: «Вот тебе огоньку; огонек не переводи, кашку вари, а сама седи да пряди, да избушку-то припри». Пришла ночь. Девка затопила печурку, заварила кашу, откуда ни возьмись мышка и говорит: «Девица, девица, дай мне ложечку каши». – «Ох, моя мышенька! Разбай[53] мою скуку; я тебе дам не одну ложку каши, а и досыта накормлю». Наелась мышка и ушла. Ночью вломился медведь. «Ну-ка, деушка, – говорит, – туши огни, давай в жмурку играть».

Мышка взбежала на плечо девицы и шепчет на ушко: «Не бойся, девица! Скажи: давай! а сама туши огонь да под печь полезай, а я стану бегать и в колокольчик звенеть».

Так и случилось. Гоняется медведь за мыш-

кою – не поймает; стал реветь да поленьями бросать; бросал-бросал, да не попал, устал и молвил: «Мастерица ты, деушка, в жмурку играть! За то пришлю тебе утром стадо коней да воз добра».

Наутро жена говорит: «Поезжай, старик, проведай-ка дочь – что напярала она в ночь?» Уехал старик, а баба сидит да ждет: как-то он дочерние косточки привезет! Вот собачка: «Тяф, тяф, тяф! С стариком дочка едет, стадо коней гонит, воз добра везет». – «Врешь, шафурка![54] Это в кузове кости гремят да погромыхивают». Вот ворота заскрипели, кони на двор вбежали, а дочка с отцом сидят на возу: полон воз добра! У бабы от жадности аж глаза горят. «Экая важность! – кричит. – Повези-ка мою дочь в лес на ночь; моя дочь два стада коней пригонит, два воза добра притащит».

Повез мужик и бабину дочь в землянку и так же снарядил ее и едою и огнем. Об вечеру заварила она кашу. Вышла мышка и просит каши у Наташки. А Наташка кричит: «Ишь, гада какая!» – и швырнула в нее ложкой. Мышка убежала; а Наташка уписывает одна кашу, съела, огни позадула и в углу прикор-

нула.

Пришла полночь – вломился медведь и говорит: «Эй, где ты, деушка? Давай-ка в жмурку поиграем». Девушка молчит, только со страху зубами стучит. «А, ты вот где! На колокольчик, бегай, а я буду ловить». Взяла колокольчик, рука дрожит, колокольчик бесперечь звенит, а мышка отзывается: «Злой девице живой не быть!»

Наутро шлет баба старика в лес: «Ступай! Моя дочь два воза привезет, два табуна пригонит». Мужик уехал, а баба за воротами ждет. Вот собачка: «Тяф, тяф, тяф! Хозяйкина дочь едет – в кузове костью гремит, а старик на пустом возу сидит». – «Врешь ты, шавчонка! Моя дочь стада гонит и возы везет». Глядь – старик у ворот жене кузов подает; баба кузовок открыла, глянула на косточки и завыла, да так разозлилась, что с горя и злости на другой же день умерла; а старик с дочкою хорошо свой век доживал и знатного зятя к себе в дом примал.

КРОШЕЧКА-ХАВРОШЕЧКА

Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые бога не боятся, своего брата не стыдятся: к таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подает, и прибирает, и за всех и за все отвечает.

А были у ее хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя – Двуглазка, а меньшая – Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно – ткнуть да толкнуть есть кому: а приветить да приохотить нет никого!

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать: «Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят.

К завтраму дали пять пудов напярсть, наткать, побелить, в трубы покатать». А коровушка ей в ответ: «Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – все будет сработано». Так и сбывалось. Вылезет красная девица из ушка – все готово: и наткано, и побелено, и покатано. Отнесет к мачехе; та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а ей еще больше работы задаст. Хаврошечка опять придет к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет принесет.

Дивится старуха, зовет Одноглазку: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядись, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?» Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке; а Хаврошечка приговаривает: «Спи, глазок, спи, глазок!» Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, матернино приказанье забыла и глазки смежи-

ла; а Хаврошечка баюкает: «Спи, глазок, спи, другой!» Коровушка наткала, побелила, в трубы покатала; а Двуглазка все еще спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте еще больше работы дала. И Триглазка, как ее старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошечка поет: «Спи, глазок, спи, другой!» – а об третьем, забыла. Два глаза заснули, а третий глядит и все видит, все – как красная девица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Все, что видела, Триглазка матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу: «Режь рябую корову!» Старик так-сяк: «Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая!» Режь, да и только! Наточил ножик...

Побежала Хаврошечка к коровушке: «Коровушка-матушка! Тебя хотят резать». – «А ты, красная девица, не ешь моего мяса; косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их расседи и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай». Хаврошечка все сделала, что коровушка завещала; голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки каж-

дый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая – боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо – останавливается, кто проходит близко – тот заглядывается.

Случилось раз – девушки гуляли по саду; на ту пору ехал по полю барин – богатый, кудреватый, молоденький. Увидел яблочки, затрогал девушек: «Девицы-красавицы! – говорит он. – Которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет». И бросились три сестры одна перед другой к яблоньке. А яблочки-то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сестры хотели их сбить – листья глаза засыпают, хотели сорвать – сучья косы расплетают; как ни бились, ни метались – ручки изодрали, а достать не могли. Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились. Барин на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не знаять.

БУРЕНУШКА

Не в каком царстве, не в каком государстве был-жил царь с царицею, и была у них одна дочь, Марья-царевна. А как умерла царица, то царь взял другую жену, Ягишну. У Ягишны родилось две дочери: одна – двоеглазая, а другая – троеглазая. Мачеха не залюбила Марьи-царевны, послала ее пасти коровушку-буренушку и дала ей сухую краюшку хлебца.

Царевна пошла в чистое поле, в праву ножку буренушке поклонилась – напислась-наелась, хорошо срядилась; за коровушкой-буренушкой целый день ходит, как барыня. День прошел, она опять поклонилась ей в праву ножку, разрядилась, пришла домой и краюшку хлеба назад принесла, на стол положила. «Чем сука жива живет?» – думает Ягишна; на другой день дала Марье-царевне ту же самую краюшку и посылает с нею свою большую дочь. «Присмотри, чем Марья-царевна питается?»

Пришли в чистое поле; говорит Марья-царевна: «Дай, сестрица, я поищу у тебя в головке». Стала искать, а сама приговаривает:

«Спи-спи, сестрица! Спи-спи, родима! Спи-спи, глазок! Спи-спи, другой!» Сестрица заснула, а Марья-царевна встала, подошла к коро-
вушке-буренушке, в праву ножку поклонилась, напилась-наелась, хорошо срядилась и ходит весь день как барыня. Пришел вечер; Марья-царевна разрядилась и говорит: «Вставай, сестрица! Вставай, родима! Пойдем домой». – «Охти мне! – взгоревалась сестрица. – Я весь день проспала, ничего не видела; теперь мати забранит меня!»

Пришли домой; спрашивает ее мати: «Что пила, что ела Марья-царевна?» – «Я ничего не видела». Ягишна заругалась на нее; поутру встает, посылает троеглазую дочь: «Подди-ка, – говорит, – погляди, что она, сука, ест и пьет?» Пришли девицы в чистое поле буренушку пасти; говорит Марья-царевна: «Сестрица! Дай я тебе в головушке поищу». – «Поищи, сестрица, поищи, родима!» Марья-царевна стала искать да приговаривать: «Спи-спи, сестрица! Спи-спи, родима! Спи-спи, глазок! Спи-спи, другой!» А про третий глазок позабыла; третий глазок глядит да глядит, что робит Марья-царевна. Она подбежала к буре-

нушке, в праву ножку поклонилась, напислась-наелась, хорошо срядилась; стало солнышко садиться – она опять поклонилась буренушке, разрядилась и ну будит троеглазую: «Вставай, сестрица! Вставай, родима! Пойдем домой».

Пришла Марья-царевна домой, сухую краюшку на стол положила. Стала мати спрашивать у своей дочери: «Что она пьет и ест?» Троеглазая все и рассказала. Ягишна приказывает: «Режь, старик, коровушку-буренушку». Старик зарезал; Марья-царевна просит: «Дай, дедушка родимый, хоть гузённую кишочку мне». Бросил старик ей гузённую кишочку; она взяла, посадила ее к верее – вырос ракитов куст, на нем красуются сладкие ягодки, на нем сидят разные пташечки да поют песни царские и крестьянские.

Прослышал Иван-царевич про Марью-царевну, пришел к ее мачехе, положил блюдо на стол: «Которая девица нарвет мне полно блюдо ягодок, ту за себя замуж возьму». Ягишна послала свою большую дочь ягод брать; птички ее и близко не подпускают, того и смотри – глаза выключают; послала другую до-

черь – и той не дали. Выпустила, наконец, Марью-царевну; Марья-царевна взяла блюдо и пошла ягодок брать; она берет, а мелкие пташечки вдвое да втрое на блюдо кладут; пришла, поставила на стол и царевичу поклон отдала. Тут веселым пирком да за свадебку; взял Иван-царевич за себя Марью-царевну, и стали себе жить-поживать, добра наживать.

Долго ли, коротко ли жили, родила Марья-царевна сына. Захотелось ей отца навестить; поехала с мужем к отцу в гости. Мачеха обворотила ее гусынею, а свою большую дочь срядила Ивану-царевичу в жены. Воротился Иван-царевич домой. Старичок-пестун встает поутру ранехонько, умывается белехонько, взял младенца на руки и пошел в чистое поле к кусточку. Летят гуси, летят серые. «Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного [55] мать видали?» – «В другом стаде». Летит другое стадо. «Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного мать видали?» Младёного мать на землю скочила, кожух сдернула, другой сдернула, взяла младенца на руки, стала грудью кормить, сама плачет: «Сегодня покормлю, завтра покормлю, а послезавтра уле-

чу за темные леса, за высокие горы!»

Старичок пошел домой; паренек спит до утра без разбуду, а подмененная жена бранится, что старичок в чистое поле ходит, всего сына заморил! Поутру старичок опять встает ранехонько, умывается белехонько, идет с ребенком в чистое поле; и Иван-царевич встал, пошел невидимо за старичком и забрался в куст. Летят гуси, летят серые. Старичок окликает: «Гуси вы мои, гуси серые! Где младёного матку видали?» – «В другом стаде». Летит другое стадо: «Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного мать видали?» Младёного мать на землю скочила, кожу сдернула, другую сдернула, бросила на куст и стала младёного грудью кормить, стала прощаться с ним: «Завтра улечу за темные леса, за высокие горы!»

Отдала младенца старику. «Что, – говорит, – смородом[56] пахнет?» Хотела было надевать кожи, хватилась – нет ничего: Иван-царевич спалил. Захватил он Марью-царевну, она обвернулась скакухой,[57] потом ящерицей и всякой гадиной, а после всего веретёшечком.[58] Иван-царевич переломил вере-

тёшко надвое, пятку назад бросил, носок перед себя – стала перед ним молодая молодича. Пошли они вместе домой. А дочь Ягишны кричит-ревет: «Разорительница идет! Погубительница идет». Иван-царевич собрал князей и бояр, спрашивает: «С которой женой позволите жить?» Они сказали: «С первой». – «Ну, господа, которая жена скорее на ворота скачит, с той и жить стану». Дочь Ягишны сейчас на ворота взлезла, а Марья-царевна только чапается,[59] а вверх не лезет. Тут Иван-царевич взял свое ружье и застрелил подмененную жену, а с Марьей-царевной стал по-старому жить-поживать, добра наживать.

БАБА-ЯГА

Жили-были муж с женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужик женился на другой, и от этой прижил дочь. Вот жена и невзлюбила падчерицу; нет житья сироте. Думал, думал наш мужик и повез свою дочь в лес. Едет лесом – глядит: стоит избушка на курьих ножках. Вот и говорит мужик: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а ко мне передом». Избушка и поворотилась.

Идет мужик в избушку, а в ней баба-яга: впереди голова, в одном углу нога, в другом – другая. «Русским духом пахнет!» – говорит яга. Мужик кланяется: «Баба-яга костяная нога! Я, тебе дочку привез в услуженье». – «Ну, хорошо! Служи, служи мне, – говорит яга девушке, – я тебя за это награжу».

Отец простился и поехал домой. А баба-яга задала девушке пряжи с короб, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вот девушка хлопочет у печи, а сама горько плачет. Выбежали мышки и говорят ей: «Девица, девица, что ты плачешь? Дай кашки; мы тебе добренько скажем». Она дала им кашки. «А вот, –

говорят, – ты на всякое веретёнце по ниточке наряди». Пришла баба-яга: «Ну что, – говорит, – все ли ты припасла?» А у девушки все готово. «Ну, теперь поди – вымой меня в бане». Похвалила яга девушку и надавала ей разной сряды. Опять яга ушла и еще труднее задала задачу. Девушка опять плачет. Выбегают мышки: «Что ты, – говорят, – девица красная, плачешь? Дай каши; мы тебе добренько скажем». Она дала им каши, а они опять научили ее, что и как сделать. Баба-яга опять, пришедши, ее похвалила и еще больше дала сряды...[60] А мачеха посылает мужа проведать, жива ли его дочь?

Поехал мужик; приезжает и видит, что дочь богатая-пребогатая стала. Яги не было дома, он и взял ее с собой. Подъезжают они к своей деревне, а дома собачка так и рвется: «Хам, хам, хам! Барыню везут, барыню везут!» Мачеха выбежала да скалкой собачку. «Врешь, – говорит, – скажи: в коробе косточки гремят!» А собачка все свое. Приехали. Мачеха так и гонит мужа – и ее дочь туда же отвезти. Отвез мужик.

Вот баба-яга задала ей работы, а сама ушла.

Девка так и рвется с досады и плачет. Выбегают мыши. «Девица, девица! О чем ты, – говорят, – плачешь?» А она не дала им выговорить, то тоё скалкой, то другую; с ними и провозилась, а дела-то не приделала. Яга пришла, рассердилась. В другой раз опять то же; яга изломала ее, да косточки в короб и склала. Вот мать посылает мужа за дочерью. Приехал отец и повез одни косточки. Подъезжает к деревне, а собачка опять лает на крылечке: «Хам, хам, хам! В коробе косточки везут!» Мачеха бежит со скалкой: «Врешь, – говорит, – скажи: барыню везут!» А собачка все свое: «Хам, хам, хам! В коробе косточки гремят!» Приехал муж; тут-то жена взвыла! Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала: «Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью». Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в годах, имела своих двух дочерей, почти одиноким Василисе, – стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купец женился на вдовушке,

но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то, что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала ее куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее, приговаривая: «На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у бабушки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?» Куколка покушает, да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та

только отдыхает в холодочке да рвет цветочки, а у нее уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет Василисе и травку от загару. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе при­сватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает: «Не выдам меньшей прежде старших!», а проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга: никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке, одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку. «Что теперь нам делать? – говорили девушки. – Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к бабе-яге!» – «Мне от булавок светло! – сказала та, что плела кружево. – Я не пойду». – «И я не пойду, – сказала та, что вязала чулок. – Мне от спиц светло!» – «Тебе за огнем идти, – закричали обе. – Ступай к бабе-яге!» – и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала: «На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к бабе-яге; баба-яга съест меня!» Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки. «Не бой-

ся, Василисушка! – сказала она. – Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не станется с тобой у бабы-яги». Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идет она и дрожит. Вдруг скачет мимо ее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, – на дворе стало рассветать.

Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, – стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо вереи у ворот – ноги человечесьи, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне; подскакал к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, – настала ночь. Но

темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга – в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала: «Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?» Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала: «Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнем к тебе». – «Хорошо, – сказала яга-баба, – знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!» Потом обратилась к воротам и вскрикнула: «Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!» Ворота отворились, и баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять все заперлось. Войдя в горницу, баба-яга растянулась и говорит Василисе: «Поддай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу».

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит: «Когда завтра я уеду, ты смотри – двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь, да пойди в заком, возьми четверть пшеницы и очисти ее от чернушки.[61] Да чтоб все было сделано, а не то – съем тебя!» После такого наказу баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила: «На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне яга-баба работу и грозитя съесть меня, коли всего не исполню; помоги мне!» Кукла ответила: «Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!»

Ранешенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый

всадник – и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула – перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник – взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилию во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зерна чернушки. «Ах, ты, избавительница моя! – сказала Василиса куколке. – Ты от беды меня спасла». – «Тебе осталось только обед состряпать, – отвечала куколка, влезая в карман Василисы. – Состряпай с богом, да и отдыхай на здоровье!»

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник – и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья – едет баба-яга. Василиса встретила ее. «Все ли сделано?» – спрашивает яга. «Изволь посмотреть сама, бабушка!» – молвила Василиса. Баба-яга все осмотрела, подсадовала, что не за что рассердить-

ся, и сказала: «Ну, хорошо!» Потом крикнула: «Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!» Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе: «Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зернышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!» Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему: «Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!»

Наутро баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела все и крикнула: «Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!» Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча. «Что ж ты ничего не говоришь со мною? – сказала баба-яга. – Стоишь как немая!» – «Не смела, – отвечала Василиса, – а

если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем». – «Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состареешься!» – «Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?» – «Это день мой ясный», – отвечала баба-яга. «Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?» – «Это мое солнышко красное!» – отвечала баба-яга. «А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?» – «Это ночь моя темная – всё мои слуги верные!»

Василиса вспомнила о трех парах рук и молчала. «Что ж ты еще не спрашиваешь?» – молвила баба-яга. «Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь – состареешься». – «Хорошо, – сказала баба-яга, – что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, ко-

тору я задаю тебе?» – «Мне помогает благословение моей матери», – отвечала Василиса. «Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных». Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала: «Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали».

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и, наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. «Верно, дома, – думает себе, – уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа: «Не бросай меня, неси к мачехе!»

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей – тот погасал, как только входили с ним в

горницу. «Авось твой огонь будет держать-ся!» – сказала мачеха. Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся – глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живет себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке: «Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду». Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у нее, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканье приниматься, да таких берд не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит: «Принеси-ка мне какое-нибудь старое бердо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я все тебе смастерю».

Василиса добыла все, что надо, и легла

спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе: «Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе». Старуха взглянула на товар и ахнула: «Нет, дитятко! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец». Пошла старуха к царским палатам да все мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил: «Что тебе, старушка, надобно?» – «Ваше царское величество, – отвечает старуха, – я принесла диковинный товар; никому, кроме тебя, показать не хочу». Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно – вздивовался. «Что хочешь за него?» – спросил царь. «Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла». Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскрыли, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал: «Уме-ла ты на прясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить». – «Не я, государь,

пряла и соткала полотно, – сказала старуха, – это работа приемыша моего – девушки». – «Ну так пусть и сошьет она!» Воротилась старушка домой и рассказала обо всем Василисе. «Я знала, – говорит ей Василиса, – что эта работа моих рук не минует». Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладывая рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждет, что будет. Видит: на двор к старухе идет царский слуга; вошел в горницу и говорит: «Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее из своих царских рук». Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти. «Нет, – говорит он, – красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою». Тут взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле себя, а там и свадебку сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об ее судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к

себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Жили старичок со старушкою; у них была дочка да сынок маленький. «Дочка, дочка! – говорила мать. – Мы пойдем на работу, принесем тебе булочку, сошьем платьице, купим платочек; будь умна, береги братца, не ходи со двора». Старшие ушли, а дочка забыла, что ей приказывали; посадила братца на травке под окошком, а сама побежала на улицу, заигралась, загулялась. Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльшках. Пришла девочка, глядь – братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда – нету. Кликала, заливалась слезами, причитывала, что худо будет от отца и матери, – братец не откликнулся! Выбежала в чистое поле; метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом. Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шkodили и маленьких детей крадывали; девочка угадала, что они унесли ее братца, бросилась их догонять. Бежала-бежала, стоит печка. «Печка, печка, ска-

жи, куда гуси полетели?» – «Съешь моего ржаного пирожка, скажу». – «О, у моего батюшки пшеничные не едятся!» Печь не сказала. Побежала дальше, стоит яблонь. «Яблонь, яблонь, скажи, куда гуси полетели?» – «Съешь моего лесного яблока, скажу». – «О, у моего батюшки и садовые не едятся!» Побежала дальше, стоит молочная речка, кисельные берега. «Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели?» – «Съешь моего простого киселика с молоком, скажу». – «О, у моего батюшки и сливочки не едятся!»

И долго бы ей бегать по полям да бродить по лесу, да, к счастью, попался еж; хотела она его толкнуть, побоялась наколоться и спрашивает: «Ежик, ежик, не видал ли, куда гуси полетели?» – «Вон туда-то!» – указал. Побежала – стоит избушка на курьих ножках, стоит-поворачивается. В избушке сидит баба-яга, морда жилиная, нога глиняная; сидит и братец на лавочке, играет золотыми яблочками. Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла; а гуси за нею в погоню летят; нагонят злодеи, куда деваться? Бежит молочная речка, кисельные берега. «Речка-матушка,

спрячь меня!» – «Съешь моего киселика!» Нечего делать, съела. Речка ее посадила под бережок, гуси пролетели. Вышла она, сказала: «Спасибо!» и опять бежит с братцем; а гуси воротились, летят навстречу. Что делать? Беда! Стоит яблонь. «Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!» – «Съешь мое лесное яблочко!» Поскорей съела. Яблонь ее заслонила веточками, прикрыла листиками; гуси пролетели. Вышла и опять бежит с братцем, а гуси увидели – да за ней; совсем налетают, уж крыльями бьют, того и гляди – из рук вырвут! К счастью, на дороге печка. «Сударыня печка, спрячь меня!» – «Съешь моего ржаного пирожка!» Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села в устьецо. Гуси полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели. А она прибежала домой, да хорошо еще, что успела прибежать, а тут и отец и мать пришли.

КНЯЗЬ ДАНИЛА-ГОВОРИЛА

Жила-была старушка-княгиня; у нее росли сын да дочь – такие дородные, такие хорошие. Не по нутру они были злой ведьме: «Как бы их извести да до худа довести?» – думала она и придумала; скинулась такой лисой, пришла к их матери и говорит: «Кумушка-голубушка! Вот тебе перстенок, надень его на пальчик твоему сынку, с ним будет он и богат и тороват, только бы не снимал и женился на той девице, которой мое колечко будет по ручке!» Старушка поверила, обрадовалась и, умирая, наказала сыну взять за себя жену, которой перстень годится.

Время идет, а сынок растет. Вырос и стал искать невесту; понравится одна, приглянется другая, а колечко померяют – или мало, или велико; ни той, ни другой не годится. Ездил-ездил и по селам и по городам, всех красных девушек перебрал, а суженой себе не сыскал; приехал домой и задумался. «О чем ты, братец, кручинишься?» – спрашивает его сестра. Открыл он ей свое бездолье, рассказал свое горе. «Что ж это за мудреный персте-

нек? – говорит сестра. – Дай я померяю». Взде-
ла на пальчик – колечко обвилось, засияло,
пришлось по руке, как для ней нарочно выли-
то. «Ах, сестра, ты моя суженая, ты мне бу-
дешь жена!» – «Что ты, брат! Вспомни бога,
вспомни грех, женятся ль на сестрах?» Но
брат не слушал, плясал от радости и велел
сбираться к венцу. Залилась она горькими
слезами, вышла из светлицы, села на пороге
и река-рекой льется!

Идут мимо старушки прохожие; зазвала их
накормить-напоить. Спрашивают они: что ей
за печаль, что за горе? Нечего было таить;
рассказала им все. «Ну, не плачь же ты, не го-
рюй, а послушайся нас: сделай четыре кукол-
ки, рассади по четырем углам; станет брат
звать под венец – иди, станет звать в светли-
цу – не торопись. Надейся на бога, прощай».
Старушки ушли. Брат с сестрой обвенчался,
пошел в светлицу и говорит: «Сестра Катери-
на, иди на перины!» Она отвечает: «Сейчас,
братец, сережки сниму». А куколки в четырех
углах закуковали:

Куку, князь Данила!
Куку, Говорила!

*Куку, сестру свою,
Куку, за себя берет.
Куку, расступись, земля,
Куку, провались, сестра!*

Земля стала расступаться, сестра проваливаться. Брат кричит: «Сестра Катерина, иди на перины!» – «Сейчас, братец, поясок развяжу». Куколки кукуют:

*Куку, князь Данила!
Куку, Говорила!
Куку, сестру свою,
Куку, за себя берет.
Куку, расступись, земля.
Куку, провались, сестра!*

Уже остается одна голова видна. Брат опять зовет: «Сестра Катерина, иди на перины!» – «Сейчас, братец, башмачки сниму». Куколки кукуют, и скрылась она под землей.

Брат зовет еще, зовет громче – нету! Рассердился, прибежал, хлопнул в двери – двери слетели, глянул на все стороны – сестры как не бывало; а в углах сидят одни куклы да знай себе кукуют: «Расступись, земля, провались, сестра!» Схватил он топор, порубил им головы и побросал в печь.

А сестра шла-шла под землю, видит: стоит избушка на курьих ножках, стоит-перевертывается. «Избушка, избушка! Стань ты по-старому, к лесу задом, ко мне передом». Избушка стала, двери отворились. В избушке сидит девица красная, вышивает ширинку серебром и золотом. Встрела гостью ласково, вздохнула и говорит: «Душечка, сеструшечка! Рада я тебе сердечно и привечу тебя и приголублю, пока матери нет; а прилетит, тогда беда и тебе и мне; она у меня ведьма!» Испугалась гостья таких речей, а деваться некуда, села с хозяйкой за ширинку; шьют да разговаривают. Долго ли, коротко ли, хозяйка знала время, знала, когда мать прилетит, обратила гостью в иголочку, заложила в веничек, поставила в уголок. Только она ее прибрала, ведьма шасть в двери: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!» – «Матушка-сударыня! Шли прохожие да зашли водицы напиться». – «Что ж ты их не оставила?» – «Стары, родимая, не по твоим зубам». – «Вперед гляди – на двор всех зазывай, со двора никого не пускай; а я, поднявши лытки, пойду опять на раздобытки». Ушла; девушки сели за ширинку,

шили, говорили и посмеивались.

Прилетела ведьма; нюх-нюх по избе: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!» – «Вот только заходили старички руки погреть; оставляла, не остались». Ведьма была голодна, пожурила дочь и опять улете-ла. Гостья отсиделась в веничке. Скорее при-нялись дошивать ширинку; и шьют, и поспе-шают, и сговариваются: как бы уйти от беды; убежать от лихой ведьмы? Не успели перегля-нуться, перешепнуться, а она к ним в двери, легка на помине, запопала врасплох: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!» – «А вот, матушка, красная девица тебя дожидает». Красная девица глянула на старуху и обмерла! Перед ней стояла баба-яга костяная нога, нос в потолок врос. «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Топи печь жар-ко-жарко!» Наносили дров и дубовых и клено-вых, разложили огонь, пламя из печи бьет.

Ведьма взяла лопату широкую, стала го-стью потчевать: «Садись-ка, красавица, на ло-пату». Красавица села. Ведьма двинула ее в устье, а она одну ногу кладет в печь, а другую на печь. «Что ты, девушка, не умеешь сидеть;

сядь хорошенько!» Поправилась, села хорошенько; ведьма ее в устье, а она одну ногу в печь, а другую под печь. Озлилась ведьма, выхватила ее назад. «Шалишь, шалишь, молодушка! Сиди смирно, вот так; гляди на меня!» Шлеп сама на лопату, вытянула ножки; а девицы поскорей ее в печь посадили, заслонками закрыли, колодами завалили, замазали и засмолили, а сами пустились бежать, взяли с собою шитую ширинку, щетку и гребенку.

Бежали-бежали, глядь назад, а злодейка выдралась, увидала их и посвистывает: «Гай, гай, гай, вы там-то!» Что делать? Бросили щетку – вырос тростник густой-густой: уж не проползет. Ведьма распустила когти, прощипала дорожку, нагоняет близко... Куда деваться? Бросили гребенку – выросла дуброва темная-темная: муха не пролетит. Ведьма наострила зубы, стала работать; что ни хватит, то дерево с корнем вон! Пошвыривает на все стороны, расчистила дорожку и нагоняет опять... вот близко! Бежали-бежали, а бежать некуда, выбились из сил! Бросили ширинку златошвейную – разлилось море широкое, глубокое, огненное; поднялась ведьма высо-

ко, хотела перелететь, пала в огонь и сгорела.

Остались две девицы, бесприютные голубицы; надо идти, а куда? – не знают. Сели отдохнуть. Вот подошел к ним человек, спрашивает: кто они? и доложил барину, что в его владеньях сидят не две пташки залетные, а две красавицы намалеванные – одна в одну родством и дородством, бровь в бровь, глаз в глаз; одна из них должна быть ваша сестрица, а которая – угадать нельзя. Пошел барин поглядеть, зазвал их к себе. Видит – сестра его здесь, слуга не соврал, но которая – ему не узнать; она сердита – не скажется; что делать? «А вот что, сударь! Налью я бараний пузырь крови, положите его себе под мышку, разговаривайте с гостями, а я подойду и хвачу вас ножом в бок; кровь польется, сестра объявится!» – «Хорошо!» Вздумали – сделали: слуга хватил барина в бок, кровь брызнула, брат упал, сестра кинулась обнимать его, и плачет, и причитывает: «Милый мой, ненаглядный мой!» А брат вскочил ни горелый, ни болелый, обнял сестру и отдал ее за хорошего человека, а сам женился на ее подруге, которой и перстенок пришелся по ручке, и зажи-

ли все припеваючи.

ПРАВДА И КРИВДА

Вот, знашь, было какое дело, скажу твоему здорověю. Вот, не во гнев твоей милости, к речи сказать, как мы теперича, с тобой, раскалякались промеж себя двое нашей братьи мужичков, беднеющие-пребеднеющие. Один-от жил кое-как, колотился всеми неправдами, горазд был, знашь, на обманы, и привернуть его было дело, а другой-от, слышь, шел по правде, кабы трудами век прожить. Вот этим делом-то они и заспорили. Один-от говорит: лучше жить кривдой; а другой-от говорит: кривдой век прожить не сможешь, лучше жить как ни есть, да правдой. Вот спорили они, спорили, никто, знашь, не переспорил.

Вот и пошли они, братец мой, на дорогу. Пошли на дорогу и решили спросить до трех раз, кто им навстречу попадет и что на это скажет. Вот они шли-шли, братец мой, и увидали – барский мужичок пашет. Вот, знашь, и подошли к нему. Подошли и говорят: «Бог на помочь тебе, знакомый. Разреши ты наш спор: как лучше жить на белом свете – прав-

дой или кривдой?» – «Нет, слышь, братцы! Правдой век прожить не сможешь, кривдой жить вольготней. Вот и наше дело: бесперечь, [62] слышь, у нас господа отнимают дни, работать на себя некогда; из-за неволи прикинешься, будто что попритчилось – хворь, знашь, нашла; а сам меж этим временем-то в лесишко съездишь по дровицы, не днем, так ночью, коли есть запрет». – «Ну, слышь, моя правда», – говорит криводушный-от правдивому-то.

Вот пошли опять по дороге – что скажет им другой. Шли-шли и видают: едет на паре в повозке с кибиткой купец. Вот подошли они к нему. Подошли и спрашивают: «Остановись-ка, слышь, на часик, не во гнев твоей милости, о чем мы тебя спросим. Реши, слышь, наш спор: как лучше жить на свете – правдой али кривдой?» – «Нет, слышь, ребята! Правдой мудрено жить, лучше кривдой. Нас обманывают, и мы, слышь, обманываем». – «Ну, слышь, моя правда», – говорит опять криводушный-от правдивому-то.

Вот пошли они опять по дороге – что скажет третий. Шли-шли, вот и видят: едет поп

навстречу. Вот они подошли к нему. Подошли, знаешь, к нему и спрашивают: «Остановись-ка, батька, на часочек, реши ты наш спор: как лучше жить на свете – правдой али кривдой?» – «Вот нашли о чем спрашивать. Знамо дело, что кривдой. Какая нонче правда? За правду, слышь, в Сибирь угодишь, скажут – кляузник. Вот хоть к примеру, говорит, сказать вам не солгать: в приходе-то у меня разе десятая доля на духу-то бывает, а знамо дело, мы всех записываем. Зато и нам повольготнее; ин раз ладно и молебен заместо обедни». – «Ну, слышь, – говорит криводушный-от правдивому-то, – вот все говорят, что кривдой лучше жить». – «Нет, слышь! Надо жить по-божью, как бог велит. Что будет, то и будет, а кривдой, слышь, жить не хочу», – говорит правдивый-от криводушному-то.

Вот пошли опять дорогой вместе. Шли-шли, – криводушный-от всяко сумеет ко всем прилаживаться, везде его кормят, и калачи у него есть, а правдивый-от где водицы изопьет, где поработает, его за это накормят, а тот, знаешь, криводушный-от все смеется над ним, Вот раз правдивый-от попросил кусочек

хлебца у криводушного-то: «Дай, слышь, мне кусочек хлебца!» – «А что за него мне дашь?» – говорит криводушный. «Если что хошь – возьми, что у меня есть», – говорит правдивый-от. «Дай глаз я тебе выколю!» – «Ну, выколи», – он ему говорит. Вот этим делом-то криводушный-от и выколол правдивому-то глаз. Выколол и дал ему маленько хлебца. Тот, слышь, стерпел, взял кусочек хлебца, съел, и пошли опять по дороге.

Шли-шли, – опять правдивый-от у криводушного-то стал просить хлебца кусочек. Вот, знашь, тот опять разно стал над ним насмехаться. «Дай, слышь, другой глаз я тебе выколю, ну, дам тогда кусочек». – «Ах, братец, пожалей, я слепой буду», – правдивый-от упрасивал его. «Нет, слышь, зато ты правдивый, а я живу кривдой», – криводушный-от ему говорил. Что делать? Ну, так тому делу и быть. «На, выколи и другой, коли греха не боишься», – правдивый-от говорит криводушному-то. Вот, братец мой, выколол ему и другой-от глаз. Выколол и дал ему маленько хлебца. Дал хлебца и оставил его, слышь, на дороге: «Вот, стану я тебя водить?» Ну что де-

лать, слепой съел, знаешь, кусочек хлебца и пошел потихоньку ощупью с палочкой.

Шел-шел кое-как и сбился, слышь, с дороги и не знает, куды ему идти. Вот и начал он просить бога: «Господи! Не оставь меня, грешного раба твоего!» Молился, слышь, молился, вот и услышал он голос; кто-то ему говорит: «Иди ты направо. Как пойдешь направо, придешь к лесу; придешь к лесу – найди ты ощупью тропинку. Найдешь, слышь, тропинку, поди ты по той тропинке. Пойдешь по тропинке, придешь на гремачий[63] ключ. Как придешь ты к гремачему ключу, умойся из него водой, испей той воды и намочи ею глаза. Как намочишь глаза, ты, слышь, прозреешь! Как прозреешь, поди ты вверх по ключу тому и увидишь большой дуб. Увидишь дуб, подойди к нему и залезь на него. Как залезешь на него, дождись ночи. Дождешься, слышь, ты ночи, слушай, что будут говорить под этим дубом нечистые духи. Они, слышь, тут слетаются на токовище».

Вот он кое-как добрел до леса. Добрел до леса, полазил-полазил по нем, напал кое-как на тропинку. Пошел по той тропинке, дошел

до гремячего ключа. Дошел до ключа, знаешь, умылся водою. Умылся водою, испил и примочил глаза. Примочил глаза и вдруг увидел опять свет божий – прозрел. Вот как прозрел – и пошел, слышь, вверх по тому ключу. Шел-шел по нем вот и видит большой дуб. Под ним все утоптано. Вот он влез на тот дуб. Влез и дождался ночи.

Вот, слышь, начали под тот дуб слетаться со всех сторон бесы. Слетались, слетались, вот и начали рассказывать, где кто был. Вот один бес и говорит: «Я, слышь, был у такой-то царевны. Вот, десять годов ее мучаю. Всяко меня выгоняют из нее, никто меня не сможет выгнать, а выгонит, слышь, тот, кто вот у такого-то богатого купца достанет образ смоленской божьей матери, что у него на воротах в киоте вделан».

Вот наутро, знаешь, как все бесы разлетались, правдивый-от слез с дуба. Слез с дуба и пошел искать того купца. Искал, искал, кое-как нашел его. Нашел и просится работать на него. «Хоть год, слышь, проработаю, ничего мне не надо, только дай мне образ божьей матери с ворот». Купец, знаешь, согласился, при-

нял его к себе в работники. Вот работал он у него что ни есть мочи круглый год. Проработавши год, он и просит тот, знашь, образ. Вот купец, слышь: «Ну, братец, доволен я твоей работой, только жаль мне образа, возьми лучше деньги». – «Нет, слышь, не надо денег, а дай мне его по уговору». – «Нет, слышь, не дам образ. Проработай еще год, ну, так и быть, тогда отдам тебе его». Вот этим делом-то, знашь, правдивый-от мужичок работал еще год. Ни дня, ни ночи не знал, все работал, такой, слышь, старательный был.

Вот проработал год, опять, знашь, стал просить образ божьей матери с ворот. Купцу, слышь, опять жаль и его отпустить и образ-от отдать. «Нет, слышь, лучше я тебя казною награжу, а коли хочешь, то поработай еще год, ну, так отдам тебе образ». Вот так тому делу и быть, опять стал работать год. Работал еще пуще того, знашь, всем на диво, какой был работающий! Вот проработал и третий год. Проработал и опять, знашь, просит образ. Вот купец, делать нечего, снял образ с ворот и отдал ему. «На, возьми образ и ступай с богом». Напоил-накормил его и деньгами, слышь, награ-

дил малую толику.

Вот этим делом-то, знашь, взял он образ смоленской божьей матери. Взял его и повесил на себя. Повесил на себя и пошел, слышь, к тому царю царевну лечить, у которой бес-отмучитель сидит. Шел-шел и пришел к тому царю. Пришел к царю и говорит: «Я-де вашу царевну излечить, слышь, смогу». Вот этим делом-то впустили его в хоромы царские. Впустили и показали ему ту скорбящую царевну. Показали царевну, вот он спросил, знашь, воды. Подали воды, вот он перекрестился. Перекрестился и три земных поклона положил — знашь, помолился богу. Помолился, слышь, богу, вот и снял с себя образ божьей матери. Снял его и с молитвою три раза в воду опустил. Опустил, знашь, и надел его на царевну. Надел на царевну и велел ей тою водою умываться. Вот этим делом-то, как она, матушка, надела на себя тот образ и, знашь, умылась тою водою, вдруг из нее недуг-от, вражья-то нечистая сила, клубом вылетел вон. Вылетел вон, и она, слышь, стала здорова по-прежнему.

Вот этим делом-то невесть как все обрадо-

вались. Обрадовались и не знали, чем наградить этого мужичка. И землю, слышь, давали, и вотчину сулили, и жалованье большое клали. «Нет, слышь, ничего не надо!» Вот царевна-то и говорит царю: «Я замуж за него иду», – «Ладно», – царь-от сказал.

Вот этим делом-то, слышь, и повенчались. Повенчались, и стал наш мужичок ходить в одеже царской, жить в царских хоромах, пить-есть всё и на всё заодно с ними. Жил-жил и принаоторел[64] к ним. Вот как принаоторел он к ним, и говорит: «Пустите меня на родину; у меня, слышь, есть мать, старушка бедная». – «Ладно, – царевна, знашь, жена-то его, сказала. – Поедем вместе».

Вот и поехали они вместе, вдвоем с царевной. Лошади-то, одежда, коляска, сбруя – все царское. Ехали, ехали и подъезжают они, слышь, к его родине. Подъезжают к родине, вот и попадается навстречу им тот криводушный, что, знашь, спорил-то с ним, что лучше жить кривдой, чем правдой. Идет, слышь, навстречу; вот правдивый-от царский сын и говорит: «Здравствуй, братец мой», – называет его, слышь, по имени! Тому, знашь, в дикови-

ну, что в коляске такой знатный барин его знает, и не узнал его. «Помнишь, ты спорил со мною, что лучше жить кривдой, чем правдой, и выколол мне глаза? Это я самый!»

Вот, знашь, он оробел и не знал, что делать. «Нет, не бойся, я на тебя, слышь, и не сержусь, а желаю и тебе такого ж счастья. Вот поди ты в такой-то лес, – знашь, научает его, как его бог научил. – В том лесе увидишь ты тропинку. Поди по той тропинке, придешь ты к гремячему ключу. Напейся, слышь, из того ключа воды и умойся. Как умоешься, поди ты вверх по ключу. Увидишь там ты большой дуб, влезь на него и просиди всю ночь на нем. Под ним, слышь, токовище нечистых духов, и ты слушай и услышишь свое счастье».

Вот, знашь, криводушный-от по его слову, как по-писаному, все это сделал. Нашел лес и ту тропинку. Пошел по тропинке и пришел, слышь, к гремячему ключу. Напился, знашь, и умылся. Умылся и пошел вверх по нем. Пошел вверх и увидел большой дуб, под ним все утоптано. Вот он залез на этот дуб. Залез на дуб, знашь, и дождался ночи. Дождался ночи и слышит, как со всех сторон слетались на то-

ковище нечистые духи. Вот как слетелись – и услышали по духу его на дубу. Услышали, знаешь, по духу и растерзали его на мелкие части.

Так тем, слышь, это дело и покончилось, что правдивый-от стал царским сыном, а криводушного-то загрызли черти.

* * *

Жили два купца: один кривдой, другой правдой; так все и звали их: одного Кривдою, а другого Правдою. «Послушай, Правда! – сказал раз Кривда. – Ведь кривдою жить на свете лучше!..» – «Нет!» – «Давай спорить?» – «Давай». – «Ну, слушай: у тебя три корабля, у меня два; если на трех встречах нам скажут, что жить правдою лучше, то все корабли твои, а если кривдою, то мои!» – «Хорошо!..»

Плыли они много ль, мало ль, сколь не далеко путь свой продолжали, – встретился им купец. «Послушай, господин купец, чем на свете жить лучше: кривдою или правдою?» – «Жил я правдою, да плохо; а теперь живу кривдою, кривда лучше!» Плывут они дальше много ль, мало ль, и встречается им мужичок. «Послушай, добрый человек, чем на свете

лучше жить: кривдою или правдою?» – «Известное дело – кривдою; а правдою куска хлеба не наживешь!» На третьей встрече им сказали то же самое.

Отдал Правда три корабля Кривде, вышел на берег и пошел тропинкою в темный лес. Пришел он в избушку и лег под печку спать. Ночью поднялся страшный шум, и вот кто-то говорит: «А ну-тка, похвалитесь; кто из вас нынче гуще кашу заварил?» – «Я поссорил Кривду с Правдою!» – «Я сделал, что двоюродный брат женится на сестре!» – «Я разорил мельницу и до тех пор буду ее разорять, пока не забьют крест-накрест палей».[65] – «Я сомустил[66] человека убить!» – «А я напустил семьдесят чертенят на одну царскую дочь; они сосут ей груди всякую ночь. А вылечит ее тот, кто сорвет жар-цвет!» (Это такой цвет, который когда цветет – море колыхается и ночь бывает яснее дня; черти его боятся!) Как ушли они, Правда вышел и помешал жениться двоюродному брату на сестре, запрудил мельницу, не дал убить человека, достал жар-цвет и вылечил царевну. Царевна хотела выйти за него замуж, да он не согласился. Подарил ему

царь пять кораблей, и поехал он домой. На дороге встретил Кривду. Кривда удивился богатству Правды, повыспросил у него все, как что было, да и залег ночью под печку в той же избушке... Слетелись духи, да и начали совет держать; как бы узнать того, кто испортил им все дела? Подозревали они самого из них ледащего;[67] как стали его бить да щипать, он бросился под печку, да и вытащил оттуда Кривду. «Я Кривда!» – говорит купец чертям, да все-таки они его не послушали и разорвали на мелкие кусочки.

Так и выходит, что правдою-то жить лучше, чем кривдою.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И МАРФА-ЦАРЕВНА

У одного царя много лет содержался мужичок руки железны, голова чугунна, сам медный, хитрец был, важный человек. Сын царю[68] Иван-царевич был маленький, ходил мимо тюрьмы. Этот старик подкликал его к себе и взмолился ему: «Дай, пожалуйста, Иван-царевич, напиться!» Иван-царевич еще ничего не знал – был маленький, почерпнул воды и подал ему: старика с этого в тюрьме не стало, ушел. Дошла эта вестъ и до царя. Царь приказал Ивана-царевича за это дело выгнать из царства. Царское слово – закон: Ивана-царевича выгнали из царства; пошел он куда глаза глядят.

Шел долго; наконец приходит в друго царство прямо к царю, просится в службу. Царь его принял, приказал сделать конюхом. Он только спит на конюшне, а за конями не ходит; конюшенный староста не однажды бил его. Иван-царевич все терпел. Какой-то царь сватал царевну у этого царя и не высватал; за то объявил войну. Этот царь ушел с войсками, а царством осталась править дочь его

Марфа-царевна. Она и прежде замечала Ивана-царевича, что он не простого роду; за то и послала его в какое-то место губернатором.

Иван-царевич уехал, живет там, правит делом. Один раз поехал он на охоту; только выехал за жило[69] – неоткуда взялся мужичок руки железны, голова чугунна, сам медный: «А, здравствуй, Иван-царевич!» Иван-царевич ему поклонился. Старик зовет его: «Поедем, – говорит, – ко мне в гости». Поехали. Старичок ввел его в богатый дом, крикнул малой дочери: «Эй, давай-ка нам пить и есть, да и полуведерную чашу вина!» Закусили; вдруг дочь приносит полуведерную чашу вина и подносит Ивану-царевичу. Он отказывается, говорит: «Мне не выпить!» Старик велит братья; взял чашу, и откуда у него сила взялася – на один дух так и выпил это вино!

Потом старик созвал его разгуляться; дошли до камня в пятьсот пудов. Старик говорит: «Поднимай этот камень, Иван-царевич!» Он думает себе: «Где мне поднять такой камень! Однако попробую». Взял и легко перекинул; сам опять и думает: «Откуда же у меня берется сила? Небось этот старик в вине ее

мне подает». Походили сколько времени и пошли в дом. Приходят: старик средней дочери крикнул ведро вина принести. Иван-царевич смело взялся за чашу вина, выпил на один дух. Опять пошли разгуляться, дошли до камня в тысячу пудов. Старик говорит Ивану-царевичу: «Ну-ка, переметни этот камень!» Иван-царевич тотчас схватил камень и бросил, и думает себе: «Эка сила хочет во мне быть!»

Воротились опять в дом, и опять старик крикнул большой дочери принести полтора ведра чару зелена вина. Иван-царевич и это выпил на один дух. Пошли со стариком разгуляться. Иван-царевич легонько метнул камень в полторы тысячи пудов. Тогда старик дал ему скатёртку-самовёртку и говорит: «Ну, Иван-царевич, в тебе теперь много силы: лошади не поднять! Крыльцо дома вели переделать, тебя оно не станет поднимать; стулья надо другие же; под полы можно наставить чаще подстоек.[70] Ступай с богом!» Все люди засмеялись, как увидели, что губернатор с охоты идет пешком, а лошадь ведет в поводу. Он пришел домой; под полы велел наставить

стоек, стулья все переделали, стряпок,[71] горничных прогнал, один себе живет, как пустынник. И все дивятся, как живет он голодом; никто ему не стряпает! Даром что его питает скатёртка-самовёртка.

В гости ходить ни к кому он не стал, да и как ходить? Ничего его не поднимало в домах.

Царь между тем с походу воротился, узнал, что Иван-царевич живет губернатором, приказал его сменить и сделать опять конюхом. Нечего делать – Иван-царевич стал жить конюхом. Один раз конюшенный староста стал его куда-то наряжать, да и ударил; Иван-царевич не стерпел, как схватил его сам, так голову и отшиб. Дошло дело это до царя; привели Ивана-царевича. «Почто ты ушиб старосту?» – спросил царь. «Он сам наперед ударил меня; я не шибко[72] и отплатил ему, да как-то по голове: голова и отпала». Другие конюхи сказали то же – задел наперед староста, а Иван-царевич ударил его нешибко. Ничего не сделали с Иваном-царевичем, только сменили из конюхов в солдаты; он и тут начал жить.

Не чрез долгое времени приходит к царю

мужичок сам с ноть, борода с локоть, и по-
дает письмо за тремя черными печатями от
Водяного царя; тут написано: ежели царь в
такой-то день и на такой-то остров не приве-
зет дочь свою Марфу-царевну замуж[73] за
сына Водяного царя, то он людей всех при-
бьет и все царство огнем сожжет; а за Мар-
фой-царевной будет трехглавый змий. Царь
прочитал это письмо, подал от себя другой от-
вет к Водяному царю, что дочь отдать согла-
сен; проводил старика и созвал сенаторов и
думных дьяков думу думать, как отстоять
дочь от трехглавого змия? Ежели не послать
ее на остров, то всему царству от Водяного ца-
ря будет смерть. Кликнули клич, не выищется
ли такой человек, который бы взялся выру-
чать от змия Марфу-царевну? За того ее царь
и замуж отдаст.

Нашелся какой-то поддеггайко,[74] взял
роту солдат, повез Марфу-царевну; привозит
на остров, оставил ее в хижине, а сам остался
ждать змия на улице. Между тем Иван-
царевич узнал, что Марфу-царевну увезли к
Водяному царю, собрался и поехал на остров;
пришел в хижину, Марфа-царевна плачет.

«Не плачь, царица! – сказал он ей. – Бог милостив!» Сам лег на лавку, голову положил на колена Марфе-царице и уснул. Вдруг змий и начал выходить, воды за ним хлынуло на три аршина. Барин с солдатами стоял тут; как начала вода прибывать, он и скомандовал им: «Марш на лес!» Солдаты все сбились на лес. Змий вышел и идет прямо в хижину. Марфа-царица увидела, что змий идет за ней, начала Ивана-царевича будить; тот соскочил, на один раз отсек все три головы у змия, а сам ушел. Барин повез Марфу-царицу домой к отцу.

Не чрез много времени старик сам с ноготь, борода с локоть выходит опять из воды и несет от Водяного царя письмо за шести черными печатями, чтобы царь привез дочь на тот же остров шестиглавному змию; а ежели он не отдаст Марфу-царицу, то Водяной царь грозился все царство потопить. Царь отписал опять, что согласен отдать Марфу-царицу. Маленький старичонко ушел. Царь начал кликать клич; послали везде бумаги: не найдется ли такой человек, который бы избавил Марфу-царицу от змия? Тот же барин

опять явился, говорит: «Я, ваше царско величество, избавлю; только дайте роту солдат». – «Да больше не надо ли? Теперь змий о шести главах». – «Будет.[75] Мне и этого много».

Собрались все, повезли Марфу-царевну; а Иван-царевич узнал, что Марфа-царевна опять в напасти, за добродетель ее, что его сделала губернатором, пошел туда ли, поехал ли; так же застал Марфу-царевну в хижине, входит к ней. Она уж ждет его; только увидела – обрадовалась. Он лег и уснул. Вдруг шестиглавый змий и начал выходить; воды хлынуло на шесть аршин. Барин с солдатами еще сперва[76] сидел на лесу.[77] Змий вошел в хижину, Марфа-царевна разбудила Ивана-царевича; вот они схватились, бились-бились, Иван-царевич отсек змию голову, другу, третью, и все шесть, и сбросал их в воду, а сам будто ни в чем не бывал – пошел. Барин с солдатами слез с лесу, поехал домой, доносит царю, что бог помог отстоять Марфу-царевну; и ее, видно, настрашал чем-то этот барин: она не смела сказать, что не он отстаивал ее. Барин стал приступать, чтобы сделали свадьбу. Марфа-царевна велит подождать. «Дайте, – го-

ворит, – мне поправиться со страху; я и то вон как напугалась!»

Вдруг опять тот же старик сам с ноготь, борода с локоть выходит из воды и несет письмо с девяти черными печатями, чтобы царь немедленно послал Марфу-царевну на такой-то остров и в такой-то день к девятиглавому змию, а ежели не пошлет, то все его царство будет потоплено. Царь опять отписал, что согласен; сам начал искать такого человека, какой бы избавил царевну от девятиглавого змия. Тот же барин опять выискался и поехал с ротой солдат и с Марфой-царевной.

Иван-царевич услышал это, собрался и отправился туда же, а Марфа-царевна там ждет уж его. Он пришел; она обрадовалась, стала его спрашивать, какого он роду, кто такой, как зовут? Он ничего не сказал, лег и уснул. Вот девятиглавый змий и начал выходить, воды поднял на себе на девять аршин. Барин опять скомандовал солдатам: «Марш на лес!» Залезли. Марфа-царевна будит Ивана-царевича, не может разбудить; змий уж близко у порогу! Она слезно заплакала; Ивана-царевича разбудить все не может. Змий уж подползает,

только схватить Ивана-царевича! Он все спит. У Марфы-царевны был ножичек перочинный; она им и резнула по щеке Ивана-царевича. Он проснулся, соскочил, схватился со змием биться-барахтаться. Вот змий начал издолять[78] Ивана-царевича. Неоткуда взялся мужичок руки железны, голова чугунна, сам медный, схватил змия; отсекли двоймя ему все головы, сбросали в воду и ушли. Барин пуще[79] того обрадовался; соскакали с лесу, отправились в свое царство, и он неотступно стал просить царя сделать свадьбу. Марфа-царевна отказывалась: «Подождите немного да дайте мне оправиться; я и то вон как испугалась!»

Старичок сам с ноготок, борода с локоток опять принес письмо. Водяной царь требует виноватого. Барину и не хотелось было ехать к Водяному царю, да нечего делать – послали. Снарядили корабль и отправились (а Иван-царевич тут на флоте служил, как-то попал тут же на корабль); плывут. Вдруг навстречу им корабль – как птица летит, только и кричат: «Виноватого, виноватого!» – и пробежал мимо. Немного отплыли, другой корабль на-

встречу, и опять кричат: «Виноватого, виноватого!» Иван-царевич указал на барина; уж они его били-били – до полусмерти! Проехали.

Вот приезжают они к Водяному царю. Водяной царь приказал натопить докрасна чугунную ли, железную ли баню и виноватого посадить туда. Барин перепугался, душа в пятки ушла! Смертонька приходит! А у Ивана-царевича остался с тех кораблей[80] какой-то человек, увидел, что Иван-царевич не простого роду, и стал у него служить. Иван-царевич и послал его: «Ступай, просиди в бане». Тот сейчас сбегал; ему – дьявол то и есть – ничего там не делается, прибежал обратно невредим. Виноватого опять потребовали, теперь уж к самому Водяному царю; барина увели. Уж его ругал-ругал, бил-бил Водяной царь и велел прогнать. Поехали обратно.

Барин дома пуще еще стал гордиться и не отходит от царя, приступает, чтобы сделал свадьбу. Царь просватал; назначили день, когда быть свадьбе. Барин – где поднялся! Рукой не достанешь! Никто близко не подходит! А царевна говорит отцу: «Батюшка! Вели со-

брать всех солдат; я хочу посмотреть их». Тотчас солдат собрали. Марфа-царевна и пошла, всех обошла и доходит до Ивана-царевича, взглянула на щеку и видит рубец, как она ножичком его резнула; берет она Ивана-царевича за руку и ведет к отцу: «Вот, батюшка, кто меня избавил от змиев; я не знала – кто он, а теперь узнала по рубцу на щеке. Барин-от сидел с солдатами на лесу!» Тут же солдат тех спросили: сидели ли они на лесу? Они сказали: «Правда, ваше царско величество! Барин был еле жив, не годен!» Того разу его разжаловали и послали в ссылку; а Иван-царевич обвинчался на Марфе-царевне, стал жить да быть и хлеб жевать.

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ И СЛУЖАНКА

Жил купец пребогатый; у него одна дочь была хороша-расхороша! Развозит этот купец товар по разным губерниям, и приехал он в некое царство к царю, привез красный товар и стал ему отдавать. Изымел с ним царь таково слово: «Что, – говорит, – я по себе невесты не найду?» Вот купец и стал говорить этому царю: «У меня есть дочка хороша; так хороша, что человек ни вздумает, то она узнает!» То царь часа часовать не стал, написал письмо и скричал своим господам жандармам: «Ступайте вы к этому купцу и отдайте это письмо купеческой дочери!» – а в письме написано: «Убирайся венчаться».

Взяла купеческая дочь это письмо на руки, залилась слезами и стала убираться, и служанка с нею; и никто эту служанку не разгадает с купеческой дочерью: потому не разгадает, что обе на одно лицо. Вот убрались они в одинаков платье и едут к царю венчаться. Досадно стало этой служанке; сейчас и говорит: «Пойдем, по острову погуляем!» Пошли по острову; усыпила служанка купеческую

дочь сонным зельем, вырезала у ней глаза и положила в карманчик. Потом приходит к жандармам и говорит: «Господа жандармы! Уходилась на море моя служанка». А они в ответ: «Нам лишь бы ты была жива, а эта крестьянка вовсе не нужна!» Приехали к царю; сейчас стали венчаться и начали жить. Вот царь сам себе думает: «Должно быть, купец меня обманул! Это не купеческая дочь. Отчего она так нехороша умом-разумом? Во все ничего не умеет делать!»

Живет он с нею; а эта купеческая дочь опомнилась от болезни, что ей служанка-то причинила: ничего она не видит, а только слышит. И слышит она, что стережет старичок скотину; стала ему говорить: «Где ты, дедушка, находишься?» – «Я живу в избушке». – «Прими и меня с собою». Старичок принял ее. Она и говорит: «Дедушка, отгони скотину-то!» Он ее послушал – отогнал скотину. И посылает она этого старика в лавку: «Возьми ты бархату и шелку в долг». Старик пошел. Из богатых никто не дал в долг, а дали ему из бедной лавки. Принес он слепенькой бархату и шелку. Она ему говорит: «Дедушка, ложись спать

и ухом не веде; а мне что день, что ночь – все равно!» И стала из бархату и шелку царскую корону шить; вышила такую хорошую корону, что глядеть – не нагладишься.

Поутру рано будит слепенькая старика и говорит: «Поди, отнеси к царю; ничего не проси, а проси только глаз; и что над тобой ни будут там делать, – ничего не бойся!» Вот он пришел во дворец, принес корону. Тут все над этой короной сдивовались и стали у него торговать; а старичок стал у них просить глаз. Сейчас донесли царю, что он глаз просит. Царь вышел, обрадовался короне и начал торговать ее, а тот и с него глаз просит. Ну, царь заругался и хотел уж его в острог сажать. Только что царь ни говорит, а он свое дело правит. Царь скричал своим жандармам: «Подите, у пленного солдата вырежьте глаз!» А жена его, царица, сейчас выскочила, вынимает глаз и дает его царю. Царь очень обрадовался: «Ах, как ты меня выручила, царевнушка!» – и отдал старику этот глаз.

Старик взял и пошел со дворца; пришел в свою избушку. Слепая спрашивает: «Взял ли ты, дедушка, мой глазок?» Он говорит: «Взял».

Вот она приняла у него, вышла на зорю, поплевала на глазок, приставила – и стала видеть.

Посылает она старичка опять в лавки, дала ему денег, велела долг отдать за шелк и за бархат и еще приказала взять бархату и золота. Взял он у бедного купца и принес купеческой дочери и бархату и золота. Вот она села шить другую корону, сшила и посылает старичка к этому же царю, а сама приказывает: «Ничего не бери, только глаз проси; а станут тебя спрашивать, где ты взял, – скажи: мне бог дал!»

Пришел старик во дворец; там все сдвигались; первая корона была хороша, а эта еще лучше. И говорит царь: «Что ни давать, а купить надо!» – «Дай мне глаз», – просит старик. Царь сейчас посылает вырезать глаз у пленного, а супруга царева тут же и вынимает другой глазок. Царь очень обрадовался, благодарит ее: «Ах, как ты меня, матушка, выручила этим глазком!» Спрашивает царь старичка: «Где ты, старичок, берешь эти короны?» – «Мне бог дал!» – сказал ему старик и пошел со дворца. Приходит в избушку, отдает глазок

слепенькой. Она вышла опять на зорю, попле-вала глазок, приставила его – и стала видеть обоими глазами. Ночь спала в избушке, а то вдруг очутилась в стеклянном доме, и завела она гулянья.

Едет царь посмотреть, что такое за диво, кто такой построил эти хоромы? Въехал во двор, и так она ему рада, сейчас его принимает и за столик сажает. Попировал там, уезжает и зовет ее к себе в гости. Вернулся к себе в дом и рассказывает своей царице: «Ах, матушка, какой в этом месте дом и какая в нем девица! Кто что ни вздумает, то она узнает!» Царица догадалась и говорит сама себе: «Это, верно, она, которой я глаза вырезала!»

Вот царь опять едет к ней в гости, а царице очень досадно. Приехал царь, попировал и зовет ее в гости. Она стала убираться и говорит старичку: «Прощай! Вот тебе сундук денег: до дна его не добирай – всегда будет полон. Ляжешь ты спать в этом стеклянном доме, а встанешь в избушке своей. Вот я в гости поеду; меня вживе не будет – убьют и в мелкие части изрубят; ты встань поутру, сделай гробок, собери мои кусочки и похорони». Стари-

чок заплакал об ней. Тем же часом жандармы приехали, посадили ее и повезли. Привозят ее в гости, а царица на нее и не смотрит – сейчас застрелила бы ее.

Вот и вышла царица на двор и говорит жандармам: «Как вы эту девку домой повезете, так тут же иссеките ее в мясные части и выньте у ней сердце да привезите ко мне!» Повезли они купеческу дочь домой и разговаривают с ней быстро; а она уж знает, что они хотят делать, и говорит им: «Секите ж меня скорее!» Они иссекли ее, вынули у ней сердце, а самою в назём закопали и приехали во дворец. Царица вышла, взяла сердце, скатала его в яйцо и положила в карман. Старичок спал в стеклянном дому, а встал в избушке и залился слезами. Плакал-плакал, а дело надо исполнить. Сделал гроб и пошел искать ее; нашел в навозе, разрыл, собрал все части, положил их в гроб и похоронил у себя.

А царь не знает никакого дела, едет к купеческой дочери в гости. Приехал на то место – нет ни дома, нет ни девицы, а только где она схоронена, там над ней сад вырос. Вернулся во дворец и стал царице рассказывать: «Ез-

дил-ездил, не нашел ни дома, ни девицы, а только один сад!» Вот царица услышала об этом; вышла на двор и говорит жандармам: «Ступайте вы, посеките на том месте сад!» Приехали они к саду и стали его сечь, а он весь окаменел.

Не терпится царю – хочется сад посмотреть; вот и едет глядеть его. Приехал в сад и увидел в нем мальчика – и какой хорошенький мальчик! «Верно, – думает, – господа гуляли да потеряли». Взял его во дворец, привез в свои палаты и говорит царице: «Смотри, матушка, не расквили[81] его». А мальчик на то время так раскричался, что ничем его и не забавят: и так и сяк, а он знай кричит! Царица вынула из карманчика яичко, скатанное из сердца, и дала ему; он и перестал кричать, начал бегать по комнатам. «Ах, матушка, – говорит царь царице, – как ты его утетила!»

Мальчик побег на двор, а царь за ним; он на улицу – и царь на улицу, он в поля – и царь в поля, он в сад – и царь в сад. Увидал там этот царь девицу и очень обрадовался. Девица и говорит ему: «Я твоя невеста, купеческая дочь, а царица твоя – моя служанка». Вот и

приехали они во дворец. Царица упала ей в ноги: «Прости меня!» – «А ты меня не прощала: один раз глаза вырезала, а в другой велела в мелкие части рассечь!» Царь и говорит: «Жандармы! Вырежьте же теперь и царице глаза и пустите ее в поля». Вырезали ей глаза, привязали к коням и пустили в поля. Размыкали ее кони по чистому полю. А царь с молодой царицею стали жить да поживать, добра наживать. Царь ею завсегда любовался и в золоте водил.

ТРИ ЦАРСТВА – МЕДНОЕ, СЕРЕБРЯНОЕ И ЗОЛОТОЕ

Бывало да живало – жили-были старик да старушка; у них было три сына: первый – Егорушко Залёт, второй – Миша Косолапый, третий – Ивашко Запечник. Вот вздумали отец и мать их женить; послали большого сына присматривать невесту, и он шел да шел – много времени; где ни посмотрит на девок, не может прибрать себе невесты, всё не глянутся.[82] Потом встретил на дороге змея о трех головах и испугался, а змей говорит ему: «Куда, добрый человек, направился?» Егорушко

говорит: «Пошел свататься, да не могу невесты приискать». Змей говорит: «Пойдем со мной; я поведу тебя, можешь ли достать невесту?»

Вот шли да шли, дошли до большого камня. Змей говорит: «Отвори камень; там чего желаешь, то и получишь». Егорушко старался отворотить, но ничего не мог сделать. Змей сказал ему: «Дак нет же тебе невесты!» И Егорушко воротился домой, сказал отцу и матери обо всем. Отец и мать опять думали-подумали, как жить да быть, послали среднего сына, Мишу Косолапого. С тем то же самое случилось. Вот старик и старушка думали-подумали, не знают, что делать: если послать Ивашку Запечного, тому ничего не сделать!

А Ивашко Запечный стал сам проситься посмотреть змея; отец и мать сперва не пускали его, но после пустили. И Ивашко тоже шел да шел, и встретил змея о трех головах. Спросил его змей: «Куда направился, добрый человек?» Он сказал: «Братья хотели жениться, да не смогли достать невесту; а теперь мне черед выпал». – «Пожалуй, пойдем, я покажу; сможешь ли ты достать невесту?»

Вот пошли змей с Ивашком, дошли до того же камня, и змей приказал камень отворотить с места. Ивашко хватил его, и камень как не бывал – с места слетел; тут оказалась дыра в землю, и близ нее утверждены ремни. Вот змей и говорит: «Ивашко, садись на ремни; я тебя спущу, и ты там пойдешь и дойдешь до трех царств, а в каждом царстве увидишь по девице».

Ивашко спустился и пошел; шел да шел, и дошел до медного царства; тут зашел и увидел девицу, прекрасную из себя. Девица говорит: «Добро пожаловать, небывалый гость! Приходи и садись, где место просто[83] видишь; да скажись, откуда идешь и куда?» – «Ах, девица красная! – сказал Ивашко. – Не накормила, не напоила, да стала вести спрашивать». Вот девица собрала на стол всякого кушанья и напитков; Ивашко выпил и поел и стал рассказывать, что иду-де искать себе невесты: «если милость твоя будет – прошу выйтить за меня». – «Нет, добрый человек, – сказала девица, – ступай ты вперед, дойдешь до серебряного царства: там есть девица еще прекраснее меня!» – и подарила ему серебря-

ный перстень.

Вот добрый молодец поблагодарил девицу за хлеб за соль, распростился и пошел; шел да шел, и дошел до серебряного царства; зашел сюда и увидел: сидит девица прекраснее первой. Помолился он богу и бил челом: «Здорово, красная девица!» Она отвечала: «Добро пожаловать, прохожий молодец! Садись да хвастай: чей, да откуда, и какими делами сюда зашел?» – «Ах, прекрасная девица! – сказал Ивашко. – Не напоила, не накормила, да стала вести спрашивать». Вот собрала девица стол, принесла всякого кушанья и напитков; тогда Ивашко попил, поел, сколько хотел, и начал рассказывать, что он пошел искать невесты, и просил ее замуж за себя. Она сказала ему: «Ступай вперед, там есть еще золотое царство, и в том царстве есть еще прекраснее меня девица», – и подарила ему золотой перстень.

Ивашко распростился и пошел вперед, шел да шел, и дошел до золотого царства, зашел и увидел девицу прекраснее всех. Вот он богу помолился и, как следует, поздоровался с девицей. Девица стала спрашивать его: откуда

да и куда идет? «Ах, красная девица! – сказал он. – Не напоила, не накормила, да стала вести спрашивать». Вот она собрала на стол всякого кушанья и напитков, чего лучше требовать нельзя. Ивашко Запечник угостился всем хорошо и стал рассказывать: «Иду я, себе невесту ищу; если ты желаешь за меня замуж, то пойдем со мною». Девица согласилась и подарила ему золотой клубок, и пошли они вместе.

Шли да шли, и дошли до серебряного царства – тут взяли с собой девицу; опять шли да шли, и дошли до медного царства – и тут взяли девицу, и все пошли до дыры, из которой надобно вылезать, и ремни тут висят; а старшие братья уже стоят у дыры, хотят лезть туда же искать Ивашку.

Вот Ивашко посадил на ремни девицу из медного царства и затряс за ремень; братья потащили и вытащили девицу, а ремни опять опустили, Ивашко посадил девицу из серебряного царства, и ту вытащили, а ремни опять опустили; потом посадил он девицу из золотого царства, и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и сам Ивашко сел: братья потащили

и его, тащили-тащили, да как увидели, что это – Ивашко, подумали: «Пожалуй, вытащим его, дак он не даст ни одной девицы!» – и обреза́ли ремни; Ивашко упал вниз. Вот, делать нечего, поплакал он, поплакал и пошел вперед; шел да шел, и увидел: сидит на пне старик – сам с четверть, а борода с локоть – и рассказал ему все, как и что с ним случилось. Старик научил его идти дальше: «Дойдешь до избушки, а в избушке лежит длинный мужчина из угла в угол, и ты спроси у него, как выйти на Русь».

Вот Ивашко шел да шел, и дошел до избушки, зашел туда и сказал: «Сильный Идолице! Не погуби меня: скажи, как на Русь попасть?» – «Фу-фу! – проговорил Идолице. – Русскую коску[84] никто не звал, сама пришла. Ну, пойди же ты за тридцать озер; там стоит на куриной ножке избушка, а в избушке живет яга-баба; у ней есть орел-птица, и она тебя вынесет». Вот добрый молодец шел да шел, и дошел до избушки; зашел в избушку, яга-баба закричала: «Фу, фу, фу! Русская коска, зачем сюда пришла?» Тогда Ивашко сказал: «А вот, бабушка, пришел я по приказу

сильного Идолища попросить у тебя могучей птицы орла, чтобы она вытащила меня на Русь». – «Иди же ты, – сказала яга-баба, – в садок; у дверей стоит караул, и ты возьми у него ключи и ступай за семь дверей; как будешь отпирать последние двери – тогда орел встрепенется крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми с собою говядины, и когда он станет оглядываться, ты давай ему по куску мяса».

Ивашко сделал все по приказанью ягой-бабки, сел на орла и полетел; летел-летел, орел оглянулся – Ивашко дал ему кусок мяса; летел-летел и часто давал орлу мяса, уж скормил все, а еще лететь не близко. Орел оглянулся, а мяса нет; вот орел выхватил у Ивашка из холки кусок мяса, съел и вытащил его в ту же дыру на Русь. Когда сошел Ивашко с орла, орел выхаркнул кусок мяса и велел ему приложить к холке. Ивашко приложил, и холка заросла. Пришел Ивашко домой, взял у братьев девицу из золотого царства, и стали они жить да быть, и теперь живут. Я там был, пиво пил; пиво-то по усу текло, да в рот не попало.

ФРОЛКА-СИДЕНЬ

Жил-был царь, у него было три дочери, да такие красавицы, что ни в сказке сказать, ни пером написать; любили они по вечерам гулять в своем саде, а сад был большой и славный. Вот змий черноморский и повадился туда летать. Однажды дочери царские припоздали в саду, засмотрелись на цветы; вдруг откуда ни взялся змий черноморский и унес их на своих огненных крыльях. Царь ждать-пождать – нет дочерей! Послал служанок искать их в саду, но все было напрасно; служанки не нашли царевен. Утром царь сделал тревогу, народу собралось множество. Тут царь и говорит: «Кто разыщет моих дочерей, тому сколько угодно дам денег».

Вот и набрались трое: солдат-пьяница, Фролка-сидень и Ерема; уговорились с царем и пустились искать царевен. Шли они, шли и пришли в дремучий, густой лес. Только вошли в него, сильный сон стал одолевать их. Фролка-сидень вытащил из кармана табакерку, постучал, открыл ее и пхнул в нос охапку табаку; потом зашумел: «Эй, братцы, не

уснем, не воздремлем! Идите дальше».

Вот и пошли; шли-шли и приходят, наконец, к огромному дому, а дом этот был пятиглавого змия. Долго они стучали в ворота и не могли достучаться. Вот Фролка-сидень оттолкнул солдата и Ерему: «Пустите-ка, братцы!» Понюхал табуку и стукнул в двери так сильно, что расшиб их. Тут вошли они на двор, сели в кружок и собираются закусить чем бог послал. А из дома выходит девица, собою такая красавица; вышла и говорит: «Зачем вы, голубчики, сюда зашли? Ведь здесь живет прелихой змий; он вас съест! Счастливы вы, что его теперь дома нет». Фролка отвечает ей: «Мы сами его съедем!» Не успел вымолвить эти слова, вот и летит змий, летит и рычит: «Кто мое царство разорил? Ужель в свете есть мне противники? Есть у меня один противник, да его и костей сюда ворон не занесет!» – «Ворон меня не занесет, – сказал Фролка, – а добрый конь завезет!» Змий, услышав такие слова, сказал: «Мириться, что ли, али драться?» – «Не мириться я пришел, – говорит Фролка, – а драться!»

Вот разошлись они, соступились, и Фролка

с одного маху срубил все пять голов змию, взял и положил их под камень, а туловище зарыл в землю. Тут девица обрадовалась и говорит этим молодцам: «Возьмите меня, голубчики, с собою». – «Да ты чья?» – спросили они. Она говорит, что царская дочь; Фролка также рассказал ей, что было нужно; вот и сошлось у них дело! Царевна позвала их в хоромы, накормила-напоила и просит, чтоб они выручили и других ее сестер. Фролка отвечал: «Да мы за этим и посланы!» Царевна рассказала, где живут ее сестры: «У средней сестры еще страшнее моего: с нею живет змий семиголовый». – «Нужды нет! – сказал Фролка. – Мы и с тем справимся; разве долго покопаюсь я с двенадцатиглавым змием». Распростились и пошли дальше.

Приходят к средней сестре. Палаты, в которых она заключена была, огромные, а вокруг палат ограда высокая, чугунная. Вот подошли они и начали искать ворота; нашли, Фролка что ни есть силы бухнул в ворота, и ворота растворились; вошли они на двор и опять по-прежнему сели позакусить. Вдруг летит семиголовый змий. «Что-то русским духом пах-

нет! – говорит он. – Ба! Это ты, Фролка, сюда зашел. Зачем?» – «Я знаю, зачем!» – отвечал Фролка, сразился с змием и с одного маху сшиб ему все семь глав, положил их под камень, а туловище зарыл в землю. Потом вошли они в палаты; проходят комнату, другую и третью, в четвертой увидели среднюю царскую дочь – сидит на диване. Как рассказали они ей, каким образом и для чего сюда пришли, она повеселела, начала угощать их и просила выручить от двенадцатиглавого змия ее меньшую сестру. Фролка сказал: «А как же! Мы за этим и посланы. Только что-то робеет сердце; ну, да авось бог! Поднеси-ка нам еще по чарочке».

Вот выпили они и пошли; шли-шли и пришли к оврагу крутому-раскрутому. На другой стороне оврага стояли вместо ворот огромные столбы, а к ним прикованы были два страшные льва и рычали так громко, что Фролка только один устоял на ногах, а товарищи его от страха попадали на землю. Фролка сказал им: «Я не такие страсти видал – и то не робел, пойдите за мною!» – и пошли дальше.

Вдруг вышел из палат старец – примерно

лет семидесяти, увидал их, пошел к ним навстречу и говорит: «Куда вы идете, мои родимые?» – «Да вот в эти палаты», – отвечал Фролка. «И, мои родимые! Не на добро вы идете; в этих палатах живет двенадцатиглавый змий. Теперь его нет дома, а то бы он вас сейчас поел!» – «Да нам его-то и нужно». – «Когда так, – сказал старик, – ступайте; я проведу вас туда». Старик подошел ко львам и начал их гладить; тут Фролка пробрался с своими товарищами на двор.

Вот вошли они и в палаты; старик повел их в ту комнату, где жила царевна. Увидела она их, проворно скочила с кровати, подошла и порасспросила: кто они таковые и зачем пришли? Они рассказали ей. Царевна угостила их, а сама уж начала сряжаться.[85] Только стали они выходить из хором – вдруг видят в версте от них летит змий. Тут царская дочь бросилась назад в хоромы, а Фролка с товарищами пошел навстречу и сразился с змием. Змий сначала очень шибко напал на них, но Фролка – парень расторопный! – успел одержать победу, сшиб ему все двенадцать голов и кинул их в овраг. Потом вошли назад в хо-

ромы и начали гулять от радости пуще прежнего; а после отправились в путь и зашли за другими царевнами и все вместе прибыли на родину. Царь очень обрадовался, растворил им свою царскую казну и сказал: «Ну, верные мои слуги, – берите, сколько угодно, себе денег за работу». Фролка был тороват: принес свою большую шапку треуху; солдат принес свой ранец, а Ерема принес куриное лукошко. Вот Фролка первый стал насыпать, сыпал-сыпал, треуха и прорвалась, и серебро утонуло в грязь. Фролка опять начал сыпать: сыпет, а из треухи валится! «Нечего делать! – сказал Фролка. – Верно, вся царская казна за меня пойдет». – «А нам-то что останется?» – спросили его товарищи. «У царя достанет казны и на вас!» Ерема давай-ка, пока деньги есть, насыпать лукошко, а солдат ранец, насыпал и пошли себе домой. А Фролка с треухой остался подле царской казны и поныне сидит да насыпает. Когда насыпет треуху, тогда дальше скажу; а теперь нет мочи и духу.

БУРЯ-БОГАТЫРЬ ИВАН КОРОВИЙ СЫН

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король со своей королевою; не имели они детей, а жили вместе годов до десяти, так что король послал по всем царям, по всем городам, по всем народам – по чернети:[86] кто бы мог полечить, чтоб королева забеременела? Съехались князья и бояры, богатые купцы и крестьяне; король накормил их досыта, напоил всех допьяна и начал выпрашивать. Никто не знает, не ведает, никто не берется сказать, от чего б королева могла плод понести; только взялся крестьянский сын. Король вынимает и дает ему полную горсть червонцев и назначает сроку три дня.

Ну, крестьянский сын взялся взялся, а что сказать – того ему и во сне не снилось; вышел он из города и задумался крепко. Попадается ему навстречу старушка: «Скажи мне, крестьянский сын, о чем ты задумался?» Он ей отвечает: «Молчи, старая хрычовка, не досаждай мне!» Вот она вперед забежала и говорит: «Скажи мне думу свою крепкую; я чело-

век старый, все знаю». Он подумал: «За что я ее избранил? Может быть, что и знает. – Вот, бабушка, взялся я королю сказать, от чего бы королева плод понесла; да сам не знаю». – «То-то! А я знаю; поди к королю и скажи, чтоб связали три невода шелковые; которое море под окошком – в нем есть щука златокрылая, против самого дворца завсегда гуляет. Когда поймает ее король да изготовит, а королева покушает, тогда и понесет детище».

Крестьянский сын сам поехал ловить на море; закинул три невода шелковые – щука вскочила и порвала все три невода. В другой раз кинул – тож порвала. Крестьянский сын снял с себя пояс и с шеи шелковый платочек, завязал эти невода, закинул в третий раз – и поймал щуку златокрылую; несказанно обрадовался, взял и понес к королю. Король приказал эту щуку вымыть, вычистить, изжарить и подать королеве. Повара щуку чистили да мыли, помои за окошко лили: пришла корова, ополощины[87] выпила. Как скоро повара щуку изжарили, прибежала девка-чернавка, положила ее на блюдо, понесла к королеве, да дорогой оторвала крылышко и попро-

бовала. Все три понесли в один день, в один час: корова, девка-чернавка и королева.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Через несколько времени приходит со скотного двора скотница, докладывает королю, что корова родила человека. Король весьма удивился; не успел он принять эти речи, как бегут сказать ему, что девка-чернавка родила мальчика точь-в-точь как коровий сын; а вслед за тем приходят докладывать, что и королева родила сына точь-в-точь как коровий – голос в голос и волос в волос. Чудные уродились мальчики! Кто растет по годам, а они растут по часам; кто в год – они в час таковы, кто в три года – они в три часа. Стали они на возрасте, слышали в себе силу могучую, богатырскую, приходят к отцу-королю и просят в город погулять, людей посмотреть и себя показать. Он им позволил, наказал гулять тихо и смирно и дал денег столько, сколько взять смогли.

Пошли добрые молодцы: один назывался Иван-царевич, другой Иван девкин сын, третий Буря-богатырь Иван коровий сын; ходили-ходили, ничего не купили. Вот Иван-царе-

вич завидел стеклянные шарики и говорит братьям: «Давайте, братцы, купим по шарiku да станем вверх бросать; кто бросит выше, тот у нас будет старший». Братья согласились; кинули жеребий – кому бросать вперед? Вышло Иван-царевичу. Он кинул высоко, а Иван девкин сын еще выше, а Буря-богатырь коровий сын так закинул, что из виду пропал, и говорит: «Ну, теперь я над вами старший!» Иван-царевич рассердился: «Как так! Коровий сын, а хочет быть старшим!» На то Буря-богатырь ему отвечал: «Видно, так богу угодно, чтоб вы меня слушались».

Пошли они путем-дорогою, приходят к Черному морю, в море клохчет гад. Иван-царевич говорит: «Давайте, братцы, кто этот гад уйма, тот из нас будет большой!» Братья согласились. Буря-богатырь говорит: «Унимай ты, Иван-царевич! Уймаешь – будешь над нами старший». Он начал кричать, унимать, гад пуще разозлился. Потом начал унимать Иван девкин сын – тоже ничего не сделал. А Буря-богатырь закричал да свою тросточку в воду бросил – гаду как не бывало! И опять говорит: «Я над вами старший!» Иван-царевич

рассердился: «Не хотим быть меньшими братьями!» – «Ну так оставайтесь сами по себе!» – сказал Буря-богатырь и воротился в свое отечество; а те два брата пошли – куда глаза глядят.

Король узнал, что Буря-богатырь один пришел, и приказал посадить его в крепость; не дают ему ни пить, ни есть трое суток. Богатырь застучал кулаком в каменную стену и закричал богатырским голосом: «Доложите-ка своему королю, а моему названому отцу, за что про что он меня не кормит? Мне ваши стены – не стены, и решетки – не решетки, захочу – все кулаком расшибу!» Тотчас докладывают все это королю; король приходит к нему сам и говорит: «Что ты, Буря-богатырь, похваляешься?» – «Названный мой батюшка! За что про что ты меня не кормишь, трое суток голодной смертью моришь? Я не знаю за собой никакой вины». – «А куда ты девал моих сыновей, а своих братьев?» Буря-богатырь коровий сын рассказал ему, как и что было: «Братья живы-здоровы, ничем невредимы, а пошли – куда глаза глядят». Король спрашивает: «Отчего же ты с ними не пошел?» – «От-

того, что Ивану-царевичу хочется быть старшим, а по жеребью мне достается». – «Ну хорошо! Я пошлю воротить их». Буря-богатырь говорит: «Никто, кроме меня, не догонит их; они пошли в такие места – в змеиные края, где выезжают из Черного моря три змея шести-, девяти- и двенадцатиглавые». Король начал его просить; Буря-богатырь коровий сын собрался во путь во дороженьку, взял палицу боевую и меч-кладенец и пошел.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; шел-шел и догнал братьев близ Черного моря у калинового моста; у того моста столб стоит, на столбе написано, что тут выезжают три змея. «Здравствуйте, братцы». Они ему обрадовались и отвечают: «Здравствуй, Буря-богатырь, наш старший брат!» – «Что, видно, не вкусно вам – что на столбе написано?» Осмотрелся кругом – около моста избушка на курьих ножках, на петуховой головке, к лесу передом, а к ним задом. Буря-богатырь и закричал: «Избушка, избушка! Устойся да улягся к лесу задом, а к нам передом». Избушка перевернулась; вошли в нее, а там стол накрыт, на столе всего много – и кушаньев и

напитков разных; в углу стоит кровать тесовая, на ней лежит перина пуховая. Буря-богатырь говорит: «Вот, братцы, если б не я, вам бы ничего этого не было».

Сели, пообедали, потом легли отдохнуть. Вставши, Буря-богатырь рассказывает: «Ну, братцы, сегодняшнюю ночь будет выезжать змей шестиглавый; давайте кидать жеребий, кому караулить?» Кинули – досталось Ивану девкину сыну; Буря-богатырь ему и говорит: «Смотри же, выскочит из моря кувшинчик и станет перед тобою плясать, ты на него не гляди, а возьми наплюй на него, да и разбей». Девкин сын как пришел, так и уснул. А Буря-богатырь, зная, что его братья – люди ненадежные, сам пошел; ходит по мосту да тросточкой постукивает. Вдруг выскочил перед ним кувшинчик, так и пляшет; Буря-богатырь наплевал-нахаркал на него и разбил на мелкие части. Тут утка крикнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось – лезет чудо-юда, мосальская губа: змей шестиглавый; свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещь каурка! Стань передо мной, как лист

перед травой».

Конь бежит, только земля дрожит, из-под ног ископытть по сенной копне летит, из ушей и ноздрей дым валит. Чудо-юда сел на него и поехал на калиновый мост; конь под ним спотыкается. «Что ты, воронье мясо, спотыкаешься: друга слышишь али недруга?» Отвечает добрый конь: «Есть нам недруг – Буря-богатырь коровий сын». – «Врешь, воронье мясо! Его костей сюда ворона в пузыре не занасивала, не только ему самому быть!» – «Ах ты, чудо-юда! – отозвался Буря-богатырь коровий сын, – ворона костей моих не занасивала, я сам здесь погуливаю». Змей его спрашивает: «Зачем ты приехал? Сватать моих сестер али дочерей?» – «Нет, брат, в поле съезжаться – родней не считаться; давай воевать».

Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся – три головы ему снес, в другой раз остальные снес. Взял туловище рассек да и в море бросил, головы под калиновый мост спрятал, а коня привязал к ногам девкину сыну, меч-кладенец положил ему в головы; сам пошел в избушку и лег спать, как ни в чем не бывал. Иван девкин сын проснулся, увидел

коня и очень обрадовался, сел на него, поехал к избушке и кричит: «Вот Буря-богатырь не велел мне смотреть на кувшинчик, а я посмотрел, так господь и коня мне дал!» Тот отвечает: «Тебе дал, а нам еще посулил!»

На другую ночь доставалось Ивану-царевичу караулить; Буря-богатырь и ему то же сказал об кувшинчике. Царевич стал по мосту похаживать, тросточкой постукивать – выскочил кувшинчик и начал перед ним плясать; он на него засмотрелся и заснул крепким сном. А Буря-богатырь, не надеясь на брата, сам пошел; по мосту похаживает, тросточкой постукивает – выскочил кувшинчик, так и пляшет. Буря-богатырь наплевал-нахаркал на него и разбил вдребезги. Вдруг утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось – лезет чудо-юда, мосальская губа; свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещь каурка! Стань передо мной, как лист перед травой».

Конь бежит, только земля дрожит, из ушей и ноздрей дым столбом валит, изо рта огненное пламя пышет; стал перед ним как вко-

панный. Сел на него чудо-юда змей девятиглавый, поехал на калиновый мост; на мост въезжает, под ним конь спотыкается. Бьет его чудо-юда по крутым бедрам: «Что, воронье мясо, спотыкаешься – слышишь друга али недруга?» – «Есть нам недруг – Буря-богатырь коровий сын». – «Врешь ты! Его костей ворона в пузыре не занашивала, не только ему самому быть!» – «Ах ты, чудо-юда, мосальская губа! – отозвался Буря-богатырь, – сам я здесь другой год разгуливаю». – «Что же, Буря-богатырь, на сестрах моих али на дочерях сватаешься?» – «В поле съезжаться – родней не считаться; давай воевать!»

Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся – три головы, как кочки, снес; в другой размахнулся – еще три головы снес; а в третий и остальные срубил. Взял туловище, рассек да в Черное море бросил, головы под калиновый мост запрятал, коня привязал к ногам Ивана-царевича, а меч-кладенец положил ему в головы; сам пошел в избушку и лег спать, как ни в чем не бывал. Утром Иван-царевич проснулся, увидел коня еще лучше первого, обрадовался, едет и кричит: «Эй, Буря-бо-

гатырь, не велел ты мне смотреть на кувшинчик, а мне бог коня дал лучше первого». Тот отвечает: «Вам бог дал, а мне только посулил!»

Подходит третья ночь, собирается Буря-богатырь на караул; поставил стол и свечку, воткнул в стену ножик, повесил на него полотенце, дал братьям колоду карт и говорит: «Играйте, ребята, в карты, да меня не забывайте; как станет свеча догорать, а с этого полотенца будет в тарелке кровь прибывать, то бегите скорей на мост, ко мне на подмогу». Буря-богатырь по мосту похаживает, тросточкой постукивает – выскочил кувшинчик, так и пляшет; он на него наплевал-нахаркал и разбил на мелкие части. Вдруг утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось – лезет чудо-юда, мосальская губа: змей двенадцатиглавый; свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещь каурка! Стань передо мной, как лист перед травой».

Конь бежит, только земля дрожит, из ушей и ноздрей дым столбом валит, изо рта огненное пламя пышет; прибежал и стал перед

ним как вкопанный. Чудо-юда сел на него и поехал; въезжает на мост, конь под ним спотыкается. «Что ты, воронье мясо, спотыкаешься? Или почуял недруга?» – «Есть нам недруг – Буря-богатырь коровий сын». – «Молчи, его костей сюда ворона в пузыре не занасивала!» – «Врешь ты, чудо-юда, мосальская губа! Я сам здесь третий год погуливаю». – «Что же, Буря-богатырь, на моих сестрах али дочерях хочешь жениться?» – «В поле съезжаться – родней не считаться; давай воевать». – «А, ты убил моих двух братьев, так думаешь и меня победить!» – «Там что бог даст! Только послушай, чудо-юда, мосальская губа, ты с конем, а я пешком; уговор лучше всего: лежачего не бить».

Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся – и сразу снес три головы; в другой разошелся – змей его сшиб. Богатырь кричит: «Стой, чудо-юда! Уговор был: лежачего не бить». Чудо-юда дал ему справиться; тот встал – и сразу три головы полетели, как кочки. Начали они биться, несколько часов возились, оба из сил выбились; у змея еще три головы пропали, у богатыря палица лопнула.

Буря-богатырь коровий сын снял с левой ноги сапог, кинул в избушку – половину ее долой снес, а братья его спят, не слышат; снял с правой ноги сапог, бросил – избушка по бревну раскатилась, а братья всё не просыпаются. Буря-богатырь взял обломок палицы, пустил в конюшню, где два жеребца стояли, и выломил из конюшни дверь; жеребцы прибежали на мост и вышибли змея из седла вон. Тут богатырь обрадовался, подбежал к нему и отсек ему остальные три головы; змеиное туловище рассек да в Черное море кинул, а головы под калиновый мост засунул. После взял трех жеребцов, свел в конюшню, а сам под калиновый мост спрятался, на мосту и кровь не потерял.

Братья поутру проснулись, смотрят – избушка вся рассыпалась, тарелка полна крови; вошли в конюшню – там три жеребца; удивляются, куда делся старший брат? Искали его трое суток – не нашли, и говорят промеж себя: «Видно, они убили друг друга, а тела их пропали; поедем теперь домой!» Только что коней оседлали, приготовились было ехать, Буря-богатырь проснулся и выходит из-под мо-

ста: «Что же вы, братцы, товарища своего покидаете? Я вас от смерти избавлял, а вы все спали и на помочь ко мне не приходили». Тут они пали перед ним на колени: «Виноваты, Буря-богатырь, большой наш брат!» – «Бог вас простит!» Пошептал он над избушкою: «Как прежде была, так и ныне будь!» Избушка явилась по-прежнему – и с кушаньем и с напитками. «Вот, братцы, пообедайте, а то без меня, чай, замерли; а потом и поедем».

Пообедали и поехали в путь в дорожку; отъехавши версты две, говорит Буря-богатырь коровий сын: «Братцы! Я забыл в избушке плеточку; поезжайте шажком, пока я за нею слетаю». Приехал он к избушке, слез с своего коня, пустил его в заповедные луга: «Ступай, добрый конь, пока не спрошу тебя». Сам оборотился мушкой, полетел в избушку и сел на печку.

Немного погодя пришла туда баба-яга и села в передний угол; приходит к ней молодая невестка: «Ах, матушка, вашего сына, а моего мужа, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын. Да я отсмею ему эту насмешку: забегу вперед и пущу ему день жаркий, а сама сдела-

юсь зеленым лугом; в этом зеленом лугу оборочусь я колодцем, в этом колодце станет плавать серебряная чарочка; да еще оборочусь я тесовой кроваткою. Захотят братья лошадей покормить, сами отдохнуть и воды попить; тут-то и разорвет их по макову зернышку!» Говорит ей матка: «Так их, злодеев, и надобно!»

Приходит вторая невестка: «Ах, матушка, вашего сына, а моего мужа, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын. Да я отсмею ему эту насмешку: забегу наперед, оборочусь прекрасным садом, через тын будут висеть плоды разные – сочные, пахучие! Захотят они сорвать, что кому понравится; тут-то их и разорвет по макову зернышку!» Отвечает ей матка: «И ты хорошо вздумала». Приходит третья, меньшая невестка. «Ах, матушка, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын вашего сына, а моего мужа. Да я отсмею ему эту насмешку: оборочусь старой избушкою; захотят они обночевать в ней, только взойдут в избушку – тотчас и разорвет их по макову зернышку!» – «Ну, невестки мои любезные, если вы их не сгубите, то завтрашний день сама

забегу наперед, оборочусь свиньёю и всех троих проглочу».

Буря-богатырь, сидя на печи, выслушал эти речи, вылетел на улицу, ударился оземь и сделался опять молодцем, свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит. Буря-богатырь сел на него и поехал; навязал на палочку мочалочку, догоняет своих товарищей и говорит им: «Вот, братцы, без какой плеточки я жить не могу!» – «Эх, брат, за какую дрянью ворочался! Съехали бы в город, купили бы новую».

Вот едут они степями, долинами; день такой жаркий, что терпенья нет, жажда измучила! Вот и зелёный луг, на лугу трава муравая, на траве кровать тесовая. «Брат Буря-богатырь, давай лошадей накормим на этой травке и сами отдохнем на тесовой кровати; тут и колодезь есть – холодной водицы попьём». Буря-богатырь говорит своим братьям: «Колодезь стоит в степях и в далях; никто из него воды не берет, не пьёт». Соскочил с своего коня доброго, начал этот колодезь сечь и

рубить – только кровь брызжет; вдруг сделался день туманный, жара спала, и пить не хочется. «Вот видите, братцы, какая вода настойчивая, словно кровь». Поехали они дальше.

Долго ли, коротко ли – едут мимо прекрасного сада. Говорит Иван-царевич старшему брату: «Позволь нам сорвать по яблочку». – «Эх, братцы, сад стоит в степях, в далях; может быть, яблоки-то старинные да гнилые; коли съешь – еще хворь нападет. Вот я пойду посмотрю наперед!» Сошел он в сад и начал сечь и рубить, перерубил все деревья до единого. Братья на него рассердились, что по-ихнему не делает.

Едут они путем-дорогою, пристигает их темная ночь; подъезжают к одной хижине. «Брат Буря-богатырь, вишь, дождик заходит, давай обночует в этой хижинке». – «Эх, братцы, лучше раскинем палатки и в чистом поле обночует, чем в этой хижине: эта хижина старая, взойдем в нее – она нас задавит; вот я сойду да посмотрю». Сошел он в эту избушку и начал рубить ее – только кровь прыщет! «Сами видите, какая эта избушка – совсем

гнилая! Поедемте, лучше вперед». Братья ворчат про себя, а виду не подают, что сердятся. Едут дальше; вдруг дорога расходится надвое. Буря-богатырь говорит: «Братцы, поедемте по левой дороге». Они говорят: «Поезжай куда хочешь, а мы с тобой не поедем». И поехали они вправо, а Буря-богатырь влево.

Приезжает Буря-богатырь Иван коровий сын в деревню; в этой деревне двенадцать кузнецов работают. Вот он крикнул-свистнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Кузнецы, кузнецы! Подите все сюда». Кузнецы услышали, все двенадцать к нему прибежали: «Что тебе угодно?» – «Обтягивайте кузницу железным листом». Они кузницу духом обтянули. «Куйте, кузнецы, двенадцать прутьев железных да накаливайте клещи до красна! Прибежит к вам свинья и скажет: кузнецы, кузнецы, подайте мне виноватого; не подадите мне виноватого, я вас всех и с кузницей проглочу! А вы скажите: ах, матушка свинья, возьми от нас этого дурака, он давно надоел нам; только высунь язык в кузницу, так мы его на язык тебе посадим».

Только успел Буря-богатырь им приказ от-

дать, вдруг является к ним свинья большущая и громко кричит: «Кузнецы, кузнецы! Подайте мне виноватого». Кузнецы все враз отвечали: «Матушка свинья, возьми ты от нас этого дурака, он нам давно надоел; только высунь язык в кузницу, мы тебе на язык его и посадим». Свинья была проста, недогадлива, высунула язык на целую сажень; Буря-богатырь схватил ее за язык горячими клещами и вскричал кузнецам: «Возьмите прутья железные, катайте ее хорошенечко!» До тех пор ее колотили, пока ребра оголились. «А ну, – сказал Буря-богатырь, – возьмите-ка ее поддержи-те: дайте я ее попотчую!» Схватил он железный прут, как ударит ее – так все ребра пополам.

Взмолилась ему свинья: «Буря-богатырь,пусти мою душеньку на покаяние». Буря-богатырь говорит: «А зачем моих братьев проглотила?» – «Я твоих братьев сейчас отдам». Он схватил ее за уши; свинья харкнула – и выскочили оба брата и с лошадьми. Тогда Буря-богатырь приподнял ее и со всего размаху ударил о сырую землю; свинья рассыпалась аредом.[88] Говорит Буря-богатырь своим бра-

тъям: «Видите ли, глупцы, где вы были?» Они пали на колени: «Виноваты, Буря-богатырь коровий сын!» – «Ну, теперь поедемте во путь во дороженьку; помехи нам никакой не будет».

Подъезжают они к одному царству—к индейскому королю, и раскинули в его заповедных лугах палатки. Король поутру проснулся, поглядел в подзорную трубу, увидал палатки и призывает к себе первого министра: «Поди, братец, возьми с конюшни лошадь, поезжай в заповедные луга и узнай, что там за невежи приехали, без моего позволения палатки раскинули и огни разложили в моих заповедных лугах?»

Приехал министр и спрашивает: «Что вы за люди, цари ли царевичи, или короли-королевичи, или сильномогучие богатыри?» Отвечает Буря-богатырь коровий сын: «Мы сильномогучие богатыри, приехали на королевской дочери свататься; доложи своему королю, чтоб отдавал свою дочь за Ивана-царевича в супружество; а коли не отдаст дочери – чтобы высылал войско». Спрашивает король у своей дочери, пойдет ли она за Ивана-царе-

вича? «Нет, батюшка, я за него идти не хочу; высылайте войско». Сейчас в трубы затрубили, в тимпаны забили, войско скопилось и отправилось в заповедные луга; столько выпало войска, что Иван-царевич и Иван девкин сын испугались.

В то время Буря-богатырь коровий сын варил пустоварку к завтраку и мешал поварешкой эту кашицу; вышел, как махнул поварешкою[89] – так половину войска и положил; вернулся, помешал кашицу, вышел да махнул – и другую половину на месте положил, только оставил одного кривого да другого слепого. «Доложите, – говорит, – королю, чтобы выдавал свою дочь Марью-королеву за Ивана-царевича замуж; а не отдаст, так войско бы высылал, да и сам выезжал». Кривой и слепой приходят к своему королю и говорят: «Государь! Буря-богатырь приказал тебе доложить, чтобы отдавал свою дочь за Ивана-царевича в замужество; а сам-то он больно сердит был, всех нас поварешкою перебил». Приступал король к своей дочери: «Дочь моя любезная! Ступай за Ивана-царевича замуж». Дочь ему отвечает: «Делать нечего, надо будет

идти за него. Прикажи, батюшка, за ним карету послать».

Король тотчас карету послал, а сам у ворот стоит-дожидается. Иван-царевич приехал с обоими братьями; король принял их с музыкой, с барабанным боем, учтиво и ласково, посадил за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарные, за питья медвяные. Тут Буря-богатырь шепнул Ивану-царевичу: «Смотри, Иван-царевич, королевна подойдет и спросится у тебя: позволь мне уйти на один часок! – а ты скажи: ступай хоть на два!» Посидевши несколько времени, подходит королевна к Ивану-царевичу и говорит: «Позволь мне, Иван-царевич, выйти в другую горницу – переодеться». Иван-царевич отпустил ее; она вышла из комнат вон, а Буря-богатырь за ней взади тихим шагом идет.

Королевна ударилась о крыльцо, оборотилась голубкою и полетела на море; Буря-богатырь ударился оземь, оборотился соколом и полетел за ней следом. Королевна прилетела на море, ударилась оземь, оборотилась красной девицей и говорит: «Дедушка, дедушка, золотая головушка, серебряная бородушка!

Поговорим-ка с тобою». Дедушка высунулся из синя моря: «Что тебе, внученька, надобно?» – «Сватается за меня Иван-царевич; не хотелось бы мне за него замуж идти, да все наше войско побито. Дай мне, дедушка, с твоей головы три волоска; так я покажу Ивану-царевичу: узнай-де, Иван-царевич, с какого корешка эта травка?» Дедушка дал ей три волоска; она ударилась оземь, оборотилась голубкой и полетела домой; а Буря-богатырь ударился оземь, оборотился такой же девицей и говорит: «Дедушка, дедушка! Выйди еще, поговори со мною, – позабыла тебе словечко сказать». Только дедушка высунул из воды свою голову, Буря-богатырь схватил и сорвал ему голову, ударился оземь, оборотился орлом и прилетел во дворец скорей королевны. Вызывает Ивана-царевича в сени: «На тебе, Иван-царевич, эту голову; подойдет к тебе королевна, покажет три волоса: узнай-де, Иван-царевич, с какого корешка эта травка? Ты и покажь ей голову».

Вот подходит королевна, показывает Ивану-царевичу три волоса: «Угадай, царевич, с какого корешка эта травка? Если узнаешь, то

пойду за тебя замуж, а не узнаешь – не прогневайся!» А Иван-царевич вынул из-под полы голову, ударил об стол: «Вот тебе и корень!» Королева сама про себя подумала: «Хороши молодцы!» Просится: «Позволь, Иван-царевич, пойти переодеться в другой горнице». Иван-царевич ее отпустил; она вышла на крыльцо, ударилась оземь, оборотилась голубкою и опять полетела на море. Буря-богатырь взял у царевича голову, вышел на двор, ударил эту голову об крыльцо и говорит: «Где прежде была, там и будь!» Голова полетела, прежде королевны на место поспела и срослась с туловищем.

Королева остановилась у моря, ударилась оземь, оборотилась красной девицей: «Дедушка, дедушка! Выйди, поговори со мною». Тот вылезает: «Что, внученька, тебе надобно?» – «Никак твоя голова там была?» – «Не знаю, внученька! Никак я крепко спал». – «Нет, дедушка, твоя голова была там». – «Знать, как была ты в последний раз да хотела мне словечко молвить, в те поры, видно, мне и сорвали голову». Ударилась она оземь, оборотилась голубкою и полетела домой; переделалась в

другое платье, пришла и села с Иваном-царевичем рядом. На другой день поехали они к венцу закон принять; как скоро от венца приехали, Буря-богатырь повел Ивана-царевича показывать, где ему спальня приготовлена, подает ему три прута: один железный, другой медный, а третий оловянный, и говорит: «Коль хочешь быть жив, позволь мне лечь с королевною на твое место».

Царевич согласился. Повел король молодых в постель укладывать. В то время Буря-богатырь коровий сын сменил царевича и как лег, так и захрапел; наложила королева на него ногу, наложила и другую, потом взгребла подушку и начала его душить. Буря-богатырь выскочил из-под нее, взял железный прут и начал ее бить; до тех пор бил, пока весь прут изломал; потом принялся за медный, и тот весь изломал; после медного начал бить оловянным. Замолилась королева, великими клятвами заклалась, что не станет таких дел делать. Поутру встал Буря-богатырь, пошел к Ивану-царевичу: «Ну, брат, ступай, посмотри, как твоя жена у меня выучена: которые были приготовлены три прута, все

об нее изломал. Теперь живите благополучно, любите друг друга и меня не забывайте».

ИВАН БЫКОВИЧ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Стали они бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на прокормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златоперый ерш плавает; коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться.

Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша златоперого. На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и на их счастье с первою ж тонею попался златоперый ерш. Вынули его, принесли во дворец; как увидела царица, не могла на месте усидеть, скоро к рыбакам подбегала, за руки хва-

тала, большой казной награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златоперого с рук на руки: «На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся».

Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала. И вот разом забрюхатели: и царица, и ее любимая кухарка, и корова, и разрешились все в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у кухарки – Иван кухаркин сын, у коровы Иван Быкович.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам, как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три молодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто – кухаркино и кто от коровы народился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья, Иван-царевич просит белье переменить, кухаркин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится. По десятому году пришли они к царю и говорят: «Любезный

наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов». Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов; те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами ее поворачивают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор. «Ну, братцы, – говорит Иван-царевич, – давайте силу, пробовать: кому быть большим братом». – «Ладно, – отвечал Иван Быкович, – бери палку и бей нас по плечам». Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана кухаркина сына да Ивана Быковича по плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван кухаркин сын ударил – вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил – вбил обоих братьев по самую шею. «Давайте, – говорит царевич, – еще силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит – тот будет больший брат». – «Ну что ж, бросай ты!» Иван-царевич бросил – палка через четверть часа назад упала, Иван кухаркин сын бро-

сил – палка через полчаса упала, а Иван Быкович бросил – только через час воротилась. «Ну, Иван Быкович! Будь ты большой брат».

После того пошли они гулять по саду и нашли громадный камень. «Ишь какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть?» – сказал Иван-царевич, уперся в него руками, возился-возился – нет, не берет сила; попробовал Иван кухаркин сын – камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович: «Мелко же вы плаваете! Пойдите, я попробую». Подошел к камню да как двинет его ногою – камень ажно загудел, покатился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев. Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырские, по стенам висит сбруя ратная: есть на чем добрым молодцам разгуляться! Тотчас побежали они к царю и стали проситься: «Государь батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать». Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царем простились, сели на богатырских коней и в путь-дорогу пустились.

Ехали по долам, по горам, по зеленым лу-

гам и приехали в дремучий лес; в том лесу стоит избушка на курячьих ножках, на бараньих рожках, когда надо – поворачивается. «Избушка, избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезти, хлеба-соли ести». Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку – на печке лежит баба-яга костяная нога, из угла в угол, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится». – «Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси: куда едем мы? Я добренько скажу». Баба-яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко: «Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?» – «Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо живет». – «Ай да Ванюша! За дело хватился; ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покатили».

Братья переночевали у бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу.

Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Увидали они избушку, вошли в нее – пустехонька, и вздумали тут остановиться. Пришло дело к вечеру. Говорит Иван Быкович: «Братцы! Мы заехали в чужедальную сторону, надо жить нам с осторожкою; давайте по очереди на дозор ходить». Кинули жеребий – доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую – Ивану кухаркину сыну, а третью – Ивану Быковичу.

Отправился Иван-царевич на дозор, залез в кусты и крепко заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь – он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост. Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали – выезжает чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт[90] оцетинился. Говорит чудо-юдо шестиглавое: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, оцетинилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый молодец, еще не

родился, а коли родился – так на войну не согдился: я его на одну руку посажу, другой прихлопну – только мокренько будет!»

Выскочил Иван Быкович: «Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано перья щипать; не отведав добра молодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится». Вот сошлись они – поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чуду-юду не посчастливилось: Иван Быкович с одного размаху сшиб ему три головы. «Стой, Иван Быкович! Дай мне роздыху». – «Что за роздых! У тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем». Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил чуду-юду и последние головы, взял туловище – рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Поутру приходит Иван-царевич. «Ну что, не видал ли чего?» – «Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала».

На другую ночь отправился на дозор Иван

кухаркин сын, забрался в кусты и заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь – он тотчас снаряжился, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост. Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались – выезжает чудо-юдо девятиглавое; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ощетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорта по ушам: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился – так на войну не сгодился: я его одним пальцем убью!»

Выскочил Иван Быкович: «Погоди – не хвались, прежде богу помолись, руки умой да за дело примись! Еще неведомо – чья возьмет!» Как махнет богатырь своим острым мечом раз-два, так и снес у нечистой силы шесть голов; а чудо-юдо ударил – по колена его в сыру землю вогнал. Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока чудо-юдо протирал свои глазища,

богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище – рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил. Наутро приходит Иван кухаркин сын. «Что, брат, не видал ли за ночь чего?» – «Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал!» Иван Быкович повел братьев под калиновый мост, показал им на мертвые головы и стал стыдить: «Эх вы, сони; где вам воевать? Вам бы дома на печи лежать».

На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям: «Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит – ладно дело, если полна миска набежит – все ничего, а если через край польет – тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помощь мне».

Вот стоит Иван Быкович под калиновым мостом; пошло время за полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскрича-

лися – выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебряная, хвост и грива – золотые. Едет чудо-юдо; вдруг под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорту по ушам: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щети니шься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился – так на войну не сгодился; я только дуну – его и праху не останется!»

Выскочил Иван Быкович: «Погоди – не хвались, прежде богу помолись!» – «А, ты здесь! Зачем пришел?» – «На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать». – «Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!» Отвечает Иван Быкович: «Я пришел с тобой не сказки рассказывать, а на смерть воевать». Размахнулся своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, черкнул по ним своим огненным пальцем – и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали!

Плохо пришлось Ивану Быковичу; чудо-юдо стал одолевать его, по колена вогнал в сыру землю. «Стой, нечистая сила! Цари-короли сражаются, и те замиренье делают; а мы с тобой ужли будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трех раз».

Чудо-юдо согласился; Иван Быкович снял правую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица все окна побила, а его братья спят, ничего не слышат. В другой раз размахнулся Иван Быкович сильней прежнего и срубил чудо-юду шесть голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем – и опять все головы на местах, а Ивана Быковича забил он по пояс в сыру землю. Запросил богатырь роздыху, снял левую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья всё спят, Ничего не слышат. В третий раз размахнулся он еще сильнее и срубил чудо-юду девять голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем – головы опять приросли, а Ивана Быковича вогнал он в сыру землю по самые плечи. Иван Быкович запросил роздыху, снял с себя шляпу и пустил в избушку; от того удара избушка развалилася, вся по брев-

нам раскатилась.

Тут только братья проснулись, глянули – кровь из миски через край льется, а богатырский конь громко ржет да с цепей рвется. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами на помочь спешат. «А! – говорит чудо-юдо, – ты обманом живешь; у тебя помочь есть». Богатырский конь прибежал, начал бить его копытами; а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсек чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы, сшиб все до единой, туловище на мелкие части разнял и побросал все в реку Смородину. Прибегают братья. «Эй вы, сони! – говорит Иван Быкович. – Из-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился».

Поутру ранешенько вышел Иван Быкович в чистое поле, ударился оземь и сделался воробышком, прилетел к белокаменным палатам и сел у открытого окошечка. Увидала его старая ведьма, посыпала зернышков и стала сказывать: «Воробышек-воробей! Ты прилетел зернышков покушать, моего горя послушать. Насмеялся надо мной Иван Быкович,

всех зятьев моих извел». – «Не горюй, матушка! Мы ему за все отплатим», – говорят чудо-юдовы жены. «Вот я, – говорит меньшая, – напущу голод, сама выйду на дорогу да сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвет – тот сейчас лопнет». – «А я, – говорит середняя, – напущу жажду, сама сделаюсь колодезем; на воде будут две чаши плавать: одна золотая, другая серебряная; кто за чашу возьмется – того я утоплю». – «А я, – говорит старшая, – сон напущу, а сама перекинусь золотой кроваткою; кто на кроватке ляжет – тот огнем сгорит».

Иван Быкович выслушал эти речи, полетел назад, ударился оземь и стал по-прежнему добрым молодцем. Собрались три брата и поехали домой. Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь – стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками; Иван-царевич да Иван кухаркин сын пустились было яблочки рвать, да Иван Быкович наперед заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест – только кровь брызжет! То же сделал он и с колодезем и с золотою кроваткою. Сгибли чудо-юдовы жены. Как проведала

О том старая ведьма, нарядилась нищенкой, выбежала на дорогу и стоит с котомкою. Едет Иван Быкович с братьями; она протянула руку и стала просить милостыни.

Говорит царевич Ивану Быковичу: «Братец! Разве у нашего батюшки мало золотой казны? Подай этой нищенке святую милостыню». Иван Быкович вынул червонец и подает старухе; она не берет за деньги, а берет его за руку и вмиг с ним исчезла. Братья оглянулись – нет ни старухи, ни Ивана Быковича, и со страху поскакали домой, хвосты поджавши.

А ведьма утатила Ивана Быковича в подземелье и привела к своему мужу – старому старику: «На тебе, – говорит, – нашего погубителя!» Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать: «Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы черные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?» Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами; старик взглянул: «Ай да молодец Ванюша!

Да, это ты взял смелость с моими детьми управиться! Что ж мне с тобою делать?» – «Твоя воля, что хочешь, то и делай; я на все готов». – «Ну да что много толковать, ведь детей не поднять; сослужи-ка мне лучше службу: съезди в невиданное царство, в небывалое государство и достань мне царицу золотые кудри; я хочу на ней жениться».

Иван Быкович про себя подумал: «Куда тебе, старому черту, жениться, разве мне, молодцу!» А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась. «Вот тебе, Ванюша, дубинка, – говорит старик, – ступай ты к такому-то дубу, стукни в него три раза дубинкою и скажи: выйди, корабль! выйди, корабль! выйди, корабль! Как выйдет к тебе корабль, в то самое время отдай дубу трижды приказ, чтобы он затворился; да смотри не забудь! Если этого не сделаешь, причинишь мне обиду великую». Иван Быкович пришел к дубу, ударяет в него дубинкою бесчисленное число раз и приказывает: «Все, что есть, выходи!» Вышел первый корабль; Иван Быкович сел в него, крикнул: «Все за мной!» – и поехал в путь-дорогу. Отъехав немного,

оглянулся назад – и видит: сила несметная кораблей и лодок! Все его хвалят, все благодарят.

Подъезжает к нему старичок в лодке: «Батюшка Иван Быкович, много лет тебе здравствовать! Прими меня в товарищи». – «А ты что умеешь?» – «Умею, батюшка, хлеб есть». Иван Быкович сказал: «Фу, пропасть! Я и сам на это горазд; однако садись на корабль, я добрым товарищам рад». Подъезжает в лодке другой старичок: «Здравствуй, Иван Быкович! Возьми меня с собой». – «А ты что умеешь?» – «Умею, батюшка, вино-пиво пить». – «Нехитрая наука! Ну да полезай на корабль». Подъезжает третий старичок: «Здравствуй, Иван Быкович! Возьми и меня». – «Говори: что умеешь?» – «Я, батюшка, умею в бане париться». – «Фу, лихая те побери! Эки, подумаешь, мудрецы!» Взял на корабль и этого; а тут еще лодка подъехала; говорит четвертый старичок: «Много лет здравствовать, Иван Быкович! Прими меня в товарищи». – «Да ты кто такой?» – «Я, батюшка, звездочет». – «Ну, уж на это я не горазд; будь моим товарищем». Принял четвертого, просится пятый старичок.

«Прах вас возьми! Куды мне с вами деваться? Сказывай скорей: что умеешь?» – «Я, батюшка, умею ершом плавать». – «Ну, милости просим!»

Вот поехали они за царицей золотые кудри. Приезжают в невиданное царство, небывалое государство; а там уже давно сведения, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили. Увидел Иван Быкович несчетное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива; удивляется и спрашивает: «Что б это значило?» – «Это все для тебя наготовлено». – «Фу, пропасть! Да мне столько в целый год не съесть, не выпить». Тут вспомнил Иван Быкович про своих товарищей и стал вызывать: «Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас пить-есть разумеет?» Отзываются Обьедайло да Опивайло: «Мы, батюшка! Наше дело ребячье». – «А ну, принимайтесь за работу!» Подбежал один старик, начал хлеб поедать: разом в рот кидает не то что караваями, а целыми возами. Все приел и ну кричать: «Мало хлеба; давайте еще!» Подбежал другой старик, начал пиво-вино пить, всё выпил и бочки проглотил:

«Мало! – кричит. – Подавайте еще!» Засуетилась прислуга, бросилась к царице с докладом, что ни хлеба, ни вина не достало.

А царица золотые кудри приказала вести Ивана Быковича в баню париться. Та баня топились три месяца и так накалена была, что за пять верст нельзя было подойти к ней. Стали звать Ивана Быковича в баню париться; он увидел, что от бани огнем пышет, и говорит: «Что вы, с ума сошли? Да я сгорю там!» Тут ему опять вспомнилось: «Ведь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас умеет в бане париться?» Подбежал старик: «Я, батюшка! Мое дело ребячье». Живо вскочил в баню, в угол дунул, в другой плюнул – вся баня остыла, а в углах снег лежит. «Ох, батюшки, замерз, топите еще три года!» – кричит старик что есть мочи. Бросилась прислуга с докладом, что баня совсем замерзла; а Иван Быкович стал требовать, чтоб ему царицу золотые кудри выдали. Царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала.

Вот плывут они день и другой; вдруг ей сделалось грустно, тяжело – ударила себя в

грудь, оборотилась звездой и улетела на небо. «Ну, – говорит Иван Быкович, – совсем пропала!» Потом вспомнил: «Ах, ведь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! Кто из вас звездочет?» – «Я, батюшка! Мое дело ребячье», – отвечал старик, ударился оземь, сделался сам звездой, полетел на небо и стал считать звезды; одну нашел лишнюю и ну толкать ее! Сорвалась звездочка с своего места, быстро покатила по небу, упала на корабль и обернулась царицею золотые кудри.

Опять едут день, едут другой; нашла на царицу грусть-тоска, ударила себя в грудь, оборотилась щукою и поплыла в море. «Ну, теперь пропала!» – думает Иван Быкович, да вспомнил про последнего старичка и стал его спрашивать: «Ты, что ль, горазд ершом плавать?» – «Я, батюшка, мое дело ребячье!» – ударился оземь, оборотился ершом, поплыл в море за щукою и давай ее под бока колоть. Щука выскочила на корабль и опять сделалась царицею золотые кудри.

Тут старички с Иваном Быковичем распростились, по своим домам пустились; а он поехал к чудо-юдову отцу.

Приехал к нему с царицею золотые кудри; тот позвал двенадцать могучих богатырей, велел принести вилы железные и поднять ему брови и ресницы черные. Глянул на царицу и говорит: «Ай да Ванюша! Молодец! Теперь я тебя прощу, на белый свет отпущу». – «Нет, погоди, – отвечает Иван Быкович, – не подумавши сказал!» – «А что?» – «Да у меня приготовлена яма глубокая, через яму лежит жердочка; кто по жердочке пройдет, тот за себя и царицу возьмет». – «Ладно, Ванюша! Ступай ты наперед». Иван Быкович пошел по жердочке, а царица золотые кудри про себя говорит: «Легче пуху лебединого пройди!» Иван Быкович прошел – и жердочка не погнулась; а старый старик пошел – только на середину ступил, так и полетел в яму.

Иван Быкович взял царицу золотые кудри и воротился домой; скоро они обвенчались и задали пир на весь мир. Иван Быкович сидит за столом да своим братьям похваляется: «Хоть долго я воевал, да молодую жену достал! А вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!» На том пиру и я был, мед-вино пил, по усам текло, да в рот не попало;

тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не пил, не ел, вздумал утираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!

ИВАН КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И МУЖИЧОК САМ С ПЕРСТ, УСЫ НА СЕМЬ ВЕРСТ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя на дворе был столб, а в этом столбе три кольца: одно золотое, другое серебряное, а третье медное. В одну ночь царю привиделся такой сон: будто у золотого кольца был привязан конь – что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц. Поутру встал он и приказал клич кликать: кто этот сон рассудит и коня того достанет, за того свою дочь отдам и половину царства в придачу. Собралось на царский клич множество князей, бояр и всяких господ; думали-думали – никто не может сна растолковать, никто не берется коня достать.

Наконец доложили царю, что у такого-то

нищего старичка есть сын Иван, который может сон растолковать и коня достать. Царь приказал призвать его. Призвали Ивана. Спрашивает его царь: «Рассудишь ли ты мой сон и достанешь ли коня?» Иван отвечает: «Расскажи наперед, что за сон и какой тебе конь надобен?» Царь говорит: «В прошлой ночи привиделось мне, будто у золотого кольца на моем дворе был привязан конь – что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц». – «Это не сон, а быль; потому что в прошлую ночь на этом коне приезжал к тебе двенадцатиглавый змей и хотел царевну украсть». – «А можно ли достать этого коня?» Иван отвечает: «Можно – только тогда, как минет мне пятнадцать лет». В то время было Ивану только двенадцать годочков; царь взял его во дворец, кормил и поил до пятнадцати.

Вот как минуло Ивану пятнадцать лет, сказал он царю: «Давай, государь, мне коня, на котором можно б доехать до того места, где змей находится». Царь повел его в конюшни и показал всех своих лошадей; только он не мог ни одной выбрать по своей силе и тяжести: как наложит на которую лошадь свою бо-

гатырскую руку, та и упадет. И сказал он царю: «Пусти меня в чистое поле поискать себе под силу коня». Царь его отпустил.

Иван крестьянский сын три года искал, нигде не мог сыскать. Идет со слезами обратно к царю. Попадается ему навстречу старичок и спрашивает: «Что ты, парень, плачешь?» Он ему на спрос грубо отвечал, просто-напросто от себя прогнал; старик молвил: «Смотри, малый, не помяни меня». Иван немного отошел от старика, подумал сам с собою: «За что я старика обидел? Стары люди много знают». Воротился, догнал старика, упал ему в ноги и сказал: «Дедушка, прости меня, со кручины тебя обидел. Я плачу вот о чем: три года ходил я по полю по разным табунам – нигде не мог сыскать по себе коня». Старик отвечает: «Поди в такое-то село, там у мужичка на конюшне стоит кобыла, а от той кобылы народился паршивый жеребенок; ты возьми его и выкорми: он тебе будет под силу». Иван поклонился старику и пошел в село.

Приходит к мужику прямо в конюшню, увидал кобылу с паршивым жеребенком и наложил на того жеребенка руку. Жеребенок

нимало не поробил;[91] он взял его у крестьянина, покормил несколько времени, приехал к царю и рассказал ему, как добыл себе коня. Потом стал сряжаться в гости к змею. Царь спросил: «Сколько тебе, Иван крестьянский сын, надобно силы?» Отвечает Иван: «На что мне твоя сила? Я один могу достать; разве только для посылок дай человек шесть». Дал ему царь шесть человек; вот они собрались и поехали.

Долго ли, коротко ли они ехали – никому не ведомо; ведомо только то, что приехали они к огненной реке, через реку мост лежит, а кругом реки огромный лес. В том лесу раскинули они шатер, достали разных напитков, начали пить, есть, веселиться. Иван крестьянский сын говорит товарищам: «Давайте, ребята, каждую ночь поочередно караулить: не будет ли кто проезжать через эту реку?» И случилось так: кто ни пойдет из его товарищей караул держать, всякий напьется с вечера пьян и ничего не видит.

Наконец пошел караулить Иван крестьянский сын; смотрит: в самую полночь едет через реку змей о трех головах и подает голос:

«Нет мне ни спорщика, ни наговорщика; есть разве один спорщик и наговорщик – Иван крестьянский сын, да и того ворон в пузыре костей не заносил!» Иван крестьянский сын из-под моста выскочил: «Врешь ты! Я здесь». – «А если здесь, то давай поспорим». И выехал змей против Ивана на коне, а Иван выступил пеший, размахнулся своей саблею и срубил змею все три головы, а коня себе взял и привязал у шатра.

На другую ночь Иван крестьянский сын убил шестиглавого змея, на третью ночь девятиглавого и побросал их в огненную реку. А как пошел караулить на четвертую ночь, то приехал к нему двенадцатиглавый змей и стал говорить гневно: «Кто таков Иван крестьянский сын? Сейчас выходи ко мне! Зачем побил моих сыновей?» Иван крестьянский сын выступил и сказал: «Позволь мне наперед сходить к своему шатру; а после сражаться будем», – «Хорошо, ступай!» Иван побежал к товарищам: «Ну, ребята, вот вам таз, смотрите в него; когда он полон нальется крови, приезжайте ко мне». Воротился и стал против змея, и когда они разошлись и ударились, то

Иван с первого раза срубил у змея четыре головы, а сам по колена в землю ушел; во второй раз разошлись – Иван три головы срубил, а сам по пояс в землю ушел; в третий раз разошлись – еще три головы отсек, сам по грудь ушел; наконец одну срубил – по шейку ушел. Тогда только вспомянули про него товарищи, посмотрели в таз и увидели, что кровь через край льется; прибежали и срубили у змея последнюю голову, а Ивана из земли вытащили. Иван крестьянский сын взял змеиною коня и увел к шатру.

Вот прошла ночь, настает утро; начали добрые молодцы пить, есть, веселиться. Иван крестьянский сын встал от веселья и сказал своим товарищам: «Вы, ребята, меня подождите!» – а сам оборотился котом, пошел по мосту через огненную реку, пришел в тот дом, где змеи жили, и стал дружить с тамошними кошками. А в целом доме осталось в живых только сама змеиха да три ее снохи; сидят они в горнице и говорят между собою: «Как бы нам злодея Ивана крестьянского сына сгубить?» Малая сноха говорит: «Куда б ни поехал Иван крестьянский сын, сделаю на пу-

ти голод, а сама оборочусь яблоней; как он съест яблочко, сейчас разорвет его!» Средняя сказала: «А я на пути их сделаю жажду и оборочусь колодцем; пусть попробует выпить!» Старшая сказала: «А я наведу сон, а сама сделаюсь кроватью; если Иван крестьянский сын ляжет, то сейчас помрет!» Наконец сама свекровь сказала: «А я разину пасть свою от земли до неба и всех их пожру!» Иван крестьянский сын выслушал все, что они говорили, вышел из горницы, оборотился человеком и пришел к своим товарищам: «Ну, ребята, сряжайтесь в путь!»

Собрались, поехали в путь, и в первый раз на пути сделался ужасный голод, так что нечего было перекусить; видят они – стоит яблоня; товарищи Ивановы хотели нарвать яблоков, но Иван не велел. «Это, – говорит, – не яблоня!» – и начал ее рубить; из яблони кровь пошла. Во второй раз напала на них жажда; Иван увидел колодец, не велел пить, начал его рубить – из колодца кровь потекла. В третий раз напал на них сон; стоит на дороге кровать, Иван и ее изрубил. Подъезжают они к пасти, разинутой от земли до неба; что де-

лать? Вздумали с разлету через пасть скакать. Никто не мог перескочить; только перескочил один Иван крестьянский сын: вынес его из беды чудесный конь – что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц.

Приехал он к одной реке; у той реки стоит избенка. Тут попадается ему навстречу мужичок сам с перст, усы на семь верст и говорит ему: «Отдай мне коня; а коли не отдашь честью, то насилкой возьму!» Отвечает Иван: «Отойди от меня, проклятый гад, покудова тебя конем не раздавил!» Мужичок сам с перст, усы на семь верст сшиб его наземь, сел на коня и уехал. Входит Иван в избенку и сильно о коне тужит. В той избенке лежит на печи безногий-безрукий и говорит Ивану: «Послушай, добрый молодец – не знаю, как тебя по имени назвать; зачем ты связывался с ним бороться? Я не этакий был богатырь, как ты; да и то он у меня и руки и ноги отъел!» – «За что?» – «А за то, что я у него на столе хлеб поел!» Иван начал спрашивать, как бы назад коня достать? Говорит ему безногий-безрукий: «Ступай на такую-то реку, сними перевоз, три года перевозы, ни с кого денег не бери; разве

тогда достанешь!»

Иван крестьянский сын поклонился ему, пошел на реку, снял перевоз и целых три года перевозил безденежно. Однажды случилось ему перевозить трех старичков, они дают ему денег, он не берет. «Скажи, добрый молодец, почему ты денег не берешь?» Он отвечает: «По обещанию». – «По какому?» – «У меня ехидный человек коня отбил; так меня добрые люди научили, чтоб я перевоз снял да три года ни с кого денег не брал». Старички сказали: «Пожалуй, Иван крестьянский сын, мы готовы тебе услужить – твоего коня достать». – «Помогите, родимые!» Старички были не простые люди: это были Студенец, Обжора и колдун. Колдун вышел на берег, нарисовал на песке лодку и говорит: «Ну, братцы, видите вы эту лодку?» – «Видим!» – «Садитесь в нее». Сели все четверо в эту лодку. Говорит колдун: «Ну, легкая лодочка, сослужи мне службу, как прежде служила».

Вдруг лодка поднялась по воздуху и мигом, словно стрела, из лука пущенная, привезла их к большой каменистой горе. У той горы дом стоит, а в доме живет сам с перст, а усы

на семь верст. Послали старики Ивана коня спрашивать. Иван начал коня просить; мужичок сам с перст, усы на семь верст сказал ему: «Украдь у царя дочь и привези ко мне, тогда отдам коня». Иван сказал про то своим товарищам, и тотчас они его оставили, а сами к царю отправились. Приезжают; царь узнал, почто они приехали, и приказал слугам баню истопить, докрасна накалить: пусть де задохнутся! После попросил гостей в баню: они поблагодарили и пошли. Колдун велел наперед Студенцу идти. Студенец вошел в баню и прохладил; вот они вымылись, выпарились и пришли к царю. Царь приказал большой обед подавать; множество всяких яств на стол было подано. Обжора принялся и всё поел. Ночью собрались гости потихоньку, украли царевну, привезли к мужичку сам с перст, усы на семь верст; царевну ему отдавали, а коня выручали.

Иван крестьянский сын поклонился старичкам, сел на коня и поехал к царю. Ехал-ехал, остановился в чистом поле отдохнуть, разбил шатер и лег опочив держать. Проснулся, хватъ – подле него царевна лежит. Он об-

радовался, начал ее спрашивать: «Как сюда угодила?» Царевна сказала: «Я оборотилась булавкою да в твой воротник воткнулась». В ту ж минуту оборотилась она опять булавкою; Иван крестьянский сын воткнул ее в воротник и поехал дальше. Приезжает к царю; царь увидал чудного коня, принимает доброго молодца с честью и рассказывает, как у него дочь украли. Иван говорит: «Не горюй, государь! Я ее назад привез». Вышел в другую комнату; царевна оборотилась красной девицей. Иван взял ее за руку и привел к царю. Царь еще больше возрадовался, взял себе коня, а дочь отдал замуж за Ивана крестьянского сына. Иван и поныне живет с молодой женою.

ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА И ПОЛУНОЧКА

В некоем государстве жил-был король; у него было три дочери красоты неописанной. Король берег их пуще глаза своего, устроил подземные палаты и посадил их туда, словно птичек в клетку, чтобы ни буйные ветры на них не повеяли, ни красно солнышко лучом не опалило. Раз как-то вычитали королевны в одной книге, что есть чудный белый свет, и когда пришел король навестить их, они тотчас начали его со слезами упрашивать: «Государь ты наш батюшка! Выпусти нас на белый свет посмотреть, в зеленом саду погулять». Король принялся было их отговаривать, – куда! – и слышать не хотят; чем больше отказывает, тем они пуще к нему пристают. Нечего делать, согласился король на их неотступную просьбу.

Вот прекрасные королевны вышли в сад погулять, увидали красное солнышко, и деревья, и цветы, и несказанно возрадовались, что им волен белый свет; бегают по саду – забавляются, всякою травкою любуются, как вдруг подхватило их буйным вихрем и унес-

ло высоко-далеко – неведомо куда. Мамки и няньки всполошились, побежали к королю докладывать; король тотчас разослал во все стороны своих верных слуг: кто на след нападет, тому посулил большую награду пожаловать. Слуги ездили-ездили, ничего не проведали, с чем поехали – с тем и назад воротились. Король созвал свой большой совет, стал у думных бояр спрашивать, не возьмется ли кто разыскать его дочерей? Кто это дело сделает, за того любую королевну замуж отдаст и богатым приданым на всю жизнь наделит. Раз спросил – бояре молчат, в другой – не отзываются, в третий – никто ни полслова! Залился король горячими слезами: «Видно, нет у меня ни друзей, ни заступников!» – и велел по всему государству клич кликать: не выищется ли кто на такое дело из простых людей?

А в то самое время жила-была в одной деревне бедная вдова, и было у нее трое сынов – сильномогучих богатырей; все они родились в одну ночь: старший с вечера, средний в полночь, а меньшей на ранней утренней зоре, и назвали их по тому: Вечорка, Полуноч-

ка и Зорька. Как дошел до них королевский клич, они тотчас взяли у матери благословение, собрались в путь и поехали в столичный град. Приехали к королю, поклонились ему низко и молвили: «Многолетно здравствуй, государь! Мы пришли к тебе не пир пировать, службу служить; позволь нам поехать, твоих королевен разыскать». – «Исполать вам, добрые молодцы! Как вас по имени зовут?» – «Мы – три брата родные: Зорька, Вечорка и Полуночка». – «Чем же вас на дорогу пожаловать?» – «Нам, государь, ничего не надобно; не оставь только нашей матушки, призри ее в бедности да в старости». Король взял старуху, поместил во дворец и велел кормить ее и поить со своего стола, одевать-обувать из своих кладовых.

Отправились добрые молодцы в путь-дорогу; едут месяц, и другой, и третий, и заехали в широкую пустынную степь. За той степью дремучий лес, а у самого лесу стоит избушка; постучались в окошко – нет отзыва, вошли в двери – а в избушке нет никого. «Ну, братцы, останемся здесь на время, отдохнем с дороги». Разделись, помолились богу и легли спать.

Наутро меньшей брат Зорька говорит старшему брату Вечорке: «Мы двое на охоту пойдем, а ты оставайся дома да приготовь нам обедать». Старший брат согласился; возле той избушки был хлевец полон овец; вот он, долго не думая, взял что ни есть лучшего барана, зарезал, вычистил и зажарил к обеду. Приготовил все как надобно и лег на лавочку отдохнуть.

Вдруг застучало, загремело – отворилась дверь и вошел старичок сам с ноготок, борода с локоток, глянул сердито и закричал на Вечорку: «Как смел в моем доме хозяйничать, как смел моего барана зарезать?» Отвечает Вечорка: «Прежде вырасти, а то тебя от земли не видать! Вот возьму щей ложку да хлеба крошку – все глаза заплесну!» Старичок с ноготок еще пуще озлобился: «Я мал, да удал!» Схватил горбушку хлеба и давай его в голову бить, до полусмерти прибил, чуть-чуть живого оставил и бросил под лавку; потом съел зажаренного барана и ушел в лес. Вечорка обвязал голову тряпицею, лежит да охает. Воротились братья, спрашивают: «Что с тобой подельось?» – «Эх, братцы, затопил я печку, да от

великого жару разболелась у меня головушка – весь день как шальной провалялся, не мог ни варить, ни жарить!»

На другой день Зорька с Вечоркою на охоту пошли, а Полуночку дома оставили: пусть-де обед приготовит. Полуночка развел огонь, выбрал самого жирного барана, зарезал его, поставил в печь; управился и лег на лавку. Вдруг застучало, загремело – вошел старичок сам с ноготок, борода с локоток и давай его бить-колотить; чуть-чуть совсем не ухлопал! Съел жареного барана и ушел в лес. Полуночка завязал платком голову, лежит под лавкою и охает. Воротились братья: «Что с тобой?» – спрашивает Зорька. «Угорел, братцы! Всю головушку разломило, и обеда вам не готовил».

На третий день старшие братья на охоту пошли, а Зорька дома остался; выбрал что ни есть лучшего барана, зарезал, вычистил и жарил. Управился и лег на лавочку. Вдруг застучало, загремело – идет во двор старичок сам с ноготок, борода с локоток, на голове целый стог сена тащит, а в руках большой чан воды несет; поставил чан с водою, раскидал сено по двору и принялся овец считать. Ви-

дит – опять не хватает одного барана, рассердился, побежал в избушку, бросился на Зорьку и крепко ударил его в голову. Зорька вскочил, ухватил старичка за длинную бороду и ну таскать вповолочку во все стороны; таскает да приговаривает: «Не узнав броду, не суйся в воду!»

Взмолился старичок сам с ноготок, борода с локоток: «Смилуйся, сильномогучий богатырь! Не предавай меня смерти, отпусти душу на покаяние». Зорька вытащил его на двор, подвел к дубовому столбу и в тот столб забил ему бороду большим железным клином; после воротился в избу, сидит да братьев дожидается. Пришли братья с охоты и дивуются, что он цел-невредим. Зорька усмехается и говорит: «Пойдемте-ка, братцы, ведь я ваш угар поймал, к столбу привязал». Выходят на двор, смотрят – старичок с ноготок давно убежал, только половина бороды на столбе мотается; а где он бежал, тут кровь лилась.

По тому следу добрались братья до глубокого провала. Зорька пошел в лес, надрал лыков, свил веревку и велел спустить себя под землю. Вечорка и Полуночка спустили его

под землю. Очутился он на том свете, отвязался от цепи и пошел куда глаза глядят. Шел-шел – стоит медный дворец; он во дворец, встречает его младшая королева – краше цвета алого, белей снегу белого, и ласково спрашивает: «Как зашел сюда, добрый молодец, по воле аль по неволе?» – «Твой родитель послал вас, королевен, разыскивать». Она тотчас посадила его за стол, накормила-напоила и дает ему пузырек с сильной водою: «Испей-ка этой водицы, у тебя силы прибавится». Зорька выпил тот пузырек и почувал в себе мощь великую. «Теперь, – думает, – хоть кого осилю!»

Тут поднялся буйный ветер, королева испугалась: «Сейчас, – говорит, – мой змей прилетит!» – взяла его за руку и схоронила в другой комнате. Прилетел трехглавый змей, ударился о сырую землю, обернулся молодцем и закричал: «А! Русским духом пахнет... кто у тебя в гостях?» – «Кому у меня быть? Ты по Руси летал, там русского духу набрался – оттого и здесь тебе чудится». Змей запросил есть и пить; королева принесла ему разных кушаньев и напитков, а в те напитки подсыпала

сонного зелья. Змей наелся-напился, стало его в сон бросать; он заставил королеву искать у себя в головах, лег к ней на колени и заснул крепким сном. Королева вызвала Зорьку; тот вышел, размахнул мечом и отрубил змею все три головы; потом разложил костер, сжег змея поганого и пустил пепел по чистому полю.

«Теперь прощай, королева! Пойду искать твоих сестер, а как найду – за тобой ворочусь», – сказал Зорька и пошел в дорогу; шел-шел – видит серебряный дворец, в том дворце жила средняя королева. Зорька убил тут шестиглавого змея и пошел дальше. Долго ли, коротко ли – добрался он до золотого дворца, в том дворце жила старшая королева; он убил двенадцатиглавого змея и освободил ее от заключения. Королева возрадовалась, стала домой собираться, вышла на широкий двор, махнула красным платочком – золотое царство в яичко скаталось; взяла то яичко, положила в карман и пошла с Зорькою-богатырем за своими сестрицами. Те то же самое сделали: скатали свои царства в яички, забрали с собой и отправились к провалу. Вечорка

и Полуночка вытащили своего брата и трех королевен на белый свет. Приезжают они все вместе в свое государство; королевны покати-ли в чистом поле своими яичками – и тотчас явились три царства: медное, серебряное и золотое. Король так обрадовался, что и рассказать нельзя; тотчас же обвенчал Зорьку, Вечорку и Полуночку на своих дочерях, а по смерти сделал Зорьку своим наследником.

МЕДВЕДКО, УСЫНЯ, ГОРЫНЯ И ДУБЫНЯ-БОГАТЫРИ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик со старухой; детей у них не было. Говорит раз старик: «Старуха, поди купи репку – за обедом съедим». Старуха пошла, купила две репки; одну кое-как изгрызли, а другую в печь положили, чтобы распарилась. Погодя немного слышат – что-то в печи кричит: «Бабушка, откутай; тут жарко!» Старуха открыла заслонку, а в печи лежит живая девочка. «Что там такое?» – спрашивает старик. «Ах, старик! Господь дал нам девочку». И старик и старуха крепко обрадовались и назвали эту девочку Репкою.

Вот Репка росла, росла и выросла большая. В одно время приходят деревенские девки и просят: «Бабушка, отпусти с нами Репку в лес за ягодами». – «Не пуцу, к...ны дети! Вы ее в лесу покинете». – «Нет, бабушка, ни за что не кинем». Старуха отпустила Репку. Собрались девки, пошли за ягодами и зашли в такой дремучий лес, что зги не видать. Глядь – стоит в лесу избушка, вошли в избушку, а там на столбе медведь сидит. «Здравствуйте, красные девицы! – сказал медведь. – Я вас давно жду». Посадил их за стол, наклат им каши и говорит: «Кушайте, хорошие-пригожие! Которая есть не будет, тоё замуж возьму». Все девки кашу едят, одна Репка не ест. Медведь отпустил девок домой, а Репку у себя оставил; притащил сани, прицепил к потолку, лег в эти сани и заставил себя качать. Репка стала качать, стала приговаривать: «Бай-бай, старый хрен!» – «Не так! – говорит медведь. – Сказывай: бай-бай, милый друг!» Нечего делать, стала качать да приговаривать: «Бай-бай, милый друг!»

Вот так-то прожил медведь с нею близко года; Репка забрюхатела и думает: как бы вы-

искать случай да уйти домой. Раз медведь пошел на добычу, а ее в избушке оставил и заклал дверь дубовыми пнями. Репка давай выдираться, силилась-силилась, кое-как выдралась и убежала домой. Старик со старухой обрадовались, что она нашлась: живут они месяц, другой и третий; а на четвертый Репка родила сына – половина человечья, половина медвежья; окрестили его и дали имя Ивашко-Медведко. Зачал Ивашко расти не по годам, а по часам; что час, то на вершок выше подается, словно кто его в гору[92] тащит. Стукнуло ему пятнадцать лет, стал он ходить с ребятами на игры и шутить шутки нехорошие: кого ухватит за руку – рука прочь, кого за голову – голова прочь.

Пришли мужики жаловаться, говорят старику: «Как хочешь, земляк, а чтобы сына твоего здесь не было! Нам для его удали не погубить своих деток!» Старик запечалился-закручинился. «Что ты, дедушка, так невесел? – спрашивает Ивашко-Медведко. – Али кто тебя обездолил?» Старик трудно вздохнул: «Ах, внучек! Один ты у меня был кормилец, и то велят тебя из села выслать». – «Ну что ж, де-

душка! Это еще не беда; а вот беда, что нет у меня обороны. Поди-ка, сделай мне железную дубинку в двадцать пять пуд». Старик пошел и сделал ему двадцатипятипудовую дубинку. Ивашко простился с дедом, с бабою, взял свою дубинку и пошел куда глаза глядят.

Идет путем-дорогою, пришел к реке широкой в три версты; на берегу стоит человек, спер реку ртом, рыбу ловит усом, на языке варит да кушает. «Здравствуй, Усыня-богатырь!» – «Здравствуй, Ивашко-Медведко! Куда идешь?» – «Сам не ведаю: иду куда глаза глядят». – «Возьми и меня с собой». – «Пойдем, брат! Я товарищу рад». Пошли двое и увидели богатыря – захватил тот богатырь целую гору, понес в лог и верстает дорогу. Ивашко удивился: «Вот чудо так чудо! Уж больно силен ты, Горынюшка!» – «Ох, братцы, какая во мне сила? Вот есть на белом свете Ивашко-Медведко, так у того и впрямь сила великая!» – «Да ведь это я!» – «Куда ж ты идешь?» – «А куда глаза глядят». – «Возьми и меня с собой». – «Ну, пойдем; я товарищам рад».

Пошли трое и увидели чудо – богатырь дубье верстает: который дуб высок, тот в землю

пихает, а который низок, из земли тянет. Удивился Ивашко: «Что за сила, за могута великая!» – «Ох, братцы, какая во мне сила? Вот есть на белом свете Ивашко-Медведко, так тот и впрямь силен!» – «Да ведь это я!» – «Куда же тебя бог несет?» – «Сам не знаю, Дубынюшка! Иду куда глаза глядят». – «Возьми и меня с собой». – «Пойдем; я товарищам рад». Стало их четверо.

Пошли они путем-дорогою, долго ли, коротко ли – зашли в темный, дремучий лес; в том лесу стоит малая избушка на курячьей ножке и все поворачивается. Говорит Ивашко: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а к нам передом». Избушка поворотилась к ним передом, двери сами растворились, окна открылись; богатыри в избушку – нет никого, а на дворе и гусей, и уток, и индеек – всего вдоволь! «Ну, братцы, – говорит Ивашко-Медведко – всем нам сидеть дома не годится; давайте кинем жеребей: кому дома оставаться, а кому на охоту идти». Кинули жеребей: пал он на Усыню-богатыря.

Названные братья его на охоту ушли, а он настряпал-наварил, чего только душа захоте-

ла, вымыл голову, сел под окошечко и начал гребешком кудри расчесывать. Вдруг закутилося-замутилося, в глаза зелень выступила – становится земля пупом, из-под земли камень выходит, из-под камня баба-яга костяная нога, ж... жиленая, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет, сзади собачка побрехивает. «Тут мне попить-поесть у Усыни-богатыря!» – «Милости прошу, баба-яга костяная нога!» Посадил ее за стол, подал часточку,[93] она съела. Подал другую, она собачке отдала: «Так-то ты меня потчуеть!» Схватила толкач, начала бить Усынюшку; била-била, под лавку забила, со спины ремень вырезала, поела все дочиста и уехала. Усыня очнулся, повязал голову платочком, сидит да охает. Приходит Ивашко-Медведко с братьями: «Ну-ка, Усынюшка, дай нам пообедать, что ты настряпал». – «Ах, братцы, ничего не варил, не жарил: так угорел, что на силу избу прокурил».

На другой день остался дома Горыня-богатырь; наварил-настряпал вымыл голову, сел под окошечком и начал гребнем кудри расчесывать. Вдруг закутилося-замутилося, в глаза

зелень выступила – становится земля пупом, из-под земли камень, из-под камня баба-яга костяная нога, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет, сзади собачка побрехивает. «Тут мне попить-погулять у Горынюшки!» – «Милости прошу, баба-яга костяная нога!» Она села, Горыня подал ей часточку – баба-яга съела; подал другую – собачке отдала: «Так-то ты меня потчуешь!» Схватила железный толкач, била его, била, под лавку забила, со спины ремень вырезала, поела все до последней крошки и уехала. Горыня опомнился, повязал голову и, ходя, охает. Воротился Ивашко-Медведко с братьями: «Ну-ка, Горынюшка, что ты нам на обед сготовил?» – «Ах, братцы, ничего не варил: печь угарная, дрова сырые, насилу прокурил».

На третий день остался дома Дубыня-богатырь; настряпал-наварил, вымыл голову, сел под окошечком и начал кудри расчесывать. Вдруг закутилось-замутилось, в глаза зелень выступила – становится земля пупом, из-под земли камень, из-под камня баба-яга костяная нога, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет, сзади собачка побрехивает.

«Тут мне попить-погулять у Дубынюшки!» – «Милости прошу, баба-яга костяная нога!» Баба-яга села, часточку ей подал – она съела; другую подал – собачке бросила: «Так-то ты меня потчует!» Ухватила толкач, била его, била, под лавку забила, со спины ремень вырезала, поела все и уехала. Дубыня очнулся, повязал голову и, ходя, охает. Воротился Ивашко: «Ну-ка, Дубынюшка, давай нам обедать». – «Ничего не варил, братцы, так угорел, что насилу избу прокурил».

На четвертый день дошла очередь до Ивашки; остался он дома, наварил-настряпал, вымыл голову, сел под окошечком и начал гребнем кудри расчесывать. Вдруг закутилось-замутилось – становится земля пупом, из-под земли камень, из-под камня баба-яга костяная нога, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет; сзади собачка побрехивает. «Тут мне попить-погулять у Ивашки-Медведка!» – «Милости прошу, баба-яга костяная нога!» Посадил ее, часточку подал – она съела; другую подал – она сучке бросила: «Так-то ты меня потчует!» Схватила толкач и стала его осаживать; Ивашко осердился, вы-

рвал у бабы-яги толкач и давай ее бить изо всей мочи, бил-бил, до полусмерти избил, вырезал со спины три ремня, взял засадил в чулан и запер.

Приходят товарищи: «Давай, Ивашко, обедать!» – «Извольте, други, садитесь». Они сели, а Ивашко стал подавать: всего много настряпано. Богатыри едят, дивуются да промеж себя разговаривают: «Знать, у него не была баба-яга!» После обеда Ивашко-Медведко истопил баню, и пошли они париться. Вот Усыня с Дубынею да с Горынею моются и всё норовят стать к Ивашке передом. Говорит им Ивашко: «Что вы, братцы, от меня свои спины прячете?» Нечего делать богатырям, признались, как приходила к ним баба-яга да у всех по ремню вырезала. «Так вот от чего угорели вы!» – сказал Ивашко, сбегал в чулан, отнял у бабы-яги те ремни, приложил к ихним спинам, и тотчас все зажило. После того взял Ивашко-Медведко бабу-ягу, привязал веревкой за ногу и повесил на воротах: «Ну, братцы, заряжайте ружья да давайте в цель стрелять: кто перешибет веревку пулею – молодец будет!» Первый выстрелил Усыня – промах-

нулся, второй выстрелил Горыня – мимо дал, третий Дубыня – чуть-чуть зацепил, а Ивашко выстрелил – перешиб веревку; баба-яга упала наземь, вскочила и побежала к камню, приподняла камень и ушла под землю.

Богатыри бросились вдогонку; тот попробует, другой попробует – не могут поднять камня, а Ивашко подбежал, как ударит ногою – камень отвалился, и открылась норка. «Кто, братцы, туда полезет?» Никто не хочет. «Ну, – говорит Ивашко-Медведко, – видно, мне лезть приходится!» Принес столб, уставил на краю пропасти, на столбе повесил колокол и прицепил к нему один конец веревки, а за другой конец сам взялся. «Теперь опускайте меня, а как ударю в колокол – назад тащите». Богатыри стали спускать его в нору; Ивашко видит, что веревка вся, а до дна еще не хватает; вынул из кармана три больших ремня, что вырезал у бабы-яги, привязал их к веревке и опустился на тот свет.

Увидел дорожку торную и пошел по ней, шел-шел – стоит дворец, во дворце сидят три девицы, три красавицы, и говорят ему: «Ах, добрый молодец, зачем сюда зашел? Ведь на-

ша мать – баба-яга; она тебя съест!» – «Да где она?» – «Она теперь спит, а в головах у ней меч-кладенец лежит; ты меча не трогай, а коли дотронешься – она в ту ж минуту проснется да на тебя накинется. А вот лучше возьми два золотых яблочка на серебряном блюдечке, разбуди ягу-бабу потихонечку, поднеси ей яблочки и проси отведать ласково; она поднимет свою голову, разинет пасть и как только станет есть яблочко – ты выхвати меч-кладенец и сруби ей голову за один раз, а в другой не руби; если ударишь в другой раз – она тотчас оживет и предаст тебя злой смерти».

Ивашко так и сделал, отсек бабе-яге голову, забрал красных девиц и повел к норе; привязал старшую сестру к веревке, ударил в колокол и крикнул: «Вот тебе, Усыня, жена!» Богатыри ее вытащили и опустили веревку на низ; Ивашко привязал другую сестру: «Вот тебе, Горыня, жена!» И ту вытащили. Привязал меньшую сестру и крикнул: «А это моя жена!» Дубыня рассердился, и как скоро потащили Ивашку-Медведка, он взял палицу и разрубил веревку надвое.

Ивашко упал и больно зашибся; очнулся

добрый молодец и не знает, как ему быть; день, другой и третий сидит не евши, не пивши, отоцал с голоду и думает: «Пойду-ка, поищу в кладовых у бабы-яги, нет ли чего перекусить». Пошел по кладовым, наелся-напился и напал на подземный ход; шел-шел и выбрался на белый свет. Идет чистым полем и видит – красная девица скотину пасет; подошел к ней поближе и узнал свою невесту, «Что, умница, делаешь?» – «Скотину пасу; сестры мои за богатырей замуж идут, а я не хочу идти за Дубынюшку, так он и приставил меня за коровами ходить». Вечером красная девица погнала стадо домой; а Ивашко-Медведко за нею идет. Пришел в избу; Усыня, Горыня и Дубыня богатыри сидят за столом да гуляют. Говорит им Ивашко: «Добрые люди! Поднесите мне хоть одну рюмочку». Поднесли ему рюмку зелена вина; он выпил и другую запросил; дали ему другую, выпил и запросил третью, а как выпил третью – распалилось в нем богатырское сердце: выхватил он боевую палицу, убил всех трех богатырей и выбросил их тела в чистое поле лютым зверям на съедение. После того взял свою наре-

ченную невесту, воротился к старику и к старухе и сыграл веселую свадьбу; много тут было выпито, много было съедено. И я на свадьбе был, мед-вино пил, по усам текло, во рту сухо было; дали мне пива корец,[94] моей сказке конец.

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

Был себе дед да баба, у них было три сына: два разумных, а третий дурень. Первых баба любила, чисто одевала; а последний всегда был одет худо – в черной сорочке ходил. Послышали они, что пришла от царя бумага: «кто состроит такой корабль, чтобы мог летать, за того выдаст замуж царевну». Старшие братья решились идти пробовать счастья и попросили у стариков благословения; мать снарядила их в дорогу, надавала им белых паланиц,[95] разного мясного и фляжку горелки и выпроводила в путь-дорогу. Увидя то, дурень начал и себе проситься, чтобы и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтоб не ходил: «Куда тебе, дурню; тебя волки съедят!» Но дурень заладил одно: пойду да пойду! Баба видит, что с ним не сладишь, дала ему на до-

рогу черных паляниц и фляжку воды и вы- проводила из дому.

Дурень шел-шел и повстречал старика. По- здоровались. Старик спрашивает дурня: «Куда идешь?» – «Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает летучий корабль». – «Раз- ве ты можешь сделать такой корабль?» – «Нет, не сумею!» – «Так зачем же ты идешь?» – «А бог его знает!» – «Ну, если так, – сказал старик, – то садись здесь; отдохнем вместе и закусим; вынимай, что у тебя есть в торбе». – «Да тут такое, что и показать стыдно людям!» – «Ничего, вынимай; что бог дал – то и поснедаем!» Дурень развязал торбу – и гла- зам своим не верит: вместо черных паляниц лежат белые булки и разные приправы; по- дал старику. «Видишь, – сказал ему старик, – как бог дурней жалует! Хоть родная мать тебя и не любит, а вот и ты не обделен... Давай же выпьем наперед горелки». Во фляжке наместо воды очутилась горелка; выпили, перекуси- ли, и говорит старик дурню: «Слушай же – ступай в лес, подойди к первому дереву, пере- крестись три раза и ударь в дерево топором, а сам упади наземь ничком и жди, пока тебя не

разбудят. Тогда увидишь перед собою готовый корабль, садись в него и лети, куда надобно; да по дороге забирай к себе всякого встречного».

Дурень поблагодарил старика, распрощался с ним и пошел к лесу. Подошел к первому дереву, сделал все так, как ему велено: три раза перекрестился, тюкнул по дереву секирою, [96] упал на землю ничком и заснул. Спустя несколько времени начал кто-то будить его. Дурень проснулся и видит готовый корабль; не стал долго думать, сел в него – и корабль полетел по воздуху.

Летел-летел, глядь – лежит внизу на дороге человек, ухом к сырой земле припал. «Здоров, дядьку!» – «Здоров, небоже». – «Что ты делаешь?» – «Слушаю, что на том свете делается». – «Садись со мною на корабль». Тот не захотел отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше. Летели-летели, глядь – идет человек на одной ноге, а другая до уха привязана. «Здоров, дядьку! Что ты на одной ноге скачешь?» – «Да коли б я другую отвязал, так за один бы шаг весь свет перешагнул!» – «Садись с нами!» Тот сел, и опять полетели. Лете-

ли-летели, глядь – стоит человек с ружьем, прицеливается, а во что – неведомо. «Здоров, дядьку! Куда ты метишь? Ни одной птицы не видно». – «Как же, стану я стрелять близко! Мне бы застрелить зверя или птицу верст за тысячу отсюда: то по мне стрельба!» – «Садись же с нами!» Сел и этот, и полетели они дальше.

Летели-летели, глядь – несет человек за спиною полон мех хлеба. «Здоров, дядьку! Куда идешь?» – «Иду, – говорит, – добывать хлеба на обед». – «Да у тебя и так полон мешок за спиною». – «Что тут! Для меня этого хлеба и на один раз укусить нечего». – «Садись-ка с нами!» Обьедало сел на корабль, и полетели дальше. Летели-летели, глядь – ходит человек вокруг озера. «Здоров, дядьку! Чего ищешь?» – «Пить хочется, да воды не найду». – «Да перед тобой целое озеро; что ж ты не пьешь?» – «Эка! Этой воды на один глоток мне не станет». – «Так садись с нами!» Он сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь – идет человек в лес, а за плечами вязанка дров. «Здоров, дядьку! Зачем в лес дрова несешь?» – «Да это не простые дрова». – «А какие же?» – «Да та-

кие: коли разбросить их, так вдруг целое войско явится». – «Садись с нами!» Сел он к ним, и полетели дальше. Летели-летели, глядь – человек несет куль соломы. «Здоров, дядьку! Куда несешь солому?» – «В село». – «Разве в селе-то мало соломы?» – «Да это такая солома, что как ни будь жарко лето, а коли разбросашь ее – так зараз холодно делается: снег да мороз!» – «Садись и ты с нами!» – «Пожалуй!» Это была последняя встреча; скоро прилетели они до царского двора.

Царь на ту пору за обедом сидел: увидел летучий корабль, удивился и послал своего слугу спросить: кто на том корабле прилетел? Слуга подошел к кораблю, видит, что на нем всё мужики, не стал и спрашивать, а, воротясь назад в покои, донес царю, что на корабле нет ни одного пана, а всё черные люди. Царь рассудил, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, и стал думать, как бы от такого зятя избавиться. Вот и придумал: «Стану я ему задавать разные трудные задачи». Тотчас посылает к дурню с приказом, чтобы он достал ему, пока царский обед кончится, целующей и живущей воды.

В то время как царь отдавал этот приказ своему слуге, первый встречный (тот самый, который слушал, что на том свете делается) услышал царские речи и рассказал дурню. «Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды!» – «Не бойся, – сказал ему скороход, – я за тебя справлюсь». Пришел слуга и объявил царский приказ. «Скажи: принесу!» – отозвался дурень; а товарищ его отвязал свою ногу от уха, побежал и мигом набрал целющей и живущей воды: «Успею, – думает, – воротиться!» – присел под мельницей отдохнуть и заснул. Царский обед к концу подходит, а его нет как нет; засуетились все на корабле. Первый встречный приник к сырой земле, прислушался и сказал: «Экий! Спит себе под мельницей». Стрелок схватил свое ружье, выстрелил в мельницу и тем выстрелом разбудил скорохода; скороход побежал и в одну минуту принес воду; царь еще из-за стола не встал, а приказ его выполнен как нельзя вернее.

Нечего делать, надо задавать другую задачу. Царь велел сказать дурню: «Ну, коли ты

такой хитрый, так покажи свое удалство: съешь со своими товарищами за один раз двенадцать быков жареных да двенадцать кулей печеного хлеба». Первый товарищ услышал и объявил про то дурню. Дурень испугался и говорит: «Да я и одного хлеба за один раз не съем!» – «Не бойся, – отвечает Обьедало, – мне еще мало будет!» Пришел слуга, явил царский указ. «Хорошо, – сказал дурень, – давайте, будем есть». Принесли двенадцать быков жареных да двенадцать кулей хлеба печеного; Обьедало один всё поел. «Эх, – говорит, – мало! Еще б хоть немножко дали...» Царь велел сказать дурню, чтобы выпито было сорок бочек вина, каждая бочка в сорок ведер. Первый товарищ дурня подслушал те царские речи и передал ему по-прежнему; тот испугался: «Да я и одного ведра не в силах за раз выпить». – «Не бойся, – говорит Опивало, – я один за всех выпью; еще мало будет!» Налили вином сорок бочек; Опивало пришел и без роздыху выпил все до одной; выпил и говорит: «Эх, маловато! Еще б выпить».

После того царь приказал дурню к венцу готовиться, идти в баню да вымыться; а ба-

ня-то была чугунная, и ту велел натопить жарко-жарко, чтоб дурень в ней в одну минуту задохся. Вот раскалили баню докрасна; пошел дурень мыться, а за ним следом идет мужик с соломою: подостлать-де надо. Заперли их обоих в бане; мужик разбросал солому – и сделалось так холодно, что едва дурень вымылся, как в чугунах вода стала мерзнуть; залез он на печку и там всю ночь пролежал. Утром отворили баню, а дурень жив и здоров, на печи лежит да песни поет. Доложили царю; тот опечалился, не знает, как бы отвязаться от дурня; думал-думал и приказал ему, чтобы целый полк войска поставил, а у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он не сделает!»

Как узнал про то дурень, испугался и говорит: «Теперь-то я совсем пропал! Выручали вы меня, братцы, из беды не один раз; а теперь, видно, ничего не поделаешь». – «Эх ты! – отозвался мужик с вязанкою дров. – А про меня разве забыл? Вспомни, что я мастер на такую штуку, и не бойся!» Пришел слуга, объявил дурню царский указ: «Коли хочешь на царевне жениться, поставь к завтраму целый

полк войска». – «Добре, зроблю! Тільки якщо царь і після того стане отговариватися, то повоюю все його царство і насильно возьму царевну». Ночью товарищ дурня вийшов в поле, вніс вязанку дров і давай раскидывать в різні сторони – тотчас явилось нескметное войско; і конное, і пешее, і с пушками. Утром увидал царь і в свій черед испугался; поскорей послал к дурню дороге убори і платя, велел во дворец просить с царевной венчатся. Дурень нарядился в те дороге убори, сделался таким молодцом, что і сказати нельзя! Явился к царю, обвенчался с царевною, получил большое приданое і стал разумным і догадливым. Царь с царицею его полюбили, а царевна в нем души не чаяла.

СЕМЬ СЕМИОНОВ

В одном месте у мужика было семь сынов, семь Семенов – все молодец молодца лучше, а такие лентяи, неработицы – во всем свете поискать! Ничего не делали. Отец мучился-мучился с ними и повез к царю; привозит туда, сдает всех в царскую службу. Царь поблагодарил его за таких молодцов и спросил, что они умеют делать. «У самих спросите, ваше царско величество!» Царь наперво созвал большого Семена, спросил: «Чего ты умеешь делать?» – «Воровать, ваше царско величество». – «Ладно; мне такой человек на время надобен». Созвал второго: «А ты чего?» – «Я умею ковать всяки дороги вещи». – «Мне и такой человек надобен». Созвал третьего Семена, спрашивает: «А ты чего умеешь делать?» – «Я умею стрелять на лету птицу, ваше царско величество». – «Ладно!» Спрашивает четвертого: «А ты чего?» – «Если стрелец подстрелит птицу, я вместо собаки сплаваю за ней и притащу». – «Ладно! – говорит царь. – А ты чему мастер?» – спросил пятого. «Я буду смотреть с высокого места во все царства и стану сказыв-

вать, где чего делается». – «Хорошо, хорошо!» Спросил шестого. «Я знаю делать корабли; только тят-ляп, у меня и будет корабль». – «Хорошо, а ты чего знаешь?» – спросил седьмого. «Я умею лечить людей». – «Ладно!»

Царь отпустил их. Живут долго уж; царь и вздумал попытать одного Семена: «Ну-ка, Семен, узнай, где чего делается?» Семен забился куда-то наверх, посмотрел по сторонам и рассказал: «Тут вот то-то делается, там то-то». После сличили с газетами – точно так! Прошло опять много время; царь вздумал жениться на одной царевне: как ее достать? Не знат, некого послать! И вспомнил семь Семенов, созвал их, дал службу: достать эту царевну; дал им сколько-то солдатства. Семены скоро собрались, все мастера – тят да ляп, и сделали корабль, сели и поплыли. Подплывают под то царство, где была невеста-царевна; один посмотрел с высокого шеста, сказал, что царевна теперь одна – украсть можно; другой сковал какие-то самые дорогие вещи, и пошли с воров продавать: только дошли, вор тотчас и украл царевну. Отсекли якоря, поплыли. Царевна видит, что ее везут, обернулась белой

лебедью и полетела с корабля. Стрелец не оробел, схватил ружье, стрелил и попал ей в левое крыло; вместо собаки кинулся другой Семен, схватил лебедь на море и принес на корабль. Лебедь обернулась опять царевной, только лева рука у нее была подстрелена. Лекарь у них свой, тотчас руку у царевны вылечил.

Приехали к своему царству здоровы, благополучны, выстрелили из пушки. Царь услышал, и забыл уж про Семенов – думат: что за корабль пришел там? «Поди-ка, – говорит, – сбегайте, узнайте там». Кто-то сбегал ли, съездил ли; сколь скоро доложили царю о семи Семенах вместе с царской невестой, – он обрадовался Семеновым трудам, приказал встретить их с честью, с пушечной пальбой, с барабанным боем. Только царевна не пошла за царя замуж: он был уж стар. Он ее и спросил, за кого она хочет выйти? Царевна говорит: «За того, кто меня воровал!» – а вор Сенька был бравый детина, царевне поглянулся.[97] Царь, не говоря больше ни слова, приказал их обвенчать; потом сам захотел на покой, Семена поставил на свое место, а братовой его

сделал всех большими боярами.

НИКИТА КОЖЕМЯКА

Около Киева проявился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмет девку да и съест ее. Пришел черед идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил ее к себе в берлогу, а есть ее не стал: красавица собой была, так за жену себе взял. Полетит змей на свои промыслы, а царевну завалит бревнами, чтоб не ушла. У той царевны была собачка, увязалась с нею из дому. Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею; а та побежит, куда надо, да и ответ еще принесет. Вот раз царь с царицею и пишут к царевне: узнай, кто сильнее змея? Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проболтался, что живет в городе Киеве Кожемяка – тот и его сильнее. Услыхала про то царевна, написала к батюшке: сыщите в городе Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выручать.

Царь, получивши такую вестъ, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошел просить его, чтобы освободил его землю от лютого змея и выручил царевну. В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож; как увидал он, что к нему пришел сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись – и разорвал он те двенадцать кож. Да сколько ни упрашивал царь с царицею Кожемяку, тот не пошел супротив змея. Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних, да и заставили их просить Кожемяку: авось на их слезы сжалобится! Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб шел он супротив змея. Прослезился и сам Никита Кожемяка, на их слезы глядя. Взял триста пуд пеньки, насолил смолою и весь-таки обмотался, чтобы змей не съел, да и пошел на него.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей заперся и не выходит к нему. «Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу размечу!» – сказал Кожемяка и стал уже двери ломать. Змей, видя беду неминуемую, вышел к нему в чистое поле. Долго ли, коротко ли бил-

ся с змеем Никита Кожемяка, только повалил змея. Тут змей стал молить Никиту: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну: ты будешь жить в одной половине, а я в другой». – «Хорошо, – сказал Кожемяка, – надо между проложить». Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в нее змея, да и стал от Киева между пропахивать; Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского. «Ну, – говорит змей, – теперь мы всю землю разделили!» – «Землю разделили, – проговорил Никита, – давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут». Въехал змей на середину моря, Никита Кожемяка убил и утопил его в море. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двух сажен. Кругом ее пашут, а борозды не трогают, а кто не знает, от чего эта борозда, – называет ее валом. Никита Кожемяка, сделавши святое дело, не взял за работу ничего, пошел опять кожи мять.

ЗМЕЙ И ЦЫГАН

В старые годы стояла одна деревушка, повадился в ту деревушку змей летать, людей пожирать. Всех поел; остался всего-навсего один мужик. В те поры приходит туда цыган; дело было поздним вечером. Куда ни заглянет – везде пусто! Зашел, наконец, в последнюю избушку; там сидит да плачется оставшей мужик. «Здравствуй, добрый человек!» – «Ты зачем, цыган? Верно, жизнь тебе надоела?» – «А что?» – «Да ведь сюда повадился змей летать, людей пожирать; всех поел, меня одного до утра оставил, а завтра прилетит – и меня сожрет, да и тебе несдобровать. Разом двух съест!» – «А может, подавится! Дай-ка я с тобой переночую да посмотрю завтра: какой-такой змей к вам летает?» Переночевали.

Утром поднялась вдруг сильная буря, затряслась изба – прилетает змей: «Ага! – говорит. – Прибыль есть! Оставил одного мужика, а нашел двух. Будет чем позавтракать!» – «Будто и вправду съешь?» – спрашивает цыган. «Да таки съем!» – «Брешешь, чертова об-

разина! Подавишься!» – «Что ж, ты разве сильнее меня?» – «Еще бы! Чай, сам знаешь, что у меня сила больше твоей», – «А ну, давай попробуем: кто кого сильнее?» – «Давай!» Змей достал из жерновов камень: «Смотри, цыган! Я этот камень одной рукой раздавлю». – «Ладно, посмотрю!» Змей взял камень в горсть и стиснул так крепко, что он в мелкий песок обратился: искры так и посыпались! «Экое диво! – говорит цыган. – А ты так сожми камень, чтоб из него вода потекла. Гляди, как я сожму!» А на столе лежал узелок творогу; цыган схватил его и ну давить – сыворотка и потекла наземь. «Что, видел? У кого силы больше?» – «Правда, рука у тебя сильнее моей; а вот попробуем: кто из нас крепче свистнет?» – «Ну, свисти!» Змей как свистнул – со всех деревьев лист осыпался. «Хорошо, брат, свистишь, а все не лучше моего, – сказал цыган. – Завяжи-ка наперед свои бельмы, а то как я свистну – они у тебя изо лба повыскочат!» Змей поверил и завязал платком свои глаза: «А ну, свисти!» Цыган взял дубину да как свистнет змея по башке – тот во все горло закричал: «Полно, полно, цыган! Не свисти

больше, и с одного разу немного глаза не вылезли». – «Как знаешь, а я, пожалуй, готов и еще разок-другой свистнуть». – «Нет, не надо, не хочу больше спорить. Давай лучше с тобой побратаемся: ты будь старший брат, а я меньшей». – «Пожалуй!»

«Ну, брат, – говорит змей, – ступай – там на степи пасется стадо волов; выбери самого жирного, возьми за хвост и тащи на обед». Нечего делать – пошел цыган в степь; видит – пасется большой гурт волов, давай их ловить да друг к дружке за хвосты связывать. Змей ждал-ждал, не выдержал и побежал сам: «Что так долго?» – «А вот постой: навяжу штук пятьдесят, да за один раз и поволоку всех домой, чтоб на целый месяц хватило!» – «Экой ты! Нешто нам здесь век вековать? Будет и одного». Тут змей ухватил самого жирного вола за хвост, сдернул с него шкуру, мясо взвалил на плечи и потащил домой. «Как же, брат, я столько штук навязал – неужли ж так бросить?» – «Ну, брось».

Пришли в избу, наклали два котла говядины, а воды нету. «На тебе воловью шкуру, – говорит цыгану змей, – ступай, набери полную

воды и неси сюда; станем обед варить». Цыган взял шкуру, потащил к колодезю – еле-еле порожнюю тащит, не то что с водою. Пришел и давай окапывать кругом колодезь. Змей опять ждал-ждал, не выдержал и побежал сам: «Что ты, брат, делаешь?» – «Хочу колодезь кругом окопать да весь в избу притащить, чтоб не нужно было ходить по воду». – «Экой ты! Много затеваешь! Чтоб окопать, надо много времени». Опустил змей в колодезь шкуру, набрал полную воды, вытащил и понес домой. «А ты, брат, – говорит цыгану, – ступай пока в лес, выбери сухой дуб и волоки в избу; пора огонь разводить!» Цыган пошел в лес, начал лыки драть да веревки вить; свил длинную-длинную веревку и принялся дубы опутывать. Змей ждал-ждал, не выдержал, побежал сам: «Что так мешкаешь?» – «Да вот хочу зараз дубов двадцать зацепить веревкою, да и тащить все с кореньями, чтобы надолго дров хватило!» – «Экой ты! Все по-своему делаешь», – сказал змей, вырвал с корнем самый толстый дуб и поволок в избу.

Цыган притворился, что крепко сердит, надул губы и сидит молча. Змей наварил говя-

дины, зовет его обедать, а он с сердцем отвечает: «Не хочу!» Вот змей сожрал целого вола, выпил воловью шкуру воды и стал цыгана допрашивать: «Скажи, брат, за что сердишься?» – «А за то: что я ни сделаю – все не так, все не по-твоему!» – «Ну, не сердись, помиримся!» – «Коли хочешь со мной помириться, поедем ко мне в гости». – «Изволь; готов, брат!» Тотчас достал змей повозку, запряг тройку что ни есть лучших коней, и поехали вдвоем в цыганский табор. Стали подъезжать; увидали цыганята своего батька, бегут к нему навстречу голые да во все горло кричат: «Батько приехал; змея привез!» Змей испугался, спрашивает цыгана: «Кто это?» – «А то мои дети! Чай, голодны теперь; смотри, как за тебя примутся!» Змей из повозки, да бежать; а цыган продал тройку лошадей вместе с повозкой и зажил себе припеваючи.

БАТРАК

Жил-был мужик; у него было три сына. Пошел старший сын в батраки наниматься; пришел в город и нанялся к купцу, а тот купец куда был скуп и суров! Только одну речь и держал: как запоет петух, так и вставай батрак, да принимайся за работу. Трудно, тяжело показалось парню; прожил он с неделю и воротился домой. Пошел средний сын, прожил у купца с неделю, не выдержал и взял расчет. «Батюшка, – говорит меньшей сын, – позволь, я пойду в батраки к купцу». – «Куда тебе, дураку! Знал бы сидел на печи! Лучше тебя ходили, да ни с чем ворочались». – «Ну как хочешь, а я пойду!» Сказал и пошел к купцу: «Здравствуй, купец!» – «Здравствуй, молодец! Что хорошего скажешь?» – «Найми меня в батраки». – «Изволь; только у меня, брат, как петух запоет – так и ступай на работу на весь день», – «Знамое дело: нанялся, что продался!» – «А что возьмешь?» – «Да что с тебя взять? Год проживу – тебе щелчок да купчихе щипок; больше ничего не надо». – «Ладно, молодец! – отвечает хозяин, а сам думает: – Экая

благодать! Вот когда дешево нанял, так дешево!»

Вечеру батрак изловчился, поймал петуха, завернул ему голову под крыло и завалился спать. Уж полночь давно прошла, дело к утру идет – пора бы батрака будить, да петух не поет! Поднялось солнышко на небо – батрак и сам проснулся. «Ну, хозяин, давай завтракать, время работать идти». Позавтракал и проработал день до вечера; в сумерки опять изловил петуха, завернул ему голову за крыло и завалился спать до утра. На третью ночь опять то же. Дался диву купец, что за притча такая с петухом: совсем перестал горло драть! «Пойду-ка я, – думает, – на деревню, поищу иного петуха». Пошел купец петуха искать и батрака с собою взял.

Вот идут они дорогою, а навстречу им четверо мужиков быка ведут, да и бык же – большой да злющий! Еле-еле на веревках удержат! «Куда, братцы?» – спрашивает батрак. «Да быка на бойню ведем». – «Эх, вы! Четверо быка ведете, а тут и одному делать нечего!» Подошел к быку, дал ему в лоб щелчок и убил до смерти; опосля ухватил щипком за шкуру –

вся шкура долой! Купец как увидел, каковы у батрака щелчки да щипки, больно пригорюнился; совсем забыл о петухе, вернулся домой и стал с купчихой совет держать, как им беду-горе отбывать? «А вот что, – говорит купчиха, – пошлем-ка мы батрака поздно вечером в лес, скажем, что корова со стада не пришла; пускай его лютые звери съедят!» – «Ладно!» Дождались вечера, поужинали; вышла купчиха на двор, постояла у крылечка, входит в избу и говорит батраку: «Что ж ты коров в сарай не загнал? Ведь одной-то, комолой, нету!» – «Да, кажись, они все были...» – «То-то все! Ступай скорей в лес да поищи хорошенько».

Батрак оделся, взял дубинку и побрел в дремучий лес; сколько ни ходил по лесу – не видать ни одной коровы; стал присматриваться да приглядываться – лежит медведь в берлоге, а батрак думает – то корова. «Эхма, куда затесалась, проклятая! А я тебя всю ночь ищу». И давай осаживать медведя дубинкою; зверь бросился наутек, а батрак ухватил его за шею, приволок домой и кричит: «Отворяй ворота, принимай живота!» Пустил медведя

в сарай и запер вместе с коровами. Медведь сейчас принялся коров душить да ломать; за ночь всех до одной так и порешил. Наутро говорит батрак купцу с купчихою: «Ведь корову-то я нашел». – «Пойдем, жена, посмотрим, какую корову нашел он в лесу?» Пошли в сарай, отворили двери, глядь – коровы задушены, а в углу медведь сидит. «Что ты, дурак, наделал? Зачем медведя в сарай притащил? Он всех коров у нас порешил!» – «Постой же, – говорит батрак, – не миновать ему за то смерти!» Кинулся в сарай, дал медведю щелчок – из него и дух вон! «Плохо дело, – думает купец, – лютые звери ему нипочем. Разве один черт с ним сладит! Поезжай, – говорит батраку, – на чертову мельницу да сослужи мне службу великую: собери с нечистых деньги; в долг у меня забрали, а отдавать не отдают!» – «Изволь, – отвечает батрак, – для чего не сослужить такой безделицы?»

Запряг лошадь в телегу и поехал на чертову мельницу; приехал, сел на плотине и стал веревку вить. Вдруг выпрыгнул из воды бес: «Батрак! Что ты делаешь?» – «Чай, сам видишь: веревку вью». – «На что тебе верев-

ка?» – «Хочу вас, чертей, таскать да на солнышке сушить; а то вы, окаянные, совсем перемокли!» – «Что ты, что ты, батрак! Мы тебе ничего худого не сделали». – «А зачем моему хозяину долгов не платите? Занимать небось умели!» – «Постой немножко, я пойду спрошу старшого», – сказал черт и нырнул в воду. Батрак сейчас за лопату, вырыл глубокую яму, прикрыл ее сверху хворостом, посередке свой шлык уставил, а в шлыке-то загодя дыру прорезал.

Черт выскочил и говорит батраку: «Старшой спрашивает как же будешь ты чертей таскать? Ведь наши омуты бездонные». – «Великая важность! У меня на то есть веревка такая: сколько хочешь меряй, все конца не доберешься». – «Ну-ка покажи!» Батрак связал оба конца своей веревки и подал черту; уж тот мерил-мерил, мерил-мерил, все конца нету. «А много ль долгов платить?» – «Да вот насыпь этот шлык серебром, как раз будет». Черт нырнул в воду, рассказал про все старшому; жаль стало старому с деньгами расставаться, а делать нечего, пришло раскошелиться. Насыпал батрак полон воз серебра и

привез к купцу. «Вот она беда-то! И черт его не берет!»

Стал купец с купчихой уговариваться бежать из дому; купчиха напекла пирогов да хлебов, наклала два мешка и легла отдохнуть, чтоб к ночи с силами собраться да от батрака уйти. А батрак вывалил из мешка пироги и хлебы да заместо того в один положил жернова, а в другой сам залез; сидит – не ворохнется, и дух притаил! Ночью разбудил купец купчиху, взвалили себе по мешку на плеча и побежали со двора. А батрак из мешка подает голос: «Эй, хозяин с хозяйкой! Погодите, меня с собой возьмите». – «Узнал, проклятый! Гонит за нами!» – говорят купец с купчихою и побежали еще шибче; во как уморились! Увидал купец озеро, остановился, сбросил мешок с плеч: «Отдохнем, – говорит, – хоть немножко!» А батрак отзывается: «Тише бросай, хозяин! Все бока переломаешь». – «Ах, батрак, да ты здесь!» – «Здесь!»

Ну, хорошо; решились заночевать на берегу и легли все рядышком. «Смотри, жена, – говорит купец, – как только заснет батрак, мы его бросим в воду». Батрак не спит, ворочает-

ся, с боку на бок переваливается. Купец да купчиха ждали-ждали и уснули; батрак тотчас снял с себя тулуп да шапку, надел на купчиху, а сам нарядился в ее шубейку и будит хозяина: «Вставай, бросим батрака в озеро!» Купец встал; подхватили они вдвоем сонную купчиху и кинули в воду. «Что ты, хозяин, сделал? – закричал батрак. – За что утопил купчиху?» Делать нечего купцу, воротился домой с батраком, а батрак прослужил у него целый год да дал ему щелчок в лоб – только и жил купец! Батрак взял себе его имение и стал жить-поживать, добра припасать, лиха избывать.

СОЛДАТ ИЗБАВЛЯЕТ ЦАРЕВНУ

Загнали солдата на дальние границы; прослужил он положенный срок, получил чистую отставку и пошел на родину. Шел он через многие земли, чрез разные государства; приходит в одну столицу и останавливается на квартире у бедной старушки. Начал ее расспрашивать: «Как у вас, баушка, в государстве – все ли здорово?» – «И-и, служивый! У нашего царя есть дочь-красавица Марфа-царевна; сватался за нее чужестранный принц; царевна не захотела за него идти, а он напустил на нее нечистую силу. Вот уж третий год не может! Не дает ей нечистая сила по ночам покою; бьется сердечная и кричит без памяти... Уж чего царь ни делает: и колдунов и знахарей приводил – никто не избавил!»

Выслушал это солдат и думает сам с собой: «Дай пойду, счастья попытаю; может, и избавлю царевну! Царь хоть что-нибудь на дорогу пожалует». Взял шинель, вычистил пуговицы мелом, надел и марш во дворец. Увидала его придворная прислуга, узнала, зачем идет, подхватила под руки и привела к самому ца-

рю. «Здравствуй, служба! Что хорошего скажешь?» – говорит царь. «Здравия желаю, ваше царское величество! Слышал я, что у вас Марфа-царевна хворает; я могу ее вылечить». – «Хорошо, братец! Коли вылечишь, я тебя с ног до головы золотом осыплю», – «Только прикажите, ваше величество, выдать мне все, что требовать стану». – «Говори, что тебе надобно?» – «Да вот дайте мне меру чугунных пуль, меру грецких орехов, фунт свечей и две колоды карт да изладьте мне чугунный прут, чугунную царяпку о пяти зубьях да чугунное подобие человека с пружинами». – «Ну, хорошо; к завтраму все будет готово».

Вот изготовили, что надо; солдат запер во дворце все окна и двери накрепко и закрепил их православным крестом, только одну дверь оставил незапертой и стал возле нее на часах; комнату осветил свечами, на стол положил карты, а в карманы насыпал чугунных пуль да грецких орехов. Управился и ждет. Вдруг в самую полночь прилетел нечистый дух: куда ни сунется – не может войти! Летал-летал кругом дворца и увидал, наконец,

отворёну дверь; скинулся человеком и хочет войти. «Кто идет?» – окликнул солдат. «Пусти, служивый! Я придворный лакей». – «Где же ты, халдейская харя, до сих пор таскался?» – «А где был, там теперь нету! Дай-ка мне орешков погрызть!» – «Много вас тут, халдеев! Всех по ореху оделить, самому ничего не останется». – «Дай, пожалуйста!» – «Ну, возьми!» – и дает ему пулю.

Черт взял в рот пулю, давил-давил зубами, в лепешку ее смял, а разгрызть – не разгрыз. Пока он с чугунною пулей возился, солдат орехов с двадцать разгрыз да съел. «Эх, служивый, – говорит черт, – крепки у тебя зубы!» – «Плох ты, я вижу! – отвечал солдат. – Ведь я двадцать пять лет царю прослужил, над сухарями зубы притупил, а ты б посмотрел, каков с молодых годов я был!» – «Давай, служивый, в карты играть». – «А на что играть-то станем?» – «Известно – на деньги». – «Ах ты, халдейская харя! Ну, какие у солдата деньги? Он всего жалованья – три денежки в сутки получает, а надо ему и мыла, и ваксы, и мелу, и клею купить и в баню сходить. Хочешь – на щелчки играть?» – «Пожалуй!» На-

чали на щелчки играть. Черт наиграл на солдата три щелчка. «Давай, – говорит, – бить стану!» – «Догоняй до десятку, тогда и бей; из трех щелчков нечего рук марать!» – «Ладно!» Стали опять играть; пришел солдату крестовый хлюст,[98] и нагнал он на нечистого десять щелчков. «Ну-ка, – говорит черту, – подставляй свой лоб; я покажу тебе, каково с нашим братом на щелчки играть! По-солдатски урежу! И другу и недругу закажешь!..»

Черт взмолился, просит, чтоб солдат полегче его бил. «То-то! С вами, халдеями, только свяжись, сам не рад будешь; как дело к расчету – так сейчас и отлынивать! А мне никоим способом нельзя тебя пощадить; я – солдат и давал присягу завсегда поступать верою-правдою». – «Возьми, служивый, деньгами!» – «А на что мне твои деньги? Я играл на щелчки – щелчками и плати. Разве вот что: есть у меня меньшей брат, пойдём-ка к нему – он пробьет тебе щелчки потише моего; а если не хочешь, давай я сам стану бить!» – «Нет, служивый, веди лучше к меньшому брату».

Солдат привел нечистого к чугунному человеку, тронул за пружину да как щелкнет

черта по лбу – тот ажно в другую стену отлетел; а солдат ухватил его за руку: «Стой! Еще девять щелчков за тобою». Тронул в другой раз пружину да так урезал, что черт кубарем покотился да чуть-чуть стены не пробил! А в третий раз отбросило нечистого прямо в окно; вышиб он раму, выскочил вон и наворострил лыжи. «Помни, проклятый, – кричит солдат, – за тобой еще семь щелчков осталось!» А черт-то улепетывает, аж пятками в зад достает. Наутро спрашивает царь Марфу-царевну: «Ну что – каково ночь проводила?» – «Спокойно, государь-батюшка!»

На другую ночь отрядил сатана во дворец иного черта; вишь, они ходили стращать да мучить царевну по очереди.

Досталось и этому на орехи! В тринадцать ночей перебивало у солдата тринадцать нечистых в переделке, и всем равно туго пришлось! Ни один в другой раз идти не хочет. «Ну, внушки, – говорит им дедушка-сатана, – я сам теперь пойду». Пришел сатана во дворец и ну с солдатом разговаривать; то-другое, пятое-десятое, стали в карты играть; солдат обыграл его и повел к меньшому брату щелч-

ками угощать. Привел, подавил пружины, меньшей брат обхватил сатану чугунными руками да так-таки плотно, что ему ни взад, ни вперед нельзя пошевелиться. Солдат схватил чугунный прут и давай хлестать; бьет сатану да приговаривает: «Вот тебе в карты играть! Вот тебе Марфу-царевну мучить!» Исхлестал чугунный прут и взялся царанкой строгать: сатана благим матом ревет, а солдат знай себе дерет, и так его донял, что тот как вырвался – без оглядки убежал! Вернулся в свое болото, охает: «Ах, внучки, чуть было солдат до смерти не убил!» – «То-то, дедушка! Вишь он какой мудреный! Вот уж две недели, как я во дворце был, а все голова трещит! Да еще спасибо, что не сам бил, а меньшого брата заставлял!»

Вот стали черти придумывать, как бы выжить им из дворца этого солдата. Думали-думали и решились золотом откупиться. Прибежали к солдату разом все; тот увидал, испугался и закричал громким голосом: «Эй, брат, ступай сюда скорее, должники пришли, надо щелчки давать». – «Полно, полно, служивый! Мы пришли к тебе о деле потолковать; сколь-

ко хочешь возьми с нас золота – только выйди из дворца!» – «Нет! Что мне золото! Уж коли хотите услужить мне, так полезайте все в ранец; я слышал, что нечистая сила больно хитра – хоть в щель, и то влезет! Вот коли это сделаете, – право слово, уйду из дворца!» Черти обрадовались: «Ну, служивый, открывай свой ранец». Солдат открыл; они и полезли туда все до единого, сатана сверху лег. «Укладывайтесь плотнее, – говорит солдат, – чтоб можно было на все пряжки застегнуть». – «Застегивай, не твоя печаль!» – «Счастье вам, коли застегну! А не то не прогневайтесь, ни за что из дворца не выйду!»

Вот солдат взял застегнул ранец на все пряжки, перекрестил его, надел на себя и пошел к царю: «Ваше царское величество! Прикажете изготовить тридцать железных молотов, каждый молот в три пуда». Царь отдал приказ; сейчас изготовили тридцать молотов. Солдат принес ранец в кузницу, положил на наковальню и велел бить как можно сильнее. Плохо пришлось чертям, а вылезть никак нельзя! Угостил их солдат на славу! «Теперь довольно!» Вскинул ранец на плечи и явился

к царю с докладом: «Служба-де моя кончена; больше нечистая сила не станет царевны тревожить».

Царь поблагодарил его: «Молодец, служивый! Ступай гуляй по всем кабакам и трактирам, требуй, что только душе угодно; ни в чем тебе нет запрету!» И приставил к нему царь двух писарей, чтобы всюду за ним ходили да записывали на казенный счет, где сколько солдат нагуляет. Вот он гулял-гулял, целый месяц прогулял и пошел к царю. «Что, служба, нагулялся?» – «Нагулялся, ваше величество! Хочу домой идти». – «Что ты! Оставайся-ка у нас; я тебя первым человеком сделаю». – «Нет, государь, хочется повидать своих сродников». – «Ну, ступай с богом!» – сказал царь, дал ему повозку, лошадей и денег столько, что в целый век не прожить.

Поехал солдат на родину; пристал дорогою в какой-то деревне и увидел знакомого солдата – в одном полку служили. «Здравствуй, брат!» – «Здравствуй!» – «Как поживаешь?» – «Все по-старому!» – «А мне господь счастье дал: вдруг разбогател! На радостях надо бы выпить: сбегай-ка, брат, купи ведерку вина». –

«Рад бы сбегать, да, вишь, у меня скотинка еще не убрана; потрудись, сходи сам – кабак вот, недалече!» – «Ладно; а ты возьми мой ранец, положи в избе да накажи бабам, чтоб не трогали!» Отправился наш солдат за вином, а земляк его принес ранец в избу и говорит бабам: «Не трожьте!» Пока убирал он скотину, бабам не терпится: «Дай посмотрим, что такое в ранце наложено?» Принялись расстегивать – как выскочат оттуда черти с шумом да с треском; двери с крючьев посбивали и ну бежать! А навстречу им солдат с ведеркою: «Ах, проклятые! Кто вас выпустил?» Черти испугались и бросились в буковище[99] под мельницу, да там навсегда и остались. Солдат пришел в избу, разбранил баб и давай гулять со старым товарищем; а после приехал на родину и зажил богато и счастливо.

БЕГЛЫЙ СОЛДАТ И ЧЕРТ

Отпросился солдат в отпуск, собрался и пошел в поход. Шел-шел, не видать нигде воды, чем бы ему сухарики помочить да на пути на дороге закусить, а в брюхе давно пусто. Нечего делать – потащился дальше; глядь – бежит ручеек, подошел к этому ручейку, достал из ранца три сухаря и положил в воду. Да была еще у солдата скрипка; в досужее время он на ней разные песни играл, скуку разгонял. Вот сел солдат у ручья, взял скрипку и давай наигрывать. Вдруг откуда ни возьмишь – приходит к нему нечистый в виде старца, с книгою в руках. «Здравствуй, господин служба!» – «Здорово, добрый человек!» Черт аж поморщился, как солдат обозвал его добрым человеком. «Послушай, дружище, поменяемся: я отдам тебе свою книгу, а ты мне скрипку». – «Эх, старый, на что мне твоя книжка? Я хоть десять лет прослужил государю, а грамотным никогда не бывал; прежде не знал, а теперь и учиться поздно!» – «Ничего, служивый! У меня такая книга – кто ни посмотрит, всякий прочитает сумеет!» – «А ну

дай – попробую!»

Развернул солдат книжку и начал читать, словно с малых лет навык грамоте, обрадовался и тотчас же променял свою скрипку. Нечистый взял скрипку, начал смычком водить, а дело не клеится – нет в его игре никакого ладу. «Слушай, брат, – говорит он солдату, – оставайся-ка у меня в гостях дня на три да поучи на скрипке играть; спасибо тебе скажу!» – «Нет, старик, – отвечает солдат, – мне надо на родину, а за три дня я далеко уйду». – «Пожалуйста, служивый, коли останешься да научишь на скрипке играть, я тебя в один день домой доставлю – на почтовой тройке доведу». Солдат сидит в раздумье: оставаться или нет? И вынимает он сухари из ручья – хочет закусывать. «Эх, брат служивый, – говорит нечистый, – плохая твоя еда; покушай-ка моей!» Развязал мешок и достал белого хлеба, жареной говядины, водки и всяких заедков: ешь – не хочу!

Солдат наелся-напился и согласился остаться у того незнакомого старика и поучить его на скрипке играть. Прогостил у него три дня и просится домой; черт выводит

его из своих хором – перед крыльцом стоит тройка добрых коней. «Садись, служивый! Мигом довезу». Солдат сел с чертом в повозку; как подхватили их лошади, как понесли – только версты в глазах мелькают! Духом довели. «А что, узнаешь эту деревню?» – спрашивает нечистый. «Как же не узнать! – отвечает солдат. – Ведь в этой деревне я родился и вырос». – «Ну, прощай!» Солдат слез с повозки, пришел к сродственникам, стал с ними здороваться да про себя рассказывать, когда его и на сколько из полку отпустили. Показалось ему, что пробыл он у нечистого в гостях всего-навсего три дня, а на самом деле пробыл у него три года; срок отпуску давным-давно кончился, а в полку, чай, в бегах его считают.

Оробел солдат, не знает, что и делать ему! И гульба на ум нейдет! Вышел за околицу и думает: «Куда теперь деваться? Коли в полку идти – так там сквозь строй загоняют. Эх, нечистый, славно ты подшутил надо мною». Только вымолвил это слово, а нечистый тут как тут. «Не кручинься, служивый! Оставайся со мной – ведь у вас в полку житье незавид-

ное, сухарями кормят да палками бьют, а я тебя счастливым сделаю... Хочешь, купцом сделаю?» – «Вот это ладно; купцы хорошо живут, дай и я попробую счастья!» Нечистый сделал его купцом, дал ему в столичном городе большую лавку с разными дорогими товарами и говорит: «Теперь, брат, прощай! Я уйду от тебя за тридевять земель, в тридесятое государство; у тамошнего короля есть прекрасная дочь Марья-королевна; стану ее всячески мучить!»

Живет наш купец, ни о чем не тужит; счастье само так и валит на двор; в торговле такая ему задача, что лучше требовать нельзя! Стали ему другие купцы завидовать. «Давайте-ка, – говорят, – его спросим: что он за человек, и откуда приехал, и может ли торг вести? Ведь он у нас всю торговлю отбил – чтоб ему пусто было!» Пришли к нему, стали допрашивать, а он отвечает им: «Братцы вы мои! Теперь у меня дел подошло много, некогда с вами потолковать; приходите завтра – всё узнаете». Купцы разошлись по домам; а солдат думает, что ему делать? Как ответ давать? Думал-думал и решился бросить свою лавку и

уйти ночью из города. Вот забрал он все деньги, какие налицо были, и пошел в тридешатое государство.

Шел-шел и приходит на заставу. «Что за человек?» – спрашивает его часовой. Он отвечает: «Я – лекарь; иду в ваше царство, потому что у вашего короля дочь больна; хочу ее вылечить». Часовой доложил про то придворным, придворные довели до самого короля. Король призвал солдата: «Коли ты вылечишь мою дочь, отдам ее за тебя замуж». – «Ваше величество, прикажите мне дать три колоды карт, три бутылки вина сладкого да три бутылки спирту горячего, три фунта орехов, три фунта свинцовых пуль да три пучка свеч воску ярого». – «Хорошо, все будет готово!» Солдат дождался вечера, купил себе скрипку и пошел к королевне; зажег в ее горницах свечи, начал пить-гулять, на скрипочке играть.

В полночь приходит нечистый, услышал музыку и бросился к солдату: «Здравствуй, брат!» – «Здорово!» – «Что ты пьешь?» – «Квасок потягиваю». – «Дай-ка мне!» – «Изволь!» – и поднес ему полный стакан горячего спирту; черт выпил – и глаза под лоб закатил: «Эх,

крепко забирает! Дай-ка закусить чем-нибудь». – «Вот орехи, бери да закусывай!» – говорит солдат, а сам свинцовые пули подсовывает. Черт грыз-грыз, только зубы поломал. Стали они в карты играть; пока то да се – время ушло, петухи закричали, и нечистый пропал. Спрашивает король королеву: «Каково ночь спала?» – «Слава богу спокойно!» И другая ночь так же прошла; а к третьей ночи просит солдат короля: «Ваше величество! Прикажете в пятьдесят пуд клеци сковать да сделать три прута медных, три прута железных и три оловянных». – «Хорошо, все будет сделано!»

В глухую полночь является нечистый. «Здравствуй, служивый! Я опять к тебе погулять пришел». – «Здравствуй! Кто не рад веселому товарищу!» Начали пить-гулять. Нечистый увидал клеци и спрашивает: «А это что такое?» – «Да, вишь, король взял меня в свою службу да заставил музыкантов на скрипке учить; а у них у всех пальцы-то кривые – не лучше твоих, надо в клещах выправлять». – «Ах, братец, – стал просить нечистый, – нельзя ли и мне выправить пальцы? А то до сей

поры не умею на скрипке играть». – «Отчего нельзя? Клади сюда пальцы». Черт вложил обе руки в клещи; солдат прижал их, стиснул, потом схватил прутья и давай его потчевать; бьет да приговаривает: «Вот тебе купечество!» Черт молит, черт просит: «Отпусти, пожалуйста! За тридцать верст не подойду к дворцу!» А он знай бичует. Прыгал-прыгал черт, вертелся-вертелся, насилиу вырвался и говорит солдату: «Хоть ты и женишься на королевне, а из моих рук не уйдешь! Только отъедешь за тридцать верст от города – сейчас захвачу тебя!» Сказал и исчез.

Вот женился солдат на королевне и жил с нею в любви и согласии, а спустя несколько лет помер король, и он стал управлять всем царством. В одно время вышел новый король с своею женою в сад погулять. «Ах, какой славный сад!» – говорит он. «Это что за сад! – отвечает королева. – Есть у нас за городом другой сад, верст тридцать отсюда, вот там есть на что полюбоваться!» Король собрался и поехал туда с королевою; только вылез он из коляски, а нечистый навстречу: «Ты зачем? Разве забыл, что тебе сказано! Ну, брат, сам

виноват; теперь из моих лап не вырвешься». – «Что делать! Видно, такова судьба моя! Позволь хоть с молодой женой проститься». – «Прощайся, да поскорей!..»

ДВА ИВАНА СОЛДАТСКИХ СЫНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. Пришло время – записали его в солдаты; оставляет он жену беременную, стал с нею прощаться и говорит: «Смотри, жена, живи хорошенько, добрых людей не смей, домишка не разори, хозяйничай да меня жди; авось бог даст – выйду в отставку, назад приду. Вот тебе пятьдесят рублей; дочку ли, сына ли родишь – все равно сбереги деньги до возраста: станешь дочь выдавать замуж – будет у ней приданое; а коли бог сына даст да войдет он в большие года – будет и ему в тех деньгах подспорье немалое». Попрощался с женою и пошел в поход, куда было велено. Месяца три погода родила баба двух близнецов-мальчиков и назвала их Иванами солдатскими сыновьями.

Пошли мальчики в рост; как пшеничное тесто на опаре, так кверху и тянутся. Стукну-

ло ребятам десять лет, отдала их мать в науку; скоро они научились грамоте, и боярских и купеческих детей за пояс заткнули – никто лучше их не сумеет ни прочесть, ни написать, ни ответу дать. Боярские и купеческие дети позавидовали и давай тех близнецов каждый день поколачивать да пощипывать. Говорит один брат другому: «Долго ли нас колотить да щипать будут? Матушка и то на нас платица не нашьется, шапочек не накупится; что ни наденем, всё товарищи в клочки изорвут! Давай-ка справляться с ними по-своему». И согласились они друг за друга стоять, друг друга не выдавать. На другой день стали боярские и купеческие дети задирать их, а они – полно терпеть! – как пошли сдачу давать: тому глаз долой, тому руку вон, тому голову на сторону! Всех до единого перебили. Тотчас прибежали караульные, связали их, добрых молодцев, и посадили в острог. Дошло то дело до самого царя; он призвал тех мальчиков к себе, расспросил про все и велел их выпустить. «Они, – говорит, – не виноваты: на зачинщиков бог!»

Выросли два Ивана солдатские дети и про-

сят у матери: «Матушка; не осталось ли от нашего родителя каких денег? Коли остались, дай нам; мы пойдем в город на ярмарку, купим себе по доброму коню». Мать дала им пятьдесят рублей – по двадцати пяти на брата, и приказывает: «Слушайте, детушки! Как пойдете в город, отдавайте поклон всякому встречному и поперечному». – «Хорошо, родимая!» Вот отправились братья в город, пришли на конную, смотрят – лошадей много, а выбрать не из чего; все не под стать им, добрым молодцам! Говорит один брат другому: «Пойдем на другой конец площади; глядь-ка, что народу там толпится – видимо-невидимо!» Пришли туда, протолпились – у дубовых столбов стоят два жеребца, на железных цепях прикованы: один на шести, другой на двенадцати; рвутся кони с цепей, удила кусают, роют землю копытами. Никто подойти к ним близко не сможет.

«Что твоим жеребцам цена будет?» – спрашивает Иван солдатский сын у хозяина. «Не с твоим, брат, носом соваться сюда! Есть товар, да не по тебе; нечего и спрашивать». – «Почем знать, чего не ведаешь; может, и купим; надо

только в зубы посмотреть». Хозяин усмехнулся: «Смотри, коли головы не жаль!» Тотчас один брат подошел к тому жеребцу, что на шести цепях был прикован, а другой брат – к тому, что на двенадцати цепях держался. Стали было в зубы смотреть – куда! Жеребцы поднялись на дыбы, так и храпят... Братья ударили их коленками в грудь – цепи разлетелись, жеребцы на пять сажен отскочили, вверх ногами попадали. «Вона чем хвастался! Да мы этаких клячей и даром не возьмем». Народ ахает, дивуется: что за сильные богатыри проявились! Хозяин чуть не плачет: жеребцы его поскакали за город и давай разгуливать по всему чистому полю; приступить к ним никто не решается, как поймать – никто не придумает. Сжалились над хозяином Иванны солдатские дети, вышли в чистое поле, крикнули громким голосом, молодецким посвистом – жеребцы прибежали и стали на месте словно вкопанные; тут надели на них добрые молодцы цепи железные, привели их к столбам дубовым и приковали крепко-накрепко. Справили это дело и пошли домой.

Идут путем-дорогою, а навстречу им седой

старичок; позабыли они, что мать наказывала, и прошли мимо не здороваясь, да уж после один спохватился: «Ах, братец, что ж это мы наделали? Старичку поклона не отдали; давай нагоним его да поклонимся». Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются в пояс и говорят: «Прости нас, дедушка, что прошли не здороваясь. Нам матушка строго наказывала: кто б на пути ни встретился, всякому честь отдавать». – «Спасибо, добрые молодцы! Куда вас бог носил?» – «В город на ярмарку ходили; хотели купить себе по доброму коню, да таких нет, чтоб нам пригодились». – «Как же быть? Нешто подарить вам по лошадке?» – «Ах, дедушка, если подаришь, станем за тебя вечно бога молить». – «Ну пойдёмте!» Привел их старик к большой горе, отворяет чугунную дверь и выводит богатырских коней: «Вот вам и кони, добрые молодцы! Ступайте с богом, владейте на здоровье!» Они поблагодарили, сели верхом и поскакали домой; приехали на двор, привязали коней к столбу и вошли в избу. Начала мать спрашивать: «Что, детушки, купили себе по лошадке?» – «Купить не купили, даром получили». – «Куда ж вы их де-

ли?» – «Возле избы поставили». – «Ах, детушки, смотрите – не увел бы кто!» – «Нет, матушка, не таковские кони: не то что увести, и подойти к ним нельзя!» Мать вышла, посмотрела на богатырских коней и залилась слезами: «Ну, сынки, верно вы не кормильцы мне».

На другой день просят сыновья у матери: «Отпусти нас в город, купим себе по сабельке». – «Ступайте, родимые!» Они собрались, пошли на кузницу; приходят к мастеру. «Сделай, – говорят, – нам по сабельке». – «Зачем делать! Есть готовые; сколько угодно – берите!» – «Нет, брат, нам такие сабли надобны, чтоб по триста пудов весили». – «Эх, что выдумали! Да кто ж этакую махину ворочать будет? Да и горна такого во всем свете не найдешь!» Нечего делать – пошли добрые молодцы домой и головы повесили; идут путем-дорогою, а навстречу им опять тот же старичок попадает. «Здравствуйте, молодые юноши!» – «Здравствуй, дедушка!» – «Куда ходили?» – «В город, на кузницу; хотели купить себе по сабельке, да таких нет, чтоб нам по руке пришлись». – «Плохо дело! Нешто подарить вам по сабельке?» – «Ах, дедушка, коли пода-

ришь, станем за тебя вечно бога молить». Старичок привел их к большой горе, отворил чугунную дверь и вынес две богатырские сабли. Они взяли сабли, поблагодарили старика, и радостно, весело у них на душе стало! Приходят домой, мать спрашивает: «Что, детушки, купили себе по сабельке?» – «Купить не купили, даром получили». – «Куда ж вы их дели?» – «Возле избы поставили». – «Смотрите, как бы кто не унес!» – «Нет, матушка, не то что унести, даже увезти нельзя». Мать вышла на двор, глянула – две сабли тяжелые, богатырские к стене приставлены, едва избушка держится! Залилась слезами и говорит: «Ну, сынки, верно вы не кормильцы мне».

Наутро Иваны солдатские дети оседлали своих добрых коней, взяли свои сабли богатырские, приходят в избу, богу молятся, с родной матерью прощаются: «Благослови нас, матушка, в путь-дорогу дальнюю». – «Будь над вами, детушки, мое нерушимое родительское благословение! Поезжайте с богом, себя покажите, людей посмотрите; напрасно никого не обижайте, а злым врагам не уступайте». – «Не бойся, матушка! У нас такова пого-

ворка есть: еду – не свищу, а наеду – не спущу!» Сели добрые молодцы на коней и поехали.

Близко ли, далеко, долго ли, коротко, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, приезжают они на распутье, и стоят там два столба. На одном столбу написано: «Кто вправо поедет, тот царем будет»; на другом столбу написано: «Кто влево поедет, тот убит будет». Остановились братья, прочитали надписи и призадумались; куда кому ехать? Коли обоим по правой дороге пуститься – не честь, не хвала богатырской их силе, молодецкой удали; ехать одному влево – никому помереть не хочется! Да делать-то нечего – говорит один из братьев другому: «Ну, братец, я посильнее тебя; давай я поеду влево да посмотрю, от чего может мне смерть приключиться? А ты поезжай направо: авось бог даст – царем сделаешься!» Стали они прощаться, дали друг дружке по платочку и положили такой завет: ехать каждому своею дорогою, по дороге столбы ставить, на тех столбах про себя писать для знатья, для ведома; всякое утро утирать лицо братниным платком: если на платке

кровь окажется – значит, брату смерть приключилась; при такой беде ехать мертвого разыскивать.

Разъехались добрые молодцы в разные стороны. Что вправо коня пустил, тот добрался до славного царства. В этом царстве жил царь с царицею, у них была дочь царевна Настасья Прекрасная. Увидал царь Ивана солдатского сына, полюбил его за удаль богатырскую и, долго не думая, отдал за него свою дочь в супружество, назвал его Иваном-царевичем и велел ему управлять всем царством. Живет Иван-царевич в радости, своей женою любит, царству порядок дает да звериной охотой тешится.

В некое время стал он на охоту собираться, на коня сбрую накладывать и нашел в седле – два пузырька с целующей и живущей водою зашито; посмотрел на те пузырьки и положил опять в седло. «Надо, – думает, – побережь до поры до времени; не ровен час – понадобятся».

А брат его Иван солдатский сын, что левой дорогой поехал, день и ночь скакал без устали; прошел месяц, и другой, и третий, и при-

был он в незнакомое государство – прямо в столичный город. В том государстве печаль великая; дома черным сукном покрыты, люди словно сонные шатаются. Нанял себе самую худую квартиру у бедной старушки и начал ее выпрашивать: «Расскажи, бабушка, отчего так в вашем государстве весь народ припечалился и все дома черным сукном завешены?» – «Ах, добрый молодец! Великое горе нас обуяло; каждый день выходит из синего моря, из-за серого камня, двенадцатиглавый змей и поедает по человеку за единый раз, теперь дошла очередь до царя... Есть у него три прекрасные царевны; вот только сейчас повезли старшую на взморье – змею на съедение».

Иван солдатский сын сел на коня и поскакал к синему морю, к серому камню; на берегу стоит прекрасная царевна – на железной цепи прикована. Увидала витязя и говорит ему: «Уходи отсюда, добрый молодец! Скоро придет сюда двенадцатиглавый змей; я пропаду, да и тебе не миновать смерти: съест тебя лютый змей!» – «Не бойся, красная девица, авось подавится». Подошел к ней Иван сол-

датский сын, ухватил цепь богатырской рукою и разорвал на мелкие части, словно гнилую бечевку; после прилег красной девице на колени: «Ну-ка поищи у меня в голове! Не столько в голове ищи, сколько на море смотри: как только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхается – тотчас разбуди меня, молодца». Красная девица послушалась, не столько в голове ему ищет, сколько на море смотрит.

Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось – из синя моря змей выходит, в гору вверх подымается. Царевна разбудила Ивана солдатского сына; он встал, только на коня вскочил, а уж змей летит: «Ты, Иванушка, зачем пожаловал? Ведь здесь мое место! Прощайся теперь с белым светом да полезай поскорее сам в мою глотку – тебе ж легче будет!» – «Врешь, проклятый змей! Не проглотишь – подавишься!» – отвечал богатырь, обнажил свою острую саблю, размахнулся, ударил и срубил у змея все двенадцать голов; поднял серый камень, головы положил под камень, туловище в море бросил, а сам воротился домой к старухе, наелся-напился,

лег спать и проспал трое суток.

В то время призвал царь водовоза. «Ступай, – говорит, – на взморье, собери хоть царевнины косточки». Водовоз приехал к синему морю, видит – царевна жива, ни в чем невредима, посадил ее на телегу и завез в густой, дремучий лес: завез в лес и давай нож точить. «Что ты делать собираешься?» – спрашивает царевна. «Я нож точу, тебя резать хочу!» Царевна заплакала: «Не режь меня; я тебе никакого худа не сделала». – «Скажи отцу, что я тебя от змея избавил, так помилую!» Нечего делать, согласилась. Приехала во дворец; царь обрадовался и пожаловал того водовоза полковником.

Вот как проснулся Иван солдатский сын, позвал старуху, дает ей денег и просит: «Подика, бабушка, на рынок, закупи, что надобно, да послушай, что промеж людьми говорится: нет ли чего нового?» Старуха сбегала на рынок, закупила разных припасов, послушала людских вестей, воротилась назад и рассказывает: «Идет в народе такая молва: было у нашего царя большой обед, сидели за столом королевичи и посланники, бояре и люди

именитые; в те поры прилетела в окно каленая стрела и упала посеред зала, к той стреле было письмо привязано от другого змея двенадцатиглавого. Пишет змей: коли не вышлешь ко мне среднюю царевну, я твое царство огнем сожгу, пеплом развею. Нынче же повезут ее, бедную, к синему морю, к серому камню».

Иван солдатский сын сейчас оседлал своего доброго коня, сел и поскакал на взморье. Говорит ему царевна: «Ты зачем, добрый молодец? Пущай моя очередь смерть принимать, горячую кровь проливать; а тебе за что пропадать?» – «Не бойся, красная девица! Авось бог спасет». Только успел сказать, летит на него лютый змей, огнем палит, смертью грозит. Богатырь ударил его острой саблей и отсек все двенадцать голов; головы положил под камень, туловище в море кинул, а сам домой вернулся, наелся-напился и опять залег спать на три дня, на три ночи.

Приехал опять водовоз, увидел, что царевна жива, посадил ее на телегу, повез в дремучий лес и принялся нож точить. Спрашивает царевна: «Зачем ты нож точишь?» – «А я нож

точу, тебя резать хочу. Присягни на том, что скажешь отцу, как мне надобно, так я тебя помилую». Царевна дала ему клятву; он привез ее во дворец; царь возрадовался и пожаловал водовоза генеральским чином.

Иван солдатский сын пробудился от сна на четвертые сутки и велел старухе на рынок пойти да вестей послушать. Старуха сбегала на рынок, воротилась назад и рассказывает: «Третий змей проявился, прислал к царю письмо, а в письме требует: вывози-де меньшую царевну на съедение». Иван солдатский сын оседлал своего доброго коня, сел и поскакал к синю морю. На берегу стоит прекрасная царевна, на железной цепи к камню прикована. Богатырь ухватил цепь, потряхнул и разорвал, словно гнилую бечевку; после прилег красной девице на колени: «Поищи у меня в голове! Не столько в голове ищи, сколько на море смотри: как только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхается – тотчас разбуди меня, молодца». Царевна начала ему в голове искать...

Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось – из синя моря змей выхо-

дит, в гору подымается. Стала царевна будить Ивана солдатского сына, толкала-толкала, нет – не просыпается; заплакала она слезно, и канула горячая слеза ему на щеку; от того богатырь проснулся, подбежал к своему коню, а добрый конь уж на пол-аршина под собой земли выбил копытами. Летит двенадцатиглавый змей, огнем так и пышет; взглянул на богатыря и воскрикнул: «Хорош ты, пригож ты, добрый молодец, да не быть тебе живому; съем тебя и с косточками!» – «Врешь, проклятый змей, подавишься». Начали они биться смертным боем; Иван солдатский сын так быстро и сильно махал своей саблею, что она докрасна раскалилась, нельзя в руках держать! Возмолился он царевне: «Спасай меня, красная девица! Сними с себя дорогой платочек, намочи в синем море и дай обернуть саблю». Царевна тотчас намочила свой платочек и подала доброму молодцу. Он обернул саблю и давай рубить змея; срубил ему все двенадцать голов, головы те под камень положил, туловище в море бросил, а сам домой поскакал, наелся-напился и залег спать на трои сутки.

Царь посылает опять водовоза на взморье; приехал водовоз, взял царевну и повез в дремучий лес; вынул нож и стал точить. «Что ты делаешь?» – спрашивает царевна. «Нож точу, тебя резать хочу! Скажи отцу, что я змея победил, так помилую». Устрашил красную девицу, поклялась говорить по его словам. А меньшая дочь была у царя любимая; как увидел ее живою, ни в чем невреждимою, он пуще прежнего возрадовался и захотел водовоза жаловать – выдать за него замуж меньшую царевну.

Пошел про то слух по всему государству. Узнал Иван солдатский сын, что у царя свадьба затевается, и пошел прямо во дворец, а там пир идет, гости пьют и едят, всякими играми забавляются. Меньшая царевна глянула на Ивана солдатского сына, увидала на его сабле свой дорогой платочек, выскочила из-за стола, взяла его за руку и стала отцу доказывать: «Государь-батюшка! Вот кто избавил нас от змея лютого, от смерти напрасныя; а водовоз только знал нож точить да приговаривать: я-де нож точу, тебя резать хочу!» Царь разгневался, тут же приказал водовоза пове-

силь, а царевну выдал замуж за Ивана солдатского сына, и было у них веселье великое. Стали молодые жить-поживать да добра наживать.

Пока все это деялось с братом Ивана солдатского сына – с Иваном-царевичем вот что случилось. Поехал он раз на охоту и попался ему олень быстроногий. Иван-царевич ударил по лошади и пустился за ним в погоню; мчался-мчался и выехал на широкий луг. Тут олень с глаз пропал. Смотрит царевич и думает, куда теперь путь направить? Глядь – на том лугу ручеек протекает, на воде две серые утки плавают. Прицелился он из ружья выстрелил и убил пару уток; вытащил их из воды, положил в сумку и поехал дальше. Ехал-ехал, увидел белокаменные палаты, слез с лошади, привязал ее к столбу и пошел в комнаты. Везде пусто – нет ни единого человека, только в одной комнате печь топится, на шестке стоит сковородка, на столе прибор готов: тарелка, и вилка, и нож. Иван-царевич вынул из сумки уток, ощипал, вычистил, положил на сковородку и сунул в печку; жарил, поставил на стол, режет да кушает.

Вдруг откуда ни возьмись является к нему красная девица – такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать, и говорит ему: «Хлеб-соль, Иван-царевич!» – «Милости просим, красная девица! Садись со мной кушать». – «Я бы села с тобой, да боюсь: у тебя конь волшебный». – «Нет, красная девица, не узнала! Мой волшебный конь дома остался, я на простом приехал». Как услышала это красная девица, тотчас начала дуться, надулась и сделалась страшною львицею, разинула пасть и проглотила царевича целиком. Была то не простая девица, была то родная сестра трех змеев, что побиты Иваном солдатским сыном.

Вздумал Иван солдатский сын про своего брата, вынул платок из кармана, утерся, смотрит – весь платок в крови.

Сильно он запечалился: «Что за притча! Поехал мой брат в хорошую сторону, где бы ему царем быть, а он смерть получил!» Отпросился у жены и тестя и поехал на своем богатырском коне разыскивать брата, Ивана-царевича. Ближе ли, далеко, скоро ли, коротко, приезжает в то самое государство, где

его брат проживал; расспросил про все и узнал, что поехал-де царевич на охоту, да так и сгинул – назад не бывал. Иван солдатский сын той же самой дорогою поехал охотиться; попадаетея и ему олень быстроногий. Пустился богатырь за ним в погоню; выехал на широкий луг – олень с глаз пропал; смотрит – на лугу ручеек протекает, на воде две утки плавают. Иван солдатский сын застрелил уток, приехал в белокаменные палаты и вошел в комнаты. Везде пусто, только в одной комнате печь топится, на шестке сковородка стоит. Он зажарил уток, вынес на двор, сел на крыльечке, режет да кушает.

Вдруг является к нему красная девица: «Хлеб-соль, добрый молодец! Зачем на дворе кушаешь?» Отвечает Иван солдатский сын: «Да в горнице неохотно; на дворе веселей будет! Садись со мной, красная девица!» – «Я бы с радостью села, да боюсь твоего коня волшебного». – «Полно, красавица! Я на простой лошаденке приехал». Она сдуру и поверила и начала дуться, надулась страшною львицею и только хотела проглотить доброго молодца, как прибежал его волшебный конь и облапил

ее богатырскими ногами. Иван солдатский сын обнажил свою саблю острую и крикнул зычным голосом: «Стой, проклятая! Ты проглотила моего брата Ивана-царевича? Выкинь его назад, не то изрублю тебя на мелкие части». Львица рыгнула и выкинула Ивана-царевича; сам-то он мертвый, в гниль пошел, голова облезла.

Тут Иван солдатский сын вынул из седла два пузырька с водою целющею и живущею; взбрызнул брата целющей водою – плоть-мясо срастается; взбрызнул живущей водою – царевич встал и говорит: «Ах, как же я долго спал!» Отвечает Иван солдатский сын: «Век бы тебе спать, если б не я!» Потом берет свою саблю и хочет рубить львице голову; она обернулась душой-девицей, такую красавицей, что и рассказать нельзя, начала слезно плакать и просить прощения.

Глядя на ее красу неописанную, смиловался Иван солдатский сын и пустил ее на волю вольную.

Приехали братья во дворец, сотворили трехдневный пир; после попрощались; Иван-царевич остался в своем государстве, а Иван

солдатский сын поехал к своей супруге и стал с нею поживать в любви и согласии.

В некое время вышел Иван солдатский сын в чистое поле прогуляться; попадаетеся ему навстречу малый ребенок и просит милостыньку. Жалко стало доброму молодцу, вынул из кармана золотой и дает мальчику; мальчик принимает милостыню, а сам дуется – оборотился львом и разорвал богатыря на мелкие части. Через несколько дней то же самое приключилось и с Иваном-царевичем: вышел он в сад прогуляться, а навстречу ему старичок, низко кланяется и просит милостыньку; царевич подает ему золотой. Старик принимает милостыньку, а сам дуется – обернулся львом, схватил Ивана-царевича и разорвал на кусочки. Так и сгинули сильномогучие богатыри, извела их сестра змеиная.

КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя было три сына, все они были на возрасте. Только мать их вдруг унес Кош Бессмертный. Старший сын и просит у отца благословенье искать мать. Отец благословил; он уехал и без вести пропал. Средний сын пождал-пождал, тоже выпросился у отца, уехал, – и тот без вести пропал. Малый сын, Иван-царевич, говорит отцу: «Батюшка! Благословляй меня искать матушку». Отец не отпускает, говорит: «Тех нет братовой, да и ты уедешь: я с кручины умру!» – «Нет, батюшка, благословишь – поеду, и не благословишь – поеду». Отец благословил.

Иван-царевич пошел выбирать себе коня: на которого руку положит, тот и падет; не мог выбрать себе коня, идет дорогой по городу, повесил голову. Неоткуда взялась старуха, спрашивает: «Что, Иван-царевич, повесил голову?» – «Уйди, старуха! На руку положу, другой пришлепну – мокренько будет». Старуха обежала другим переулком, идет опять на-

встречу, говорит: «Здравствуй, Иван-царевич! Что повесил голову?» Он и думает: «Что же старуха меня спрашивает? Не поможет ли мне она?» И говорит ей: «Вот, баушка, не могу найти себе доброго коня». – «Дурашка, мучишься, а старухе не кучишься!» [100] – отвечает старуха. – Пойдем со мной». Привела его к горе, указала место: «Скапывай эту землю». Иван-царевич скопал, видит чугунную доску на двенадцати замках; замки он тотчас же сорвал и двери отворил, вошел под землю: тут прикован на двенадцати цепях богатырский конь; он, видно, услышал ездока по себе, заржал, забился, все двенадцать цепей порвал. Иван-царевич надел на себя богатырские доспехи, надел на коня узду, черкасское седло, дал старухе денег и сказал: «Благословляй и прощай, баушка!» Сам сел и поехал.

Долго ездил, наконец доехал до горы; пре-
большущая гора, крутая, взъехать на нее никак нельзя. Тут и братья его ездят возле горы; поздоровались, поехали вместе; доезжают до чугунного камня пудов в полтораста, на камне надпись: кто этот камень бросит на гору, тому и ход будет. Старшие братовья не могли

поднять камень, а Иван-царевич с одного маху забросил на гору – и тотчас в горе показалась лестница. Он оставил коня, наточил из мизинца в стакан крови, подает братьям и говорит: «Ежели в стакане кровь почернеет, не ждите меня: значит – я умру!» Простился и пошел. Зашел на гору; чего он не насмотрелся! Всяки тут леса, всяки ягоды, всяки птицы!

Долго шел Иван-царевич, дошел до дому: огромный дом! В нем жила царска дочь, утащена Кошом Бессмертным. Иван-царевич кругом ограды ходит, а дверей не видит. Царская дочь увидела человека, вышла на балкон, кричит ему: «Тут, смотри, у ограды есть щель, потронь ее мизинцем, и будут двери». Так и сделалось. Иван-царевич вошел в дом. Девица его приняла, напоила-накормила и расспросила. Он ей рассказал, что пошел доставать мать от Коша Бессмертного. Девица говорит ему на это: «Трудно достигать мать, Иван-царевич! Он ведь бессмертный – убьет тебя. Ко мне он часто ездит... вон у него меч в пятьсот пудов, поднимешь ли его? Тогда ступай!» Иван-царевич не только поднял меч, еще бросил кверху; сам пошел дальше.

Приходит к другому дому; двери знает как искать; вошел в дом, а тут его мать, обнялись, поплакали. Он и здесь испытал свои силы, бросил какой-то шарик в полторы тысячи пудов. Время приходит быть Кошу Бессмертному; мать спрятала его. Вдруг Кош Бессмертный входит в дом и говорит: «Фу-фу! Русской кошки слыхом не слышать, видом не видать, а русская кошка сама на двор пришла! Кто у тебя был? Не сын ли?» – «Что ты, бог с тобой! Сам летал по Руси, нахватался русского духу, тебе и мерещится», – ответила мать Ивана-царевича, а сама поближе с ласковыми словами к Кошу Бессмертному, выпрашивает то-другое и говорит: «Где же у тебя смерть, Кош Бессмертный?» – «У меня смерть, – говорит он, – в таком-то месте: там стоит дуб, под дубом ящик, в ящике заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце моя смерть». Сказал это Кош Бессмертный, побыл немного и улетел.

Пришло время – Иван-царевич благословился у матери, отправился по смерти Коша Бессмертного. Идет дорогой много время, не пивал, не едал, хочет есть до смерти и думает: кто бы на это время попался! Вдруг – волчо-

нок; он хочет его убить. Выскакивает из норы волчиха и говорит: «Не тронь моего детища; я тебе пригожусь». – «Быть так!» Иван-царевич отпустил волка; идет дальше, видит ворону. [101] «Постой, – думает, – здесь я закушу!» Зарядил ружье, хочет стрелять; ворона и говорит: «Не тронь меня; я тебе пригожусь». Иван-царевич подумал и отпустил ворону; идет дальше, доходит до моря, остановился на берегу. В это время вдруг взметался щучонок и выпал на берег; он его схватил, есть хочет смертно – думает: «Вот теперь поем!» Неоткуда взялась щука, говорит: «Не тронь, Иван-царевич, моего детища; я тебе пригожусь». Он и щучонка отпустил.

Как пройти море? Сидит на берегу да думает; щука ровно знала его думу, легла поперек моря. Иван-царевич прошел по ней как по мосту; доходит до дуба, где была смерть Коша Бессмертного, достал ящик, отворил – заяц выскочил и побежал. Где тут удержать зайца! Испугался Иван-царевич, что отпустил зайца, призадумался, а волк, которого не убил он, кинулся за зайцем, поймал и несет к Ивану-царевичу. Он обрадовался, схватил зайца,

распорол его и как-то оробел: утка спорхнула и полетела. Он пострелял, пострелял – мимо! Задумался опять. Неоткуда взялась ворона с воронятами и ступай за уткой, поймала утку, принесла Ивану-царевичу. Царевич обрадел, [102] достал яйцо; пошел, доходит до моря, стал мыть яичко, да и ронил в воду. Как достать из моря? Безмерна глубь! Закручинился опять царевич. Вдруг море встрепенулось – и щука принесла ему яйцо; потом легла поперек моря. Иван-царевич прошел по ней и отправился к матери; приходит, поздоровались, и она его опять спрятала. В то время прилетел Кош Бессмертный и говорит: «Фу-фу! Русской коски слыхом не слышать, видом не видать, а здесь Русью несет!» – «Что ты, Кош? У меня никого нет», – отвечала мать Ивана-царевича. Кош опять и говорит: «Я что-то немогу!», [103] а Иван-царевич пожимал яичко; Коша Бессмертного от того коробило. Наконец Иван-царевич вышел, кажет яйцо и говорит: «Вот, Кош Бессмертный, твоя смерть!» Тот на колени против него и говорит: «Не бей меня, Иван-царевич, станем жить дружно; нам весь мир будет покорен». Иван-царевич не обо-

льстился его словами, раздавил яичко – и Кош Бессмертный умер.

Взяли они, Иван-царевич с матерью, что было нужно, пошли на родиму сторону: по пути зашли за царской дочерью, к которой Иван-царевич заходил вперед, взяли и ее с собой; пошли дальше, доходят до горы, где братья Ивана-царевича все ждут. Девица говорит: «Иван-царевич! Воротись ко мне в дом; я забыла подвенечно платье, брильянтовый перстень и нешитые башмаки». Между тем он спустил мать и царску дочь, с коей они условились дома обвенчаться; братья приняли их, да взяли спуск и перерезали, чтобы Ивану-царевичу нельзя было спуститься, мать и девицу как-то угрозами уговорили, чтобы дома про Ивана-царевича не сказывали. Прибыли в свое царство; отец обрадовался детям и жене, только печалился об одном Иване-царевиче.

А Иван-царевич воротился в дом своей невесты, взял обручальный перстень, подвенечное платье и нешитые башмаки; приходит на гору, метнул с руки на руку перстень. Явилось двенадцать молодцов, спрашивают:

«Что прикажете?» – «Перенесите меня вот с этой горы». Молодцы тотчас его спустили. Иван-царевич надел перстень – их не стало; пошел в свое царство, приходит в тот город, где жил его отец и братья, остановился у одной старушки и спрашивает: «Что, баушка, нового в вашем царстве?» – «Да чего, дитятко! Вот наша царица была в плену у Коша Бессмертного; ее искали три сына, двое нашли и воротились, а третьего, Ивана-царевича, нет, и не знат, где. Царь кручинится об нем. А эти царевичи с матерью привезли какую-то царску дочь, большак жениться на ней хочат, да она посылает наперед куда-то за обручальным перстнем или велит сделать такое же кольцо, какое ей надо; колдася[104] уж кличут клич, да никто не выискивается». – «Ступай, баушка, скажи царю, что ты сделаешь; а я пособлю», – говорит Иван-царевич.

Старуха в кою пору скрутилась,[105] побежала к царю и говорит: «Ваше царско величество! Обручальный перстень я сделаю». – «Сделай, сделай, баушка! Мы таким людям рады, – говорит царь, – а если не сделаешь, то голову на плаху». Старуха перепугалась, при-

шла домой, заставляет Ивана-царевича делать перстень, а Иван-царевич спит, мало думает; перстень готов. Он шутит над старухой, а старуха трясется вся, плачет, ругат его: «Вот ты, – говорит, – сам-от в стороне, а меня, дуру, подвел под смерть». Плакала-плакала старуха и уснула. Иван-царевич встал поутру рано, будит старуху: «Вставай, баушка, да ступай понеси перстень, да смотри: больше одного червонца за него не бери. Если спросят, кто сделал перстень, скажи: сама; на меня не сказывай!» Старуха обрадовалась, снесла перстень; невесте понравился: «Такой, – говорит, – и надо!» Вынесла ей полно блюдо золота; она взяла один только червонец. Царь говорит: «Что, баушка, мало берешь?» – «На что мне много-то, ваше царско величество! После понадобятся – ты же мне дашь». Пробаяла это старуха и ушла.

Прошло там сколько время – вести носят, что невеста посылает жениха за подвенечным платьем или велит сшить такое же, како ей надо. Старуха и тут успела (Иван-царевич помог), снесла подвенечное платье. После снесла нешитые башмаки, а червонцев брала

по одному и сказывала: эти вещи сама делает. Слышат люди, что у царя в такой-то день свадьба; дождались и того дня. А Иван-царевич старухе заказал: «Смотри, баушка, как невесту привезут под венец, ты скажи мне». Старуха время не пропустила. Иван-царевич тотчас оделся в царское платье, выходит: «Вот, баушка, я какой!» Старуха в ноги ему. «Батюшка, прости, я тебя ругала!» – «Бог простит». Приходит в церковь. Брата его еще не было. Он стал в ряд с невестой; их обвенчали и повели во дворец. На дороге попадается навстречу жених, большой брат, увидал, что невесту ведут с Иваном-царевичем, ступай-ка со стыдом обратно. Отец обрадовался Ивану-царевичу, узнал о лукавстве братьев и, как отпировали свадьбу, больших сыновей разослал в ссылку, а Ивана-царевича сделал наследником.

МАРЬЯ МОРЕВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали: «Кто первый за твоих сестер станет свататься, за того и отдавай – при себе не держи долго!» Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад погулять. Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная. «Пойдемте, сестрицы, домой!» – говорит Иван-царевич. Только пришли во дворец – как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать». – «Коли люб ты сестрице, я ее не унимаю – пусть с богом идет!» Марья-царевна согласилась; сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами –

целого года как не бывало; пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией. «Пойдемте, сестрицы, домой!» – говорит царевич. Только пришли во дворец – как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орел; ударился об пол и сделался добрым молодцем: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом». И посватал Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич: «Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет; я с нее воли не снимаю». Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице: «Пойдем, во зеленом саду погуляем!» Погуляли немножко; опять встает туча с вихрем, с молнией. «Вернемся, сестрица, домой!» Вернулись домой, не успели сесть – как ударил гром, раздвоился потолок и влетел ворон; ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем: прежние были хороши собой, а этот еще лучше. «Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а те-

перь пришел сватом; отдай за меня Анну-царевну». – «Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя». Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один; целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно. «Пойду, – говорит, – искать сестриц». Собрался в дорогу, шел-шел и видит – лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич: «Коли есть тут жив человек – отзовися! Кто побил это войско великое?» Отозвался ему жив человек: «Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королева». Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева: «Здравствуй, царевич, куда тебя бог несет – по воле аль по неволе?» Отвечал ей Иван-царевич: «Добрые молодцы по неволе не ездят!» – «Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах». Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева,

взяла его с собой в свое государство; пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает: «Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не моги заглядывать!» Он не вытерпел, как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул – а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован. Просит Кощей у Ивана-царевича: «Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил – совсем в горле пересохло!» Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил: «Мне одним ведром не залить жажды; дай еще!» Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро – взял свою прежнюю силу, потрянул цепями и сразу все двенадцать порвал. «Спасибо, Иван-царевич! – сказал Кощей Бессмертный. – Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих!» – и страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватил ее и унес к себе. А Иван-царе-

вич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу: «Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!»

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: «Ах, шурин мой любезный! Как тебя господь милует?» Выбежала Марья-царевна, встрела Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит: «Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву». – «Трудно тебе сыскать ее, – отвечает сокол. – Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать». Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит. Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся доб-

рым молодцем и закричал: «Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идет». Ольга-царевна тотчас прибежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит: «Дольше гостить мне некогда; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву». Отвечает орел: «Трудно тебе сыскать ее; оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать». Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: «Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идет». Выбежала Анна-царевна, встрела его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит: «Прощайте! Пойду жену искать – Марью Моревну, прекрасную королеву». Отве-

чает ворон: «Трудно тебе сыскать ее; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать». Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила: «Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался – посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?» – «Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит!» Собрались и уехали. А Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» Отвечает конь: «Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез». – «А можно ли их догнать?» – «Можно пшеницы засеять, дождаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поест, да тогда вдогонь ехать – и то успеет!» Кощей поскакал, догнал Иван-царевича:

«Ну, – говорит, – первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись – на куски изрублю!» Отнял у него Марью Моревну и увез; а Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною; Кощея Бессмертного дома не случилось. «Поедем, Марья Моревна!» – «Ах, Иван-царевич! Он нас догонит». – «Пускай догонит; мы хоть часок-другой проведем вместе». Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгону?» – «Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял». – «А можно ли догнать их?» – «Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выспаться да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!» Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича: «Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!» Отнял ее и увез к себе.

Оставался Иван-царевич один, запла-

кал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кощей дома не случилось. «Поедем, Марья Моревна!» – «Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит». – «Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу». Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую невзгону?» – «Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял». Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и покчал в смоленую бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Иван-царевича серебро почернело. «Ах, – говорят они, – видно, беда приключилась!» Орел бросился на синее море, схватил и вытащил бочку на берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мертвою. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и складили как надобно. Ворон брызнул мертвой водою – тело срослось, съединилось; сокол брызнул живой водою –

Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит: «Ах, как я долго спал!» – «Еще бы дольше проспал, если б не мы! – отвечали зятья. – Пойдем теперь к нам в гости». – «Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну».

Приходит к ней и просит: «Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня». Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выспрашивать. Кощей сказал: «За тридевять земель, в тридесятном царстве, за огненной рекою живет баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц; я у ней три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребеночка». – «Как же ты через огненную реку переправился?» – «А у меня есть такой платок – как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!» Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к бабе-яге. Долго шел он не

пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит: «Съем-ка я одного цыпленочка». – «Не ешь, Иван-царевич! – просит заморская птица. – В некоторое время я пригожусь тебе». Пошел он дальше; видит в лесу улей пчел. «Возьму-ка я, – говорит, – сколько-нибудь медку». Пчелиная матка отзывается: «Не тронь моего меду, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь». Он не тронул и пошел дальше; попадает ему навстречу львица со львенком. «Съем я хоть этого львенка; есть так хочется, ажно тошно стало!» – «Не тронь, Иван-царевич, – просит львица. – В некоторое время я тебе пригожусь». – «Хорошо, пусть будет по-твоему!»

Побрел голодный, шел-шел – стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечесьей голове, только один незанятый. «Здравствуй, бабушка!» – «Здравствуй, Иван-царевич! Почто пришел – по своей доброй воле аль по нужде?» – «Пришел заслужить у тебя богатырского коня». – «Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня; если упасешь мо-

их кобылиц – дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся – торчать твоей голове на последнем шесте». Иван-царевич согласился; баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься. Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул. Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его: «Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома». Царевич встал, воротился домой; а баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц: «Зачем вы домой воротились?» – «Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаз не выклевали». – «Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыпьтесь по дремучим лесам».

Переспал ночь Иван-царевич; наутро баба-яга ему говорит: «Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь – быть твоей буйной головушке на шесте!» Погнал он кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим

лесам. Опять сел царевич на камень, плакал, плакал, да и уснул. Солнышко село за лес; прибежала львица: «Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны». Иван-царевич встал и пошел домой; баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц: «Зачем домой воротились?» – «Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали». – «Ну, вы завтра забегите в сине море».

Опять переспал ночь Иван-царевич, наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти: «Если не упасешь – быть твоей буйной головушке на шесте». Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул. Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит: «Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротись домой, баба-яге на глаза не показывайся, пойдти в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок – в навозе валяется, ты украдь его и в глухую полночь уходи из дому».

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц: «Зачем воротились?» – «Как же нам было не воротиться? Налетело пчел видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!»

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич украл у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону – и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост. Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза – остался через реку мост тоненький-тоненький! Поутру пробудилась баба-яга – паршивого жеребенка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает. Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!» Поехала по мосту, только добралась до середины – мост обломился и баба-яга чубурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась! Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах; стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею: «Как тебя бог воскресил?» – «Так и так, – говорит. – Поедем со мной». – «Боюсь, Иван-царевич! Если Кошей догонит, быть тебе опять изрублену». – «Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит». Сели они на коня и поехали. Кошей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» – «Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез». – «А можно ли их догнать?» – «Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня», – «Нет, не утерплю, – говорит Кощей Бессмертный, – поеду в погоню». Долго ли, коротко ли – нагнал он Иван-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей; в те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и размозжил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того наклац царевич груды дров, развел огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью: «Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать – другой не найти!» Погостили они, попиrowали и поехали в свое царство; приехали и стали: себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у царя было три сына. Вот дети и говорят ему: «Милостивый государь батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедем». Отец благословил, и они поехали в разные стороны. Малый сын ездил-ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая[106] лошадь; около этой падали собралось много всякого зверя, птицы и гаду. Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит: «Иван-царевич, подели нам эту лошадь; лежит она здесь тридцать

три года, а мы всё спорим, а как поделить – не придумаем». Царевич слез с своего доброго коня и разделил падаль: зверям – кости, птицам – мясо, кожа – гадам, а голова – муравьям. «Спасибо, Иван-царевич! – сказал сокол. – За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьем всякий раз, как захочешь».

Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридцатое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору. Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу: «Не возьмет ли ваш государь меня на службу к себе?» – «Отчего не взять такого молодца?» Вот он поступил к тому царю на службу и живет у него неделю, другую и третью. Стала просить царевна: «Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять». Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали. Подъезжают к хрустальной горе, вдруг откуда ни возьмись – выскочила золотая коза. Царевич погнался за ней, скакал-скакал, козы не добыл, а воротился на-

зад – и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя; пришел во дворец и говорит царю: «Ваше величество! Найми меня стадо пасти». – «Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трех головах – дай ему три коровы, коли о шести головах – дай шесть коров, а коли о двенадцати головах – то отсчитывай двенадцать коров».

Иван-царевич погнал стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трех головах: «Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сражаться доброму молодцу, а он стадо пасет! Ну-ка, – говорит, – отгони мне трех коров» – «Не жирно ли будет? – отвечает царевич. – Я сам в суточки ем по одной уточке; а ты трех коров захотел... Нет тебе ни одной!» Змей осерчал и вместо трех захватил шесть коров; Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, снял у змея три головы и погнал стадо домой. «Что, бабушка? – спрашивает царь. – Прилетал ли трехглавый змей, дал ли ему трех коров?» – «Нет, ваше величество, ни одной не дал!»

На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров. «Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни единой!» Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов. Пригнал домой стадо; царь и спрашивает: «Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли мое стадо поубавилось?» – «Прилетать-то прилетал, да ничего не взял!» Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору; смотрит – в хрустальной горе сидит царевна. «Здравствуй, – говорит Иван-царевич, – как ты сюда попала?» – «Меня унес змей о двенадцати головах; живет он на батюшкином озере; в том змее сундук таится, в сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яичко, в яичке – семечко: коли ты убьешь его да достанешь это семечко, в те поры можно хрустальную гору извести и меня избавить».

Иван-царевич вылез из той горы, снаря-

дился пастухом и погнал стадо. Вдруг прилетает змей о двенадцати головах: «Эх, Иван-царевич! Не за свое ты дело взялся; чем бы тебе, доброму молодцу, сражаться, а ты стадо пасешь... Ну-ка отсчитай мне двенадцать коров!» – «Жирно будет! Я сам в сутки ем по одной уточке; а ты чего захотел!» Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались – Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашел сундук; в сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, в яйце – семечко. Взял он семечко, зажег и поднес к хрустальной горе – гора скоро растаяла. Иван-царевич вывел оттуда царевну и привез ее к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу: «Будь ты моим зятем!» Тут их и обвенчали; на той свадьбе и я был, мед-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.

ЕМЕЛЯ-ДУРАК

В некоторой было деревне: жил мужик, и у него было три сына, два было умных, а третий дурак, которого звали Емельяном. И как жил их отец долгое время, то и пришел в глубокую старость, призвал к себе сыновьев и говорил им: «Любезные дети! Я чувствую, что вам со мною недолго жить; оставляю вам дом и скотину, которые вы разделите на части ровно; также оставляю вам денег на каждого по сту рублей». После того вскоре отец их умер, и дети, похороня его честно, жили благополучно. Потом вздумали Емельяновы братья ехать в город торговать на те триста рублей, которые им отказаны были их отцом, и говорили они дураку Емельяну: «Послушай, дурак, мы поедем в город, возьмем с собой и твои сто рублей, а когда выторгуем, то барыш пополам, и купим тебе красный кафтан, красную шапку и красные сапоги. А ты останься дома; ежели что тебя заставят сделать наши жены, а твои невестки (ибо они были женаты), то ты сделай». Дурак, желая получить обещанные красный кафтан, красную шапку

и красные сапоги, отвечал братьям, что он будет делать все, что его заставят. После того братья его поехали в город, а дурак остался дома и жил с своими невестками.

Потом спустя несколько времени в один день, когда было зимнее время и был жестокий мороз, тогда говорили ему невестки, чтоб он сходил за водою. Но дурак, лежа на печи, сказал: «Да, а вы-то что?» Невестки закричали на него: «Как, дурак, мы-то что? Ведь ты видишь, какой мороз, что и мужчине в пору идти!» Но он говорил: «Я ленюсь!» Невестки опять на него закричали: «Как, ты ленишься? Ведь ты захочешь же есть, а когда не будет воды, то сварить ничего нельзя». Притом сказали: «Добро ж, мы скажем своим мужьям, когда они приедут, что хотя и купят они красный кафтан и все, но чтоб тебе ничего не давали», — что слыша дурак и желая получить красный кафтан и шапку принужден был идти, слез с печи и начал обуваться и одеваться. И как совсем оделся, взял с собою ведра и топор, пошел на реку, ибо их деревня была подле самой реки, и как пришел на реку, то и начал прорубать прорубь, и прорубил чрез-

вычайно большую. Потом почерпнул в ведра воды и поставил их на льду, а сам стоял подле проруби и смотрел в воду.

В то самое время увидел дурак, что плавала в той проруби пребольшая щука; а Емеля, сколько ни был глуп, однако ж пожелал ту щуку поймать, и для того стал он понемножку подходить; подошел к ней близко, ухватил вдруг ее рукою, вытащил из воды и, положив за пазуху, хотел идти домой. Но щука говорила ему: «Что ты, дурак! На что ты меня поймал?» – «Как на что? – говорил он. – Я тебя отнесу домой и велю невесткам сварить». – «Нет, дурак, не носи ты меня домой; отпусти ты меня опять в воду; я тебя за то сделаю человеком богатым». Но дурак ей не верил и хотел идти домой. Щука, видя, что дурак ее не отпускает, говорила: «Слушай, дурак, пусти ж ты меня в воду; я тебе сделаю то: чего ты ни пожелаешь, то все по твоему желанию исполнится». Дурак, слыша сие, весьма обрадовался, ибо он был чрезвычайно ленив, и думал сам себе: «Когда щука сделает так, что чего я ни пожелаю – все будет готово, то я уже работать ничего не буду!» Говорил он щуке: «Я те-

бя отпущу, только ты сделай то, что обещаешь!» – на что отвечала щука: «Ты преждепусти меня в воду, а я обещание свое исполню». Но дурак говорил ей, чтоб она прежде свое обещание исполнила, а потом он ее отпустит. Щука, видя, что он не хочет ее пускать в воду, говорила: «Ежели ты желаешь, чтоб я тебе сказала, как сделать, чего ни пожелаешь, то надобно, чтобы ты теперь же сказал, чего хочешь». Дурак говорил ей: «Я хочу, чтоб мои ведра с водою сами пошли на гору (ибо деревянная та была на горе) и чтоб вода не расплескалась». Щука тотчас ему говорила: «Ничего, не расплещется! Только помни слова, которые я стану сказывать; вот в чем те слова состоят: по щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, ведра, сами на гору!» Дурак после ее говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, ведра, сами на гору!» – и тотчас ведра и с коромыслом пошли сами на гору. Емеля, видя сие, весьма удивился; потом говорил щуке: «Все ли так будет?» На что щука отвечала, что «все то будет, чего только пожелаешь; не забудь только те слова, которые я тебе сказывала». После того пустил он щуку

в воду, а сам пошел за ведрами. Соседи его, видя то, удивлялись и говорили меж собою: «Что это дурак делает? Ведра с водою идут сами, а он идет за ними». Но Емеля, не говоря ничего с ними, пришел домой; ведра взошли в избу и стали на лавку, а дурак влез на печь.

Потом спустя несколько времени говорили ему опять невестки: «Емеля, что ты лежишь? Ты бы пошел дров нарубил». Но дурак говорил: «Да, а вы-то что?» – «Как мы что? – вскричали на него невестки. – Ведь теперь зима, и ежели ты не пойдешь рубить дров, так тебе ж будет холодно». – «Я ленюсь!» – говорил дурак. «Как ленишься? – говорили ему невестки. – Ведь ты же озябнешь». Притом они говорили: «Ежели ты не пойдешь рубить дров, так мы скажем своим мужьям, чтоб они тебе не давали ни красного кафтана, ни красной шапки, ни красных сапогов». Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принужден был нарубить дров; но как он был чрезвычайно ленив и не хотелось ему слезть с печи, то говорил потихоньку, на печи лежа, сии слова: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, топор, поди наруби дров, а вы, дрова,

сами в избу идите и в печь кладитесь». Топор откуда ни взялся – выскочил на двор и начал рубить; а дрова сами в избу шли и в печь клались, что видя, его невестки весьма удивились Емельяновой хитрости. И так каждый день, когда только дураку велют нарубить дров, то топор и нарубит.

И жил он с невестками несколько времени, потом невестки говорили ему: «Емеля, таперича нету дров у нас; съезди в лес и наруби». Дурак им говорил: «Да, а вы-то что?» – «Как мы что? – отвечали невестки. – Ведь лес далече, и теперь зима, так холодно ехать нам в лес за дровами». Но дурак им говорил: «Я лениюсь!» – «Как, ленишься? – говорили ему невестки. – Ведь тебе же будет холодно; а ежели ты не пойдешь, то когда приедут твои братья, а наши мужья, то мы не велим им ничего тебе давать: ни кафтана красного, ни шапки красной, ни сапог красных». Дурак, желая получить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, принужден был ехать в лес за дровами и, встав, слез с печи и начал скорее обуваться и одеваться.

И как совсем оделся, то вышел на двор и

вытащил из-под навесу сани, взял с собою веревку и топор, сел в сани и говорил своим невесткам отворить ворота. Невестки, видя, что он едет в санях, да без лошади, ибо дурак лошади не запрягал, говорили ему: «Что ты, Емеля, сел в сани, а лошадь не запряг?» Но он говорил, что лошади ему не надо, а только чтоб отворили ему ворота. Невестки отворили ворота, а дурак, сидя в санях, говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью нутка, сани, ступайте в лес!» После сих слов сани тотчас поехали со двора, что видя, живущие в той деревне мужики удивлялись, что Емеля ехал в санях и без лошади, и так шибко: хотя бы пара лошадей была запряжена, то нельзя бы шибче ехать! И как надобно было дураку ехать в лес через город, то и поехал он по оному городу; но как не знал, что надобно кричать для того, чтобы не передавить народу, то он ехал и не кричал, чтоб посторонились, и передавил множество народу, и хотя за ним гнались, однако догнать его не могли.

Емеля уехал из города, а приехав к лесу, остановился и вылез из своих саней и говорил: «По щучьему веленью, а по моему про-

шенью ну-тка, топор, руби-ка дрова, а вы, поленья, сами кладитесь в сани и вяжитесь!» Лишь только сказал дурак сии слова, топор начал рубить дрова, а поленья сами клались в сани и веревкой вязались. После того как нарубил он дров, велел еще топору вырубить одну дубинку. Как топор вырубил, то он сел на воз и говорил: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжайте, сани, домой сами». Тотчас и поехали они весьма шибко, и как подъехал он к тому городу, в котором он уже передавил много народу, там уже дожидались его, чтоб поймать; и как въехал в город, то его поймали и стали тащить с возу долой; притом начали его бить. Дурак, видя, что его тащат и бьют, потихоньку сказал сии слова: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка им руки и ноги!» В тот час выскочила дубинка и начала всех бить. И как народ бросился бежать, дурак поехал из городу домой, а дубинка когда всех перебила, то покатила след за ним же. И как приехал Емеля домой, то и влез на печь.

После того, как он уехал из города, стали

поговаривать об нем везде – не столько о том, что он передал много народу, сколько удивлялись тому, что он ехал в санях без лошади. Мало-помалу речи сии дошли до самого короля. Как король услышал, то чрезвычайно захотел его видеть и для того послал одного офицера и дал ему несколько солдат, чтоб его сыскать. Посланный от короля офицер поехал немедленно из города и напал на ту дорогу, по которой ездил дурак в лес. И как приехал офицер в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и сказал ему: «Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб взять его и привезти к королю». Староста тотчас показал тот двор, где жил Емеля, и офицер вошел в избу и спрашивал: «Где дурак?», а он, лежа на печи, отвечал: «На что тебе?» – «Как на что? Одевайся скорей; я повезу тебя к королю». Но Емеля говорил: «А что мне там делать?» Офицер на него рассердился за неучтивые слова и ударил его по щеке. Дурак, видя, что его бьют, сказал потихоньку: «По щучьему веленью, а по моему прошенью нука, дубинка, отломай-ка им руки и ноги!» Дубинка тотчас выскочила и начала их бить и

перебила всех – как офицера, так и солдат. Офицер принужден был ехать назад; и как приехал в город, то и доложили королю, что дурак всех перебил. Король весьма удивился и не верил тому, чтобы мог он всех перебить; однако выбрал король умного человека, которого послал с тем, чтобы, как только возможно, привез дурака – хоть обманом.

Посланный от короля поехал и как приехал в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и говорил ему: «Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб его привезть; а ты призови мне тех, с кем он живет». Староста тотчас побежал и привел его невесток. Посланный от короля спрашивал их: «Что дурак любит?» Невестки ему отвечали: «Милостивый государь наш, дурак любит – ежели станешь просить неотступно о чем, он откажет раз и другой, а в третий уже не откажет и делает; не любит он того, кто с ним грубо поступает». Посланный от короля отпустил их и не велел сказывать Емеле, что он призывал их к себе. После того накупил изюму, черносливу и винных ягод, пошел к дураку и как пришел в избу, то, подойдя к печи, говорил: «Что ты,

Емеля, лежишь на печи?» – и дает ему изюму, черносливу и винных ягод и просит: «Поедем, Емеля, к королю со мною, я тебя отвезу». Но дурак говорил: «Мне и тут тепло!» – ибо он ничего, кроме тепла, не любил. А посланный начал его просить: «Пожалуйста, Емеля, поедем; там тебе будет хорошо!» Дурак говорил: «Я ленюсь!» Посланный стал просить его: «Пожалуйста, поедем; там тебе король велит сшить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги».

Дурак, услыша, что красный кафтан велят ему сшить, ежели поедет, говорил: «Поезжай же ты вперед, а я за тобой буду». Посланный не стал ему более докучать, отошел от него и спрашивал тихонько у его невесток: «Не обманывает ли меня дурак?» Но они уверяли, что он не обманет. Посланный поехал назад, а дурак после его полежал еще на печи и говорил: «Ох, как мне не хочется к королю ехать; но так уж и быть!» Потом говорил: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжай-ка, печь, прямо в город!» Тотчас изба затрещала, и печь вон пошла из избы и как сошла со двора, то и поехала печь столь шиб-

ко, что и догнать нельзя; и он догнал еще на дороге того посланного, который за ним ездил, а во дворец с ним приехал.

Как король увидел, что приехал дурак, то и вышел[107] со всеми своими министрами его посмотреть и, видя, что Емеля приехал на печи, ничего не говорил; потом спрашивал его король: «Для чего ты столько передал народу, как ездил за дровами в лес?» Но Емеля говорил: «Я чем виноват! Для чего они не посторонились?» И в то время подошла к окошку королевская дочь и смотрела на дурака, а Емеля нечаянно взглянул на то окошко, в которое она смотрела, и видя дурак ее весьма прекрасною – говорил тихонько: «Кабы по щучьему веленью, а по моему прошенью влюбилась этакая красавица в меня!» Лишь только сии слова выговорил, королевская дочь посмотрела на него и влюбилась. А дурак после того сказал: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью ступай-ка, печь, домой!» Тотчас поехала печь домой, а приехавши – опять стала на прежнем месте.

Емеля жил после того несколько времени благополучно; но в городе у короля происхо-

дило другое, ибо по дураковым словам королевская дочь влюбилась и стала просить отца своего, чтоб выдал ее за дурака замуж. Король за то весьма рассердился на дурака и не знал, как его взять. В то время доложили королю министры, чтоб послать того офицера, который прежде ездил за Емелей и не умел его взять; за вину его король, по их совету, приказал представить того офицера. Как офицер перед ним предстал, тогда король говорил ему: «Слушай, друг мой, я тебя прежде посылал за дураком, но ты его не привез; за вину твою посылаю тебя в другой раз, чтобы ты привез непременно его; ежели привезешь, то будешь награжден, а ежели не привезешь, то будешь наказан». Офицер выслушал короля и поехал немедленно за дураком, а как приехал в ту деревню, то призвал опять старосту и говорил ему: «Вот тебе деньги: купи все, что надобно, завтра к обеду и позови Емелю, и как будет он к тебе обедать, то пой его допьяна, пока спать ляжет».

Староста знал, что он приехал от короля, принужден был его послушаться и скупил все то и позвал дурака. Как Емеля сказал, что бу-

дет, то офицер его дожидался с великою радостью. На другой день пришел дурак; староста начал его поить и напоил его допьяна, так что Емеля лег спать. Офицер, видя, что он спит, тотчас связал его и приказал подать кибитку, и как подали, то и положили дурака; потом сел и офицер в кибитку и повез его в город. И как подъехал он к городу, то и повез его прямо во дворец. Министры доложили королю о приезде того офицера. И как скоро король услышал, то немедленно приказал принести большую бочку и чтоб набиты были на ней железные обручи. Тотчас была сделана и принесена она бочка к королю. Король, видя, что все готово, приказал посадить в ту бочку свою дочь и дурака и велел их засмолить; а как их посадили в бочку и засмолили, то король при себе ж велел пустить ту бочку в море. И по его приказанию немедленно ее пустили, и король возвратился в свой город.

А бочка, пущенная по морю, плыла несколько часов; дурак все то время спал, а как проснулся и видя, что темно, спрашивал сам у себя: «Где я?» – ибо думал, что он один. Принцесса ему говорила: «Ты, Емеля, в бочке,

да и я с тобою посажена». – «А ты кто?» – спросил дурак. «Я – королевская дочь», – отвечала она и рассказала ему, за что она посажена с ним вместе в бочку; потом просила его, чтоб он освободил себя и ее из бочки. Но он говорил: «Мне и тут тепло!» – «Сделай милость, – говорила принцесса, – сжался на мои слезы; избавь меня и себя из этой бочки». – «Как же не так, – говорил Емеля, – я ленюсь!» Принцесса опять начала его просить: «Сделай милость, Емеля, избавь меня из этой бочки и не дай мне умереть». Дурак, будучи тронут ее просьбою и слезами, сказал ей: «Хорошо, я для тебя это сделаю». После того говорил потихоньку: «По щучьему веленью, а по моему прошенью выкинь-ка ты, море, эту бочку, в которой мы сидим, на берег – на сухое место, только чтоб поближе к нашему государству; а ты, бочка, как на сухом месте будешь, то сама расшибися!»

Только успел дурак выговорить эти слова, как море начало волноваться и в тот час выкинуло бочку на берег – на сухое место, а бочка сама рассыпалась. Емеля встал и пошел с принцессою по тому месту, куда их выкину-

ло, и увидел дурак, что они были на весьма прекрасном острове, на котором было множество разных деревьев со всякими плодами. Принцесса, все то видя, весьма радовалась, что они на таком прекрасном острове; а после того говорила: «Что ж, Емеля, где мы будем жить? Ибо нет здесь и шалаша». Но дурак говорил: «Вот ты уж многого требуешь!» – «Сделай милость, Емеля, вели поставить какой-нибудь домик, – говорила принцесса, – чтобы можно было нам где во время дождя укрыться»; ибо принцесса знала, что он все может сделать, ежели захочет. Но дурак сказал: «Я ленюсь!» Она опять начала его просить, и Емеля, будучи тронут ее просьбой, принужден был для нее то сделать; он отошел от нее и говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью будь среди этого острова дворец лучше королевского и чтоб от моего дворца и до королевского был хрустальный мост, а во дворце чтобы были разного звания люди». И лишь успел выговорить сии слова, то в ту ж минуту и появился преогромный дворец и хрустальный мост. Дурак взошел с принцессою во дворец и увидел, что в покоях

весьма богатое было убранство и множество людей, как лакеев, так и всяких разносчиков, которые ожидали от дурака повеления. Дурак, видя, что все люди как люди, а он один был нехорош и глуп, захотел сделаться лучше и для того говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезвычайно умен!» И лишь успел выговорить, то в ту ж минуту сделался так прекрасен, а притом и умен, что все удивлялись.

После того послал Емеля из своих слуг к королю, чтоб звать его к себе и со всеми министрами. Посланный от Емели поехал к королю по тому хрустальному мосту, который сделал дурак; и как приехал во дворец, то министры представили его пред короля, и посланный от Емели говорил: «Милостивый государь! Я прислан от моего господина с покорностию просить вас к нему кушать». Король спрашивал: «Кто таков твой господин?» Но посланный ему отвечал: «Я не могу вам сказать про него (ибо дурак ему сказывать не велел про себя, кто он таков); о моем господине ничего не известно; а когда вы будете ку-

шать у него, в то время и скажет о себе». Любопытствуя знать, кто прислал звать его, король сказал посланному, что он непременно будет. Когда посланный ушел, король тотчас поехал вслед за ним со всеми министрами. Посланный, возвратясь назад, сказал, что король непременно будет, и только сказал – а король и едет к дураку по тому мосту хрустальному, и с принцами.

И как приехал король во дворец, то Емеля вышел навстречу, принимал его за белые руки, целовал во уста сахарные, ласково вводил его в свой белокаменный дворец, сажал его за столы дубовые, за скатерти браные, за кушанья сахарные, за питья медовые. За столом король и министры пили, ели и веселились; а как встали из-за стола и сели по местам, то дурак говорил королю: «Милостивый государь, узнаете ли вы меня, кто я таков?» И как Емеля был в то время в пребогатом платье, а притом лицом был весьма прекрасен, то и нельзя было узнать его, почему король и говорил, что он не знает. Но дурак говорил: «Помните ли, милостивый государь, как дурак к вам приезжал на печи во дворец и вы

его и с дочерью, засмоля в бочку, пустили в море? Итак, узнайте теперь меня, что я – тот самый Емеля!» Король, видя его пред собою, весьма испугался и не знал, что делать; а дурак в то время пошел за его дочерью и привел ее пред короля. Король, увидя дочь свою, весьма обрадовался и говорил дураку: «Я перед тобой весьма виноват и за то отдаю за тебя в замужество дочь мою». Дурак, слыша сие, с покорностью благодарил короля, и как у Емели все было готово к свадьбе, то в тот же день праздновали ее с великолепием. А на другой день дурак сделал великолепный пир для всех министров, а для простого народу выставлены были, чаны с разными напитками. И как веселье отошло, то король отдавал ему свое королевство; но он не захотел. После того король поехал в свое королевство, а дурак остался в своем дворце и жил благополучно.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Жил-был бедный мужичок; сколько он ни трудился, сколько ни работал – все нет ничего! «Эх, – думает сам с собой, – доля моя горькая! Все дни за хозяйством убиваюсь, а того и смотри – придется с голоду помирать; а вот сосед мой всю свою жизнь на боку лежит, и что же? – хозяйство большое, барыши сами в карман плывут. Видно, я богу не угодил; стану я с утра до вечера молиться, авось господь и смилуется». Начал он богу молиться; по целым дням голодает, а все молится. Наступил светлый праздник, ударили к заутрене. Бедный думает: «Все люди станут разгавливаться, а у меня ни куска нету! Пойду хоть воды принесу – ужо вместо щей похлебаю». Взял ведерко, пошел к колодцу и только закинул в воду – вдруг попалась ему в ведерко большущая щука. Обрадовался мужик: «Вот и я с праздником! Наварю ухи и всласть пообедаю». Говорит ему щука человеческим голосом: «Отпусти меня, добрый человек, на волю; я тебя счастливым сделаю: чего душа твоя пожелает, все у тебя будет! Только скажи: по щу-

чьему веленью, по божьему благословенью явись то-то и то-то – сейчас явится!» Убогий бросил щуку в колодец, пришел в избу, сел за стол и говорит: «По щучьему веленью, по божьему благословенью будь стол накрыт и обед готов!» Вдруг откуда что взялось – появились на столе всякие кушанья и напитки; хоть царя угощай, так не стыдно будет! Убогий перекрестился: «Слава тебе господи! Есть чем разговеться». Пошел в церковь, отстоял заутреню и обедню, воротился и стал разгавливаться; закусил-выпил, вышел за ворота и сел на лавочку.

На ту пору вздумала царевна по улицам прогуляться, идет с своими няньками и мамками и ради праздничка Христова раздает бедным милостыню; всем подала, а про этого мужичка и позабыла. Вот он и говорит про себя: «По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть царевна плод понесет и родит себе сына!» По тому слову царевна в ту же минуту забрюхатела и через девять месяцев родила сына. Начал ее царь допрашивать. «Признавайся, – говорит, – с кем согрешила?» А царевна плачет и всячески клянется, что ни

с кем не грешила: «И сама не ведаю, за что меня господь покарал!» Сколько царь ни допытывался, ничего не узнал.

Меж тем мальчик не по дням, а по часам растет; через неделю уж говорить стал. Царь созвал со всего царства бояр и думных людей, показывает их мальчику: не признает ли он кого за отца? Нет, мальчик молчит, никого отцом не обзывает. Приказал царь нянькам и мамкам нести его по всем дворам, по всем улицам и казать всякого чина людям и жена-тым и холостым. Няньки и мамки понесли ребенка по всем дворам, по всем улицам; ходили-ходили, он все молчит. Подошли, наконец, к избышке бедного мужика; как только увидел мальчик того мужика, сейчас потянулся к нему ручонками и закричал: «Тятя, тятя!» Доложили про то государю, привели во дворец убогого; царь стал его допрашивать: «Признавайся по чистой по совести – твой это ребенок?» – «Нет, божий!» Царь разгневался, обвенчал убогого на царевне, а после венца приказал посадить их вместе с ребенком в большую бочку, засмолить смолою и пустить в открытое море.

Вот поплыла бочка по морю, понесли ее буйные ветры и прибили к далекому берегу. Слышит убогий, что вода под ними не колыхается, и говорит таково слово: «По щучьему веленью, по божьему благословенью распались, бочка, на сухом месте!» Бочка развалилась; вылезли они на сухое место и пошли куда глаза глядят. Шли-шли, шли-шли, есть-пить нечего, царевна совсем отоцала, едва ноги переставляет. «Что, – спрашивает убогий, – знаешь теперь, какова жажда и голод?» – «Знаю!» – отвечает царевна. «Вот так-то и бедные мучатся; а ты не хотела мне на Христов день и милостынки подать!» Потом говорит убогий: «По щучьему веленью, по божьему благословенью стань здесь богатый дворец – чтоб лучше во всем свете не было, и с садами, и с прудами, и со всякими пристройками!»

Только вымолвил – явился богатый дворец; выбегают из дворца слуги верные, берут их под руки, ведут в палаты белокаменные и сажают за столы дубовые, за скатерти браные. Чудно в палатах убрано, изукрашено; на столах всего наготовлено: и вина, и сласти, и

кушанья. Убогий и царевна напились, наелись, отдохнули и пошли в сад гулять. «Всемирно бы здесь хорошо, – говорит царевна, – только жаль, что нет никакой птицы на наших прудах». – «Подожди, будет и птица!» – отвечал убогий и тотчас вымолвил: «По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть плавают на этом пруде двенадцать уток, тринадцатый селезень – у всех бы у них одно перо было золотое, другое серебряное; да был бы у селезня чуб на головке бриллиантовый!» Глядь – плывут по воде двенадцать уток и селезень – одно перо золотое, другое серебряное; на головке у селезня чуб бриллиантовый.

Вот так-то живет царевна с своим мужем без горя, без печали, а сын ее растет да растет; вырос большой, почувал в себе силу великую и стал у отца, у матери проситься поехать по белу свету да поискать себе невесты. Они его отпустили: «Ступай, сынок, с богом!» Он оседлал богатырского коня, сел и поехал в путь-дорогу. Попадается ему навстречу старая старуха: «Здравствуй, русский царевич! Куда ехать изволишь?» – «Еду, бабушка, невесты искать, а где искать – и сам не ведаю». – «Постой, я тебе

скажу, дитятко! Поезжай ты за море в тридес-
ятое королевство; там есть королева – такая
красавица, что весь свет изъездишь, а лучше
ее нигде не сыщешь!» Добрый молодец побла-
годарил старуху, приехал к пристани, нанял
корабль и поплыл в тридесятое королевство.

Долго ли, коротко ли плыл он по морю,
скоро сказка сказывается, не скоро дело дела-
ется – приезжает в то королевство, явился к
тамошнему королю и стал за его дочь сва-
таться. Говорит ему король: «Не ты один за
мою дочь сватаешься; есть у нас еще жених –
сильномогучий богатырь; коли ему отказать,
он все мое государство разорит». – «А мне от-
кажешь – я разорю!» – «Что ты! Лучше поме-
ряйся с ним силою: кто из вас победит, за того
и дочь отдам». – «Ладно! Созывай всех царей
и царевичей, королей и королевичей на чест-
ной бой поглядеть, на свадьбе погулять». Тот-
час посланы были гонцы в разные стороны, и
года не прошло, как собрались со всех окрест-
ных земель цари и царевичи, короли и коро-
левичи; приехал и тот царь, что свою родную
дочь в бочку засмолил да в море пустил. В на-
значенный день вышли богатыри на смерт-

ный бой; бились-бились, от их ударов земля стонала, леса приклонялись, реки волновались; сын царевны осилил своего супротивника – снес с него буйную голову.

Подбежали тут королевские бояре, взяли доброго молодца под руки и повели во дворец; на другой день обвенчался он с королевой, а как отпировали свадьбу, стал звать всех царей и царевичей, королей и королевичей в гости к своему отцу, к матери. Поднялись все разом, снарядили корабли и поплыли по морю. Царевна со своим мужем встретили гостей с честью, и начались опять пиры да веселье. Цари и царевичи, короли и королевичи смотрят на дворец, на сады и дивуются: такого богатства нигде не видано, а больше всего показались им утки и селезень – за одну утку можно полцарства дать! Отпировали гости и вздумали домой ехать; не успели они до пристани добраться, как бегут за ними скорые гонцы: «Наш-де хозяин просит вас назад воротиться, хочет с вами тайный совет держать».

Цари и царевичи, короли и королевичи воротились назад; выступил к ним хозяин и

стал говорить: «Разве этак добрые люди делают? Ведь у меня утка пропала! Окромя вас некому взять!» – «Что ты взводишь напраслину? – отвечают ему цари и царевичи, короли и королевичи. – Это дело непригожее! Сейчас обыщи всех! Если найдешь у кого утку, делай с ним, что сам знаешь; а если не сыщешь, твоя голова долой!» – «Хорошо, я согласен!» – сказал хозяин, пошел по ряду и стал их обыскивать; как скоро дошла очередь до царевни на отца, он потихоньку и вымолвил: «По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть у этого царя под полой кафтана будет утка привязана!» Взял, приподнял ему кафтан, а под полой как есть привязана утка – одно перо золотое, другое серебряное. Тут все прочие цари и царевичи, короли и королевичи громко засмеялись: «Ха-ха-ха! Вот каково! Уж цари воровать начали!» Царевнин отец всеми святыми клянется, что воровать – у него и на мыслях не было; а как к нему утка попала – того и сам не ведает. «Рассказывай! У тебя нашли, стало быть, ты один и виноват». Тут вышла царевна, бросилась к отцу и призналась, что она та самая его дочь, которую

выдал он за убогого замуж и посадил в смоляную бочку: «Батюшка! Ты не верил тогда моим словам, а вот теперь на себе спознал, что можно быть без вины виноватым». Рассказала ему, как и что было, и после того стали они все вместе жить-поживать, добра наживать, а лиха избывать.

СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ, ЖАР-ПТИЦЕ И О СЕРОМ ВОЛКЕ

В некотором было царстве, в некотором государстве был-жил царь, по имени Выслав Андронович. У него было три сына-царевича: первый – Димитрий-царевич, другой – Василий-царевич, а третий – Иван-царевич. У того царя Выслава Андроновича был сад такой богатый, что ни в котором государстве лучше того не было; в том саду росли разные дорогие деревья с плодами и без плодов, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблоне росли яблочки все золотые. Повадилась к царю Выславу в сад летать жар-птица; на ней перья золотые, а глаза восточному хрусталу подобны. Летала она в тот сад каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню,

срывала с нее золотые яблочки и опять улета-
ла. Царь Выслав Андронович весьма крушил-
ся о той яблоне, что жар-птица много яблок с
нее сорвала; почему призвал к себе трех сво-
их сыновей и сказал им: «Дети мои любез-
ные! Кто из вас может поймать в моем саду
жар-птицу? Кто изловит ее живую, тому еще
при жизни моей отдам половину царства, а
по смерти и все». Тогда дети его царевичи
возопили единогласно: «Милостивый госу-
дарь-батюшка, ваше царское величество! Мы
с великою радостью будем стараться поймать
жар-птицу живую».

На первую ночь пошел караулить в сад Ди-
митрий-царевич и, усевшись под ту яблонь, с
которой жар-птица яблочки срывала, заснул
и не слышал, как та жар-птица прилетала и
яблок весьма много ощипала. Поутру царь
Выслав Андронович призвал к себе своего сы-
на Димитрия-царевича и спросил: «Что, сын
мой любезный, видел ли ты жар-птицу или
нет?» Он родителю своему отвечал: «Нет, ми-
лостивый государь-батюшка! Она эту ночь не
прилетала». На другую ночь пошел в сад ка-
раулить жар-птицу Василий-царевич. Он сел

под ту же яблонь и, сидя час и другой ночи, заснул так крепко, что не слышал, как жар-птица прилетала и яблочки щипала. Поутру царь Выслав призвал его к себе и спрашивал: «Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?» – «Милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала».

На третью ночь пошел в сад караулить Иван-царевич и сел под ту же яблонь; сидит он час, другой и третий – вдруг осветило весь сад так, как бы он многими огнями освещен был: прилетела жар-птица, села на яблоню и начала щипать яблочки. Иван-царевич подкрался к ней так искусно, что ухватил ее за хвост; однако не мог ее удержать: жар-птица вырвалась и полетела, и осталось у Ивана-царевича в руке только одно перо из хвоста, за которое он весьма крепко держался. Поутру лишь только царь Выслав от сна пробудился, Иван-царевич пошел к нему и отдал ему перышко жар-птицы. Царь Выслав весьма был обрадован, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать от жар-птицы. Это перо было так чудно и светло, что ежели принести его в темную горницу, то оно так сияло,

как бы в том покое было зажжено великое множества свеч. Царь Выслав положил то перышко в свой кабинет как такую вещь, которая должна вечно храниться. С тех пор жар-птица не летала в сад.

Царь Выслав опять призвал к себе детей своих и говорил им: «Дети мои любезные! Поезжайте, я даю вам свое благословение, отыщите жар-птицу и привезите ко мне живую; а что прежде я обещал, то, конечно, получит тот, кто жар-птицу ко мне привезет». Димитрий и Василий царевичи начали иметь злобу на меньшего своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жар-птицы из хвоста перо; взяли они у отца своего благословение и поехали двое отыскивать жар-птицу. А Иван-царевич также начал у родителя своего просить на то благословения. Царь Выслав сказал ему: «Сын мой любезный, чадо мое милое! Ты еще молод и к такому дальнему и трудному пути непривычен; зачем тебе от меня отлучаться? Ведь братья твои и так поехали. Ну, ежели и ты от меня уедешь, и вы все трое долго не возвратитесь? Я уже при старости и хожу под богом; ежели во время отлуч-

ки вашей господь бог отымет мою жизнь, то кто вместо меня будет управлять моим царством? Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим народом, а унять будет некому; или неприятель под наши области подступит, а управлять войсками нашими будет некому». Однако сколько царь Выслав ни старался удерживать Ивана-царевича, но никак не мог не отпустить его, по его неотступной просьбе. Иван-царевич взял у родителя своего благословение, выбрал себе коня и поехал в путь, и ехал, сам не зная, куды едет.

Едучи путем-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, наконец приехал он в чистое поле, в зеленые луга. А в чистом поле стоит столб, а на столбу написаны эти слова: «Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мертв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется». Иван-царевич прочел эту надпись и поехал в правую сторону, держа на уме: хотя конь его и убит будет, зато сам жив оста-

нется и со временем может достать себе другого коня. Он ехал день, другой и третий – вдруг вышел ему навстречу пребольшой серый волк и сказал: «Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! Ведь ты читал, на столбе написано, что конь твой будет мертв; так зачем сюда едешь?» Волк вымолвил эти слова, разорвал коня Ивана-царевича надвое и пошел прочь в сторону.

Иван-царевич вельми сокрушался по своему коню, заплакал горько и пошел пеший. Он шел целый день и устал несказанно и только что хотел присесть отдохнуть, вдруг нагнал его серый волк и сказал ему: «Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пеш изнурился; жаль мне и того, что я заел твоего доброго коня. Добро! Садись на меня, на серого волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?» Иван-царевич сказал серому волку, куды ему ехать надобно; и серый волк помчался с ним пуще коня и чрез некоторое время как раз ночью привез Ивана-царевича к каменной стене не гораздо высокой, остановился и сказал: «Ну, Иван-царевич, слезай с меня, с серого волка, и полежай через эту каменную стену; тут за стеною

сад, а в том саду жар-птица сидит в золотой клетке. Ты жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай; ежели клетку возьмешь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя тотчас поймают!» Иван-царевич перелез через каменную стену в сад, увидел жар-птицу в золотой клетке и очень на нее прельстился. Вынул птицу из клетки и пошел назад, да потом одумался и сказал сам себе: «Что я взял жар-птицу без клетки, куда я ее посажу?» Воротился и лишь только снял золотую клетку – то вдруг пошел стук и гром по всему саду, ибо к той золотой клетке были струны приведены. Караульные тотчас проснулись, прибежали в сад, поймали Ивана-царевича с жар-птицею и привели к своему царю, которого звали Долматом. Царь Долмат весьма разгневался на Ивана-царевича и вскричал на него громким и сердитым голосом: «Как не стыдно тебе, молодой юноша, воровать! Да кто ты таков, и которые земли, и какого отца сын, и как тебя по имени зовут?» Иван-царевич ему молвил: «Я есмь из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иван-царевич. Твоя жар-птица повадилась к нам летать в сад по

всякую ночь, и срывала с любимой отца моего яблони золотые яблочки, и почти все дерево испортила; для того послал меня мой родитель, чтобы сыскать жар-птицу и к нему привезть». – «Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич, – молвил царь Долмат, – пригоже ли так делать, как ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе жар-птицу честью отдал; а теперь хорошо ли будет, когда я разошлю во все государства о тебе объявить, как ты в моем государстве нечестно поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу – съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне от царя Афона коня златогривого, то я тебя в твоей вине прощу и жар-птицу тебе с великою честью отдам; а ежели не сослужишь этой службы, то дам о тебе знать во все государства, что ты нечестный вор». Иван-царевич пошел от царя Долмата в великой печали, обещая ему достать коня златогривого.

Пришел он к серому волку и рассказал ему обо всем, что ему царь Долмат говорил. «Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! – молвил ему серый волк. – Для чего ты слова

моего не слушался и взял золотую клетку?» – «Виноват я перед тобою», – сказал волку Иван-царевич. «Добро, быть так! – молвил серый волк. – Садись на меня, на серого волка, я тебя свезу, куды тебе надобно». Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, аки стрела, и бежал он долго ли, коротко ли, наконец прибежал в государство царя Афрона ночью. И, пришедши к белокаменным царским конюшням, серый волк Ивану-царевичу сказал: «Ступай, Иван-царевич, в эти белокаменные конюшни (теперь караульные конюхи все крепко спят!) и бери ты коня златогривого. Только тут на стене висит золотая узда, ты ее не бери, а то худо тебе будет». Иван-царевич, вступя в белокаменные конюшни, взял коня и пошел было назад; но увидел на стене золотую узду и так на нее прельстился, что снял ее с гвоздя, и только что снял – как вдруг пошел гром и шум по всем конюшням, потому что к той узде были струны приведены. Караульные конюхи тотчас проснулись, прибежали, Ивана-царевича поймали и повели к царю Афрону. Царь Афрон начал его спрашивать: «Ох ты гой еси,

младой юноша! Скажи мне, из которого ты государства, и которого отца сын, и как тебя по имени зовут?» На то отвечал ему Иван-царевич: «Я сам из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иваном-царевичем». — «Ох ты, младой юноша, Иван-царевич! — сказал ему царь Афрон. — Честного ли рыцаря это дело, которое ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе коня златогривого с честью отдал. А теперь хорошо ли тебе будет, когда я разошлю во все государства объявить, как ты нечестно в моем государстве поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу и съездишь за тридевять земель, в тридешатое государство, и достанешь мне королевну Елену Прекрасную, в которую я давно и душою и сердцем влюбился, а достать не могу, то я тебе эту вину прощу и коня златогривого с золотою уздою честно отдам. А ежели этой службы мне не сослужишь, то я о тебе дам знать во все государства, что ты нечестный вор, и пропишу все, как ты в моем государстве дурно сделал». Тогда Иван-царевич обещался царю Афрону королевну Елену Прекрасную до-

стать, а сам пошел из палат его и горько заплакал.

Пришел к серому волку и рассказал все, что с ним случилось. «Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! – молвил ему серый волк. – Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую узду?» – «Виноват я пред тобою», – сказал волку Иван-царевич. «Добро, быть так! – продолжал серый волк. – Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно». Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, как стрела, и бежал он, как бы в сказке сказать, недолгое время и, наконец, прибежал в государство королевны Елены Прекрасной. И, пришедши к золотой решетке, которая окружала чудесный сад, волк сказал Ивану-царевичу: «Ну, Иван-царевич, слезай теперь с меня, с серого волка, и ступай назад по той же дороге, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня в чистом поле под зеленым дубом». Иван-царевич пошел, куда ему велено. Серый же волк сел близ той золотой решетки и дожидался, покуда пойдет прогуляться в сад королевна Елена Прекрасная. К вечеру, когда

солнышко стало гораздо опускаться к западу, почему и в воздухе было не очень жарко, королева Елена Прекрасная пошла в сад прогуливаться со своими нянюшками и с придворными боярынями. Когда она вошла в сад и подходила к тому месту, где серый волк сидел за решеткою, – вдруг серый волк перескочил через решетку в сад и ухватил королеву Елену Прекрасную, перескочил назад и побежал с нею что есть силы-мочи. Прибежал в чистое поле под зеленый дуб, где его Иван-царевич дожидался, и сказал ему: «Иван-царевич, садись поскорее на меня, на серого волка!» Иван-царевич сел на него, а серый волк помчал их обоих к государству царя Афрона. Няньки и мамки и все боярыни придворные, которые гуляли в саду с прекрасною королевною Еленою, побежали тотчас во дворец и послали в погоню, чтоб догнать серого волка; однако сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назад.

Иван-царевич, сидя на сером волке вместе с прекрасною королевною Еленою, возлюбил ее сердцем, а она Ивана-царевича; и когда серый волк прибежал в государство царя Афро-

на и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королеву Елену во дворец и отдать царю, тогда царевич весьма запечалился и начал слезно плакать. Серый волк спросил его: «О чем ты плачешь, Иван-царевич?» На то ему Иван-царевич отвечал: «Друг мой, серый волк! Как мне, доброму молодцу, не плакать и не крушиться? Я сердцем возлюбил прекрасную королеву Елену, а теперь должен отдать ее царю Афрону за коня златогривого, а ежели ее не отдам, то царь Афрон обесчестит меня во всех государствах». – «Служил я тебе много, Иван-царевич, – сказал серый волк, – сослужу и эту службу. Слушай, Иван-царевич: я сделаюсь прекрасной королевой Еленой, и ты меня отведи к царю Афрону и возьми коня златогривого; он меня почтет за настоящую королеву, И когда ты сядешь на коня златогривого и уедешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона в чистое поле погулять; и как он меня отпустит с нянюшками и с мамушками и со всеми придворными боярынями и буду я с ними в чистом поле, тогда ты меня вспомяни – и я опять у тебя буду». Серый волк вымолвил эти речи, ударился о сы-

ру землю – и стал прекрасною королевною Еленою, так что никак и узнать нельзя, чтоб то не она была. Иван-царевич взял серого волка, пошел во дворец к царю Афрону, а прекрасной королевне Елене велел дожидаться за городом. Когда Иван-царевич пришел к царю Афрону с мнимою Еленою Прекрасною, то царь вельми возрадовался в сердце своем, что получил такое сокровище, которого он давно желал. Он принял ложную королеву, а коня златогривого вручил Иван-царевичу. Иван-царевич сел на того коня и выехал за город; посадил с собою Елену Прекрасную и поехал, держа путь к государству царя Долмата. Серый же волк живет у царя Афрона день, другой и третий вместо прекрасной королевы Елены, а на четвертый день пришел к царю Афрону проситься в чистом поле погулять, чтоб разбить тоску-печаль лютую. Как возговорил ему царь Афрон: «Ах, прекрасная моя королева Елена! Я для тебя все сделаю, отпущу тебя в чистое поле погулять». И тотчас приказал нянюшкам и мамушкам и всем придворным боярыням с прекрасною королевною идти в чистое поле гулять, Иван же

царевич ехал путем-дорогою с Еленю Прекрасною, разговаривал с нею и забыл было про серого волка; да потом вспомнил: «Ах, где-то мой серый волк?» Вдруг откуда ни взялся – стал он перед Иваном-царевичем и сказал ему: «Садись, Иван-царевич, на меня, на серого волка, а прекрасная королева пусть едет на коне златогривом». Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в государство царя Долмата. Ехали они долго ли, коротко ли и, доехав до того государства, за три версты от города остановились. Иван-царевич начал просить серого волка: «Слушай ты, друг мой любезный, серый волк! Сослужил ты мне много служб, сослужи мне и последнюю, а служба твоя будет вот какая: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого наместо этого, потому что с этим златогривым конем мне расстаться не хочется». Вдруг серый волк ударился о сырую землю – и стал конем златогривым. Иван-царевич, оставя прекрасную королеву Елену в зеленом лугу, сел на серого волка и поехал во дворец к царю Долмату. И как скоро туда приехал, царь Долмат увидел Ивана-царевича, что едет он на коне злато-

гривом, весьма обрадовался, тотчас вышел из палат своих, встретил царевича на широком дворе, поцеловал его во уста сахарные, взял его за правую руку и повел в палаты белокаменные. Царь Долмат для такой радости велел сотворить пир, и они сели за столы дубовые, за скатерти браные; пили, ели, забавлялись и веселились ровно два дни, а на третий день царь Долмат вручил Ивану-царевичу жар-птицу с золотою клеткою. Царевич взял жарптицу, пошел за город, сел на коня златогривого вместе с прекрасной королевной Еленою и поехал в свое отечество, в государство царя Выслава Андроновича. Царь же Долмат вздумал на другой день своего коня златогривого объездить в чистом поле; велел его оседлать, потом сел на него и поехал в чистое поле; и лишь только разъярил коня, как он сбросил с себя царя Долмата и, оборотясь по-прежнему в серого волка, побежал и нагнал Ивана-царевича. «Иван-царевич! – сказал он. – Садись на меня, на серого волка, а королевна Елена Прекрасная пусть едет на коне златогривом». Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в путь. Как скоро довез

серый волк Ивана-царевича до тех мест, где его коня разорвал, он остановился и сказал: «Ну, Иван-царевич, послужил я тебе довольно верою и правдою. Вот на сем месте разорвал я твоего коня надвое, до этого места и довез тебя. Слезай с меня, с серого волка, теперь есть у тебя конь златогривый, так ты сядь на него и поезжай, куда тебе надобно; а я тебе больше не слуга». Серый волк вымолвил эти слова и побежал в сторону; а Иван-царевич заплакал горько по сером волке и поехал в путь свой с прекрасною королевною.

Долго ли, коротко ли ехал он с прекрасною королевною Еленою на коне златогривом и, не доехав до своего государства за двадцать верст, остановился, слез с коня и вместе с прекрасною королевною лег отдохнуть от солнечного зною под деревом; коня златогривого привязал к тому же дереву, а клетку с жарптицею поставил подле себя. Лежа на мягкой траве и ведя разговоры любовные, они крепко уснули. В то самое время братья Ивана-царевича, Димитрий и Василий царевичи, езда по разным государствам и не найдя жарптицы, возвращались в свое отечество с по-

рожными руками; нечаянно наехали они на своего сонного брата Ивана-царевича с прекрасною королевною Еленою. Увидя на траве коня златогривого и жар-птицу в золотой клетке, весьма на них прельстились и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти. Димитрий-царевич вынул из ножен меч свой, заколол Ивана-царевича и изрубил его на мелкие части; потом разбудил прекрасную королеву Елену и начал ее спрашивать: «Прекрасная девица! Которого ты государства, и какого отца дочь, и как тебя по имени зовут?» Прекрасная королева Елена, увидя Ивана-царевича мертвого, крепко испугалась, стала плакать горькими слезами и во слезах говорила: «Я королева Елена Прекрасная, а достал меня Иван-царевич, которого вы злой смерти предали. Вы тогда б были добрые рыцари, если б выехали с ним в чистое поле да живого победили, а то убили сонного и тем какую себе похвалу получите? Сонный человек – что мертвый!» Тогда Димитрий-царевич приложил свой меч к сердцу прекрасной королевы Елены и сказал ей: «Слушай, Елена Прекрасная! Ты теперь в наших руках; мы по-

везем тебя к нашему батюшке, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и жар-птицу, и коня златогривого. Ежели этого не скажешь, сейчас тебя смерти предам!» Прекрасная королева Елена, испугавшись смерти, обещалась им и клялась всею святынею, что будет говорить так, как ей велено. Тогда Дмитрий-царевич с Васильем-царевичем начали метать жребий, кому достанется прекрасная королева Елена и кому конь златогривый? И жребий пал, что прекрасная королева должна достаться Василью-царевичу, а конь златогривый Дмитрию-царевичу. Тогда Василий-царевич взял прекрасную королеву Елену, посадил на своего доброго коня, а Дмитрий-царевич сел на коня златогривого и взял жар-птицу, чтобы вручить ее родителю своему, царю Выславу Андроновичу, и поехали в путь.

Иван-царевич лежал мертв на том месте ровно тридцать дней, и в то время набежал на него серый волк и узнал по духу Ивана-царевича. Захотел помочь ему – оживить, да не знал, как это сделать. В то самое время увидел серый волк одного ворона и двух воронят, ко-

торые летали над трупом и хотели спуститься на землю и наесться мяса Ивана-царевича. Серый волк спрятался за куст, и как скоро воронята спустились на землю и начали есть тело Ивана-царевича, он выскочил из-за куста, схватил одного вороненка и хотел было разорвать его надвое. Тогда ворон спустился на землю, сел поодаль от серого волка и сказал ему: «Ох ты гой еси, серый волк! Не трогай моего младого детища; ведь он тебе ничего не сделал». – «Слушай, ворон воронович! – молвил серый волк. – Я твоего детища не трону и отпущу здрава и невредима, когда ты мне сослужишь службу: слетаешь за тридцать земель, в тридешатое государство, и принесешь мне мертвой и живой воды». На то ворон воронович сказал серому волку: «Я тебе службу эту сослужу, только не тронь ничем моего сына». Выговоря эти слова, ворон полетел и скоро скрылся из виду. На третий день ворон прилетел и принес с собой два пузырька: в одном – живая вода, в другом – мертвая, и отдал те пузырьки серому волку. Серый волк взял пузырьки, разорвал вороненка надвое, sprыснул его мертвою водою – и тот во-

роненок сросся, спрыснул живую водою – вороненок встрепенулся и полетел. Потом серый волк спрыснул Иван-царевича мертвою водою – его тело срослось, спрыснул живую водою – Иван-царевич встал и промолвил: «Ах, куды как я долго спал!» На то сказал ему серый волк: «Да, Иван-царевич, спать бы тебе вечно, кабы не я; ведь тебя братья твои изрубили и прекрасную королеву Елену, и коня златогривого, и жар-птицу увезли с собою. Теперь поспедай как можно скорее в свое отечество; брат твой, Василий-царевич, женится сегодня на твоей невесте – на прекрасной королеве Елене. А чтоб тебе поскорее туда поспеть, садись лучше на меня, на серого волка; я тебя на себе донесу». Иван-царевич сел на серого волка; волк побежал с ним в государство царя Выслава Андроновича, и долго ли, коротко ли, – прибежал к городу. Иван-царевич слез с серого волка, пошел в город и, пришедши во дворец, застал, что брат его Василий-царевич женится на прекрасной королеве Елене: воротился с нею от венца и сидит за столом. Иван-царевич вошел в палаты, и как скоро Елена Прекрасная увидала его,

Тотчас выскочила из-за стола, начала целовать его в уста сахарные и закричала: «Вот мой любезный жених, Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит!» Тогда царь Выслав Андронович встал с места и начал прекрасную королеву Елену спрашивать, что бы такое то значило, о чем она говорила? Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду, что и как было: как Иван-царевич добыл ее, коня златогривого и жар-птицу, как старшие братья убили его сонного до смерти и как стращали ее, чтоб говорила, будто все это они достали. Царь Выслав весьма осердился на Дмитрия и Василья царевичей и посадил их в темницу; а Иван-царевич женился на прекрасной королеве Елене и начал с нею жить дружно, любовно, так что один без другого ниже единой минуты пробыть не могли.

ЖАР-ПТИЦА И ВАСИЛИСА-ЦАРЕВНА

В некотором царстве, за тридевять земель – в тридесятом государстве жил-был сильный, могучий царь. У того царя был стрелец-молодец, а у стрельца-молодца конь богатырский. Раз поехал стрелец на своем богатырском коне в лес поохотиться; едет он дорогою, едет широкою – и наехал на золотое перо жар-птицы: как огонь перо светится! Говорит ему богатырский конь: «Не бери золотого пера; возьмешь – горе узнаешь!» И раздумался добрый молодец – поднять перо али нет? Коли поднять да царю поднести, ведь он щедро наградит; а царская милость кому не дорога?

Не послушался стрелец своего коня, поднял перо жар-птицы, привез и подносит царю в дар. «Спасибо! – говорит царь. – Да уж коли ты достал перо жар-птицы, то достань мне и самую птицу; а не достанешь – мой меч, твоя голова с плеч!» Стрелец залился горькими слезами и пошел к своему богатырскому коню. «О чем плачешь, хозяин?» – «Царь прика-

зал жар-птицу добыть». – «Я ж тебе говорил: не бери пера, горе узнаешь! Ну да не бойся, не печалься; это еще не беда, беда впереди! Ступай к царю, проси, чтоб к завтраму сто кулей белоярой пшеницы было по всему чистому полю разбросано». Царь приказал разбросать по чистому полю сто кулей белоярой пшеницы.

На другой день на заре поехал стрелец-молодец на то поле, пустил коня по воле гулять, а сам за дерево спрятался. Вдруг зашумел лес, поднялись волны на море – летит жар-птица; прилетела, спустилась наземь и стала клевать пшеницу. Богатырский конь подошел к жар-птице, наступил на ее крыло копытом и крепко к земле прижал; стрелец-молодец выскочил из-за дерева, прибежал, связал жар-птицу веревками, сел на лошадь и поскакал во дворец. Приносит царю жар-птицу; царь увидал, возрадовался, благодарил стрельца за службу, жаловал его чином и тут же задал ему другую задачу: «Коли ты сумел достать жар-птицу, так достань же мне невесту: за тридевять земель, на самом краю света, где восходит красное солнышко, есть Васили-

са-царевна – ее-то мне и надобно. Достанешь – золотом-серебром награжу, а не достанешь – то мой меч, твоя голова с плеч!»

Залился стрелец горькими слезами, пошел к своему богатырскому коню. «О чем плачешь, хозяин?» – спрашивает конь. «Царь приказал добыть ему Василису-царевну». – «Не плачь, не тужи; это еще не беда, беда впереди! Ступай к царю, попроси палатку с золотою маковкой да разных припасов и напитков на дорогу». Царь дал ему и припасов, и напитков, и палатку с золотою маковкой. Стрелец-молодец сел на своего богатырского коня и поехал за тридевять земель; долго ли, коротко ли – приезжает он на край света, где красное солнышко из синя моря восходит. Смотрит, а по синю морю плывет Василиса-царевна в серебряной лодочке, золотым веслом попихается.[108] Стрелец-молодец пустил своего коня в зеленых лугах гулять, свежую травку щипать; а сам разбил палатку с золотой маковкою, расставил разные кушанья и напитки, сел в палатке – угощается, Василисы-царевны дожидается.

А Василиса-царевна усмотрела золотую

маковку, приплыла к берегу, выступила из лодочки и любуется на палатку. «Здравствуй, Василиса-царевна! – говорит стрелец. – Милости просим хлеба-соли откусать, заморских вин испробовать». Василиса-царевна вошла в палатку; начали они есть-пить, веселиться. Выпила царевна стакан заморского вина, опьянела и крепким сном заснула. Стрелец-молодец крикнул своему богатырскому коню, конь прибежал; тотчас снимает стрелец палатку с золотой маковкою, садится на богатырского коня, берет с собою сонную Василису-царевну и пускается в путь-дорогу, словно стрела из лука.

Приехал к царю; тот увидел Василису-царевну, сильно возрадовался, благодарил стрельца за верную службу, наградил его казною великою и пожаловал большим чином. Василиса-царевна проснулась, узнала, что она далеко-далеко от синего моря, стала плакать, тосковать, совсем из лица переменялась; сколько царь ни уговаривал – все понапрасну. Вот задумал царь на ней жениться, а она и говорит: «Пусть тот, кто меня сюда привез, поедет к синему морю, среди того мо-

ря лежит большой камень, под тем камнем спрятано мое подвенечное платье – без того платья замуж не пойду!» Царь тотчас за стрельцом-молодцом: «Поезжай скорей на край света, где красное солнышко восходит; там на синем море лежит большой камень, а под камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье и привези сюда; пришла пора свадьбу играть! Достанешь – больше прежнего награжу, а не достанешь – то мой меч, твоя голова с плеч!» Залился стрелец горькими слезами, пошел к своему богатырскому коню. «Вот когда, – думает, – не миновать смерти!» – «О чем плачешь, хозяин?» – спрашивает конь. «Царь велел со дна моря достать подвенечное платье Василисы-царевны». – «А что, говорил я тебе: не бери золотого пера, горе наживешь! Ну да не бойся: это еще не беда, беда впереди! Садись на меня да поедем к синю морю».

Долго ли, коротко ли – приехал стрелец-молодец на край света и остановился у самого моря; богатырский конь увидел, что большущий морской рак по песку ползет, и наступил ему на шейку своим тяжелым ко-

пытком. Возговорил морской рак: «Не дай мне смерти, а дай живота! Что тебе нужно, все сделаю». Отвечал ему конь: «Посреди синя моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье!» Рак крикнул громким голосом на все сине море; тотчас море всколыхалось: сползли со всех сторон на берег раки большие и малые – тьма-тьмуца! Старшой рак отдал им приказание, бросились они в воду и через час времени вытащили со дна моря, из-под великого камня, подвенечное платье Василисы-царевны.

Приезжает стрелец-молодец к царю, привозит царевнино платье; а Василиса-царевна опять заупрямилась. «Не пойду, – говорит царю, – за тебя замуж, пока не велишь ты стрельцу-молодцу в горячей воде искупаться». Царь приказал налить чугунный котел воды, вскипятить как можно горячей да в тот кипяток стрельца бросить. Вот все готово, вода кипит, брызги так и летят; привели бедного стрельца. «Вот беда, так беда! – думает он. – Ах, зачем я брал золотое перо жар-птицы? Зачем коня не послушался?» Вспомнил про сво-

его богатырского коня и говорит царю: «Царь-государь! Позволь перед смертью пойти с конем попрощаться». – «Хорошо, ступай попрощайся!» Пришел стрелец к своему богатырскому коню и слезно плачет. «О чем плачешь, хозяин?» – «Царь велел в кипятке искупаться». – «Не бойся, не плачь, жив будешь!» – сказал ему конь и наскоро заговорил стрельца, чтобы кипяток не повредил его белому телу. Вернулся стрелец из конюшни; тотчас подхватили его рабочие люди и прямо в котел; он раз-другой окунулся, выскочил из котла – и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Царь увидал, что он таким красавцем сделался, захотел и сам искупаться; полез сдуру в воду и в ту ж минуту обварился. Царя схоронили, а на его место выбрали стрельца-молодца; он женился на Василисе-царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии.

СКАЗКА О МОЛОДЦЕ-УДАЛЬЦЕ, МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

Один царь очень устарел и глазами обнищал,[109] а слышал он, что за девять девяти, в десятом царстве, есть сад с молодильными яблоками, а в нем колодец с живою водою: если съесть старику это яблоко, то он помолодеет, а водой этой помазать глаза слепцу – он будет видеть. У царя этого было три сына. Вот он посылает старшего на коне верхом в этот сад за яблоком и водой: царю хочется и молодым быть и видеть. Сын сел на коня и отправился в далеко царство; ехал-ехал, приехал к одному столбу; на этом столбе написано три дороги: первая для коня сытна, а самому голодна, вторая – не быть самому живому, а третья коню голодна, самому сытна.

Вот он подумал-подумал и поехал по сытной для себя дороге; ехал-ехал, увидел в поле хороший-расхороший дом. Он подъехал к нему, поглядел-поглядел, растворил ворота,

шапки не ломал, головы не склонял, на двор вскакал. Хозяйка этого двора, баба-вдова не больно стара, молодца к себе звала: «Добро пожалуй, гость дорогой!» В избу его ввела, за стол посадила, всякого яства накрошила и питья медового перевдоволь натащила. Вот молодец нагулялся и свалился спать на лавке. Хозяйка ему говорит: «Не честь молодцу, не хвала удальцу ложиться одному! Ляжь с моею дочкою, прекрасною Дунею». Он тому и рад. Дуня говорит ему: «Ляжь ко мне плотней, будет нам теплей!» Он двинулся к ней и провалился сквозь кровать: там его заставили молоть сырой ржи, а вылезть оттуда не могли! Отец старшего сына ждал-ждал, и ожиданье потерял.

Царь второго сына отправил, чтоб яблоко и воды ему доставил. Он держал тот же путь и напал на ту же участь, как и старший его брат. От долгого жданья сыновьев царь больно-больно загоревался.

Младший сын начал просить у отца позволенья ехать в тот сад; а отец ни за что не хочет его отпустить и говорит ему: «Горе тебе, сынок! Когда старшие братья пропали, а ты

молод, как вьюноша,[110] ты скорее их пропа- дешь». Но он умоляет, отцу обещает, что он постарается для отца лучше всякого молодца. Отец думал-думал и благословил его на ту же дорогу. На пути до вдовина дома с ним случи- лось все то же, что и с старшими братьями. Подъехал он ко двору вдовину, слез с коня, постучал у ворот и спросился ночевать. Хо- зяйка обрадовалась ему, как и этим, просит его: «Добро пожалуй, гость наш нежданный!» Посадила его за стол, наставила всякого яства и питья, хоть завались! Вот он понаелся, хо- тел ложиться на лавке. Хозяйка и говорит: «Не честь молодцу, не хвала удальцу ложить- ся одному! Ляжь с моей прекрасною Дунею». А он говорит: «Нет, тетушка! Проезжему чело- веку не годится так, а надо в головы кулак, а под бок так. Если б ты, тетушка, баньку мне истопила и с твоей дочерью в нее пустила».

Вот вдова баню жарко-разжарко натопила и его с прекрасною Дунею туда проводила. Ду- ня такая же, как мать, злоехидна была, ввела его вперед и дверь в бане заперла, а сама в се- нях покуда стала. Но молодец-удалец оттолк- нул дверь и Дуню туда впер.[111] У него было

три прута: один железный, другой свинцовый, а третий чугунный, и начал этими прутьями Дуню хвостать.[112] Она кричит, умоляет его; а он говорит: «Скажи, злая Дунька, куда девала моих братьев?» Она сказала, что у них в подполье мелют сырую рожь. Он пустил ее. Пришли в избу, навязали лестницу на лестницу и братьев оттуда вывели. Он их пустил домой; но им стыдно к отцу появиться – оттого, что с Дуней ложились и к черту не годились, и пошли они бродяжничать по полям и по лесам.

А молодец поехал дальше, ехал-ехал, подъехал к одному двору, вошел в избу: там сидит красна девица, ткет утирки.[113] Он сказал: «Бог помочь тебе, красная девица!» А она ему: «Спасибо! Что, добрый молодец, от дела лытаешь или дело пытаешь?» – «Дело пытаю, красна девица! – сказал молодец. – Я еду за девять девятин, в десятое царство, в сад – за молодильными яблоками и за живой водой для своего старого и слепого батюшки». Она ему сказала: «Ну, мудро[114] тебе, мудро-мудро добраться до этого сада; однако поезжай, на дороге живет другая моя сестра, заезжай к ней:

она лучше меня знает и тебя научит, что делать». Вот он ехал-ехал до другой сестры, доехал; так же, как и с первой, поздоровался, рассказал ей об себе и куда едет. Она велела ему оставить своего коня у ней, а на ее двукрылом коне ехать к ее старшей сестре, которая научит, что делать: как побывать в саду и достать яблоко и воды. Вот он ехал-ехал, приехал к третьей сестре. Эта дала ему своего коня об четырех крыльях и приказала: «Смотри, в этом саду живет наша тетка, страшная ведьма; коли подъедешь к саду, не жалей моего коня, погоняй хорошенько, чтоб он сразу перелетел через стену; а если он зацепит за стену – на стене наведены струны с колокольчиками, струны заструнят, колокольчики зазвенят, она проснется, и ты от нее тогда не уедешь! У ней есть конь о шести крыльях; ты тому коню у крыльев подрежь жилки, чтоб она на нем тебя не догнала».

Он все так и сделал. Полетел через стену на своем коне, и конь хвостом зацепил не дюже[115] за струну; струны заструнили, колокольчики зазвенели, но тихо: ведьма проснулась, да не разобрала хорошо голоса струн и

колокольчиков, опять зевнула и уснула. А молодец-удалец с молодильным яблоком и живой водою ускакал; заезжая к сестрам, коней у них переменял и на своем опять помчался в свою землю. Поутру рано страшная ведьма заметила, что в саду у ней украдено яблоко и вода; она тут же села на своего шестикрылого коня, доскакала до первой племянницы, спрашивает ее: «Не проезжал ли тут кто?» Племянница сказала: «Проехал молодец-удалец, да уж давно!» Она поскакала дальше, спрашивает у другой и у третьей; те то же ей сказали. Она еще поскакала и чуть-чуть не догнала, но уж молодец-удалец на свою землю пробрался и ее не опасался: сюда она скакать не смела, только на него посмотрела, от злости захрипела и так ему запела: «Ну, хорош ты, вор-воришка! Хороша твоя успешка! От меня успел ты ускакать, зато от братьев тебе непременно пропасть!» Так ему наворожила и домой поворотила.

Удалец наш приезжает в свою землю, видит – братья его, бродяги, в поле спят. Он пустил своего коня, не стал их будить, сам лег около и уснул. Братья проснулись, увидали,

что брат их воротился в свою землю, легонько вынули у него сонного из пазухи молодильное яблоко, а его взяли да и бросили в пропасть. Он летел туда три дня, упал в подземельное темное царство, где люди всё делают с огнем. Вот он куда ни пойдет – все люди такие кручинные[116] и плачут. Он спрашивает об их кручине. Ему сказали, что у царя их одна и есть дочь – прекрасная царевна Полюша, и ее-то поведут завтра к змею на съедение; в этом царстве каждый месяц дают семиглавому змею по девице, так уж и ведется очередь девицам – уж такой у них закон! Ныне наступила очередь до царской дочери. Вот наш молодец узнал хорошенько об этом и пошел прямо к царю, говорит ему: «Я спасу, царь, твою дочь от змея, только ты сам сделай мне то, о чем буду тебя после просить». Царь обрадовался, обещал все для него сделать и выдать за него замуж свою дочь.

Вот пришел тот день: повели прекрасную царевну Полюшу к морю, в трехстенную крепость, а с нею пошел удалец. Он взял с собою железную палку в пять пудов. Остались там двое с царевной ждать змея; ждали-ждали,

кой о чем покуда погутарили. Он ей рассказал о своем походе и что у него есть живая вода. Вот молодец сказал прекрасной царевне Полюше: «Поищи покуда у меня в голове вши, а коли я усну и прилетит змей, то буди меня моей палкою, а так меня не добудишься!» – и лег к ней на колени. Она стала искать у него в голове; он уснул. Прилетел змей, начал виться над царевною. Она стала будить молодца, толкать его руками, а палкой ударить (как он велел) ей жалко; не добудилась и заплакала; слеза ее канула ему на лицо – он проснулся и вскрикнул: «О, как ты меня чем-то гойно[117] обожгла!» А змей стал уж спускаться на них. Молодец взял свою пятипудовую палку, махнул ею – и вдруг отшиб змею пять голов, в другой махнул наотмашь[118] – и отшиб две последние; собрал все эти головы, положил их под стену, а туловище бросил в море.

Но какой-то баловня-детина видел все это и легонечко из-за стены подкрался, отсек молодцу голову и бросил его в море, а прекрасной царевне Полюше велел сказать отцу ее, царю, что он ее устерег,[119] а если она так не скажет, то он ее задушит. Делать нечего, По-

люша поплакала-поплакала, и пошли они к отцу, царю. Царь их встрел.[120] Она ему сказала, что этот детина ее уберег. Царь невесть как рад, тут же начал собирать свадьбу. Гости наехались из иных земель: цари, короли да принцы, все пьют, гуляют и веселятся; одна царевна кручинна, зайдет где под сараем в уголок и заливаётся там горючими слезами о своем молодце-удальце.

Вот и вздумала она попросить своего батюшку, чтоб он послал ловить в море рыбу, и сама она пошла с рыболовами к морю; затянули невод, вытащили рыбы и бознать[121] сколько! Она поглядела и сказала: «Нет, это не моя рыба!» Затянули в другой, вытащили голову и туловище молодца-удальца. Полюша скорей подбежала к нему, нашла у него в пазухе пузырек с живой водой, приставила к туловищу голову, примочила водой из пузырька – он и оживел. Она ему рассказала, как ее хочет взять постылый для нее детина. Удалец утешил ее и велел идти домой, а он сам придет и знает что делать.

Вот пришел удалец в царску палату, там все гости пьяные – играют да пляшут. Он ска-

зался, что умеет играть[122] песни на разные голоса. Ему все рады, заставили играть. Он заиграл им прежде веселую какую-то, прибасную[123] – гости так и растаяли, что больно гоино играет, дружка дружке расхвалили его, а там он заиграл кручинную такую, что все гости заплакали. Вот удалец спросил царя, кто уберег его дочь? Царь сказал, что этот детина. «Ну-ка, царь, пойдем к той крепости и со всеми гостями твоими; коли он достанет там змеиные головы, так я поверю, что он спас царевну Полюшу». Пришли все к крепости. Детина тянул-тянул и ни одной головы не вытянул, больно ему не под мочь.[124] А молодец лишь взялся – и вытянул. Тут и царевна рассказала всю правду, кто ее устерег. Все признали, что удалец устерег цареву дочь; а детину привязали коню за хвост и размыкали по полю.

Царю хочется, чтоб молодец-удалец женился на его дочери; но удалец говорит: «Нет, царь, мне ничего не надо, а только вынеси меня на наш белый свет: я еще не dokonчил свой ответ батюшке, он меня теперь с живою водой ждет – ведь он слепым живет». Царь не

может пригадать, как его на белый свет поднять; а дочь не хочет расстаться – захотела с ним подняться, говорит своему отцу, что у них есть птица-колпалица:[125] она может их туда несть, только б было что ей в дороге есть.

Вот Полюша велела для птицы-колпалицы целого быка убить и с собой его запасить.[126] Потом простились с подземельным царем, сели птице на хребет и понеслись на божий белый свет. Где больше птицу кормят, там она резче[127] в вершки[128] с ними поднималась; вот всего быка птице и стравили.[129] Делать нечего, боятся, чтоб она не опустила их опять вниз. Полюша взяла отрезала у себя кусок ляхи[130] и птице отдала; а та их как раз на этот свет подняла и сказала: «Ну, всю дорогу вы меня хорошо кормили, но слаще последнего кусочка я отродясь не едала!» Полюша ей свою ляху развернула, птица ахнула и рыгнула: кусок еще цел. Молодец опять приставил его к ляхе, живой водицей примочил – и царевне ляху исцелил.

Тут пошли они домой. Отец, нашенский [131] царь, встрел их, обрадовался невесть

как! Удалец видит, что отец его от того яблока помолодел, но все еще слеп. Он тотчас помазал ему глаза живой водой. Царь стал видеть; тут он расцеловал своего сына-удальца и его невесту из темного царства. Удалец рассказал, как братья унесли у него яблоко и бросили его в подземелье. Братья так испугались – ино[132] в реку покидались! А удалец на той царевне Полюше женился и раздиковинную пирушку сделал; я там обедал, мед пил, а уж какая у них капуста – ино теперь в роте[133] пусто!

СИВКО-БУРКО

Жил-был старик; у него было три сына, третий-от Иван-дурак, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался. Отец стал умирать и говорит: «Дети! Как я умру, вы каждый поочередно ходите на могилу ко мне спать по три ночи», – и умер. Старика схоронили. Приходит ночь; надо большому брату ночевать на могиле, а ему – коё лень, коё боится, он и говорит малому брату: «Иван-дурак! Поди-ка к отцу на могилу, ночуй за меня. Ты ничего же не делаешь!» Иван-ду-

рак собрался, пришел на могилу, лежит; в полночь вдруг могила расступилась, старик выходит и спрашивает:

«Кто тут? Ты, большой сын?» – «Нет, батюшка! Я, Иван-дурак». Старик узнал его и спрашивает: «Что же больш-от сын не пришел?» – «А он меня послал, батюшка!» – «Ну, твое счастье!» Старик свистнул-гайкнул[134] богатырским посвистом: «Сивко-бурко, вещей воронко!» Сивко бежит, только земля дрожит, из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом. «Вот тебе, сын мой, добрый конь; а ты, конь, служи ему, как мне служил». Проговорил это старик, лег в могилу. Иван-дурак погладил, поласкал сивка и отпустил, сам домой пошел. Дома спрашивают братья: «Что, Иван-дурак, ладно ли ночевал?» – «Очень ладно, братья!» Другая ночь приходит. Средний брат тоже не идет ночевать на могилу и говорит: «Иван-дурак! Поди на могилу-то к батюшке, ночуй и за меня». Иван-дурак, не говоря ни слова, собрался и покатыл, пришел на могилу, лег, дожидается полночи. В полночь также могила раскрылась, отец вышел, спрашивает: «Ты, средний сын?» – «Нет, – говорит

Иван-дурак, – я же опять, батюшка!» Старик гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом: «Сивко-бурко, вещей воронко!» Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. «Ну, бурко, как мне служил, так служи и сыну моему. Ступай теперь!» Бурко убежал; старик лег в могилу, а Иван-дурак пошел домой. Братья опять спрашивают: «Каково, Иван-дурак, ночевал?» – «Очень, братья, ладно!» На третью ночь Иванова очередь; он не дожидается наряды, собрался и пошел. Лежит на могиле; в полночь опять старик вышел, уж знает, что тут Иван-дурак, гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом: «Сивко-бурко, вещей воронко!» Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. «Ну, воронко, как мне служил, так и сыну моему служи». Сказал это старик, простился с Иваном-дураком, лег в могилу. Иван-дурак погладил воронка, посмотрел и отпустил, сам пошел домой. Братья опять спрашивают: «Каково, Иван-дурак, ночевал?» – «Очень ладно, братья!»

Живут; двое братьевей робят,[135] а Иван-дурак ничего. Вдруг от царя клич: ежели кто сорвет царевнин портрет с дому чрез сколько-то много бревен, за того ее и взамуж отдаст. Братья собираются посмотреть, кто станет срывать портрет. Иван-дурак сидит на печи за трубой и бает: «Братья! Дайте мне какую лошадь, я поеду посмотрю же». – «Э! – взъелись братья на него. – Сиди, дурак, на печи; чего ты поедешь? Людей, что ли, смешить!» Нет, от Ивана-дурака отступу нету! Братья не могли отбиться: «Ну, ты возьми, дурак, вон трехногую кобыленку!»

Сами уехали. Иван-дурак за ними же поехал в чисто поле, в широко раздолье; слез с кобыленки, взял ее зарезал, кожу снял, повесил на поскотину,[136] а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом: «Сивко-бурко, вещей воронко!» Сивко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко залез – напил-ся-наелся, в друго вылез – оделся, молодец такой стал, что и братьям не узнать! Сел на сивка и поехал срывать портрет. Народу было

тут видимо-невидимо; завидели молодца, все начали смотреть. Иван-дурак с размаху нагнал, конь его скочил и портрет не достал только через три бревна. Видели, откуда приехал, а не видали, куда уехал! Он коня отпустил, сам пришел домой, сел на печь. Вдруг братья приезжают и сказывают женам: «Ну, жены, какой молодец приезжал, так мы такого сроду не видали! Портрет не достал только через три бревна. Видели, откуль приехал; не видали, куда уехал. Еще опять приедет...» Иван-дурак сидит на печи и говорит: «Братья, не я ли тут был?» – «Куда к черту тебе быть! Сиди, дурак, на печи да протирай нос-от».

Время идет. От царя тот же клич. Братья опять стали собираться, а Иван-дурак и говорит: «Братья! Дайте мне каку-нибудь лошадь». Они отвечают: «Сиди, дурак, дома! Другу лошадь ты станешь переводить!» Нет, отбиться не могли, велели опять взять хромую кобылешку. Иван-дурак и ту управил, заколол, кожу развесил на поскотине, а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом: «Сивко-бурко, вещей воронко!» Бурко бежит, только земля

дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в право ухо залез – оделся, выскочил в лево – молодцом сделался, соскочил на коня, поехал; портрет не достал только за два бревна. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал! Бурка отпустил, а сам пошел домой, сел на печь, дожидается братовей. Братья приехали и сказывают: «Бабы! Тот же молодец опять приезжал, да не достал портрет только за два бревна». Иван-дурак и говорит им: «Братья, не я ли тут был?» – «Сиди, дурак! Где у черта был!»

Через немного время от царя опять клич. Братья начали собираться, а Иван-дурак и просит: «Дайте, братья, каку-нибудь лошадь; я съезжу, посмотрю же». – «Сиди, дурак, дома! Докуда лошадей-то у нас станешь переводить?» Нет, отбиться не могли, бились-бились, велели взять худую кобылешку; сами уехали. Иван-дурак и ту управил, зарезал, бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом: «Сивко-бурко, вещий воронко!» Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко за-

лез – напился-наелся, в друго вылез – молодцом оделся, сел на коня и поехал. Как только доехал до царских чертогов, портрет и ширинку так и сорвал. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал! Он так же воронка отпустил, пошел домой, сел на печь, ждет братовой. Братья приехали, сказывают: «Ну, хозяйки! Тот же молодец как нагнал сегодня, так портрет и сорвал». Иван-дурак сидит за трубой и бает: «Братья, не я ли тут был?» – «Сиди, дурак! Где ты у черта был!»

Через немного время царь сделал бал, зовет всех бояр, воевод, князей, думных, сенаторов, купцов, мещан и крестьян. И Ивановы братья поехали; Иван-дурак не отстал, сел где-то на печь за трубу, глядит, рот разинул. Царевна потчует гостей, каждому подносит пива и смотрит, не утрется ли кто ширинкой? – тот ее и жених. Только никто не утерся; а Иван-дурака не видала, обошла. Гости разошлись. На другой день царь сделал другой бал; опять виноватого не нашли, кто сорвал ширинку.[137] На третий день царевна так же стала из своих рук подносить гостям пиво; всех обошла, никто не утерся ширин-

кой. «Что это, — думает она себе, — нет моего суженого!» Взглянула за трубу и увидела там Ивана-дурака; платьишко на нем худое, весь в саже, волосы дыбом. Она налила стакан пива, подносит ему, а братья глядят, да и думают: царевна-то и дураку-то подносит пиво! Иван-дурак выпил, да и утерся шинкой. Царевна обрадовалась, берет его за руку, ведет к отцу и говорит: «Батюшка! Вот мой суженый». Братовой тут ровно ножом по сердцу-то резнуло, думают: «Чего это царевна! Не с ума ли сошла? Дурака ведет в сужены». Разговоры тут коротки: веселым пирком да за свадебку. Наш Иван тут стал не Иван-дурак, а Иван царский зять; оправился, очистился, молодец молодцом стал, не стали люди узнавать! Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу к отцу.

* * *

Мы говорим, что мы умны, а старики спорят: нет, мы умнее вас были; а сказка рассказывает, что когда еще наши деды не учились и пращуров не родились, а в некотором царстве, в некотором государстве жил-был такой старичок, который трех своих сынов научил гра-

моте и всему книжному. «Ну, детки, – говорил он им, – умру я – приходите ко мне на могилу читать». – «Хорошо, хорошо, батюшка!» – отвечали дети.

Старшие два брата какие были молодцы: и рослы, и дородны! А меньшей, Ванюша, – как недоросточек, как защищенный утенок, гораздо поплоче. Старик отец умер. В ту пору от царя пришло известие, что дочь его Елена-царевна Прекрасная приказала выстроить себе храм о двенадцать столбов, о двенадцать венцов, сядет она в этом храме на высоком троне и будет ждать жениха, удалого молодца, который бы на коне-летуне с одного взмаха поцеловал ее в губки. Всполошился весь молодой народ, облизывается, почесывается и раздумывает: кому такая честь выпадет? «Братья, – говорит Ванюша, – отец умер; кто из нас пойдет на могилу читать?» – «А кого охота берет, тот пускай и идет!» – отвечали братья; Ваня пошел. А старшие знай себе коней объезжают, кудри завивают, фабрятся, бодрятся родимые...

Пришла другая ночь. «Братья, я прочитал, – говорил Ваня, – ваша очередь; который

пойдет?» – «А кто охоч, тот и читай, а нам дело делать не мешай». Сами заломили шапки, гикнули, ахнули, полетели, понеслись, загуляли в чистом поле! Ванюша опять читал; на третью ночь то же. А братья выездили коней, расчесали усы, собираются нынче-завтра пытаться свое удалство перед очами Елены Прекрасной. «Братъ ли меньшего? – думают. – Нет, куда с ним! Он и нас осрамит и людей насмешит; поедем одни». Поехали; а Ванюше очень хотелось поглядеть на Елену-царевну Прекрасную; заплакал он, больно заплакал и пошел на могилу к отцу. Услышал его отец в домовине, [138] вышел к нему, стряхнул с чела сыру землю и говорит: «Не тужи, Ваня, я твоему горю пособлю».

Тотчас старик вытянулся, выпрямился, свистнул-гаркнул молодецким голосом, соловейским посвистом; откуда ни взялся – конь бежит, земля дрожит, из ноздрей, из ушей пламя пышет; порхонул и стал перед стариком как вкопанный и спрашивает: «Что велишь?» Влез Ваня коню в одно ушко, вылез в другое и сделался таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать! Сел на ко-

ня, подбоченился и полетел, что твой сокол, прямо к палатам Елены-царевны. Размахнулся, подскочил – двух венцов не достал; завился опять, разлетелся, скакнул – одного венца не достал; еще закружился, еще завертелся, как огонь проскочил мимо глаз, метко нацелил и прямо в губки чмокнул Елену Прекрасную! «Кто? Кто? Лови! Лови!» – его и след простыл! Прискакал на отцову могилу, коня пустил в чистое поле, а сам в землю да поклон, да просит совета родительского; старик и посоветовал. Домой пришел Иван, как нигде не бывал; братья рассказывают: где были, что видели; а он как впервой слышит.

На другой день опять сбор; и бояр и дворян у княжих палат глазом не окинешь! Поехали старшие братья; пошел и меньшей брат пешечком, скромно, смиренно, словно не он целовал царевну, и сел в дальний уголок. Елена-царевна спрашивает жениха, Елена-царевна хочет его всему свету показать, хочет ему полцарства отдать, а жених не является! Его ищут между боярами, меж генералами, всех перебрали – нету! А Ваня глядит, ухмыляется, улыбается и ждет, что сама невеста к нему

придет. «То, – говорит, – я полюбился ей молодцом, теперь она полюби меня в кафтане простом». Встала сама, повела ясным оком, осветила всех, увидела и узнала своего жениха, посадила его с собой и скоро с ним обвенчалась; а он-то, боже мой, какой стал умный да смелый, а какой красавец!.. Сядет, бывало, на коня-летуна, сдвинет шапочку, подбоchenится – король, настоящий король! Вглядишься – и не подумаешь, что был когда-то Ванюша.

СВИНКА ЗОЛОТАЯ ЩЕТИНКА, УТКА ЗОЛОТЫЕ ПЕРЫШКИ, ЗОЛОТОРОГИЙ ОЛЕНЬ И ЗОЛОТОГРИВЫЙ КОНЬ

Жил старик со старухой; у них было три сына: двое умных, третий дурак. Старик со старухой померли. Перед смертью отец говорил: «Дети мои любезные! Ходите три ночи на мою могилу сидеть». Они кинули между собой жребий; досталось дураку идти. Дурак пошел на могилу сидеть; в полночь выходит отец его и спрашивает: «Кто сидит?» – «Я, ба-

тютюшка, – дурак». – «Сиди, мое дитятко, господь с тобою!» На другую ночь приходится большому брату идти на могилу; большой брат просит дурака: «Поди, дурак, посиди за меня ночку; что хочешь возьми». – «Да, поди! Там мертвецы прыгают...» – «Поди; красные сапоги тебе куплю». Дурак не мог отговориться, пошел другую ночку сидеть. Сидит на могилке, вдруг земля раскрывается, выходит его отец и спрашивает: «Кто сидит?» – «Я батюшка, – дурак». – «Сиди, мое дитятко, господь с тобою!»

На третью ночь надо среднему брату идти, то он просит дурака: «Сделай милость, поди посиди за меня; что хочешь возьми!» – «Да, поди! Первая ночь страшна была, а другая еще страшнее: мертвецы кричат, дерутся, а меня лихорадка трясет!» – «Поди; красную шапку тебе куплю». Нечего делать, пошел дурак и на третью ночь. Сидит на могилке, вдруг земля раскрывается, выходит его батюшка и спрашивает: «Кто сидит?» – «Я – дурак». – «Сиди, мое дитятко, господь с тобою! Вот тебе от меня великое благословение». И дает ему три конских волоса. Дурак вышел в

заповедные луга, прижег-припалил три волоса и крикнул зычным голосом: «Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой». Бежит сивка-бурка, вещая каурка, изо рта полыхает пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез – напился-наелся; в правое влез – в цветно платье нарядился и сделался такой молодец – ни вздумать, ни взгадать, Ни пером написать.

Поутру царь клич кличет: «Кто в третьем этаже мою дочь Милолику-царевну с разлету на коне поцелует, за того отдам ее замуж». Старшие братья собираются смотреть, зовут с собой дурака: «Пойдем, дурак, с нами!» – «Нет, не хочу; я пойду в поле, возьму кузов да набью галок – и то собакам корм!» Вышел в чистое поле, припалил три конские волоса и закричал: «Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой». Бежит сивка-бурка, вещая каурка, изо рта полыхает пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез –

напился-наелся; в правое влез – в цветно платье нарядился: сделался такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул и понесся; его конь бежит, земля дрожит; горы, доли хвостом застилает, пни, колоды промеж ног пускает. Через один этаж перескакал, через два – нет, и уехал назад.

Братья приходят домой, дурак на полатях лежит; говорят ему: «Ах, дурак! Что ты не пошел с нами? Какой там молодец приезжал – ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать!» – «Не я ли, дурак?» – «Да где тебе такого коня достать! Утри прежде под носом-то!» На другое утро старшие братья собираются к царю смотреть, зовут с собой дурака: «Пойдем, дурак, с нами; вчера приезжал хорош молодец, нынче еще лучше приедет!» – «Нет, не хочу; я пойду в поле, возьму кузов, набью галок и принесу – и то собакам корм!» Вышел в чистое поле, припалил конские волосы: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Сивка-бурка бежит, изо рту полымя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед

травой. Дурак в левое ушко влез – напил-ся-наелся; в правое влез – в цветно платье нарядился, сделался такой молодец – ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул, через два этажа перескакал, через третий – нет; воротился назад, пустил своего коня в зеленые заповедные луга, а сам пришел домой, лег на печи.

Братья приходят: «Ах, дурак, что ты не пошел с нами? Вчера приезжал хорош молодец, а нынче еще лучше; и где эта красота родилась?» – «Да не я ли, дурак, был?» – «Эх, дурак дурацкое и говорит! Где тебе этакой красоты достать, где тебе такого коня взять? Знай на печи лежи...» – «Ну, не я, так авось завтра узнаете». На третье утро собираются умные братья к царю смотреть: «Пойдем, дурак, с нами; нынче он ее поцелует». – «Нет, не хочу; я в поле пойду, кузов возьму, набью галок, домой принесу – и то собакам корм!» Вышел в чистое поле, припалил конские волосы и закричал громким голосом: «Сивка-бурка, вещь каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Сивка-бурка бежит, изо рту полымя

пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез – напился-наелся; в правое ушко влез – в цветно платье нарядился и сделался такой молодец – ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул, через все три этажа перескакал, царскую дочь в уста поцеловал, а она его золотым перстнем ударила в лоб.

Воротился дурак назад, пустил своего доброго коня в заповедные луга, а сам пришел домой, завязал голову платком, лег на полати. Братья приходят: «Ах, дурак! Те два раза молодцы приезжали, а нынче еще лучше; и где такая красота родилась?» – «Да не я ли, дурак, был?» – «Ну, дурак, дурацкое и орет! Где тебе такой красоты достать?» Дурак развязал платок, всю избу осветил. Спрашивают его братья: «Где ты такой красоты достал?» – «Где бы ни было, да достал! А вы всё не верили; вот вам и дурак!»

На другой день царь делает пир на весь православный мир, приказал сзывать во дворец и бояр, и князей, и простых людей, и богатых и нищих, и старых и малых: царевна-де

станет выбирать своего нареченного жениха. Умные братья собираются к царю на обед; дурак завязал голову тряпицею и говорит им: «Теперь хоть не зовите меня, я и сам пойду». Пришел дурак в царские чертоги и забился за печку. Вот царица обносит всех вином, жениха выбирает, а царь за ней следом ходит. Всех обнесла, глянула за печку и увидела дурака; у него голова тряпичей завязана, по лицу слюни да сопли текут. Вывела его Милолика-царица, утерла платком, поцеловала и говорит: «Государь батюшка! Вот мой суженый». Видит царь, что жених нашелся; хоть дурак, а делать нечего – царское слово закон! И сейчас же приказал обвенчать их. У царя известное дело – ни пиво варить, ни вино курить; живо свадьбу справили.

У того царя было два зятя, дурак стал третий. Один раз призывает он своих умных зятьев и говорит таково слово: «Зятя мои умные, зятя разумные! Сослужите мне службу, какую я вам велю: есть в степи уточка золотые перышки; нельзя ли ее достать мне?» Велел оседлать им добрых коней и ехать за уточкою. Дурак услышал и стал просить: «А

мне, батюшка, дай хоть водовозницу». Дал ему царь шелудивую лошаденку; он сел на нее верхом, к лошадиной голове задом, к лошадиному заду передом, взял хвост в зубы, погоняет ладонями по бедрам: «Но, но, собачье мясо!» Выехал в чистое поле, ухватил клячу за хвост, содрал с нее шкуру и закричал: «Эй, слетайтесь, галки, карги[139] и сороки! Вот вам батюшка корму прислал». Налетели галки, карги и сороки и съели все мясо, а дурак зовет сивку-бурку: «Стань передо мной, как лист перед травой».

Сивка-бурка бежит, изо рта полымя пышет, из ушей дым столбом валит; дурак влез в левое ушко – напился-наелся; в правое влез – в цветно платье нарядился и стал молодец. Добыл утку золотые перышки, раскинул шатер, сам в шатре сидит; а возле уточка ходит. Наехали на него умные зятья, спрашивают: «Кто, кто в шатре? Коли стар старичок – будь нам дедушка, коли средних лет – будь нам дядюшка». Отвечает дурак: «В вашу пору – братец вам». – «А что, братец, продаешь уточку золотые перышки?» – «Нет, она не продажная, а заветная». – «А сколько завету?» – «С

правой руки по мизинцу». Отрезали по мизинцу с правой руки и отдали дураку; он в карман положил. Приехали зятя домой, полегли спать; царь с царицею ходят да слушают, что зятя говорят. Один говорит жене: «Тише, руку мне развередила». Другой говорит: «Ох, больно! Рука болит».

Поутру царь призывает к себе умных зятьев: «Зятя мои умные, зятя разумные! Сослужите мне службу, какую велю: ходит в степи свинка золотая щетинка с двенадцатью поросятами; достаньте мне ее». Приказал оседлать им добрых коней, а дураку опять дал шелудивую водовозницу. Дурак выехал в чистое поле, ухватил клячу за хвост, содрал шкуру: «Эй, слетайтесь, галки, карги и сороки! Вам царь корму прислал». Слетелись галки, карги и сороки и расклевали все мясо. Дурак вызвал сивку-бурку, вещь каурку, добыл свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами и раскинул шатер; сам в шатре сидит, свинка около ходит. Наехали умные зятя: «Кто, кто в шатре? Коли стар старичок – будь нам дедушка, коли средних лет – будь нам дядюшка». – «В вашу пору – братец

вам». – «Это твоя свинка золотая щетинка?» – «Моя». – «Продай нам ее; что возьмешь?» – «Не продажная, а заветная». – «Сколько завету?» – «С ноги и по пальцу». Отрезали с ноги по пальцу, отдали дураку и взяли свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами.

Наутро призывает царь своих умных зятьев, приказывает им: «Зятья мои умные, зятья разумные! Сослужите мне службу, какую велю: ходит в степи кобыла золотогривая с двенадцатью жеребятами; нельзя ли достать ее?» – «Можно, батюшка!» Приказал царь оседлать им добрых коней, а дураку опять дал шелудивую водовозницу. Сел он к лошадиной голове задом, к лошадиному заду передом, взял в зубы хвост, ладонями погоняет; умные зятья над ним смеются. Выехал дурак в чистое поле, ухватил клячу за хвост, содрал шкуру: «Эй, слетайтесь, галки, карги и сороки! Вот вам батюшка корму прислал». Слетелись галки, карги и сороки и поклевали все мясо. Тут закричал дурак громким голосом: «Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой».

Сивка-бурка бежит, изо рту полымя пышет, из ушей дым столбом валит. Дурак в левое ушко влез – напился-наелся; в правое влез – в цветно платье нарядился и стал молодец. «Надо, – говорит, – добыть кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами». Отвечает ему сивка-бурка, вещая каурка: «Прежние задачи были ребячьи, а это дело трудное! Возьми с собой три прута медных, три прута железных и три оловянных; станет за мною кобылица по горам, по долам гоняться, приустанет и упадет наземь; в то время не плошай, садись на нее и бей промеж ушей всеми девятью прутьями, пока на мелкие части изломаются: разве тогда покоришь ты кобылицу златогривую». Сказано – сделано; добыл дурак кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами и раскинул шатер; сам в шатре сидит, кобылица к столбу привязана. Наехали умные зятья, спрашивают: «Кто, кто в шатре? Коли стар старичок – будь нам дедушка, коли средних лет – будь нам дядюшка». – «В вашу пору молодец – братец вам». – «Что, братец, твоя кобыла к столбу привязана?» – «Моя». – «Продай нам». – «Не продажная, а заветная». –

«А сколько завету?» – «Из спины по ремню». Вот умные зятя жались-жались и согласились; дурак вырезал у них по ремню из спины и положил в карман, а им отдал кобылицу с двенадцатью жеребятами.

На другой день собирает царь пир пировать; все сошлись. Дурак вынул из кармана отрезанные пальцы и ремни и говорит: «Вот это – уточка золотые перышки, вот это свинка золотая щетинка, а вот это – кобылица золотогривая с двенадцатью жеребятами!» – «Что ты бредишь, дурак?» – спрашивает его царь, а он в ответ: «Государь батюшка, прикажи-ка умным зятям перчатки с рук снять». Сняли они перчатки: на правых руках мизинцев нет. «Это я с них по пальцу взял за уточку золотые перышки», – говорит дурак; приложил отрезанные пальцы на старые места – они вдруг приросли и зажили. «Сними, батюшка, с умных зятёв сапоги». Сняли с них сапоги – и на ногах не хватает по пальцу. «Это я с них взял за свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами». Приложил к ногам отрезанные пальцы – вмиг приросли и зажили. «Батюшка, сними с них сорочки». Сняли сорочки,

у обоих зятьев из спины по ремню вырезано. «Это я с них взял за кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами». Приложил те ремни на старые места – они приросли к спинам и зажили. «Теперь, – говорит дурак, – прикажи, батюшка, коляску заложить».

Заложили коляску, сели и поехали в чистое поле. Дурак прижег-припалил три конские волоса и крикнул громким голосом: «Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из орту полымя пышет, из ушей дым столбом валит, прибежал и стал как вкопанный. Дурак в левое ушко влез – напился-наелся; в правое влез – в цветно платье нарядился и сделался такой молодец – ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать! С того времени жил он с своей женою по-царски, ездил в коляске, пиры задавал; на тех пирах и я бывал, мед-вино пивал; сколько ни пил – только усы обмочил!

ВОЛШЕБНЫЙ КОНЬ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик со старухой, и за всю их бытность не было у них детей. Вздумалось им, что вот-де лета их древние, скоро помирать надо, а наследника господь не дал, и стали они богу молиться, чтобы сотворил им детище на помин души. Положил старик завет: коли родит старуха детище, в ту пору кто ни попадется первый навстречу, того и возму кумом. Через сколько-то времени забрюхатела старуха и родила сына. Старик обрадовался, собрался и пошел искать кума; только за ворота, а навстречу ему катит коляска, четверней запряжена; в коляске государь сидит.

Старик не знал государя, принял его за боярина, остановился и давай кланяться. «Что тебе, старичок, надобно?» – спрашивает государь. «Да прошу твою милость, не во гнев будь сказано: окрести моего новорожденного сынка». – «Аль у тебя нет никого на деревне знакомых?» – «Есть у меня много знакомых, много приятелей, да брать в кумовья не годится, потому что такой завет положен: кто

первый встретится, того и просить». – «Хорошо, – говорит государь, – вот тебе сто рублей на крестины; завтра я сам буду». На другой день приехал он к старику; тотчас позвали попа, окрестили младенца и нарекли ему имя Иван. Начал этот Иван расти не по годам, а по часам – как пшеничное тесто на опаре подымается; и приходит ему каждый месяц по почте по сту рублей царского жалованья.

Прошло десять лет, вырос он большой и почуял в себе силу непомерную. В то самое время вздумал про него государь, есть-де у меня крестник, а каков он – не ведаю; пожелал его лично видеть и тотчас послал приказ, чтобы Иван крестьянский сын, не медля нимало, предстал пред его очи светлые. Стал старик собирать его в дорогу, вынул деньги и говорит: «На-ка тебе сто рублей, ступай в город на конную, купи себе лошадь; а то путь дальний – пешком не уйдешь». Иван пошел в город, и попадаетеся ему на дороге стар человек. «Здравствуй, Иван крестьянский сын! Куда путь держишь?» Отвечает добрый молодец: «Иду, дедушка, в город, хочу купить себе лошадь». – «Ну так слушай меня, коли хочешь

счастлив быть. Как придешь на конную, будет там один мужичок лошадь продавать крепко худую, паршивую; ты ее и выбери, и сколько б ни запросил с тебя хозяин – давай, не торгуйся! А как купишь, приведи ее домой и паси в зеленых лугах двенадцать вечеров и двенадцать утров по росам – тогда ты ее узнаешь!»

Иван поблагодарил старика за науку и пошел в город; приходит на конную, глядь – стоит мужичок и держит за узду худую, паршивую лошадаенку. «Продаешь коня?» – «Продаю». – «А что просишь?» – «Да без торгу сто рублей». Иван крестьянский сын вынул сто рублей, отдал мужику, взял лошадь и повел ко двору. Приводит домой, отец глянул и рукой махнул: «Пропавшие деньги!» – «Подожди, батюшка! Авось на мое счастье лошадака поправится». Стал Иван водить свою лошадь каждое утро и каждый вечер в зеленые луга на пастбище, и вот как прошло двенадцать зорь утренних да двенадцать зорь вечерних – сделалась его лошадь такая сильная, крепкая да красивая, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать, и такая разумная – что

только Иван на уме помыслит, а она уж веда-ет. Тогда Иван крестьянский сын справил себе сбрую богатырскую, оседлал своего доброго коня, простился с отцом, с матерью и поехал в столичный город к царю-государю.

Ехал он близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, очутился у государева дворца, соскочил наземь, привязал богатырского коня за кольцо к дубовому столбу и велел доложить царю про свой приезд. Царь приказал его не задерживать, пропустить в палаты без всякой задирки.[140] Иван вошел в царские покои, помолился на святые иконы, поклонился царю и вымолвил: «Здравия желаю, ваше величество!» – «Здравствуй, крестник!» – отвечал государь, посадил его за стол, начал угощать всякими напитками и закусками, а сам на него смотрит-дивуется: славный молодец – и лицом красив, и умом смышлен, и ростом взял; никто не подумает, что ему десять лет, всякий двадцать даст, да еще с хвостиком! «По всему видно, – думает царь, – что в этом крестнике дал мне господь не простого воина, а сильномогучего богатыря». И пожаловал его царь офицерским чином и велел при себе

служить.

Иван крестьянский сын взялся за службу со всею охотою, ни от какого труда не отказывается, за правду грудью стоит; полюбил его за то государь пуще всех своих генералов и министров и никому из них не стал доверять так много, как своему крестнику. Озлобились на Ивана генералы и министры и стали совет держать, как бы оговорить его перед самим государем. Вот как-то созвал царь к себе знатных и близких людей на обед; как уселись все за стол, он и говорит: «Слушайте, господа генералы и министры! Как вы думаете о моем крестнике?» – «Да что сказать, ваше величество! Мы от него не видали ни худого, ни хорошего; одно дурно – больно хвастлив уродился. Уж не раз от него слыхивали, что в таком-то королевстве, за тридевять земель, выстроен большой мраморный дворец, а кругом превысокая ограда поставлена – не пробраться туда ни пешему, ни конному! В том дворце живет Настасья прекрасная королева. Никому ее не добыть, а он, Иван, похваляется ее достать, за себя замуж взять».

Царь выслушал этот оговор, приказал по-

звать своего крестника и стал ему сказывать: «Что ж ты генералам да министрам похваляешься, что можешь достать Настасью-королевну, а мне про то ничего не докладываешь?» – «Помилуйте, ваше величество! – отвечает Иван крестьянский сын. – Мне того и во сне не снилось». – «Теперь поздно отпираться; у меня коли похвалился, так и дело сделай; а не сделаешь – то мой меч, твоя голова с плеч!» Запечалился Иван крестьянский сын, повесил свою головушку ниже могучих плеч и пошел к своему доброму коню. Возговорит ему конь человеческим голосом: «Что, хозяин, кручинишься, а мне правды не сказываешь?» – «Ах, мой добрый конь! Отчего мне веселому быть? Оговорило меня начальство перед самым государем, будто я могу добыть и взять за себя замуж Настасью прекрасную королевну. Царь и велел мне это дело исполнить, а не то хочет рубить голову». – «Не тужи, хозяин! Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее. Мы это дело обделаем; только попроси у царя побольше денег, чтобы не скучать нам дорогою, было бы вдоволь и поесть и попить, что захочется». Иван перено-

чевал ночь, встал поутру, явился к государю и стал просить на поход золотой казны. Царь приказал выдать ему, сколько надобно. Вот добрый молодец взял казну, надел на своего коня сбрую богатырскую, сел верхом и поехал в путь-дорогу.

Близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, заехал он за тридевять земель, в тридесятое королевство, и остановился у мраморного дворца; кругом дворца стены высокие, ни ворот, ни дверей не видно; как за ограду попасть? Говорит Ивану его добрый конь: «Подождем до вечера! Как только стемнеет – оборочусь я сизокрылым орлом и перенесусь с тобой через стену. В то время прекрасная королева будет спать на своей мягкой постели; ты войди к ней прямо в спальню, возьми ее потихоньку на руки и неси смело». Вот хорошо, дождались они вечера; как только стемнело, ударился конь о сырую землю, оборотился сизокрылым орлом и говорит: «Время нам свое дело делать; смотри не давай маху!» Иван крестьянский сын сел на орла; орел поднялся в поднебесье, перелетел через стену и поставил Ивана на широком дворе.

Пошел добрый молодец в палаты, смотрит – везде тихо, вся прислуга спит глубоким сном; он в спальню – на кровати лежит Настасья прекрасная королевна, разметала во сне покровы богатые, одеяла соболии. Засмотрелся добрый молодец на ее красоту неопи-санную, на ее тело белое, отуманила его любовь горячая, не выдержал и поцеловал коро-левну в уста сахарные. От того пробудилась красная девица и с испугу закричала гром-ким голосом; на ее голос поднялись, прибежа-ли слуги верные, поймали Ивана крестьян-ского сына и связали ему руки и ноги накреп-ко. Королевна приказала его в темницу поса-дить и давать ему в день по стакану воды да по фунту черного хлеба.

Сидит Иван в крепкой темнице и думает думу невеселую: «Верно, здесь мне положить свою буйную голову!» А его добрый богатыр-ский конь ударился оземь и сделался малою птичкою, влетел к нему в разбитое окошечко и говорит: «Ну, хозяин, слушайся: завтра я вы-ломлю двери и тебя ослобоню; ты спрячься в саду за таким-то кустом; там будет гулять На-стасья прекрасная королевна, а я обернусь

бедным стариком и стану просить у ней милостыни; смотри ж, не зевай, не то худо будет». Иван повеселел, птичка улетела. На другой день бросился богатырский конь к темнице и выбил дверь копытами; Иван крестьянский сын выбежал в сад и стал за зеленым кустиком. Вышла погулять по саду прекрасная королевна, только поравнялась супротив кустика – как подошел к ней бедный старичок, кланяется и просит со слезами святой милостыни. Пока красная девица вынимала кошелек с деньгами, выскочил Иван крестьянский сын, ухватил ее в охапку, зажал ей рот так крепко, что нельзя и малого голосу подать. В тот же миг обернулся старик сизокрылым орлом, взвился с королевой и добрым молодецм высоко-высоко, перелетел через ограду, опустился на землю и сделался по-прежнему богатырским конем. Иван крестьянский сын сел на коня и Настасью-королеву с собой посадил; говорит ей: «Что, прекрасная королевна, теперь не запрешь меня в темницу?» Отвечает прекрасная королевна: «Видно, мне судьба быть твоею, делай со мной, что сам знаешь!»

Вот едут они путем-дорогою; близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, приезжают на большой зеленый луг. На том лугу стоят два великана, друг дружку кулаками потчуют; избились-исколотились до крови, а ни один другого осилить не может; возле них лежат на траве помело да клюка. «Послушайте, братцы! – спрашивает их Иван крестьянский сын. – За что вы деретесь?» Великаны перестали драться и говорят ему: «Мы оба – родные братья; помер у нас отец, и осталось после него всего-навсего имения – вот это помело да клюка; стали мы делиться, да и поссорились: каждому, вишь, хочется все себе забрать! Ну, мы и решились драться не на живот, на смерть, кто в живых останется – тот обе вещи получит». – «А давно вы спорите?» – «Да вот уж три года, как друг дружку колотим, а толку все не добьемся!» – «Эх вы! Есть из-за чего смертным боем драться. Велика ли корысть – помело да клюка?» – «Не говори, брат, чего не ведаешь! С этим помелом да с клюкою хоть какую силу победить можно. Сколько б неприятель войска ни выставил, смело выезжай навстречу: где махнешь поме-

лом – там будет улица, а перемахнешь – так и с переулочком. А клюка тоже надобна: сколько б ни захватил ею войска – все в плен забереешь!» – «Да, вещи хорошие! – думает Иван. – Пожалуй, пригодились бы и мне. Ну, братцы, – говорит, – хотите, я разделю вас поровну?» – «Раздели, добрый человек!» Иван крестьянский сын слез с своего богатырского коня, набрал горсть мелкого песку, завел великанов в лес и рассеял тот песок на все на четыре стороны. «Вот, – говорит, – собирайте песок; у кого больше будет, тому и клюка и помело достанутся». Великаны бросились собирать песок, а Иван тем временем схватил и клюку и помело, сел на коня – и поминай как звали!

Долго ли, коротко ли, подъезжает он к своему государству и видит, что его крестного отца постигла беда немалая: все царство повоено, около стольного города стоит рать-сила несметная, грозит все огнем пожечь, самого царя злой смерти предать. Иван крестьянский сын оставил королеву в ближнем лесочке, а сам полетел на войско вражее; где помелом махнет – там улица, где перемахнет –

там с переулочком! В короткое время перебил целые сотни, целые тысячи; а что от смерти уцелело, то зацепил клюкою и живьем приволок в стольный город. Царь встретил его с радостью, приказал в барабаны бить, в трубы трубить и пожаловал генеральским чином и несметной казною. Тут Иван крестьянский сын вспомнил про Настасью прекрасную королевну, отпросился на время и привез ее прямо во дворец. Похвалил его царь за удаль богатырскую, велел ему дом готовить да свадьбу справлять. Женился Иван крестьянский сын на прекрасной королевне, отпировал свадьбу богатую и стал себе жить, не тужить. Вот вам сказка, а мне бубликов связка.

КОНЬ, СКАТЕРТЬ И РОЖОК

Жила-была старуха, у ней был сын дурак. Вот однажды нашел дурак три гороховых зерна, пошел за село и посеял их там. Когда горох взошел, стал он его караулить; приходит раз на горох и увидал, что сидит на нем журавль и клюет. Дурак подкрался и поймал журавля. «О! – говорит. – Я тебя убью!» А журавль говорит ему: «Нет, не бей меня, я тебе гостинчик дам». – «Давай!» – сказал дурак, и журавль дал ему коня, говоря: «Если тебе захочется денег, скажи этому коню: стой! а как наберешь денег, скажи: но!» Вот дурак взял коня, стал садиться на него и сказал: стой! Конь и рассыпался в серебро. Дурак захохотал; потом сказал: но! – и серебро обратилось в коня. Распростился дурак с журавлем и повел коня домой, взвел на двор и прямо привел его к матери в избу, привел и дает ей строгий приказ: «Матушка! Не говори: стой! говори: но!» А сам тут же ушел на горох. Мать была долго в раздумье: «Для чего говорил он мне такие слова? Дай скажу: стой!» – и сказала. Вот конь и рассыпался в серебро. У стару-

хи глаза разгорелись; поспешно начала она собирать деньги в свою коробью, и как удво-вольствовалась – сказала: но!

Меж тем дурак опять застал на своем горохе журавля, поймал его и грозил ему смертью. Но журавль сказал: «Не бей меня; я тебе гостинку дам», – и дал ему скатерть: «Вот как захочешь ты есть, скажи: развернись! а как поешь, скажи: свернись!» Дурак тут же сделал опыт, сказал: развернись! Скатерть развернулась. Он наелся-напился и говорит: свернись! Скатерть свернулась. Он взял ее и понес домой: «Вот смотри, матушка, не говори этой скатерти: развернись! а говори: свернись!» А сам дурак опять пошел на горох. Мать и со скатертью сделала то же, что с конем; сказала: развернись! и начала гулять, есть и пить все, что было на скатерти; потом сказала: свернись! Скатерть и свернулась.

Дурак опять поймал на горохе журавля, который дал ему в гостинец рожок и, поднимаясь от него кверху, сказал: «Дурак! Скажи: из рожка!» Дурак на свою беду и сказал это самое слово, вдруг из рожка выскочили два молодца с дубинами и начали утюжить дурака,

и до того утюжили, что он, бедный, с ног свалился. Журавль сверху закричал: в рожок! – и молодцы спрятались. Вот дурак пришел к матери и говорит: «Матушка! Не говори: из рожка! а говори: в рожок!» Мать, как вышел дурак к соседям, заперла дверь на крючок и сказала: из рожка! Сейчас выскочили два молодца с дубинами и начали утюжить старуху; она кричит во все горло. Дурак услышал крик, бежит со всех ног, прибег, хватъ – дверь на крючке; он и закричал: в рожок, в рожок! Старуха, опомнившись от побоев, отперла дураку дверь. Дурак взошел и сказал: «То-то, матушка! Я тебе сказывал – не говори так-то».

Вот дурак задумал задать пир и созывает господ и бояр. Только они собрались и поселись, дурак и приводит в избу коня и говорит: «Стой, добрый конь!» Конь рассыпался в серебро. Гости удивились и почали грабить себе деньги да прятать по карманам. Дурак сказал: но! – и конь опять явился, только без хвоста. Видит дурак, что время гостей потчевать, вынул скатерть и сказал: развернись! Вдруг развернулась скатерть, и на ней всяких закусок и напитков наставлено великое множество.

Гости начали пить, гулять и веселиться. Как все удовольствовались, дурак сказал: свернись! – и скатерть свернулась. Гости стали зевать и с насмешкой говорить: «Покажи нам, дурак, еще что-нибудь!» – «Изволь, – сказал дурак, – для вас можно!» – и приносит рожок. Гости прямо и закричали: из рожка! Откуда ни взялись два молодца с дубинками, начали колотить их изо всей мочи и до того били, что гости принуждены были отдать украденные деньги, а сами разбежались. А дурак с матерью, конем, скатертью и рожком стал жить да поживать да больше добра наживать.

ДВОЕ ИЗ СУМЫ

Жил старик со старухой. Вот старуха на старика всегда бранится, что ни день – то помелом, то рогачом отвалает его; старику от старухи житья вовсе нет. И пошел он в поле, взял с собою тенеты и постановил их. И поймал он журавля и говорит ему: «Будь мне сыном! Я тебя отнесу своей старухе, авось она не будет теперь на меня ворчать». Журавль ему отвечает: «Батюшка! Пойдем со мною в дом». Вот он и пошел к нему в дом. Пришли; журавль взял со стены сумку и говорит: «двое из сумы!» Вот сейчас вылезли из сумы два молодца, стали становить столы дубовые, стлать скатерти шелковые, подавать ествы и питья разные. Старик видит такую сладость, что сроду никогда не видывал, и обрадовался очень. Журавль и говорит ему: «Возьми эту суму себе и неси своей старухе». Вот он взял и пошел; шел путем дальним и зашел к куме ночевать; у кумы было три дочери. Собрали ему поужинать чем бог послал. Он ест – не ест и говорит куме: «Плоха твоя еда!» – «Какая есть, батюшка!» – отвечала кума. Вот он и го-

ворит: «Собери свою еду-то»; а которая была у него сума, той говорит, как приказывал ему журавль: двое из сумы! В ту же минуту двое из сумы вылезли, зачали становить столы дубовые, стлать скатерти шелковые, подавать ествы и питья разные.

Кума с дочерьми своими удивилась, задумала унести у старика эту суму и говорит дочерям: «Подите истопите баньку; может, куманек попарится в баньке-то». Вот только он вышел в баню-то, а кума сейчас приказала своим дочерям сшить точно такую же суму, какая у старика; они сшили и положили свою суму старику, а его суму себе взяли. Старик вышел из бани, взял обмененную суму и весело пошел в дом свой к старухе; приходит ко двору и кричит громким голосом: «Старуха, старуха! Встречай меня с журавлем-сыном». Старуха глядит на него быстро и ворчит промеж себя: «Подика ты, старый кобель! Я тебя отваляю рогачом[141]». А старик свои слова говорит: «Старуха! Встречай меня с журавлем-сыном». Вошел в избу старик, повесил суму на крючок и кричит: двое из сумы! Из сумы нет никого. Вот он в другой раз: двое из су-

мы! Из сумы опять нет никого. Старуха видит, что он говорит бознать[142] что, ухватила по-мелу мокро и ну старика гвоздить.[143]

Старик испугался, заплакал и пошел опять в поле. Отколь ни взялся прежний журавль, видит его несчастье и говорит: «Пойдем, ба-тюшка, опять ко мне в дом». Вот он и пошел. У журавля опять сума висит такая же. Двое из сумы! – сказал журавль. Двое из сумы вылезли и поставили такой же обед, как и прежние. «Возьми себе эту суму», – говорит журавль старику. Вот он взял суму и пошел; шел-шел по дороге, и захотелось ему поесть, и говорит он, как приказывал журавль: двое из сумы! Двое из сумы вылезли – такие молодцы с большими колдашами[144] – и начали его бить, приговаривая: «Не заходи к куме, не парься в бане!» – и до тех пор били старика, пока он не выговорил кое-как: двое в суму! Как только изговорил эти слова, двое в суму и спрятались.

Вот старик взял суму и пошел; пришел к той же куме, повесил суму на крючок и говорит куме: «Истопи мне баньку». Она истопила. Старик пошел в баню: парится – не парит-

ся, только время проводит. Кума созвала своих дочерей, усадила за стол – захотелось ей поесть – и говорит: двое из сумы! Двое из сумы вылезли с большими колдашами и ну куму бить, приговаривая: «Отдай старикову суму!» Били-били... вот она и говорит большой дочери: «Поди, кликни кума из бани; скажи, что двое совсем меня прибили» – «Я ща[145] не испарился[146]», – отвечает старик. А они всё больше ее бьют, приговаривая: «Отдай старикову суму!» Вот кума послала другую дочь: «Скорее вели куманьку идти в избу». Он отвечает: «Я ща голову не мыл». Она и третью посылает. «Я ща не купался», – говорит старик. Терпенья нет куме! Велела принесть украденную суму. Вот старик вышел из бани, увидел свою прежнюю суму и говорит: двое в суму! Двое в суму с колдашами и ушли.

Вот старик взял обе сумы – и сердиту и хорошу – и пошел домой. Подходит ко двору и кричит старухе: «Встречай меня с журавлем-сыном». Она на него быстро глядит: «Поди-ка ты домой-то, я тебя отвалю!» Взошел в избу старик, зовет старуху: «Садись за стол» – и говорит: двое из сумы! Двое из сумы вылез-

ли, настановили и пить и есть. Старуха наелась-напилась и похвалила старика: «Ну, старик, я теперь бить тебя не стану». Старик, наевшись, вышел на двор, хорошую суму вынес в клеть, а сердитую повесил на крючок; а сам по двору ходит – не ходит, только время проводит. Захотелось старухе еще выпить, и говорит она стариковы слова: двое из сумы! Вот вылезли двое из сумы с большими колдашами и начали бить старуху; до тех пор били, что у ней мочи не стало! Кличет старика: «Старик, старик! Поди в избу; меня двое прибили!» А он ходит – не ходит, только посмеивается да поговаривает: «Они тебе зададут!» Двое еще больше бьют старуху и приговаривают: «Не бей старика! Не бей старика!» Наконец старик сжалился над старухою, вошел в избу и сказал: двое в суму! Двое в суму и спрятались. С тех пор старик со старухою стали жить так хорошо, так дружно, что старик везде ею похваляется, тем и сказка кончается.

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

В таких местах, в таких больших деревнях, жил мужичок не скудно, не богато; у него был сынок, и оставляет он сынку триста рублей денег: «Вот тебе, сынок! Благословляю тремястами рублями до твоего выросту». Вырос этот сынок, взошел в полный разум и говорит своей матушке: «Помню я – покойный батюшка благословлял меня тремястами рублями; то дай мне хоть сотенку». Она ему дала сто рублей, он и пошел во путь во дороженьку, и попадается ему мужичок – ведет вислоухую собаку. Он и говорит: «Продай мне, мужичок, эту собаку». Мужик говорит: «Ну-ка дай сто рублей». Вот он дал за нее сто рублей, привел ее домой, поит и кормит. После того просит у матери еще сто рублей. Мать ему еще сто рублей дала; он пошел во путь во дороженьку, опять ему попадается мужик – ведет котка золотой хвостик. Он и говорит: «Продай мне, мужичок, этого котка». Мужик говорит: «Купи!» – «А что тебе за него?» Мужичок говорит: «Хочешь, так сто рублей». И отдал ему котка за сто рублей; он взял его,

свел домой, поит и кормит. Ну, вот просит он у матери еще сто рублей. Мать ему говорит:

«Милое ты мое дитяtko! Куда ты деньги изводишь? Напрасные эти покупки». – «Э, мать моя родимая! Не тужи об деньгах, они нам когда-нибудь возвратятся». Она ему и третью сотню дала; он опять пошел во путь во дороженьку.

Ну, хорошо; в этаких местах, в этаких городах, умерла царевна, а у ней на руке было золотое колечко; ему, доброму молодцу, очень хочется снять с руки это колечко. Вот он закупает караулов допустить его до царевны; подошел к ней, снял с руки колечко и пошел к своей матери; никто его не сдержал.

Живет долго ли, коротко ли – вышел на крылечко и перекинул это колечко с руки на руку, выскочило из колечка триста молодцев и сто семьдесят богатырев и спрашивают у него: «Что заставишь нас работать?» – «Вот что заставляю: первое – сшибите мою старую избу и поставьте на этом же месте каменный дом, и чтобы матушка моя про то не знала». Они сработали в одну ночь; мать его встает и удивляется: «Чей это дом такой?» Сын ей го-

ворит: «Матушка моя родимая! Не удивляйся, а молись богу; дом этот наш». Вот живут они долго ли, коротко ли в этом доме – вышли ему совершенные годы, и захотелось ему жениться.

В таком царстве, в таком государстве, у такого-то царя была царица, и ему хочется на ней посвататься: «Сватайка за меня, моя родная матушка! В таком-то царстве, у такого-то царя есть дочь хороша». Мать ему и говорит: «Дитя ты мое милое! Где нам брать царевну!» А он ей в ответ: «Мать ты моя, родительница! Молись-ка спасу, выпей квасу да ложись спать; утро вечера мудренее». Сам он, добрый молодец, вышел на крылечко, перекинул с руки на руку колечко – выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырей и спрашивают у него: «Что прикажешь делать?» – «Сыщите мне таких дорогих вещей, которых бы у царя не было, и принесите на золотых подносах: надо царя с царевною одарить!» Тотчас принесли ему такие вещи; он и посылает свою мать свататься к царю.

Вот мать пришла к царю, а царь удивляется: «Где ты, старушка, такие вещи взяла?»

Выходит царевна, смотрит на эти вещи и говорит: «Ну, старушка, скажи своему сыну: пусть он поставит об одну ночь в царском заповедном лугу новый дворец лучше дворца моего батюшки, и чтобы провел он от дворца до дворца мост хрустальный, и был бы тот хрустальный мост устлан разными шитыми коврами; в то время пойду за твоего сына замуж. А ежели да не совершит этого, то не будет ему прощенья, и сложит он свою буйну голову на плаху!» Идет старуха домой, слезно плачет и говорит сыну: «Милое мое дитяtko! Говорила я тебе, что не надобно на царевне свататься. Вот теперь царевна приказывает тебе сказать, что ежели хочешь на ней жениться, то построй об одну ночь новый дворец в заповедном лугу, и чтобы лучше был батюшкиного, и чтоб от дворца до дворца проведен был хрустальный мост, и был бы тот хрустальный мост устлан разными шитыми коврами; а ежели этого не сделаешь, то сложишь свою буйну голову на плаху! Как теперь, дитяtko, ты это дело рассудишь?» Отвечает он: «Мать ты моя, родительница! Не сомневайся, молись спасу, выпей квасу да ложись спать;

утро вечера мудренее».

Сам добрый молодец вышел на крылечко, перекинул с руки на руку колечко – выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырев и спрашивают: «Что прикажешь работать?» Он им и говорит: «Друзья мои любезные! Постарайтесь мне об одну ночь построить в царском заповедном лугу новый дворец, и чтоб был он лучше царского, и чтоб был проведен от дворца до дворца хрустальный мост, а этот мост был бы устлан разными шитыми коврами». Вот эти молодцы и богатыри об одну ночь все выстроили, что им было приказано. Царь утром встал, глядит в подзорную трубку на свои заповедные луга и удивляется, что выстроен дворец лучше его, и посылает посланного сказать, чтобы приходил добрый молодец свататься на царевне, а царевна-де согласна выйти за него замуж. Вот он сосватался на царевне, честным пирком да и за свадебку; сыграли свадьбу, отпировали.

Живут долго ли, коротко ли, царевна своего мужа и спрашивает: «Скажи, пожалуйста, каким ты манером это дело совершаешь об одну ночь? Теперь станем с тобой заедино

думать». Улещает его, уговаривает и подносит ему разных водок; напоила его мертвецки пьяным, он ей и сказал: «Вот я чем – колечком!» А она у пьяного колечко взяла, перекинула с руки на руку – выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырев и спрашивают: «Что прикажете делать?» – «А вот что: возьмите этого пьяницу и выкиньте на баяшкін луг, а меня снесите со всем дворцом за тридевяты три земли, за десятое царство, к такому-то королю». Они об одну ночь и поставили ее туда, куда приказала.

Царь встает утром, смотрит в подзорную трубку в свои заповедные луга – не стало ни дворца, ни хрустального моста, только валяется один человек; посылает царь посланных: «Узнайте, что там за человек лежит?» Сбежали посланные, приходят назад и говорят царю: «Ваш зять один валяется!» – «Подите, приведите его ко мне». Вот и приводят его, царь спрашивает: «Куда ты царевну дел и с дворцом?» Он отвечает: «Ваше царское величество! Не знаю, как будто во сне ее потерял». Царь говорит: «Даю тебе три месяца сроку, добираться: где царевна? А там казнить стану».

И посадил он его в крепкую тюрьму.

Вот и говорит кот собаке вислоухой: «Что ты знаешь? Ведь хозяин-то наш в засаженье. [147] Обманула его царевна, сняла с руки колечко и ушла за тридевять земель, за десятое царство. Надо кольцо добывать; побежим-ка с тобой!» Побежали; где на пути озера плыть, где реки плыть, там кот садится на загривок к собаке вислоухой, собака и перевозит его на другую сторону. Долго ли, коротко ли – сбежали они за тридевять земель, за десятое царство. Говорит кот собаке: «Ежели из королевской кухни будут посылать за дровами, ты сейчас беги, а я на погребок пойду к ключнице; что она задумает – то я и подам».

Стали они жить на королевском дворе. Вот рассказывает ключница королю: «Есть у меня на погребке котик золотой хвостик; что задумаю – то и подаст!» Повар говорит: «А у меня есть собака вислоухая; как стану посылать мальчика за дровами, она опрометью бежит и несет!» Король приказывает: «Приведите собаку вислоухую в мою спальню»; а царевна велит: «А ко мне приведите котка золотой хвостик». Привели кота и собаку; и день и

ночь во дворце остаются. А царевна, как спать ложится, колечко завсегда в рот берет. Вот бежит ночью мышь, а кот за загривок ее и цапнул; мышь говорит: «Не тронь меня, кот! Я знаю, зачем ты пришел; ты пришел за колечком – я тебе достану его». Кот ее выпустил; она вскочила на кровать и прямо к царевне, сунула свой хвостик ей в рот и зашевелила; царевна плюнула да колечко и выплюнула. Кот цап и кричит вислоухой собаке: «Не зевай!»

Бросились прямо в окошко, выскочили и побежали, сухим путем бегут, а реки и озера плывут; приходят в свое царство и прямо к тюрьме... Кот влез в тюрьму; хозяин увидал, стал его гладить, а кот песни петъ и положил ему на руку колечко; хозяин обрадовался, перекинул колечко с руки на руку – выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырев: «Что работать прикажете?» Он и говорит: «Чтоб мне с горя на целые сутки была знатная музыка». Музыка заиграла. А царь посылает к нему посланника: «Обдумался ли?» Посланник пошел и заслушался; вот царь другого посылает, и другой заслушался; вот третье-

го посылает, и третий заслушался; вот приходит сам царь к зятю, он потемнил и царя этою музыкой. Как только перестала музыка, царь и начал у него выспрашивать. Зять говорит: «Ваше царское величество! Освободите меня на единую ночь, вмиг доставлю вашу царевну».

Вот вышел он на крылечко; перекинул с руки на руку колечко – выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырев и спрашивают: «Что прикажете работать?» – «Принесите царевну назад со всем дворцом, и чтоб все было на старом месте и об одну ночь сделано». Царевна встала поутру и видит, что она на старом месте, испугалась и не знает, что ей будет? А ее муж приходит к царю: «Ваше царское величество! Как будем царевну судить?» – «Зять ты мой милый! Усовестим мы ее словами, и живите себе, поживайте да добро наживайте!»

СКАЗКА ПРО УТКУ С ЗОЛОТЫМИ ЯЙЦАМИ

Было-жило два брата: один богатый, другой бедный; у бедного – жена да дети, а богатый – один как перст. Пошел бедный к богатому и стал просить: «Накорми, братец, сегодня при бедности моих детей; нам и пообедать нечего!» – «Сегодня мне не до тебя, – говорит богатый, – сегодня у меня всё князя да бояре, так бедному не приходится тут быть!» Облился бедный брат слезами и пошел рыбу ловить: «Авось бог даст – поймаю! Хоть ухи дети похлебают». Только затянул тоню, и попал ему кувшин. «Вытащи меня да разбей на берегу, – отозвалось из кувшина, – так я тебе счастье укажу». Вытащил он кувшин, разбил на берегу, и вышел оттуда неведомый: молодец и сказал: «Есть зеленый луг, на том лугу береза, у той березы под кореньями утка; обрубь у березы коренья и возьми утку домой; она станет нести тебе яички – один день золотое, другой день серебряное». Бедный брат пошел к березе, достал утку и принес домой; стала утка нести яички – один день золотое,

другой день серебряное; стал он продавать их купцам да боярам и куда как разбогател скоро! «Дети, – говорит он, – молитесь богу; господь нашел нас».

Богатый брат позавидовал, озлобился: «Отчего так разбогател мой брат? Теперь я нужнее, [148] а он богаче стал! Верно, какой-нибудь грех за ним водится!» – и пошел в суд с жалобой. Дошло это дело до самого царя. Зовут того брата, что был беден да разбогател скоро, к царю. Куды девать утку? Дети малы, пришло жене под присмотр отдать; начала она на базар ходить да яйца по дорогой цене продавать, а была собой красавица и слюбилась с барином. «Отчего, скажи, вы разбогатели?» – спрашивает ее барин. «Да нам ведь бог дал!» А он приступает: «Нет, скажи правду; коли не скажешь, не стану тебя любить, не стану к тебе ходить». И таки не пришел к ней день-другой; она позвала его к себе и рассказала: «У нас есть утка – день несет золотое яичко, день серебряное». – «Принеси-ка эту утку да покажь, какова птица?» Оглядел утку и видит – на брюшке у ней золотыми буквами написано: кто съест ее голову, тот царем бу-

дет, а кто – сердце, тот станет золотом плевать.

Позарился барин на такое великое счастье, пристал к бабе: «Зарежь да и зарежь утку!» Отговаривалась она, отговаривалась, а покончила тем, что зарезала утку и поставила в печь жарить. День был праздничный; ушла она к обедне, а тем временем прибежали в избу два ее сына. Вздумалось им перекусить чего-нибудь, заглянули в печь и вытащили утку; старший съел голову, а меньшей сердце. Воротилась мать из церкви, пришел барин, сели за стол; смотрит он – нет ни сердца утиного, ни головы. «Кто съел?» – спрашивает барин и таки дознался, что съели эти два мальчика. Вот он и пристаёт к матери: «Зарежь-де своих сыновей, из одного вынь мозги, из другого сердце; а коли не зарежешь – и дружба врозь!» Сказал и ушел от нее; вот она целую неделю томилась, а после не выдержала, посылает к барину: «Приходи! Так и быть, для тебя и детей не пожалею!» Сидит она и точит нож; старший сын увидал, заплакал горькими слезами и просится: «Отпусти нас, матушка, в сад погулять». – «Ну ступайте, да далеко

не уходите». А мальчики не то что гулять, ударились в беги.

Бежали-бежали, уморились и оголодали. В чистом поле пастух коров пасет. «Пастушок, пастушок! Дай нам хлебца». – «Вот вам кусочек, – говорит пастух, – только всего и осталось! Кушайте на здоровье». Старший брат отдает меньшому: «Скушай ты, братец, ты мало сильнее, а я подюжее – могу и так стерпеть». – «Нет, братец, ты все меня за ручку тащил, хуже моего утомился: съедим пополам!» Взяли, пополам разделили, съели и оба сыты стали.

Вот пошли они дальше; идут всё вперед да вперед дорогою широкою – и разбилась та дорога надвое; на распутий столб стоит, на столбе написано: кто в правую руку пойдет – царем сделается, кто в левую руку пойдет – богат будет. Малый брат и говорит большому: «Братец! Ступай ты в правую руку, ты больше меня знаешь, больше меня снести можешь». Большой брат пошел направо, меньшей – налево.

Вот первый-то шел-шел и пришел в иное царство; попросился к старушке ночь ночевать, переночевал, встал поутру, умылся,

оделся, богу помолился. А в том государстве помер тогда царь, и собираются все люди в церковь со свечами: у кого прежде свеча сама собой загорится, тот царь будет. «Поди и ты, дитятко, в церковь! – говорит ему старушка. – Может, у тебя свеча прежде всех загорится». Дала ему свечку; он и пошел в церковь; только что входит туда – у него свеча и загорелась; другим князьям да боярам завидно стало, начали огонь тушить, самого мальчика вон гнать. А царица сидит высоко на троне и говорит: «Не троньте его!

Худ ли, хорош ли – видно, судьба моя!» Подхватили этого мальчика под руки, привели к ней; она сделала ему во лбу печать своим золотым перстнем, приняла его во дворец к себе, вырастила, объявила царем и вышла за него замуж.

Ни много, ни мало пожил они вместе, и говорит новый царь своей жене: «Позволь мне поехать – разыскивать моего малого брата!» – «Поезжай с богом!» Долго ездил он по разным землям и нашел малого брата; в великом богатстве живет, целые кучи золота в амбарах насыпаны; что ни плюнет он – то все

золотом! Девать некуда! «Братец! – говорит меньшей старшему. – Поедем к отцу нашему да посмотрим: каково его житье-бытье?» – «Хоть сейчас в дорогу!» Вот приезжают они к отцу, к матери, попросились к ним в избу роздых сделать, а не сказывают, кто они таковы! Сели за стол; старший брат и начал говорить про утку с золотыми яичками да про мать-лиходейку. А мать то и дело перебивает да речь заминает. Отец догадался: «Не вы ли – мои детки?» – «Мы, батюшка!» Пошло обниманье, целованье; что разговоров тут было! Старший брат взял отца в свое царство жить, меньшей поехал невесту искать, а мать одноё покинули.

ЧУДЕСНАЯ КУРИЦА

За тридевять земель, в тридесятом царстве, не в нашем государстве, жил старик со старухой в нужде и в бедности; у них было два сына – летами малы, на работу идти не сдюжат.[149] Поднялся сам старик, пошел на заработки, ходил-ходил по людям, только и зашиб, что двугривенный. Идет домой, а навстречу ему горький пьяница – в руках курицу держит. «Купи, старичок, курочку!» – «А что стоит?» – «Давай полтину». – «Нет, брат, возьми двугривенный; с тебя и этого будет: выпьешь крючок,[150] да и спать ложись!» Пьянчужка взял двугривенный и отдал старику курицу. Вернулся старик домой, а дома давно голодают: нет ни куска хлеба! «Вот тебе, старая, курочку купил!» Накинулась на него баба и давай ругать: «Ах ты, старый черт! Совсем из ума выжил! Дети без хлеба сидят, а он курицу купил; ведь ее кормить надо!» – «Молчи, дура баба! Много ли курица съест? А вот она нанесет нам яичек да цыплят высидит, мы цыплят-то продадим да хлеба и купим...»

Сделал старик гнездышко и посадил курочку под печкою. Наутро смотрит, а курочка самоцветный камушек снесла. Говорит старик жене: «Ну, старуха, у людей куры яйца несут, а у нас – камушки; что теперь делать?» – «Неси в город; может, кто и купит!» Пошел старик в город; ходит по гостиному ряду и показывает самоцветный камень. Со всех сторон сошлись к нему купцы, начали ценить этот камушек, ценили-ценили и купили за пятьсот рублей. С того дня зачал старик торговать самоцветными камнями, что несла ему курочка; живо разбогател, выписался в купечество, настроил лавок, нанял приказчиков и стал за море с кораблями ездить да и в иных землях торг вести. Уезжает он как-то в чужие страны и наказывает жене: «Смотри, старая, соблюдай курочку, пуще глаза храни; а коли она утратится, твоя голова с плеч свалится!»

Только уехал, а старуха сейчас же худое задумала – с молодым приказчиком связалась. «Где вы эти самоцветные камни берете?» – спрашивает ее приказчик. «Да нам курочка несет». Приказчик взял курочку, посмотрел, а

у ней под правым крылышком золотом написано: кто ее голову съест – тот королем будет, а кто потроха – тот будет золотом харкать. «Зажарь, – говорит, – эту курочку мне на обед!» – «Ах, любезный друг, как можно? Ведь муж воротится – казнит меня». Приказчик и слышать ничего не хочет: зажарь – да и только.

На другой день призвала старуха повара, приказала ему нарезать курочку и зажарить к обеду с головкой и с потрохами. Повар зарезал курочку и поставил в печь, а сам вышел куда-то. Тем временем прибежали из училища старухины дети, заглянули в печь, и захотелось им попробовать жареного: старший брат съел куриную голову, а меньший скушал потроха. Пришло время обедать, подают за стол курицу, приказчик как увидел, что нет ни головы, ни потрохов, рассердился, разругался со старухой и уехал домой.

Старуха за ним – и так и сяк умасливает, а он знай на одном стоит: «Изведи своих детей, – говорит, – вынь из них потроха и мозги и сготовь мне к ужину; не то знать тебя не хочу!» Старуха уложила своих деток спать, а са-

ма призвала повара и велела везти их сонных в лес; там загубить их до смерти, а потроха, мозги вынуть и стготовить к ужину.

Повар привез мальчиков в дремучий лес, остановился и принялся точить нож. Мальчики проснулись и спрашивают: «Зачем ты нож точишь?» – «А затем, что мать ваша приказала мне из вас потроха и мозги добыть да к ужину изготовить». – «Ах, дедушка-голубчик! Не убивай нас; сколько хочешь дадим тебе золота, только пожалей нас – отпусти на волю». Младший брат нахаркал ему целую полу золота: повар и согласился отпустить их на вольный свет. Бросил мальчиков в лесу, вернулся назад, а на его счастье дома сука ощенилася: вот он взял – зарезал двух щенков, вынул из них потроха и мозги, зажарил и подал к ужину на стол. Приказчик так и кинулся на это кушанье, все сожрал – и сделался ни королем, ни королевичем, а на просто хамом!

Мальчики вышли из лесу на большую дорогу и пошли куда глаза глядят; долго ли, коротко ли шли они – только распадается дорога надвое, и стоит тут столб, а на столбе написано: кто пойдет направо, тот царство полу-

чит, а кто пойдет налево, тот много зла и горя примет, да зато женится на прекрасной царевне. Братья прочитали эту надпись и решились идти в разные стороны: старший пошел направо, младший – налево. Вот старший-то шел-шел, шел-шел и забрался в незнакомый столичный город; в городе народа видимо-невидимо! Только все в трауре, все печалятся. Попросился он к бедной старушке на квартиру. «Укрой, – говорит, – чужестранного человека от темной ночи». – «Рада бы пустить, да, право, некуда; и то тесно!» – «Пусты, бабушка! Я такой же человек мирской, [151] как и ты; мне немного места надобно – где-нибудь в уголку ночую».

Старуха пустила его. Стали разговаривать. «Отчего, бабушка, – спрашивает странник, – у вас в городе теснота страшная, квартиры дороги, а народ весь в трауре да в печали?» – «Да вишь, король у нас помер; так бояре стали клич кликать, чтоб собирались все и старые и малые, и всякому дают по свече, и с теми свечами ходят в собор; у кого свеча сама собой загорится, тот и королем будет!» Наутро мальчик встал, умылся, богу помолился, по-

благодарил хозяйку за хлеб, за соль, за мягкую постель и пошел в соборную церковь; приходит – народу в три года не сосчитать! Только взял свечу в руки – она тотчас и загорелась. Тут все на него бросились, стали свечу задуть, тушить, а огонь еще ярче горит. Нечего делать, признали его за короля, одели в золотую одежду и отвели во дворец.

А меньшой брат, что повернул налево, услышал, что в некоем царстве есть прекрасная царевна – собой прелесть неописанная, только на казну больно завистная, и пустила-де она вести по всем землям: за того пойду замуж, кто сможет прокормить мое войско целые три года. Как не попытаться счастья? Пошел туда мальчик; идет он дорогою, идет широкою, а сам в мешочек плюет да плюет чистым золотом. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, приходит к прекрасной царевне и вызвался ее задачу исполнить. Золота ему не занимать стать: плюнет – и готово! Три года содержал он царевнино войско, кормил-поил, одевал. Пора бы веселым пирком да за свадебку, а царевна – на хитрости: распросила-разведала, откуда ему такое богат-

ство бог послал? Зазвала его в гости, угостила, употчевала и поднесла рвотного. Стошнило доброго молодца, и выблевал он куриный потрох; а царевна подхватила – да в рот. С того же дня стала она золотом харкать, а жених ее ни при чем остался. «Что мне с этим невежею делать? – спрашивает царевна у своих бояр, у генералов. – Ведь зайдет же этакая блажь в голову – вздумал на мне жениться!» Бояре говорят, надо его повесить; генералы говорят: надо его расстрелять; а царевна иное придумала – приказала бросить его в н.....

Добрый молодец еле оттуда вылез и снова отправился в путь-дорогу, а сам одно на уме держит: как бы умудриться да отсмеять царевне эту шутку недобрую. Шел-шел и зашел в дремучий лес; смотрит – три человека дерутся, друг дружку так кулаками и садят! «Что вы деретесь?» – «Да вот попались нам в лесу три находки, а разделить не умеем: всякий себе тащит!» – «А что за находки? Есть ли из-за чего ссориться?» – «Еще бы! Вот бочонок – только стукни, из него рота солдат выскочит; вот ковер-самолет – куда вздумал, туда и полетел; а вот кнут-самобой – хлысни

девку да скажи: была девица, а будь кобылица! – сейчас кобылой и делается». – «Находки важные – разделить трудно! А я так думаю: давайте-ка сделаю стрелу да пущу в эту сторону, а вы вслед за ней припустите; кто первый добежит – тому бочонок, кто второй добежит – тому ковер-самолет, кто назади останется – тому кнут-самобой». – «Ладно! Пущай стрелу». Молодец сделал стрелу и пустил далеко-далеко; трое бросились бежать наперегонки... бегут и назад не оглянутся! А добрый молодец взял бочонок да кнут-самобой, сел на ковер-самолет, тряхнул за один конец – и поднялся выше леса стоячего, ниже облака ходячего и полетел, куда сам желал.

Опустился он на заповедных лугах прекрасной царевны и начал в бочонок поколачивать – и полезло оттуда войско несметное: и пехота, и конница, и артиллерия с пушками, с порохowymi ящиками. Сила так и валит, так и валит. Добрый молодец спросил коня, сел верхом, объехал свою армию, поздоровался и скомандовал поход. Барабаны бьют, трубы трубят, войско с пальбою идет. Увидала царевна из своих теремов, страшно перепуга-

лась и посылает своих бояр и генералов просить мира. Добрый молодец велел схватить этих посланных; наказал их грозно и больно и отослал назад: «Пускай-де сама царица придет да попросит замирения». Нечего делать, приехала к нему царица; вышла из кареты, подходит к доброму молодцу, узнала его и обомлела, а он взял кнут-самобой, ударил ее по спине. «Была, – говорит, – девица, будь теперь кобылица!» В ту же минуту обратилась царица кобылицею; он накинул ей узду, оседлал, сел верхом и поскакал в королевство своего старшего брата. Скачет во всю прыть, шпорами в бока садит да тремя железными прутьями погоняет, а за ним идет войско – сила несметная.

Долго ли, коротко ли – вот и граница; остановился добрый молодец, собрал свое войско в бочонок и поехал в столичный город. Едет мимо королевского дворца, увидел его сам король, засмотрелся на кобылицу: «Что за витязь едет! Этаким славным кобылицы в жизнь свою не видывал!» Посылает своих генералов торговать того коня. «Ишь, – говорит молодец, – какой король у вас зоркий! Этак по ва-

шему городу нельзя и с женой молодой погулять; коли на кобылу позарился, так жену и подавно отымет!» Входит во дворец: «Здорово, братец!» – «Ах, а я тебя не узнал!» Пошло обниманье-целованье. «Это что у тебя за бочонок?» – «Для питья, братец, держу; без воды в дороге нельзя». – «А ковер?» – «Садись, так узнаешь!» Сели они на ковер-самолет, младший брат тряхнул за один конец, и полетели выше леса стоячего, ниже облака ходячего – прямо в свое отечество.

Прилетели и наняли квартиру у родного отца; живут, а кто таковы – отцу с матерью не сказываются. Вот вздумали они задать пир на весь крещеный мир, собрали народу тьму-тьмущую, трое суток кормили-поили всех безданно, беспошлинно, а после стали спрашивать: не знает ли кто какой дивной истории? Коли знает, пусть сказывает. Никто не вызвался: «Мы-де люди не бывалые!» – «Ну так я расскажу, – говорит младший брат, – только чур не перебивать! Кто три раза перебьет меня, того без пощады казнить». Все согласились; вот он и начал рассказывать, как жил старик со старухой, как была у них курочка

да несла самоцветные камушки, как связалась старуха с приказчиком... «Что ты врешь!» – перебила хозяйка; а сын продолжает дальше. Стал рассказывать, как курочку зарезали; мать опять его перебила. Дошло дело до того, как старуха хотела детей извести; тут она снова не вытерпела. «Неправда! – говорит. – Может ли это случиться, чтобы мать да на своих родных детей восстала?» – «Видно, может! Узнай-ка нас, матушка; ведь мы твои дети...» Тут все открылось.

Отец приказал изрубить старуху на мелкие части; приказчика привязал к лошадиным хвостам: лошади бросились в разные стороны и разнесли его косточки по чисту полю. «Собаке собачья и смерть!» – сказал старик, роздал все свое имение нищим и поехал жить к старшему сыну в его королевство. А младший сын ударил свою кобылицу наотмашь кнутом-самобоем: «Была кобылица, будь теперь девица!» Кобылица обратилась прекрасною царевною; тут они помирились, поладили и повенчались. Свадьба была знатная, и я там был, мед пил, по бороде текло, да в рот не попало.

ЦАРЬ-МЕДВЕДЬ

Жил себе царь с царицею, детей у них не было. Царь поехал раз на охоту красного зверя да перелетных птиц стрелять. Сделалось жарко, захотелось ему водицы испить, увидел в стороне колодец, подошел, нагнулся и только хотел испить – царь-медведь [152] и ухватил его за бороду: «Пусти», – просится царь. «Дай мне то, чего в доме не знаешь; тогда и пущу». – «Что ж бы я в доме не знал, – думает царь, – кажись, все знаю... Я лучше, – говорит, – дам тебе стадо коров». – «Нет, не хочу и двух стад». – «Ну, возьми табун лошадей». – «Не надо и двух табунов; а дай то, чего в доме не знаешь».

Царь согласился, высвободил свою бороду и поехал домой. Входит во дворец, а жена родила ему двойни: Ивана-царевича и Марью-царевну; вот чего не знал он в доме. Всплеснул царь руками и горько заплакал. «Чего ты так убиваешься?» – спрашивает царица. «Как мне не плакать? Я отдал своих деток родных царю-медведю». – «Каким случаем?» – «Так и так», – рассказывает царь. «Да мы

не отдадим их!» – «О, никак нельзя! Он вконец разорит все царство, а их все-таки возьмет».

Вот они думали-думали, как быть? Да и придумали: выкопали преглубокую яму, убрали ее, разукрасили, словно палаты, навезли туда всяких запасов, чтоб было что и пить и есть; после посадили в ту яму своих детей, а поверх сделали потолок, закидали землею и заровняли гладко-нагладко.

В скором времени царь с царицею померли, а детки их растут да растут. Пришел, наконец, за ними царь-медведь, смотрит туда-сюда: нет никого! Опустел дворец. Ходил он, ходил, весь дом выходил и думает: «Кто же мне про царских детей скажет, куда они девались?» Глядь – долото в стену воткнуто. «Долото, долото, – спрашивает царь-медведь, – скажи мне, где царские дети?» – «Вынеси меня на двор и брось наземь; где я воткнулся, там и рой». Царь-медведь взял долото, вышел на двор и бросил его наземь; долото закружилось, завертелось и прямо в то место воткнулось, где были спрятаны Иван-царевич и Марья-царевна. Медведь разрыл землю лапами,

разломал потолок и говорит: «А, Иван-царевич, а, Марья-царевна, вы вот где!.. Вздумали от меня прятаться! Отец-то ваш с матерью меня обманули, так я вас за это съем». – «Ах, царь-медведь, не ешь нас, у нашего батюшки осталось много кур и гусей и всякого добра; есть чем полакомиться». – «Ну, так и быть! Садитесь на меня; я вас к себе в услугу возьму».

Они сели, и царь-медведь принес их под такие крутые да высокие горы, что под самое небо уходят; всюду здесь пусто, никто не живет. «Мы есть-пить хотим», – говорят Иван-царевич и Марья-царевна. «Я побегу, добуду вам и пить и есть», – отвечает медведь, – а вы пока тут побудьте да отдохните». Побежал медведь за едой, а царевич с царевною стоят и слезно плачут. Откуда не взялся ясный сокол, замалхал крыльями и вымолвил таково слово: «Ах, Иван-царевич и Марья-царевна, какими судьбами вы здесь очутились?» Они рассказали. «Зачем же взял вас медведь?» – «На всякие послуги». – «Хотите, я вас унесу? Садитесь ко мне на крылышки». Они сели; ясный сокол поднялся выше дерева стоячего, ниже облака ходячего и полетел было в далекие страны.

На ту пору царь-медведь прибежал, усмотрел сокола в поднебесье, ударился головой в сырую землю и обжег ему пламенем крылья. Опалились у сокола крылья, опустил он царевича и царевну наземь. «А, – говорит медведь, – вы хотели от меня уйти; съем же вас за то и с косточками!» – «Не ешь, царь-медведь; мы будем тебе верно служить». Медведь простил их и повез в свое царство: горы всё выше да круче.

Прошло ни много, ни мало времени. «Ах, – говорит Иван-царевич, – я есть хочу». – «И я!» – говорит Марья-царевна. Царь-медведь побежал за едой, а им строго наказал никуда не сходить с места. Сидят они на травке на муравке да слезы роняют. Откуда не взялся орел, спустился из-за облак и спрашивает: «Ах, Иван-царевич и Марья-царевна, какими судьбами очутились вы здесь?» Они рассказали. «Хотите, я вас унесу?» – «Куда тебе! Ясный сокол брался унести, да не смог, и ты не сможешь!» – «Сокол – птица малая; я взлечу повыше его; садитесь на мои крылышки». Царевич с царевною сели; орел взмахнул крыльями и взвился еще выше. Медведь прибежал,

усмотрел орла в поднебесье, ударился головой о сыру землю и опалил ему крылья. Спустил орел Ивана-царевича и Марью-царевну наземь. «А, вы опять вздумали уходить! – сказал медведь. – Вот я же вас съем!» – «Не ешь, пожалуйста; нас орел взманил! Мы будем служить тебе верой и правдою». Царь-медведь простил их в последний раз, накормил-напоил, и повез дальше...

Прошло ни много, ни мало времени. «Ах, – говорит Иван-царевич, – я есть хочу». – «И я!» – говорит Марья-царевна. Царь-медведь оставил их, а сам за едой побежал. Сидят они на травке на муравке да плачут. Откуда не взялся бычок-др...нок, замотал головой и спрашивает: «Иван-царевич, Марья-царевна! Вы какими судьбами здесь очутились?» Они рассказали. «Хотите, я вас унесу?» – «Куда тебе! Нас уносили птица-сокол да птица-орел, и то не смогли; ты и подавно не сможешь!» – а сами так и разливаются, едва во слезах слово вымолвят. «Птицы не унесли, а я унесу! Садитесь ко мне на спину». Они сели, бычок-др...нок побежал не больно прытко. Медведь усмотрел, что царевич с царевною ухо-

дить стали, и бросился за ними в погоню. «Ах, бычок-др...нок, – кричат царские дети, – медведь гонится». – «Далеко ли?» – «Нет, близко!»

Только было медведь подскочил да хотел сцапать, бычок понатужился... и залепил ему оба глаза. Побежал медведь на сине море глаза промывать, а бычок-др...нок все вперед да вперед! Царь-медведь умылся да опять в погоню. «Ах, бычок-др...нок! Медведь гонится». – «Далеко ли?» – «Ох, близко!» Медведь подскочил, а бычок опять понатужился... и залепил ему оба глаза. Пока медведь бегал глаза промывать, бычок все вперед да вперед! И в третий раз залепил он глаза медведю; а после того дает Ивану-царевичу гребешок да утиральник и говорит: «Коли станет нагонять царь-медведь близко, в первый раз брось гребешок, а в другой – махни утиральником».

Бычок-др...нок бежит все дальше и дальше. Оглянулся Иван-царевич, а за ними царь-медведь гонится: вот-вот схватит! Взял он гребешок и бросил позадь себя – вдруг вырос, поднялся такой густой, дремучий лес, что ни птице не пролететь, ни зверю не пролезть, ни пешему не пройти, ни конному не проехать.

Уж медведь грыз-грыз, насилу прогрыз себе узенькую дорожку, пробрался сквозь дремучий лес и бросился догонять; а царские дети далёко-далёко! Стал медведь нагонять их, Иван-царевич оглянулся и махнул позадь себя утиральником – вдруг сделалось огненное озеро: такое широкое-широкое! Волна из края в край бьет. Царь-медведь постоял, постоял на берегу и поворотил домой; а бычок-др...нок с Иваном-царевичем да с Марьей-царевной прибежал на полянку.

На той на полянке стоял большой славный дом. «Вот вам дом! – сказал бычок. – Живите – не тужите. А на дворе приготовьте сейчас костер, зарежьте меня да на том костре и сожгите». – «Ах! – говорят царские дети. – Зачем тебя резать? Лучше живи с нами; мы за тобой будем ухаживать, станем тебя кормить свежую травую, поить ключевой водою». – «Нет, сожгите меня, а пепел посеите на трех грядках: на одной грядке выскочит конь, на другой собачка, а на третьей вырастет яблонька; на том коню ездит ты, Иван-царевич, а с тою собачкой ходи на охоту». Так все и сделалось.

Вот как-то вздумал Иван-царевич поехать

на охоту; попрощался с сестрицею, сел на коня и поехал в лес; убил гуся, убил утку да поймал живого волчонка и привез домой. Видит царевич, что охота идет ему в руку, и опять поехал, настрелял всякой птицы и поймал живого медвежонка. В третий раз собрался Иван-царевич на охоту, а собачку позабыл с собой взять. Тем временем Марья-царевна пошла белье мыть. Идет она, а на другой стороне огненного озера прилетел к берегу шестиглавый змей, перекинулся красавцем, увидел царевну и так сладко говорит: «Здравствуй, красная девица!» – «Здравствуй, добрый молодец!» – «Я слышал от старых людей, что в прежнее время этого озера не бывало; если бы через него да был перекинут высокий мост – я бы перешел на ту сторону и женился на тебе». – «Постой! Мост сейчас будет», – отвечала ему Марья-царевна и бросила утиральник: в ту ж минуту утиральник дугою раскинулся и повис через озеро высоким, красивым мостом. Змей перешел по мосту, перекинулся в прежний вид, собачку Ивана-царевича запер на замок, а ключ в озеро забросил; после того схватил и унес царевну.

Приезжает Иван-царевич с охоты – сестры нет, собачка взаперти воет; увидел мост через озеро и говорит: «Верно, змей унес мою сестрицу!» Пошел разыскивать. Шел-шел, в чистом поле стоит хатка на курьих лапках, на собачьих пятках. «Хатка, хатка! Повернись к лесу задом, ко мне передом». Хатка повернулась; Иван-царевич вошел, а в хатке лежит баба-яга костяная нога из угла в угол, нос в потолок врос. «Фу-фу! – говорит она. – Доселева русского духа не слышать было, а нынче русский дух воочью проявляется, в нос бросается! Почто пришел, Иван-царевич?» – «Да если б ты моему горю пособила!» – «А какое твое горе?» Царевич рассказал ей. «Ну, ступай же домой; у тебя на дворе есть яблонька, сломь с нее три зеленых прутика, сплети вместе и там, где собачка заперта, ударь ими по замку: замок тотчас разлетится на мелкие части. Тогда смело на змея иди, не устоит супротив тебя».

Иван-царевич воротился домой, освободил собачку – выбежала она злая-злая! Взял еще с собой волчонка да медвежонка и отправился на змея. Звери бросились на него и разорвали

в клочки. А Иван-царевич взял Марью-царевну, и стали они жить-поживать, добра наживать.

ПРИТВОРНАЯ БОЛЕЗНЬ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею, а детей у них не было; стали они со слезами бога молить, чтоб даровал им хоть единое детище, – и услышал господь их молитву: царица забеременела. В то самое время понадобилось царю надолго отлучиться из дому; простился с женой и отправился в дорогу. Много ли, мало ли прошло времени, родила царица сына Ивана-царевича – такого красавца, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Рос он не по годам, не по дням, а по часам, по минутам – как тесто на опаре киснет; вырос такой сильномогучий богатырь, что всякий стул под ним ломается, и просит царицу, чтоб приказала сделать ему железный стул, и тот с подпорами.

Вот воротился царь домой; царица обрадовалась, встречает его и рассказывает, какого она ему сына родила – сильного, могучего богаты-

ря. Царь не хотел верить, чтоб мог такой сын от него народиться; сделал пир, созвал всех князей, и бояр, и думных людей; спрашивает их: «Научите, что мне делать с неверной женой – топором казнить ее или вешать?» Один думный сенатор отвечает ему: «Чем казнить да вешать, лучше сослать ее с сыном в дальние страны, чтоб об них и слуху не было». Царь согласился, и тотчас выслали их из того государства.

Вышла царица с Иваном-царевичем за городские ворота. «Любезная матушка! – говорит он. – Сядь – отдохни здесь, а я от отца моего пешком не пойду». Вернулся назад и просит у царя лошади. «Ступай в заповедные луга; там пасутся мои табуны – выбирай себе любого коня». Приходит Иван-царевич в заповедные луга, начал коня выбирать: на которого руку положит – тот и издохнет. Выбежал к нему пастух: «Э-эх, Иван-царевич! Ты здесь не выберешь по себе коня. Возьми-ка вот этого для матери, а для тебя есть добрый конь на острове; там растут двенадцать дубов, под ними выход[153] есть, в том выходе стоит конь на двенадцати цепях, за двенадцатью дверя-

ми и за столькими ж замками; каждый замок в пятьдесят пуд». Иван-царевич благодарствовал на том пастуху, брал одного коня и держал путь к матери; сажал ее на того коня, а сам возле пешком шел.

Много ли, мало ли ушло времени – увидели они двенадцать дубов. Побежал туда царевич, открыл выход и начал ломать и двери и замки; только что конь услышал по себе богатыря – тотчас стал помогать, копытами цепи, двери разбивать. Подходит Иван-царевич к коню, надевает на него богатырский прибор [154] и выводит в поле чистое; сел верхом и начал пытать своего коня. Мать ему говорит: «Сын мой любезный! Завел меня в такие пустые, безлюдные места, да и покинуть хочешь». – «Нет, матушка! Я тебя не покину; а коня пытаю». Раскинули они на острове палатку, жили и питались, чем бог послал.

Однажды говорит Иван-царевич: «Государыня моя матушка! Благослови меня в дальнюю дорогу. Чем тут жить, лучше поеду – отыщу себе державу». Поехал он и долами, и горами, и темными лесами; выезжает на ровное место и видит впереди – словно гора воз-

дымается. «Дай подъеду!» Подскакал поближе, глядь – а то лежит богатырь убитый. «Эх, – думает царевич, – славный был богатырь, да какой-то злодей сгубил: может, сам-то и ногтя его не стоит!» Подивовался-подивовался и хотел было ехать дальше; вдруг мертвый богатырь отзывается: «Что ж ты, Иван-царевич, только посмотрел на меня, а ни слова не вымолвил? Ты бы спросил меня, я б тебе добро посоветовал. Вишь ты, молодой юноша, и сам не ведаешь – куда едешь, а едешь ты прямо к Огненному царю: не доезжая до его царства верст тридцать – уж огнем жжет! Столкни-ка мое туловище да возьми мой щит и острый меч-кладенец. Как станешь подъезжать к огненному царству и начнет тебя огнем жечь – ты закройся моим щитом и не бойся жару, а приедешь к самому царю – он тебя встретит с обманом; смотри, в обман не давайся, бей его один раз, а убьешь – меня не забудь!»

Иван-царевич взял щит и меч-кладенец, поскакал-полетел к Огненному царю, на всем скаку ударил его раз; Огненный царь наземь пал и кричит: «Бей еще!» – «Русский богатырь не бьет два раза, а раз да горазд!» Убивши ца-

ря, бросился его осматривать и нашел у него мертвую и живую воду. Взял ту воду и поехал к мертвому богатырю; соскочил с своего доброго коня, поднял голову богатыря, приложил ее к туловищу и sprыснул мертвой и живой водою. Богатырь встал; назвались они братьями и пошли путем-дорогою. Говорит богатырь: «Давай изведем силу – чья возьмет?» – «Эх, брат! Не надоело тебе лежать в чистом поле тридцать три года; а я не хочу пролежать и единого. Лучше разъедемся в разные стороны!» И поехали они по разным дорогам.

Иван-царевич приехал к своей матери, рассказал ей, как победил Огненного царя, и зовет ее с собой: «Поедем, государыня матушка, в его царство». – «Ах, Иван-царевич! На что ты убил его? Ведь Огненный царь мне сват». Поехали они в то царство; жили сколько-то времени, вздумалось царевичу на охоту ехать, а мать его достала мертвую и живую воду, нашла Огненного царя, подкатила его голову к туловищу и давай взбрызгивать. Огненный царь открыл глаза и говорит: «Ах, любезная свашенька, долго ж я спал». – «Спать бы тебе отныне и до веку! Мой сын-

злодей тебя до смерти убил. Как бы нам его известить?» – «А вот как: только он вернется – ты сделайся больна и скажи ему, что в таком-то царстве, куда ворон костей не заносит, есть одномесячные яблоки и от тех яблоков всякая хворь проходит. Пусть-ка достанет».

Сын вернулся домой – мать больна лежит, посылает его за одномесячными яблоками. Иван-царевич оседлал своего доброго коня и стрелой полетел в то царство далекое, куда ворон костей не заносит. А там царствовала девица-красавица, и был у ней пир большой. Выглянул из окна один из гостей и говорит: «Приехал к вам молодой юноша: конь под ним аки лютый зверь, сбруя и все приспехи богатырские словно жар горят». Встречала его царица среди двора широкого, сама снимала с доброго коня; взялись они за белые руки и пошли во дворец. Села царица на золотой стул, а русский богатырь сам себе место найдет. «Не будешь ли гневаться? – говорит Иван-царевич. – Ведь я с просьбой приехал». – «Говори: что надобно? Все тебе в угоду сделаю». Он ей сказал свою нужду. Тут они долго пировали и забавлялись, после того обручились и да-

ли слово крепкое, чтоб ей за другого замуж
нейти, а ему на другой не жениться. Пора
Ивану-царевичу и в путь отправляться; невеста-красавица навязала ему одномесечных
яблочков, пошла провожать и говорит ему: «Я
слышала – ты большой охотник; подарю тебе
двух собак. Эй, Тяжелый и Легкий! Служите
царевичу, как мне служили; коли что над
ним приключится – лучше и назад не бывайте!»

Едет Иван-царевич домой; мать увидала и
говорит свату: «Вон наш разлучник едет!»
Тотчас заперла Огненного царя за кипарис-
ные двери, а сама на постель легла. Входит
Иван-царевич во дворец и отдает матери од-
номесечные яблоки. Вдруг собаки бросились
к кипарисной двери и начали грызть; мать
говорит: «Сын мой любезный! Какую привел
ты охоту? Мне и без того мочи нет, а они
дверь грызут». Царевич закричал на своих со-
бак – и они улеглись возле него.

На другой день поехал он с своей охотой
позабавиться, а мать кинулась свата отпи-
рать и просит его извести как-нибудь сына.
Пошел Огненный царь к озеру, на песчаные

берега, злого змея караулить. Мало ли, много ли дожидался – выходит змей на берег, лег и заснул. Огненный царь одним взмахом отрубил ему голову, вынул зелье[155] и понес к сватье; отдает ей: «На, – говорит, – напеки с этим зельем лепешек и покорми сына».

Иван-царевич вернулся домой и просит у матери: «Нет ли поесть чего?» Она отвечает: «Мочи моей нет, ничего не готовила, только лепешек напекла – возьми и кушай на здоровье!» Только он взял одну лепешку – собака из рук ее вырвала. «Ну, сынок, завел ты охоту – не дадут и куска съесть!» – «Я, матушка, другую возьму». Взял еще – другая собака и эту вырвала. Взял третью, откусил и тут же помер. Мать соскочила с постели, отперла кипарисную дверь и выпустила свата. «Ну, – кричит, – извели, наконец, нашего злодея!» Выковырнули у Ивана-царевича глаза и бросили его в колодец, а сами стали жить да веселиться.

Собаки бились-бились около колодца, вытащили Ивана-царевича и понесли к нареченной невесте; а ей уж сердце сказало, что нет его на свете; вышла она далеко к нему на-

встречу, взяла его на свои белые руки, понесла во дворец и написала к своей сестре, чтобы та прислала новые, лучшие глаза и воды живой и мертвой. Начали его лечить, живой водой вспрыскивать. Иван-царевич встал: «Ах, моя милая невеста! Как долго я спал». – «Спать бы тебе вечным сном, кабы не я!» – отвечала невеста и рассказала все, что с ним мать сделала.

Пожил он у ней несколько времени и собирается домой. Говорит ему царевна-красавица: «Иван-царевич! Не давайся в обман матери». Он оседлал коня и едет домой. Мать узнала его и закричала: «Опять едет мой злодей, и две собаки впереди бегут!» Заперла своего свата за кипарисную дверь, сама села под окно и горючьми слезами обливается. Иван-царевич въехал на двор, соскочил с коня и пошел к матери; собаки за ним и бросились дверь грызть. «Матушка! – говорит царевич. – Подай мне ключ от этой двери». Она мялась-мялась, не хотела ключа отдавать, разные отговорки приводила: и ключ-то потерял, и отпирать-то незачем! Иван-царевич сам нашел ключ, отворил дверь – а за дверью

сидит в креслах Огненный царь.

Закричал царевич своей охоте: «Тяжелый и Легкий! Возьмите Огненного царя, отнесите в чистое поле и разорвите на мелкие части!» Собаки схватили его и разорвали на мелкие части: не только человеку кусков не собрать, даже птице не сыскать! Потом Иван-царевич сделал тугой лук и кленовую стрелу и говорит матери: «Пойдем теперь в чистое поле!» Пришли они в чистое поле; царевич натянул свой тугой лук, положил одадь: «Становись, матушка, рядом со мною; кто из нас виноват, того кленовая стрела убьет». Мать прижалась к нему близко-близко. Сорвалась стрела и попала ей прямо в сердце.

Иван-царевич поехал к своей невесте; пристигла его в пути-дороге темная ночь. Усмотрел он вдали огонек, поехал в ту сторону – стоит избушка, а в избушке старуха сидит. Завел с нею разговор о том, о сем; старуха ему и рассказывает: «Есть у нас в озере страшный змей о двенадцати головах, все людей пожирает. Нынешнюю ночь вывезут к нему на съедение самоё царевну: так вышло по жребию!» Иван-царевич не ложился спать, со полуночи по-

шел на то озеро. Царевна стоит на берегу и во слезах говорит таковы речи: «Лютый змей! Пожри меня скорее, кончи мои мучения». Распахнулось у ней покрывало, и узнал Иван-царевич свою невесту, и она его признала. «Ступай отсюда, – говорит ему царевна, – не то лютый змей и тебя съест!» – «Не пойду, – отвечает Иван-царевич, – мы с тобой обручились, чтобы вместе жить, вместе и помереть». Вот лезет из озера змей о двенадцати головах: «Эх, красная девица! Да у тебя заступа есть. Ну что ж! В моем брюхе и заступе будет место». – «Ах ты, проклятый змей! – сказал Иван-царевич. – Ты прежде пожри, тогда и хвались». Вынул свой острый меч, раз махнул – и снял с него шесть голов; в другой махнул – и остальные сбил. Потом Иван-царевич поехал с своей невестою в ее царство, обвенчались и жили долго и счастливо.

ЧУДЕСНАЯ РУБАШКА

Служил в полку бравый солдат, получил из дому сто рублей. Проведал про то фельдфебель, занял у него деньги; а когда пришло время рассчитываться, то вместо всякой уплаты дал ему сто палок в спину: «Я-де твоих денег не видал, а всклепал ты на меня за-тейкою![156]». Солдат осердился и бежал в темный лес; лег было отдохнуть под дерево, глядь – летит шестиглавый змей. Прилетел, расспросил солдата про его житье-бытье и говорит: «Чем тебе по лесу таскаться, наймись ко мне на три года». – «Изволь!» – отвечает солдат. «Ну, садись на меня». Солдат стал навьючивать на змея весь свой скарб. «Эх, служивый, зачем берешь с собою эту дрянь?» – «Что ты, змей! Солдата и за пуговицу больно бьют, так как же ему свой скарб покинуть?»

Змей принес солдата в свои палаты и наложил на него такую службу: «Сиди у котла три года, огонь разводи да кашу вари!» А сам улетел на все это время по свету странствовать. Работа нетрудная: подложит солдат дров под котел и сидит себе – водочку попива-

ет да закусками заедает, а водка у змея не то что нашенская – из-под лодки,[157] а куда забористая! Через три года прилетел змей. «Что, служивый, готова ли каша?» – «Должно быть, готова! Огонь у меня во все три года николи не погасал». Змей съел весь котел за единый раз, похвалил солдата за хорошую службу и нанял его на другие три года.

Прошло и это время; змей съел кашу и оставил солдата еще на три года. Два года варил солдат кашу, а на исходе третьего вздумал: «Что же я живу у змея девятое лето, все ему кашу варю, а какова она, и не попробовал. Дай отведаю!» Поднял крышку, а в котле фельдфебель сидит. «Хорошо же, – думает, – уж я тебя, дружок, потешу; удружу за твои палки!» И ну таскать дрова да под котел подкладывать как можно больше; такой огонь развел, что не только мясо, все косточки разварил! Змей прилетел, съел кашу и похвалил солдата: «Ну, служивый! Прежде была хороша каша, а теперь и того лучше уварилася! Выбери себе в награду что полюбится». Солдат глянул туда-сюда и выбрал богатырского коня и рубаху из толстого холста. Рубаха была

не простая, а волшебная; только надень ее – богатырь будешь.

Солдат едет к одному королю, помогает ему в тяжелой войне и женится на его прекрасной дочери. Только королевне было не по сердцу, что выдали ее замуж за простого солдата; свела она шашни с соседним королевичем и, чтобы дознаться, в чем заключается богатырская сила солдата, стала к нему подольщаться; выведала, улучила минуту, сняла с сонного мужа рубашку и отдала королевичу. Тот надел на себя волшебную рубаху, ухватил меч, изрубил солдата на мелкие части, поклат их в кулек и приказал конюхам: «Возьмите вот этот кулек, прицепите к какой-нибудь кляче и гоните ее в чистое поле!» Конюхи пошли приказ выполнять, а солдатский богатырский конь обернулся клячею и сам к ним на глаза лезет. Взяли они – прицепили к нему кулек и погнали коня в чистое поле. Богатырский конь быстрее птицы пустился, прибежал к змею, остановился у его дворца и три дня, три ночи без усталости ржал.

На ту пору змей крепко-крепко спал, насилу проснулся от конского ржанья и топота,

вышел из палат, заглянул в кулек и ахнул! Взял изрубленные куски, сложил вместе, обмыл мертвою водою – солдатское тело срослось; взбрызнул живую водою – и солдат ожил. «Фу, – говорит, – как я долго спал!» – «Долго бы спать тебе, если б не добрый конь!» – отвечал змей и выучил солдата хитрой науке принимать на себя разные виды. Солдат обернулся голубем, полетел к королевичу, с которым его неверная жена стала вместе жить, и уселся на кухонное окошечко. Увидала его молодая стряпка. «Ах, – говорит, – какой хорошенький голубок!» Отворила окно ипустила его в кухню. Голубок ударился об пол и стал добрым молодцем: «Услужи мне, красная девица! Я тебя замуж возьму». – «Чем же тебе услужить?» – «Добудь с королевича толстого холста рубашку». – «Да ведь он ее никогда не сымает! Разве тогда сымает, когда в море купается».

Солдат расспросил, в которое время королевич купается, вышел на дорогу и сделался цветочком. Вот идут королевич с королевною на море, а за ними стряпка с чистым бельем. Увидал королевич цветок и любит, а коро-

левна сейчас догадалась: «Ах, ведь это проклятый солдат перекинулся!» Сорвала цветок и давай его мять да листочки обрывать; цветок обернулся малою мушкою и спрятался незаметно у стряпки за пазуху. Как только королевич разделся да полез в воду, мушка вылетела и обернулась ясным соколом, сокол подхватил-унес рубашку, а сделавшись добрым молодцем, надел ее на себя. Тут солдат взялся за меч, предал смерти и жену-изменщицу и ее любовника, а сам женился на красной девице – молодой стряпке.

ПОДИ ТУДА – НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО – НЕ ЗНАЮ ЧТО

В некотором государстве жил-был король, холост-неженат, и была у него целая рота стрельцов; на охоту стрельцы ходили, перелетных птиц стреляли, государев стол дичью снабжали. В той роте служил стрелец-младенец, по имени Федот; метко в цель попадал, почитай – николи промаху не давал, и за то любил его король пуще всех его товарищей. Случилось ему в одно время пойти на охоту ранним-ранехонько, на самой зоре; зашел он в

темный, густой лес и видит: сидит на дереве горлица. Федот навел ружье, прицелился, выпалил – и перешиб птице крылышко; свалилась птица с дерева на сырую землю. Поднял ее стрелок, хочет оторвать голову да положить в сумку. И возговорит ему горлица: «Ах, стрелец-молодец, не срывай моей буйной головушки, не своди меня с белого света; лучше возьми меня живую, принеси в свой дом, посади на окошечко и смотри: как только найдет на меня дремота, в ту самую пору ударь меня правой рукою наотмашь – и добудешь себе великое счастье!» Крепко удивился стрелок. «Что такое? – думает. – С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом! Прежде со мной такого случая никогда не бывало...»

Принес птицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит-дожидается. Прошло немного времени, горлица положила свою головку под крылышко и задремала; стрелок поднял правую руку, ударил ее наотмашь легохонько – пала горлица наземь и сделалась душой-девицей, да такую прекрасною, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Другой подобной красавицы во всем

свете не бывало! Говорит она добру молодцу, королевскому стрельцу: «Умел ты меня достать, умеи и жить со мною; ты мне будешь нареченный муж, а я тебе богоданная жена!» На том они и поладили; женился Федот и живет себе – с молодой женой потешается, а службы не забывает; каждое утро ни свет ни заря возьмет свое ружье, пойдет в лес, настреляет разной дичи и отнесет на королевскую кухню.

Видит жена, что от той охоты весь он измаялся, и говорит ему: «Послушай, друг, мне тебя жалко: каждый божий день ты беспокоишься, бродишь по лесам до по болотам, за- всегда мокрехонек домой ворочаешься, а пользы нам нет никакой. Это что за ремесло! Вот я так знаю такое, что без барышей не останешься. Добудь-ка рублей сотню-другую, все дело поправим». Бросился Федот по товарищам: у кого рубль, у кого два занял и собрал как раз двести рублей. Принес к жене. «Ну, – говорит она, – купи теперь на все эти деньги разного шелку». Стрелец купил на двести рублей разного шелку. Она взяла и сказывает: «Не тужи, молись богу да ложись спать;

утро вечера мудренее!»

Муж заснул, а жена вышла на крылечко, развернула свою волшебную книгу – и тотчас явились перед ней два неведомых молодца: что угодно – приказывай! «Возьмите вот этот шелк и за единый час сделайте мне ковер, да такой чудный, какого в целом свете не видывано; а на ковре бы все королевство было вышито, и с городами, и с деревнями, и с реками, и с озерами». Принялись они за работу и не только в час, а в десять минут изготовили ковер – всем на диво; отдали его стрельцовой жене и вмиг исчезли, словно их и не было! Наутро отдает она ковер мужу. «На, – говорит, – понеси на гостиный двор и продай купцам, да смотри: своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери».

Федот взял ковер, развернул, повесил на руку и пошел по гостиным рядам. Увидел один купец, подбежал и спрашивает: «Послушай, почтенный! Продаешь, что ли?» – «Продаю». – «А что стоит?» – «Ты торговый человек, ты и цену уставляй». Вот купец думал, думал, не может оценить ковра – да и только! Подскочил другой купец, за ним третий, чет-

вертый... и собралась их толпа великая, смотрят на ковер, дивуются, а оценить не могут. В то время проезжал мимо гостиных рядов дворцовый комендант, усмотрел толпу, и захотелось ему разузнать: про что толкует купечество? Вылез из коляски, подошел и говорит: «Здравствуйте, купцы-торговцы, заморские гости! О чем речь у вас?» – «Так и так, ковра оценить не можем». Комендант посмотрел на ковер и сам дался диву. «Послушай, стрелец, – говорит он, – скажи мне по правде по истинной, откуда добыл ты такой славный ковер?» – «Моя жена вышила». – «Сколько же тебе дать за него?» – «Я и сам цены не ведаю; жена наказала не торговаться, а сколько дадут – то и наше!» – «Ну, вот тебе десять тысяч!»

Стрелец взял деньги и отдал ковер, а комендант этот завсегда при короле находился – и пил и ел за его столом. Вот он поехал к королю обедать и ковер повез: «Не угодно ль вашему величеству посмотреть, какую славную вещь купил я сегодня?» Король взглянул – все свое царство словно на ладони увидел; так и ахнул! «Вот это ковер! В жизнь мою

такой хитрости не видывал. Ну, комендант, что хочешь, а ковра тебе не отдам». Сейчас вынул король двадцать пять тысяч и отдал ему из рук в руки, а ковер во дворце повесил. «Ничего, – думает комендант, – я себе другой еще лучше закажу».

Сейчас поскакал к стрельцу, разыскал его избушку, входит в светлицу и как только увидел стрельцову жену – в ту ж минуту и себя и свое дело позабыл, сам не ведает, зачем приехал; перед ним такая красавица, что век бы очей не отвел, все бы смотрел да смотрел! Глядит он на чужую жену, а в голове дума за думой: «Где это видано, где это слыхано, чтобы простой солдат да таким сокровищем владал? Я хоть и при самом короле служу и генеральский чин на мне положен, а такой красоты нигде не видывал!» Насилу комендант опомнился, нехотя домой убрался. С той поры, с того времени совсем не свой сделался: и во сне и наяву только и думает, что о прекрасной стрельчихе; и ест – не заест, и пьет – не запьет, все она представляется!

Заприметил король и стал его выспрашивать: «Что с тобой подеялось? Аль кручина

какая?» – «Ах, ваше величество! Видел я у стрельца жену, такой красоты во всем свете нет; все об ней думаю: и не заесть и не запить, никаким снадобьем не заморозить!» Пришла королю охота самому полюбоваться, приказал заложить коляску и поехал в стрельцкую слободу. Входит в светлицу, видит – красота невообразимая! Кто ни взглянет – старик ли, молодой ли, всякий без ума влюбится. Защемила его зазноба сердечная. «Чего, – думает про себя, – хожу я холост-неженат? Вот бы мне жениться на этой красавице; зачем ей быть стрельчихою? Ей на роду написано быть королевою».

Воротился король во дворец и говорит коменданту: «Слушай! Сумел ты показать мне стрельцову жену – красоту невообразимую; теперь сумей извести ее мужа. Я сам на ней хочу жениться... А не изведешь, пеняй на себя; хоть ты и верный мой слуга, а быть тебе на виселице!» Пошел комендант, пуще прежнего запечалился; как стрельца порешить – не придумает.

Идет он пустырями, закоулками, а на встречу ему баба-яга: «Стой, королевский слу-

га! Я все твои думки ведаю; хочешь, пособлю твоему горю неминуческому?» – «Пособи, бабушка! Что хочешь, заплачу». – «Сказан тебе королевский указ, чтобы извел ты Федота-стрельца. Это дело бы неважное: сам-то он прост, да жена у него больно хитра! Ну, да мы загадаем такую загадку, что не скоро справится. Возвратись к королю и скажи: за тридевять земель, в тридесятном царстве есть остров; на том острове ходит олень золотые рога. Пусть король наберет полсотню матросов – самых негодных, горьких пьяниц, и велит изготовить к походу старый, гнилой корабль, что тридцать лет в отставке числится; на том корабле пусть пошлет Федота-стрельца добывать оленя золотые рога. Чтоб добраться до острова, надо плыть ни много, ни мало – три года, да назад с острова – три года, итого шесть лет. Вот корабль выступит в море, месяц прослужит, а там и потонет: и стрелец и матросы – все на дно пойдут!»

Комендант выслушал эти речи, поблагодарил бабу-ягу за науку, наградил ее золотом и бегом к королю. «Ваше величество! – говорит. – Так и так – можно наверно стрельца из-

вести». Король согласился и тотчас отдал приказ по флоту: изготовить к походу старый, гнилой корабль, нагрузить его провизией на шесть лет и посадить на него пятьдесят матросов – самых распутных и горьких пьяниц. Побежали гонцы по всем кабакам, по трактирам, набрали таких матросов, что поглядеть любо-дорого: у кого глаза подбиты, у кого нос сворочон набок. Как скоро доложили королю, что корабль готов, он в ту же минуту потребовал к себе стрельца: «Ну, Федот, ты у меня молодец, первый в команде стрелец; сослужика мне службу, поезжай за тридевять земель, в тридесятое царство – там есть остров, на том острове ходит олень золотые рога; поймай его живого и привези сюда». Стрелец задумался; не знает, что и отвечать ему. «Думай – не думай, – сказал король, – а коли не сделаешь дела, то мой меч – твоя голова с плеч!»

Федот повернулся налево кругом и пошел из дворца; вечером приходит домой крепко печальный, не хочет и слова вымолвить. Спрашивает его жена: «О чем, милый, закручинился? Аль невзгода какая?» Он рассказал ей все сполна. «Так ты об этом печалишься?

Есть о чем! Это службишка, не служба. Молись-ка богу да ложись спать; утро вечера мудренее: все будет сделано». Стрелец лег и заснул, а жена его развернула волшебную книгу – и вдруг явились перед ней два неведомых молодца: «Что угодно, что надобно?» – «Ступайте вы за тридевять земель, в тридесятое царство – на остров, поймайте оленя золотые рога и доставьте сюда». – «Слушаем! К свету все будет исполнено».

Вихрем понеслись они на тот остров, схватили оленя золотые рога, принесли его прямо к стрельцу на двор; за час до рассвета все дело покончили и скрылись, словно их и не было. Стрельчиха-красавица разбудила своего мужа пораньше и говорит ему: «Поди посмотри – олень золотые рога на твоём дворе гуляет. Бери его на корабль с собою, пять суток вперед плыви, на шестые назад поворачивай». Стрелец посадил оленя в глухую, закрытую клетку и отвез на корабль. «Тут что?» – спрашивают матросы. «Разные припасы и снадобья; путь долгий, мало ли что понадобится!»

Настало время кораблю отчаливать от

пристани, много народу пришло пловцов провожать, пришел и сам король, попрощался с Федотом и поставил его над всеми матросами за старшего. Пятые сутки плывет корабль по морю, берегов давно не видать. Федот-стрелец приказал выкатить на палубу бочку вина в сорок ведер и говорит матросам: «Пейте, братцы! Не жалейте; душа – мера!» А они тому и рады, бросились к бочке и давай вино тянуть, да так натянулись, что тут же возле бочки попадали и заснули крепким сном. Стрелец взялся за руль, поворотил корабль к берегу и поплыл назад; а чтоб матросы про то не сведали – знай с утра до вечера вином их накачивает: только они с перепоя глаза продерут, как уж новая бочка готова – не угодно ль опохмелиться.

Как раз на одиннадцатые сутки привалил корабль к пристани, выкинул флаг и стал палить из пушек. Король услышал пальбу и сейчас на пристань – что там такое? Увидел стрельца, разгневался и накинулся на него со всей жесточью: «Как ты смел до срока назад воротиться?» – «А куда ж мне деваться, ваше величество? Пожалуй, иной дурак десять лет

В морях проплавает да путного ничего не делает, а мы вместо шести лет всего-навсего десять суток проехали, да свое дело справили: не угодно ль взглянуть на оленя золотые рога?» Тотчас сняли с корабля клетку, выпустили златорогого оленя; король видит, что стрелец прав, ничего с него не возьмешь! Позволил ему домой идти, а матросам, которые с ним ездили, дал свободу на целые на шесть лет; никто не смей их и на службу спрашивать, по тому самому, что они уж эти года заслужили.

На другой день призвал король коменданта, напустился на него с угрозами. «Что ты, – говорит, – али шутки со мной шутишь? Видно, тебе голова твоя не дорога! Как знаешь, а найди случай, чтоб можно было Федота-стрельца злой смерти предать». – «Ваше королевское величество! Позвольте подумать; авось можно поправиться». Пошел комендант пустырями да закоулками, на встречу ему баба-яга: «Стой, королевский слуга! Я твои думки ведаю; хочешь, пособлю твоему горю?» – «Пособи, бабушка! Ведь стрелец вернулся и привез оленя золотые рога». – «Ох,

уж слышала! Сам-то он простой человек, извести его нетрудно бы – все равно что щепоть табаку понюхать! Да жена у него больно хитра. Ну да мы загадаем ей иную загадку, с которой не так скоро справится. Ступай к королю и скажи: пусть пошлет он стрельца туда – не знаю куда, принести то – не знаю что. Уж этой задачи он во веки веков не выполнит: или совсем без вести пропадет, или с пустыми руками назад придет».

Комендант наградил бабу-ягу золотом и побежал к королю; король выслушал и велел стрельца позвать. «Ну, Федот! Ты у меня молодец, первый в команде стрелец. Сослужил ты мне одну службу – достал оленя золотые рога; сослужи и другую: поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что! Да помни: коли не принесешь, то мой меч – твоя голова с плеч!» Стрелец повернулся налево кругом и пошел из дворца; приходит домой печальный, задумчивый. Спрашивает его жена: «Что, милый, кручинишься? Аль еще невзгода какая?» – «Эх, – говорит, – одну беду с шеи свалил, а другая навалилася; посылает меня король туда – не знаю куда, велит принести то –

не знаю что. Через твою красу все напасти несу!» – «Да, это служба немалая! Чтоб туда добратся, надо девять лет идти, да назад девять – итого восемнадцать лет; а будет ли толк с того – бог ведает!» – «Что же делать, как же быть?» – «Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее. Завтра все узнаешь».

Стрелец лег спать, а жена его дождалась ночи, развернула волшебную книгу – и тотчас явились перед ней два молодца: «Что угодно, что надобно?» – «Не ведаете ли: как ухитриться да пойти туда – не знаю куда, принести то – не знаю что?» – «Нет, не ведаем!» Она закрыла книгу – и молодцы с глаз исчезли. Поутру будит стрельчиха своего мужа: «Ступай к королю, проси золотой казны на дорогу – ведь тебе восемнадцать лет странствовать, а получишь деньги, заходи со мной проститься». Стрелец побывал у короля, получил из казначейства целую кису[158] золота и приходит с женой прощаться. Она подает ему ширинку и мячик: «Когда выйдешь из города, брось этот мячик перед собою; куда он покажется – туда и ты ступай. Да вот тебе мое рукоделье: где бы ты ни был, а как станешь умы-

ваться – завсегда утирай лицо этою шириною». Попрощался стрелец с своей женой и товарищами, поклонился на все на четыре стороны и пошел за заставу. Бросил мячик перед собою; мячик катится да катится, а он за ним следом идет.

Прошло с месяц времени, призывает король коменданта и говорит ему: «Стрелец отправился на восемнадцать лет по белу свету таскаться, и по всему видно, что не быть ему живому. Ведь восемнадцать лет не две недели; мало ли что в дороге случится! Денег у него много; пожалуй, разбойники нападут, ограбят да злой смерти предадут. Кажись, можно теперь за его жену приняться. Возьми-ка мою коляску, поезжай в стрелецкую слободку и привези ее во дворец». Комендант поехал в стрелецкую слободку, приехал к стрельчихе-красавице, вошел в избу и говорит: «Здравствуй, умница, король приказал тебя во дворец представить». Приезжает она во дворец; король встречает ее с радостью, ведет в палаты раззолоченные и говорит таково слово: «Хочешь ли быть королевою? Я тебя замуж возьму». – «Где же это видано, где же это

слыхано: от живого мужа жену отбивать! Каков ни на есть, хоть простой стрелец, а мне он – законный муж». – «Не пойдешь охотой, возьму силою!» Красавица усмехнулась, ударилась об пол, обернулась горлицей и улетила в окно.

Много царств и земель прошел стрелец, а мячик все катится. Где река встретится, там мячик мостом перебросится; где стрельцу отдохнуть захочется, там мячик пуховой постелью раскинется. Долго ли, коротко ли – скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, приходит стрелец к большому, великолепному дворцу; мячик докатился до ворот и пропал. Вот стрелец подумал-подумал: «Дай пойду прямо!» Вошел по лестнице в покои; встречают его три девицы неописанной красоты: «Откуда и зачем, добрый человек, пожаловал?» – «Ах, красные девицы, не дали мне с дальнего походу отдохнуть, да начали спрашивать. Вы бы прежде меня накормили-напоили, отдохнуть положили, да тогда бы и вестей спрашивали». Они тотчас собрали на стол, посадили его, накормили-напоили и спать уложили.

Стрелец выпался, встает с мягкой постели; красные девицы несут к нему умывальницу и шитое полотенце. Он умылся ключевой водой, а полотенца не принимает. «У меня, – говорит, – своя ширинка; есть чем лицо утереть». Вынул ширинку и стал утираться. Спрашивают его красные-девицы: «Добрый человек! Скажи: откуда достал ты эту ширинку?» – «Мне ее жена дала». – «Стало быть, ты женат на нашей родной сестрице!» Кликнули мать-старушку; та как глянула на ширинку, в ту ж минуту признала: «Это моей дочки рукоделье!» Начала у гостя расспрашивать-разведывать; он рассказал ей, как женился на ее дочери и как царь послал его туда – не знаю куда, принести то – не знаю что. «Ах зятюшка! Ведь про это диво даже я не слыхивала! Постой-ка, авось мои слуги ведают».

Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, и вдруг – откуда только взялись! – набежали всякие звери, налетели всякие птицы. «Гой есте, звери лесные и птицы воздушные! Вы, звери, везде рыскаете; вы, птицы, всюду летаете: не слыхали ль, как дойти туда – не знаю куда, принести то – не

знаю что?» Все звери и птицы в один голос отвечали: «Нет, мы про то не слыхивали!» Распустила их старуха по своим местам – по трущобам, по лесам, по рощам; воротилась в горницу, достала свою волшебную книгу, развернула ее – и тотчас явились к ней два великана: «Что угодно, что надобно?» – «А вот что, слуги мои верные! Понесите меня вместе с зятем на окиян-море широкое и станьте как раз на середине – на самой пучине».

Тотчас подхватили они стрельца со старухой, понесли их, словно вихри буйные, на окиян-море широкое и стали на середине – на самой пучине: сами как столбы стоят, а стрельца со старухой на руках держат. Крикнула старуха громким голосом – и приплыли к ней все гады и рыбы морские: так и кишат! Из-за них синя моря не видно! «Гой есте, гады и рыбы морские! Вы везде плаваете, у всех островов бываете: не слыхали ль, как дойти туда – не знаю куда, принести то – не знаю что?» Все гады и рыбы в один голос отвечали: «Нет! Мы про то не слыхивали!» Вдруг протеснилась вперед старая колченогая лягушка, которая уж лет тридцать как в отставке жила,

и говорит: «Ква-ква! Я знаю, где этакое диво найти». – «Ну, милая, тебя-то мне и надобно!» – сказала старуха, взяла лягушку и велела великанам себя и зятя домой отнести.

Мигом очутились они во дворце. Стала старуха лягушку допытывать: «Как и какую дорогою моему зятю идти?» Отвечает лягушка: «Это место на краю света – далеко-далеко!

Я бы сама его проводила, да уж больно стара, еле ноги волочу; мне туда в пятьдесят лет не допрыгать». Старуха принесла большую банку, налила свежим молоком, посадила в нее лягушку и дает зятю: «Неси, – говорит, – эту банку в руках, а лягушка пусть тебе дорогу показывает». Стрелец взял банку с лягушкой, попрощался со старухой и ее дочками и отправился в путь. Он идет, а лягушка ему дорогу показывает.

Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли – приходит к огненной реке; за тою рекой высокая гора стоит, в той горе дверь видна. «Ква-ква! – говорит лягушка. – Выпусти меня из банки; надо нам через реку переправиться». Стрелец вынул ее из банки и пустил на землю. «Ну, добрый молодец, садись на меня, да

не жалеи; небось не задавишь!» Стрелец сел на лягушку и прижал ее к земле: начала лягушка дуться, дулась-дулась и сделалась такая большая, словно стог сеной. У стрельца только и на уме, как бы не свалиться: «Коли свалюсь, до смерти ушибусь!» Лягушка надулась да как прыгнет – перепрыгнула через огненную реку и сделалась опять маленькою. «Теперь, добрый молодец, ступай в эту дверь, а я тебя здесь подожду; войдешь ты в пещеру и хорошенько спрячешься. Спустя некое время придут туда два старца; слушай, что они будут говорить и делать, а после, как они уйдут, и сам то ж говори и делай!»

Стрелец подошел к горе, отворил дверь – в пещере так темно, хоть глаз выколи! Полез на карачках и стал руками щупать; нащупал пустой шкаф, сел в него и закрылся. Вот немного погодя приходят туда два старца и говорят: «Эй, Шмат-разум! Покорми-ка нас». В ту ж минуту – откуда что взялось! – зажглись люстры, загремели тарелки и блюда, и явились на столе разные вина и кушанья. Старики напились, наелись и приказывают: «Эй, Шмат-разум! Убери все». Вдруг ничего не стало – ни

стола, ни вин, ни кушаньев, люстры все погасли. Слышит стрелец, что два старца ушли, вылез из шкапа и крикнул: «Эй, Шмат-разум!» – «Что угодно?» – «Покорми меня!» Опять явились и люстры зажженные, и стол накрытый, и всякие напитки и кушанья.

Стрелец сел за стол и говорит: «Эй, Шмат-разум! Садись, брат, со мною; станем есть-пить вместе, а то одному мне скучно». Отвечает невидимый голос: «Ах, добрый человек! Откуда тебя бог принес? Скоро тридцать лет, как я двум старцам верой-правдой служу, а за все это время они ни разу меня с собой не сажали». Смотрит стрелец и удивляется: никого не видать, а кушанья с тарелок словно кто метелочкой подметает, а бутылки с вином сами поднимаются, сами в рюмки наливаются, глядь – уж и пусты! Вот стрелец наелся-напился и говорит: «Послушай, Шмат-разум! Хочешь мне служить? У меня житье хорошее». – «Отчего не хотеть! Мне давно надоело здесь, а ты, вижу, – человек добрый». – «Ну, прибирай все да пойдем со мною!» Вышел стрелец из пещеры, оглянулся назад – нет никого... «Шмат-разум! Ты здесь?» – «Здесь! Не

бойся, я от тебя не отстану». – «Ладно!» – сказал стрелец и сел на лягушку: лягушка надулась и перепрыгнула через огненную реку; он посадил ее в банку и отправился в обратный путь.

Пришел к теще и заставил своего нового слугу хорошенько угостить старуху и ее дочек. Шмат-разум так их употчевал, что старуха с радости чуть плясать не пошла, а лягушке за ее верную службу назначила по три банки молока в день давать. Стрелец распрощался с тещею и пустился домой. Шел-шел и сильно уморился; прибились его ноги скорые, опустились руки белые. «Эх, – говорит, – Шмат-разум! Если б ты ведал, как я устал; просто ноги отымаются». – «Что ж ты мне давно не скажешь? Я б тебя живо на место доставил». Тотчас подхватило стрельца буйным вихрем и понесло по воздуху так шибко, что с головы шапка свалилась. «Эй, Шмат-разум! Пстой на минутку, моя шапка свалилась». – «Поздно, сударь, хватился! Твоя шапка теперь за пять тысяч верст назад». Города и деревни, реки и леса так и мелькают перед глазами...

Вот летит стрелец над глубоким морем, и гласит ему Шмат-разум: «Хочешь – я на этом море золотую беседку сделаю? Можно будет отдохнуть, да и счастье добыть». – «А ну, сделай!» – сказал стрелец и стал опускаться на море. Где за минуту только волны подымались – там появился островок, на островку золотая беседка. Говорит стрельцу Шмат-разум: «Садись в беседку, отдыхай, на море поглядывай; будут плыть мимо три купеческих корабля и пристанут к острову; ты зазови купцов, угости-употчевай и променяй меня на три диковинки, что купцы с собой везут. В свое время я к тебе назад вернусь!»

Смотрит стрелец – с западной стороны три корабля плывут; увидали корабельщики остров и золотую беседку: «Что за чудо! – говорят. – Сколько раз мы тут плавали, кроме воды ничего не было, а тут – на поди! – золотая беседка явилась. Пристанемте, братцы, к берегу, поглядим-полюбоемся». Тотчас остановили корабельный ход и бросили якоря; три купца-хозяина сели на легкую лодочку и поехали на остров. «Здравствуй, добрый человек!» – «Здравствуйте, купцы чужеземные!

Милости просим ко мне, погуляйте, повеселитесь, роздых возьмите: нарочно для заезжих гостей и беседка выстроена!» Купцы вошли в беседку, сели на скамеечку. «Эй, Шмат-разум! – закричал стрелец. – Дай-ка нам попить-поесть». Явился стол, на столе вина и кушанья, чего душа захочет – все мигом исполнено! Купцы только ахают. «Давай, – говорят, – меняться! Ты нам своего слугу отдай, а у нас возьми за то любую диковинку». – «А какие у вас диковинки?» – «Посмотри – увидишь!»

Один купец вынул из кармана маленький ящичек, только открыл его – тотчас по всему острову славный сад раскинулся и с цветами и с дорожками, а закрыл ящичек – и сад пропал. Другой купец вынул из-под полы топор и начал тятать: тят да ляп – вышел корабль! Тят да ляп – еще корабль! Сто разов тятнул – сто кораблей сделал, с парусами, с пушками и с матросами; корабли плывут, в пушки палят, от купца приказов спрашивают... Натешился он, спрятал свой топор – и корабли с глаз исчезли, словно их и не было! Третий купец достал рог, затрубил в один конец – тотчас вой-

ско явилось: и пехота и конница, с ружьями, с пушками, с знаменами; ото всех полков посылают к купцу рапорты, а он отдает им приказы: войска идут, музыка гремит, знамена развеваются... Натешился купец, взял трубу, затрубил с другого конца – и нет ничего, куда вся сила девалась!

«Хороши ваши диковинки, да мне не пригодны! – сказал стрелец. – Войска да корабли – дело царское, а я простой солдат, Коли хотите со мной поменяться, так отдайте мне за одного слугу-невидимку все три диковинки». – «Не много ли будет?» – «Ну как знаете; а я иначе меняться не стану!» Купцы подумали про себя: «На что нам этот сад, эти полки и военные корабли? Лучше поменяться; по крайней мере без всякой заботы будем и сыты и пьяны». Отдали стрельцу свои диковинки и говорят: «Эй, Шмат-разум! Мы тебя берем с собою; будешь ли нам служить верой-правдою?» – «Отчего не служить? Мне все равно – у кого ни жить». Воротились купцы на свои корабли и давай всех корабельщиков поить-угощать: «Ну-ка, Шмат-разум, поворачивайся!»

Перепились все допьяна и заснули креп-

ким сном. А стрелец сидит в золотой беседке, призадумался и говорит: «Эх, жалко! Где-то теперь мой верный слуга Шмат-разум?» – «Я здесь, господин!» Стрелец обрадовался: «Не пора ли нам домой?» Только сказал, как вдруг подхватило его буйным вихрем и понесло по воздуху. Купцы проснулись, и захотелось им выпить с похмелья: «Эй, Шмат-разум, дай-ка нам опохмелиться!» Никто не отзывается, никто не прислуживает. Сколько ни кричали, сколько ни приказывали – нет ни на грош толку. «Ну, господа! Надул нас этот маклак. [159] Теперь черт его найдет! И остров пропал, и золотая беседка сгинула». Погоревали-погоревали купцы, подняли паруса и отправились куда им было надобно.

Быстро прилетел стрелец в свое государство, опустился возле синего моря на пустом месте. «Эй, Шмат-разум! Нельзя ли здесь дворец выстроить?» – «Отчего нельзя! Сейчас готов будет». Вмиг дворец поспел, да такой славный, что и сказать нельзя: вдвое лучше королевского. Стрелец открыл ящичек, и кругом дворца сад явился с редкими деревьями и цветами. Вот сидит стрелец у открытого окна

да на свой сад любуется – вдруг влетела в окно горлица, ударилась оземь и оборотилась его молодой женою. Обнялись они, поздоровались, стали друг друга расспрашивать, друг другу рассказывать. Говорит стрельцу жена: «С той самой поры, как ты из дому ушел, я все время по лесам да по рощам сирой горлинкой летала».

На другой день поутру вышел король на балкон, глянул на сине море и видит – на самом берегу стоит новый дворец, а кругом дворца зеленый сад. «Какой это невежа вздумал без спросу на моей земле строиться?» Побежали гонцы, разведали и докладывают, что дворец тот стрельцом поставлен, и живет во дворце он сам, и жена при нем. Король пуще разгневался, приказал собрать войско и идти на взморье, сад дотла разорить, дворец на мелкие части разбить, а самого стрельца и его жену лютой смерти предать. Усмотрел стрелец, что идет на него сильное войско королевское, схватил поскорей топор, тяп да ляп – вышел корабль! Сто разов тяпнул – сто кораблей сделал. Потом вынул рог, затрубил раз – повалила пехота, затрубил в другой – по-

валила конница.

Бегут к нему начальники из полков, с кораблей и ждут приказа. Стрелец приказал начинать сражение; тотчас заиграла музыка, ударили в барабаны, полки двинулись; пехота ломит королевских солдат, конница догоняет, в плен забирает, а с кораблей по столичному городу так и жарят пушками. Король видит, что его армия бежит, бросился было сам войско останавливать – да куда! Не прошло и пол часа, как его самого убили. Когда кончилось сражение, собрался народ и начал стрельца просить, чтобы взял в свои руки все государство. Он на то согласился и сделался королем, а жена его королевою.

МУДРАЯ ЖЕНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил в деревушке старик со старухой; у него было три сына: два – умных, а третий – дурак. Пришло время старику помирать, стал он деньги делить: старшему дал сто рублей и среднему – сто рублей, а дураку и давать не хочет: все равно даром пропадут! «Что ты, батька! – говорит дурак. – Дети все равны, что умные, что дурак; давай и мне долю». Старик дал и ему сто рублей. Умер отец, похоронили его. Вот умные братья собрались на базар ехать быков покупать; и дурак поднялся. Умные купили быков, а он кошку да собаку привел. Через несколько дней старшие братья запрягли своих быков, хотят в дорогу ехать; смотря на них, и меньшей собирается. «Что ты, дурак! Куда собираешься? Али людей смешить?» – «Про то я знаю! Умным – дорога, и дуракам – путь не заказан».

Взял дурак собаку да кошку, взвалил мешок на плеча и пошел из дому. Шел-шел, на пути большая река, а заплатить за перевоз нет ни гроша; вот дурак долго не думал, на-

брал хворосту, сделал на берегу шалаш и остался в нем жить. Начала его собака по сторонам промышлять, краюшки хлеба таскать, и себя не забывает и хозяина с кошкой кормит. Плыл по той реке корабль с разными товарами. Дурак увидел и кричит: «Эй, господин корабельщик! Ты в торг едешь, возьми и мой товар из половины». И бросил на корабль свою кошку. «Куда нам этого зверя? – смеются корабельные работники. – Давайте, ребята, его в воду спустим». – «Эх вы какие, – говорит хозяин, – не трожьте, пускай эта кошка у нас мышей да крыс ловит». – «Что ж, это дело!»

Долго ли, коротко ли – приплыл корабль в иную землю, где кошек никто и не видывал, а крыс да мышей столько было, как травы в поле. Корабельщик разложил свои товары, стал продавать; нашелся и купец на них, закупил все сполна и позвал корабельщика. «Надо магарыч пить; пойдём, – говорит, – я тебя угощу!» Привел гостя в свой дом, напоил допьяна и приказал своим приказчикам стащить его в сарай: «Пусть-де его крысы съедят, все его богатство мы задаром возьмем!» Стащили корабельщика в темный сарай и бросили на-

земь; а с ним всюду кошка ходила, так привыкла к нему – ни на шаг не отстает. Забралась она в этот сарай и давай крыс душисть; душила-душила, этакую кучу накидала! Наутро приходит хозяин, смотрит – корабельщик ни в чем невредим, а кошка последних крыс добивает. «Продай, – говорит, – мне твоего зверя». – «Купи!» Торговаться-торговаться – и купил ее купец за шесть бочонков золота.

Воротился корабельщик в свое государство, увидел дурака и отдает ему три бочонка золота. «Экая пропасть золота! Куда мне с ним?» – подумал дурак и пошел по городам да по селам оделять нищую братию; роздал два бочонка, а на третий купил ладану, сложил в чистом поле и зажег: воскурилось благоухание и пошло к богу на небеса. Вдруг является ангел: «Господь приказал спросить, чего ты желаешь?» – «Не знаю», – отвечает дурак. «Ну, ступай в эту сторону; там три мужика землю пашут, спроси у них – они тебе скажут». Дурак взял дубинку и пошел к пахарям. Приходит к первому:

«Здравствуй, старик!» – «Здравствуй, добрый человек!» – «Научи меня, чего б поже-

дать мне от господа». – «А я почему знаю, что тебе надобно!» Дурак недолго думал, хватил старика дубинкою прямо по голове и убил до смерти.

Приходит к другому, опять спрашивает: «Скажи, старик, чего бы лучше пожелать мне от господа?» – «А мне почему знать!» Дурак ударил его дубинкою – идохнуть не дал. Приходит к третьему пахарю, спрашивает у него: «Скажи ты, старче!» Старик отвечает: «Коли тебе богатство дать, ты, пожалуй, и бога забудешь; пожелай лучше жену мудрую». Воротился дурак к ангелу. «Ну, что тебе сказано?» – «Сказано: не желай богатства, пожелай жену мудрую». – «Хорошо! – говорит ангел. – Ступай к такой-то реке, сядь на мосту и смотри в воду; мимо тебя всякая рыба пройдет – и большая и малая; промеж той рыбы будет плотичка с золотым кольцом – ты ее подхвати и брось через себя о сырую землю».

Дурак так и сделал; пришел к реке, сел на мосту, смотрит в воду пристально – плывет мимо рыба всякая, и большая и малая, а вот и плотичка – на ней золотое кольцо вздето; он тотчас подхватил ее и бросил через себя о сы-

рую землю – обратилась рыбка красной девицей: «Здравствуй, милый друг!» Взялись они за руки и пошли; шли, шли, стало солнце садиться – остановились ночевать в чистом поле. Дурак заснул крепким сном, а красная девица крикнула зычным голосом – тотчас явилось двенадцать работников. «Постройте мне богатый дворец под золотою крышею». Вмиг дворец поспел, и с зеркалами и с картинами. Спать легли в чистом поле, а проснулись в чудесных палатах. Увидал тот дворец под золотою крышею сам государь, удивился, позвал к себе дурака и говорит: «Еще вчера было тут место гладкое, а нынче дворец стоит! Видно, ты колдун какой!» – «Нет, ваше величество! Все сделалось по божьему повелению». – «Ну, коли ты сумел за одну ночь дворец поставить, ты построй к завтраму от своего дворца до моих палат мост – одна мостина серебряная, а другая золотая; а не выстроишь, то мой меч – твоя голова с плеч!»

Пошел дурак, заплакал. Встречает его жена у дверей: «О чем плачешь?» – «Как не плакать мне! Приказал мне государь мост соорудить – одна мостина золотая, другая серебря-

ная; а не будет готов к завтраму, хочет голову рубить». – «Ничего, душа моя! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее». Дурак лег и заснул; наутро встает – уж все сделано: мост такой, что в год не насмотришься! Король позвал дурака к себе: «Хороша твоя работа! Теперь сделай мне за единую ночь, чтоб по обе стороны моста росли яблони, на тех яблонях висели бы спелые яблочки, пели бы птицы райские да мяукали котики морские; а не будет готово, то мой меч – твоя голова с плеч!»

Пошел дурак, заплакал; у дверей жена встречает: «О чем, душа, плачешь?» – «Как не плакать мне! Государь велел, чтоб к завтраму по обе стороны моста яблони росли, на тех яблонях спелые яблочки висели, птицы райские пели и котики морские мяукали; а не будет сделано – хочет рубить голову». – «Ничего, ложись-ка спать; утро вечера мудренее». Наутро встает дурак – уж все сделано: яблоки зреют, птицы распевают, котики мяукают. Нарвал он яблоков, понес на блюде к государю. Король съел одно-другое яблоко и говорит: «Можно похвалить! Этакой сласти я еще никогда не пробовал! Ну, братец, коли ты так

хитер, то сходи на тот свет к моему отцу-покойнику и спроси, где его деньги запрятаны? А не сумеешь сходить туда, помни одно: мой меч – твоя голова с плеч!»

Опять идет дурак да плачет. «О чем, душа, слезы льешь?» – спрашивает его жена. «Как мне не плакать! Посылает меня государь на тот свет – спросить у его отца-покойника, где деньги спрятаны». – «Это еще не беда! Ступай к королю да выпроси себе в провожатые тех думных людей, что ему злые советы дают». Король дал ему двух бояр в провожатые; а жена достала клубочек. «На, – говорит, – куда клубочек покатится – туда смело иди».

Вот клубочек катился-катился – и прямо в море: море расступилося, дорога открылася; дурак ступил раз-другой и очутился с своими провожатыми на том свете. Смотрит, а на покойном королевском отце черти до пекла дрова везут да гоняют его железными прутьями. «Стой!» – закричал дурак. Черти подняли рогатые головы и спрашивают: «А тебе что нужно?» – «Да мне нужно слова два перекинуть вот с этим покойником, на котором вы дрова возите». – «Ишь что выдумал! Есть ко-

гда толковать! Этак, пожалуй, у нас в пекле огонь погаснет». – «Небось поспеете! Возьмите на смену этих двух бояр, еще скорей доvezут». Живой рукой отпрягли черти старого короля, а вместо его двух бояр заложили и повезли дрова в пекло. Говорит дурак государеву отцу: «Твой сын, а наш государь, прислал меня к твоей милости спросить, где прежняя казна спрятана?» – «Казна лежит в глубоких подвалах за каменными стенами; да сила не в том, а скажи-ка ты моему сыну: коли он будет королевством управлять так же не по правде, как я управлял, то и с ним то же будет! Сам видишь, как меня черти замучили, до костей спину и бока простегали. Возьми это кольцо и отдай сыну для большего уверения...» Только старый король покончил эти слова, как черти уж назад едут: «Но-но! Эх, какая пара славная! Дай нам еще разок на ней прокатиться». А бояре кричат дураку: «Смилуйся, не давай нас; возьми, пока живы!» Черти отпрягли их, и бояре воротились с дураком на белый свет.

Приходят к королю; он глянул и ужаснулся: у тех бояр лица осунулись, глаза выкатились, из спины, из боков железные прутья

торчат. «Что с вами подеялось?» – спрашивает король. Дурак отвечает: «Были мы на том свете; увидел я, что на вашем покойном отце черти дрова везут, остановил их и дал этих двух бояр на смену; пока я с вашим отцом говорил, а черти на них дрова возили». – «Что ж с тобою отец наказал?» – «Да велел сказать: коли ваше величество будете управлять королевством так же не по правде, как он управлял, то и с вами то же будет. Вот и кольцо прислал для большего уверения». – «Не то говоришь! Где казна-то лежит?» – «А казна в глубоких подвалах, за каменными стенами спрятана». Тотчас призвали целую роту солдат, стали каменные стены ломать; разломали, а за теми стенами стоят бочки с серебром да с золотом – сумма несчетная! «Спасибо тебе, братец, за службу! – говорит король дураку. – Только уж не погневайся: коли ты сумел на тот свет сходить, так сумей достать мне гусли-самогуды; а не достанешь, то мой меч – твоя голова с плеч!»

Дурак пошел и заплакал. «О чем, душа, плачешь?» – спрашивает у него жена. «Как мне не плакать! Сколько ни служить, а все го-

лову сложить! Посылает меня государь за гусли-самогудами». – «Ничего, мой брат их делает». Дала ему клубочек, полотенце своей работы, наказала взять с собою двух прежних бояр, королевских советников, и говорит: «Теперь ты пойдешь надолго-надолго: как бы король чего злого не сделал, на мою красоту не польстился! Пойди-ка ты в сад да вырежь три прутика». Дурак вырезал в саду три прутика. «Ну, теперь ударь этими прутиками и дворец и меня самоё по три раза и ступай с богом!» Дурак ударил – жена обратилась в камень, а дворец в каменную гору. Взял у короля двух прежних бояр и пошел в путь-дорогу; куда клубочек катится, туда и он идет.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли – прикатился клубочек в дремучий лес, Прямо к избушке. Входит дурак в избушку, а там старуха сидит. «Здравствуй, бабушка!» – «Здравствуй, добрый человек! Куда бог несет?» – «Иду, бабушка, поискать такого мастера, чтобы сделал мне гусли-самогуды: сами бы гусли играли, и под ихнюю музыку все бы волей-неволей плясали». – «Ах, да ведь этикие гусли мой сынок делает! Подожди немнож-

ко – он уже домой придет». Немного погодя приходит старухин сын. «Господин мастер! – просит его дурак. – Сделай мне гусли-самогуды». – «У меня готовые есть; пожалуй, подарю тебе, только с тем уговором: как стану я гусли настраивать – чтоб никто не спал! А коли кто уснет да по моему оклику не встанет, с того голова долой!» – «Хорошо, господин мастер!»

Взялся мастер за работу, начал настраивать гусли-самогуды; вот один боярин заслушался и крепко уснул. «Ты спишь?» – окликает мастер. Тот не встает, не отвечает, и покатила голова его по полу. Минуты две-три – и другой боярин заснул; отлетела и его голова с плеч долой. Еще минута – и дурак задремал. «Ты спишь?» – окликает мастер. «Нет, не сплю! С дороги глаза слипаются. Нет ли воды? Промыть надобно». Старуха подала воды. Дурак умылся, достал шитое полотенце и стал утираться. Старуха глянула на то полотенце, признала работу своей дочери и говорит: «Ах, зять любезный! Не чаяла с тобой видеться; здорова ли моя дочка?» Тут пошло у них обниманье-целованье: три дня гуляли, пили-ели, прохлаждались, а там наступило вре-

мя и прощаться. На прощанье мастер подарил своему зятю гусли-самогуды; дурак взял их под мышку и пустился домой.

Шел-шел, вышел из дремучего леса на большую дорогу и заставил играть гусли-самогуды: век бы слушал – не наслушался!.. Попадается ему навстречу разбойник. «Отдай, – говорит, – мне гусли-самогуды, а я тебе дубинку дам». – «А на что твоя дубинка?» – «Да ведь она не простая; только скажи ей: эй, дубинка, бей-колоти – хоть целую армию, и ту на месте положит». Дурак поменялся, взял дубинку и велел ей убить разбойника. Дубинка полетела на разбойника, раз-другой ударила и убила его до смерти. Дурак взял гусли-самогуды и дубинку и пошел дальше.

Приходит в свое государство. «Что, – думает, – мне к королю идти – еще успею! Лучше я наперед с женой повидаюсь». Ударил тремя прутиками в каменную гору – раз, другой, третий, и явился чудный дворец; ударил в камень – и жена перед ним. Обнялись, поздоровались, два-три слова перемолвили; после того взял дурак гусли, не забыл и дубинку и пошел к королю. Тот увидал. «Эх, – думает, – ни-

чем его не уходишь, все исполняет!» Как закричит, как напустится на дурака: «Ах ты, такой-сякой! Вместо того чтобы ко мне явиться, ты наперед вздумал с женой обниматься!» – «Виноват, ваше величество!» – «Мне из твоей вины не шубу шить! Уж теперь ни за что не прощу... Подайте-ка мой булатный меч!» Дурак видит, что дело к расплате идет, и крикнул: «Эй, дубинка, бей-колоти!» Дубинка бросилась, раз-другой ударила и убила злого короля до смерти. А дурак сделался королем и царствовал долго и милостиво.

ТРИ КОПЕЕЧКИ

Жил-был мальчик-сиротинка, кормиться нечем, пошел к богатому мужику и нанялся в работники: в год за одну копейку порядился. Целый год работал, получил копейку, приходит к колодезю и бросает ее в воду: «Коли не потонет, так возьму! Значит, я верно служил хозяину!» Копеечка потонула. Остался на другой год в работниках, опять получил копейку, бросил ее в колодезь – опять потонула. Остался на третий год; работал-работал, пришло время к расчету; хозяин дает ему

рубль. «Нет, – говорит сиротинка, – мне твоего не надобно; давай копеечку!» Получил копеечку, бросил ее в колодезь, смотрит – все три копеечки поверх воды плавают; взял их и пошел в город.

Идет по улице, а малые ребяташки поймали котенка и мучают. Жалко ему стало: «Продайте мне, ребятки, этого котенка». – «Купи!» – «Что возьмете?» – «Давай три монетки». Вот сиротинка купил котенка и нанялся к купцу в лавке сидеть; пошла у того купца торговля на диво: товару напасть не может, покупщики живо все разбирают. Собрался купец за море, снарядил корабль и говорит сиротинке: «Дай мне своего котика, пусть на корабле мышей ловит да меня забавляет». – «Пожалуй, хозяин, возьми; только коли загубишь, я с тебя дешево не возьму...»

Приезжает купец в чужестранное государство и остановился на постоялом дворе. Хозяин приметил, что у него денег-то много, и отвел ему такую комнату, где мышей да крыс видимо-невидимо водилось: «Пусть-де его совсем съедят, мне деньги достанутся!» А в том государстве про кошек и не ведали, а мышь

да крыса всех крепко одолевала. Купец пошел спать и котика с собой взял; поутру хозяин входит в эту комнату – купец живехонек, держит в руках котика, гладит по шерстке; котик мурлыкает да песенки распевает; а на полу целый ворох мышей да крыс надавлено! «Господин купец, продай мне этого зверька», – говорит хозяин. «Купи». – «Что возьмешь?» – «Да недорого: на задние лапки зверька поставлю, за передние подниму, засыпь его кругом золотом – с меня и того довольно!» Хозяин согласился; купец отдал ему котика, забрал целый мешок золота и, справивши свои дела, поехал назад.

Плывет он по морю и думает: «Что мне отдавать сироте золото? За простого котика да столько денег отдать – жирно будет! Нет, лучше все себе возьму». Только решился на грех, вдруг поднялась буря, да такая сильная – вот-вот корабль потонет! «Ах я, окаянный! На чужое польстился. Господи, прости меня, грешного! Ни копейки не утаю». Стал купец молитву творить – и тотчас ветры стихли, море успокоилось, и приплыл корабль благополучно к пристани. «Здравствуй, хозяин! – говорит

сиротинка. – А где мой котик?» – «Продал, – отвечает купец, – вот твои деньги, бери все сполна».

Сиротинка взял мешок с золотом, распродался с купцом и пошел на взморье к корабельщикам; сторговал у них за свое золото целый корабль ладану, свалил ладан на берегу и зажег во славу божию: пошло по всему царству благоухание, и явился вдруг старичок. «Чего хочешь, – спрашивает сиротинку, – богатства или жену добрую?» – «Не знаю, старичок!» – «Ну, ступай ты в поле, там три брата землю пахут; спроси у них, что тебе скажут».

Пошел сиротинка в поле: видит – мужики землю пахут. «Помогай бог!» – «Спасибо, добрый человек! Что тебе надо?» – «Послал меня старик, велел спросить у вас, чего пожелать мне: богатства али доброй жены?» – «Спроси у большого брата; вон на той телеге сидит». Подходит сиротинка к телеге и видит ребенка малого – как бы трехлетка. «Уж ли ж это старший брат?» – подумал сиротинка и спрашивает у него: «Что повелишь мне взять: богатство али добрую жену?» – «Возьми добрую жену». Сиротинка воротился к старику. «Велено, – го-

ворит, – жену просить». – «Ну и ладно!» – сказал старик и с глаз пропал.

Сиротинка оглянулся, а возле него стоит красавица: «Здравствуй, добрый молодец! Я, – говорит, – твоя жена; пойдём искать места, где бы можно жить нам». Пришли они в деревню и нанялись работать у одного помещика. Барин как увидал такую красоту, сейчас в нее влюбился и задумал, как бы известить ее мужа... (Конец такой же, как в сказке «Мудрая жена»).

* * *

Жил-был купец именитый; в одно время приходит к нему неведомый человек и наймывается в работники. Проработал год и просит у купца расчета; тот ему дает заслуженное жалованье, а работник берет за свою работу только одну копейку, идет с ней к реке и бросает в воду. «Если, – говорит, – я служил верой и правдой, то моя копейка не утонет!» Копеечка утонула. Он опять пошел к тому же купцу работать; проработал год, купец опять дает ему денег, сколько надо, а работник опять берет одну копейку, идет с ней к реке на старое место и бросает в воду. Копеечка уто-

нула. Пошел в третий раз к купцу работать; проработал год, купец дает ему денег еще больше прежнего за усердную его службу, а работник берет опять одну копейку, идет с нею к реке и бросает ее в воду; глядь – все три копейки поверх воды! Он взял их и пошел вдоль по дороге в свое место.

Вдруг ему попадается купец – к обедне едет; он дает тому купцу копейку и просит свечку образам поставить. Купец взошел в церковь, дает из кармана своего денег на свечи и как-то обронил ту копейку на пол. Вдруг от той копейки огонь возгорел; люди в церкви изумились, спрашивают, кто копейку обронил. Купец говорит: «Я обронил, а мне ее дал на свечу какой-то работник». Люди взяли по свече и зажгли от той копейки. А работник тем временем продолжает свой путь вперед.

На дороге попадается ему другой купец – на ярмарку едет; работник вынимает из кармана копейку, отдает купцу и говорит: «Купи мне на эту копейку на ярмарке товару». Купец взял, накупил себе товару и думает: чего бы еще искупить? И вспомнил про копейку

ку. Вспомнил и не знает, чего бы на нее купить. Попадается ему мальчик, продает кота и просит за него ни больше, ни меньше, как одну копейчку; купец не нашел другого товара и купил кота.

Поплыл он на кораблях в иное государство торг торговать; а на то государство напал великий гнус.[160] Стали корабли в пристани; котик то и дело из корабля выбегает, гнус поедает. Узнал про то царь, спрашивает купца: «Дорог ли этот зверь?» Купец говорит: «Не мой это зверь; мне велел его купить один молодец», – и нарочно молвил, что стоит трех кораблей. Царь отдал три корабля купцу, а котика себе взял. Воротился купец назад, а работник вышел на рынок, нашел его и говорит: «Купил ли ты мне на копейчку товару?» Купец отвечает: «Нельзя потаить – купил три корабля!» Работник взял три корабля и поплыл по морю.

Долго ли, коротко ли – приплыл к острову; на том острове стоит дуб; он взлез на него ночевать и слышит: внизу под дубом хвастается Ерахта[161] своим товарищам, что вот завтра среди бела дня он украдет у царя дочь. Това-

рищи ему говорят: «Если ты не утащишь, то мы тебя всего железными прутьями исхлещем!» После того разговора они ушли; работник слез с дуба и идет к царю; пришел в палаты, вынул из кармана последнюю копейчку и зажег ее. Ерахта прибежал к царю и никак не сможет украсть его дочери; воротился ни с чем к братьям, а они давай его хлестать железными прутьями; хлестали-хлестали и бросили в неведомое место! А работник женился на царевне и стал себе жить-поживать, добра наживать.

МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

Жил-был царь с царицею. Любил он ходить на охоту и стрелять дичь. Вот один раз пошел царь на охоту и увидел: сидит на дубу молодой орел; только хотел его застрелить, орел и просит: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь». Царь подумал-подумал и говорит: «Зачем ты мне нужен!» – и хочет опять стрелять. Говорит ему орел в другой раз: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми

лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь». Царь думал-думал и опять-таки не придумал, на что бы такое пригодился ему орел, и хочет уж совсем застрелить его. Орел и в третий раз провещал: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе да прокорми три года; в некое время я пригожусь тебе!»

Царь смиловался, взял орла к себе и кормил его год и два: орел так много поедал, что всю скотину приел; не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говорит ему орел: «Пусти-ка меня на волю!» Царь выпустил его на волю; попробовал орел свои крылья – нет, не сможет еще летать! – и просит: «Ну, царь-государь, кормил ты меня два года; уж как хочешь, а прокорми еще год; хоть займи, да прокорми: в накладе не будешь!» Царь то и сделал: везде занимал скотину и целый год кормил орла, а после выпустил его на волю вольную. Орел поднялся высоко-высоко, летал-летал, спустился на землю и говорит: «Ну, царь-государь, садись теперь на меня; полетим вместе». Царь сел на птицу.

Вот и полетели они; ни много, ни мало

прошло времени, прилетели на край моря синего. Тут орел скинул с себя царя, и упал он в море – по колени намок; только орел не дал ему потонуть, подхватил его на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит царь, – думал, что совсем потону!» Опять летели-летели, прилетели к другому морю. Орел скинул с себя царя как раз посеред моря – ажно царь по пояс намок. Подхватил его орел на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит он, – да все думал: авось, бог даст, ты меня вытащишь». Опять-таки летели-летели и прилетели к третьему морю. Скинул орел царя в великую глубь – ажно намок он по самую шею. И в третий раз подхватил его орел на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит царь, – да все думалось: авось ты меня вытащишь». – «Ну, царь-государь, теперь ты изведал, каков смертный страх! Это тебе за старое, за прошлое: помнишь ли, как сидел я на дубу, а ты хотел меня застрелить; три раза примался стрелять, а я все просил тебя да на мысли дер-

жал: авось не загубишь, авось смилуешься – к себе возьмешь!»

После полетели они за тридевять земель; долго-долго летели. Сказывает орел: «Посмотри-ка, царь-государь, что над нами и что под нами?» Посмотрел царь. «Над нами, – говорит, – небо, под нами земля». – «Посмотри-ка еще, что по правую сторону и что по левую?» – «По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит». – «Полетим туда, – сказал орел, – там живет моя меньшая сестра». Опустились прямо на двор; сестра выступила навстречу, примает своего брата, сажает его за дубовый стол, а на царя и смотреть не хочет; оставила его на дворе, спустила борзых собак и давай травить. Крепко осерчал орел, выско-чил из-за стола, подхватил царя и полетел с ним дальше.

Вот летели они, летели; говорит орел царю: «Погляди, что позади нас?» Обернулся царь, посмотрел: «Позади нас дом красный». А орел ему: «То горит дом меньшей моей сестры – зачем тебя не примала да борзыми собаками травила». Летели-летели, орел опять спрашивает: – «Посмотри, царь-государь, что

над нами и что под нами?» – «Над нами небо, под нами земля». – «Посмотри-ка, что будет по правую сторону и что по левую?» – «По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит». – «Там живет моя середняя сестра; полетим к ней в гости». Опустились на широкий двор; середняя сестра принимает своего брата, сажает его за дубовый стол, а царь на дворе остался; выпустила она борзых собак и приправила его. Орел осерчал, выскочил из-за стола, подхватил царя и улетел с ним еще дальше.

Летели они, летели; говорит орел: «Царь-государь! Посмотри, что позади нас?» Царь обернулся: «Стоит позади красный дом». – «То горит дом моей средней сестры! – сказал орел. – Теперь полетим туда, где живут моя мать и старшая сестра». Вот прилетели туда; мать и старшая сестра куда как им обрадовались и примали царя с честью, с ласкою. «Ну, царь-государь, – сказал орел, – отдохни у нас, а после дам тебе корабль, расплачусь с тобой за все, что поел у тебя, и ступай с богом домой». Дал он царю корабль и два сундучка: один – красный, другой – зеленый, и сказыва-

ет: «Смотри же, не отпирай сундучков, пока домой не приедешь; красный сундучок отпри на заднем дворе, а зеленый сундучок на переднем дворе».

Взял царь сундучки, распростился с орлом и поехал по синему морю; доехал до какого-то острова, там его корабль остановился. Вышел он на берег, вспомянул про сундучки, стал придумывать, что бы такое в них было и зачем орел не велел открывать их; думал-думал, не утерпел – больно[162] узнать ему захотелось: взял он красный сундучок, поставил наземь и открыл, а оттудова столько разного скота вышло, что глазом не окинешь, – едва на острове поместились.

Как увидел это царь, взгоревался, зачал плакать и приговаривать: «Что же мне теперь делать? Как опять соберу все стадо в такой маленький сундучок?» И видит он – вышел из воды человек, подходит к нему и спрашивает: «Чего ты, царь-государь, так горько плачешь?» – «Как же мне не плакать! – отвечает царь. – Как мне будет собрать все это стадо великое в такой маленький сундучок?» – «Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебе

все стадо, только с уговором: отдай мне – чего дома не знаешь». Задумался царь: «Чего бы это я дома не знал? Кажись, все знаю». Подумал и согласился. «Собери, – говорит, – отдам тебе – чего дома не знаю». Вот тот человек собрал ему в сундучок всю скотину; царь сел на корабль и поплыл восвояси.

Как приехал домой, тут только узнал, что родился у него сын-царевич; стал он его целовать, миловать, а сам так слезами и разливается. «Царь-государь, – спрашивает царица, – скажи, о чем горьки слезы ронишь?» – «С радости», – говорит; побоялся-то сказать ей правду, что надо отдавать царевича. Вышел он после на задний двор, открыл красный сундучок – и полезли оттуда быки да коровы, овцы да бараны, много-много набралось всякого скота, все сараи и варки[163] стали полны. Вышел на передний двор, открыл зеленый сундучок – и появился перед ним большой да славный сад: каких-каких деревьев тут не было! Царь так обрадовался, что и забыл отдавать сына.

Прошло много лет. Раз как-то захотелось царю погулять, подошел он к реке; на ту пору

показался из воды прежний человек и говорит: «Скоро же ты, царь-государь, забывчив стал! Вспомни, ведь ты должен мне!» Воротился царь домой с тоскою-кручиною и рассказал царице и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали все вместе и решили, что делать-то нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на взморье и оставили одного.

Огляделся царевич кругом, увидел тропинку и пошел по ней: авось куда бог приведет. Шел-шел и очутился в дремучем лесу; стоит в лесу избушка, в избушке живет баба-яга. «Дай зайду», – подумал царевич и вошел в избушку. «Здравствуй, царевич! – молвила баба-яга. – Дело пытаешь или от дела лытаешь?» – «Эх, бабушка! Напой, накорми, да потом расспроси». Она его напоила-накормила, и царевич рассказал про все без утайки, куда и зачем идет. Говорит ему баба-яга: «Иди, дитячко, на море; прилетят туда двенадцать колпиц, обернутся красными девицами и станут купаться; ты подкрадись потихоньку и захвати у старшей девицы сорочку. Как поладишь с нею, ступай к морскому царю, и попа-

дутся тебе навстречу Обьедало да Опивало, попадется еще Мороз-Трескун – всех возьми с собою; они тебе к добру пригодятся».

Простился царевич с ягою, пошел на сказанное место на море и спрятался за кусты. Тут прилетели двенадцать колпиц, ударились о сырую землю, обернулись красными девицами и стали купаться. Царевич украл у старшей сорочку, сидит за кустом – не ворохнется. Девушки выкупались и вышли на берег, одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетели домой; оставалась одна старшая, Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца. «Отдай, – говорит, – мою сорочку; придешь к бабушке, водяному царю, – в то времечко я тебе сама пригожусь». Царевич отдал ей сорочку, она сейчас обернулась колпицею и улетела вслед за подружками. Пустился царевич дальше; повстречались ему на пути три богатыря: Обьедало, Опивало да Мороз-Трескун; взял их с собою и пришел к водяному царю.

Увидал его водяной царь и говорит: «Здорово, дружок! Что так долго ко мне не бывал? Я устал, тебя дожидаячи. Примайся-ка теперь

за работу; вот тебе первая задача: построй за одну ночь большой хрустальный мост, чтоб к утру готов был! Не построишь – голова долой!» Идет царевич от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко в своем терему и спрашивает: «О чем, царевич, слезы ронишь?» – «Ах, Василиса Премудрая! Как же мне не плакать? Приказал твой батюшка за единую ночь построить хрустальный мост, а я топора не умею в руки взять». – «Ничего! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее».

Уложила его спать, а сама вышла на крыльцо, гаркнула-свистнула молодецким по-свистом; со всех сторон сбежались плотники-работники: кто место ровняет, кто кирпичи таскает; скоро поставили хрустальный мост, вывели на нем узоры хитрые и разошлись по домам. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевич! Мост готов, сейчас батюшка смотреть придет». Встал царевич, взял метлу; стоит себе на мосту – где подметет, где почистит. Похвалил его водяной царь. «Спасибо, – говорит, – сослужил мне единую службу, сослужи и другую;

вот тебе задача: насади к завтраму зеленый сад – большой да ветвистый, в саду бы птицы певчие распевали, на деревьях бы цветы расцветали, груши-яблоки спелые висели». Идет царевич от водяного, сам слезами заливаается. Василиса Премудрая отворила окошечко и спрашивает: «О чем плачешь, царевич?» – «Как же мне не плакать? Велел твой батюшка за единую ночь сад насадить». – «Ничего! Ложись спать; утро вечера мудренее».

Уложила его спать, а сама вышла на крыльечко, гаркнула-свистнула молодецким по-свистом; со всех сторон сбежались садовники-огородники и насадили зеленый сад, в саду птицы певчие распевают, на деревьях цветы расцветают, груши-яблоки спелые висят. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевич! Сад готов, батюшка смотреть идет». Царевич сейчас за метлу да в сад: где дорожку подметет, где веточку поправит. Похвалил его водяной царь: «Спасибо, царевич! Сослужил ты мне службу верой-правдою; выбирай себе за то невесту из двенадцати моих дочерей. Все они лицо в лицо, волос в волос, платье в платье; угадаешь до трех раз

одну и ту же – будет она твоею женою, не угадаешь – велю тебя казнить». Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говорит царевичу: «В первый раз я платком махну, в другой платье поправлю, в третий над моей головой станет муха летать». Так-то и угадал царевич Василису Премудрую до трех раз. Повенчали их и стали пир пировать.

Водяной царь наготовил много всякого кушанья – сотне человек не съесть! И велит зятю, чтоб все было поедено; коли что останется – худо будет. «Батюшка! – просит царевич. – Есть у нас старичок, дозвожь и ему закусь с нами». – «Пускай придет!» Сейчас явился Обьедало; все приел – еще мало стало. Водяной царь наставил всякого питья сорок бочек и велит зятю, чтоб дочиста было выпито. «Батюшка! – просит опять царевич. – Есть у нас другой старичок, дозвожь и ему выпить про твое здоровье». – «Пускай придет!» Явился Опивало, зараз опростал все сорок бочек – еще опохмелиться просит.

Видит водяной царь, что ничто не берет, приказал истопить для молодых баню чугуновую жарко-нажарко; истопили баню чугу-

ную, двадцать сажон дров сожгли, докрасна печь и стены раскалили – за пять верст подойти нельзя. «Батюшка, – говорит царевич, – дозвожь наперед нашему старичку попариться, баню опробовать». – «Пускай попарится!» Пришел в баню Мороз-Трескун: в один угол дунул, в другой дунул – уж сосульки висят. Вслед за ним и молодые в баню сходили, помылись-попарились и домой воротились. «Уйдем от батюшки водяного царя, – говорит царевичу Василиса Премудрая, – он на тебя больно сердит, не причинил бы зла какого!» – «Уйдем», – говорит царевич. Сейчас оседлали коней и поскакали в чистое поле.

Ехали-ехали; много прошло времени. «Слезь-ка, царевич, с коня да припади ухом к сырой земле, – сказала Василиса Премудрая, – не слышать ли за нами погони?» Царевич припал ухом к сырой земле: ничего не слышно! Василиса Премудрая сошла сама с доброго коня, прилегла к сырой земле и говорит: «Ах, царевич! Слышу сильную за нами погоню». Оборотила она коней колодезем, себя – ковшиком, а царевича – старым старичком. Наехала погоня: «Эй, старик! Не видал ли добра

молодца с красной девицей?» – «Видал, родимые! Только давно: они еще в те поры проехали, как я молод был». Погоня воротилась к водяному царю. «Нет, – говорит, – ни следов, ни вести, только и видели, что старика возле колодезя, по воде ковшик плавает». – «Что ж вы их не брали?» – закричал водяной царь и тут же предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисой Премудрой послал другую смену. А тем временем они далеко-далеко уехали.

Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича старым попом, а сама сделалась ветхой церковью: еле стены держатся, кругом мохом обросли. Наехала погоня: «Эй, старичок! Не видал ли добра молодца с красной девицей?» – «Видал, родимые! Только давным-давно; они еще в те поры проехали, как я молод был, эту церковь строил». И вторая погоня воротилась к водяному царю: «Нет, ваше царское величество, ни следов, ни вести; только и видели, что старца-попа да церковь ветхую». – «Что ж вы их не брали?» – закричал пуще прежнего водяной царь; предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и

Василисою Премудрою сам поскакал. На этот раз Василиса Премудрая оборотила коней рекою медовою, берегами кисельными, царевича – селезнем, себя – серой утицею. Водяной царь бросился на кисель и сыту, ел-ел, пил-пил – до того, что лопнул! Тут и дух испустил.

Царевич с Василисою Премудрою поехали дальше; стали они подъезжать домой, к отцу, к матери царевича. Василиса Премудрая и говорит: «Ступай, царевич, вперед, доложишься отцу с матерью, а я тебя здесь на дороге обожду; только помни мое слово: со всеми целуйся, не целуй сестрицы; не то меня позабудешь». Приехал царевич домой, стал со всеми здороваться, поцеловал и сестрицу, и только поцеловал – как в ту ж минуту забыл про свою жену, словно и в мыслях не была.

Три дня ждала его Василиса Премудрая; на четвертый нарядилась нищенкой, пошла в стольный город и пристала у одной старушки. А царевич собрался жениться на богатой королевне, и велено было кликнуть клич по всему царству, чтоб сколько ни есть народу православного – все бы шли поздравлять жениха с невестою и несли в дар по пирогу пше-

ничному. Вот и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сеять да пирог готовить. «Для кого, бабушка, пирог готовишь?» – спрашивает ее Василиса Премудрая. «Как для кого? Разве ты не знаешь: наш царь сына женит на богатой королевне; надо во дворец идти, молодым на стол подавать». – «Дай и я испеку да во дворец снесу; может, меня царь чем пожалует». – «Пеки с богом!» Василиса Премудрая взяла муки, замесила тесто, положила творогу да голубя с голубкою и сделала пирог.

К самому обеду пошла старуха с Василисою Премудрою во дворец; а там пир идет на весь мир. Подали на стол пирог Василисы Премудрой, и только разрезали его пополам, как вылетели оттудова голубь и голубка. Голубка ухватила кусок творогу, а голубь говорит: «Голубушка, дай и мне творожку!» – «Не дам, – отвечает голубка, – а то ты меня позабудишь, как позабыл царевич свою Василису Премудрую». Тут вспомнил царевич про свою жену, выскочил из-за стола, брал ее за белые руки и сажал возле себя рядышком. С тех пор стали они жить вместе во всяком добре и в

счастью.

* * *

Жили мышь с воробьем ровно тридцать лет так дружно: кто что ни найдет – все пополам. Раз воробей нашел маковое зернышко. «Что тут делить? – подумал он. – Раз куснуть – нет ничего!» Взял да и съел один зернышко. Спознала про то мышь и не захотела больше жить с воробьем. «Давай, – говорит ему, – давай драться не на живот, а на смерть; ты собирай всех птиц, а я соберу всех зверей». Так и сделалось; собрались и звери и птицы, билась долго-долго. В этом бою побили одного орла; тот полетел на дубок и сел на ветку.

На ту пору мужик в лесу охотился; охота была неудачная. «Дай, – подумал мужик, – хоть орла убью». Не успел он взяться за ружье, как орел проведал человеческим голосом: «Не бей меня, добрый человек! Я тебе ничего худого не сделал». Мужик пошел от него прочь, ходил-ходил, не нашел никакой птицы; подходит в другой раз к дубу и хочет орла убить. Уж совсем было приловчился, орел опять упросил его. Мужик пошел от него прочь; ходил-ходил, не нашел ничего; порав-

нялся опять с орлом, приложился и выстрелил – ружье у него осеклось. Проговорил орел: «Не бей ты меня, добрый человек, в некую пору пригожусь я тебе. Возьми лучше к себе, выходи да вылечи».

Мужик послушался, взял орла в избу к себе, стал его кормить мясом: то овцу зарежет, то теленка. В дому мужик жил не один; семья была большая – стали на него ворчать, что он весь на орла проживается. Мужик терпел долго; наконец говорит орлу: «Полетай, куда знаешь; больше держать тебя не смогу». – «Пусти меня сил попробовать», – отвечает орел. Взлетел орел высоко, опустился наземь и говорит мужику: «Продержи меня еще три дня». Мужик согласился.

Прошло три дня; молвил орел мужику: «Пора нам с тобою рассчитаться; садись на меня». Мужик сел на орла; орел взвился и полетел на сине море. Отлетел от берега и спрашивает у мужика: «Погляди да скажи, что за нами и что перед нами, что над нами и что под нами?» – «За нами, – отвечает мужик, – земля, перед нами – море, над нами – небо, под нами – вода». Орел вострепнулся, мужик

свалился; только орел не допустил его упасть в воду, на лету поймал. Взлетел орел на середину синя моря, опять стал спрашивать: «Что за нами и что перед нами, что над нами и что под нами?» – «И за нами – море и перед нами – море, над нами – небо, под нами – вода». Орел встрепенулся, мужик свалился и упал в море; орел не дал ему потонуть, подхватил и посадил на себя.

Подлетают они к другому берегу; стал опять орел спрашивать: «Что за нами и что перед нами, что над нами и что под нами?» Отвечает мужик: «За нами – море, перед нами – земля, над нами – небо, под нами – вода». Орел встрепенулся, упал мужик в море, стал совсем тонуть, чуть-чуть не захлебнулся... Орел вытащил его, посадил на себя и говорит: «Хорошо тебе тонуть было? Таково-то и мне было сидеть на дереве, как ты в меня из ружья целился. Теперь за зло мы рассчитались; давай добром считаться».

Взлетели они на берег; летели близко ли, далеко ли – видят посеред поля медный столб. «Прочти на столбе надпись», – приказывает орел мужику. Мужик прочел. «За этим стол-

бом, – говорит, – стоит медный город на двадцать пять верст». – «Ступай в медный город; тут живет моя сестрица. Проси у нее медный ларчик с медными ключиками; что б она тебе ни давала, ничего другого не бери – ни золота, ни серебра, ни камня самоцветного». Приходит мужик в город и прямо к царице: «Здравствуй! Тебе брат поклон шлет». – «А как ты знаешь моего брата?» – «Да я кормил его, больного, целые три года». – «Спасибо тебе, мужичок! Вот тебе золото, и серебро, и камень самоцветное – бери сколько душе угодно!» Мужик ничего не берет, только просит медного ларчика с медными ключиками. Она ему отказала: «Нет, голубчик! Это для меня стоит дорого». – «А дорого, так мне ничего не надобно». Поклонился, ушел за город и рассказал все орлу. «Ничего, – промолвил орел, – садись на меня». Мужик сел, орел полетел.

Стоит посеред поля столб – весь серебряный. Заставил орел мужика надпись читать. Тот прочел. «За этим столбом, – говорит, – стоит город серебряный на пятьдесят верст». – «Ступай в серебряный город; там живет моя другая сестрица, спроси у нее серебряный

ларчик с серебряными ключиками». Мужик приходит в город, прямо к царице, орловой сестрице; рассказал ей, как у него братец орел проживал, как он его холил и кормил, и стал просить серебряный ларчик с серебряными ключиками. «Правда, – сказала царица мужику, – ты сберег моего братца; бери, сколько хочешь, злата и серебра и камня самоцветного, а ларчика не отдам». Мужик вышел за город и рассказал все орлу. «Ничего, – сказал орел, – садись на меня». Мужик сел, орел полетел.

Стоит посеред поля столб – весь золотой. Заставил орел мужика читать на столбе надпись. «За этим столбом, – прочел мужик, – стоит золотой город на сто верст». – «Ступай туда; в этом городе живет моя любимая сестрица, – проговорил орел, – проси у нее золотой ларчик с золотыми ключиками». Мужик пришел прямо к царице, орловой сестрице; рассказал ей, как жил у него орел, как он за больным орлом ухаживал и чем его кормил-поил, и стал просить золотой ларчик с золотыми ключиками. Та слова ему не сказала – сейчас отдала ларчик: «Хоть дорог мне

ларчик, а брат дороже!» Мужик взял подарок и вышел к орлу за город. «Ступай теперь домой, – сказал ему орел, – да смотри не отпирай ларчика до самого дому». Сказал и улетел.

Мужик долго крепился, да не выдержал до своего времени: не дошедши до двора, открыл золотой ларчик, и только успел открыть – как стал перед ним золотой город. Мужик смотрит – не насмотрится; чудно ему показалось, как это из ларчика да целый город выскочил! Меж тем царь той земли, на которой раскинулся золотой город, прислал сказать мужику, чтобы он или отдал ему город, или то, что есть у него дома и чего он не ведает. Не захотелось мужику отдавать города; он подумал: «То, чего я не знаю, не жалко и отдать будет!» и согласился на последнее. Только вымолвил ответ свой, глядь – города нет: стоит он в чистом поле один-одинехонек, а возле него золотой ларчик с золотыми ключиками. Взял мужик ларчик и поплелся домой.

Приходит в свою избу, а жена несет ему младенца, что без него родила. Тут только спохватился мужик и спознал, чего просил у него царь земли неверной. Делать было нече-

го; раскинул он золотой город и стал до времени растить сына. Стало сыну осьмнадцать лет; царь земли неверной прислал сказать, что пора-де рассчитаться. Поплакал мужик, благословил сына, да и послал к царю.

Идет молодец путем-дорогою, подходит ко Дунаю-реке и прилег тут на бережку отдохнуть. Видит он, что пришли двенадцать девушек – одна другой лучше, разделись, обернулись серыми утицами и полетели купаться. Молодец подкрался и взял платье одной девушки. Накупавшись, утицы вылетели на берег. Все оделись; одной недостало платья. Одетые улетели, а та стала плакать и просить молодца: «Отдай мое платье; не в кую пору сама сгожусь я тебе». Молодец подумал-подумал и отдал ей платье.

Приходит он к царю неверному. «Слушай, добрый молодец! – говорит царь земли неверной. – Узнай ты мою меньшую дочь; узнаешь – пущу тебя на все на четыре стороны, не узнаешь – пеняй на себя!» Только вышел молодец из дворца, меньшая царевна навстречу ему: «Отдал ты мне платье, добрый молодец, пригожусь и я тебе. Завтра отец мой будет по-

казывать тебе всех нас, сестер, и велит меня угадывать. Мы все похожи одна на другую; так ты смотри: у меня на левом ухе будет мошка ползать».

Наутро зовет к себе молодца царь неверный, показывает ему двенадцать своих дочерей. «Угадай, – говорит, – которая меньшая дочь?» Молодец посмотрел: у которой на левом ухе мошка, на ту и показал. Завопил, закричал царь: «Слушай молодец! Тут подлог есть, да я тебе не игрушка. Выстрой к завтраму мне белокаменные палаты; мои, вишь, стары, так я хочу в новые перейти. Выстроишь – отдам за тебя меньшую дочь, не выстроишь – живого съем!» Запечалился молодец, идучи от неверного царя, да царевна ему навстречу. «Не кручинься, – говорит, – молись богу да спать ложись; к завтраму все готово будет». Лег молодец, заснул. Поутру глядь в окошко – стоит новый дворец, мастера ходят кругом да кой-где гвоздики поколачивают. Царь земли неверной отдал свою меньшую дочь за молодца: не хотелось ему отступить от своего слова царского. Да и замысла покинуть – тоже не хочется: задумал он съесть жи-

вьем молодца и с дочерью. Пошла молодая посмотреть, что делает ее батюшка с матушкой; подходит к двери и слышит, что они советуют, как дочь с зятем съесть.

Побежала царица к мужу, оборотила его в голубя, сама перекинулась в голубку, и полетели на свою сторонку. Проведал про то царь неверный, послал их догонять. Догонщики мчали-скакали, никого не нагнали, увидели только голубя с голубкою, да и вернулись назад. «Никого не нагнали, – сказали они царю своему, – только и видели голубя с голубкою». Царь догадался, что это они были; рассердился на догонщиков, перевешал их и послал других. Погнались эти, мчали-скакали, прискакали к реке, а у той реки стоит дерево; видят, что нет никого, и вернулись к царю. Рассказали ему про речку, про дерево. «Это они и были!» – закричал царь земли неверной, велел перевешать и этих догонщиков. Погнался сам.

Ехал-ехал и наехал на божью церковь. Он в церковь, а там старичок ходит да свечи перед иконами зажигает. Спросил царь у него, не видал ли он беглецов? Старичок сказал,

что они уж давно ушли в золотой город, что стоит на сто верст. Ударился царь неверный от злости оземь, да делать-то было нечего – поворачивай оглобли домой. Только что он уехал, церковь оборотилась царевною, а старичок – добрым молодцем, поцеловались, да и пошли к батюшке с матушкой в золотой город, что раскинулся на сто верст. Пришли и стали там жить да поживать да добра наживать.

НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО

В некотором селе жил старик со старухой в большой бедности; у них был сын. Взросел сын в совершенные лета, и стала старуха говорить старику: «Пора нам сына женить!» – «Ну, ступай сватать!» Пошла она к соседу сватать дочь за своего сына: сосед отказал. Пошла к другому мужику, и другой отказал, к третьему – и тот на ворота указал; всю деревню обходила – никто не отдает. Вернулась домой: «Ну, старик, пропащий наш парень!» – «Что так?» – «По всем дворам таскалася, никто за него не отдает своей дочери». – «Плохо дело! – говорит старик. – Скоро лето настанет,

а у нас работать некому. Ступай, старуха, в другую деревню; может, там высватаешь».

Потащи́лась старуха в другую деревню, с краю до краю все дворы обходила – а толку нет ни капли; куда ни сунется – везде отказывают. С чем из дому пошла, с тем и домой пришла. «Нет, – говорит, – никто не хочет с нами, бедняками, породниться». – «Коли так, – отвечает старик, – нечего и ног ломать, полезай на полати». Сын закручинился и стал проситься: «Родимый мой батюшка и родимая матушка! Благословите меня – я сам пойду искать свою судьбу». – «Да куда ж ты пойдешь?» – «А куда глаза глядят!» Они благословили его и отпустили на все четыре стороны.

Вот вышел парень на большую дорогу, горько-горько заплакал да, идучи, сам с собой говорит: «Неужели ж я хуже всех на свете зародился, что ни одна девка не хочет за меня замуж идти? Кажись, если б сам черт дал мне невесту, я б и тоё взял!» Вдруг словно из земли вырос – идет к нему навстречу старый старик: «Здравствуй, добрый молодец!» – «Здравствуй, старичок!» – «Про что ты сейчас говорил?» Парень испугался, не знает, что и отве-

чать. «А ты меня не бойся! Я тебе худого ничего не сотворю, а может, еще твоему горю пособлю. Говори смело!» Парень рассказал ему все по правде: «Бедная моя головушка! Ни одна-то девка за меня замуж нейдет. Вот я, идучи, раскручинился и с той кручины вымолвил: хоть бы черт мне невесту дал, я б и тоё взял!» Старик засмеялся и сказал: «Иди за мной; я тебе любую невесту на выбор дам».

Приходят они к озеру. «Обернись-ка спиной к озеру да ступай задом!» – приказывает парню старик. Только успел он оборотиться и ступить шаг-другой, как очутился под водой в белокаменных палатах; все комнаты славно убраны, хитро изукрашены. Накормил-наполнил его старик; после выводит двенадцать девиц – одна другой краше: «Выбирай себе любую! Какую выберешь, ту и отдам за тебя». – «Это дело хитрое! Позволь, дедушка, до утра подумать». – «Ну, подумай!» – сказал старик и отвел его в особую светлицу.

Парень лег спать и думает: «Какую взять?» Вдруг дверь отворяется, входит к нему красная девица: «Спишь ли, добрый молодец, али нет?» – «Нет, красная девица! И сон не берет,

все думаю: какую невесту выбрать?» – «Я нарочно к тебе пришла посоветовать; ведь ты, добрый молодец, к черту попал в гости! Слушай же: если ты хочешь пожить еще на белом свете, то делай так, как велю; а не станешь по-моему делать – отсюда жив не уйдешь!» – «Научи, красная девица! По век не забуду». – «Завтра выведет нечистый двенадцать девиц – все одна в одну; а ты приглядывайся да меня выбирай: на правом глазу у меня будет мошка сидеть – то тебе примета верная!» И рассказала тут красная девица про себя, кто она такова. «Знаешь ли ты, – говорит, – в таком-то селе попа? Я его дочь – та самая, что девяти лет из дому пропала. Раз как-то отец на меня осерчал да в сердцах слово вымолвил: „Чтоб тебя черти побрали!“ Я вышла на крыльцо, заплакала – вдруг подхватили меня нечистые и принесли сюда; вот и живу теперь с ними».

Поутру вывел старик двенадцать девиц – одна в одну – и приказывает доброму молодцу выбирать невесту. Он присмотрелся: у которой на правом глазу мошка сидела, ту и выбрал. Старику жалко ее отдавать, перемешал

красных девиц и велит выбирать сызнова; добрый молодец указал ту же самую. Заставил его нечистый выбирать еще в третий раз – он опять угадал свою суженую. «Ну, твое счастье! Веди ее домой». Тотчас очутился парень с красной девицей на берегу озера, и пока на большую дорогу не выбрались – шли они задом. Бросились догонять их нечистые. «Отобьем, – кричат, – нашу девицу!» Смотрят: нет следов от озера, все следы ведут в воду! Побегали, искали, да ни с чем и воротились.

Вот привел добрый молодец свою невесту на село и остановился против попова двора. Поп увидал и выслал работника: «Поди, спроси, что за люди?» – «Мы люди прохожие; пустите переночевать». – «У меня купцы в гостях, – говорит поп, – и без них в избе тесно». – «И, что ты, батюшка, – говорит один купец, – прохожего человека завсегда надо принять; они нам не помешают». – «Ну, пусть войдут!» Вошли они, поздоровались и сели на лавочку в заднем углу. «Узнаешь ли меня, батюшка? – спрашивает красная девица. – Ведь я твоя родная дочь». Рассказала все, как было; стали

они обниматься, целоваться, радостные слезы проливать. «А это кто?» – «А это мой нареченный жених; он меня на белый свет вывел. Если бы не он, вечно б там осталась».

После того развязала красная девица свой узел, а в том узле была золотая да серебряная посуда – у чертей забрала. Купец глянул и говорит: «Ах! Посуда-то моя; пировал я однажды с гостями, спьяну осерчал на жену: „черт возьми!“ – говорю и давай кидать со стола что ни попало за порог; с той поры и пропала моя посуда!» И взаправду так было; как помянул этот купец черта, нечистый тотчас явился у порога, стал забирать к себе золотую да серебряную посуду, а вместо ее черепков накидал.

Вот таким-то случаем добыл себе парень славную невесту, женился на ней и поехал к своим родителям; они считали его уж навеки пропащим: шутка ли – больше трех лет дома не бывал, а ему показалось, что он всего-то одни сутки у чертей прожил!

КУПЛЕННАЯ ЖЕНА

Жил-был Иван купеческий сын: промотал по смерти отца свое имение и нанялся к родному дяде в приказчики. Дядя нагрузил свои корабли товарами и поехал вместе с племянником за море – в чужестранных землях торг вести. Приплыли они к знатному столичному городу, привалили к пристани, выгрузились и начали одни товары сбывать, а другие покупать да денежки наживать. Говорит дядя племяннику: «Вот тебе в награду сто рублей денег; ступай купи себе товару, какой полюбится. Долго прохлаждаться здесь не будем; как покончим дело, так и домой повернем».

Иван взял сто рублей и пошел на рынок, ходит около лавок в раздумье, приглядывается: какой бы товар купить? Вдруг откуда ни взялся – подходит к нему старик: «Чего, добрый человек, ищешь?» – «Хочу купить на сто рублей товару». – «Давай деньги, я тебя надею таким товаром, что ты сроду этакого не видывал». Купеческий сын отдал ему сто рублей; старик взял деньги и говорит: «Ступай за мною!» Приводит его на самый край города –

в прекрасный сад; в том саду за золотую решеткой сидит душа-девица – такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. «Вот мой товар – красная девица; бери ее за руку и веди домой!» – «Что ты, старина, этот товар мне не надобен; я и так на красных девушек все отцовское добро промотал, да теперь закаялся». – «Ну, брат, коли тебе товар мой негоден, так ступай с пустыми руками; нет тебе ни товару, ни денег!» Иван купеческий сын залился горькими слезами: «Что я за несчастный такой! – думает про себя. – Сто рублей задаром потерял». Вернулся к дяде. «Что ж, купил товару?» – «Нет, дядюшка! На сто рублей не укупишь». – «Ну вот тебе еще сотня».

На другой день пошел Иван на рынок, попадаетеся ему навстречу тот же самый старик: «Здравствуй, добрый человек!» – «Здравствуй, божий старичок!» – отвечает Иван; смотрит старику прямо в глаза, а признать его не может. Что вчера было, то и теперь случилось; пропала у Ивана и другая сотня. На третий день получил он от дяди еще сотню и опять повстречал старика; старик взял с него день-

ги, привел к золотой решетке: «Вот, – говорит, – мой товар – красная девица; бери ее за руку и веди домой!»

Купеческий сын подумал-подумал: «Знать, судьба моя такова!» – взял девицу и повел с собою. Спрашивает ее дорогою: «Скажись, красная девица, ты какого рода, какого племени?» – «Я королевская дочь, а зовут меня Настасья Прекрасная; назад тому десять лет выпросилась я у батюшки, у матушки и пошла погулять на реку; увидала на воде лодочку хорошо приукрашенную, захотела на ней покататься, и только села в лодочку – как она поплыла, да так шибко, что в пять минут совсем берега пропали; принесло меня волной к зеленому саду, посадил меня старик за золотую решетку, и жила я там, пока ты меня выкупил». – «Как же я теперь покажусь дяде?» – спрашивает Иван купеческий сын. – «Триста рублей истратил, а товару не купил». – «Ничего, это дело поправное!» – отвечала Настасья Прекрасная. – «Найдем прежде всего квартиру».

Наняли квартиру, она уложила его спать, а сама за работу села и вышила чудный ковер;

поутру будит купеческого сына: «На, – говорит, – ковер! Неси на рынок; коли кто станет покупать, ты денег не бери, а проси, чтоб напоил тебя допьяна». Иван купеческий сын так и сделал, напился допьяна, вышел из кабака и упал в грязную лужу; собралось много всякого народу, смотрят на него да смеются: «Хорош молодец! Хоть сейчас под венец веди!» – «Хорош – нехорош, а велю – Настасья Прекрасная меня в маковку поцелует». – «Не больно хвастайся! – говорит богатый купец. – Она на тебя и взглянуть не захочет – вишь ты какой захлюстанный![164]» Начали спорить; купец говорит: «Давай об заклад биться – хочешь на десять тысяч?» – «Есть из чего хлопотать! Коли биться, так на все имение». – «Ну, пожалуй, на все имение!» Только порешили это дело, глядь – идет Настасья Прекрасная, подняла купеческого сына за руку, поцеловала в самую маковку, обтерла-обчистила и повела домой.

Выиграл Иван у того купца и лавки с товарами и подвалы с самоцветными камнями; первый богач сделался. Говорит ему Настасья Прекрасная: «Беги – созывай кирпичников да

заказывай работу; пусть скорехонько кирпичи готовят, внутрь каждого кирпича самоцветные камни заделывают». Сказано – сделано. На много возов уложил Иван купеческий сын те кирпичи, покрыл рогожами и повез к своему дяде на корабль. «Здравствуй, племянник! Где был-пропадал? Какого добра купил?» – «Да вот кирпичу привез». – «Эх ты, голова! Этого товару и в нашем царстве довольно. Какой с него барыш будет?» – «Бог милостив! Авось что-нибудь перепадет и мне на бедность». – «Ну, вали на корабль!» Иван тотчас свалил весь свой товар, съездил за Настасьей Прекрасною и ее на корабль доставил. Дядя увидел красну девицу и говорит племяннику: «А я думал – ты совсем остепенился; ан выходит, ты все такой же! Старины не покидаешь...»

Вот якоря подняты, паруса поставлены, и поплыли корабли в открытое море. Долго ли, коротко ли – приехали дядя с племянником в свое государство: надо им к царю идти и подарки нести. Дядя берет кусок парчи да кусок бархату, а племянник два кирпичика. «Ты куда?» – спрашивает дядя. «К царю пойду». – «А

что понесешь?» – «Вот два кирпичика». – «Эх, брат, лучше не ходи – и себя не срами и меня в ответ не вводи. Не ровен час – царь прогневаётся; беда будет!» – «Нет, дядя! Какой есть товар, тот и понесу». Дядя уговаривал его, уговаривал, видит, что никак не уломает. «Ну, – говорит, – коли что случится – на себя пеняй, а я в твоей вине не ответчик». Являются они к самому царю; дядя бил челом парчою да бархатом, а Иван купеческий сын подал на золотом блюде два кирпичика: «Извольте разломить, ваше величество!» Царь разломил кирпичи; оттуда так и посыпались дорогие самоцветные камни – всю комнату осветили. «Спасибо тебе за подарочек; таких камней я отродясь не видывал. Выбирай себе первое место в городе и торгуй безданно-беспошлинно».

Иван купеческий сын выбрал лучшее место в городе, поставил дом и лавки и завел большой торг; а как все по хозяйству устроил, вздумал жениться на Настасье Прекрасной, а вздумавши, послал к ее отцу просить родительского благословения. Король думает: «Как-таки отдать королеву за простого торго-

ша? И смех и срам будет!» И начал он манить купеческого сына разными проволочками, а сам нарядил целый полк и приказал выкрасть Настасью Прекрасную.

Раз отлучился куда-то по своим делам Иван купеческий сын, больше месяца дома не бывал, а как воротился, невесту его уже выкрали и к отцу увезли. Заплакал он и пошел куда глаза глядят; шел-шел, много горя принял и холоду и голоду испытал; начал молитву творить: «Хоть бы господь послал мне попутчика – все б веселей было!» Смотрит – старичок идет. «Здравствуй, добрый молодец! Куда путь держишь?» – «Эх, дедушка! Было в руках счастье, да не дал бог владать! Иду искать Настасью Прекрасную». – «Поздно собрался! Ее уж просватали за одного царевича». – «Мне хоть бы раз посмотреть на нее!» – «Ну, пойдем вместе, и мне туда ж дорога лежит».

Вот и пошли вдвоем; шли-шли, порядком проголодались. Вынул старик из-за пазухи просвирку, переломил пополам; себе взял одну половину, а другую дает своему товарищу. Купеческий сын отказывается. «Тебе само-

му, – говорит, – мало!» – «Бери! Бог даст – и этого не съедим, а сыты будем». Так и вышло: просвиры не съели, а уж оба сыты. Долго ли, коротко ли – приводит старик Ивана купеческого сына в королевский сад и говорит: «Стань под эту яблоньку и смотри – выйдет Настасья Прекрасная гулять по саду и как раз мимо тебя пройдет; только как станут падать яблоки, ты их не моги собирать да кушать, а не то заснешь непробудным сном».

Купеческий сын стал под яблоню; начали с дерева яблоки валиться, да такие славные, наливные, пахучие; он не вытерпел, поднял одно яблочко и скушал; скушал и заснул непробудным сном. Вышла Настасья Прекрасная по саду погулять, увидела своего суженого и бросилась будить его; будила, будила, никак не могла разбудить, написала записочку: «Прощай, милый друг! Завтра моя свадьба», – и положила ему в правую руку. Наутро проснулся Иван купеческий сын, прочитал записку и залился слезами. Приходит старик: «Я ж тебе говорил: не бери, не ешь яблоков; а ты не послушался! Ступай поскорее – не найдешь ли где дощечки».

Купеческий сын побежал по улице, нашел дощечку и принес старику. Тот взял ее, навязал струны, остановился у кабака и давай разные песни наигрывать. Что тут народу собралось – видимо-невидимо! Тотчас доложили королю: возле кабака такой-де музыкант появился, что лучше королевских играет! Король приказал позвать его во дворец: «Пусть на свадьбе поиграет да гостей повеселит». Побежали гонцы, зовут старика на свадьбу; он отвечает: «Сейчас приду!» Снял с себя одежду, нарядил в нее купеческого сына, дал ему самодельную скрипочку и говорит: «Ступай ты вместо меня». – «Как мне идти, когда я играть не умею?» – «Ничего; ты только смычком води да руками перебирай, а скрипка сама играть станет».

Вот Иван купеческий сын пришел во дворец, стал промеж музыкантов, начал играть – его скрипка всю музыку покрывает, на диво гостям целые речи выговаривает. Раз заиграл – скрипка говорит: «Спи, спи, да не проспи!» В другой заиграл – скрипка говорит: «Гуляй, гуляй, да не прогуляй!» А в третий раз заиграл – скрипка стала выводить: «Спите креп-

ко непробудным сном!» В ту ж минуту где кто стоял, где кто сидел – так все и заснули. Иван купеческий сын взял Настасью Прекрасную за белые руки, повел в церковь и обвенчался с нею. Король проснулся, видит – дело сделано, ничем не воротишь! И велел свадьбу справлять, пир пировать, гостей угощать.

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

В некотором царстве, в некотором государстве был купец; жена у него померла, остался один сын Иван. К этому сыну приставил он дядьку, а сам через некоторое время женился на другой жене, и как Иван купеческий сын был уже на возрасте и больно хорош собою, то мачеха и влюбилась в него. Однажды Иван купеческий сын отправился на плотике по морю охотничать с дядькою; вдруг увидели они, что плывут к ним тридцать кораблей. На тех кораблях была царь-девица с тридцатью другими девицами, своими названными сестрицами. Когда плотик сплылся с кораблями, тотчас все тридцать кораблей стали на якорях. Ивана купеческого сына вместе с дядькою позвали на самый лучший

корабль; там их встретила царь-девица с тридцатью девицами, названными сестрицами, и сказала Ивану купеческому сыну, что она его крепко полюбила и приехала с ним повидаться. Тут они и обручились.

Царь-девица наказала Ивану купеческому сыну, чтобы завтра в то же самое время приехал он на это место, распростилась с ним и отплыла в сторону. А Иван купеческий сын воротился домой, поужинал и лег спать. Мачеха завела его дядьку в свою комнату, напоила пьяным и стала спрашивать: не было ли у них чего на охоте? Дядька ей все рассказал. Она, выслушав, дала ему булавку и сказала: «Завтра, как станут подплывать к вам корабли, воткни эту булавку в одежду Ивана купеческого сына». Дядька обещался исполнить приказ.

Поутру встал Иван купеческий сын и отправился на охоту. Как скоро увидел дядька плывущие вдали корабли, тотчас взял и воткнул в его одежду булавочку. «Ах, как я спать хочу! – сказал купеческий сын. – Послушай, дядька, я покуда лягу да сосну, а как подплывут корабли, в то время, пожалуйста, разбуди

меня». — «Хорошо! Отчего не разбудить?» Вот приплыли корабли и остановились на якорях; царь-девица послала за Иваном купеческим сыном, чтоб скорее к ней пожаловал; но он крепко-крепко спал. Начали его будить, тревожить, толкать, но что ни делали — не могли разбудить; так и оставили.

Царь-девица наказала дядьке, чтобы Иван купеческий сын завтра опять сюда же приезжал, и велела подымать якоря и паруса ставить. Только отплыли корабли, дядька выдернул булавочку, и Иван купеческий сын проснулся, вскочил и стал кричать, чтоб царь-девица назад воротилась. Нет, уж она далеко, не слышит. Приехал он домой печальный, кручинный. Мачеха привела дядьку в свою комнату, напоила допьяна, повыспросила все, что было, и приказала завтра опять воткнуть булавочку. На другой день Иван купеческий сын поехал на охоту, опять проспал все время и не видал царь-девицы; наказала она побывать ему еще один раз.

На третий день собрался он с дядькою на охоту; стали подъезжать к старому месту; увидали: корабли вдали плывут, дядька тот-

час воткнул булавочку, и Иван купеческий сын заснул крепким сном. Корабли приплыли, остановились на якорях; царь-девица послала за своим нареченным женихом, чтобы к ней на корабль пожаловал. Начали его будить всячески, но что ни делали – не могли разбудить. Царь-девица уведала хитрости мачехины, измену дядькину и написала к Ивану купеческому сыну, чтобы он дядьке голову отрубил, и если любит свою невесту, то искал бы ее за тридевять земель, в тридесятом царстве. Только распустили корабли паруса и поплыли в широкое море, дядька выдернул из одежды Ивана купеческого сына булавочку, и он проснулся, начал громко кричать да звать царь-девицу; но она была далеко и ничего не слышала. Дядька подал ему письмо от царь-девицы; Иван купеческий сын прочитал его, выхватил свою саблю острую и срубил злому дядьке голову, а сам пристал поскорее к берегу, пошел домой, распрощался с отцом и отправился в путь-дорогу искать тридесятое царство.

Шел он куда глаза глядят, долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро

дело делается, – приходит к избушке; стоит в чистом поле избушка, на куричьих голяшках [165] повертывается. Взшел в избушку, а там баба-яга костяная нога. «Фу-фу! – говорит. – Русского духу слыхом было не слышать, видом не видать, а ныне сам пришел. Волей али неволей, добрый молодец?» – «Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, баба-яга, тридесятого царства?» – «Нет, не ведаю!» – сказала ягая и велела ему идти к своей средней сестре: та не знает ли?

Иван купеческий сын поблагодарил ее и отправился дальше; шел, шел, близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, приходит к такой же избушке, взшел – и тут баба-яга. «Фу-фу! – говорит. – Русского духу слыхом было не слышать, видом не видать, а ныне сам пришел. Волей али неволей, добрый молодец?» – «Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, где тридесятое царство?» – «Нет, не знаю!» – отвечала ягая и велела ему зайти к своей младшей сестре: та, может, и знает: «коли она на тебя рассердится да захочет съесть тебя, ты возьми у ней три трубы и попроси поиграть на них: в первую трубу негромко иг-

рай, в другую погромче, а в третью еще громче». Иван купеческий сын поблагодарил ягу и отправился дальше.

Шел-шел, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконец увидал избушку – стоит в чистом поле, на куричьих голяшках повертывается; взошел – и тут баба-яга. «Фу-фу! Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел!» – сказала ягая и побежала зубы точить, чтобы съесть незваного гостя. Иван купеческий сын выпросил у ней три трубы, в первую негромко играл, в другую погромче, а в третью еще громче. Вдруг налетели со всех сторон всякие птицы; прилетела и жар-птица. «Садись скорей на меня, – сказала жар-птица, – и полетим, куда тебе надобно; а то баба-яга съест тебя!» Только успел сесть на нее, прибежала баба-яга, схватила жар-птицу за хвост и выдернула немало перьев.

Жар-птица полетела с Иваном купеческим сыном; долгое время неслась она по поднебесью и прилетела, наконец, к широкому морю. «Ну, Иван купеческий сын, тридесятое царство за этим морем лежит; перенести тебя на

ту сторону я не в силах; добирайся туда, как сам знаешь!» Иван купеческий сын слез с жар-птицы, поблагодарил и пошел по берегу.

Шел-шел – стоит избушка, взошел в нее; повстречала его старая старуха, напоила-накормила и стала спрашивать: куда идет, зачем странствует? Он рассказал ей, что идет в тридешатое царство, ищет царь-девицу, свою суженую. «Ах! – сказала старушка. – Уж она тебя не любит больше; если ты попадешься ей на глаза – царь-девица разорвет тебя: любовь ее далеко запрятана!» – «Как же достать ее?» – «Подожди немножко! У царь-девицы живет дочь моя и сегодня обещалась побывать ко мне; разве через нее как-нибудь узнаем». Тут старуха обернула Ивана купеческого сына булавкою и воткнула в стену; ввечеру прилетела ее дочь. Мать стала ее спрашивать: не знает ли она, где любовь царь-девицы запрятана? «Не знаю», – отозвалась дочь и обещала допытаться про то у самой царь-девицы. На другой день она опять прилетела и сказала матери: «На той стороне океана-моря стоит дуб, на дубу сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, а в яйце любовь царь-

девицы!»

Иван купеческий сын взял хлеба и отправился на сказанное место; нашел дуб, снял с него сундук, из него вынул зайца, из зайца утку, из утки яйцо и воротился с яичком к старухе. Настали скоро именины старухины; позвала она к себе в гости царь-девицу с тридцатью иными девицами, ее названными сестрицами; энто яичко испекла, а Ивана купеческого сына срядила по-праздничному и спрятала.

Вдруг в полдень прилетают царь-девица и тридцать иных девиц, сели за стол, стали обедать; после обеда положила старушка всем по простому яичку, а царь-девице то самое, что Иван купеческий сын добыл. Она съела его и в ту ж минуту крепко-крепко полюбила Ивана купеческого сына. Старуха сейчас его вывела; сколько тут было радостей, сколько веселья! Уехала царь-девица вместе с женихом – купеческим сыном в свое царство; обвенчались и стали жить да быть да добро копить.

ПЕРЫШКО ФИНИСТА ЯСНА СОКОЛА

Жил-был старик, у него было три дочери: большая и средняя – щеголихи, а меньшая только о хозяйстве радела. Собирается отец в город и спрашивает у своих дочерей: которой что купить? Большая просит: «Купи мне на платье!» И средняя то ж говорит. «А тебе что, дочь моя любимая?» – спрашивает у меньшей. «Купи мне, батюшка, перышко Финиста ясна сокола». Отец простился с ними и уехал в город; большим дочерям купил на платье, а перышка Финиста ясна сокола нигде не нашел. Воротился домой, старшую и среднюю дочерей обновками обрадовал. «А тебе, – говорит меньшей, – не нашел перышка Финиста ясна сокола». – «Так и быть, – сказала она, – может, в другой раз посчастливится найти». Большие сестры кроят да обновы себе шьют, да над нею посмеиваются; а она знай отмалчивается. Опять собирается отец в город и спрашивает: «Ну, дочки, что вам купить?» Большая и средняя просят по платку купить, а меньшая говорит: «Купи мне, ба-

тютюшка, перышко Финиста ясна сокола». Отец поехал в город, купил два платка, а перышка и в глаза не видал. Воротился назад и говорит: «Ах, дочка, ведь я опять не нашел перышка Финиста ясна сокола!» – «Ничего, батюшка; может, в иное время посчастливится».

Вот и в третий раз собирается отец в город и спрашивает: «Сказывайте, дочки, что вам купить?» Большие говорят: «Купи нам серьги», а меньшая опять свое: «Купи мне перышко Финиста ясна сокола». Отец искупил золотые серьги, бросился искать перышка – никто такого не ведает; опечалился и поехал из городу. Только за заставу, а навстречу ему старичок несет коробочку. «Что несешь, старина?» – «Перышко Финиста ясна сокола». – «Что за него просишь?» – «Давай тысячу». Отец заплатил деньги и поскакал домой с коробочкой. Встречают его дочери. «Ну, дочь моя любимая, – говорит он меньшей, – наконец и тебе купил подарок; на, возьми!» Меньшая дочь чуть не прыгнула от радости, взяла коробочку, стала ее целовать-миловать, крепко к сердцу прижимать.

После ужина разошлись все спать по своим светелкам; пришла и она в свою горницу, открыла коробочку—перышко Финиста ясна сокола тотчас вылетело, ударилось об пол, и явился перед девицей прекрасный царевич. Повели они меж собой речи сладкие, хорошие. Услыхали сестры и спрашивают: «С кем это, сестрица, ты разговариваешь?» – «Сама с собой», – отвечает красна девица. «А ну, отпрись!» Царевич ударился об пол – и сделался перышком; она взяла, положила перышко в коробочку и отворила дверь. Сестры и туда смотрят и сюда заглядывают – нет никого! Только они ушли, красная девица открыла окно, достала перышко и говорит: «Полетай, мое перышко, во чисто поле; погуляй до поры до времени!» Перышко обратилось ясным соколом и улетело в чистое поле.

На другую ночь прилетает Финист ясный сокол к своей девице; пошли у них разговоры веселые. Сестры услышали и сейчас к отцу побежали: «Батюшка! У нашей сестры кто-то по ночам бывает; и теперь сидит да с нею разговаривает». Отец встал и пошел к меньшей дочери, входит в ее горницу, а царевич уж дав-

но обратился перышком и лежит в коробочке. «Ах вы, негодные! – накинулся отец на своих больших дочерей. – Что вы на нее понапрасну взводите? Лучше бы за собой присматривали!»

На другой день сестры поднялись на хитрости: вечером, когда на дворе совсем стемнело, подставили лестницу, набрали острых ножей да иголок и натыкали на окне красной девицы.

Ночью прилетел Финист ясный сокол, бился-бился – не мог попасть в горницу, только крылышки себе обрезал. «Прощай, красна девица! – сказал он. – Если вздумаешь искать меня, то ищи за тридевять земель, в тридесятом царстве. Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три просвиры каменных изложешь, чем найдешь меня, добра молодца!» А девица спит себе: хоть и слышит сквозь сон эти речи неприветливые, а встать-пробудиться не может.

Утром просыпается, смотрит – на окне ножи да иглы натыканы, а с них кровь так и капает. Всплеснула руками: «Ах, боже мой!

Знать, сестрицы стубили моего друга милого!» В тот же час собралась и ушла из дому. Побежала в кузницу, сковала себе три пары башмаков железных да три посоха чугуновых, запаслась тремя каменными просвирами и пустилась в дорогу искать Финиста ясна сокола.

Шла-шла, пару башмаков истоптала, чугуновый посох изломала и каменную просвиру изглодала: приходит к избушке и стучится: «Хозяин с хозяйюшкой! Укройте от темных ночи». Отвечает старушка: «Милости просим, красная девица! Куда идешь, голубушка?» – «Ах, бабушка! Ищу Финиста ясна сокола». – «Ну, красна девица, далеко ж тебе искать будет!» Наутро говорит старуха: «Ступай теперь к моей средней сестре, она тебя добру научит; а вот тебе мой подарок: серебряное донце, золотое веретенце; станешь кудель прясть – золотая нитка потянется». Потом взяла клубочек, покатила по дороге и наказала вслед за ним идти, куда клубочек покатится, туда и путь держи! Девица поблагодарила старуху и пошла за клубочком.

Долго ли, коротко ли, другая пара башма-

ков изношена, другой посох изломан, еще каменная просвира изглодана; наконец прикатился клубочек к избушке. Она постучалась: «Добрые хозяева! Укройте от темной ночи красну девицу». – «Милости просим! – отвечает старушка. – Куда идешь, красная девица?» – «Ищу, бабушка, Финиста ясна сокола». – «Далеко ж тебе искать будет!» Поутру дает ей старушка серебряное блюдо и золотое яичко и посылает к своей старшей сестре: она-де знает, где найти Финиста ясна сокола!

Простилась красна девица со старухой и пошла в путь-дорогу; шла-шла, третья пара башмаков истоптана, третий посох изломан, и последняя просвира изглодана – прикатился клубочек к избушке. Стучится и говорит странница: «Добрые хозяева! Укройте от темной ночи красну девицу». Опять вышла старушка: «Поди, голубушка! Милости просим! Откудова идешь и куда путь держишь?» – «Ищу, бабушка, Финиста ясна сокола». – «Ох, трудно, трудно отыскать его! Он живет теперь в таком-то городе, на просвирниной дочери там женился». Наутро говорит старуха красной девице: «Вот тебе подарок: золотое

пялечко да иголочка; ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Ну, теперь ступай с богом и наймись к просвирне в работницы».

Сказано – сделано. Пришла красная девица на просвирнин двор и нанялась в работницы; дело у ней так и кипит под руками: и печку топит, и воду носит, и обед готовит. Просвирня смотрит да радуется. «Слава богу! – говорит своей дочке. – Нажили себе работницу и услужливую и добрую: без наряду все делает!» А красная девица, покончив с хозяйскими работами, взяла серебряное донце, золотое веретенце и села прядь: прядет—из кудели нитка тянется, нитка не простая, а чистого золота. Увидала это просвирнина дочь: «Ах, красная девица! Не продашь ли мне свою забаву?» – «Пожалуй, продам!» – «А какая цена?» – «Позволь с твоим мужем ночь перебыть». Просвирнина дочь согласилась. «Не беда! – думает. – Ведь мужа можно сонным зельем опоить, а чрез это веретенце мы с матушкой озолотимся!»

А Финиста ясна сокола дома не было; целый день гулял по поднебесью, только к вече-

ру воротился. Сели ужинать; красная девица подает на стол кушанья да все на него смотрит, а он, добрый молодец, и не узнает ее. Просвирнина дочь подмешала Финисту ясну соколу сонного зелья в питье, уложила его спать и говорит работнице: «Ступай к нему в горницу да мух отгоняй!» Вот красная девица отгоняет мух, а сама слезно плачет: «Проснись-пробудись, Финист ясный сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары башмаков железных истоптала, три просвиры каменных изглодала да все тебя, милого, искала!» А Финист спит, ничего не чувствует; так и ночь прошла.

На другой день работница взяла серебряное блюдечко и катает по нем золотым яичком: много золотых яиц накатала! Увидала просвирнина дочь. «Продай, – говорит, – мне свою забаву!» – «Пожалуй, купи». – «А как цена?» – «Позволь с твоим мужем еще единую ночь перебыть». – «Хорошо, я согласна!» А Финист ясный сокол опять целый день гулял по поднебесью, домой прилетел только к вечеру. Сели ужинать, красная девица подает кушанья да все на него смотрит, а он словно нико-

гда и не знавал ее. Опять просвирнина дочь опоила его сонным зельем, уложила спать и послала работницу мух отгонять. И на этот раз, как ни плакала, как ни будила его красная девица, он проспал до утра и ничего не слышал.

На третий день сидит красная девица, держит в руках золотое пялечко, а иголочка сама вышивает – да такие узоры чудные! Загляделась просвирнина дочка. «Продай, красная девица, продай, – говорит, – мне свою забаву!» – «Пожалуй, купи!» – «А как цена?» – «Позволь с твоим мужем третью ночь перебыть». – «Хорошо, я согласна!» Вечером прилетел Финист ясный сокол; жена опоила его сонным зельем, уложила спать и посылает работницу мух отгонять. Вот красная девица мух отгоняет, а сама слезно причитывает: «Проснись-пробудись, Финист ясный сокол! Я, красная девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала – все тебя, милого, искала!» А Финист ясный сокол крепко спит, ничего не чувствует.

Долго она плакала, долго будила его; вдруг

упала ему на щеку слеза красной девицы, и он в ту ж минуту проснулся: «Ах, – говорит, – что-то меня обожгло!» – «Финист ясный сокол! – отвечает ему девица. – Я к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала – все тебя искала! Вот уж третью ночь над тобою стою, а ты спишь – не пробуждаешься, на мои слова не отзываешься!» Тут только узнал Финист ясный сокол и так обрадовался, что сказать нельзя. Сговорились и ушли от просвирни. Поутру хватилась просвирнина дочь своего мужа: ни его нет, ни работницы! Стала жаловаться матери; просвирня приказала лошадей заложить и погналась в погоню. Ездила-ездила, и к трем старухам заезжала, а Финиста ясна сокола не догнала: его и следов давно не видать!

Очутился Финист ясный сокол со своею суженой возле ее дома родительского; ударился о сыру землю и сделался перышком: красная девица взяла его, спрятала за пазушку и пришла к отцу. «Ах, дочь моя любимая! Я думал, что тебя и на свете нет; где была так долго?» – «Богу ходила молиться». А случи-

лось это как раз около святой недели. Вот отец с старшими дочерьми собираются к заутрене. «Что ж, дочка милая, – спрашивает он меньшую, – собирайся да поедем; нынче день такой радостный». – «Батюшка, мне надеть на себя нечего». – «Надень наши уборы», – говорят старшие сестры. «Ах, сестрицы, мне ваши платья не по кости! Я лучше дома останусь».

Отец с двумя дочерьми уехал к заутрене; в те поры красная девица вынула свое перышко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным царевичем. Царевич свистнул в окошко – сейчас явились и платья, и уборы, и карета золотая. Нарядились, сели в карету и поехали. Входят они в церковь, становятся впереди всех; народ дивится: какой-то такой царевич с царевною пожаловал? На исходе заутрени вышли они раньше всех и уехали домой; карета пропала, платьев и уборов как не бывало, а царевич обратился перышком. Воротились и отец с дочерьми. «Ах, сестрица! Вот ты с нами не ездила, а в церкви был прекрасный царевич с ненаглядной царевною». – «Ничего, сестрицы! Вы мне рассказали – все равно что сама была». На другой день опять

то же; а на третий, как стал царевич с красной девицей в карету садиться, отец вышел из церкви и своими глазами видел, что карета к его дому подъехала и пропала. Воротился отец и стал меньшую дочку допрашивать; она и говорит: «Нечего делать, надо признаться!» Вынула перышко; перышко ударилось об пол и обернулся царевичем. Тут их и обвенчали, и свадьба была богатая! На той свадьбе и я был, вино пил, по усам текло, во рту не было. Надели на меня колпак да и ну толкать; надели на меня кузов: «Ты, детинушка, не гузай, [166] убирайся-ка поскорей со двора».

* * *

Был-жил старик со старухою. У них было три дочери; меньшая была такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Раз собрался старик в город на ярмарку и говорит: «Дочери мои любезные! Что вам надобно, приказывайте, – все искуплю на ярмарке». Старшая просит: «Купи мне, батюшка, новое платье». Середняя: «Купи мне, батюшка, шалевой платочек». А меньшая говорит: «Купи мне аленький цветочек». Засмеялся старик над меньшою дочкою: «Ну что тебе,

глупенькая, в аленьком цветочке? Много ли в нем корысти! Я тебе лучше нарядов накоплю». Только что ни говорил, никак не мог уговорить ее: купи аленький цветочек – да и только.

Поехал старик на ярмарку, купил старшей дочери платье, средней – шалевой платок, а цветочка аленького во всем городе не нашел. Уж на самом выезде попадается ему незнакомый старичок – несет в руках аленький цветочек. «Продай мне, старинушка, твой цветочек!» – «Он у меня не продажный, а заветный; буде младшая дочь твоя пойдет за моего сына – Финиста ясна сокола, так отдам тебе цветочек даром». Призадумался отец: не взять цветочка – дочку огорчить, а взять – надо будет замуж ее выдать, и бог знает за кого. Подумал-подумал, да таки взял аленький цветочек. «Что за беда! – думает. – После присватается, да коли нехорош, так и отказать можно!»

Приехал домой, отдал старшей дочери платье, средней шаль, а меньшухе отдает цветочек и говорит: «Не люб мне твой цветочек, дочь моя любезная, больно не люб!» А сам

шепчет ей потихоньку на ухо: «Ведь цветочек-то заветный был, а не продажный; взял я его у незнакомого старика с условием отдать тебя замуж за его сына Финиста ясна сокола». – «Не печалься, батюшка, – отвечает дочка, – ведь он такой добрый да ласковый; ясным соколом летает по поднебесью, а как ударится о сырую землю – так и станет молодец молодцом!» – «Да ты разве его знаешь?» – «Знаю, знаю, батюшка! В прошлое воскресенье он у обедни был, все на меня смотрел; я и говорила с ним... ведь он любит меня, батюшка!» Старик покачал головой, посмотрел на дочь таково пристально, перекрестил ее и говорит: «Поди в светелку, дочка моя милая! Уж спать пора; утро вечера мудренее – после рассудим!» А дочка заперлась в светелке, опустила аленький цветочек в воду, отворила окошко, да и смотрит в синюю даль.

Откуда ни возмись – взвился перед ней Финист ясен сокол, цветные перышки, впорхнул в окошечко, ударился об пол и стал молодцем. Девушка было испугалась; а потом, как заговорил он с нею, и невесть как стало весело и хорошо на сердце. До зари они разго-

варивали – уж не ведаю о чем; знаю только, что, как начало светать, Финист ясен сокол, цветные перышки, поцеловал ее, да и говорит: «Каждую ночь, как только поставишь ты аленький цветочек на окно, стану прилетать к тебе, моя милая! Да вот тебе перышко из моего крыла; если понадобятся тебе какие наряды, выйди на крылечко да только махни им в правую сторону – и вмиг перед тобой явится все, что душе угодно!» Поцеловал ее еще раз, обернулся ясным соколом и улетел за темный лес. Девушка посмотрела вслед своему суженому, затворила окно и легла почивать. С той поры каждую ночь, лишь поставит она аленький цветочек на растворенное окошечко, прилетает к ней добрый молодец Финист ясен сокол.

Вот наступило воскресенье. Старшие сестры стали к обедне наряжаться. «А ты что наденешь? У тебя и обновок-то нету!» – говорят младшей. Она отвечает: «Ничего, я и дома помолюсь!» Старшие сестры ушли к обедне, а меньшуха сидит у окна вся запачканная да смотрит на православный народ, что идет к церкви божией. Выждала время, вышла на

крылечко, махнула цветным перышком в правую сторону, и откуда ни возьмись – явились перед ней и карета хрустальная, и кони заводские, и прислуга в золоте, и платья, и всякие уборы из дорогих самоцветных камней.

В минуту оделась красная девица, села в карету и понеслась в церковь. Народ смотрит да красоте ее дивуется. «Видно, какая-нибудь царевна приехала!» – говорят промеж себя люди. Как запели «Достойно», она тотчас вышла из церкви, села в карету и укатила назад. Люд православный вышел было поглазеть, куда она поедет; да не тут-то было! Давно и след простыл. А наша красавица лишь подъехала к своему крылечку, тотчас махнула цветным перышком в левую сторону: вмиг прислуга ее раздела, и карета из глаз пропала. Сидит она по-прежнему как ни в чем не бывало да смотрит в окошечко, как православные из церкви по домам расходятся. Пришли и сестры домой. «Ну, сестрица, – говорят, – какая красавица была нонче у обедни! Просто загляденье, ни в сказке сказать, ни пером написать! Должно быть, царевна из иных земель

приезжала – такая пышная, разодетая!»

Наступает другое и третье воскресенье; красная девица знай морочит народ православный, и сестер своих, и отца с матерью. Да в последний раз стала раздеваться и позабыла вынуть из косы бриллиантовую булавку. Приходят из церкви старшие сестры, рассказывают ей про царевну-красавицу да как взглянут на сестру-меньшую, а бриллиант так и горит у нее в косе. «Ах, сестрица! Что это у тебя? – закричали девушки. – Ведь точь-в-точь этакая булавка была сегодня на голове у царевны. Откуда ты достала ее?» Красная девица ахнула и убежала в свою светелку. Расспросам, догадкам, перешептываньям конца не было; а меньшая сестра молчит себе да потихоньку смеется.

Вот большие сестры стали замечать за нею, стали по ночам у светелки подслушивать, и подслушали один раз разговор ее с Финистом ясным соколом, а на заре своими глазами увидели, как выпорхнул он из окна и полетел за темный лес. Злые, видно, были девушки – большие сестрицы: уговорились они поставить на вечер потаенные ножи на окне

сестриной светелки, чтобы Финист ясен сокол подрезал свои цветные крылышки. Вздумали – сделали, а меньшая сестра и не догадалась, поставила свой аленький цветочек на окно, прилегла на постель и крепко заснула. Прилетел Финист ясен сокол да как порхнет в окошко и обрезал свою левую ножку, а красная девица ничего не ведает, спит себе так сладко, так спокойно. Сердито взвился ясен сокол в поднебесье и улетел за темный лес.

Поутру проснулась красавица, глядит во все стороны – уж светло, а добра молодца нет как нет! Как взглянет на окно, а на окне крест-накрест торчат ножи острые, и каплет с них алая кровь на цветок. Долго девица заливалась горькими слезами, много бессонных ночей провела у окна своей светелки, пробовала махать цветным перышком – все напрасно! Не летит ни Финист ясен сокол, ни слуг не шлет! Наконец со слезами на глазах пошла она к отцу, выпросила благословение. «Пойду, – говорит, – куда глаза глядят!» Приказала себе сковать три пары железных башмаков, три костыля железные, три колпака железные и три просвиры железные: пару

башмаков на ноги, колпак на голову, костыль в руки, и пошла в ту сторону, откуда прилетал к ней Финист ясен сокол.

Идет лесом дремучим, идет через пни-колоды, уж железные башмаки истаптываются, железный колпак изнашивается, костыль ломается, просвира изглодана, а красная девица все идет да идет, а лес все чернее, все чаще. Вдруг видит: стоит перед ней чугунная избушка на курьих ножках и беспрестанно поворачивается. Девица говорит: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом». Избушка повернулась к ней передом. Вошла в избушку, а в ней лежит баба-яга – из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом не слышать, а нынче русский дух по вольному свету ходит, воочью является, в нос бросается! Куда путь, красная девица, держишь? От дела лытаешь али дела пытаешь?» – «Был у меня, бабуся, Финист ясен сокол, цветные перышки; сестры мои ему зло сделали. Ищу теперь Финиста ясна сокола». – «Далеко ж тебе идти, малютка! Надо пройти еще тридевять земель. Финист ясен сокол,

цветные перышки, живет в пятидесятом царстве, в осьмидесятом государстве и уж сосватался на царевне».

Баба-яга накормила-напоила девицу чем бог послал и спать уложила, а наутро, только свет начал брезжиться, разбудила ее, дала дорогой подарок – золотой молоточек да десять бриллиантовых гвоздиков – и наказывает: «Как придешь к синему морю, невеста Финиста ясна сокола выйдет на берег погулять, а ты возьми золотой молоточек в ручки и поколачивай бриллиантовые гвоздики; станет она их покупать у тебя, ты, красная девица, ничего не бери, только проси посмотреть Финиста ясна сокола. Ну, теперь ступай с богом к моей средней сестре!»

Опять идет красная девица темным лесом – все дальше и дальше, а лес все чернее и гуще, верхушками в небо вьется. Уж другие башмаки истаптываются, другой колпак изнашивается, железный костыль ломается и железная просвира изгрызена – и вот стоит перед девицей чугунная избушка на курьих ножках и беспрестанно повертывается. «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне

передом; мне в тебя лезти – хлеба ести». Избушка повернулась к лесу задом, к девице передом. Входит туда, а в избежке лежит баба-яга – из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом не слышать, а нынче русский дух по вольному свету стал ходить! Куда, красная девица, путь держишь?» – «Ищу, бабуся, Финиста ясна сокола». – «Уж он жениться хочет. Нонче у них девишник», – сказала баба-яга, накормила-напоила и спать уложила девицу, а наутро чуть свет будит ее, дает золотое блюдечко с бриллиантовым шариком и крепко-накрепко наказывает: «Как придешь на берег синя моря да станешь катать бриллиантовый шарик по золотому блюдечку, выйдет к тебе невеста Финиста ясна сокола, станет покупать блюдечко с шариком; а ты ничего не бери, только проси посмотреть Финиста ясна сокола, цветные перышки. Теперь ступай с богом к моей старшей сестре!»

Опять идет красна девица темным лесом – все дальше и дальше, а лес все чернее и гуще. Уж третьи башмаки истаптываются, третий

колпак изнашивается, последний костыль ломается, и последняя просвира изглодана. Стоит чугунная избушка на курьих ножках – то и дело поворачивается. «Избушка, избушка! Повернись к лесу задом, ко мне передом; мне в тебя лезти – хлеба ести». Избушка повернулась. В избушке опять баба-яга, лежит из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом было не слышать, а нынче русский дух по вольному свету ходит! Куда, красная девица, путь держишь?» – «Ищу, бабуся, Финиста ясна сокола». – «Ах, красная девица, уж он на царевне женился! Вот тебе мой быстрый конь, садись и поезжай с богом!» Девица села на коня и помчалась дальше, а лес все реже да реже.

Вот и сине море – широкое и раздольное – разлилось перед нею, а там вдали как жар горят золотые маковки на высоких теремах белокаменных. «Знать, это царство Финиста ясна сокола!» – подумала девица, села на сыпучий песок и поколачивает золотым молоточком бриллиантовые гвоздики. Вдруг идет по берегу царевна с мамками, с няньками, с вер-

ными служанками, остановилась и ну торговать бриллиантовые гвоздики с золотым молоточком. «Дай мне, царевна, только посмотреть на Финиста ясна сокола, я тебе их даром уступлю», – отвечает девушка. «Да Финист ясен сокол теперь спит, никого не велел пускать к себе; ну, да отдай мне свои прекрасные гвоздики с молоточком – уж я, так и быть, покажу его тебе».

Взяла молоточек и гвоздики, побежала во дворец, воткнула в платье Финиста ясна сокола волшебную булавку, чтобы он крепче спал да побольше от сна не вставал; после приказала мамкам проводить красну девицу во дворец к своему мужу, ясну соколу, а сама гулять пошла. Долго девица убивалась, долго плакала над милым; никак не могла разбудить его... Нагулявшись вдоволь, царевна воротилась домой, прогнала ее и вынула булавку. Финист ясен сокол проснулся. «Ух, как я долго спал! Здесь, – говорит, – кто-то был, все надо мной плакал да причитывал; только я никак не мог глаз открыть – так тяжело мне было!» – «Это тебе во сне привиделось, – отвечает царевна, – здесь никто не бывал».

На другой день красная девица опять сидит на берегу синего моря и катает бриллиантовый шарик по золотому блюдечку. Вышла царевна гулять, увидела и просит: «Продай мне!» – «Позволь только посмотреть на Финиста ясна сокола, я тебе и даром уступлю!» Царевна согласилась и опять приколола платье Финиста ясна сокола булавкой. Опять красная девица горько плачет над милым и не может разбудить его. На третий день она сидит на берегу синего моря такая печальная, грустная и кормит своего коня калеными угольями. Увидела царевна, что конь жаром кормится, и стала торговать его. «Позволь только посмотреть на Финиста ясна сокола, я тебе его даром отдам!» Царевна согласилась, прибежала во дворец и говорит: «Финист ясен сокол! Дай я тебе в голове поищу». Села в голове искать и воткнула ему в волосы булавку – он тотчас заснул крепким сном; после посылает своих мамок за красной девицей.

Та пришла, будит своего милого, обнимает, целует, а сама горько-горько плачет; нет, не просыпается! Стала ему в голове искать и выронила нечаянно волшебную булавку, – Фи-

нист ясен сокол, цветные перышки, тотчас проснулся, увидел красну девицу и так-то обрадовался! Она ему рассказала все как было: как позавидовали ей злые сестры, как она странствовала и как торговалась с царевною. Он полюбил ее больше прежнего, поцеловал в уста сахарные и велел, не мешкая, созвать бояр и князей и всякого чину людей. Стал у них спрашивать: «Как вы рассудите, с которой женою мне век коротать – с этой ли, что меня продавала, или с этою, что меня выкупала?» Все бояре и князья и всякого чину люди в один голос решили: взять ему ту, которая выкупала, а ту, что его продавала, повесить на воротах и расстрелять. Так и сделал Финист ясен сокол, цветные перышки!

ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ

В стародавние годы в некоем царстве, не в нашем государстве, случилось одному солдату у каменной башни на часах стоять; башня была на замок заперта и печатью запечатана, а дело-то было ночью. Ровно в двенадцать часов слышится солдату, что кто-то гласит из этой башни: «Эй, служивый!» Солдат спрашивает: «Кто меня кличет?» – «Это я – нечистый дух, – отзывается голос из-за железной решетки, – тридцать лет как сижу здесь не пивши, не евши». – «Что ж тебе надо?» – «Выпусти меня на волю; как будешь в нужде, я тебе сам пригожусь; только помяни меня – и я в ту ж минуту явлюсь к тебе на выручку». Солдат тотчас сорвал печать, разломал замок и отворил двери – нечистый вылетел из башни, взвился кверху и сгинул быстрее молнии. «Ну, – думает солдат, – наделал я дела; вся моя служба ни за грош пропала. Теперь засадят меня под арест, отдадут под военный суд и, чего доброго, – заставят сквозь строй прогуляться; уж лучше убегу, пока время есть». Бросил ружье и ранец на землю и пошел куда

глаза глядят.

Шел он день, и другой, и третий; разобрал его голод, а есть и пить нечего; сел на дороге, заплакал горькими слезами и раздумался: «Ну, не глуп ли я? Служил у царя десять лет, всегда был сыт и доволен, каждый день по три фунта хлеба получал; так вот нет же! Убежал на волю, чтобы помереть голодною смертию. Эх, дух нечистый, всему ты виною». Вдруг откуда ни взялся – стал перед ним нечистый и спрашивает: «Здравствуй, служивый! О чем горюешь?» – «Как мне не горевать, коли третий день с голоду пропадаю». – «Не тужи, это дело поправное!» – сказал нечистый, туда-сюда бросился, притащил всяких вин и припасов, накормил-напоил солдата и зовет его с собою: «В моем доме будет тебе житье привольное; пей, ешь и гуляй, сколько душа хочет, только присматривай за моими дочерьми – больше мне ничего не надобно». Солдат согласился; нечистый подхватил его под руки, поднял высоко-высоко на воздух и принес за тридевять земель, в тридесятое государство – в белокаменные палаты.

У нечистого было три дочери – собой кра-

савицы. Приказал он им слушаться того солдата и кормить и поить его вдоволь, а сам полетел творить пакости; известно – нечистый дух! На месте никогда не сидит, а все по свету рыщет да людей смущает, на грех наводит. Остался солдат с красными девицами, и такое ему житье вышло, что и помирать не надо. Одно его кручинит: каждую ночь уходят красные девицы из дому, а куда уходят – неведомо. Стал было их про то спрашивать, так не сказывают, запираются. «Ладно же, – думает солдат, – буду целую ночь караулить, а уж усмотрю, куда вы таскаетесь». Вечером лег солдат на постель, притворился, будто крепко спит, а сам ждет не дождется – что-то будет?

Вот как пришла пора-время, подкрался он потихоньку к девичьей спальне, стал у дверей, нагнулся и смотрит в замочную скважину. Красные девицы принесли волшебный ковер, разостлали по полу, ударились о тот ковер и сделались голубками; встрепенулись и улетели в окошко. «Что за диво! – думает солдат. – Дай-ка я попробую». Вскочил в спальню, ударился о ковер и обернулся малиновкой, вылетел в окно да за ними вдогонку.

Голубки опустились на зеленый луг, а малиновка села под смородинов куст, укрылась за листьями и высматривает оттуда. На то место налетело голубиц видимо-невидимо, весь луг прикрыли; посредине стоял золотой трон. Немного погода осияло и небо и землю – летит по воздуху золотая колесница, в упряжи шесть огненных змеев; на колеснице сидит королева Елена Премудрая – такой красоты неописанной, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать! Сошла она с колесницы, села на золотой трон; начала подзывать к себе голубок по очереди и учить их разным мудростям. Покончила ученье, вскочила на колесницу и была такова!

Тут все до единой голубки снялись с зеленого лугу и полетели каждая в свою сторону, птичка-малиновка вспорхнула вслед за тремя сестрами и вместе с ними очутилась в спальне. Голубки ударились о ковер – сделались красными девицами, а малиновка ударилась – обернулась солдатом. «Ты откуда?» – спрашивают его девицы. «А я с вами на зеленом лугу был, видел прекрасную королеву на золотом троне и слышал, как учила вас ко-

ролевна разным хитростям». – «Ну, счастье твое, что уцелел! Ведь эта королевна – Елена Премудрая, наша могучая повелительница. Если б при ней да была ее волшебная книга, она тотчас бы тебя узнала – и тогда не миновать бы тебе злой смерти. Берегись, служивый! Не летай больше на зеленый луг, не дивись на Елену Премудрую; не то сложишь буйну голову». Солдат не унывает, те речи мимо ушей пропускает; дождался другой ночи, ударился о ковер и сделался птичкой-малиновкой. Прилетела малиновка на зеленый луг, спряталась под смородинов куст, смотрит на Елену Премудрую, любит ее красотой ненаглядною и думает: «Если б такую жену добыть – ничего б в свете пожелать не осталось! Полечу-ка я следом за нею да узнаю, где она проживает».

Вот сошла Елена Премудрая с золотого трона, села на свою колесницу и понеслась по воздуху к своему чудесному дворцу; следом за ней и малиновка полетела. Приехала королевна во дворец; выбежали к ней навстречу няньки и мамки, подхватили ее под руки и увели в расписные палаты. А птичка-мали-

новка, порхнула в сад, выбрала прекрасное дерево, что как раз стояло под окном королевниной спальни, уселась на веточке и начала петь так хорошо да жалобно, что королева целую ночь и глаз не смыкала – все слушала. Только вошло красное солнышко, закричала Елена Премудрая громким голосом: «Няньки и мамки, бегите скорее в сад; изловите мне птичку-малиновку!» Няньки и мамки бросились в сад, стали ловить певчую пташку; да куды им, старухам! Малиновка с кустика на кустик перепархивает, далеко не летит и в руки не дается.

Не стерпела королева, выбежала в зеленый сад, хочет сама ловить птичку-малиновку; подходит к кустику – птичка с ветки не трогается, сидит спустя крылышки – словно ее дожидается. Обрадовалась королева, взяла птичку в руки, принесла во дворец, посадила в золотую клетку и повесила в своей спальне. День прошел, солнце закатилось, Елена Премудрая слетала на зеленый луг, воротилась, начала снимать уборы, разделась и легла в постель. Малиновка смотрит на ее тело белое, на ее красу ненаглядную и вся как

есть дрожит. Как только уснула королева, птичка-малиновка обернулась мухою, вылетела из золотой клетки, ударилась об пол и сделалась добрым молодцем. Подошел добрый молодец к королевниной кровати, смотрел-смотрел на красавицу, не выдержал и чмок ее в уста сахарные. Видит – королева просыпается, обернулся поскорей мухою, влетел в клетку и стал птичкой-малиновкой.

Елена Премудрая раскрыла глаза; глянула кругом – нет никого. «Видно, – думает, – мне во сне это пригрезилось!» Повернулась на другой бок и опять заснула. А солдату крепко не терпится; попробовал в другой и в третий раз – чутко спит королева, после всякого поцелуя пробуждается. За третьим разом встала она с постели и говорит: «Тут что-нибудь да недаром: дай-ка посмотрю в волшебную книгу». Посмотрела в свою волшебную книгу и тотчас узнала, что сидит в золотой клетке не простая птичка-малиновка, а молодой солдат. «Ах ты невежа! – закричала Елена Премудрая. – Выходи-ка из клетки. За твою неправду ты мне жизнью ответишь».

Нечего делать – вылетела птичка-мали-

новка из золотой клетки, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем. Пал солдат на колени перед королевой и зачал просить прощения. «Нет тебе, негодяю, прощения», – отвечала Елена Премудрая и крикнула палача и плаху рубить солдату голову. Откуда ни взялся – стал перед ней великан с топором и с плахою, повалил солдата наземь, прижал его буйную голову к плахе и поднял топор. Вот махнет королева платком, и покатится молодецкая голова!.. «Смилуйся, прекрасная королева, – просит солдат со слезами, – позволь напоследях песню спеть». – «Пой, да скорей!» Солдат затянул песню такую грустную, такую жалобную, что Елена Премудрая сама расплакалась; жалко ей стало доброго молодца, говорит она солдату: «Даю тебе сроку десять часов; если ты сумеешь в это время так хитро спрятаться, что я тебя не найду, то выйду за тебя замуж; а не сумеешь этого дела сделать – велю рубить тебе голову».

Вышел солдат из дворца, забрел в дремучий лес, сел под кустик, задумался-закручинился: «Ах, дух нечистый! Все из-за тебя пропадаю», В ту ж минуту явился к нему нечи-

стый: «Что тебе, служивый, надобно?» – «Эх, – говорит, – смерть моя приходит! Куда я от Елены Премудрой спрячуся?» Нечистый дух ударился о сырую землю и обернулся сизокрылым орлом: «Садись, служивый, ко мне на спину; я тебя занесу в поднебесье». Солдат сел на орла: орел взвился кверху и залетел за облака-тучи черные. Прошло пять часов, Елена Премудрая взяла волшебную книгу, посмотрела – и все словно на ладони увидела; возгласила она громким голосом: «Полно, орел, летать по поднебесью; опускайся на низ – от меня ведь не укроешься». Орел опустился на землю.

Солдат пуще прежнего закручинился: «Что теперь делать? Куда спрятаться?» – «Постой, – говорит нечистый, – я тебе помогу». Подскочил к солдату, ударил его по щеке и оборотил булавкою, а сам сделался мышкою, схватил булавку в зубы, прокрался во дворец, нашел волшебную книгу и воткнул в нее булавку. Прошли последние пять часов. Елена Премудрая развернула свою волшебную книгу, смотрела-смотрела – книга ничего не показывает; крепко рассердилась королева и швырнула

ее в печь. Булавка выпала из книги, удари-
лась об пол и обернулась добрым молодцем.
Елена Премудрая взяла его за руку. «Я, – гово-
рит, – хитра, а ты и меня хитрей!» Не стали
они долго раздумывать, перевенчались и за-
жили себе припеваючи.

* * *

В некотором царстве, в некотором государ-
стве была у царя золотая рота; в этой роте
служил солдат по имени Иван – собой моло-
дец. Полюбил его государь и зачал чинами
жаловать: в короткое время сделал его пол-
ковником. Вот старшее начальство ему поза-
видовало: «За что так мы служили до своих
чинов лет по тридцати, а он все чины сразу
схватил? Надо его извести, а то и нас перего-
нит». Вздумали как-то генералы и думные бо-
яре по морю прогуляться, нарядили корабль,
пригласили с собой и Ивана-полковника; вы-
ехали в открытое море и гуляли до позднего
вечера. Иван утомился, лег на койку и заснул
крепким сном; бояре и генералы только того
и дожидались; взяли его, положили в шлюп-
ку и пустили на море, а сами назад вороти-
лись. Немного погодя набежали тучи, зашу-

мела буря, поднялись волны и понесли шлюпку неведомо куда, занесли ее далекодалеко и выкинули на остров. Тут Иван пробудился, смотрит, – место пустынное, корабля и следов нет, а море страшно волнуется. «Видно, – думает, – корабль бурей разбило, и все мои товарищи потонули; слава богу, что само уцелел!» Пошел он осматривать остров; ходил-ходил – не видать нигде ни зверя прыскачего, ни птицы перелетной, ни жилья человеческого.

Долго ли, коротко ли – набрел Иван на подземный ход. Тем ходом спустился в глубокую пропасть и попал в подземное царство, где жил и царствовал шестиглавый змей. Увидел белокаменные палаты, вошел туда – в первой палате пусто, в другой нет никого, а в третьей спит богатырским сном шестиглавый змей; возле него стол стоит, на столе огромная книга лежит. Иван развернул ту книгу, читал, читал и дочитался до той страницы, где было сказано, что царь не может царя родить, а родится-де царь от царицы; взял – выскоблил эти слова ножичком и наместо их написал, что царица не может царя родить, а завсегда

царь от царя родится.

Через час времени повернулся змей на другой бок, как п..... – таково громко, что сам проснулся, а Иван ажно ахнул. «Послушай, батюшка, – говорит он змею, – пора тебе вставать». Змей услышал человеческий голос, окинул глазами гостя и спрашивает: «Ты откуда явился? Сколько лет живу я на свете, а доселева не видал в моем царстве ни единого человека». – «Как откуда? Да ведь я твой сын! Вот сейчас повернулся ты на другой бок да как грохнешь – я и выскочил...» – «А ну, – говорит змей, – дай-ка я посмотрю в книгу: может ли царь царя родить». Развернул свою книгу, прочитал, что в ней сказано, и уверился: «Правда твоя, сынок!» Взял Ивана за руку, повел по всем кладовым, показал ему богатства несчетные, и стали они жить-поживать вместе.

Прошло сколько-то времени, говорит шестиглавый змей: «Ну, сынок, вот тебе ключи от всех палат; всюду ходи – куда тебе захочется, только не смей заглядывать в одну палату, что заперта двумя замками, золотым да серебряным. А я полечу теперь кругом света,

людей посмотрю, себя повеселю». Отдал ключи и улетел из подземного царства по белому свету гулять. Остался Иван один-одинехонек; живет месяц, другой и третий... вот уж и год на исходе; скучно ему сделалось, вздумал палаты осматривать, ходил-ходил и очутился как раз у запретной комнаты. Не стерпел добрый молодец, вынул ключи, отомкнул оба замка, золотой и серебряный, и отворил дверь дубовую.

В этой комнате сидят две девицы – на цепях прикованы: одна царевна Елена Премудрая, а другая ее прислужница. У царевны – золотые крылышки, у служанки – серебряные. Говорит Елена Премудрая: «Здравствуй, добрый молодец! Сослужи-ка нам службу невеликую, дай нам по стаканчику ключевой воды испить». Иван, глядя на ее красу несказанную, позабыл совсем про змея; жалко ему стало бедных затворниц, налил он два стакана ключевой воды и подал красным девицам. Они выпили, вострепнулись – железные кольца распаялись, тяжелые цепи свалились, захлопали красные девицы крыльями и улетели в открытое окно. Тут только Иван опом-

нился, запер пустую комнату, вышел на крыльцо и сел на ступеньке, повесил свою буйную голову ниже могучих плеч и крепко-крепко запечалился: как ему будет ответ держать?

Вдруг засвистали ветры, поднялась сильная буря – прилетел шестиглавый змей: «Здравствуй, сынок!» Иван ни слова не отвечает. «Что ж ты молчишь? Али худо какое сделалось?» – «Худо, батюшка! Не соблюл я твоего запрету, заглянул в ту комнату, где сидели две девицы, на цепях прикованы; дал им ключевой воды испить; они выпили, встрепнулись, захлопали крыльями и улетели в открытое окно». Змей страшно рассердился, начал его ругать-поносить всячески; потом взял железный прут, накалил докрасна и отвесил ему три удара по спине. «Ну, – говорит, – счастье твое, что ты мой сын! А не то съел бы тебя живого». Как только зажила спина у Ивана, стал он проситься у змея: «Батюшка, позволь мне пойти по свету – поискать Елену Премудрую». – «Ну, куда тебе! Я ее добывал ровно тридцать три года и еле-еле ухитрился поймать». – «Отпусти, батюшка! Дай попы-

тать счастья». – «А по мне, пожалуй! Вот тебе ковер-самолет: куда захочешь – туда и вынесет. Только жаль мне тебя, потому что Елена Премудрая больно хитра; если и поймаешь ее, она все-таки обойдет и обманет тебя».

Иван сел на ковер-самолет, вылетел из подземного царства и не успел моргнуть, как очутился в прекрасном саду. Подошел он к пруду, сел под ракитовым кусточком и стал смотреть-любоваться, как в светлой воде золотые и серебряные рыбки гуляют. Не прошло и пяти минут, как прилетела туда Елена Премудрая вместе с своею служанкою; тотчас сняли они свои крылышки, положили около кустика, разделись донага и бросились в воду купаться. Иван утащил потихоньку крылышки, вышел из-под ракитового кустика и крикнул громким голосом: «А! Теперь вы в моих руках». Красные девицы выскочили из пруда, набросили на себя платья, приступили к доброму молодцу и давай его молить-упрашивать, чтобы отдал им крылышки. «Нет, – отвечает Иван, – ни за что не отдам; полюбилась ты мне, Елена Премудрая, пуще солнца ясного; теперь повезу тебя к отцу, к матери, же-

нюсь на тебе, и будешь ты моя жена, а я твой муж». Говорит ему царевнина служанка: «Слушай, добрый молодец! На Елене Премудрой ты жениться хочешь; а меня-то зачем держишь? Лучше отдай мои крылышки: в некое время я сама тебе пригожусь». Иван подумал-подумал и отдал ей серебряные крылышки; она быстро их подвязала, встрепенулась и улетела далёко-далёко.

После того сделал Иван ящичек, положил в него золотые крылышки и крепко на замок запер; сел на ковер-самолет, посадил с собой и Елену Премудрую и полетел в свое государство. Прилетает к отцу, к матери, приводит к ним свою нареченную невесту и просит любить ее и баловать. Тут пошло веселье, какого никто не видал! На другой день отдает Иван своей матери ключик от ящика. «Побереги, – просит, – до поры до времени, никому ключа не давай; а я пойду – к царю явлюсь да позову его на свадьбу». Только что ушел, прибегает Елена Премудрая: «Матушка! Дай мне ключик от ящика; надо платье достать, к венцу наряжаться». Мать, ничего не ведая, отдала ей ключ без всякой опаски. Елена Премудрая

бросилась к ящику, отворила крышку, взяла свои крылышки, подвязала, хлопнула ими раз-другой – только ее и видели! Воротился жених домой: «Матушка! Где же моя невеста? Пора к венцу собираться». – «Ах, сынок, ведь она улетела!»

Глубоко вздохнул добрый молодец, распроцался с отцом с матерью, сел на ковер-самолет и полетел в подземное царство к шестиглавному змею. Увидал его змей и говорит: «Ну что, удалая голова! Ведь я недаром сказывал, что не добыть тебе Елены Премудрой, а и добудешь – так она проведет тебя». – «Правда твоя, батюшка! Да уж что ни будет, а еще попытаюсь; поеду ее сватать». – «Эх ты, неугомонный! Ведь у ней такой завет положен: всякий, кто за нее посватается, должен до трех раз прятаться, и коли она найдет его, тотчас велит рубить голову. Много к ней богатырей приезжало, да все до единого сложили свои буйные головы; и тебе то же готовится. Слушай же: вот тебе кремень и огниво; как заставит тебя Елена Премудрая прятаться, ты ударь в кремень огнивом, вырубь огонек и прижги ковыль-траву; в ту ж минуту явится

сизокрылый орел и подымет тебя за третьи облака. Не удастся это дело, выруби опять огонек и пусти в синее море – приплывет к берегу щука-рыба огромная и возьмет тебя – унесет в пучину морскую. Коли и здесь найдет тебя Елена Премудрая, то уж больше от нее негде прятаться!» Взял Иван кремень и огниво, поблагодарил шестиглавого змея и полетел на ковче-самолете.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, залетел он за тридевять земель, в тридесятое государство, где жила Елена Премудрая. Дворец ее словно жар горел – был он вылит из чистого серебра и золота; у ворот на железных спицах торчало одиннадцать голов богатырских. Призадумался Иван, добрый молодец: «Одиннадцать голов на спицы подняты; моя, верно, будет двенадцатая!» Опустился на широкий двор, вступил на крылечко высокое и идет прямо в светлицу. Встречает его Елена Премудрая. «Ты, – говорит, – зачем пожаловал?» – «Хочу тебя замуж взять». – «Ну что ж! Попробуй; коли сумеешь от меня спрятаться – пойду за тебя замуж; а не сумеешь – головой поплатишься». Иван вышел в чистое поле, до-

стал кремень и огниво, вырубил огонек и прижег ковыль-траву. Вдруг откуда не взялся – прилетел сизокрылый орел и молвил человеческим голосом: «Скорей, добрый молодец, садись на меня и держись крепче, не то свалишься».

Иван сел на орла, обхватил его крепко руками; орел взмахнул крыльями, поднялся высоко вверх и забрался за третьи облака. Кажись, хорошо запрятался – никому не найти; да у Елены Премудрой есть такое зеркало: стоит только заглянуть в него, так вся вселенная и откроется; разом узнаешь, где и что в белом свете творится. Вот подошла она к этому зеркалу, заглянула в него и тотчас узнала всю подноготную. «Полно, хитрец! – крикнула Елена громким голосом. – Вижу – залетел ты за третьи облака, занес тебя сизокрылый орел, а теперь время на землю спускаться».

Иван спустился на землю, слез с орла и пошел на взморье, ударил по кремню огнивом, вырубил огонек и пустил его на синее море. Вдруг откуда ни взялась – приплыла к берегу щука-рыба огромная. «Ну, добрый молодец, – говорит щука, – полезай ко мне в рот, я тебя

на дне моря спрячу». Разинула пасть, проглотила молодца, опустилась вместе с ним в пучину морскую и кругом песками засыпалась. «Ну, – думает Иван, – авось ладно будет!» Не тут-то было; Елена Премудрая только глянула в зеркало и все сразу узнала: «Полно, хитрец! Вижу – забрался ты в щуку-рыбу огромную и сидишь теперь в пучине морской, под песками сыпучими. Время на сушу выходить!» Щука-рыба выплыла к берегу, выбросила из себя доброго молодца и опять ушла в море. Воротился Иван к Елене Премудрой на широкий двор, сел на крылечко и крепко призадумался-пригорюнился.

На ту пору бежит по лесенке служанка Елены Премудрой: «О чем пригорюнился, добрый молодец?» – «Как мне веселому быть? Коли в третий раз не спрячуся, то надобно с белым светом прощаться. Вот и сижу да смерти дожидаяся». – «Не тужи, не вещуй худого на свою буйную голову; было время: обещалась я тебе пригодиться – не пустое слово молвила; пойдем, я тебя спрячу». Взяла его за руку, повела во дворец и посадила за зеркало. Немного погодя прибегает Елена Премудрая; уж она

глядела-глядела в зеркало – нет, не видать жениха; вот и срок прошел, рассердилась она и ударила с досады по зеркалу; стекло вдребезги распалось – и явился перед нею Иван, добрый молодец. Тут, нечего делать, пришлось покориться. У Елены Премудрой не мед варить, не вино курить; в тот же день честным пирком да за свадебку; обвенчались они и стали себе жить-поживать, добра наживать.

ГУСЛИ-САМОГУДЫ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, а у этого мужика был сын. Мужика звали Алексеем, а сына Ванькою. Вот приходит лето. Алексей вспахал землю и посеял репу. И такая-то хорошая уродилась репа, да большая, да крупная, что и господи! Рад мужик, каждое утро ходит на поле, любуется репкою да бога благодарит. Один раз заметил он, что кто-то ворует у него репу, и начал караулить; караулил-караулил – нет никого! Посылает он Ваньку: «Поди ты, присмотри за репою».

Приходит Ванька в поле, смотрит – а какой-то мальчик репу роет, наклал два мешка,

да такие большие, что и ну: взвалил их, сердешный, на спину, насилу тащит – ноги так и подгибаются, инда спина хрустит! Вот мальчик тащил-тащил, неумоготу, вишь, стало, бросил мешки наземь, глядь – а перед ним стоит Ванька. «Сделай милость, добрый человек, пособи мне дотащить мешки до дому; дедушка подарит тебя, пожалует». А Ванька как увидал мальчика, так и с места не тронется, вытаращил на него глаза да все и смотрит, пристально смотрит; после очнулся и говорит ему: «Ништо, хорошо!» Взвалил Ванька на плеча два мешка с репою и понес за мальчиком, а мальчик впереди бежит, припрыгивает и говорит: «Меня дедушка каждый день посылает за репою. Коли ты будешь носить ему, он даст тебе много серебра и золота; только ты не бери, а проси гусли-самогуды».

Вот, ладно, пришли они в избу; в углу сидит седой старик с рогами. Ванька поклонился. Старик дает ему комок золота за работу; у Ваньки глаза разгорелись, а мальчик шепчет: «Не бери!» – «Не надо, – бает Ванька, – дай мне гусли-самогуды, и вся репа твоя». Как сказал он про гусли-самогуды, у старика глаза на

вершок выкатились, рот до ушей раскрылся, а рога так на лбу и запрядали. Ваньку страх взял; а мальчик и говорит: «Подари, дедушка!» – «Многого хошь! Ну, да так и быть: бери себе гусли, только отдай мне то, что тебе дома всего дороже». Ванька думает: домишко наш чуть в землю не врос; чему там быть дорогому! «Согласен!» – говорит; взял гусли-самогуды и пошел домой. Приходит, а отец его мертвый на пороге сидит. Погоревал, поплакал, похоронил отца и пошел искать счастья.

Добрался до одного большого города, где жил да был великий государь. Супротив дворца было поле, на том поле свиньи паслись. Ванька подошел к пастуху, купил у него свиной и начал пасти. Как только заиграет он в гусли-самогуды, сейчас все стадо и запляшет! Вот однажды царя дома не случилось, царевна под села к окошечку, глядит – Ванька сидит на пенечке да играет в гусли-самогуды, а перед ним свиньи пляшут. Посылает царевна свою девушку, просит у пастуха продать ей хоть одну свинку. Ванька говорит: «Пусть сама придет!» Приходит царевна: «Пастух, пастух! Продай мне свинку». – «У меня свинки не

продажные, а заветные». – «А какой завет?» – «Да коли угодно, царевна, свинку получить, так покажи мне свое бело тело до колен». Царевна подумала-подумала, поглядела на все на четыре стороны – никого нет, приподняла до колен платье, а у ней на правой ноге небольшое родимое пятнышко. Отдал пастух свинку, царевна велела привести ее во дворец, собрала музыкантов и заставила играть. Хочется посмотреть, как будет свинка выплясывать; а свинка только по углам прячется, визжит да хрюкает...

Приехал царь и вздумал отдавать свою дочь замуж. Созывает он всех бояр, и вельмож, и купцов, и крестьян; съезжаются к нему из чужих земель короли и королевичи и всякие люди. «Кто узнает, – говорит царь, – на моей дочке приметы – за того и замуж отдам». Никто не мог разузнать: как ни старались, как ни добивались, ничего не проведали. Вот напоследях вызвался Ванька: я-де узнаю, и сказал, что у царевны на правой ноге есть небольшое родимое пятнышко. «Угадал!» – говорит царь, взял – повенчал его на своей дочери и задал пир на целый мир. Сде-

лался Ванька царским зятем и зажил припе-
ваючи.

ЦАРЕВНА, РАЗРЕШАЮЩАЯ ЗАГАДКИ

Жил-был старик; у него было три сына, третий-от Иван-дурак. Какой-то был тогда царь – это давно уж было; у него была дочь. Она и говорит отцу: «Позволь мне, батюшка, отгадывать загадки; если у кого отгадаю загадки, тому чтобы голову ссекли, а не отгадаю, за того пойду замуж». Тотчас сделали клич; многие являлись, всех казнили: царица отгадывала загадки. Иван-дурак говорит отцу: «Благословляй, батюшка! Я пойду к царю загадывать загадки!» – «Куда ты, дурак! И лучше-то тебя, да казнят!» – «Благословишь – пойду, и не благословишь – пойду!» Отец благословил. Иван-дурак поехал, видит: на дороге хлеб, в хлебе лошадь; он выгнал ее кнутиком, чтоб не отаптывала, и говорит: «Вот загадка есть!» Едет дальше, видит змею, взял ее заколол копьем и думает: «Вот другая загадка!»

Приезжает к царю; его приняли и велят за-

гадывать загадки. Он говорит: «Ехал я к вам, вижу на дороге добро, в добре-то добро же, я взял добро-то да добром из добра и выгнал; добро от добра и из добра убежало». Царевнахватила книжку, смотрит: нету этой загадки, не знает разгадать и говорит отцу: «Батюшка! У меня сегодня головушка болит, мысли помешались; я завтра разгадаю». Отложили до завтра. Ивану-дураку отвели комнату. Он вечером сидит, покуривает трубочку; а царевна выбрала верную горнишну, посылает ее к Ивану-дураку: «Поди, – говорит, – спроси у него, что это за загадка; сули ему злата и серебра, чего угодно».

Горнишна приходит, стучится; Иван-дурак отпер двери, она вошла и спрашивает загадку, сулит горы золота и серебра. Иван-дурак и говорит: «На что мне деньги! У меня своих много. Пусть царевна простоят всю ночь не спавши в моей горнице, дак скажу загадку». Царевна услышала это, согласилась, стояла всю ночь – не спала. Иван-дурак утром сказал загадку, что выгнал из хлеба лошадь. И царевна разгадала.

Иван-дурак стал другую загадывать: «Ехал

я к вам, на дороге вижу зло, взял его да злом и ударил, зло от зла и умерло». Царевна опять схватила книжку, не может разгадать загадку и отпросилась до утра. Вечером посылает горнишну узнать у Ивана-дурака загадку: «Сули, – говорит, – ему денег!» – «На что мне деньги! У меня своих много, – отвечает Иван-дурак, – пусть царевна простоит ночь не спавши, тогда скажу загадку». Царевна согласилась, не спала ночь и загадку разгадала. Третью загадку Иван-дурак так не стал загадывать, а велел собрать всех сенаторов и загадал, как царевна не умела отгадывать те загадки и посылала к нему горнишну подкупать на деньги. Царевна не могла догадаться и этой загадки; опять к нему спрашивать – сулила серебра и золота сколько угодно и хотела отправить домой на прогоне. Не тут-то было! Опять простояла ночь не спавши; он как сказал ей, о чем загадка, – ей разгадывать-то нельзя; о ней, значит, узнают, как и те загадки она выпытывала у Ивана-дурака. И ответила царевна: «Не знаю». Вот веселым пирком, да и за свадебку: Иван-дурак женился на ней; стали жить да быть, и теперь живут.

ВЕЩИЙ СОН

Жил-был купец, у него было два сына: Дмитрий да Иван. Раз, благословляя их на ночь, сказал им отец: «Ну, дети, кому что во сне привидится – поутру мне поведайте; а кто утаит свой сон, того казнить велю». Вот наутро приходит старший сын и рассказывает отцу: «Снилось мне, батюшка, будто брат Иван высоко летал по поднебесью на двенадцати орлах; да еще будто пропала у тебя любимая овца». – «А тебе, Ваня, что привиделось?» – «Не скажу!» – отвечал Иван. Сколько отец ни принуждал его, он уперся и на все увещания одно твердил: «не скажу!» да «не скажу!» Купец рассердился, позвал своих приказчиков и велел взять непослушного сына, раздеть донага и привязать к столбу на большой дороге.

Приказчики схватили Ивана и, как сказано, привязали его нагишом к столбу крепко-накрепко. Плохо пришлось доброму молодцу: солнце печет его, комары кусают, голод и жажда измучили. Случилось ехать по той дороге молодому царевичу; увидел он купече-

ского сына, сжалился и велел освободить его, нарядил в свою одежду, привез к себе во дворец и начал расспрашивать: «Кто тебя к столбу привязал?» – «Родной отец прогневался». – «Чем же ты провинился?» – «Не хотел рассказать ему, что мне во сне привиделось». – «Ах, как же глуп твой отец, за такую безделицу да так жестоко наказывать... А что тебе снилось?» – «Не скажу, царевич!» – «Как не скажешь? Я тебя от смерти избавил, а ты мне грубить хочешь? Говори сейчас, не то худо будет». – «Отцу не сказал, и тебе не скажу!» Царевич приказал посадить его в темницу; тотчас прибежали солдаты и отвели его, раба божьего, в каменный мешок.

Прошел год, вздумал царевич жениться, собрался и поехал в чужедальнее государство свататься на Елене Прекрасной. У того царевича была родная сестра, и вскоре после его отъезда случилось ей гулять возле самой темницы. Увидал ее в окошечко Иван купеческий сын и закричал громким голосом: «Смилуйся, царевна, выпусти меня на волю; может, и я пригожусь! Ведь я знаю, что царевич поехал на Елене Прекрасной свататься; толь-

ко без меня ему не жениться, а разве головой поплатиться. Чай, сама слышала, какая хитрая Елена Прекрасная и сколько женихов на тот свет спровадила». – «А ты берешься помочь царевичу?» – «Помог бы, да крылья у сокола связаны». Царевна тотчас же отдала приказ выпустить его из темницы. Иван купеческий сын набрал себе товарищей, и было всех их и с Иваном двенадцать человек, а похожи друг на дружку словно братья родные – рост в рост, голос в голос, волос в волос. Нарядились они в одинаковые кафтаны, по одной мерке шитые, сели на добрых коней и поехали в путь-дорогу.

Ехали день, и два, и три; на четвертый подъезжают к дремучему лесу, и послышался им страшный крик. «Стойте, братцы! – говорит Иван. – Подождите немножко, я на тот шум пойду». Соскочил с коня и побежал в лес; смотрит – на поляне три старика ругаются. «Здравствуйте, старые! Из-за чего у вас спор?» – «Эх, молодой юноша! Получили мы от отца в наследство три диковинки: шапку-невидимку, ковер-самолет и сапоги-скороходы; да вот уже семьдесят лет как спорим, а

поделиться никак не можем». – «Хотите, я вас разделю?» – «Сделай милость!» Иван купеческий сын натянул свой тугой лук, наложил три стрелочки и пустил в разные стороны; одному старику велит направо бежать, другому – налево, а третьего посылает прямо: «Кто из вас первый принесет стрелу, тому шапка-невидимка достанется; кто второй явится, тот ковер-самолет получит; а последний пусть возьмет сапоги-скороходы». Старики побежали за стрелками; а Иван купеческий сын забрал все диковинки и вернулся к своим товарищам. «Братцы, – говорит, – пускайте своих добрых коней на волю да садитесь ко мне на ковер-самолет».

Живо уселись все на ковер-самолет и полетели в царство Елены Прекрасной; прилетели к ее стольному городу, опустились у заставы и пошли разыскивать царевича. Приходят на его двор. «Что вам надобно?» – спросил царевич. «Возьми нас, добрых молодцев, к себе на службу; будем тебе радеть и добра желать от чистого сердца». Царевич принял их на свою службу и распределил кого в повара, кого в конюхи, кого куда. В тот же день нарядился

царевич по-праздничному и поехал представляться Елене Прекрасной. Она его встретила ласково, угостила всякими ествами и дорогими напитками и потом стала спрашивать: «А скажи, царевич, по правде, зачем к нам пожаловал?» – «Да хочу, Елена Прекрасная, за тебя посвататься; пойдешь ли за меня замуж?» – «Пожалуй, я согласна; только выполни наперед три задачи. Если выполнишь – буду твоя, а нет – готовь свою голову под острый топор». – «Задавай задачу!» – «Будет у меня завтра; а что – не скажу; ухитрись-ка, царевич, да принеси к моему неизвестному свое под пару».

Воротился царевич на свою квартиру в большой кручине и печали. Спрашивает его Иван купеческий сын: «Что, царевич, не весел? Али чем досадила Елена Прекрасная? Поделись своим горем со мною; тебе легче будет». – «Так и так, – отвечает царевич, – задала мне Елена Прекрасная такую задачу, что ни один мудрец в свете не разгадает». – «Ну, это еще небольшая беда! Молись-ка богу да ложись спать; утро вечера мудренее, завтра дело рассудим». Царевич лег спать, а Иван купеческий сын надел шапку-невидимку да сапо-

ги-скороходы и марш во дворец к Елене Прекрасной; вошел прямо в почивальню и слушает. Тем временем Елена Прекрасная отдавала такой приказ своей любимой служанке: «Возьми эту дорогую материю и отнеси к башмачнику; пусть сделает башмачок на мою ногу, да как можно скорее».

Служанка побежала куда приказано, а следом за ней и Иван пошел. Мастер тотчас же за работу принялся, живо сделал башмачок и поставил на окошко; Иван купеческий сын взял тот башмачок и спрятал потихоньку в карман. Засуетился бедный башмачник – из-под носу пропала работа; уж он искал-искал, все уголки обшарил – все понапрасну! «Вот чудо! – думает. – Никак нечистый со мной пошутил?»

Нечего делать, взялся опять за иглу, сработал другой башмачок и понес к Елене Прекрасной. «Экий ты мешкотный! – сказала Елена Прекрасная. – Сколько времени за одним башмаком провозился!» Села она за рабочий столик, начала вышивать башмак золотом, крупным жемчугом унизывать, самоцветными камнями усаживать. А Иван тут же очу-

тился, вынул свой башмачок и сам то же делает: какой она возьмет камушек, такой и он выбирает; где она приткнет жемчужину, там и он насаживает. Кончила работу Елена Прекрасная, улыбнулась и говорит: «С чем-то царевич завтра покажется?» – «Подожди, – думает Иван, – еще неизвестно, кто кого перехитрит!»

Воротился домой и лег спать; на заре на утренней встал он, оделся и пошел будить царевича; разбудил и дает ему башмачок: «Поезжай, – говорит, – к Елене Прекрасной и кажи башмачок – это ее первая задача!» Царевич умылся, принарядился и поскакал к невесте; а у ней гостей собрано полны комнаты – всё бояре да вельможи, люди думные. Как приехал царевич, тотчас заиграла музыка, гости с мест повскакивали, солдаты на караул сделали. Елена Прекрасная вынесла башмачок, крупным жемчугом унизанный, самоцветными камнями усаженный; а сама глядит на царевича, усмехается. Говорит ей царевич: «Хорош башмак, да без пары ни на что не пригоден! Видно, подарить тебе другой такой же!» С этим словом вынул он из кармана другой

башмачок и положил его на стол. Тут все гости в ладоши захлопали, в один голос закричали: «Ай да царевич! Достоин жениться на нашей государыне, на Елене Прекрасной». – «А вот увидим! – отвечала Елена Прекрасная. – Пусть исполнит другую задачу».

Вечером поздно воротился царевич домой еще пасмурней прежнего. «Полно, царевич, печалиться! – сказал ему Иван купеческий сын. – Молись-ка богу да ложись спать; утро вечера мудренее». Уложил его в постель, а сам надел сапоги-скороходы да шапку-невидимку и побежал во дворец к Елене Прекрасной. Она в то самое время отдавала приказ своей любимой служанке: «Сходи поскорей на птичий двор да принеси мне уточку». Служанка побежала на птичий двор, и Иван за нею; служанка ухватила уточку, а Иван селеня, и тем же путем назад пришли. Елена Прекрасная села за рабочий столик, взяла утку, убрала ей крылья лентами, хохолок бриллиантами; Иван купеческий сын смотрит да тоже творит над селенем. На другой день у Елены Прекрасной опять гости, опять музыка; выпустила она свою уточку и спрашивает ца-

ревича: «Угадал ли мою задачу?» – «Угадал, Елена Прекрасная! Вот к твоей уточке пара», – и пускает тотчас селезня... Тут все бояре в один голос крикнули: «Ай да молодец царевич! Достоин взять за себя Елену Прекрасную». – «Постойте, пусть исполнит наперед третью задачу».

Вечером воротился царевич домой такой пасмурный, что и говорить не хочет. «Не тужи, царевич, ложись лучше спать; утро вечера мудренее», – сказал Иван купеческий сын; сам поскорей надел шапку-невидимку да сапоги-скороходы и побежал к Елене Прекрасной. А она собралась на сине море ехать, села в коляску и во всю прыть понеслася; только Иван купеческий сын ни на шаг не отстает. Приехала Елена Прекрасная к морю и стала вызывать своего дедушку. Волны заколыхались, и поднялся из воды старый дед – борода у него золотая, на голове волосы серебряные. Вышел он на берег: «Здравствуй, внучка! Давненько я с тобою не виделся; поищи-ка у меня в головушке». Лег к ней на колени и задремал сладким сном; Елена Прекрасная ищет у деда в голове, а Иван купеческий сын у ней за пле-

чами стоит.

Видит она, что старик заснул, и вырвала у него три серебряных волоса; а Иван купеческий сын не три волоса, а целый пучок выхватил. Дед проснулся и закричал: «Что ты, с ума сошла? Ведь больно!» – «Прости, дедушка! Давно тебя не чесала, все волоса перепутались». Дед успокоился и немного погодя опять захрапел. Елена Прекрасная вырвала у него три золотых волоса; а Иван купеческий сын схватил его за бороду и чуть не всю оторвал. Страшно вскрикнул дед, вскочил на ноги и бросился в море. «Теперь царевич попался! – думает Елена Прекрасная. – Таких волос ему не добыть». На следующий день собрались к ней гости; приехал и царевич. Елена Прекрасная показывает ему три волоса серебряные да три золотые и спрашивает: «Видал ли ты где этакое диво?» – «Нашла чем хвастаться!

Хочешь, я тебе целый пучок подарю». Вынул и подал ей клок золотых волос да клок серебряных.

Рассердилась Елена Прекрасная, побежала в свою почивальню и стала смотреть в волшебную книгу: сам ли царевич угадывает или

кто ему помогает? И видит по книге, что не он хитёр, а хитёр его слуга – Иван купеческий сын. Воротилась к гостям и пристала к царевичу: «Пришли-де ко мне своего любимого слугу». – «У меня их двенадцать». – «Пришли того, что Иваном зовут». – «Да их всех зовут Иванами». – «Хорошо, – говорит, – пусть все приедут!» – а в уме держит: «Я и без тебя найду виноватого!» Отдал царевич приказание – и вскоре явились во дворец двенадцать добрых молодцев, его верных слуг; все на одно лицо, рост в рост, голос в голос, волос в волос. «Кто из вас большой?[167]» – спросила Елена Прекрасная. Они разом все закричали: «Я большой! Я большой!» – «Ну, – думает она, – тут спроста ничего не узнаешь!» – и велела подать одиннадцать простых чарок, а двенадцатую золотую, из которой завсегда сама пила; налила те чарки дорогим вином и стала добрых молодцев потчевать. Никто из них не берет простой чарки, все к золотой потянулись и давай ее вырывать друг у друга; только шуму наделали да вино расплескали!

Видит Елена Прекрасная, что штука ее не удалась; велела этих молодцев накормить-на-

поить и спать во дворе положить. Вот ночью, как уснули все крепким сном, она пришла к ним с своею волшебною книгою, глянула в ту книгу и тотчас узнала виновного; взяла ножницы и остригла у него висок. «По этому знаку я его завтра узнаю и велю казнить». Поутру проснулся Иван купеческий сын, взялся рукой за голову – а висок-то острижен; вскочил он с постели и давай будить товарищей: «Полно спать, беда близко! Берите-ка ножницы да стригите виски». Через час времени позвала их к себе Елена Прекрасная и стала отыскивать виноватого; что за чудо? На кого ни взглянет—у всех виски острижены. С досады ухватила она свою волшебную книгу и забросила в печь. После того нельзя было ей отговариваться, надо было выходить замуж за царевича. Свадьба была веселая; три дня народ без просыпу пьянствовал, три дня кабаки и харчевни стояли отворены – кто хошь приходи, пей и ешь на казенный счет!

Как покончились пиры, царевич собрался с молодою женою ехать в свое государство; а двенадцать добрых молодцев вперед отпустил. Вышли они за город, разостлали ко-

вер-самолет, сели и поднялись выше облака
ходячего; летели-летели и опустились как раз
у того дремучего лесу, где своих добрых коней
покинули. Только успели сойти с ковра,
глядь – бежит к ним старик со стрелкою.
Иван купеческий сын отдал ему шапку-неви-
димку. Вслед за тем прибежал другой старик
и получил ковер-самолет; а там и третий –
этому достались сапоги-скороходы. Говорит
Иван своим товарищам: «Седлайте, братцы,
лошадей, пора в путь отправляться». Они тот-
час изловили лошадей, оседлали их и поеха-
ли в свое отечество. Приехали и прямо к ца-
ревне явились; та им сильно обрадовалась,
расспросила о своем родном братце, как он
женился и скоро ль домой будет? «Чем же
вас, – спрашивает, – за такую службу награ-
дить?» Отвечает Иван купеческий сын: «Поса-
ди меня в темницу, на старое место». Как его
царевна ни уговаривала, он таки настоял на
своем; взяли его солдаты и отвели в темницу.

Через месяц приехал царевич с молодою
супругою; встреча была торжественная: му-
зыка играла, в пушки палили, в колокола зво-
нили, народу собралось столько, что хоть по

головам ступай! Пришли бояре и всякие чины представляться царевичу; он осмотрелся кругом и стал спрашивать: «Где же Иван, мой верный слуга?» – «Он, – говорят, – в темнице сидит». – «Как в темнице? Кто смел посадить?» Докладует ему царица: «Ты же сам, братец, на него опалился и велел держать в крепком заточении. Помнишь, ты его про какой-то сон расспрашивал, а он сказать не хотел». – «Неужли ж это он?» – «Он самый; я его на время к тебе отпускала». Царевич приказал привести Ивана купеческого сына, бросился к нему на шею и просил не попомнить старого зла. «А знаешь, царевич, – говорит ему Иван, – все, что с тобою случилось, мне было наперед ведомо; все это я во сне видел; оттого тебе и про сон не сказывал». Царевич наградил его генеральским чином, наделил богатыми именьями и оставил во дворце жить. Иван купеческий сын выписал к себе отца и старшего брата, и стали они все вместе жить-поживать, добра наживать.

СОЛЬ

В некоем городе жил-был купец, у него было три сына: первый – Федор, другой – Василий, а третий – Иван-дурак. Жил тот купец богато, на своих кораблях ходил в чужие земли и торговал всякими товарами. В одно время нагрузил он два корабля дорогими товарами и отправил их за море с двумя старшими сыновьями. А меньшой сын Иван завсегда ходил по кабакам, по трактирам, и потому отец ничего не доверял ему по торговле; вот как узнал он, что его братья за море посланы, тотчас явился к отцу и стал у него проситься в иные земли – себя показать, людей посмотреть да своим умом барыши зашибить. Купец долго не соглашался: «Ты-де все пропьешь и головы домой не привезешь!» – да, видя неотступную его просьбу, дал ему корабль с самым дешевым грузом: с бревнами, тесом и досками.

Собрался Иван в путь-дорогу, отвалил от берега и скоро нагнал своих братьев; плывут они вместе по синему морю день, другой и третий, а на четвертый поднялись сильные

ветры и забросили Иванов корабль в дальнейшее место, к одному неведомому острову. «Ну, ребята, – закричал Иван корабельным работникам, – приворачивайте к берегу». Пристали к берегу, он вылез на остров, приказал себя дожидаться, а сам пошел по тропинке; шел-шел и добрался до превеликой горы, смотрит – в той горе ни песок, ни камень, а чистая русская соль. Вернулся назад к берегу, приказал работникам все бревна и доски в воду покидать, а корабль нагрузить солью. Как скоро это сделано было, отвалил Иван от острова и поплыл дальше.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли – приплыл корабль к большому богатому городу, остановился в пристани и якорь бросил. Иван купеческий сын сошел в город и отправился к тамошнему царю бить челом, чтобы позволил ему торговать по вольной цене; а для показу понес узелок своего товару – русской соли. Тотчас доложили про его приход государю; царь его позвал и спрашивает: «Говори, в чем дело – какая нужда?» – «Так и этак, ваше величество! Позволь мне торговать в твоём городе по вольной цене». – «А ка-

ким товаром торги ведешь?» – «Русской солью, ваше величество!» А царь про соль и не слыхивал: во всем его царстве без соли ели. Удивился он, что такой за новый, небывалый товар? «А ну, – говорит, – покажь!» Иван купеческий сын развернул платок; царь взглянул и подумал про себя: «Да это просто-напросто белый песок!» И говорит Ивану с усмешкою: «Ну, брат, этого добра у нас и без денег дают!»

Вышел Иван из царских палат весьма печален, и вздумалось ему: «Дай пойду в царскую кухню да посмотрю, как там повара кушанья готовят – какую они соль кладут?» Пришел на кухню, попросился отдохнуть маленько, сел на стул и приглядывается. Повара то и дело взад-вперед бегают: кто варит, кто жарит, кто льет, а кто на чумичке вшей бьет. Видит Иван купеческий сын, что повара и не думают солить кушанья; улучил минутку, как они все из кухни повыбрались, взял да и всыпал соли, сколько надобно, во все ествы и приправы. Наступило время обед подавать; принесли первое кушанье. Царь отведал, и оно ему так вкусно показалось, как никогда прежде; подали другое кушанье – это еще

больше понравилось.

Призвал царь поваров и говорит им: «Сколько лет я царствую, а никогда так вкусно вы не готовили. Как вы это сделали?» Отвечают повара: «Ваше величество! Мы готовили по-старому, ничего нового не прибавляли; а сидит на кухне тот купец, что приходил вольного торгу просить: уж не он ли подложил чего?» – «Позвать его сюда!» Привели Ивана купеческого сына к царю на допрос; он пал на колени и стал просить прощения: «Виноват, царь-государь! Я русскою солью все ествы и приправы сдобрил; так-де в нашей стороне водится». – «А почему соль продаешь?» Иван смекнул, что дело на лад идет, и отвечал: «Да не очень дорого: за две меры соли – мера серебра да мера золота». Царь согласился на эту цену и купил у него весь товар.

Иван насыпал полон корабль серебром да золотом и стал дожидаться попутного ветра; а у того царя была дочь – прекрасная царевна, захотелось ей посмотреть на русский корабль, и просится она у своего родителя на корабельную пристань. Царь отпустил ее. Вот она взяла с собой нянюшек, мамушек и крас-

ных девушек и поехала русский корабль смотреть. Иван купеческий сын стал ей показывать, как и что называется: где паруса, где снасти, где нос, где корма, и завел ее в каюту; а работникам приказал – живо якоря отсечь, паруса поднять и в море выходить. И как было им большое поветрие, то они скоро убежали от того города на далекое расстоянье. Царевна вышла на палубу, глянула – кругом море, и заплакала. Иван купеческий сын начал ее утешать, уговаривать, от слез останавливать; и как он собою красавец был, то царевна скоро улыбнулась и перестала печалиться.

Долго ли, коротко ли плыл Иван с царевною по морю; нагоняют его старшие братья, узнали про его удаль и счастье и крепко позавидовали; пришли к нему на корабль, схватили его за руки и бросили в море; а после кинули промеж себя жребий и поделились так: большой брат взял царевну, а середний – корабль с серебром и золотом. И случись на ту пору, как сбросили Ивана с корабля, плавало вблизи одно из тех бревен, которые он сам же покидал в море. Иван ухватился за то бревно и долго носился с ним по морским глубинам;

наконец прибило его к неведомому острову.

Вышел он на землю и пошел по берегу—попадаетея ему навстречу великан с огромными усами, на усах вачеги[168] висят – после дождя сушит. «Что тебе здесь надобно?» – спрашивает великан. Иван рассказал ему все, что случилось. «Хочешь, я тебя домой отнесу; завтра твой старший брат на царевне женится; садись-ка ко мне на спину». Взял его, посадил на спину и побежал через море; тут у Ивана с головы шапка упала. «Ах, – говорит, – ведь я шапку сронил!» – «Ну, брат, далеко твоя шапка – верст с пятьсот назади осталась», – отвечал великан; принес его на родину, спустил наземь и говорит: «Смотри же, никому не хвались, что ты на мне верхом ездил; а похвалишься – раздавлю тебя!» Иван купеческий сын обещал не хвалиться, поблагодарил великана и пошел домой.

Приходит, а уж там все за свадебным столом сидят, собираются в церковь ехать. Как увидела его прекрасная царевна, тотчас выскочила из-за стола, бросилась на шею. «Вот, – говорит, – мой жених, а не тот, что за столом сидит!» – «Что такое?» – спрашивает отец;

Иван ему рассказал про все, как он солью торговал, как царевну увез и как старшие братья его в море спихнули. Отец рассердился на больших сыновей, согнал их со двора долой, а Ивана обвенчал на царевне. Начался у них веселый пир; на пиру гости подпили и стали хвастаться; кто силою, кто богатством, кто молодой женою. А Иван сидел-сидел да спьяна и сам похвастался: «Это что за похвальбы! Вот я так могу похвалиться: на великане через все море верхом проехал!» Только вымолвил – в ту же минуту является у ворот великан: «А, Иван купеческий сын, я тебе приказывал не хвалиться мною, а ты что сделал?» – «Прости меня! – молит Иван купеческий сын. – То не я хвалился, то хмель хвалился». – «А ну, покажи: какой-такой хмель?»

Иван приказал привезть сороковую бочку вина да сороковую бочку пива; великан выпил и вино и пиво, опьянел и пошел все, что ни попало под руку, ломать и крушить; много доброго натворил: сады повалял, хоромы разметал! После и сам свалился и спал без просыпу трое суток; а как пробудился, стали ему показывать, сколько он бед наделал; ве-

ликан страх как удивился и говорит: «Ну, Иван купеческий сын, узнал я, каков хмель; хвались же ты мною отныне и до веку».

ЗОЛОТАЯ ГОРА

Промотался-прогулялся купеческий сын, до того пришло, что есть нечего; взял он лопату, вышел на торговую площадь и стал поджидать – не наймет ли кто в работники. Вот едет семисотный купец в раззолоченной карете; увидали его поденщики и все, сколько ни было, врозь рассыпались, по углам попрятались. Оставался на площади всего-навсего один купеческий сын. «Хочешь работы, молодец? Наймись ко мне», – говорит семисотный купец. «Изволь; я за тем на площадь пришел». – «А что возьмешь?» – «Положи на день по сотне рублей, с меня и будет!» – «Что так дорого?» – «А дорого, так поди – ищи дешевого; вишь, сколько народу здесь было, а ты приехал – все разбежались». – «Ну, ладно! Приходи завтра на пристань». На другой день поутру пришел купеческий сын на пристань; семисотный купец давно его дожидается. Сели они на корабль и поехали в море.

Ехали-ехали – посреди моря остров виднеется, на том острове стоят горы высокие, а у самого берега что-то словно огнем горит. «Никак пожар виден!» – говорит купеческий сын. «Нет, это мой золотой дворец». Привалили к острову, вышли на берег; навстречу семисотному купцу прибежала жена вместе с дочкою, а дочь – такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать. Тотчас они поздоровались, пошли во дворец и нового работника с собой взяли; сели за стол, стали пить-есть, веселиться. «Куда день ни шел! – говорит хозяин. – Сегодня попируем, а завтра и за работу примемся». А купеческий сын был собою молодец, статный, рослый, кровь с молоком; полюбился он красной девице. Вышла она в другую комнату, вызвала его тайком и дала ему кремень да кресало: «Возьми, будешь в нужде – пригодится!»

На другой день семисотный купец отправился с своим работником к высокой золотой горе: лезть на нее – не взлезть, ползти – не всползти! «Ну-ка, – говорит, – выпьем наперед». И поднес ему сонного зелья. Работник выпил и заснул. Купец достал нож, убил леда-

щую клячу, выпотрошил, положил парня в лошадиное брюхо, сунул туда лопату и зашил, а сам в кустах притаился. Вдруг прилетают вороны черные, носы железные, ухватили падаль, унесли на гору и ну клевать; съели лошадь и стали было добираться до купеческого сына. Тут он проснулся, от черных воронов отмахнулся, глянул туда-сюда и спрашивает: «Где я?» Отвечает семисотный купец: «На золотой горе; бери-ка лопату да копай золото».

Вот он копал-копал, все на низ бросал; а купец на возы складывал. К вечеру девять возов поспело. «Будет! – говорит семисотный купец. – Спасибо за работу, прощай!» – «А что?» – «А ты как знаешь! Вас там на горе девятью девять сгнуло; с тобой ровно сто будет!» – сказал купец и уехал. «Что тут делать?» – думает купеческий сын. – Сойти с горы никак нельзя; придется помереть голодною смертью!» Стоит на горе, а над ним так и вьются вороны черные, носы железные: видно, добычу почуяли! Стал он припоминать, как все это сделалось, и пришло ему на ум, как вызывала его красная девица, подавала

кремень да кресало, а сама приговаривала: «Возьми, будешь в нужде – пригодится!» – «А ведь это она недаром сказала! Дай попробую». Вынул купеческий сын кремь и кресало, ударил раз – и тотчас выскочило два молодца. «Что угодно? Чего надобно?» – «Снесите меня с горы к морскому берегу». Только успел вымолвить, они его подхватили и бережно с горы снесли.

Идет купеческий сын по берегу, глядь – мимо острова корабль плывет. «Эй, добрые люди корабельщики! Возьмите меня с собой». – «Нет, брат! Некогда останавливаться, мы за эту остановку сто верст сделаем». Миновали корабельщики остров – стали дуть им ветры встречные, поднялась буря страшная. «Ах! Видно, он не простой человек; лучше воротимся да возьмем его на корабль». Повернули к острову, пристали к берегу, взяли купеческого сына и отвезли его в родной город.

Много ли, мало ли прошло времени – взял купеческий сын лопату, вышел на торговую площадь и ждет наемщика. Опять едет в раззолоченной карете семисотный купец; увидели его поденщики, все врозь рассыпались, по

углам попрятались. Оставался один купеческий сын. «Наймись ко мне», – говорит ему семисотный купец. «Изволь! Положи на день по двести рублей и давай работу». – «Экой дорогой!» – «А дорогой, так поди – поймай дешевого; вишь, сколько народу здесь было, а ты оказался – сейчас разбежались». – «Ну, ладно! Приходи завтра на пристань».

Наутро сошлись они у пристани, сели на корабль и поехали к острову. Там один день прогуляли, а другой настал – к золотой горе отправились. Приезжают туда, семисотный купец подносит работнику чарку: «Ну-ка выпей наперед!» – «Постой, хозяин! Ты всему голова, тебе первому и пить; дай я тебя своим попотчую». А уж купеческий сын загодя сонным зельем запасся; налил полный стакан и подает семисотному купцу. Тот выпил и заснул крепким сном. Купеческий сын зарезал самую дрянную клячу, выпотрошил, положил своего хозяина в лошадиное брюхо, сунул лопату и зашил, а сам в кустах спрятался.

Вдруг прилетели вороны черные, носы железные, подхватили падаль, унесли на гору и принялись клевать. Пробудился семисотный

купец, глянул туда-сюда: «Где я?» – спрашивает. «На горе; бери-ка лопату да копай золото; коли много накопаешь, научу – как с горы спуститься». Семисотный купец взялся за лопату, копал-копал, двенадцать возов накопал. «Ну, теперь довольно! – говорит купеческий сын. – Спасибо за труд, прощай!» – «А я-то?» – «А ты как знаешь! Вас там на горе девяносто девять сгинуло; с тобой ровно сотня будет!» Забрал купеческий сын все двенадцать возов, приехал в золотой дворец, женился на красной девице, дочке купца семисотного; овладел всем его богатством и со всей семьей переехал жить в столицу. А семисотный купец так на горе и остался; заклевали его вороны черные, носы железные.

ЧУДЕСНАЯ ДУДКА

Жил-был поп с попадьёю; у них был сын Иванушка и была дочь Аленушка. Раз Аленушка и просится: «Матушка, матушка! Я пойду в лес за ягодами, уж все подружки пошли». – «Ступай, да возьми с собой брата». – «Зачем? Он такой ленивый, все равно ничего не соберет!» «Ничего, возьми! А кто из вас больше ягод соберет, тому подарю красные чоботы[169]». Вот пошли брат с сестрой за ягодами, пришли в лес. Иванушка все рвет да рвет да в кувшинчик кладет, а Аленушка все ест да ест, все ест да ест; только две ягодки и положила в коробку. Глядит: у ней пусто, а Иванушка уж полный кувшин набрал. Завистно стало Аленушке. «Давай, – говорит, – братец, я поищу у тебя в головке». Он лег к ней на колени и заснул. Аленушка тотчас вынула острый нож и зарезала братца; выкопала яму и схоронила его, а кувшин с ягодами себе взяла.

Приходит домой и отдает ягоды матери. «Где же твой братец Иванушка?» – спрашивает попадьё. «Должно быть, в лесу отстал да за-

блудился; я его звала-звала, искала-искала – нет нигде». Отец с матерью долго-долго ждали Иванушку, так и не дождались.

А на могиле Иванушки выросла большая да ровная-ровная тростинка. Шли мимо овчары со стадом, увидали и говорят: «Какая славная тростинка выросла!» Один овчар срезал ее и сделал себе жилейку.[170] «Дай-ка, – говорит, – попробую!» Поднес к губам, жилейка и заиграла:

*По малу, малу, вивчарику, грай!
Не врази ты мого серденька
вкрай!
Мини сестрица-зрадница[171]
За красны ягодки, за червонни чоботки!*

«Ах, какая чудесная дудка! – говорит овчар. – Как чисто выговаривает; ну, эта жилейка дорогого стоит». – «А дайка я попробую!» – говорит другой; взял жилейку, приложил к губам – и у него то же самое заиграла; попытал третий – и у третьего то же!

Пришли овчары в деревню, остановились возле поповой хаты: «Батюшка! Пусти нас переночевать». – «У меня тесно», – отвечает поп.

«Пусти, мы тебе диковинку покажем». Поп пустил их и спрашивает: «Не видали ли где мальчика, зовут Иванушкою? Пошел за ягодами, да и след пропал». – «Нет, не видали; а вот мы срезали по дороге тростинку, и какая чудесная жилейка из нее вышла: сама играет!» Вынул овчар жилейку и заиграл:

*По малу, малу, вивчарику, грай!
Не врази ты мого серденька
вкрай!
Мини сестрица-зрадница
За красны ягодки, за червонни чоботки!*

«А ну-ка дай я поиграю», – говорит поп; взял жилейку и заиграл:

*По малу, малу, батеньку, грай!
Не врази ты мого серденька
вкрай!
Мини сестрица-зрадница
За красны ягодки, за червонни чоботки!*

«Ах, уж это не мой ли Иванушка стублен?» – сказал поп и позвал жену: «Ну-ка, поиграй ты». Попадья взяла жилейку и заиграла:

*По малу, малу, матусенько, грай!
Не врази ты мого серденька
вкрай!
Мини сестрица-зрадница
За красны ягодки, за червонни чо-
ботки!*

«А где дочка?» – спрашивает поп; а Аленушка уж спряталась, в темном углу притаилась. Нашли ее. «Ну-ка заиграй!» – говорит отец. «Я не умею». – «Ничего, играй!» Она было отнекиваться да отец пригрозил и заставил взять жилейку. Только что Аленушка приложила ее к губам, а жилейка сама выговаривает:

*По малу, малу, сестрице, грай!
Не врази ты мого серденька
вкрай!
Ты ж мини зрадила
За красны ягодки, за червонни чо-
ботки!*

Тут Аленушка во всем призналась; отец разгневался и прогнал ее из дому.

* * *

Жил старик со старухой. У них детей было двое: сынок Иванушка и дочка Аннушка. Ста-

рик начал своих детей посылать в лес за ягодами, наказывает им: «Детки! Который из вас нарвет больше ягодок, тому поясок куплю шелковый». Они возрадовались и немедля пошли. Иванушка был меньшее детище, нарвал больше Аннушкиного; Аннушка из досады, что отец не ей купит поясок, озлившись, убила своего брата и схоронила его в том лесу. Пришла домой и сказала отцу, что брат мой Иванушка неизвестно куда ушел.

Спустя несколько времени после того над могилой Иванушкиной выросла тростинка. Мимопроезжие купцы ее срезали, сделали дудку, и как начали играть в нее – изумились; из дудки выходил такой голос: «Подуди-ка, подуди-ка, дядюшка! Не ты меня убил, не ты меня стубил; убила меня сестра моя – за красные ягоды, за шелковый поясок». Поехали те купцы в село, и случилось им ночевать у Иванушкина отца; объявили ему про чудесную дудку и просили старика поиграть. Старик начал дудеть, а дудочка начала ему говорить: «Подуди-ка, подуди-ка, батюшка! Не ты меня убил, не ты меня стубил; убила меня сестра моя Аннушка – за красные ягоды, за шелко-

вый поясок».

После того дали сестре поиграть; дудка стала говорить: «Подуди-ка, подуди-ка, сестрица моя Аннушка! Ты меня убила, в лесу сгубила – за красные ягодки, за шелковый поясок». Отец, осердясь на дочку Аннушку, которая тут же призналась, поставил ее на воротах и расстрелял из поганого ружья. На дворе у них была лужа, а в ней щука, а в щуке-то огонек; этой сказочке конец.

ПТИЧИЙ ЯЗЫК

В одном городе жил купец с купчихою, и дал им господь сына не по годам смышленного, по имени Василия. Раз как-то обедали они втроем; а над столом висел в клетке соловей и так жалобно пел, что купец не вытерпел и проговорил: «Если б сыскался такой человек, который отгадал бы мне вправду, что соловей распевает и какую судьбу предвещает, кажись – при жизни бы отдал ему половину имения, да и по смерти отказал много добра». А мальчик – ему было лет шесть тогда – посмотрел отцу с матерью в глаза озойливо[172] и сказал: «Я знаю, что соловей поет, да ска-

зять боюсь». – «Говори без утайки!» – приста-
ли к нему отец с матерью, и Вася со слезами
вымолвил: «Соловей предвещает, что придет
пора-время, будете вы мне служить: отец ста-
нет воду подавать, а мать полотенце – лицо,
руки утирать». Слова эти больно огорчили
купца с купчихою, и решились они сбыть
свое детище; построили небольшую лодочку,
в темную ночь положили в нее сонного маль-
чика и пустили в открытое море. На ту пору
вылетел из клетки соловей-вещун, прилетел
в лодку и сел мальчику на плечо.

Вот плывет лодка по морю, а навстречу ей
корабль на всех парусах летит. Увидал кора-
бельщик мальчика, жалко ему стало, взял его
к себе, расспросил про все и обещал держать
и любить его, как родного сына. На другой
день говорит мальчик новому отцу: «Соло-
вей-де напевает, что подыметя буря, полома-
ет мачты, прорвет паруса; надо поворотить в
становище». Но корабельщик не послушался.
И впрямь поднялась буря, поломала мачты,
оборвала паруса. Делать нечего, прошлого не
воротить; поставили новые мачты, поправи-
ли паруса и поплыли дальше. А Вася опять го-

ворит: «Соловей-де напевает, что навстречу идут двенадцать кораблей, всё разбойничьих, во полон нас возьмут!» На тот раз корабельщик послушался, приворотил к острову и видел, как те двенадцать кораблей, всё разбойничьих, пробежали мимо.

Выждал корабельщик сколько надобно и поплыл дальше. Ни мало, ни много прошло времени, пристал корабль к городу Хвалынску; а у здешнего короля уже несколько годов перед дворцовыми окнами летают и кричат ворон с воронихою и вороненком, ни днем, ни ночью никому угомону[173] не дают. Что ни делали, никакими хитростями не могут их от окошек отжить;[174] даже дробь не берет! И приказано было от короля прибить на всех перекрестках и пристанях такову грамоту: ежели кто сможет отжить от дворцовых окошек ворона с воронихою, тому король отдаст в награду полцарства своего и меньшую королевну в жены; а кто возьмется за такое дело, а дела не сделает, тому отрублена будет голова. Много было охотников породниться с королем, да все головы свои под топор положили.

Узнал про то Вася, стал проситься у кора-

бельщика: «Позволь пойти к королю – отогнать ворона с воронихою». Сколько ни уговаривал его корабельщик, никак не мог удержать. «Ну, ступай, – говорит, – да если что недоброе случится – на себя пеняй!» Пришел Вася во дворец, сказал королю и велел открыть то самое окно, возле которого воронье летало. Послушал птичьего крику и говорит королю: «Ваше величество, сами видите, что летают здесь трое: ворон, жена его ворониха и сын их вороненок; ворон с воронихою спорят, кому принадлежит сын – отцу или матери, и просят рассудить их. Ваше величество! Скажите, кому принадлежит сын?» Король говорит: «Отцу». Только изрек король это слово, ворон с вороненком полетели вправо, а ворониха – влево.

После того король взял мальчика к себе, и жил он при нем в большой милости и чести; вырос и стал молодец молодцом, женился на королевне и взял в приданое полцарства. Вздумалось ему как-то поездить по разным местам, по чужим землям, людей посмотреть и себя показать; собрался и поехал странствовать. В одном городе остановился он ноче-

вать; переночевал, встал поутру и велит, чтоб подали ему умываться. Хозяин принес ему воду, а хозяйка подала полотенце; поразговорился с ними королевич и узнал, что то были отец его и мать, заплакал от радости и упал к их ногам родительским; а после взял их с собою в город Хвалынск, и стали они все вместе жить-поживать да добра наживать.

ОХОТНИК И ЕГО ЖЕНА

Жил-был охотник, и было у него две собаки. Раз как-то бродил он с ними по лугам, по лесам, разыскивал дичи, долго бродил – ничего не видал, а как стало дело к вечеру, набрел на такое диво: горит пень, а в огне змея сидит. И говорит ему змея: «Изыми, мужичок, меня из огня, из полымя; я тебя счастливым сделаю: будешь знать все, что на свете есть, и как зверь говорит, и что птица поет!» – «Рад тебе помочь, да как?» – спрашивает змею охотник. «Вложи только в огонь конец палки, я по ней и вылезу». Охотник так и сделал. Выползла змея: «Спасибо, мужичок! Будешь разуместь теперь, что всякая тварь говорит; только никому про то не сказывай, а

если скажешь – смертью помрешь!»

Опять охотник пошел искать дичь, ходил-ходил, и пристигла его ночь темная. «Домой далеко, – подумал он, – останусь-ка здесь ночевать». Развел костер и улегся возле вместе с собаками и слышит, что собаки завели промеж себя разговор и называют друг друга братом. «Ну, брат, – говорит одна, – ночуй ты с хозяином, а я домой побегу, стану двор караулить. Не ровен час: воры пожалуют!» – «Ступай, брат, с богом!» – отвечает другая. Поутру рано воротилась из дому собака и говорит той, что в лесу ночевала: «Здравствуй, брат!» – «Здорово!» – «Хорошо ли ночь у вас прошла?» – «Ничего, слава богу! А тебе, брат, как дома поспалось?» – «Ох, плохо! Прибежал я домой, а хозяйка говорит: „Вот черт принес без хозяина!“ и бросила мне горелую корку хлеба. Я понюхал, понюхал, а есть не стал; тут она схватила кочергу и давай меня потчевать, все ребра пересчитала! А ночью, брат, приходили на двор воры, хотели к амбарам да клетям подобраться, так я такой лай поднял, так зло на них накинулся, что куда уж было думать о чужом добре, только б самим

уйти подобру-поздорову! Так всю ночь и провозился!» Слышит охотник, что собака собаке рассказывает, и держит у себя на уме: «Погоди, жена! Приду домой – уж я те задам жару!»

Вот пришел в избу: «Здорово, хозяйка!» – «Здорово, хозяин!» – «Приходила вчера домой собака?» – «Приходила». – «Что ж, ты ее накормила?» – «Накормила, родимый! Дала ей целую крынку молока и хлеба покрошила». – «Врешь, старая ведьма! Ты дала ей горелую корку да кочергой прибила». Жена повинилась и пристала к мужу, скажи да и скажи, как ты про все узнал. «Не могу, – отвечает муж, – не велено рассказывать». – «Скажи, миленький!» – «Право слово, не могу!» – «Скажи, голубчик!» – «Если скажу, так смертью помру». – «Ничего, только скажи, дружок!» Что станешь с бабой делать? Хоть умри, да признайся! «Ну, давай белую рубаху», – говорит муж.

Надел белую рубаху, лег в переднем углу под образа, совсем умирать приготовился, и собирается рассказать хозяйке всю правду истинную. На ту пору вбежали в избу куры, а за ними петух и стал гвоздить[175] то ту, то дру-

гую, а сам приговаривает: «Вот я с вами разделюсь! Ведь я не такой дурак, как наш хозяин, что с одной женой не справится! У меня вас тридцать и больше того, а захочу – до всех доберусь!» Как услышал эти речи охотник, не захотел быть в дураках, вскочил с лавки и давай учить жену плеткою. Присмирела она: полно приставать да спрашивать!

ДИВО

Жил-был рыбак. Раз поехал он на озеро, закинул сеть и вытащил щуку; вылез на берег, развел огонек и начал эту щуку поджаривать; один бок поджарил, поворотил на другой. Вот и совсем готово – только бы съесть, а щука как прыгнет с огня, да прямо в озеро. «Вот диво, – говорит рыбак, – жареная рыба опять в воду ушла...» – «Нет, мужичок, – отзывается ему щука человеческим голосом, – это что за диво! Вот в этакой-то деревне живет охотник, так с ним точно было диво: сходи к нему, он сам тебе скажет».

Рыбак пошел в деревню, разыскал охотника, поклонился ему: «Здравствуй, добрый человек!» – «Здравствуй, земляк! Зачем при-

шел?» – «Да вот так и этак, расскажи: какое с тобой диво было?» – «Слушай, земляк! Было у меня три сына, и ходил я с ними на охоту. Раз мы целый день охотились и убили три утки; ввечеру пришли в лес, развели огонь, ощипали уток и стали варить их к ужину; сварили и уселись было за трапезу. Вдруг старик идет: „Хлеб-соль, молодцы!“ – „Милости просим, старичок!“ Старик подсел, всех уток съел да на закуску старшего сына моего проглотил. Остался я с двумя сыновьями. На другой день встали мы поутру и пошли на охоту; целый день исходили, трех уток убили, а ввечеру развели в лесу огонек и готовим ужин. Опять старик идет: „Хлеб-соль, молодцы!“ – „Милости просим, старичок!“ Он сел, всех уток съел да средним сыном закусил. Остался я с одним сыном; вернулись домой, переспали ночь, а утром опять на охоту. Убили мы трех уток, развели огонек, живо сварили их и только было ужинать собрались, как тот же самый старик идет: „Хлеб-соль, молодцы!“ – „Милости просим, старичок!“ Он сел, всех уток съел да меньшим сыном закусил.

Остался я один как перст; переночевал

ночь в лесу, на другой день стал охотиться и столько настрелял птицы, что едва домой дотащил. Прихожу в избу, а сыновья мои лежат на полатах – все трое живы и здоровы!» Рыбак выслушал и говорит: «Вот это диво, так диво!» – «Нет, земляк, – отвечает охотник, – это что за диво! Вот в таком-то селе у такого-то мужика так подлинно диво сотворилось; пойдй к нему, сам узнаешь».

Рыбак пошел в село, разыскал этого мужика, поклонился ему: «Здравствуй, дяденька!» – «Здравствуй, земляк! Зачем пришел?» – «Так и так, расскажи, какое с тобой диво приключилось?» – «Слушай! – говорит. – С молодых лет моих жил я с женою, и что же? Завела она любовника. Мне-то самому и невдомек это, да люди сказали. Вот один раз собрался я в лес за дровами, запряг лошадь, выехал за околицу; постоял с полчаса времени, вернулся потихоньку и спрятался на дворе. Как стемнело, слышу я, что моя хозяйка с своим другом в избе гуляет; побежал в избу и только было хотел проучить жену маленько, а она ухватила палку, ударила меня по спине и сказала: „Доселева был ты мужик, а теперь стань черным

кобелем!“ В ту ж минуту обернулся я собакою; взяла она ухват и давай меня возить по бокам: била-била и выгнала вон.

Выбежал я на улицу, сел на завалинку и думаю: авось жена опомнится да сделает меня по-старому человеком. Куда тебе! Сколько ни терся я около избы, не мог дожидаться от злой бабы милости. Бывало – откроет окно да горячим кипятком так и обдаст всего, да все норовит, как бы в глаза попасть! А кормить совсем не кормит, хоть с голоду околевай! Нечего делать, побежал я в чистое поле; вижу – мужик стадо быков пасет. Пристал я к этому стаду, начал за быками ходить: который от стада отобьется – я сейчас пригоню; а волкам от меня просто житья не стало – ни одного не подпущу.

Увидал мужик мое старание, начал меня кормить и поить, и так он на меня положился, что не стал и за стадом ходить: заберется, бывало, в деревню и гуляет себе сколько хочется. Говорит ему как-то барин: „Послушай, пастух! Ты все гуляешь, а скот один в поле ходит; этак не годится! Пожалуй, вор придет, быков уведет“. – „Нет, барин! Я на своего пса

крепко надеюсь; никого не подпустит“. – „Рассказывай! Хочешь, я сейчас любого быка уведу?“ – „Нет, не уведешь!“ Поспорили они, ударились об заклад о трех стах рублях и отдали деньги за руки. Барин пошел в поле и только за быка – как я кинулся, всю одежду на нем в клочки изорвал, так-таки и не допустил его. Мой хозяин получил заклад, и с той поры возлюбил меня пуще прежнего: иной раз сам не доест, а меня непременно накормит.

Прожил я у него целое лето и захотел домой побывать: „Посмотрю, – думаю себе, – не смилуется ли жена, не сделает ли опять человеком?“ Прибежал к избе, начал в дверь царапаться; выходит жена с палкою, ударила меня по спине и говорит: „Ну, бегал ты черным кобелем, а теперь полети дятлом“. Обернулся я дятлом и полетел по лесам, по рощам. Пристигла холодная зима; есть крепко хочется, а корму нету и достать негде. Забрался я в один сад, вижу – стоит на дереве птичья принада. [176] „Дай полечу в эту принаду; пусть меня ребяташки поймают, авось кормить станут, да в избе и теплей зимовать будет!“ Вскочил в западню, дверцы захлопнуло: взяли меня ре-

бятишки, принесли к отцу: „Посмотри, тятя, какого мы дятла поймали!“

А ихний отец сам был знахарь; тотчас узнал, что я человек, не птица; вынул меня из клетки, посадил на ладонь, дунул на меня – и обернулся я по-прежнему мужиком. Дает он мне зеленый прутик и сказывает: „Дождись, брат, вечера и ступай домой, да как войдешь в избу – ударь свою жену этим прутиком и скажи: 'Была ты, жена, бабою, а теперь будь козою! ‘ Взял я зеленый прутик, прихожу домой вечером, по-тихохоньку подкрался к своей хозяйке, ударил ее прутиком и говорю: „Была ты, жена, бабою, а теперь будь козою!“ В ту ж минуту сделалась она козою; скрутил я ее за рога веревкою, привязал в сарае и стал кормить ржаною соломою. Так целый год и держал ее на соломе; а потом пошел к знахарю: „Научи, земляк, как обернуть мою козу бабою“.

Он дал мне другой прутик: „На, брат! Ударь ее этим прутиком и скажи: 'Была ты козою, а теперь стань бабою! ‘ Я воротился домой, ударил мою козу прутиком: „Была ты, говорю, козою, а теперь стань бабою!“ Обернулась коза

бабою; тут хозяйка моя бросилась мне в ноги, стала плакать, просить прощения, заклалась-забожилась жить со мною по-божьему. С тех пор живем мы с ней благополучно в любви и согласии». – «Спасибо, – сказал рыбак, – это подлинно диво дивное!»

* * *

В некотором царстве, не в нашем государстве, жила-была старуха; у нее был сын, занимался охотою, бродил по разным местам да стрелял разных птиц и зверей – тем и себя и мать кормил. В одно время взял он ружье, надел сумку и пошел в поле. Недолго ходил, застрелил зайца, содрал с него шкурку и принес матери. Старуха разрубилла зайца пополам, задок зажарила да на столе поставила, а передок под лавку припрятала. Вот пока они ели задок, передок-то заячий выскочил вон из избы да ну улепетывать! «Матушка, посмотри-ка, – говорит мужик, – экое чудо: мы с тобой задок едим, а передок в поле ушел!» – «Эх, дитятко! Такое ли чудо бывает? Ты поди-ка на село да спроси мужика Арефия, вот с ним было чудо, так чудо!»

Сын встал из-за стола и пошел искать му-

жика Арефия. Идет по дороге и видит – седой старик землю пашет. «Бог помочь, старичок!» – «Спасибо! Куда идешь, добрый человек?» – «Ищу мужика Арефия; с ним, сказывают, чудо было». – «Правда, добрый человек! Был я женат; была у меня баба собой красивая, да зато гульливая. Как-то я застал ее с милым дружкой; а он был большой колдун, ухватил плеть, стегнул меня и говорит: „Былы ты мужик, а будь пес поганый!“ Обернул меня псом и выгнал на двор; наутро, слышу я, колдун сказывает моей жене: „Знаешь что, Акси-нья? Зачем нам пса кормить? Лучше удушить его“. – „И то правда!“ – говорит баба. А у меня хоть вид собачий, да ум человеческий; как почув-ял беду, сейчас улизнул со двора, и давай бог ноги!

Пристал я к одному барину, долго служил ему верою-правдою, всячески ему угождал и разные штуки выкидывал.

Заставит, бывало, меня барин гостей вином угощать; а у меня хоть вид собачий, да ум человеческий, – стану я на задние лапы, а в передние возьму поднос с чарками и стану гостей обносить, а сам-то кланяюсь. Что тут

смеху было! И любил же меня хозяин; всегда в холе держал и с своего стола кормил. А все соскучилось. Вздумал на жену посмотреть. Убежал от барина и пустился в деревню. Три дня не ел, не пил – все домой спешил, и пришло мне невмоготу: так на еду и позывает. Глядь – а на кусте черный ворон сидит. Вот я подкрался, да и сцапал его. Говорит мне ворон человеческим голосом: „Не ешь меня, отпусти на волю; я сам тебе пригожуся!“ Пожалел я ворона, пустил его на волю и побежал дальше.

Кое-как добрался до деревни, прихожу на свой двор, смотрю в избу: жена возле печки стоит да блины печет, а колдун на лавке сидит да так-то их уписывает. Увидал он меня, ухватил плеть. „Ишь, – говорит, – опять проклятый пес воротился; а уж я чаял – ты совсем пропал!“ Да как стеганет меня плетью. „Был ты, – говорит, – псом, теперь стань черным вороном!“ Обернулся я черным вороном, взвился и полетел в темный лес. „Ну, – думаю, – пришла на меня беда хуже первой; жил я собакою, завсегда сыт был; а теперь еще как-то бог пошлет! Чего доброго, еще

охотник из ружья пристрелит!“ Вдруг прилетел ко мне ворон и кричит: „Кар-кар! Ты меня пожалел, а я тебя добру научу: полетай назад в свою избу, заберись потихоньку под лавку и перекинь плетъ через себя – опять человеком сделаешься; тогда возьми эту плетъ и проучи колдуна и свою жену вот так-то и этак-то“.

Тотчас снялся я с дерева и полетел в деревню; прилетел, ударился со всего размаху в окно, стекло разбилось, а я поскорей в избу. Время было послеобеденное, колдун с моею хозяйкою ушли в клетъ и легли спать; вижу я – в избе пусто, залез под лавку, отыскал плетъ, ухватил ее клювом за один конец и насили-насили через себя перекинул; в ту ж минуту обернулся я по-прежнему человеком. Взял плетъ в руки и пошел расправляться. Колдун спит, жена храпит; вот я ударил сперва его и говорю: „Был ты добрый молодец, а теперь стань вороной жеребец!“ Как сказал, так и сделалось. После того ударил бабу: „Была ты, – говорю, – молодичею, а теперь стань кобылицею!“ Глядь – стоит передо мной славная пара лошадей: жеребец хорош, а кобыла и того лучше!.. С тех пор на этой паре я и землю па-

шу и в извоз хожу. Вот оно какое чудо-то бывает!»

ДИВО ДИВНОЕ, ЧУДО ЧУДНОЕ

Жил-был богатый купец с купчихою; торговал дорогими и знатными товарами и каждый год ездил с ними по чужим государствам. В некое время снарядил он корабль; стал собираться в дорогу и спрашивает жену: «Скажи, радость моя, что тебе из иных земель в гостинец привезти?» Отвечает купчиха: «Я у тебя всем довольна; всего у меня много! А коли угодить да потешить хочешь, купи мне диво дивное, чудо чудное». – «Хорошо; коли найду – куплю».

Поплыл купец за тридевять земель в тридесятое царство, пристал к великому, богатому городу, распродал все свои товары, а новые закупил, корабль нагрузил; идет по городу и думает: «Где бы найти диво дивное, чудо чудное?» Попался ему навстречу незнакомый старичок, спрашивает его: «Что так призадумался-раскручинился, добрый молодец?» – «Как мне не кручиниться! – отвечает купец. – Ищу я купить своей жене диво дивное, чудо

чудное, да не ведаю где». – «Эх ты, давно бы мне сказал! Пойдем со мной; у меня есть диво дивное, чудо чудное – так и быть, продам».

Пошли вместе; старичок привел купца в свой дом и говорит: «Видишь ли – вон на дворе у меня гусь ходит?» – «Вижу!» – «Так смотри же, что с ним будет... Эй, гусь, подь сюды!» Гусь пришел в горницу. Старичок взял сковороду и опять приказывает: «Эй, гусь, ложись на сковороду!» Гусь лег на сковороду; старичок поставил ее в печь, изжарил гуся, вынул и поставил на стол. «Ну, купец, добрый молодец! Садись, закусим; только костей под стол не кидай, все в одну кучу собирай». Вот они за стол сели да вдвоем целого гуся и съели. Старичок взял оглоданные кости, завернул в скатерть, бросил на пол и молвил: «Гусь! Встань, встрепенись и поди на двор». Гусь встал, встрепенулся и пошел на двор, словно и в печи не бывал! «Подлинно, хозяин, у тебя диво дивное, чудо чудное!» – сказал купец, стал торговать у него гуся и сторговал за дорогие деньги. Взял с собой гуся на корабль и поплыл в свою землю.

Приехал домой, поздоровался с женой, от-

дает ей гуся и сказывает, что с той птицею хоть всякий день некупленное жаркое ешь! Зажарь ее – она опять оживет! На другой день купец пошел в лавки, а к купчихе любовник прибежал. Такому гостю, другу сердечному, она куды как рада! Вздумала угостить его жареным гусем, высунулась в окно и закричала: «Гусь, подь сюда!» Гусь пришел в горницу. «Гусь, ложись на сковороду!» Гусь не слушает, нейдет на сковороду; купчиха осердилась и ударила его сковородником – и в ту же минуту одним концом сковородник прильнул к гусю, а другим к купцовой жене, и так плотно прильнул, что никак оторваться нельзя! «Ах, миленький дружок, – закричала купчиха, – оторви меня от сковородника, видно, этот проклятый гусь заморожен!» Любовник обхватил купчиху обеими руками, хотел было от сковородника оторвать, да и сам прильнул...

Гусь выбежал на двор, на улицу и потащил их к лавкам. Увидали приказчики, бросились разнимать; только кто до них ни дотронется – так и прилипнет! Сбежался народ на то диво смотреть, вышел и купец из лавки, видит –

дело-то неладно: что за друзья у жены проявились? «Признавайся, – говорит, – во всем; не то навек так – сольнувшись – останешься!» Нечего делать, повинилась купчиха; купец взял тогда – рознял их, полюбовнику шею на-костылял, а жену домой отвел да изрядно поучил, приговаривая: «Вот тебе диво дивное! Вот тебе чудо чудное!»

СЧАСТЛИВОЕ ДИТЯ

Жил-был именитый купец с купчихою – всякого добра много, а детей нету. Стали они богу молиться, чтобы дал им детище – в молодых летах на утеху, в старости на подмогу, а по смерти на помин души; стали они нищю братию кормить, милостыней оделять; а сверх того надумались на пользу всего люда православного построить длинный мост через топи-болота непроходимые. Много купец казны издержал, а мост построил, и как работы окончились, посылает он своего приказчика Федора: «Поди-ка, сядь под мост да послушай, что будут люди про меня сказывать: будут ли благословлять или корить станут». Федор пошел, сел под мост и слушает. Идут по

мосту три святых старца и говорят промеж себя: «Чем наградить того, кто этот мост построил? Пусть у него народится счастливый сын: что ни скажет – то и сбудется, чего ни пожелает – то и даст господь!» Выслушал приказчик и вернулся домой. «Ну что, Федор, не слышал ли чего?» – спрашивает купец. «Нет, ничего не слышал».

В скором времени отяжелела купчиха и родила мальчика; окрестили его и положили в люльку. Приказчик позавидовал чужому счастью: в глухую полночь, как все в доме крепко заснули, поймал голубя, зарезал его и замарал кровью постель, руки и уста родильницы; а ребенка украл и отдал на сторону выкормить.

Наутро хватились отец с матерью, где их ребенок? Нет нигде, а приказчик начал доказывать: «Мать-де сама его съела: вишь, и руки и уста в крови!» Купец взял свою жену и посадил в темницу. Прошло несколько лет, сынок их подрос, стал бегать и говорить. Федор бросил купца, поселился на взморье и мальчика с собой взял; что только ему на ум взбредет, он приказывает этому мальчику: «Поже-

лай-де то-то и то-то», – и тотчас все готово. Говорит он однажды: «А ну, малый, проси у бога, чтоб здесь новое царство стало, чтоб от самого этого места до дворца государева хрустальный мост повис через море и чтоб царица за меня замуж вышла». Мальчик попросил у бога – и тотчас повис через все море хрустальный мост и явился богатый, знатный город с белокаменными палатами, церквями и царскими теремами.

На другой день, проснувшись, смотрит царь из окошечка, увидал хрустальный мост и спрашивает: «Кто это такое чудо построил?» Докладывают ему, что Федор. «Если он так хитер, – сказал царь, – то отдам за него свою царевну замуж!» Скоро дело сладилось, обвенчали Федора с царевною, и стал он в новом городе царствовать да мальчиком помыкать: держит его у себя за работника, бьет и ругается всячески, иной раз и куска хлеба пожалует дать.

Вот как-то лежит Федор с женой на постели да промеж, себя разговаривают; а мальчик в темный угол забился и горько-горько плачет. Спрашивает царевна своего мужа: «Ска-

жи, пожалуйста, откуда у тебя это богатство взялось? Ведь прежде ты был простым приказчиком». – «И богатство мое и сила – все от этого мальчика, что я у купца унес». – «Как так?» – «Жил я у такого-то купца в приказчиках, и было ему обещано, что народится у него сын, да не простой, а такой счастливый – что ни скажет, то и сбудется, чего ни пожелает, то и даст господь. Вот как ребенок родился, я его и скрал, а чтоб про то не проведали, наговорил на купчиху, будто сама свое детище съела».

Мальчик подслушал эти речи, вышел из угла и сказал: «По моему прошенью, по божьему изволенью будь ты, негодяй, собакою!» В ту ж минуту Федор обернулся собакою; мальчик надел ему на шею железную цепь и повел к своему отцу. Приходит и говорит ему: «Добрый человек! Дай мне горячих угольев». – «На что тебе?» – «Да вот надо пса покормить». – «Что ты? Бог с тобой! – отвечает купец. – Где это видано, чтоб собаки горячим угольем питались?» – «А где видано, чтоб мать могла съесть свое родное детище? Узнавай, батюшка, я твой сын, а вот этот пес –

твой старый приказчик Федор, что меня унес да на мать наклепал». Купец расспросил про все подробно, освободил жену из темницы, и потом все они вместе переехали жить в новое царство, которое еще прежде по желанью купеческого сына явилось на взморье; царица к своему отцу уехала, а Федор до самой смерти так и остался поганым псом.

КЛАД

В некоем царстве жил-был старик со старухой в великой бедности. Ни много, ни мало прошло времени – померла старуха. На дворе зима стояла лютая, морозная. Пошел старик по соседям да по знакомым, просит, чтоб пособили ему вырыть для старухи могилу; только и соседи и знакомые, зная его великую бедность, все начисто отказали. Пошел старик к попу, а у них на селе был поп куды жадный, несовестливый. «Потрудись, – говорит, – батюшка, старуху похоронить». – «А есть ли у тебя деньги, чем за похороны заплатить? Давай, свет, вперед!» – «Перед тобой нечего греха таить: нет у меня в доме ни единой копейки! Обожди маленько, заработаю –

с лихвой заплачу, право слово – заплачу!»

Поп не захотел и речей стариковых слушать: «Коли нет денег, не смей и ходить сюда!» – «Что делать, – думает старик, – пойду на кладбище, вырою кое-как могилу и похороню сам старуху». Вот он захватил топор да лопату и пошел на кладбище; пришел и зачал могилу готовить: срубил сверху мерзлую землю топором, а там и за лопату взялся, копал-копал и выкопал котелок, глянул – а он полнехонько червонцами насыпан, как жар блестят! Крепко старик возрадовался: «Слава тебе господи! Будет на что и похоронить и помянуть старуху». Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и понес домой.

Ну, с деньгами знамое дело – все пошло как по маслу! Тотчас нашлись добрые люди: и могилу вырыли и гроб смастерили; старик послал невестку купить вина и кушаньев и закуску разных – всего, как должно быть на поминках, а сам взял червонец в руку и потащился опять к попу. Только в двери, а поп на него: «Сказано тебе толком, старый хрен, чтоб без денег не приходил, а ты опять лезешь!» – «Не серчай, батюшка! – просит его старик. –

Вот тебе золотой – похорони мою старуху, век не забуду твоей милости!» Поп взял деньги и не знает, как старика принять-то, где посадить, какими речами умирить: «Ну, старичок, будь в надежде, все будет сделано». Старик поклонился и пошел домой, а поп с попадьёю стал про него разговаривать: «Вишь, старый черт! Говорят: беден, беден! А он золотой отвалил. Много на своем веку схоронил я именитых покойников, а столько ни от кого не получал...»

Собрался поп со всем причетом и похоронил старуху как следует. После похорон просит его старик к себе помянуть покойницу. Вот пришли в избу, сели за стол, и откуда что явилось – и вино-то, и кушанья, и закуски разные, всего вдоволь! Гость сидит, за троих обжирается, на чужое добро зазирается. Отобедали гости и стали по своим домам расходиться, вот и поп поднялся. Пошел старик его провожать, и только вышли на двор – поп видит, что со стороны никого больше нету, и начал старика допрашивать: «Послушай, свет! Покайся мне, не оставляй на душе ни единого греха – все равно как перед богом, так и пере-

до мною: отчего так скоро сумел ты поправиться? Был ты мужик скудный, а теперь на поди, откуда что взялось! Покайся-ка, свет! Чью загубил ты душу, кого обобрал?» – «Что ты, батюшка! Истинною правдою признаюсь тебе: я не крал, не грабил, не убивал никого; клад сам в руки дался!» И рассказал, как все дело было.

Как услышал эти речи поп, ажно затрясся от жадности; воротился домой, ничего не делает – и день и ночь думает: «Такой ледащий мужичишка, и получил этакую силу денег. Как бы теперь ухитриться да отжилить у него котелок с золотом?» Сказал про то попадье; стали вдвоем совет держать и присоветали. «Слушай, матка! Ведь в нас козел есть?» – «Есть». – «Ну, ладно! Дождемся ночи и обработаем дело, как надо». Вечером поздно притащил поп в избу козла, зарезал и содрал с него шкуру – со всем, и с рогами и с бородой; тотчас натянул козлиную шкуру на себя и говорит попадье: «Бери, матка, иглу с ниткою; закрепи кругом шкуру, чтоб не свалилась». Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила его козлиною шкурою.

Вот в самую глухую полночь пошел поп прямо к стариковой избе, подошел под окно и ну стучать да царапаться. Старик услышал шум, вскочил и спрашивает: «Кто там?» – «Черт!..» – «Наше место свято!» – завопил мужик и начал крест творить да молитвы читать. «Слушай, старик! – говорит поп. – От меня хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелок с деньгами; не то я с тобой разделаюсь! Ишь, я над твоим горем сжалился, клад тебе показал – думал: немного возьмешь на похороны, а ты все целиком и заgrabил!» Глянул старик в окно – торчат козлиные рога с бороною: как есть нечистый! «Ну его совсем и с деньгами-то! – думает старик. – Наперед того без денег жил, и опосля без них проживу!» Достал котелок с золотом, вынес на улицу, бросил наземь, а сам в избу поскорее. Поп подхватил котел с деньгами и припустил домой. Воротился. «Ну, – говорит, – деньги в наших руках! На, матка, спрячь подальше да бери острый нож, режь нитки да снимай с меня козлиную шкуру, пока никто не видал».

Попадья взяла нож, стала было по шву

нити резать – как польется кровь, как заорет он: «Матка! Больно, не режь! Матка! Больно, не режь!» Начнет она пороть в ином месте – то же самое! Кругом к телу приросла козлиная шкура. Уж чего они ни делали, чего ни пробовали, и деньги старику назад отнесли – нет, ничего не помогло; так и осталась на попе козлиная шкура. Знамо, господь покарал за великую жадность!

СКОРЫЙ ГОНЕЦ

В некотором царстве, в некотором государстве были болота непроходимые, кругом их шла дорога окольная: скоро ехать тою дорогою – три года понадобится, а тихо ехать – и пяти мало! Возле самой дороги жил убогий старик; у него было три сына: первого звали Иван, второго – Василий, а третьего – Семен малый юныш. Вздумал убогий расчистить эти болота, проложить тут дорогу прямохожую-прямоезжую и наместить мосты калиновые, чтобы пешему можно было пройти в три недели, а конному в трое суток проехать. Принялся за работу вместе с своими детьми, и не по малом времени все было исправлено: на-

мощены мосты калиновые и расчищена дорога прямохожая-прямоезжая.

Воротился убогий в свою избушку и говорит старшему сыну Ивану: «Поди-ка ты, мой любезный сын, сядь под мостом и послушай, что про нас будут добрые люди говорить – добро или худо?» По родительскому приказанию пошел Иван и сел в скрытном месте под мостом.

Идут по тому мосту калиновому два старца и говорят промеж себя: «Кто этот мост мостил да дорогу расчищал – чего бы он у господина ни попросил, то бы ему господь и даровал!» Иван, как скоро услышал эти слова, тотчас вышел из-под моста калинового. «Этот мост, – говорит, – мостил я с отцом да с братьями». – «Чего ж ты просишь у господина?» – спрашивают старцы. «Вот кабы господь дал мне денег на век!» – «Хорошо, ступай в чистое поле: в чистом поле есть сырой дуб, под тем дубом глубокий погреб, в том погребе множество и злата, и серебра, и камня драгоценного. Возьми лопату и рой – даст тебе господь денег на целый век!» Иван пошел в чистое поле, вырыл под дубом много и злата, и серебра, и ка-

меня драгоценного и понес домой. «Ну, сынок, – спрашивает убогий, – видел ли кого, что бы шел али ехал по мосту, и что про нас люди говорят?» Иван рассказал отцу, что видел двух старцев и чем они его наградили на целый век.

На другой день посылает убогий среднего сына Василия. Пошел Василий, сел под мостом калиновым и слушает. Идут по мосту два старца, поравнялись супротив того места, где он спрятался, и говорят: «Кто этот мост мостил – чего бы у господина ни попросил, то бы ему господь и дал!» Как скоро услышал Василий эти слова, вышел к старцам и сказал: «Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями». – «Чего же ты у бога просишь?» – «Вот кабы господь дал мне хлеба на век!» – «Хорошо, поди домой, вырубь новину и посея: даст тебе господь хлеба на целый век!» Василий пришел домой, рассказал про все отцу, вырубил новину и засеял хлебом.

На третий день посылает убогий меньшего сына. Семен малый юныш сел под мостом и слушает. Идут по мосту два старца; только поравнялись с ним и говорят: «Кто этот мост мо-

стил – чего бы у господина ни попросил, то бы ему господь и дал!» Семен малый юныш услышал эти слова, выступил к старцам и сказал: «Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями». – «Чего же ты у бога просишь?» – «А прошу у бога милости: послужить великому государю в солдатах». – «Проси другого! Солдатская служба тяжелая; пойдешь в солдаты, к морскому царю в полон попадешь, и много будет твоих слез пролито!» – «Эх, люди вы старые, сами вы ведаете: кто на сем свете не плачет, тот будет плакать в будущем веке». – «Ну, коли уж ты похотел идти в царскую службу – мы тебя благословляем!» – сказали старцы Семену, наложили на него свои руки и обратили в оленя быстрогоного.

Побежал олень к своему дому; усмотрели его из окошечка отец и братья, выскочили из избышки и хотели поймать. Олень повернул – и назад; прибежал к двум старцам, старцы обратили его в зайца. Заяц пустился к своему дому; усмотрели его отец и братья, выскочили из избышки и хотели было изловить, да он назад повернул. Прибежал заяц к двум старцам, старцы обратили его в маленькую птичку.

ку золотая головка. Птичка прилетела к своему дому, села у открытого окошечка; усмотрели ее отец и братья, бросились ловить – птичка вспорхнула, и назад. Прилетела к двум старцам, старцы сделали ее по-прежнему человеком и говорят: «Теперь, Семен малый юныш, иди на царскую службу. Если тебе понадобится сбегать куда наскоро, можешь ты обращаться оленем, зайцем и птичкою золотая головка: мы тебя научили».

Семен малый юныш пришел домой и стал у отца проситься на царскую службу. «Куда тебе идти, – отвечал убогий, – ты еще мал и глуп!» – «Нет, батюшка, отпусти; на то божья воля есть». Убогий отпустил, Семен малый юныш срядился, с отцом, с братьями простился и пошел в дорогу.

Долго ли, коротко ли – пришел он на царский двор, прямо к царю, и сказал: «Ваше царское величество! Не велите казнить, велите слово вымолвить». – «Говори, Семен малый юныш!» – «Ваше величество! Возьмите меня в военную службу». – «Что ты! Ведь ты мал и глуп; куда тебе идти в службу?» – «Хоть я мал и глуп, а служить буду не хуже других; в том

уповаю на бога». Царь согласился, взял его в солдаты и велел быть при своем лице. Прошло несколько времени, вдруг объявил царю некоторый король жестокую войну. Царь начал в поход сряжаться; в урочное время собралось все войско в готовности, Семен малый юныш стал на войну проситься; царь не мог ему отказать, взял его с собою и выступил в поход.

Долго-долго шел царь с воинством, много-много земель за собой оставил, вот уж и неприятель близко – дня через три надо и бой начинать. В те поры хватился царь своей боевой палицы и своего меча острого – нет ни той, ни другого, во дворце позабыл; нечем ему себе оборону дать, неприятельские силы побивать. Сделал он клич по всему войску: не возьмется ли кто сходить во дворец наскоро да принести ему боевую палицу и острый меч; кто сослужит эту службу, за того обещал отдать в супружество дочь свою Марью-царевну, в приданое пожаловать половину царства, а по смерти своей оставить тому и все царство. Начали выискиваться охотники; кто говорит: я могу в три года сходить; кто гово-

рит: в два года, а кто – в один год; а Семен малый юныш доложил государю: «Я, ваше величество, могу сходить во дворец и принести боевую палицу и острый меч в три дня». Царь обрадовался, взял его за руку, поцеловал в уста и тотчас же написал к Марье-царевне грамотку, чтоб она гонцу тому поверила и выдала ему меч и палицу. Семен малый юныш принял от царя грамотку и пошел в путь-дорогу.

Отойдя с версту, обернулся он в оленя быстроногого и пустился словно стрела, из лука пущенная; бежал, бежал, устал и обернулся из оленя в зайца; припустил во всю заячью прыть. Бежал-бежал, все ноги прибил и обратился из зайца в маленькую птичку золотая головка; еще быстрее полетел, летел-летел и в полтора дня поспел в то царство, где Марья-царевна находилась. Обернулся человеком, вошел во дворец и подал царевне грамотку. Марья-царевна приняла ее, распечатала, прочитала и говорит: «Как же это сумел ты столько земель и так скоро пробежать?» – «А вот как», – отвечал гонец – обратился в оленя быстроногого, пробежал раз-другой по ца-

ревниной палате, подошел к Марье-царевне и положил к ней на колени свою голову; она взяла ножницы и вырезала у оленя с головы клочок шерсти. Олень обратился в зайца, заяц попрыгал немного по комнате и вскочил к царевне на колени; она вырезала у него клочок шерсти. Заяц обратился в маленькую птичку с золотой головкою, птичка полетала немного по комнате и села к царевне на руку; Марья-царевна срезала у ней с головы золотых перышков, и все это – и оленью шерсть, и заячью шерсть, и золотые перышки завязала в платок и спрятала к себе. Птичка золотая головка обратилась в гонца.

Царевна накормила его, напоила, в путь снарядила, отдала ему боевую палицу и острый меч; после они простились, на прощанье крепко поцеловались, и пошел Семен малый юныш обратно к царю. Опять побежал он оленем быстроногим, поскакал косым зайцем, полетел маленькой птичкою и к концу третьего дня усмотрел царский лагерь вблизи. Не доходя до войска шагов с триста, лег он на морском берегу, подле ракитова куста, отдохнуть с дороги; палицу боевую и острый меч

около себя положил. От великой усталости он скоро и крепко уснул; в это время случилось одному генералу проходить мимо ракитова куста, увидал он гонца, тотчас столкнул его в море, взял боевую палицу и острый меч, принес к государю и сказал: «Ваше величество! Вот вам боевая палица и острый меч, я сам за ними ходил; а тот пустохвал, Семен малый юныш, верно года три проходит!» Царь поблагодарил генерала, начал воевать с неприятелем и в короткое время одержал над ним славную победу.

А Семен малый юныш, как сказано, упал в море. В ту ж минуту подхватил его морской царь и унес в самую глубину. Жил он у того царя целый год, стало ему скучно, запечалился он и горько заплакал. Пришел к нему морской царь: «Что, Семен малый юныш, скучно тебе здесь?» – «Скучно, ваше величество!» – «Хошь на русский свет?» – «Хочу, если ваша царская милость будет». Морской царь вынес его в самую полночь, оставил на берегу, а сам ушел в море. Семен малый юныш начал богу молиться: «Дай, господи, солнышка!» Перед самым восходом красного солнца явился мор-

ской царь, ухватил его опять и унес в морскую глубину.

Прожил там Семен малый юныш еще целый год; сделалось ему скучно, и он горько-горько заплакал. Спрашивает морской царь: «Что, али тебе скучно?» – «Скучно!» – молвил Семен малый юныш. «Хошь на русский свет?» – «Хочу, ваше величество!» Морской царь вынес его в полночь на берег, сам ушел в море. Начал Семен малый юныш со слезами богу молиться: «Дай, господи, солнышка!» Только чуть-чуть рассветать стало, пришел морской царь, ухватил его и унес в морскую глубину. Прожил Семен малый юныш третий год в море, стало ему скучно, и он горько, неутешно заплакал. «Что, Семен, скучно тебе?.. – спрашивает морской царь. – Хошь на русский свет?» – «Хочу, ваше величество!» Морской царь вынес его на берег, сам ушел в море. Семен малый юныш начал со слезами богу молиться: «Дай, господи, солнышка!» Вдруг солнце осияло своими лучами, и уж морской царь не смог больше взять его в полон.

Семен малый юныш отправился в свое го-

сударство; оборотился сперва оленем, потом зайцем, а потом маленькой птичкой золотая головка; в короткое время очутился у царского дворца. А покуда все это сделалось, царь успел с войны воротиться и засватал свою дочь Марью-царевну за генерала-обманщика. Семен малый юныш входит в ту самую палату, где за столом сидели жених да невеста. Увидала его Марья-царевна и говорит царю: «Государь-батюшка! Не вели казнить, позволь речь говорить». – «Говори, дочь моя милая! Что тебе надобно?» – «Государь-батюшка! Не тот мой жених, что за столом сидит, а вот он – сейчас пришел! Покажи-ка, Семен малый юныш, как в те поры ты наскоро сбегал за боевой палицей, за острым мечом». Семен малый юныш оборотился в оленя быстрого, пробежал раз-другой по комнате и остановился возле царевны. Марья-царевна вынула из платочка срезанную оленью шерсть, показывает царю, в каком месте она ее срезала, и говорит: «Посмотри, батюшка! Вот мои примечки». Олень оборотился в зайца; зайчик попрыгал-попрыгал по комнате и прискочил к царевне; Марья-царевна вынула из платочка

заячью шерсть. Зайчик оборотился в маленькую птичку с золотой головкою; птичка полетала-полетала по комнате и села к царевне на колени; Марья-царевна развязала третий узелок в платке и показала золотые перышки. Тут царь узнал всю правду истинную, приказал генерала казнить, Марью-царевну выдал за Семена малого юнышу и сделал его своим наследником.

СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА, БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Алenuшкой. Вот царь с царицею померли, остались дети одни и пошли странствовать по белу свету. Шли, шли, шли... идут и видят пруд, а около пруда пасется стадо коров. «Я хочу пить», – говорит Иванушка. «Не пей, братец, а то будешь теленочком», – говорит Алenuшка. Он послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят реку, а около ходит табун лошадей. «Ах, сестрица, если б ты знала, как мне пить хочется». – «Не пей, братец, а то сделаешься жеребеночком». Иванушка по-

слушался, и пошли они дальше, шли-шли и видят озеро, а около него гуляет стадо овец.

«Ах, сестрица, мне страшно пить хочется». – «Не пей, братец, а то будешь баранчиком». Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят ручей, а возле стерегут свиней. «Ах, сестрица, я напьюся; мне ужасно пить хочется». – «Не пей, братец, а то будешь поросеночком». Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят: пасется у воды стадо коз. «Ах, сестрица, я напьюся». – «Не пей, братец, а то будешь козленочком». Он не вытерпел и не послушался сестры, напился и стал козленочком, прыгает перед Аленушкой и кричит: «Ме-ке-ке! Ме-ке-ке!»

Аленушка обвязала его шелковым поясом и повела с собою, а сама-то плачет, горько плачет... Козленочек бегал-бегал и забежал раз в сад к одному царю. Люди увидали и тотчас доказывают царю: «У нас, ваше царское величество, в саду козленочек, и держит его на поясе девица, да такая из себя красавица». Царь приказал спросить, кто она такая. Вот люди и спрашивают ее: откуда она и чьего ро-

ду-племени? «Так и так, – говорит Аленушка, – был царь и царица, да померли; остались мы, дети: я – царевна, да вот братец мой, царевич; он не утерпел, напился водицы и стал козленочком». Люди доложили все это царю. Царь позвал Аленушку, расспросил обо всем; она ему приглянулась, и царь захотел на ней жениться. Скоро сделали свадьбу и стали жить себе, и козленочек с ними – гуляет себе по саду, а пьет и ест вместе с царем и царицею.

Вот поехал царь на охоту. Тем временем пришла колдунья и навела на царицу порчу: сделалась Аленушка больная, да такая худая да бледная. На царском дворе все приуныло; цветы в саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть. Царь воротился и спрашивает царицу: «Али ты чем нездорова?» – «Да, хвораю», – говорит царица. На другой день царь опять поехал на охоту. Аленушка лежит больная; приходит к ней колдунья и говорит: «Хочешь, я тебя вылечу? Выходи к такому-то морю столько-то зорь и пей там воду». Царица послушалась и в сумерках пошла к морю, а колдунья уж дожидается, схватила ее, навяза-

ла ей на шею камень и бросила в море. Аленушка пошла на дно; козленочек прибежал и горько-горько заплакал. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворец.

Царь приехал и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрали на стол и сели обедать. «А где же козленочек?» – спрашивает царь. «Не надо его, – говорит колдунья, – я не велела пускать; от него так и несет козлятиной!» На другой день, только царь уехал на охоту, колдунья козленочка била-била, колотила-колотила и грозит ему: «Вот воротится царь, я попрошу тебя зарезать». Приехал царь; колдунья так и пристает к нему: «Прикажи да прикажи зарезать козленочка; он мне надоел, опротивел совсем!» Царю жалко было козленочка, да делать нечего – она так пристает, так упрашивает, что царь, наконец, согласился и позволил его зарезать. Видит козленочек: уж начали точить на него ножи булатные, заплакал он, побежал к царю и просится: «Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь пустил его. Вот козленочек прибежал к морю, стал на берегу и жалобно закричал:

*Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!*

Она ему отвечает:

*Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет.
Лютя змея сердце высосала!*

Козленочек заплакал и воротился назад. Посеред дня опять просится он у царя: «Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь пустил его. Вот козленочек прибежал к морю и жалобно закричал:

*Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные.
Хотят меня зарезати!*

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!

*Тяжел камень ко дну тянет,
Лютя змея сердце высосала!*

Козленочек заплакал и воротился домой. Царь и думает: что бы это значило, козленочек все бегает на море? Вот попросился козленочек в третий раз: «Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь отпустил его и сам пошел за ним следом; приходит к морю и слышит – козленочек вызывает сестрицу:

*Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!*

Она ему отвечает:

*Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Лютя змея сердце высосала!*

Козленочек опять зачал вызывать сестрицу. Аленушка всплыла кверху и показалась над водой. Царь ухватил ее, сорвал с шеи камень и вытащил Аленушку на берег, да и

спрашивает: как это случилось? Она ему все рассказала. Царь обрадовался, козленочек тоже – так и прыгает, в саду все зазеленело и зацвело. А колдунью приказал царь казнить: разложили на дворе костер дров и сожгли ее. После того царь с царицей и с козленочком стали жить да поживать да добра наживать и по-прежнему вместе и пили и ели.

* * *

Идут двое сироток – сестрица Аленушка с братцем Иванушкой по дальнему пути, по широкому полю, а жар-то, жар их донимает. Захотелось Иванушке пить: «Сестрица Аленушка, я пить хочу!» – «Подожди, братец, дойдем до колодца». Шли-шли – солнце высоко, колодезь далеко, жар донимает, пот выступает! Стоит коровье копытце полно водицы. «Сестрица Аленушка, хлебну я из копытца?» – «Не пей, братец, теленочком скинешься». Братец послушался, пошел дальше. Солнце высоко, колодезь далеко, жар донимает, пот выступает! Стоит лошадиное копытце полно водицы. «Сестрица Аленушка, напьюсь я из копытца?» – «Не пей, братец, жеребеночком станешь». Вздохнул Иванушка, опять пошел.

Солнце высоко, колодезь далеко, жар донимает, пот выступает! Стоит баранье копытце полно водицы. Братец увидел его и, не спросясь с Аленушкой, выпил до дна. Аленушка зовет Иванушку, а вместо Иванушки за ней бежит беленький баранчик. Догадалась она, залилась слезами, села под стожок – плачет, а баранчик возле нее по травке скачет. Ехал мимо барин, остановился и спрашивает: «О чем ты, красная девушка, плачешь?» Рассказала она ему свою беду. «Поди, – говорит, – за меня; я тебя наряжу и в платье и в серебро и баранчика не покину: где будешь ты, там будет и он». Аленушка согласилась; обвенчались и жили так, что добрые люди, глядя на них, радовались, а дурные завидовали.

Один раз мужа не было дома, Аленушка оставалась одна. Ведьма навязала ей на шею камень и бросила в воду, а сама нарядилась в ее платье и заселилась в барских палатах; никто ее не распознал, сам муж обманулся. Одному баранчику все было ведомо, один он печалился, повесил голову, не брал корму и утро и вечер ходил около воды по бережку да кричал: «Бя, бя!» Узнала о том ведьма, и нелю-

бо ей стало; велела разложить костры высокие, разогреть котлы чугунные, наточить ножи булатные и говорит: «Барана надо зарезать!» Послала слугу его поймать. Муж дивится: как жена-то любила барана, мне надоела – пой его, корми его, а то велит резать! А баранчик споведал, что ему недолго жить, лег на бережку и причитывает:

*Аленушка, сестрица моя!
Меня хотят зарезати;
Костры кладут высокие,
Котлы греют чугунные,
Ножи точат булатные!*

Аленушка ему в ответ:

*Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень шею перетер,
Шелкова трава на руках свилась,
Желты пески на груди легли!*

Человек слушает, что за чудо? Пошел, сказал барину; стали оба караулить. Баранчик пришел и опять стал вызывать Аленушку и плакаться над водою:

*Сестрица моя, Аленушка!
Меня хотят зарезати;*

*Костры кладут высокие.
Котлы греют чугунные,
Ножи точат булатные!*

Аленушка ему в ответ:

*Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень шею перетер,
Шелкова трава на руках свилась,
Желты пески на груди легли!*

«Людей! Людей! – закричал барин. – Собирайся, челядь дворовая, запуская невода, закидай сети шелковые!» Собралась челядь дворовая, закинула сети шелковые; Аленушка и поймалась. Вытащили ее на бережок, отрезали камень, окунули ее, сполоснули в чистой воде, белым полотном обернули, и стала она еще лучше чем была, и обняла своего мужа. Баранчик стал опять братец Иванушка, и зажили все по-старому, по-хорошему, только ведьме досталось; ну да ей, говорят, туда и дорога, об такой не жалеют!

ЦАРЕВНА – СЕРА УТИЦА

Жил царь с царицею, у них были дети: сын да дочь; сына звали Дмитрий-царевич, а дочь – Марья-царевна. Были приставлены к царевне и няньки и мамки, и ни одна не могла ее укачать-убаюкать. Только брат и умел это сделать: бывало, придет к ее кроватке и начнет припевать: «Баю-баюшки, сестрица! Баю-баюшки, родная! Вырастешь большая, отдам тебя замуж за Ивана-царевича». Она закроет глазки и заснет. Прошло несколько лет, собрался Дмитрий-царевич и поехал в гости к Ивану-царевичу; прогостил там три месяца – много играли, много гуляли; стал уезжать и зовет к себе Ивана-царевича. «Хорошо, – говорит, – приеду!» Воротился домой, взял портрет своей сестры и повесил над своею постелью, и так хороша была царевна, что все бы смотрел на ее портрет: глаз оторвать невозможно!

Нежданно-негаданно приезжает Иван-царевич к Дмитрию-царевичу, входит в его комнату, а он спит себе крепким сном. Увидел Иван-царевич портрет Марьи-царевны – и в

ту ж минуту влюбился в нее, выхватил свой меч и занес на ее брата. Бог не попустил греха, словно что толкнуло Дмитрия-царевича – вмиг проснулся и спрашивает: «Что ты делать хочешь?» – «Хочу тебя убить!» – «За что, Иван-царевич?» – «Ведь это портрет твоей невесты?» – «Нет, моей сестры Марьи-царевны». – «Ах, что же ты мне никогда об ней не сказывал! Я теперь жить без нее не могу». – «Ну что ж! Женись на сестре, будем братьями». Иван-царевич бросился обнимать Дмитрия-царевича. Тут они и поладили, по рукам ударили.

Иван-царевич домой уехал – к свадьбе готовиться, а Дмитрий-царевич стал собираться с своею сестрицею в путь-дорогу, к жениху в гости. Снарядили два корабля: в одном брат плывет, в другом сестра плывет, а при ней нянька с дочкою. Вот как выехали корабли посеред моря синего, нянька и говорит Марье-царевне: «Скинь с себя драгоценное платье да ложись на перину – тебе спокойней будет!» Царевна скинула платье, и только легла на перину – нянька ударила ее слегка по белому телу, и сделалась Марья-царевна серой

утицею, взвилась-полетела с корабля на сине море. А нянька нарядила свою дочь в царевнино платье, сидят обе да величаются. Приехали в землю Ивана-царевича; он тотчас выбежал навстречу и портрет Марьи-царевны с собой захватил; смотрит, а невеста далеко на тот портрет не похожа! Разгневался на Дмитрия-царевича, велел посадить его в темницу, в день давать ему по куску черствого хлеба да по стакану воды; кругом были часовые приставлены, и наказано им настрого никого не пускать к заключеннику.

Приходит время к полуночи, стала сера утица с моря подыматься, полетела к родимому братцу – все царство собой осияла: крыльями машет, а с них словно жар сыпется! Подлетела к темнице да прямо в окошечко, крылышки на гвоздик повесила, а сама к брату пошла: «Родимый мой братец, Дмитрий-царевич! Тебе тошно в темнице сидеть, по стакану воды пить, по куску хлеба есть; а мне, братец, тошнее того по синю морю плавать! Стубила нас злая нянюшка, скинула с меня драгоценное платье – нарядила в него свою дочку». Братец с сестрицею поплакали, погоревали

вместе; ранним утром улетела сера утица на синее море. Докладывают Ивану-царевичу: «Так и так, прилетала к заключеннику сера утица – все царство собой осияла!» Приказал он, чтоб сейчас дали ему знать, как скоро та утица опять прилетит.

Вот подходит время к полуночи; вдруг море заколыхалось, поднялась с него сера утица, полетела – все царство собой осветила, крыльшками машет, а с них словно жар сыпется. Прилетела к темнице, крылышки свои на окне оставила, а сама к брату пошла. Тотчас же разбудили Ивана-царевича; он побежал к темнице, смотрит: на окне лежат крылышки, взял и велел их на огне спалить, а сам приложил ухо да слушает – про что говорят братец с сестрицею. «Родимый мой братец! – говорит Марья-царевна. – Тебе тошно в темнице сидеть, по стакану воды пить, по куску хлеба есть; а мне тошнее того по синю морю плавать! Сгубила нас злая нянюшка, скинула с меня драгоценное платье – нарядила в него свою дочку... Ах, братец, что-то гарью пахнет!» – «Нет, сестрица! Я ничего не слышу».

Иван-царевич отворил темницу, входит

туда – Марья-царевна в ту ж минуту бросилась к окошечку, видит: крылышки ее до половины обожжены; тут ухватил ее Иван-царевич за белые руки, а она стала оборачиваться разными гадами. Иван-царевич не пугается, из рук ее не пушает... Вот, наконец, она веретеном обратилась; царевич переломил веретено надвое, один конец бросил вперед, а другой назад и говорит: «Стань передо мной красна девица, а за мной белая береза!» Стала позади его белая береза, а перед ним явилась Марья-царевна во всей своей красоте. Иван-царевич выпросил себе прощение у Дмитрия-царевича, и все трое во дворец пошли; а на другой день была свадьба: Иван-царевич женился на Марье-царевне; гости долго пировали, веселились, прохлаждались. А няньку с дочкою отослали в такое место, чтоб об них ни слуху ни духу не было!

БЕЛАЯ УТОЧКА

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть. Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать висока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, [177] худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить. Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось – такая простая, сердечная! «Что, – говорит, – ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила [178]». Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда, и пошла. В саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что, – говорит женщина, – день такой жаркий, солнце палит, а во-

дица студеная – так и плещет, не искупаться ли нам здесь?» – «Нет, нет, не хочу!» – а там подумала: ведь искупаться не беда! Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спине: «Плывы ты, – говорит, – белою уточкой!» И поплыла княгиня белою уточкой. Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя. Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек, двух хороших, а третьего заморышка, и деточки ее вышли – ребяточки; она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок. «Ох, не ходите туда, дети!» – говорила мать. Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше, и забрались на княжий двор. Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела; вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела

разложить огня, навесить котлы, наточить ножи. Легли два братца и заснули, – а заморышка чтоб не застудить, приказала (им) мать в пазушке носить – заморышек-то и не спит, все слышит, все видит. Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает: «Спите вы, детки, иль нет?» Заморышек отвечает: «Мы спим – не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!» – «Не спят!»

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь: «Спите, детки, или нет?» Заморышек опять говорит то же: «Мы спим – не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!» – «Что же это все один голос?» – подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукою[179] – и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток; детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор. На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточ-

ки, лежали братцы рядышком. Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

*Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Темну ночь не досыпала,
Сладок кус не доедала!*

«Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает». – «Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!» Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

*Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Отняла у вас отца родного,
Отца родного – моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке.
Обратила нас в белых уточек,
А сама живет – величается!*

«Эге! – подумал князь и закричал: Поймай-те мне белую уточку!» Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь сам, она к нему на руки пала. Взял он ее за крылышко и говорит: «Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!» Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню. Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою – они встрепенулись, сбрызнули говорящею – они заговорили. И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать. А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога – там стала кочерга, где рука – там грабли, где голова – там куст да колода; налетели птицы – мясо поклевали, поднялись ветры – кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

АРЫСЬ-ПОЛЕ

У старика была дочь красавица, жил он с нею тихо и мирно, пока не женился на другой бабе, а та баба была злая ведьма. Не возлюбила она падчерицу, пристала к старику: «Прогони ее из дому, чтоб я ее и в глаза не видала». Старик взял да и выдал свою дочку замуж за хорошего человека; живет она с мужем да радуется и родила ему мальчика. А ведьма еще пуще злится, зависть ей покоя не дает; улучила она время, обратила свою падчерицу зверем Арысь-поле и выгнала в дремучий лес, а в падчерицыно платье нарядила свою родную дочь и подставила ее вместо настоящей жены. Так все хитро сделала, что ни муж, ни люди – никто обмана не видит. Только старая мамка одна и смекнула, а сказать боится. С того самого дня, как только ребенок проголодается, мамка понесет его к лесу и за-поет:

*Арысь-поле! Дитя кричит,
Дитя кричит, пить-есть хочет.*

Арысь-поле прибежит, сбросит свою шкур-

ку под колоду, возьмет мальчика, накормит; после наденет опять шкурку и уйдет в лес. «Куда это мамка с ребенком ходит?» – думает отец. Стал за нею присматривать; увидал, как Арысь-поле прибежала, сбросила с себя шкурку и стала кормить малютку. Он подкрался из-за кустов, схватил шкурку и спалил ее. «Ах, что-то дымом пахнет; никак моя шкурка горит!» – говорит Арысь-поле. «Нет, – отвечает мамка, – это, верно, дровосеки лес подожгли». Шкурка сгорела, Арысь-поле приняла прежний вид и рассказала все своему мужу. Тотчас собрались люди, схватили ведьму и сожгли ее вместе с ее дочерью.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В стары годы, в старопрежни, у одного царя было три сына – все они на возрасте. Царь и говорит: «Дети! Сделайте себе по самострелу и стреляйте: кака женщина принесет стрелу, та и невеста; ежели никто не принесет, тому, значит, не жениться». Большой сын стрелил, принесла стрелу княжеска дочь; средний стрелил, стрелу принесла генеральска дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрелу из болота лягуша в зубах. Те братья были веселы и радостны, а Иван-царевич призадумался, заплакал: «Как я стану жить с лягушей? Век жить – не реку перебрести или не поле перейти!» Поплакал-поплакал, да нечего делать – взял в жены лягушу. Их всех обвенчали по ихнему там обряду; лягушу держали на блюде.

Вот живут они. Царь захотел одиножды посмотреть от невесток дары, котора из них лучше мастерица. Отдал приказ. Иван-царевич опять призадумался, плачет: «Чего у меня сделает лягуша! Все станут смеяться». Лягуша ползат по полу, только квакат. Как уснул Иван-царевич, она вышла на улицу, сбросила

кожух,[180] сделалась красной девицей и крикнула: «Няньки-маньки![181] Сделайте то-то!» Няньки-маньки тотчас принесли рубашку самой лучшей работы. Она взяла ее, свернула и положила возле Ивана-царевича, а сама обернулась опять лягушей, будто ни в чем не бывала! Иван-царевич проснулся, обрадовался, взял рубашку и понес к царю. Царь принял ее, посмотрел: «Ну, вот это рубашка – во Христов день[182] надевать!» Средний брат принес рубашку; царь сказал: «Только в баню в ней ходить!» А у большого брата взял рубашку и сказал: «В черной избе ее носить!» Разошлись царски дети; двое-то и судят между собой: «Нет, видно мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича, она не лягуша, а кака-нибудь хитра![183]»

Царь дает опять приказанье, чтоб снохи состряпали хлебы и принесли ему напоказ, котора лучше стряпат? Те невестки сперва смеялись над лягушей; а теперь, как пришло время, они и послали горнишну подсматривать, как она станет стряпать. Лягуша смекнула это, взяла замесила квашню, скатала, печь сверху выдолбила, да прямо туда квашню и

опрокинула. Горнишна увидела, побежала, сказала своим барыням, царским невесткам, и те так же сделали. А лягуша хитрая только их провела, тотчас тесто из печи выгребла, все очистила, замазала, будто ни в чем не бывала, а сама вышла на крыльцо, вывернулась из кожуха и крикнула: «Няньки-маньки! Со-стряпайте сейчас же мне хлебов таких, как мой батюшка по воскресеньям да по праздни-кам только ел». Няньки-маньки тотчас прита-щили хлеба. Она взяла его, положила возле Ивана-царевича, а сама сделалась лягушей. Иван-царевич проснулся, взял хлеб и понес к отцу. Отец в то время принимал хлебы от больших братовей; их жены как попускали в печь хлебы так же, как лягуша, – у них и вы-шло кули-мули. Царь наперво принял хлеб от большого сына, посмотрел и отослал на кух-ню; от среднего принял, туда же послал. До-шла очередь до Ивана-царевича; он подал свой хлеб. Отец принял, посмотрел и говорит: «Вот это хлеб – во Христов день есть! Не та-кой, как у больших снох, с закалой! [184]»

После того вздумалось царю сделать бал, посмотреть своих сношек, котора лучше пля-

шет? Собрались все гости и снохи, кроме Ивана-царевича; он задумался: «куда я с лягушей поеду?» И заплакал навзрыд наш Иван-царевич. Лягуша и говорит ему: «Не плачь, Иван-царевич! Ступай на бал. Я через час буду». Иван-царевич немного обрадовался, как услышал, что лягуша бает; уехал, а лягуша пошла, сбросила с себя кожух, оделась чудо как! Приезжает на бал; Иван-царевич обрадовался, и все руками схлопали: кака красавица! Начали закусывать; царица огложет коску, [185] да и в рукав, выпьет чего – остатки в другой рукав. Те снохи видят, чего она делает, и они тоже кости кладут к себе в рукава, пьют чего – остатки льют в рукава. Дошла очередь танцевать; царь посылает больших снох, а они ссылаются на лягушу. Та тотчас подхватила Ивана-царевича и пошла; уж она плясала-плясала, вертелась-вертелась – всем на диво! Махнула правой рукой – стали леса и воды, махнула левой – стали летать разные птицы. Все изумились. Отплясала – ничего не стало. Други снохи пошли плясать, так же хотели: которая правой рукой ни махнет, у той кости-та и полетят, да в людей, из левого рукава

вода разбрызжет – тоже в людей. Царю не понравилось, закричал: «Будет, будет!» Снохи перестали.

Бал был на отходе. Иван-царевич поехал наперед, нашел там где-то женин кожух, взял его да и сжег. Та приезжат, хватилась кожуха: нет! – сожжен. Легла спать с Иваном-царевичем; перед утром и говорит ему: «Ну, Иван-царевич, немного ты не потерпел; твоя бы я была, а теперь бог знат.

Прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве». И не стало царевны.

Вот год прошел, Иван-царевич тоскует о жене; на другой год собрался, выпросил у отца, у матери благословенье и пошел. Идет долго уж, вдруг попадутся ему избушка – к лесу передом, к нему задом. Он и говорит: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, – к лесу задом, а ко мне передом». Избушка перевернулась. Вошел в избу; сидит старуха и говорит: «Фу-фу! Русской коски слыхом было не слыхать, видом не видать, нынче русска коска сама на двор пришла! Куда ты, Иван-царевич, пошел?» – «Прежде, старуха, напой-накорми, потом вести расспроси». Ста-

руха напоила-накормила и спать положила. Иван-царевич говорит ей: «Баушка! Вот я пошел доставать Елену Прекрасну[186]». – «Ой, дитяtko, как ты долго (не бывал)! Она с первых-то годов часто тебя поминала, а теперь уж не помнит, да и у меня давно не бывала. Ступай вперед к средней сестре, та больше знат».

Иван-царевич поутру отправился, дошел до избушки и говорит: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, – к лесу задом, а ко мне передом». Избушка перевернулась. Он вошел в нее, видит – сидит старуха и говорит: «Фу-фу! Русской коски слыхом было не слышать и видом не видать, а нынче русски коска сама на двор пришла! Куда, Иван-царевич, пошел?» – «Да вот, баушка, доступать Елену Прекрасну». – «Ой, Иван-царевич, – сказала старуха, – как ты долго! Она уж стала забывать тебя, выходит взамуж за другого: скоро свадьба! Живет теперь у большой сестры, ступай туда да смотри ты: как станешь подходить – у нее узнают, Елена обернется веретешком,[187] а платье на ней будет золотом. Моя сестра золото станет вить, как

совет веретешко, и положит в ящик, и ящик запрет, ты найди ключ, отвори ящик, веретешко переломи, кончик брось назад, а корешок перед себя: она и очутится перед тобой».

Пошел Иван-царевич, дошел до этой старухи, зашел в избу; та вьет золото, свила его веретешко и положила в ящик, заперла и ключ куда-то положила. Он взял ключ, отворил ящик, вынул веретешко и переломил по сказанному, как по писаному, кончик бросил за себя, а корешок перед себя. Вдруг и очутилась Елена Прекрасна, начала здороваться: «Ой, да как ты долго, Иван-царевич? Я чуть за другого не ушла». А тому жениху надо скоро быть. Елена Прекрасна взяла ковер-самолет у старухи, села на него, и понеслись, как птица полетели. Жених-от за ними вдруг и приехал, узнал, что они уехали; был тоже хитрый! Он ступай-ка за ними в погоню, гнал-гнал, только сажон десять не догнал: они на ковре влетели в Русь, а ему нельзя как-то в Русь-то, воротился; а те прилетели домой, все обрадовались, стали жить да быть да животы[188] наживать – на славу всем людям.

* * *

У одного царя было три сына. Он оделил их по стрелке и велел стрелять: кто куда стрельнет, тому там и невесту брать. Вот старший стрельнул, и его стрелка упала к генералу на двор, и подняла ее генералова дочь. Он пошел и стал просить у ней: «Девица, девица! Отдай мою стрелку». Она говорит ему: «Возьми меня замуж!» Другой стрельнул, его стрелка упала к купцу на двор, и подняла ее купцова дочь. Он пошел просить: «Девица, девица! Отдай мою стрелку». Она говорит: «Возьми меня за себя замуж!» Третий стрельнул, и стрелка его упала в болото, и взяла ее лягушка. Он пошел просить: «Лягушка, лягушка! Отдай мою стрелку!» Она говорит: «Возьми меня замуж!»

Вот они пришли к отцу и сказали, кто куда попал, а меньшей сказал, что стрелка его попала к лягушке в болото. «Ну, – говорит отец, – знать твоя судьба такая». Вот он женил их и сделал пир. На пиру молодые снохи стали плясать; старшая плясала-плясала, махнула рукой – свекра ушибла; другая плясала-плясала, махнула рукой – свекровь ушибла; третья, лягушка, стала плясать, махнула рукой – явились луга и сады; так все и ахну-

ли!

Вот стали они ложиться спать. Лягушка скинула свою лягушечью кожурилку[189] и стала человеком. Муж ее взял эту кожурилку и бросил в печь. Кожурилка закурилась. Лягушка учуяла,[190] схватила ее, осерчала на мужа, Ивана-царевича, и говорит: «Ну, Иван-царевич, ищи ж меня в седьмом царстве. Железные сапоги износи и три железных просвиры сгложи!» Спорхнула и улетела.

Вот, делать нечего, пошел искать, взял железные сапоги и три железных просвиры. Шел-шел, сапоги железные износил и три просвиры железных сглодал и опять захотел есть. Встречается щука. Он говорит ей: «Я есть хочу, я тебя съем!» – «Нет, не ешь меня, я тебе сгожусь». Пошел дальше; встречается медведь. Иван-царевич говорит ему: «Я есть хочу, я тебя съем!» – «Нет, не ешь меня, я тебе сгожусь». Иван-царевич пошел опять голодный; летит соколиха. Он говорит ей: «Я тебя съем!» – «Нет, не ешь меня; я тебе сгожусь». Опять так пошел; ползет рак. Иван-царевич говорит: «Я тебя съем!» – «Нет, не ешь меня; я тебе сгожусь».

Иван-царевич опять пошел. Стоит избушка; он вошел в нее. Там сидит старушка и спрашивает его: «Что, Иван-царевич, дело пытаешь или от дела лытаешь?[191]» Иван-царевич говорит: «Ищу лягушку, жену свою». Старушка говорит: «Ой, Иван-царевич, она тебя хочет извести; я ее мать, Поди же ты, Иван-царевич, за море; там лежит камень, в этом камне сидит утка, в этой утке яичко; возьми это яичко и принеси ко мне». Вот он пошел за море; пришел к морю и говорит: «Где моя щука? Она б мне рыбий мост настелила». Откуда ни возьмись щука, настелила рыбий мост. Он по нем пришел к камню, бил, бил – не расшиб и говорит: «Где мой медведь? Он бы мне расколол его». Явился медведь и ну колоть – расколол. Утка выскочила оттуда и улетела. Иван-царевич говорит: «Где моя соколиха? Она б мне утку поймала и принесла». Смотрит, а соколиха тащит ему утку. Он взял, разрезал ее, вынул яичко, стал мыть его и уронил в воду. «Где мой рак? – говорит Иван-царевич, – он бы достал мне яичко!» Смотрит, а рак несет ему яичко, он взял и пошел к старушке в избушку, отдал ей яичко. Она замесила и испек-

ла из него пышечку; а Ивана-царевича посадила в коник[192] и приказала: «Вот скоро твоя лягушка прилетит, а ты молчи и вставай, когда я велю». Вот он сел в коник. Прилетела лягушка, железным пихтелем стучит и говорит: «Фу! Русским духом пахнет; каб Иван-царевич попался, я б его разорвала!» Мать-старушка говорит ей: «Ну это ты по Руси летала, русского духу нахваталась. На вот, закуси этой пышечки». Она съела эту пышечку – остались одни крошечки – и говорит: «Где мой Иван-царевич? Я по нем соскучилась. Я б с ним вот этой крошечкой поделилась». Мать велела выйти Ивану-царевичу; он вышел. Лягушка подхватила его под крылышко и улетела с ним в седьмое царство жить.

* * *

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицею; у него было три сына – все молодые, холостые, удалыцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером написать; младшего звали Иван-царевич. Говорит им царь таково слово: «Дети мои милые, возьмите себе по стрелке, натяните тугие лу-

ки и пустите в разные стороны; на чей двор стрела упадет, там и сватайтесь».пустил стрелу старший брат – упала она на боярский двор, прямо против девичья терема;пустил средний брат – полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая;пустил младший брат – попала стрела в грязное болото, и подхватила ее лягуша-квакуша. Говорит Иван-царевич: «Как мне за себя квакушу взять? Квакуша не ровня мне!» – «Бери! – отвечает ему царь. – Знать, судьба твоя такова».

Вот поженились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягуше-квакуше. Призывает их царь и приказывает: «Чтобы жены ваши испекли мне к завтраму по мягкому белому хлебу». Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? – спрашивает его лягуша. – Аль услышал от отца своего слово неприятное?» – «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраму изготовить

мягкий белый хлеб». – «Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!» Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу – и обернулась душой-девицей, Василисой Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: «Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки».

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши хлеб давно готов – и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами. Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трем своим сыновьям: «Чтобы жены ваши соткали мне за единую ночь по ковру». Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? Аль услышал от отца своего слово жесткое, неприятное?» – «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шелковый ковер». – «Не тужи, царевич! Ложись-ка

спать-почивать; утро вечера мудренее!» Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу – и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: «Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шелковый ковер ткать – чтоб таков был, на каком я сживала у родного моего батюшки!»

Как сказано, так и сделано. Наутро проснулся Иван-царевич, у квакушки ковер давно готов – и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. Изукрашен ковер золотом-серебром, хитрыми узорами. Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с женами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Али от отца услышал слово не приветливое?» – «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; как я тебя в люди покажу!» – «Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду, как услы-

пишь стук да гром – скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет».

Вот старшие братья явились на смотр с своими женами, разодетыми, разубранными; стоят да с Ивана-царевича смеются: «Что ж ты, брат, без жены пришел? Хоть бы в платочке принес! И где ты этакую красавицу выискал? Чай, все болота исходил?» Вдруг поднялся великий стук да гром – весь дворец затрясся; гости крепко напугались, повскакивали с своих мест и не знают, что им делать; а Иван-царевич говорит: «Не бойтесь, господа! Это моя лягушонка в коробчонке приехала». Подлетела к царскому крыльцу золоченая коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая – такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться; Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала. Жены старших царевичей увидали ее хитрости, давай и себе то ж делать. После, как по-

шла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой – сделалось озеро, махнула правой – и поплыли по воде белые лебеди; царь и гости диву дались, А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками – забрызгали, махнули правыми – кость царю прямо в глаз попала! Царь рассердился и прогнал их нечестно.

Тем временем Иван-царевич улучил минутку, побежал домой, нашел лягушечью кожу и спалил ее на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась – нет лягушечьей кожи, приуныла, запечалилась и говорит царевичу: «Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве – у Кощея Бессмертного». Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, помолился богу на все на четыре стороны и пошел куда глаза глядят. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли – попадаетеся ему навстречу старый старичок: «Здравствуй, – говорит, – добрый молодец! Чего ищешь, куда

путь держишь?» Царевич рассказал ему свое несчастье. «Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушкой кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась; он за то осерчал на нее и велел ей три года квакушею быть. Вот тебе клубок; куда он покатится – ступай за ним смело».

Иван-царевич поблагодарствовал старику и пошел за клубочком. Идет чистым полем, попадается ему медведь. «Дай, – говорит, – убью зверя!» А медведь провещал ему: «Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе». Идет он дальше, глядь, – а над ним летит селезень; царевич прицелился из ружья, хотел было застрелить птицу, как вдруг провещала она человеческим голосом: «Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сама пригожусь». Он пожалел и пошел дальше. Бежит косою заяц; царевич опять за ружье, стал целиться, а заяц провещал ему человеческим голосом: «Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь». Иван-царевич пожалел и пошел дальше – к синему морю, видит – на песке лежит, издыхает щука-рыба. «Ах, Иван-ца-

евич, – провеждала щука, – сжался надо мною, пусти меня в море». Он бросил ее в море и пошел берегом.

Долго ли, коротко ли – прикатился клубочек к избушке; стоит избушка на куриных лапках, кругом повертывается. Говорит Иван-царевич: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, – ко мне передом, а к морю задом». Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич взошел в нее и видит: на печи, на девятом кирпичи, лежит баба-яга костяная нога, нос в потолок врос, сопли через порог висят, титьки на крюку замотаны, сама зубы точит. «Гой еси, добрый молодец! Зачем ко мне пожаловал?» – спрашивает баба-яга Ивана-царевича. «Ах ты, старая хрычовка! Ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила-напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала».

Баба-яга накормила его, напоила, в бане выпарила; а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую. «А, знаю! – сказала баба-яга. – Она теперь у Кощея Бессмертного; трудно ее достать, нелегко с Кошчем сладить: смерть его на конце иглы, та игла

в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережет».

Указала яга, в каком месте растет этот дуб; Иван-царевич пришел туда и не знает, что ему делать, как сундук достать? Вдруг откуда не взялся – прибежал медведь и выворотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги, выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутек пустился; глядь – а за ним уж другой заяц гонится, нагнал, ухватил и в клочки разорвал. Вылетела из зайца утка и поднялась высоко-высоко; летит, а за ней селезень бросился, как ударит ее – утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море. Иван-царевич, видя беду неминуемую, залился слезами; вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил, достал иглу и отломил кончик: сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть! Иван-царевич пошел в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго и счастливо.

ЦАРЕВНА-ЗМЕЯ

Ехал казак путем-дорогою и заехал в дремучий лес; в том лесу на прогалинке стоит стог сена. Остановился казак отдохнуть немножко, лег около стога и закурил трубку; курил-курил и не видал, как заронил искру в сено. После отдыха сел на коня и тронулся в путь; не успел и десяти шагов сделать, как вспыхнуло пламя и весь лес осветило. Казак оглянулся, смотрит: стог сена горит, а в огне стоит красная девица и говорит громким голосом: «Казак, добрый человек! Избавь меня от смерти». – «Как же тебя избавить? Кругом пламя, нет к тебе подступу». – «Сунь в огонь свою пику; я по ней выберусь». Казак сунул пику в огонь, а сам от великого жару назад отвернулся.

Тотчас красная девица оборотилась змеею, влезла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокруг шеи три раза и взяла свой хвост в зубы. Казак испугался, не придумает, что ему делать и как ему быть. Провещала змея человеческим голосом: «Не бойся, добрый молодец! Носи меня на шее семь лет да

разыскивай оловянное царство, а приедешь в то царство – останься и проживи там еще семь лет безвыходно. Сослужишь эту службу, счастлив будешь!»

Поехал казак разыскивать оловянное царство, много ушло времени, много воды утекло, на исходе седьмого года добрался до крутой горы; на той горе стоит оловянный замок, кругом замка высокая белокаменная стена. Поскакал на гору, перед ним стена раздвинулась, и въехал он на широкий двор. В ту же минуту сорвалась с его шеи змея, ударилась о сырую землю, обернулась душой-девицей и с глаз пропала – словно ее не было. Казак поставил своего доброго коня на конюшню, вошел во дворец и стал осматривать комнаты. Всюду зеркала, серебро да бархат, а нигде не видать ни одной души человеческой. «Эх, – думает казак, – куда я заехал? Кто меня кормить и поить будет? Видно, пришлось помирать голодную смертью!»

Только подумал, глядь – перед ним стол накрыт, на столе и пить и есть – всего вдоволь; он закусил и выпил, подкрепил свои силы и вздумал пойти на коня посмотреть. При-

ходит в конюшню – конь стоит в стойле да овес уплетает. «Ну, это дело хорошее: можно, значит, без нужды прожить».

Долго-долго оставался казак в оловянном замке, и взяла его скука смертная: шутка ли – завсегда один-одинешенек! Не с кем и словечка перекинуть. С горя напился он пьян, и вздумалось ему ехать на вольный свет; только куда ни бросится – везде стены высокие, нет ни входу, ни выходу. За досаду то ему показалось, схватил добрый молодец палку, вошел во дворец и давай зеркала и стекла бить, бархат рвать, стулья ломать, серебро швырять: «Авось-де хозяин выйдет да на волю выпустит!» Нет, никто не является. Лег казак спать; на другой день проснулся, погулял-походил и вздумал закусить; туда-сюда смотрит – нет ему ничего! «Эх, – думает, – сама себя раба бьет, коль нечисто жнет! Вот набедокурил вчера, а теперь голодай!» Только показавшись, как сейчас и еда и питье – все готово!

Прошло дня три; проснувшись поутру, смотрит казак в окно – у крыльца стоит его добрый конь оседланный. Что бы такое значило? Умылся, оделся, богу помолился, взял

свою длинную пику и вышел на широкий двор. Вдруг откуда ни взялась – явилась красная девица: «Здравствуй, добрый молодец! Семь лет окончилось – избавил ты меня от конечной гибели. Знай же: я королевская дочь; полюбил меня Кощей Бессмертный, унес от отца, от матери, хотел взять за себя за муж, да я над ним насмеялась; вот он озлобился и оборотил меня лютой змеею. Спасибо тебе за долгую службу! Теперь поедem к моему отцу; станет он награждать тебя золотой казной и камнями самоцветными, ты ничего не бери, а проси себе бочонок, что в подвале стоит». – «А что за корысть в нем?» – «Покатишь бочонок в правую сторону – тотчас дворец явится, покатишь в левую – дворец пропадет». – «Хорошо», – сказал казак, сел на коня, посадил с собой и прекрасную королевну; высокие стены сами перед ним пораздвинулись, и поехал он в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли – приезжает в сказанное королевство. Король увидал свою дочь, возрадовался, начал благодарствовать и дает казаку полны мешки золота и жемчугу. Отвечает добрый молодец: «Не надо мне ни злата,

ни жемчугу; дай мне на память тот бочонок, что в подвале стоит». – «Многого хочешь, брат! Ну, да делать нечего: дочь мне всего дороже! За нее и бочонка не жаль; бери с богом». Казак взял королевский подарок и отправился по белу свету странствовать.

Ехал-ехал, попадается ему навстречу древний старичок. Просит старик: «Накорми меня, добрый молодец!» Казак соскочил с лошади, отвязал бочонок, покатыл его вправо – в ту же минуту чудный дворец явился. Вошли они оба в расписные палаты и сели за накрытый стол. «Эй, слуги мои верные! – закричал казак. – Накормите-напоите моего гостя». Не успел вымолвить – несут слуги целого быка и три котла пива. Начал старик уписывать да похваливать; съел целого быка, выпил три котла пива, крякнул и говорит: «Маловато, да делать нечего! Спасибо за хлеб за соль».

Вышли из дворца; казак покатыл свой бочонок в левую сторону – и дворца как не бывало. «Давай поменяемся, – говорит старик казаку, – я тебе меч отдам, а ты мне бочонок». – «А что толку в мече?» – «Да ведь это меч-саморуб; только стоит махнуть – хоть ка-

кая будь сила несметная, всю побьет! Вон видишь – лес растет; хочешь – пробу сделаю?» Тут старик вынул свой меч, махнул им и говорит: «Ступай, меч-саморуб, поруби дремучий лес!» Меч полетел и ну деревья рубить да в сажени класть; порубил и назад к хозяину воротился. Казак не стал долго раздумывать, отдал старику бочонок, а себе взял меч-саморуб; махнул мечом и убил старика до смерти. После привязал бочонок к седлу, сел на коня и вздумал к королю вернуться. А под стольный город того короля подошел сильный неприятель; казак увидал рать-силу несметную, махнул на нее мечом: «Меч-саморуб! Сослужи-ка службу, поруби войско вражее». Полетели головы, полилася кровь, и часу не прошло, как все поле трупами покрылося.

Король выехал казаку навстречу, обнял его, поцеловал и тут же решил выдать за него замуж прекрасную королевну. Свадьба была богатая; на той свадьбе и я был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было.

ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил именитый купец; у него был сын Иван. Нагрузил купец свои корабли, дом и лавки приказал жене да сыну и отправился в дальний путь. Едет он морями месяц, и два, и три, пристаёт в земли чужестранные, закупает товары заморские, а свои по хорошей цене продает. Тем временем над Иваном купеческим сыном стряслась беда немалая; озлобились на него все купцы и мещане: «Зачем-де он такой счастливый? Весь торг у нас отбил!» Собрались целым обществом, написали челобитную, что такой-то купеческий сын – вор и гуляка, не достоин быть в нашем звании, и присудили отдать его в солдаты. Забрили ему, сердешному, лоб и отправили в полк.

Служит Иван, горе мыкает – не один годочек; десять лет прошло, и вздумал он побывать на родине, записался в отпуск, взял билет на шесть месяцев и пошел путем-дорогою. Отец и мать ему обрадовались; прожил он, прогостил у них сколько надобно, а тут время и назад отправляться. Взял его купец,

повел в подвалы глубокие, златом-серебром насыпанные, и говорит ему: «Ну, любезный сын, бери себе денег, сколько душе хочется». Иван купеческий сын наложил карманы, принял от отца, от матери их родительское, навеки нерушимое благословение, простился с сродниками и поехал в полк; отец-то ему важного коня купил! С той разлуки обуяла его, доброго молодца, грусть-тоска великая; видит он – на дороге кабак стоит, заехал с горя вина испить: выпил косушку – мало показалось, выпил другую – опьянел и повалился спать.

Отколь ни взялися ошары[193] кабацкие, вынули у него деньги – все до единой копеечки. Иван купеческий сын проснулся, хватить – нет ни копейки, потужил-потужил и пустился дальше. Пристигла его темная ночь в пустынных местах; ехал-ехал, трактир стоит, возле трактира столб, на столбу написано: кто ночевать заедет, с того – сто рублей. Что тут делать? Не с голоду ж помирать; стукнул в ворота – выбегает мальчик, ведет его в горницу, а коня на конюшню. Что только душа просит, всего подадут Ивану купеческому сы-

ну; наелся-напился он, сел и призадумался. «О чем, господин служивый, призадумался? – спрашивает хозяин. – Али расплатиться нечем?» – «Не то, хозяин! Я у тебя сыт, а мой верный конь так стоит». – «Нет, служивый! Хоть сам посмотри, у него и сена и овса вдоволь». – «Да не в том дело! Наши лошади уж так привычны: коли я сам буду возле коня, так он станет есть; а без меня и до корму не дотронется». Трактирщик побежал в конюшню, заглянул – так и есть: конь стоит, повеся голову, на овес и не смотрит. «Экая умная лошадь! Знает своего господина», – подумал трактирщик и велел для солдата изготовить постель в конюшне. Иван купеческий сын залег там спать, да ровно в полночь, как все в доме заснули, встал, оседлал коня и ускакал со двора долой.

На другой день к вечеру заехал он в трактир, где за одну ночь по двести рублей брали; удалось ему и тут обмануть. На третий день попадаетеся ему трактир еще лучше прежних двух; на столбе написано: кто ночевать заедет, с того – триста рублей. «Ну, – думает, – была не была, попробую и здесь удали!» За-

ехал, важно наелся, напился, сел и призадумался. «О чем, служивый, призадумался? Али расплатиться нечем?» – спрашивает хозяин. «Нет, не угадал! Мне вот что думается: сам-то я сыт, а мой верный конь так стоит». – «Как можно! Я ему и сена наклал и овса насыпал – всего вдоволь». – «Да наши лошади уж так привычны: коли я сам возле коня буду, так он станет есть, а без меня и до корму не дотронется». – «Ну что ж! Ложись в конюшне».

А у того трактирщика была жена-волшебница, кинулась она смотреть в свои книги и тотчас узнала, что у солдата нет за душой ни копейки; поставила у ворот работников и строго-накрепко приказала смотреть, чтобы как-нибудь солдат со двора не улизнул. В самую полночь встал Иван купеческий сын и собрался было тягу дать, смотрит – работники на часах стоят; лег и заснул; пробудился – уж заря занимается, оседлал поскорей коня, сел и едет со двора. «Стой! – закричали сторожа. – Ты еще с хозяином не расплатился; подавай-ка деньги!» – «Какие деньги? Убирайтесь к черту!» – отвечал Иван и хотел было проскочить мимо; работники тотчас сгребли его и

давай бить по загривку. Такой шум подняли, что весь дом сбежался. «Бей его, ребята, до смерти!» – «Будет с него! – говорит хозяин. – Оставьте его живого, пущай у нас три года проживет да триста рублей заработает».

Нечего делать, остался Иван купеческий сын жить в трактире; день живет, и два, и три живет. Говорит ему хозяин: «Что, господин служивый, чай умеешь из ружья стрелять?» – «Для чего не уметь? Нас тому в полку учат». – «Ну так ступай, настреляй дичи; в наших местах и всякий зверь и всякая птица водится». Иван купеческий сын взял ружье и пошел на охоту; долго бродил по лесу – ничего не попадается, уже к самому вечеру увидел зайца на опушке и только хотел прицелиться – заяц вскочил и давай бог ноги! Охотник за ним бросился и выбежал на большой зеленый луг, на том лугу великолепный дворец стоит, из чистого мрамора выстроен, золотой крышею покрыт. Заяц на двор прыснул, и Иван туда ж; смотрит туда-сюда – нет зайца, его и след простыл! «Ну, хоть на дворец посмотрю!»

Пошел он в палаты; ходил-ходил – во всех

покоях убранство такое знатное, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; а в одном покое стол накрыт, на столе разные закуски и вина приготовлены, богатые приборы поставлены. Иван купеческий сын взял – изо всякой бутылочки выпил по рюмочке, со всякой тарелочки съел по кусочку, напился-наелся, сидит себе и в ус не дует! Вдруг подкатилась к крыльцу коляска, и приехала королева – сама вся черная, и люди черные, и кони вороные.

Иван вспомнил военную выправку, вскочил и стал у дверей навытяжку; входит королева в комнату – он тотчас ей на караул сделал. «Здорово, служивый! – приветила королева. – Как сюда зашел – волею али неволею? От дела лытаешь али дела пытаешь? Садись-ка со мной рядом, потолкуем ладом». И просит его королева: «Можешь ли сослужить мне службу великую? Сослужишь – счастлив будешь! Говорят, русские солдаты ничего не страшатся; а у меня вот этим дворцом нечистые завладели...» – «Ваше высочество! Рад вам до последней капли крови служить». – «Ну так слушай: до двенадцати часов

пей и гуляй, а как двенадцать пробьет – ложись на постель, что посреди большой палаты на ремнях висит, и что над тобой ни будет делаться, что тебе ни представится – не робей, лежи себе молча».

Сказала королевна, попрощалась и уехала; а Иван купеческий сын начал пить-гулять, веселиться, и только полночь ударило – лег на показанное место. Вдруг зашумела буря, раздался треск и гром, того и смотри все стены падают, в тартарары провалятся; полны палаты чертей набежало, завопили-закричали, пляс подняли; а как увидали гостя, стали напускать на него разные страсти. Вот откуда ни возмись – прибегает фельдфебель: «Ох, Иван купеческий сын! Что ты задумал? Ведь тебя в бегах зачислили; ступай скорей, а то плохо будет».

За фельдфебелем бежит ротный командир, за ротным – батальонный, за батальонным – полковой: «Что ты, подлец, тут делаешь? Видно, сквозь строй захотел прогуляться! Эй, принести сюда свежих палок!» Принялись нечистые за работу и живо натаскали целые вороха палок, а Иван купеческий сын ни гу-гу, ле-

жит да отмалчивается. «Ах, мерзавец! – говорит полковой командир. – Он палок-то совсем не боится; должно быть, за свою службу больше этого видал! Прислать ко мне взвод солдат с заряженными ружьями, пусть его, негодяя, расстреляют!» Словно из земли вырос – взвод солдат появился; раздалась команда, солдаты прицелились... вот-вот выпалят! Вдруг закричали петухи – и все мигом исчезло: нет ни солдат, ни командиров, ни палок.

На другой день приезжает во дворец королева – уже с головы по грудь белая стала, и люди ее и лошади – тоже. «Спасибо, служивый! – говорит королева. – Видел ты страсть, а увидишь того больше. Смотри, не сробей, прослужи еще две ночи, я тебя счастливым сделаю». Стали они вместе есть-пить, веселиться; после того королева уехала, а Иван купеческий сын лег на свое место. В полночь зашумела буря, раздался гром и треск – набежали нечистые, завопили, заплясали... «Ах, братцы! Солдат-то опять здесь, – закричал хромой, одноглазый чертенок, – вишь, повадился! Что ты, али хочешь у нас палаты отбить? Сейчас пойду скажу дедушке». А дедуш-

ка сам отзывается, приказывает чертям при- тащить кузницу да накалить железные прут- тья: «Теми прутьями горячими проймите его до самых костей, чтобы знал он да ведал, как в чужие палаты ходить!» Не успели черти кузницу справить, как запели петухи – и все мигом пропало.

На третий день приезжает во дворец коро- левна, смотрит Иван – дивуется: и сама коро- левна, и люди ее, и лошади – все до колен ста- ли белые. «Спасибо служивый, за верную службу; как тебя бог милует?» – «Пока жив и здоров, ваше высочество!» – «Ну, постарайся последнюю ночь; да вот на тебе тулуп, надень на себя, а не то нечистые тебя когтями дой- мут... Теперь они страшно злы!» Сели они вместе за стол, ели-пили, веселились; после королевна попрощалась и уехала, а Иван ку- печеский сын натянул на себя тулуп, оградил- ся крестом и лег на свое прежнее место.

Ударило полночь – зашумела буря, от гро- ма и треску весь дворец затрясся; набежало чертей видимо-невидимо, и хромых, и кри- вых, и всякого роду. Бросились к Ивану купе- ческому сыну: «Берите его, подлеца! Хватайте,

тащите!» – и давай когтями цапать: тот хватит, другой хватит, а когти все в тулупе остаются. «Нет, братцы! Видно, его так не проймешь; возьмемте-ка родного его отца с родной матерью да станем с них с живых кожи драть!» В ту ж минуту притащили точь-в-точь Ивановых родителей и принялись их когтями драть; они ревут: «Иван, голубчик! Смилуйся, сойди с своего места; за тебя с нас с живых кожи дерут». Иван купеческий сын лежит – не ворохнется, знай отмалчивается. Тут петухи запели – и разом все сгнуло, словно ничего и не бывало.

Утром приезжает королева – лошади белые, люди белые, и сама вся чистая, да такая красавица, что и вообразить лучшей нельзя: видно, как из косточки в косточку мозжечок переливается. «Видел страсть, – говорит Иванову королева, – больше не будет! Спасибо тебе за службу; теперь пойдем поскорей отсюда». – «Нет, королева! – отвечает Иван купеческий сын. – Надо бы отдохнуть часок-другой». – «Что ты! Станешь отдыхать – совсем пропадешь». Вышли они из дворца и пустились в путь-дорогу. Отойдя немного, говорит

королевна: «Оглянись-ка, добрый молодец, что назади делается!» Иван оглянулся – двorca и следов не осталось, сквозь землю провалился, а на том месте пламя пышет. «Вот так бы и мы пропали, если б замешкались! – сказала королевна и подает ему кошелек. – Возьми, это кошелек не простой, если понадобятся деньги, только тряхни – и тотчас червонцы посыплются, сколько душе угодно. Теперь ступай, расплатись с трактирщиком и приходи вот на такой-то остров к соборной церкви, я тебя ждать буду. Там отстоим мы обедню и обвенчаемся: ты будешь мой муж, а я твоя жена. Да смотри не опоздай; если сегодня не успеешь – завтра приходи, не придешь завтра – приходи на третий день, а упустишь три дня, век меня не увидишь».

Тут они распрощались; королевна пошла направо, Иван купеческий сын – налево. Приходит он в трактир, потрянул перед хозяином своим кошельком, золото так и посыпалось: «Что, брат! Ты думал: у солдата денег нет, так его на три года закабалить можно; ан врешь! Отсчитывай, сколько надобно». Заплатил ему триста рублей, сел на коня и поехал, куда ему

сказано. «Что за диво? Откуда у него деньги взялись?» – думает трактирщица, кинулась к своим волшебным книгам и увидела, что он избавил заклятую королеву и та подарила ему такой кошелек, что завсегда деньги будут. Сейчас позвала мальчика, послала его в поле коров пасти и дала ему наговоренное яблоко: «Подойдет к тебе солдат, попросит напиться; ты ему скажи: воды нету, а вот тебе яблочко наливное!»

Мальчик погнал коров в поле; только успел пригнать, глядь – едет Иван купеческий сын: «Ах, братец, – говорит, – нет ли у тебя водицы напиться? Страшно испить хочется!» – «Нет, служивый, вода далеко отсюда; а есть у меня яблочко наливное, коли хочешь – скушай, авось освежишься!» Иван купеческий сын взял яблочко, скушал, и напал на него крепкий-крепкий сон; трое суток без просыпу спал. Понапрасну ожидала королева своего жениха три дня сряду: «Видно, не судьба моя быть за ним замужем!» Вздохнула, села в коляску и поехала; видит – мальчик коров пасти: «Пастушок, пастушок! Не видал ли ты доброго молодца, русского солдата?» – «Да вот

он под дубом трети сутки спит».

Королевна глянула – он самый и есть! Стала его толкать, будить; но сколько ни старалась – ничего не могла сделать, чтобы он проснулся. Взяла она листок бумаги, достала карандаш и написала такую записку: «Если ты не пойдешь на такой-то перевоз, то не бывать тебе в тридесятном государстве, не называться моим мужем!» Положила записку Ивану купеческому сыну в карман, поцеловала его сонного, заплакала горькими слезами и уехала далеко-далеко; была, да и нет ее!

Вечером поздно проснулся Иван и не знает, что ему делать. А мальчик стал ему рассказывать: «Приезжала-де сюда красная девица, да такая нарядная! Будила тебя, будила, да не добудилась, написала записку и положила в твой карман, а сама села в коляску, да и с глаз пропала». Иван купеческий сын богу помолился, на все стороны поклонился и поскакал на перевоз.

Долго ли, коротко ли, прискакал туда и кричит перевозчикам: «Эй, братцы! Перевезите меня как можно скорей на другую сторону; вот вам и плата вперед!» Вынул кошелек, на-

чал встряхивать и насыпал им золота полную лодку. Перевозчики ажно ахнули. «Да тебе куда, служивый?» – «В тридесятое государство». – «Ну, брат, в тридесятое государство кривой дорогой три года ехать, а прямой – три часа; только прямо-то проезду нет!» – «Как же быть?» – «А мы тебе вот что скажем: прилетает сюда Гриб-птица[194] – собой словно гора великая – и хватает здесь всякую падаль да на тот берег носит. Так ты разрежь у своей лошади брюхо, вычисти и вымой; мы тебя и зашьем в середку. Гриб-птица подхватит падаль, перенесет в тридесятое государство и бросит своим детенышам: тут ты поскорей вылезай из лошадиного брюха и ступай, куда тебе надобно».

Иван купеческий сын отрубил коню голову, разрезал брюхо, вычистил, вымыл и залез туда; перевозчики зашили лошадиное брюхо, а сами ушли – спрятались. Вдруг Гриб-птица летит, как гора валит, подхватила падаль, понесла в тридесятое государство и бросила своим детенышам, а сама полетела опять за добычею. Иван распорол лошадиное брюхо, вылез и пошел к королю на службу проситься.

А в том тридесятом государстве Гриб-птица много пакости делала; каждый божий день принуждены были выставлять ей по единому человеку на съедение, чтоб только в конец царство не запустошила.

Вот король думал-думал, куда деть этого странника. И приказал выставить его злой птице на съедение. Взяли его королевские воины, привели в сад, поставили возле яблони и говорят: «Карауль, чтоб не пропало ни одно яблочко!» Стоит Иван купеческий сын, караулит; вдруг Гриб-птица летит, как гора валит. «Здравствуй, добрый молодец! Я не знала, что ты в лошадином брюхе был; а то б давно тебя съела». – «Бог знает, либо съела, либо нет!» Птица одну губу ведет по земли, а другую крышей расставила, хочет съесть доброго молодца. Иван купеческий сын махнул штыком и приткнул ей нижнюю губу плотно к сырой земле, после выхватил тесак и давай рубить Гриб-птицу – по чем попадя. «Ах, добрый молодец, – сказала птица, – не руби меня, я тебя богатырем сделаю; возьми пузырек из-под моего левого крыла да выпей – сам узнаешь!»

Иван купеческий сын взял пузырек, вы-

пил, почувал в себе великую силу и еще бойчей на нее напал: знай машет да рубит! «Ах, добрый молодец, не руби меня; я тебе и другой пузырек отдам, из-под правого крыла». Иван купеческий сын выпил и другой пузырек, почувал еще большую силу, а рубить все не перестает. «Ах, добрый молодец, не руби меня; я тебя на счастье наведу: есть тут зеленые луга, в тех лугах растут три высокие дуба, под теми дубами – чугунные двери, за теми дверями – три богатырские коня; в некую пору они тебе пригодятся!» Иван купеческий сын птицу слушать – слушает, а рубить – все-таки рубит; изрубил ее на мелкие части и сложил в большущую кучу.

Наутро король призывает к себе дежурного генерала: «Поди, – говорит, – вели прибрать кости Ивана купеческого сына; хоть он из чужих земель, а все человечесьим костям без погребения непригоже валяться». Дежурный генерал бросился в сад, смотрит – Иван жив, а Гриб-птица на мелкие части изрублена; доложил про то королю. Король сильно обрадовался, похвалил Ивана и дал ему своеручный открытый лист: позволяется-де ему по всему

государству ходить, во всех кабаках и трактирах пить-есть безденежно.

Иван купеческий сын, получа открытый лист, пошел в самый богатый трактир, хлопнул три ведра вина, три ковриги хлеба да полбыка на закуску пошло, воротился на королевскую конюшню и лег спать. Вот так-то жил он у короля на конюшне круглых три года; а после того явилась королева – она кривой дорогой ехала. Отец радехонек, стал спрашивать: «Кто тебя, дочь любезная, от горькой доли спас?» – «Такой-то солдат из купеческих детей». – «Да ведь он сюда пришел и мне большую радость сделал – Гриб-птицу изрубил!» Что долго думать-то? Обвенчали Ивана купеческого сына на королевне и сотворили пир на весь мир, и я там был, вино пил, по усам текло, во рту не было.

В скором времени пишет к королю трехглавый змей: «Отдай свою дочь, не то все королевство огнем сожгу, пеплом развею!» Король запечалился, а Иван купеческий сын хлопнул три ведра вина, три ковриги хлеба да полбыка на закуску пошло, кинулся в зеленые луга, поднял чугунную дверь, вывел бога-

тырского коня, надел на себя меч-кладенец да боевую палицу, сел на коня и поскакал сражаться. «Эх, добрый молодец, – говорит змей, – что ты задумал... Я тебя на одну руку посажу, другой прихлопну – только мокренько будет!» – «Не хвались, прежде богу помолись!» – отвечал Иван, махнул мечом-кладенцом и сшиб разом все три головы. После победил он шестиглавого змея, а вслед за тем и двенадцатиглавого и прославился своей силой и доблестью во всех землях.

* * *

В некоем королевстве служил у короля солдат в конной гвардии прослужил двадцать пять лет верою и правдою; за его честное поведение приказал король отпустить его в чистую отставку и отдать ему в награду ту самую лошадь, на которой в полку ездил, с седлом и со всею сбруею. Простился солдат с своими товарищами и поехал на родину; день едет, и другой, и третий... вот и вся неделя прошла, и другая, и третья – не хватает у солдата денег, нечем кормить ни себя, ни лошади, а до дому далеко-далеко! Видит, что дело-то больно плохо, сильно есть хочется; стал

по сторонам глазеть и увидел в стороне большой замок. «Ну-ка, – думает, – не заехать ли туда; авось хоть на время в службу возьмут – что-нибудь да заработаю».

Поворотил к замку, въехал на двор, лошадей на конюшню поставил и задал ей корму, а сам в палаты пошел. В палатах стол накрыт, на столе и вина и ества, чего только душа хочет! Солдат наелся-напился. «Теперь, – думает, – и соснуть можно!» Вдруг входит медведица: «Не бойся меня, добрый молодец, ты на добро сюда попал: я не лютая медведица, а красная девица – заколдованная королева. Если ты устоишь да переночуешь здесь три ночи, то колдовство рушится – я сделаюсь по-прежнему королевой и выйду за тебя замуж».

Солдат согласился, медведица ушла, и остался он один. Тут напала на него такая тоска, что на свет бы не смотрел, а чем дальше – тем сильнее; если б не вино, кажись бы одной ночи не выдержал! На третьи сутки до того дошло, что решил солдат бросить все и бежать из замка; только как ни бился, как ни старался – не нашел выхода. Нечего делать,

поневоле пришлось оставаться. Переночевал и третью ночь; поутру является к нему королева красоты неописанной, благодарит его за услугу и велит к венцу снаряжаться. Тотчас они свадьбу сыграли и стали вместе жить, ни о чем не тужить.

Через сколько-то времени вздумал солдат об своей родной стороне, захотел туда побывать; королева стала его отговаривать: «Оставайся, друг, не езд; чего тебе здесь не хватает?» Нет не могла отговорить. Прощается она с мужем, дает ему мешочек – сполна семечком насыпан, и говорит: «По какой дороге поедешь, по обеим сторонам кидай это семя: где оно упадет, там в ту же минуту деревья вырастут; на деревьях станут дорогие плоды красоваться, разные птицы песни петь, а заморские коты сказки сказывать». Сел добрый молодец на своего заслуженного коня и поехал в дорогу; где ни едет, по обеим сторонам семя бросает, и следом за ним леса поднимаются; так и ползут из сырой земли!

Едет день, другой, третий и увидал: в чистом поле караван стоит, на травке, на муравке купцы сидят, в карты поигрывают, а возле

них котел висит; хоть огня и нет под котлом, а варево ключом кипит. «Экое диво! – подумал солдат. – Огня не видать, а варево в котле так и бьет ключом; дай поближе взгляну». Своротил коня в сторону, подъезжает к купцам: «Здравствуйте, господа честные!» А того и невдомек, что это не купцы, а всё нечистые. «Хороша ваша штука: котел без огня кипит! Да у меня лучше есть». Вынул из мешка одно зернышко и бросил наземь – в ту же минуту выросло вековое дерево, на том дереве дорогие плоды красуются, разные птицы песни поют, заморские коты сказки сказывают. По той похвальбе узнали его нечистые. «Ах, – говорят меж собой, – да ведь это тот самый, что королеву избавил; давайте-ка, братцы, опоим его за то зельем, и пусть он полгода спит». Принялись его угощать и опоили волшебным зельем; солдат упал на траву и заснул крепким, беспробудным сном; а купцы, караван и котел вмиг исчезли.

Вскоре после того вышла королева в сад погулять; смотрит – на всех деревьях стали верхушки сохнуть. «Не к добру! – думает. – Видно, с мужем что худое приключилось! Три

месяца прошло, пора бы ему и назад вернуться, а его нет как нету!» Собралась королева и поехала его разыскивать. Едет по той дороге, по какой и солдат путь держал, по обеим сторонам леса растут, и птицы поют, и заморские коты сказки мурлыкают. Доезжает до того места, что деревьев не стало больше – извивается дорога по чистому полю, и думает: «Куда ж он девался? Не сквозь землю же провалился!» Глядь – стоит в сторонке такое же чудное дерево и лежит под ним ее милый друг.

Подбежала к нему и ну толкать-будить – нет, не просыпается; принялась щипать его, колоть под бока булавками, колола-колола – он и боли не чувствует, точно мертвый лежит – не ворохнется. Рассердилась королева и с сердцов проклятье промолвила: «Чтоб тебя, соню негодного, буйным ветром подхватило, в неизвестные страны занесло!» Только успела вымолвить, как вдруг засвистали-зашумели ветры, и в один миг подхватило солдата буйным вихрем и унесло из глаз королевы. Поздно одумалась королева, что сказала слово нехорошее, заплакала горькими

слезами, воротилась домой и стала жить одна-одинехонька.

А бедного солдата занесло вихрем далеко-далеко, за тридевять земель, в тридесятое государство, и бросило на косе промеж двух морей; упал он на самый узенький клинышек; направо ли сонный оборотится, налево ли повернется – тотчас в море свалится, и поминай как звали! Полгода проспал добрый молодец, ни пальцем не шевельнул; а как проснулся – сразу вскочил прямо на ноги, смотрит – с обеих сторон волны поднимаются, и конца не видать морю широкому; стоит да в раздумье сам себя спрашивает: «Каким чудом я сюда попал? Кто меня затащил?» Пошел по косе и вышел на остров; на том острове – гора высокая да крутая, верхушкою до облаков хватает, а на горе лежит большой камень.

Подходит к этой горе и видит – три черта дерутся, кровь с них так и льется, клочья так и летят! «Стойте, окаянные! За что вы деретесь?» – «Да, вишь, третьего дня помер у нас отец, и остались после него три чудные вещи: ковер-самолет, сапоги-скороходы да шапка-невидимка, так мы поделить не можем». –

«Эх вы, проклятые! Из таких пустяков бой затеяли. Хотите, я вас разделю; все будете довольны, никого не обижу». – «А ну, земляк, раздели, пожалуйста!» – «Ладно! Бегите скорей по сосновым лесам, наберите смолы по сту пудов и несите сюда». Черти бросились по сосновым лесам, набрали смолы триста пудов и принесли к солдату. «Теперь притащите из пекла самый большой котел». Черти приволокли большущий котел – бочек сорок войдет! – и поклади в него всю смолу.

Солдат развел огонь и, как только смола растаяла, приказал чертям тащить котел на гору и поливать ее сверху донизу. Черти мигом и это исполнили. «Ну-ка, – говорит солдат, – пихните теперь вон энтот камень; пусть он с горы катится, а вы трое за ним вдогонку приударьте: кто прежде всех догонит, тот выбирай себе любую из трех диковинок; кто второй догонит, тот из двух остальных бери – какая покажется; а затем последняя диковинка пусть достанется третьему». Черти пихнули камень, и покатился он с горы шибко-шибко; бросились все трое вдогонку; вот один черт нагнал, ухватился за камень – ка-

мень тотчас повернулся, подворотил его под себя и вогнал в смолу. Нагнал другой черт, а потом и третий, и с ними то же самое! Прилипли крепко-накрепко к смоле! Солдат взял под мышку сапоги-скороходы да шапку-невидимку, сел на ковер-самолет и полетел искать свое царство.

Долго ли, коротко ли – прилетает к избушке, входит – в избушке сидит баба-яга костяная нога, старая, беззубая. «Здравствуй, бабушка! Скажи, как бы мне отыскать мою прекрасную королеву?» – «Не знаю, голубчик! Видом ее не видала, слыхом про нее не слышала. Ступай ты за столько-то морей, за столько-то земель – там живет моя середняя сестра, она знает больше моего; может, она тебе скажет». Солдат сел на ковер-самолет и полетел; долго пришлось ему по белу свету странствовать. Захочется ли ему есть-пить, сейчас наденет на себя шапку-невидимку, спустится в какой-нибудь город, зайдет в лавки, наберет – чего только душа пожелает, на ковер – и летит дальше. Прилетает к другой избушке, входит – там сидит баба-яга костяная нога, старая, беззубая. «Здравствуй, бабушка! Не зна-

ешь ли, где найти мне прекрасную королеву?» – «Нет, голубчик, не знаю; поезжай-ка ты за столько-то морей, за столько-то земель – там живет моя старшая сестра; может, она ведает». – «Эх ты, старая хрычовка! Сколько лет на свете живешь, все зубы повывалились, а доброго ничего не знаешь». Сел на ковер-самолет и полетел к старшей сестре.

Долго-долго странствовал, много земель и много морей видел, наконец прилетел на край света, стоит избушка, а дальше никакого ходу нет – одна тьма кромешная, ничего не видать! «Ну, – думает, – коли здесь не добьюсь толку, больше лететь некуда!» Входит в избушку – там сидит баба-яга костяная нога, седая, беззубая. «Здравствуй, бабушка! Скажи, где мне искать мою королеву?» – «Подожди немножко; вот я созову всех своих ветров и у них спрошу. Ведь они по всему свету дуют, так должны знать, где она теперь проживает». Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, свистнула молодецким по-свистом; вдруг со всех сторон поднялись-повеяли ветры буйные, только изба трясется! «Тише, тише!» – кричит баба-яга, и как толь-

ко собрались ветры, начала их спрашивать: «Ветры мои буйные, по всему свету вы дуете, не видали ль где прекрасную королеву?» – «Нет, нигде не видали!» – отвечают ветры в один голос. «Да все ли вы налицо?» – «Все, только южного ветра нет».

Немного погодя прилетает южный ветер. Спрашивает его старуха: «Где ты пропадал до сих пор? Еле дождалась тебя!» – «Виноват, бабушка! Я зашел в новое царство, где живет прекрасная королева; муж у ней без вести пропал, так теперь сватают ее разные цари и царевичи, короли и королевичи». – «А сколько далеко до нового царства?» – «Пешему тридцать лет идти, на крыльях десять лет нести; а я повею – в три часа доставлю». Солдат начал со слезами молить, чтобы южный ветер взял его и донес в новое царство. «Пожалуй, – говорит южный ветер, – я тебя донесу, коли дашь мне волю погулять в твоём царстве три дня и три ночи». – «Гуляй хоть три недели!» – «Ну, хорошо; вот я отдохну денька два-три, соберусь с силами, да тогда и в путь».

Отдохнул южный ветер, собрался с силами и говорит солдату: «Ну, брат, собирайся, сей-

час отправимся; да смотри – не бойся: цел будешь!» Вдруг зашумел-засвистал сильный вихорь, подхватило солдата на воздух и понесло через горы и моря под самыми облаками, и ровно через три часа был он в новом царстве, где жила его прекрасная королева. Говорит ему южный ветер: «Прощай, добрый молодец! Жалеючи тебя, не хочу гулять в твоём царстве». – «Что так?» – «Потому – если я загуляю, ни одного дома в городе, ни одного дерева в садах не останется; все вверх дном поставлю!» – «Ну, прощай! Спасибо тебе!» – сказал солдат, надел шапку-невидимку и пошел в белокаменные палаты.

Вот пока его не было в царстве, в саду все деревья стояли с сухими верхушками; а как он явился, тотчас ожили и начали цвести. Входит он в большую комнату, там и сидят за столом разные цари и царевичи, короли и королевичи, что приехали за прекрасную королеву свататься; сидят да сладкими винами угощаются. Какой жених ни нальет стакан, только к губам поднесет – солдат тотчас хватъ кулаком по стакану и сразу вышибет. Все гости тому удивляются, а прекрасная королева

в ту ж минуту догадалась. «Верно, – думает, – мой друг воротился!»

Посмотрела в окно – в саду на деревьях все верхушки ожили, и стала она своим гостям загадку загадывать: «Была у меня шкатулочка самодельная с золотым ключом; я тот ключ потеряла и найти не чаяла, а теперь тот ключ сам нашелся. Кто отгадает эту загадку, за того замуж пойду». Цари и царевичи, короли и королевичи долго над тою загадкою ломали свои мудрые головы, а разгадать никак не могли. Говорит королева: «Покажись, мой милый друг!» Солдат снял с себя шапку-невидимку, взял ее за белые руки и стал целовать в уста сахарные. «Вот вам и разгадка! – сказала прекрасная королева. – Самодельная шкатулочка – это я, а золотой ключик – это мой верный муж». Пришлось женихам оглобли поворачивать, разъехались они по своим дворам, а королева стала с своим мужем жить-поживать да добра наживать.

ОКАМЕНЕЛОЕ ЦАРСТВО

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат; служил он долго и беспорочно, царскую службу знал хорошо, на смотры, на ученья приходил чист и исправен. Стал последний год дослуживать – как на беду, невзлюбило его начальство, не только большое, да и малое: то и дело под палками отдувайся! Тяжело солдату, и задумал он бежать: ранец через плечо, ружье на плечо и начал прощаться с товарищами, а те его спрашивать: «Куда идешь? Аль батальонный требует?» – «Не спрашивайте, братцы! Подтяните-ка ранец покрепче да лихом не поминайте!» И пошел он, добрый молодец, куда глаза глядят.

Много ли, мало ли шел – пробрался в иное государство, усмотрел часового и спрашивает: «Нельзя ли где отдых взять?» Часовой сказал ефрейтору, ефрейтор офицеру, офицер генералу, генерал доложил про него самому королю. Король приказал позвать того служивого перед свои светлые очи. Вот явился солдат, как следует – при форме, сделал ружьем на

караул и стал как вкопанный. Говорит ему король: «Скажи мне по совести, откуда и куда идешь?» – «Ваше королевское величество, не велите казнить, велите слово вымолвить». Признался во всем королю по совести и стал на службу проситься. «Хорошо, – сказал король, – наймись у меня сад караулить; у меня теперь в саду неблагополучно – кто-то ломает мои любимые деревья, так ты постарайся – сбереги его, а за труд дам тебе плату немалую». Солдат согласился, стал в саду караул держать.

Год и два служит – все у него исправно; вот и третий год на исходе, пошел однажды сад оглядывать и видит – половина что ни есть лучших деревьев поломаны. «Боже мой! – думает сам с собою. – Вот какая беда приключилась! Как заметит это король, сейчас велит схватить меня и повесить». Взял ружье в руки, прислонился к дереву и крепко-крепко призадумался. Вдруг слышался треск и шум, очнулся добрый молодец, глядь – прилетела в сад огромная, страшная птица и ну валить деревья. Солдат выстрелил в нее из ружья, убить не убил, а только ранил ее в пра-

вое крыло; выпало из того крыла три пера, а сама птица наутек пустилась. Солдат за нею; ноги у птицы быстрые, скорехонько добежала до провалища и скрылась из глаз.

Солдат не убоился и вслед за нею кинулся в то провалище: упал в глубокую-глубокую пропасть, отшиб себе все печенки и целые сутки лежал без памяти. После опомнился, встал, осмотрелся – что же? – и под землей такой же свет. «Стало быть, – думает, – и здесь есть люди!» Шел-шел, перед ним большой город, у ворот караульня, при ней часовой; стал его спрашивать – часовой молчит, не движется; взял его за руку – а он совсем каменный! Взшел солдат в караульню – народу много, и стоят и сидят, только все окаменелые; пустился бродить по улицам – везде то же самое: нет ни единой живой души человеческой, всё как есть камень! Вот и дворец расписной, вырезной, марш туда, смотрит – комнаты богатые, на столах закуски и напитки всякие, а кругом тихо и пусто.

Солдат закусил, выпил, сел было отдохнуть, и послышалось ему – словно кто к крыльцу подъехал; он схватил ружье и стал у

дверей. Входит в палату прекрасная царевна с мамками, няньками; солдат отдал ей честь, а она ему ласково поклонилась. «Здравствуй, служивый! Расскажи, – говорит, – какими судьбами ты сюда попал?» Солдат начал рассказывать: «Нанялся-де я царский сад караулить, и повадилась туда большая птица летать да деревья ломать; вот я подстерег ее, выстрелил из ружья и выбил у ней из крыла три пера; бросился за ней в погоню и очутился здесь». – «Эта птица – мне родная сестра: много она творит всякого зла и на мое царство беду наслала – весь народ мой окаменила. Слушай же: вот тебе книжка, становись вот тут и читай ее с вечера до тех пор, пока петухи не запоют. Какие бы страсти тебе ни казались, ты знай свое – читай книжку да держи ее крепче, чтоб не вырвали; не то жив не будешь! Если простоишь три ночи, то выйду за тебя замуж». – «Ладно!» – отвечал солдат.

Только стемнело, взял он книжку и начал читать. Вдруг застучало, загремело – явилось во дворец целое войско, подступили к солдату его прежние начальники и бранят его и грозят за побег смертью; вот уж и ружья заряжа-

ют, прицеливаются... Но солдат на то не смотрит, книгу из рук не выпускает, знай себе читает. Закричали петухи – и все разом сгнуло! На другую ночь страшней было, а на третью и того пуще: прибежали палачи с пилами, топорами, молотами, хотят ему кости дробить, жилы тянуть, на огне его жечь, а сами только и думают, как бы книгу из рук выхватить. Такие страсти были, что едва солдат выдержал. Запели петухи – и демонское наваждение сгнуло! В тот самый час все царство ожило, по улицам и в домах народ засуетился, во дворец явилась царица с генералами, со свитой, и стали все благодарствовать солдату и величать его своим государем: На другой день женился он на прекрасной царице и зажил с нею в любви и радости.

* * *

Жил-был старик; у старика был сын – славный сын; вздумал чего идти в дорогу, простился-благословился и пошел. Шел долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается; приходит в одно царство, видит – кругом камни! И скот и люди – где кто был, стоял или сидел, кто куда ехал, там

все и окаменели: иной дрова рубил, руку с топором поднял, да так и остался! Враг[195] пошутил над ними! Вот этот парень походил по городу – ни одного человека не нашел живого; вошел в царский чертог и думает: подожду, не будет ли кто? Вдруг прибегает царская дочь, увидела этого человека, поклонилась, расспросила его: откуда он, куда пошел и зачем, и говорит: «Вот бы надо крепкого человека, чтобы он по три ночи молился во дворце; тогда бы люди все стали опять людьми!»

Он согласился; уговорились, чтобы после (если бог велит воротить царя и людей по-прежнему) она вышла за него замуж, и положили на том записи. Она дала ему восковых свеч три снопухи[196] – по снопухе на каждую ночь, сама уехала. Наступила ночь; крестьянский сын стал на молитву. В полночь вдруг и набежало дьяволов множество; кто дразнит его, кто говорит – надо заколоть, кто огня подпускает под него, кто – воду, чего-чего не было! Страшно! А он стоит да молится. Петух спел – и дьяволов не стало. Он в ночь снопуху свеч изжег, утром лег спать. Царская дочь

приезжает, спрашивает: «Что, жив ли ты?» – «Жив, слава богу». – «Ну, каково тебе было?» – «Страшно, да ничего, бог милостив!» – «Смотри, на эту ночь еще страшней будет!» Переговорила и уехала.

И точно, на другую ночь еще больше дьявола страшили; крестьянский сын промолился. На третью ночь и пуще того; он опять промолился, все свечи издержал. А царская дочь после третьей ночи велела ему залезти в печь и написать рукопись, как спасал царство. «А то, – говорит, – отец мой оживится, рассердится, забегает – беда тебе!» Он так и сделал. Утро настало – вдруг весь народ оживился, начали ходить, бегать, стали переезжать, только стук-от стоит! Царь также ожил, забегал, осердился. «Кто смел, – говорит, – шутить над моим царством?» – и увидел у печи рукопись, прочитал. Приехала дочь; она рукопись утвердила, сказала отцу что точно так было. Царю понравилось; тотчас свадьбу: крестьянский сын женился на царской дочери. Тесть по смерти своей благословил все свое царство милому зятю. Крестьянский сын то все из-под больших смотрел, а тут сам царем сделался, и

теперь царствует – такой добрый для подданных, особенно для солдат!

БЕРЕЗА И ТРИ СОКОЛА

Отслужил солдат свой законный срок, получил отставку и пошел на родину. Идет путем-дорогою, а навстречу ему нечистый. «Стой, служивый! Куда идешь?» – «Домой иду». – «Что тебе дома! Ведь у тебя ни рода, ни племени. Наймись лучше ко мне в работники; я тебе большое жалованье положу». – «А в чем служба?» – «Служба самая легкая: мне надо ехать за синие моря к дочери на свадьбу, а есть у меня три сокола; покарауль их до моего приезда». Солдат согласился. «Без денег, – думает, – плохое житье; хоть у черта, все что-нибудь да заработаю!» Нечистый привел его в свои палаты, а сам уехал за синие моря.

Вот солдат ходил, ходил по разным комнатам; сделалось ему скучно, и вздумал он пойтить в сад; вышел, смотрит – стоит береза. И говорит ему береза человеческим голосом: «Служивый! Сходи вот в такую-то деревню, скажи тамошнему священнику, чтобы дал те-

бе то самое, что ему нынче во сне привиделось». Солдат пошел, куда ему сказано; священник тотчас достал книгу: «Вот тебе – возьми!» Солдат взял; приходит назад. «Спасибо, добрый человек! – говорит береза. – Теперь становись да читай».

Начал он читать эту книгу; одну ночь читал – вышла из березы красная девица, красоты неописанной, по самые груди; другую ночь читал – вышла по пояс; третью ночь читал – совсем вышла. Поцеловала его и говорит: «Я – царская дочь; похитил меня нечистый и сделал березою. А три сокола – мои родные братья; хотели они меня выручить, да сами попались!» Только вымолвила царевна это слово, тотчас прилетели три сокола, ударились о сырую землю и обратились добрыми молодцами. Тут все они собрались и поехали к отцу, к матери, и солдата с собой взяли. Царь и царица обрадовались, щедро наградили солдата, выдали за него замуж царевну и оставили жить при себе.

ЗАКЛЯТЫЙ ЦАРЕВИЧ

Жил-был купец, у него было три дочери. Пришлось ему ехать в чужие земли за товарами, спрашивает он у дочерей: «Что вам привезти из-за моря?» Старшая просит – обновку, середняя – то ж, а младшая взяла лист бумаги, нарисовала цветок: «Мне, – говорит, – батюшка, привези вот этакий цветок». Долго разъезжал купец по разным государствам, а такого цветка нигде не видал.

Стал домой ворочаться и усмотрел на пути славный высокий дворец с теремами, башнями, с садом. Зашел погулять в саду: что тут всяких деревьев, что всяких цветов! Один цветок другого прекраснее! Смотрит, а вот и точно такой растет, какой ему дочь нарисовала. «Дай, – думает, – сорву да повезу любимой дочери; кажись, никого нет, никто не увидит!» Нагнулся и сорвал, и только сделал это – как в ту ж минуту поднялся буйный ветер, загремел гром и явилось перед ним страшное чудище – безобразный крылатый змей с тремя головами. «Как ты смел в моем саду хозяйничать? – закричал змей на купца. – Зачем

цветок сорвал?»

Купец испугался, пал на колени и стал просить прощения. «Хорошо, – говорит змей, – пожалуй, я тебя прощу, только с тем условием: кто тебя первый по приезде домой встретит, того мне на весь век отдай. А если обманешь, то не забудь, что от меня нигде не спрячешься; везде тебя найду!»

Купец согласился; подъезжает к своему дворцу, а меньшая дочь усмотрела его в окошечко и выбежала навстречу. Купец и голову повесил; смотрит на свою любимую дочь и горькими слезами плачет. «Что с тобой? О чем плачешь, батюшка?» Он отдал ей цветок и рассказал, что с ним случилось. «Не печалься, батюшка! – говорит меньшая дочь. – Бог даст, мне и там хорошо будет! Вези меня к змею». Отец отвез ее, оставил во дворце, попрощался и уехал домой.

Вот красная девица, дочь купеческая, ходит по разным комнатам – везде золото да бархат, а никого не видать, ни единой души человеческой! А время идет да идет; проголодалась красавица и думает: «Ах, как бы я теперь покушала!» Не успела подумать, а уж пе-

ред нею стол стоит, а на столе и кушанья, и напитки, и сласти; разве только птичьего молока нет! Села она за стол – напилась, наелась; встала – и все исчезло! Вот и смерклось; купеческая дочь вошла в спальню, хочет спать ложиться. Вдруг зашумел буйный ветер, и явился перед нею трехглавый змей. «Здравствуй, красная девица! Постели-ка мне постель возле этой двери». Красная девица постлала ему постель возле двери, а сама легла на кровати.

Проснулась поутру, опять во всем доме не видать ни души; одно хорошо: чего бы ни пожелала она – все тотчас и явится! Вечером прилетает змей и приказывает: «Теперь, красная девица, постели мне постель рядом с твою кроваткою». Она постлала ему рядом с своею кроваткою. Ночь прошла, девица проснулась – опять во дворце ни души! В третий раз прилетает змей вечером и говорит: «Ну, красная девица, теперь я с тобой на одной кровати лягу». Страшно было купеческой дочери спать на одной постели с таким безобразным чудищем, а делать нечего – скрепила свое сердце, легла с ним.

Наутро говорит ей змей: «Если скучно тебе, красная девица, поезжай к отцу, к сестрам, побудь с ними день, а к вечеру назад приезжай, да смотри – не опоздай: если хоть минуту опоздаешь – я с горя помру!» – «Нет, не опоздаю!» – говорит купеческая дочь. Вышла на крыльцо, а уж коляска давно готова; села и в ту ж минуту очутилась на батюшкином дворе. Отец увидал, обнимает, целует ее, спрашивает: «Как тебя бог милует, дочка моя любимая? Хорошо ли тебе?» – «Хорошо, батюшка!» Стала рассказывать, какое во дворце богатство, как ее змей любит, как все, что только она задумает, тотчас исполняется.

Сестры слушают и не знают что делать от зависти. День на исходе; красная девица назад собирается, с отцом, с сестрами прощается: «Так и так, – говорит, – домой пора! Велено к сроку быть». Завистливые сестры натерли себе глаза луком и будто плачут: «Не уезжай, сестрица! Остайся до завтрава». Жалко ей стало сестер, осталась до другого дня. Поутру простилась со всеми и уехала во дворец. Приезжает – во дворце пусто по-прежнему; пошла в сад, смотрит, а змей мертвый в пруде ле-

жит: с горя в воду бросился. «Ах, боже мой, что я сделала!» – вскрикнула красная девица и залилась слезами, прибежала к пруду, вытаскивала змея из воды, обняла одну голову и поцеловала крепко-крепко – змей востепенулся и вмиг обратился в доброго молодца. «Спасибо тебе, красная девица! – говорит ей молодец. – Ты меня избавила от великого несчастья; я не змей, а заклятый царевич!» Тотчас поехали они к купцу, перевенчались и стали жить-поживать да добра наживать.

СОПЛИВЫЙ КОЗЕЛ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец, и было у него три дочери. Построил он себе новый дом и посылает на новоселье ночевать старшую дочь, чтоб после рассказала ему, что и как ей во сне привидится. И привиделось ей во сне, что она выйдет замуж за купеческого сына. На другую ночь посылает купец на новоселье среднюю дочь, что ей привидится? И приснилось ей, что она выйдет замуж за дворянина. На третью ночь дошла очередь до меньшей дочери, послал и ту; и приснилось ей, бедняжке,

что выйдет она замуж за козла.

Перепугался отец, не велел своей любимой дочери даже на крыльцо выходить. Так нет вот, не послушалась, вышла! А козел в это время подхватил ее на высокие рога и унес за крутые берега. Принес к себе и уложил на полати спать: сопли у него бегут, слюни текут, а бедняжка то и дело платочком утирает, не брезгует; понравилось это козлу, знай чешет свою бороду! Поутру встала наша красавица, глядь – ан двор огорожен частоколом, и на каждой тычинке по девичьей головке; только одна тычинка простая стоит. Обрадовалась бедняжка, что смерти избежала. А слуги давно ее будят: «Не пора, сударыня спать, пора вставать; в горницах мести, сор на улицу нести!»

Выходит она на крылечко; летят гуси. «Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несете мне весточку?» А гуси ей в ответ: «С твоей-то мы со сторонушки, принесли-то мы тебе весточку: у вас дома стовор, старшую сестрицу твою замуж выдают за купеческого сына». Козел с полатай все слышит и говорит слугам:

«Эй вы, слуги мои верные! Несите платья самоцветные; закладывайте вороных коней; чтоб три раза скакнули и были на месте».

Принарядилась бедняжка и поехала; кони мигом привезли ее к отцу. На крыльце встречают гости, в доме пир горой! А козел в то время обернулся добрым молодцем и ходит по двору с гусями. Ну, как на пир гусяра не созвать? Он пришел в хоромы и начал выигрывать: «Козлова жена, соплякова жена! Козлова жена, соплякова жена!» А бедняжка по одной щеке его хлоп, по другой хлоп, а сама на коней и была такова!

Приехала домой, а козел уж на полатях лежит. Сопли у него бегут, слюни текут; бедняжка то и дело платочком утирает, не брезгует. Поутру будят ее слуги: «Не пора, сударыня, спать, пора вставать; в горницах мести, сор на улицу нести!» Встала она, прибрала все в горницах и вышла на крылечко; летят гуси. «Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонущки, не от родного ли батюшки несете мне весточку?» А гуси в ответ: «С твоей-то мы со сторонущки, принесли-то мы тебе весточку: у вас дома стовор, среднюю сестрицу

твою замуж выдают за дворянина богатого».

Опять поехала бедняжка к отцу; на крыльце ее гости встречают, в доме пир горой! А козел обернулся добрым молодцем и ходит по двору с гусями; позвали его, он и стал выигрывать: «Козлова жена, соплякова жена! Козлова жена, соплякова жена!» Бедняжка по одной щеке его хлоп, по другой хлоп, а сама на коней – и была такова!

Воротилась домой; козел лежит на полах: сопли бегут, слюни текут! Прошла еще ночь; поутру встала бедняжка, вышла на крыльцо; опять летят гуси. «Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несете мне весточку?» А гуси в ответ: «С твоей-то мы со сторонушки, принесли тебе весточку: у отца твоего большой стол». Поехала она к отцу: гости на крыльце встречают, в доме пир горой! На дворе гусяр похаживает, на гусях выигрывает. Позвали его в хоромы; гусяр опять по-старому: «Козлова жена, соплякова жена! Козлова жена, соплякова жена!»

Бедняжка в одну щеку его хлоп, в другую хлоп, а сама мигом домой. Смотрит на полах

ти, а там одна козлиная шкурка лежит; гусяр не успел еще оборотиться в козла. Полетела шкурка в печь очутилась меньшая купеческая дочь замужем не за козлом, а за добрым молодцом; стали они себе жить да поживать да добра наживать.

НЕУМОЙКА

Отслужил солдат три войны, не выслужил и выведенного яйца, и отпустили его в чистую.[197] Вот он вышел на дорогу, шел-шел, пристал и сел у озера; сидит да думу думает: «Куда теперь мне деваться, чем прокормиться?.. К черту, что ли, в работники наняться!» Только вымолвил эти речи, а чертенок тут как тут – стоит перед ним, кланяется: «Здорово, служба!» – «Тебе что надо?» – «Да не сам ли ты захотел к нам в работники наняться? Что ж, служивый, наймись! Жалованье большое дадим». – «А какова работа?» – «Работа легкая: только пятнадцать лет не бриться, не стричься, соплей не сморкать, нос не утирать и одежды не переменять!» – «Ладно, – говорит солдат, – я возьмусь за эту работу, но с тем уговором, чтобы все мне было готово, чего душа по-

желаает!» – «Уж это как водится! Будь спокоен, за нами помешки не будет». – «Ну так по рукам! Сейчас же перенеси меня в большой столичный город да кучу денег притащи; ты ведь сам знаешь, что этого добра у солдата без малого ничего!»

Чертенок бросился в озеро, притащил кучу денег и мигом перенес солдата в большой город; перенес – и был таков! «Вот на дурака попал! – говорит солдат. – Еще не служил, не работал, а деньги взял». Нанял себе квартиру, не стрижется, не бреется, носа не утирает, одежды не переменяет, живет – богатеет; до того разбогател, что некуда стало денег девать. Что делать с серебром да с золотом? «Дай-ка, – вздумал он, – начну помогать бедным; пусть за мою душу молятся». Начал солдат раздавать деньги бедным, и направо дает, и налево дает – а денег у него не только не убывает, а еще прибавляется. Пошла об нем слава по всему царству, по всем людям.

Вот так-то жил солдат лет четырнадцать; на пятнадцатом году не хватило у царя казны; велел он позвать к себе этого солдата. Приходит к нему солдат небритый, немыйтый,

нечесанный, сопли не вытерты, одежда не переменена. «Здравия желаю, ваше величество!» – «Послушай, служивый! Ты, говорят, всем людям добро делаешь; дай мне хоть займы денег. У меня на жалованье войскам не хватает. Если дашь, сейчас тебя генералом пожалую». – «Нет, ваше величество, я генералом быть не желаю; а коли хочешь жаловать, отдай за меня одну из своих дочерей, и бери тогда казны, сколько надобно». Тут король призадумался; и дочерей жалко, и без денег обойтись нельзя. «Ну, – говорит, – хорошо; прикажи списать с себя портрет, я его дочерям покажу – которая за тебя пойдет?» Солдат повернулся, велел списать с себя портрет – точь-в-точь как он есть, и послал его к царю.

У того царя было три дочери, призвал их отец, показывает солдатский портрет старшей: «Пойдешь ли за него замуж? Он меня из великой нужды выведет». Царевна видит, что нарисовано страшилище, волосы всклокочены, ногти не выстрижены, сопли не вытерты! «Не хочу! – говорит. – Я лучше за черта пойду!» А черт откуда взялся – стоит позади с пером да с бумагой, услышал это и записал ее ду-

шу. Спрашивает отец среднюю дочь: «Пойдешь за солдата замуж?» – «Как же! Я лучше в девках просижу, лучше с чертом повяжуся, [198] чем за него идти!» Черт записал и другую душу. Спрашивает отец у меньшей дочери; она ему отвечает: «Видно, судьба моя такова! Иду за него замуж, а там что бог даст!»

Царь обрадовался, послал сказать солдату, чтоб к венцу готовился, и отправил к нему двенадцать подвод за золотом. Солдат потребовал к себе чертенка: «Вот двенадцать подвод – чтобы сейчас все были золотом насыпаны!» Чертенок побежал в озеро, и пошла у нечистых работа: кто мешок тащит, кто два; живой рукой насыпали воза и отправили к царю во дворец. Царь поправился и начал звать к себе солдата почитай каждый день, сажал с собою за единый стол, вместе с ним и пил и ел. Вот, пока готовились они к свадьбе, прошло как раз пятнадцать лет: кончился срок солдатской службы. Зовет он чертенка и говорит: «Ну, служба моя покончилась: сделай теперь меня молодцом». Чертенок изрубил его на мелкие части, бросил в котел и давай варить; сварил, вынул и собрал все воеди-

но как следует: косточка в косточку, суставчик в суставчик, жилка в жилку; потом взбрызнул мертвой и живой водою – и солдат встал таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Обвенчался он с младшею царевною, и стали они жить-поживать, добра наживать; я на свадьбе был, мед-пиво пил, было у них вино – выпивал его по самое дно!

Прибежал чертенок в озеро; потребовал его дедушка к отчету: «Что, как солдат?» – «Отслужил свой срок верно и честно, ни разу не брился, не стригся, соплей не утирал, одежды не переменял». Рассердился на него дедушка: «В пятнадцать лет, – говорит, – не мог соблазнить ты солдата! Что даром денег потрачено, какой же ты черт после этого?» – и приказал бросить его в смолу кипучую. «Постой, дедушка! – отвечает внучек. – За солдатскую душу у меня две записаны». – «Как так?» – «Да вот как: задумал солдат на царевне жениться, так старшая да средняя сказали отцу, что лучше за черта пойдут замуж, чем за солдата! Стало быть, они – наши!» Дедушка оправил чертенка и велел его отпустить: зна-

ет-де свое дело!

КОСОРУЧКА

В некотором царстве, не в нашем государстве, жил купец богатый; у него двое детей, сын и дочь. И померли отец с матерью. Братец и говорит сестрице: «Пойдем, сестрица, с эстого города вон; вот я займусь в лавочке – будем торговать, тебе найму фатерку[199] – будешь жить». Ну, вот они пошли в другую губерню. Пришли в другую губерню. Вот брат определился, нанял лавочку с красным товаром. Вздумалось братцу жениться; вот он женился, взял такую себе жену – волшебницу. Собирается брат в лавочку торговать и приказывает сестрице: «Смотри, сестрица, в доме». Жене ненавистно стало, что он приказывает сестре. Только она фтрафила[200] – как мужу возвратиться, взяла перебила всю небель[201] и ожидает мужа. Она встречает его и говорит: «Вот какая у тебя сестра, перебила у нас в кладовой всю небель!» – «Что же, это наживное дело», – отвечает муж.

Вот на другой день отправляется в лавку, прощается с женою и сестрой и приказывает

сестре: «Смотри, сестрица, пожаласта, в доме как можно лучше». Вот жена это узнала время, в какое быть мужу, входит в конюшню и мужнину любимому коню голову снесла саблей. Стоит на крыльце и ждет его. «Вот, – говорит, – какая сестра твоя! Любимому коню твоему, – говорит, – голову снесла!» – «Эх, собачье собакам есть», – отвечает муж.

На третий день опять идет муж в лавки, прощается и говорит сестре: «Смотри, пожаласта, за хозяйкой, чтоб она сама над собой что не сделала али над младенцем, паче чаяния она родит». Она как родила младенца, взяла и голову срубила. Сидит и плачет над младенцем. Вот приходит это муж. «Вот какая твоя сестрица! Не успела я родить младенца, она взяла и саблей ему голову снесла». Вот муж ничего не сказал, залился слезьми и пошел от них прочь.

Приходит ночь. В самую полночь он подымается и говорит: «Сестрица милая! Собирайся, поедем мы с тобой к обедне». Она и говорит: «Братец родимый! Нынче, кажется, праздника никакого нет». – «Нет, сестрица, есть праздник, поедем». – «Еще рано, – гово-

рит, – нам ехать, братец!» – «Нет, ваше (дело) девичье, скоро ли, – говорит, – вы уберетесь!» Сестрица милая стала убираться; убирается – не убирается она, руки у ней всё отваливаются. Подходит братец и говорит: «Ну, проворней, сестрица, одевайся». – «Вот, – говорит, – еще рано, братец!» – «Нет, сестрица, не рано – время».

Собралась сестрица. Сели и поехали к обедне. Ехали долго ли, не мало; подъезжают к лесу. Сестра говорит: «Что это за лес?» Он отвечает: «Это ограда вокруг церкви». Вот за кустик зацепились дрожечки. Братец говорит: «Встань, сестрица, отцепи дрожечки». – «Ах, братец мой милый, я не могу, я платье замараю». – «Я, сестрица, тебе новое платье куплю, лучше этого». Вот она встала с дрожек, стала отцепливать, братец ей по локоть ручки отрубил, сам вдарил по лошади и уехал от нее.

Осталась сестрица, залилась слезьми и пошла по лесу. Вот она сколько ни шла, долго ли, коротко ли ходила по лесу, вся оцципалась, а следу не найдет, как выйти из лесу. Вот тропиночка вышла и вывела ее из лесу уже через несколько годов. Вышла она с эсто-

го лесу, и приходит в купеческий город, и подходит к богатичьему купцу под окна милости-ну просить. У этого купца сын был, единый, как глаз во лбу, и влюбился он в нищенку. Говорит: «Папенька с маменькой, жените мене». – «На кого же тебе женить?» – «На этой нищенке». – «Ах, друг мой, разве в городе у купцов нет дочерей хороших?» – «Да жените; ежели вы мене не жените, я что-нибудь, – говорит, – над собой сделаю». Вот им это обидно, что один сын, как глаз во лбу; собрали всех купцов, все священство и спрашивают: что присудят, женить ли на нищенке или нет? Вот священники сказали: «Стало, его судьба такая, что его бог благословляет на нищенке жениться».

Вот он с нею пожил год и другой и отправляется в другую губерню, где ее брат, значит, сидит в лавочке. Вот он прощается и просит: «Папенька с маменькой! Не оставьте вы мою жену: не равно она родит, вы пишите ко мне тот раз и тот час». Как уехал сын, так чрез два ли, три ли месяца жена его родила: по локти в золоте, по бокам часты звезды, во лбу светел месяц, против сердца красно солнце. Как отец

с матерью обрадовались, так тотчас сыну своему любимому письмо стали писать. Посылают старичка с запиской с эстою поскоряючи. А невестка уж, значит, узнала об этом, зазывает старичка: «Поди, батюшка, сюда, отдохни». – «Нет, мне некогда, на скорую руку посылают». – «Да поди, батюшка, отдохни, пообедаешь».

Вот посадила его обедать, а сумочку его унесла, вынула записочку, прочитала, изорвала ее на мелкие клочки и написала другую, что твоя, говорит, жена родила – половина собачьего, половина ведмежачьего; [202] прижила в лесу с зверями. Приходит старичок к купеческому сыну, подает записку; он прочитал да слезьми и залился. Написал письмо, что до мово приезде не трогать; сам приеду и узнаю, какой младенец народился. Вот потом эта волшебница опять зазывает старичка: «Поди посиди, отдохни», – говорит. Вот он зашел, она кой-как опять заговорила его, вытащила у него записку, прочитала, изорвала и написала, что как записка на двор, так чтоб ее со двора согнать. Принес старик эту записку; прочитали и огорчились отец и мать. «Что

ж это, – говорят, – он нас в изъян ввел? Женили мы его, стало, ему жена не надобна стала!» Жаль им не так жену, как жаль младенца. Взяли благословили ее и младенца, привязали младенца к ее грудям и отпустили со двора.

Вот она пошла, залилась горькими слезами, шла долго ли, коротко ли – все чистое поле, нет ни лесу, ни деревни нигде. Подходит она к лощине, и так ей напиться захотелось. Глянула в правую сторону – стоит колодезь. Вот ей напиться-то хочется, а наклониться боится, чтоб не уронить ребенка. Вот поглазилось [203] ей, что будто бы вода ближе стала. Она наклонилась, ребенок и выпал и упал в колодезь. И ходит она вокруг колодезя и плачет, как младенца достать из воды? Подходит старичок и говорит: «Что ты, раба, плачешь?» – «Как мне не плакать! Я наклонилась к колодцу воды напиться, младенец мой упал в воду». – «Поди нагнись, возьми его». – «Нет, батюшка, у меня рук нет – одни локоточки». – «Да поди нагнись, возьми ребенка!» Вот она подошла к колодезю, стала протягивать руки, ей господь и пожаловал – очутились целые

руки. Она нагнулась, достала ребенка и стала богу молиться на все четыре стороны.

Помолилась богу, пошла и пришла ко двору, где ее брат и муж, и просится ночевать. Вот муж говорит: «Брат, пусти нищенку; нищенки умеют и сказки, и присказки, и правды умеют сказывать». Вот невестка говорит: «У нас негде ночевать, тесно». – «Нет, брат, пусти, пожаласта; смерть люблю, как нищенки сказывают сказки и присказки». Вот пустили ее. Она и села на печку с младенцем своим. Муж и говорит: «Ну, душенька, скажи-ка нам сказочку... ну, хоть какую сторъицу[204] скажи».

Она и говорит: «Сказки я не умею сказывать и присказки, а умею правду сказывать. Слушайте, – говорит, – господа, как я вам буду правду сказывать», – и начала рассказывать: «В некотором царстве, не в нашем государстве, жил купец богатый; у него двое детей, сын и дочь. И померли отец с матерью. Братец и говорит сестрице: пойдем, сестрица, с эстого города. И пришли они в другую губерню. Брат определился, нанял лавочку с красным товаром. Вот вздумалось ему жениться;

он женился – взял себе жену волшебницу...» Тут невестка заворчала: «Вот пошла вякать, [205] б.... этакая!» А муж говорит: «Сказывай, сказывай, матушка; смерть люблю такие стории!» – «Вот, – говорит нищенка, – собирается брат в лавочку торговать и приказывает сестрице: смотри, сестрица, в доме! Жена обижается, что он всё сестре приказывает; вот она по злости всю небель переколотила...» И как она все рассказала, как он ее к обедне повез, ручки отрезал, как она родила, как невестка заманула [206] старичка, – невестка наизнова кричит: «Вот начала чепуху городить!» Муж говорит: «Брат, вели своей жене замолчать; ведь стория-то славная!» Вот она досказала, как муж писал, чтоб оставить ребенка до приезда, а невестка ворчит: «Вот чушь какую порет!» Вот она досказала, как она пришла к дому этому; а невестка заворчала: «Вот, б...., начала орать!» Муж говорит: «Брат, вели ей замолчать; что она все перебивает?» Вот досказала, как ее пустили в избу и как начала она им правды сказывать... Тут она указывает на них и говорит: «Вот мой муж, вот мой брат, а это моя невестка!» Тут муж вскочил к ней на

печку и говорит: «Ну, мой друг, покажи же мне младенца, правду ли писали отец и мать». Взяли робеночка, развили[207] – так всю комнату и осветило! «Вот правда-истина, что не сказки-то говорила; вот моя жена, вот мой сын – по локти в золоте, по бокам часты звезды, во лбу светел месяц, а против сердца красно солнце!»

Вот брат взял из конюшни самую что ни лучшую кобылицу, привязал к хвосту жену свою и пустил ее по чисту полю. Потель[208] она ее мыкала, покель принесла одну косу ее, а самоё растрепала по полю. Тогда запрягли тройку лошадей и поехали домой к отцу, к матери; стали жить да поживать, добра наживать; я там была и мед-вино пила, по усам текло и в рот не попало.

* * *

Жил купец, были у него сын да дочь. Пришло время купцу помирать; он и просит сына, чтобы он сестру свою любил, берег, никому в обиду не давал. Вот отец умер; сын через несколько дней на охоту поехал, а была у него злая жена, взяла да и выпустила коня на волю. Муж приезжает домой, она с жалобой:

«Вот ты любишь свою сестру, лелеешь ее, а она твоего коня выпустила». – «Собака его ешь! Конь – дело наживное, а другой сестры я не наживу». Через несколько дней опять отлучился муж на охоту; жена его выпустила сокола из клетки. Только что воротился он домой, она стала жаловаться: «Вот ты сестре своей все спускаешь, а она выпустила сокола из клетки!» – «Э, сова его клюй! Сокол – дело наживное, а другой сестры у меня не будет!» В третий раз отлучился муж куда-то по своим делам; жена схватила своего единственного сына, побежала в табун и бросила лошадям под ноги. Муж воротился, она опять жалуется: «Вот какова твоя сестра! За всю любовь твою она нашего сына конями истоптала!» Тот страшно рассердился, взял сестру и отвез в дремучий лес.

Много ли, мало ли она в нем жила, обноси-лась вся и засела в дупло. В некое время охотился в этом лесу королевский сын; собаки набежали на красную девицу, обступили кругом дерево и лают. «Знать, на звериный след напали!» – думает королевич и давай травить. «Не трави меня, млад юноша! – отозва-

лась купеческая дочь. – Я человек, а не зверь». – «Выходи из дупла», – говорит ей королевич. «Не могу, я нага и боса». Он сейчас слез с коня и бросил ей свой плащ; она оделась и вышла. И видит королевич совершенную красавицу, взял ее с собою, привез домой, поместил в особую горницу и не стал никуда ездить – все дома сидит. Спрашивает его отец: «Любезный мой сын! Что с тобой случилось? Прежде ты отлучался на охоту по неделе и больше, а теперь все дома сидишь». – «Государь мой батюшка и государыня матушка! Виноват я перед вами: нашел я в лесу такую красавицу, что ни вздумать, ни взгадать! Если б только вы меня благословили, не желал бы я себе иной супруги». – «Хорошо! Покажь нам ее». Приводит он свою суженую; король с королевою согласились на его просьбу и обвенчали их.

Пожил королевич с своей женою несколько времени, и понадобилось ему на службу ехать. Просит он своего отца: «Кого бы ни родила моя жена – уведомяте меня с скорым гонцом». Королевна родила без него сына – по локоть руки в золоте, по колена ноги в сереб-

ре, во лбу месяц, супротив ретива сердца красное солнце. Тотчас изготовили письмо о новорожденном сыне и послали к королевичу скорого гонца. Случилось ему проезжать мимо того города, где проживал купеческий сын; поднялась буря, гонец и заехал в тот дом, откуда была ихняя королевна вывезена. Хозяйка истопила ему баню, послала париться, а сама переписала письмо: «Твоя-де жена родила козла с бородой», – и запечатала.

Гонец приезжает к королевичу, подает бумаги; тот прочитал и пишет к отцу: «Что бог ни дал – беречь до меня!»

На обратном пути заезжает гонец в тот же дом. Хозяйка по-прежнему отправила его в баню, а сама за бумаги и переписала письмо, чтоб отрубить у королевны руки по локоть, привязать младенца на грудь и отвести ее в темный лес.

Так и было исполнено. Ходила-ходила королевна по лесу, увидала колодец, захотела напиться, наклонилась в колодец и уронила туда своего сына. Стала она слезно просить бога, чтоб даровал ей руки младенца вытащить. Вдруг чудо совершилось – руки явили-

ся; она вытащила сына и пошла странствовать.

Много ли, мало ли странствовала, приходит в нищенском рубище на родину и попросилась ночевать у брата. Сноха ее не узнала. Вот она села в уголок, то и дело что прикрывает своему сыну руки да ноги. На ту пору приезжает туда же королевич, начал с ее братом – купеческим сыном есть, пить, веселиться. Брат говорит: «Кто бы нас потешил – из короба в короб орехи пересыпал?» Мальчик просится: «Пусти меня, матушка! Я их потешу»: а она не пускает. Брат услышал, что она не позволяет, и говорит: «Пооди, пооди, сиротиночка! Пересыпь орешки». Мальчик взял орехи и стал сказывать: «Два ореха в короб, два из короба... Жил-был брат с сестрой; у брата была злая жена, сгубила сестру наговорами. Два ореха в короб, два из короба... Отвез брат сестру в дремучий лес; натерпелась она и голоду и холоду, обносилась вся. Два ореха в короб, два из короба... Приехал с охотой в дремучий лес королевский сын; увидал мою матушку, влюбился в нее. Два ореха в короб, два из короба... Взял ее за себя, родила она меня –

по локоть руки в золоте, по колена ноги в серебре, во лбу месяц, супротив ретива сердца красное солнышко. Два ореха в короб, два из короба...» И так-то, пересыпая орехи из короба в короб, рассказал все, что с ними было, а после и говорит: «Здравствуйте, родимый батюшка и богоданный дядюшка!» Дядя взял свою жену и по общему суду казнил ее, а потом все вместе поехали к старому королю. Король со королевою сильно возрадовались, увидя свою невестку со внуком; и стали королевич с королевною жить-поживать да добра наживать.

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО И ПТИЦА-ГОВОРУНЬЯ

Жил царь очень любопытен, все под окнами слушал; а было у купца три дочери, и говорят как-то эти дочери отцу; одна говорит: «Если б меня взял царский хлебоदार!» А другая говорит: «Если б меня царский слуга взял за себя замуж!» А третья говорит: «А я желала бы за самого царя выйти; я бы принесла ему два сына и одну дочку!» Царь весь этот разговор слышал; спустя несколько времени царь сделал точно так, как они желали: старшая дочь вышла за хлебодара,[209] средняя дочь вышла за слугу царского, а меньшая за самого царя. Царь хорошо жил со своею супругой, и стала она беременна; потом стала родить. Вот царь посылает за городской бабкой; а сестры царской жене и говорят: «Для чего посылать? Мы и сами можем быть у тебя бабками». Как родила царица сына, то эти бабки взяли да и сказали царю, что ваша супруга родила щенка, а младенца новорожденного положили в коробочку и пустили в царском саду в пруд. Царь разгневался на свою супругу, хотел было

ее в пушки расстрелять; да отговорили приезжие короли – на первый-де раз надобно простить. Ну, царь и простил; до другого разу оставил.

Через год стала царица другим ребенком беременна и родила сына; сестры опять сказали царю, что ваша супруга родила котенка. Царь еще больше того рассердился и хотел было свою супругу совсем казнить, да опять упростили-уговорили его. Он одумался и оставил ее до третьего разу. А сестры и другого младенца положили в коробочку и пустили в пруд. Вот еще царица стала беременна третьим и родила прекрасную дочь; сестры опять доложили царю, что ваша супруга родила неведомо что. Царь больше того рассердился, поставил виселицу и хотел было свою жену повесить; да приезжие из других земель короли сказали ему: «Лучше возьми да поставь около церкви часовню и посади ее туда: кто будет идти к обедне, всякий будет ей в глаза плевать!» Царь так и сделал; а ей не только что плевать в глаза, всякий несет кто калачей, кто пирогов. А которых царица родила детей, а бабки в пруд попускали, царь

ский садовник взял их к себе и стал воспитывать.

Эти царские дети росли не по годам, а по месяцам, не по дням, а по часам; царевичи выросли такие молодцы, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать; а царевна такая красавица – просто ужась! И вошли они в пору и стали просить садовника, чтобы позволил им поставить дом за городом. Садовник позволил; они поставили большой отличный дом и начали хорошо жить. Братья любили ходить за зайцами; раз они пошли на охоту, а сестра одна осталась дома. И приходит к ней в дом старая старушка и говорит этой девушке: «Хорошо у вас в доме и красиво; только нет у вас трех вещей». Царевна спрашивает у старушки: «Чего же нет у нас? Кажется, у нас все есть!» Старушка говорит: «Вот чего у вас нет: птицы-говоруньи, дерева певучего и живой воды». Вот приезжают братья с охоты, сестра их встречает и говорит: «Братцы! Все у нас есть, только трех вещей нету!» Братья спрашивают: «Чего же у нас, сестрица, нету?» Она говорит: «Нет у нас птицы-говоруньи, дерева певучего и живой воды». Старший

брат и просит: «Сестрица, благослови меня, я пойду доставать эти диковины. А если я помру или меня убьют, так вы меня вот по чему узнавайте: поторкну я в стену ножичек; если с ножичка капнет кровь – это будет знак, что я помер».

Вот он и пошел; шел-шел и пришел в лес. Сидит на дереве старый старичок; он его и спрашивает: «Как бы мне достать птицу-говорунию, дерево певучее и живой воды?» Старик дал ему каточек: «Куда этот каточек покажется, туда и ступай за ним!» Каточек покатился, а царевич за ним; прикатился каточек к высокой горе и пропал; царевич пошел в гору, дошел до половины горы, да вдруг и пропал. В доме его тотчас же капнула с ножичка кровь; сестра и говорит среднему брату, что помер наш большой брат: вот капнула с его ножичка кровь! Отвечает ей средний брат: «Теперь я пойду, сестрица, доставать птицу-говорунию, дерево певучее и живой воды». Она его благословила; он и пошел; шел-шел, много ли, мало ли верст, и пришел в лес. Сидит на дереве старый старичок; царевич его и спрашивает: «Что, дедушка, как бы мне до-

стать птицу-говорунию, дерево певучее и живой воды?» Старичок говорит: «На вот тебе каточек[210] – куда он покатится, туда и ступай». Старик бросил – каточек покотился, а царевич за ним пошел; прикатился каточек к крутой высокой горе и скрылся; полез он в гору, дошел до половины, да вдруг и пропал.

Вот сестра дожидалась его много, много годов, а его все нет! – и говорит: «Должно быть, и другой мой братец помер!» Пошла сама доставать птицу-говорунию, дерево певучее и живой воды; шла она много ли, мало ли времени и пришла в лес. Сидит на дереве старый старичок; спрашивает его: «Дедушка! Как бы мне достать птицу-говорунию, дерево певучее и живой воды?» Отвечает старичок: «Где тебе достать! Здесь похитрее тебя ходили, да все пропали». Девушка просит: «Скажи, пожалуйста!» И говорит ей старичок: «На вот тебе каточек, ступай за ним!» Каточек покотился, девушка за ним пошла. Долго ли, коротко ли – прикатился этот каточек к крутой высокой горе; девушка полезла в гору, и зачали на нее кричать: «Куда ты идешь? Мы тебя убьем! Мы тебя съедим!» Она знай себе идет да идет; взо-

шла на гору, а там сидит птица-говорунья.

Девушка взяла эту птицу и спрашивает у ней: «Скажи мне, где достать дерево певучее и живой воды?» Птица говорит: «Вот туда ступай!» Пришла она к певучему дереву, на том дереве разные птицы поют; отломилась от него ветка и пустилась дальше; пришла к живой воде, почерпнула кувшинчик и понесла домой. Стала под гору спускаться, взяла да и прыснула живою водой: вдруг вскочили ее братья и говорят: «Ах, сестрица, как мы долго спали!» – «Да, братцы, если б не я, вы бы век здесь спали!» И говорит им сестра: «Вот, братцы, достала я птицу-говоруню, дерево певучее и живой воды». Братья возрадовались. Пришли они домой и посадили певучее дерево в своем саду; оно во весь сад распустилось, и поют на нем птицы разными голосами.

Раз как-то поехали братья на охоту и попадает им навстречу царь. Полюбились царю эти охотники, стал их просить к себе в гости. Они и говорят: «Мы попросим у сестрицы позволения; если она позволит, то непременно будем!» Вот приезжают они с охоты, сестра их встречает, рада за ними ухаживать; говорят

ей братья: «Позволь нам, сестрица, к царю в гости сходить; он нас честью просил». Царевна им позволила; они и поехали в гости. Приехали; царь их отлично принял и на славу угостил; стали они царю докладывать и просить, чтобы и он навел их. Вот спустя некое время приезжает к ним царь, они его так же хорошо приняли-угостили и показали ему дерево певучее и птицу-говорунью. Царь удивился и говорит: «Я царь, да у меня этого нет!» Тут сестра и братья говорят царю: «Мы-де ваши дети!» Царь узнал про все, обрадовался, и остался у них навсегда жить, и супругу свою из часовни взял; и жили они все вместе много лет во всяком счастье.

* * *

В одном городе жил купец, у которого было три дочери. Через некоторое время он помер. Однажды девицы сидели под окошком и разговаривали; старшая говорила: «Я бы желала хоть за хлебопекком царя быть!» Средняя: «А я бы за поваром!» Малая: «А я бы желала быть за самым царем и родила бы ему двух сыно-вей – по локоть руки в золоте, по колен ноги в серебре, в затылке светел месяц, а во лбу

красно солнышко, да одну дочь, которая как улыбнется – посыплются розовые цветы, а как заплачет – то дорогой жемчуг!» Царь гулял в это время по полю, ехал мимо их дома и подслушал этот разговор; на другой день послал он за купеческими дочерьми и спросил: что они говорили вчерашнего дня? Ну, они сознались; царь старшую дочь выдал за своего хлебопека, среднюю за повара, а младшую взял за себя.

Через некоторое время царица обременена, и пришла пора ей родить. Царь начал заботиться, хотел посылать разыскивать хороших повивальных бабок; но сестры, досадуя на младшую свою сестру, просили царя чтобы он позволил им заступить место бабушек. Царь уважил их; сестры пришли во дворец, и когда царица родила сына – точно такого, как говорила до замужества, они взяли его, положили в крепкий ящик и пустили по реке, а вместо его подложили щененка. Царь увидал, что жена его вместо сына родила щенка, собрал всех своих министров и хотел ее казнить; но министры посоветовали первую вину простить, и царь на то согласился. Через

некоторое время царица опять обеременила; царь хотел было посылать за хорошими бабушками, но сестры царицыны стали его просить, чтобы дозволил им заступить место бабушек. И когда царица родила такого же сына, то сестры положили его в ящик и пустили по реке, а вместо сына подложили котенка. Царь увидал, что жена его родила котенка, собрал министров и хотел ее казнить; но министры уговорили его простить и вторую вину.

Через несколько времени царица опять обеременила. Когда пришло время ей родить, то царь хотел было посылать за хорошими бабушками; но сестры царицыны опять его упросили, что они сами всё могут исправить за бабушек. Царь на это согласился, и когда царица родила такую точно дочь, какую обещалась до замужества, то сестры взяли девочку, положили в ящик и пустили по реке, а вместо нее подложили кусок дерева. Царь увидал, что царица вместо дочери родила кусок дерева, собрал своих министров и хотел ее казнить, но министры упросили его, чтобы не казнил ее, а заклал бы в каменный столб. Детей же царских, пущенных по реке, всех тро-

их перенял один генерал, воспитал их как можно лучше, а после помер, и остались они сиротками.

Однажды братья отправились на охоту, а в то время пришла в дом к сестре их старушка, царевна приняла ее хорошо. Посидевши тут, пошли они в сад. «Что, бабушка, нравится ли тебе мой сад, и всего ли в нем довольно?» – «Всего довольно, – отвечала старушка, – только трех вещей нету: живой воды, мертвой воды и говорящей птицы». От тех слов царевна сделалась грустна и печальна. Приехали ее братья, спросили, что она так печальна? Она сказала им все, что слышала от старушки. «Хорошо, – отвечал старший брат, – я поеду искать эту птицу». Дает ей ножичек и говорит: «Если на ножичке кровь покажется, то меня в живых не будет!»

Ехал он долгое-долгое время; приехал к какой-то горе, а подле нее стоит огромный дуб, под тем дубом старик сидит, у того старика волоса, брови, борода заросли уже в землю. «Здорово, старичок!» – «Добро пожаловать», – отвечал он. «А что, можно ли достать живой и мертвой воды и говорящую птицу?» – «Мож-

но, да не легко; ходят-то много, да возвращаются мало». Простившись с старичком, отправился он на гору; взошел на нее и услышал позади себя крик: «Держи, лови руби его!» – и только оглянулся – вмиг окаменел. Сестра его посмотрела на ножичек и узнала, что старшего брата в живых нет.

Малый брат также захотел сходить за этими чудными вещами или хоть найти брата; он дал сестре вилочку: «Если на вилочке кровь покажется, меня в живых не будет», и отправился в путь. Добрался до высокой горы, увидел старика, поговорил с ним и пошел на гору; там услышал тот же крик, оглянулся – и окаменел. Сестра взглянула на вилочку, узнала, что и меньшего ее брата нет в живых; заперла свой дом и отправилась сама отыскивать живую и мертвую воду и говорящую птицу.

Приходит она к той же самой горе, увидела старика, поздоровалась с ним и подрезала ему волосы и брови, так как с ней были и ножницы и зеркало. «Посмотришь, – сказала она старику, – как ты похорошел!» Он посмотрелся в зеркало: «И в самом деле, – говорит, –

я хорош стал! Сидел я здесь целые тридцать лет, никто меня не подстригал; только ты догадалась. Куда ты, красавица, идешь?» Она ему рассказала все, зачем и куда идет. «Ступай же ты, красавица, – сказал старик, – на эту гору; там ты услышишь крик: „лови, держи, руби ее!“ – но не оглядывайся, а то сейчас окаменеешь. Как взберешься на гору, увидишь там колодезь и говорящую птицу; возьми эту птицу, почерпни из колодезя живой воды – и назад. Как пойдешь назад, увидишь на горе стоячие камни: ты их все живой водой обрызгай».

Девушка поблагодарила за наставление и пошла на гору; идет и слышит страшные крики, но она не оглядывается. Добралась до сказанного колодезя благополучно, почерпнула живой и мертвой воды, взяла говорящую птицу и пошла назад. На возвратном пути все стоячие камни обрызгала; из тех камней поделались люди. Дальше она нашла еще два такие же камня, побрызгала живой водой – из них сделались ее братья. «Ах, милая сестрица! Как ты сюда и зачем зашла?» Она им сказала, что за живой и мертвой водой и говорящей

птицей, а больше того хотела их, милых братьев, отыскать. Воротились они домой и жили благополучно.

Царь узнал, что в таком-то месте есть девица, которая когда рассмеется – то будут розовые цветы, а когда заплачет – то жемчуг, и захотел на ней жениться. Однажды он приехал к ним в гости; его приняли с должною честью. Погулявши везде, вошел он в сад и увидел там говорящую птицу; а птица ему сказала, чтобы он ту девицу, которую хотел взять за себя замуж, не брал. «Почему ж не брать?» – спросил царь. «А потому, – отвечала птица, – что она твоя родная дочь». – «Да каким же побытом[211] она моя дочь?» Говорящая птица рассказала ему все, что было. А царь рассказал все детям; после отправился вместе с ними во дворец и приказал разломать тот столб, где его жена была закладена. Вот царицу освободили, а сестер ее расстреляли. После того царь и царица с царевичами и царевною жили долго и счастливо.

СВИНОЙ ЧЕХОЛ

У великого князя была жена-красавица, и любил он ее без памяти. Умерла княгиня, осталась у него единая дочь, как две капли воды на мать похожа. Говорит великий князь: «Дочь моя милая! Женюсь я на тебе». Она пошла на кладбище, на могилу матери, и стали умильно плакать. Мать и говорит ей: «Вели купить себе платье – чтоб кругом были часты звезды». Отец купил ей этакое платье и пуще прежнего в нее влюбился. Пошла дочь в другой раз к матери. Мать говорит: «Вели купить себе платье – на спине бы светел месяц был, на груди красно солнышко». Отец купил и еще больше влюбился. Опять пошла дочь на кладбище и стала умильно плакать: «Матушка! Отец еще пуще в меня влюбился». – «Ну, дитяtko, – сказала мать, – теперь вели себе сделать свиной чехол». Отец и то приказал сделать; как только приготовили свиной чехол, дочь и надела его на себя. Отец плюнул на нее и прогнал из дому, не дал ей ни служанок, ни хлеба на дорогу. Она перекрестила себе глаза и вышла за ворота. «Пойду, – гово-

рит, – на божью волю!» Идет день, идет другой, идет третий – и зашла в чужую землю.

Вдруг надвинулись тучи, началась гроза. Где от дождя укрыться? Увидала княжна огромный дуб – влезла на него и села в густых ветвях. Тем временем ехал на охоту царевич; стал проезжать мимо этого дуба, собаки его бросились – так и рвут и лают на дуб. Любопытно стало царевичу, отчего так собаки на дуб лают? Послал своего слугу посмотреть; слуга возвратился и сказал: «Ах, ваше высочество! На дубу сидит зверь – не зверь, а чудо чудное, диво дивное!» Царевич подошел к дубу и спросил: «Что ты за чудо? Говоришь ты али нет?» Княжна отвечала: «Я Свиной Чехол!» Не поехал царевич на охоту, а посадил Свиной Чехол к себе на повозку и говорит: «Повезу-ка я к отцу, к матери чудо чудное, диво дивное!» Отец и мать подивовались и отправили ее в особую комнату.

Немного спустя собрался у царя бал; все придворные пошли веселиться. Свиной Чехол и спрашивает у царской прислуги: «Могу ли я у дверей постоять да на бал посмотреть?» – «Куда тебе, Свиной Чехол!» Она вы-

шла в чистое поле, нарядилась в блестящее платье – кругом часты звезды! Свистнула-гаркнула – и подали ей карету; села, поехала на бал. Приехала и пошла танцевать. Все удивились: откуда взялась такая красавица? Потанцевала-потанцевала и скрылась; опять надела свиной чехол и прибежала в свою комнату. Царевич пришел к ней и спрашивает: «Не ты ли, Свиной Чехол, там была этакой красавицей?» Она отвечает: «Куды я гожусь с своим чехлом? Я только у дверей постояла».

В другой раз собрались к царю на бал. Свиной Чехол просит позволения прийти посмотреть. «Куда тебе!» Она вышла в чистое поле, свистнула-гаркнула не соловейским по-свистом, а своим девичьим голосом – явилась карета; скинула свой свиной чехол, надела платье: на спине светел месяц, на груди красно солнышко! Приехала на бал и пошла танцевать. Все на нее прилежно глядят. Потанцевала и опять скрылась. «Что нам делать теперь? – говорит царевич. – Как узнать, кто такова эта красавица?» Придумал: взял да и засмолил первую ступеньку смолою, чтоб ее башмак пристал.

На третий бал княжна еще лучше показала-
лась, да как стала выходить из дворца – баш-
мачок ее и прилип к смоле. Царевич взял этот
башмачок и пошел искать по всему царству,
кому башмачок впору? Всю свою землю изъ-
ездил – никому по ноге не приходится. Прие-
хал домой, пошел к Свиному Чехлу и говорит:
«Покажи свои ноги». Она показала; приме-
рил – как раз впору. Царевич разрезал свиной
чехол и снял с княжны; потом взял ее за бе-
лую руку, повел к отцу, к матери и просит
позволения жениться на ней. Царь с царицею
благословили. Вот и обвенчали их; стал царе-
вич у своей жены спрашивать: «Отчего на те-
бе был свиной чехол надет?» – «Оттого, – гово-
рит, – что была я похожа на покойную мою
мать и отец хотел на мне жениться».

ЗОЛОТОЙ БАШМАЧОК

Жил-был старик со старухой. У старика, у старухи было две дочери. Старик однажды поехал на посад[212] и купил там одной сестре рыбку и другой тоже рыбку. Старшая скушала свою рыбку, а младшая пошла на колодец и говорит: «Матушка рыбка! Скушать ли тебя или нет?» – «Не кушай меня, – говорит рыбка, – а пусти в воду; я тебе пригожусь». Она спустила рыбку в колодец и пошла домой. Старуха очень не любила своей младшей дочери. Она нарядила сестру ее в самое лучшее лопотьё[213] и пошла с ней в церковь к обедне, а младшей оставила две меры ржи и велела ей вышестать[214] до прихода из церкви.

Девушка пошла за водой, сидит у колодца и плачет; рыбка выплыла наверх и спрашивает ее: «Об чем ты, красная девица, плачешь?» – «Как же не плакать мне? – отвечает ей красная девица. – Мати нарядила сестру мою в самое лучшее лопотьё, ушла с ней к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить две меры ржи до прихода своего из церкви!» Рыбка говорит: «Не плачь, ступай

наряжайся да поезжай в церковь; будет рожь вычищена!» Она нарядилась, приехала к обедне. Мати не могла ее опознать. Обедня зачала отходить, девушка уезжает домой; мати тоже приходит домой и спрашивает: «Что ты, дура, вычистила ли рожь?» – «Вычистила», – отвечает она. «Что у обедни была за красавица! – говорит мати. – Поп не поет, не читает – все на ей глядит; а ты, дура, взгляни-ка на себя, в чем в эком ходишь!» – «Хоть не была, да знаю!» – говорит девица. «Где тебе знать?» – сказала ей мати.

На другой раз мати нарядила старшую дочь свою в самое лучшее лопотьё, пошла с ей к обедне, а младшей оставила три меры жита и говорит: «Покамест я молюсь богу, ты вышестай жито». Вот она и пошла к обедне, а дочь пошла по воду на колодец; сидит у колодца и плачет. Рыбка выплыла наверх и спрашивает: «О чем, красна девица, плачешь?» – «Как же не плакать, – отвечает ей красна девица, – мати нарядила сестру мою в самое лучшее лопотьё, пошла с ей к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить три меры жита до прихода своего из церкви».

Рыбка говорит: «Не плачь, ступай наряжайся да поезжай за ей в церковь; жито вычистится!»

Она нарядилась, приехала в церковь, стала богу молиться. Поп не поет, не читает – все на ей глядит! Обедня зачала отходить. Был в то время у обедни той стороны царевич; красна девица наша больно ему поглянулась; он захотел узнать: чья этакая? Взял да и бросил ей под башмак смолы. Башмак остался, а она уехала домой. «Чей башмак, – говорит царевич, – ту замуж возьму!» Башмак-от был весь вышит золотом. Вот и старуха пришла домой. «Что там была за красавица! – говорит она. – Поп не поет, не читает – все на ей смотрит; а ты, дура, посмотри-ка на себя: что эка за оборванка!»

А в те поры царевич по всем волостям искал девицы, что потеряла башмак; никак он не мог найти, чтоб башмачок был впору. Он пришел к старухе и говорит: «Покажи-ка ты свою девку, ладен ли будет башмак ей?» – «Дочь моя замарает башмак», – отвечает старуха. Пришла красна девица; царевич примерил ей башмак – башмак ей ладен. Он взял ее

замуж; стали они жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил, по губам текло, в рот не попало. Дали мне синь кафтан, ворона летит да кричит: «Синь кафтан! Синь кафтан!» Я думаю: «Скинь кафтан!» – взял да и скинул. Дали мне колпак, стали в шею толкать. Дали мне красные башмачки, ворона летит да кричит: «Красные башмачки! Красные башмачки!» Я думаю: «Украл башмачки!» – взял да и бросил.

ЧЕРНУШКА

Жил-был барин; у него была жена добрая, а дочь красавица – звали ее Машею. Только жена-то померла, а он на другой женился – на вдове; у той своих было две дочери, да такие злые, недобрые! Всячески они угнетали бедную Машу, заставляли ее на себя работать, а когда работы не было – заставляли ее сидеть у печки да выгребать золу; оттого Маша всегда и грязна и черна, и прозвали они ее девкой Чернушкой. Вот как-то заговорили люди, что ихний князь жениться хочет, что будет у него большой праздник и что на том празднике выберет он себе невесту. Так и было. Со-

звал князь всех в гости; стали собираться и мачеха с дочерьми, а Машу не хочет брать; сколько та ни просилась – нет да нет! Вот уехала мачеха с дочерьми на княжий праздник, а падчерице оставила целую меру ячменя, муки и сажу: все вместе перемешано, – и приказала до ее приезда разобрать все по зернышку, по крупинке.

Маша вышла на крыльцо и горько заплакала; прилетели два голубка, разобрали ей ячень, и муку, и сажу, потом сели ей на плеча – и вдруг очутилось на девушке прекрасное новое платье. «Ступай, – говорят голубки, – на праздник, только не оставайся там долее полуночи». Только вошла Маша во дворец, так все на нее и загляделись; самому князю она больше всех понравилась, а мачеха и сестры ее совсем не узнали. Погуляла, повеселилась с другими девушками; видит, что скоро и полночь; вспомнила, что ей голубки наказывали, и убежала поскорей домой. Князь за нею; хотел было допытаться, кто она такая, а ее и след простыл!

На другой день опять у князя праздник; мачехины дочери о нарядах хлопочут да на

Машу то и дело кричат да ругаются: «Эй, девка Чернушка! Переодень нас, платье вычисти, обед приготовь!» Маша все сделала, вечером повеселилась на празднике и ушла домой до полуночи; князь за нею – нет, не догнал. На третий день у него опять пир горою; вечером голубки обули-одели Машу лучше прежнего. Пошла она во дворец, загулялась, завеселилась и забыла про время – вдруг ударила полночь; Маша бросилась скорей домой бежать, а князь загодя приказал всю лестницу улить смолою и дегтем. Один башмачок ее прилип к смоле и остался на лестнице; князь взял его и на другой же день велел разыскать, кому башмачок впору.

Весь город обошли – никому башмачок по ноге не приходится; наконец пришли к мачехе. Взяла она башмачок и стала примерять старшей дочери – нет, не лезет, велика нога! «Отрежь большой палец! – говорит мать дочери. – Как будешь княгинею – не надо и пешком ходить!» Дочь отрезала палец и надела башмачок; княжие посланные хотят во дворец ее везти, а голубки прилетели и стали ворковать: «Кровь на ноге! Кровь на ноге!»

Посланные глянули – у девицы из башмачка кровь течет. «Нет, – говорят, – не годится!» Мачеха пошла примеривать башмачок средней дочери, и с этой то же самое было.

Посланные увидели Машу, приказали ей примерить; она надела башмачок – и в ту же минуту очутилось на ней прекрасное блестящее платье. Мачехины дочери только ахнули! Вот привезли Машу в княжие терема, и на другой день была свадьба. Когда пошла она с князем к венцу, то прилетели два голубка и сели к ней один на одно плечо, другой на другое; а как воротились из церкви, голубки вспорхнули, кинулись на мачехиных дочерей и выклевали у них по глазу. Свадьба была веселая, и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало.

ЦАРЕВНА В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

Жив сабе царь да царица, у их був сын и дачка. Яны приказали сыну, штоб йон, як яны умруть, жанився на сястре.

Ти[215] багата, ти мала паживши, во упасля таго, як приказали сыну свайму жаницца на сястре, царь и царица памерли. Во брат и кажа сястре, штоб гатавалась[216] к вянцу, а сам пашов да папа прасить, штоб их павянчав. Сястра зачала адевацца к вянцу и зрабила три куклы, поставила их на вокнах, стала пасерёд хаты да и кажа: «Кукалки, куку!» Первая кажа: «Чаго?» Другая кажа: «Брат сястру бяре». Третья гаворя: «Земля раступися, сястра правалися!» и в другой и в третий раз так жа. Приходя брат и спрашивая у сястры: «Чи савсем аделась?» Сястра кажа: «Ни,[217] не савсем», ион и пашов у свай палаты дажидацца, пакуля сястра аденецца. Сястра знов кажа: «Кукалки, куку!» Первая кажа: «Чаго?» Другая гаворя: «Брат сястру бяре!» Третья кажа: «Земля раступися, сястра правалися!» Яна правалилась и пашла на тей свет. Брат, пришовши, не нашов сястры и застався[218] так.

Правалившись на тей свет, царевна иде да иде – аж стаить дуб. Яна пришла к таму дубу, разделась. Дуб раступився; яна палажила у дупло сваю адежу и, зрабившись старухаю, пашла. Иде да иде – аж стаять палаты царские; яна, пришовши туда, начала прасицца, штоб яе наняли. Во яе и наняли печи тапить. У таго царя, у якого у палатах служила царевна, был сын халастый. Пришла няделя.[219] Царский сын сабирався да церкви и вялев царевне-старухе падать гребенец.[220] Яна нескоро падала; ион рассярдився и ударив яе па щаце.[221] Во упасля таго убрався и паехав да церкви. Царевна-старуха пашла к дубу, где захавала адежу; дуб раступився. Яна аделась, грабилась царевнаю-красавицаю и пашла в церкавь. Царевич, увидавши яе в церкви, спрасив у лакея: аткудава яна? А лакей знав яе, што ета – тая старуха, якая у их у палатах печи топя, и што царевич ударив яе гребенцом; во лакей и кажа: «Яна из города Бита-Гребешкова». Царевич приехав дамов, шукав-шукав[222] таго горада в сваём царстве и не найшов.

Случилась якся,[223] што царевич рассяр-

дився и ударив царевну-старуху сапагом и во упасля таго паехав у церкавь. Таматка была и яна, перядевшись у платье, што палажила у дуб. Во царевич, павидавши знова незнакомаю красавицу, спрашивая у лакея: аткудава яна? Лакей кажа: «Из Бита-Сапагова». Царевич шукав-шукав таго горада в сваём царстве и не найшов. Во начав думать да гадать, як бы сюю незнакомаю красавицу спазнать, бо[224] палюбив яе и хатев на ей жаницца. А дале выдумав и приказав на тоя места, где яна становицца у церкви, налить смалы, так штоб ей было невдамёт.

В няделю царевна пришла у церкавь, перядевшись, и стала на сваём месте. Кончилась служба, и як толька яна саступила з места, штоб ийти дамов, бушмак[225] улип у смалу и застався на месте. Яна и пашла дамов у адном бушмаку. Царевич вялев узять тей бушмак, привёз дамов, став примерять всем девушкам, якие были у его царстве. Никаму не пришовся тей бушмак па наге, акрамя старухи, што тапила печи. Во царевич став яе дапрашувать; яна призналась, хто яна и откуда. И он и ажанився на ей. Я на свадьбе быв, мед-

вино пив, в роте не было, а па бараде патякло.

НЕЗНАЙКО

Начинается сказка от сивки, от бурки, от вешней каурки. На море на океане, на острове на Буяне стоит бык печеный, в задю чеснок толченый; с одного боку-то режь, а с другого макай да ешь. Жил-был купец, у него был сын; вот как начал сын подрастать да в лавках торговать – у того купца померла первая жена, и женился он на другой. Прошло несколько месяцев, стал купец собираться в чужие земли ехать, нагрузил корабли товарами и приказывает сыну хорошенько смотреть за домом и торговлю вести как следует. Просит купеческий сын: «Батюшка! Пока не уехал, поищи мое счастье». – «Сын мой любезный! – отвечает старик. – Где же я его найду?» – «Мое счастье недолго искать! Как встанешь завтра поутру, выдь за ворота и первую встречу, какая тебе попадется, купи и отдай мне». – «Хорошо, сынок!»

На другой день встал отец ранешенько; вышел за ворота, и попалась ему первая встреча – тащит мужик паршивого, ледащего

жеребенка собакам на съедение. Купец ну его торговать и сторговал за рубль серебром, привел жеребенка на двор и поставил в конюшню. Спрашивает купеческий сын: «Что, батюшка, нашел мое счастье?» – «Найти-то нашел, да уж больно плохое!» – «Стало быть, так надо! Каким счастьем господь наделил, тем и владать буду».

Отец отправился с товарами в иные земли, а сын стал в лавке сидеть да торгом заниматься, и была у него такая привычка: идет ли в лавку, домой ли ворочается – завсегда наперед зайдет к своему жеребенку. Вот невзлюбила мачеха своего пасынка, принялась искать ворожей, как бы его извести; нашла старую ведьму, которая дала ей зелья и наказала положить под порог в то самое время, как пасынку надо будет домой прийти. Ворочаясь из лавки, купеческий сын зашел в конюшню и видит – его жеребенок стоит во слезах по щиколки; ударил он его по бедру и спрашивает: «Что, мой добрый конь, плачешь, а мне ничего не скажешь?» Отвечает жеребенок: «Ах, Иван купеческий сын, мой любезный хозяин! Как мне не плакать? Маче-

ха хочет извести тебя. Есть у тебя собака; как подойдешь к дому, пусти ее наперед себя – увидишь, что будет!» Купеческий сын послушался; только собака через порог переступила, тут ее и разорвало на мелкие части.

Иван купеческий сын и виду не подал мачехе, что ведает ее злобу; на другой день отправляется он в лавку, а мачеха к ворожее. Старуха приготовила ей другого зелья и велела положить в пойло. Вечером, идучи домой, зашел купеческий сын в конюшню – опять жеребенок стоит по щиколки во слезах; ударил его по бедру и спрашивает: «Что, мой добрый конь, плачешь, а мне ничего не скажешь?» – «Как мне не плакать, как не тужить? Слышу я великую невзгоду, хочет мачеха тебя совсем извести. Смотри, как придешь в горницу да сядешь за стол, мачеха поднесет тебе пойло в стакане – ты его не пей, а за окно вылей; сам тогда увидишь, что за окном поделается». Иван купеческий сын то и сделал: только вылил за окно пойло, как начало землю рвать! Он и тут не сказал мачехе ни слова.

На третий день отправляется он в лавку, а

мачеха опять к ворожее; старуха дала ей волшебную рубашку. Вечером, идучи из лавки, заходит купеческий сын к жеребенку и видит – стоит его добрый конь по щиколки во слезах; ударил его по бедру и сказал: «Что ты, мой добрый конь, плачешь, а мне ничего не скажешь?» – «Как мне не плакать? Хочет тебя мачеха совсем извести. Слушай же, что я скажу: как придешь домой, пошлет тебя мачеха в баню и рубашку пришлет тебе с мальчиком; ты рубашку на себя не надевай, а надень на мальчика: что тогда будет – сам увидишь!» Вот приходит купеческий сын в горницу, вышла мачеха и говорит ему: «Не хочешь ли попариться? У нас баня готова». – «Хорошо», – говорит Иван и пошел в баню; немного погодя приносит мальчик рубашку. Как скоро купеческий сын надел ее на мальчика, тот в ту же минуту закрыл глаза и пал на помост совсем мертвый; а как снял с него эту рубашку да кинул в печь – мальчик ожил, а печь на мелкие части распалась.

Видит мачеха – ничто не берет, бросилась опять к старой ворожее, просит и молит ее, как бы извести пасынка. Отвечает старуха:

«Пока конь его жив будет, ничего нельзя сделать! А ты притворись больной, да как придет твой муж, скажи ему: видела-де я во сне, что надо зарезать нашего жеребенка, достать из него желчь и тою желчью вымазаться – тогда и хворь пройдет!» Пришло время купцу возвращаться, сын собрался и пошел навстречу. «Здравствуй, сынок! – говорит отец. – Все ли у нас дома здорово?» – «Все благополучно, только матушка больна». Выгрузил купец товары, приходит домой – жена лежит на постели, охает. «Тогда, – говорит, – поправлюсь, когда мой сон исполнишь». Купец тотчас согласился, призывает своего сына: «Ну, сынок, я хочу зарезать твоего коня; мать больна, надо ее вылечить». Иван купеческий сын горько заплакал: «Ах, батюшка! Ты хочешь отнять у меня последнее счастье». Сказал и пошел в конюшню.

Жеребенок увидел его и стал говорить: «Любезный мой хозяин! Я тебя отводил от трех смертей; избавь ты меня хоть от единыя, попроси у своего отца – в последний раз на мне проехаться, погулять в чистом поле с добрыми товарищами». Просится сын у отца по-

гулять в последний раз на своем коне; отец позволил, Иван купеческий сын сел на коня, поскакал в чистое поле, позабавился с своими друзьями-товарищами; а после написал к отцу такую записку: «Лечи-де мачеху нагайкою о двенадцати хвостах; кроме этого снадобья, ничем ее не вылечишь!» Послал эту записку с одним из добрых товарищей, а сам поехал в чужедальние стороны. Купец прочитал письмо и принялся лечить свою жену нагайкою о двенадцати хвостах; скоро баба выздоровела.

Едет купеческий сын по полю чистому, раздолью широкому, видит – гуляет рогатый скот. Говорит ему добрый конь: «Иван купеческий сын! Пусти меня погулять на воле; выдерни из моего хвоста три волоска; когда я тебе понадобится – только зажги один волосок, я тотчас явлюсь перед тобой, как лист перед травой! А ты, добрый молодец, ступай к пастухам, купи одного быка и зарежь его; нарядись в бычью шкуру, на голову пузырь надень и, где ни будешь, о чем бы тебя ни спрашивали, на все один ответ держи: не знаю!» Иван купеческий сын отпустил коня на волю,

нарядился в бычью шкуру, на голову пузырь надел и пошел на взморье. По синю морю корабль бежит; увидали корабельщики этокое чудище – зверь не зверь, человек не человек, на голове пузырь, кругом шерстью обросло, подплывали к берегу на легкой лодочке, стали его выпрашивать – из ума выведывать. Иван купеческий сын один ответ ладит: «Не знаю!» – «Коли так, будь же ты Незнайкою!»

Взяли его корабельщики, привезли с собой на корабль и поплыли в свое королевство. Долго ли, коротко ли – приплыли они к стольному городу, пошли к королю с подарками и объявили ему про Незнайку. Король повелел поставить то чудище пред свои очи светлые. Привезли Незнайку во дворец, сбежалось народу видимо-невидимо на него глазеть. Стал король его выпрашивать: «Что ты за человек?» – «Не знаю». – «Из каких земель?» – «Не знаю». – «Чьего роду-племени?» – «Не знаю». Король плюнул и отправил Незнайку в сад: пусть-де наместо чучела птиц с яблонь пугает! – а кормить его наказал с своей королевской кухни.

У того короля было три дочери: старшие

хороши, меньшая еще лучше! В скором времени стал за меньшую королеву арапский королевич свататься, пишет к королю с такими угрозами: «Если не отдашь ее из доброй воли, то силой возьму». Королю это не по нраву пришло, отвечает арапскому королевичу: «Начинай-де войну; что велят судьбы божии!» Собрал королевич силу несметную и обложил все его государство. Незнаюшка сбросил с себя шкуру, снял пузырь, вышел на чистое поле, припалил волосок и крикнул громким голосом, богатырским посвистом. Откуда ни взялся его чудный конь – конь бежит, земля дрожит: «Гой еси, добрый молодец! Что так скоро меня требуешь?» – «На войну пора!» Сел Незнаюшка на своего коня доброго, а конь его спрашивает: «Как тебя высоко нести – вполдерева или поверх леса стоячего?» – «Неси поверх леса стоячего!» Конь поднялся от земли и полетел на вражье войско.

Наскакал Незнайко на неприятелей, у одного меч боевой выхватил, у другого шишак золотой сдернул да на себя надел, закрылся наличником[226] и стал побивать силу арап-

скую: куда ни повернет, так и летят головы – словно сено косит! Король и королевны с городской стены смотрят да дивуются: «Что за витязь такой! Отколь взялся? Уж не Егорий ли Храбрый[227] нам помогает?» А того и на мыслях нет, что это тот самый Незнайко, что ворон в саду пугает. Много войск побил Незнаюшка, да не столько побил, сколько конем потоптал; оставил в живых только самого арапского королевича да человек десять для свиты – на обратный путь. После того побоища великого подъехал он к городской стене и говорил: «Ваше королевское величество! Угодна ли вам моя послуга?» Король его благодарил, к себе в гости звал; да Незнайко не послушался: ускакал в чистое поле, отпустил своего доброго коня, вернулся домой, надел пузырь да шкуру и начал по-прежнему по саду ходить, ворон пугать.

Прошло ни много, ни мало времени, опять пишет к королю арапский королевич: «Коли не отдашь за меня меньшую дочь, то я все государство выжгу, а ее в полон возьму».

Королю это не показалось; написал в ответ, что ждет его с войском. Арапский королев-

вич собрал силу больше прежнего, обложил государство со всех сторон, трех могучих богатырей вперед выставил. Узнал про то Незнаюшка, сбросил с себя шкуру, снял пузырь, вызвал своего доброго коня и поскакал на побоище. Выехал супротив него один богатырь; съехались они, поздоровались, копьями ударились. Богатырь ударил Незнайку так сильно, что он едва-едва в одном стреме удержался; да потом оправился, налетел молодцом, снес с богатыря голову, ухватил ее за волосы и подбросил вверх: «Вот так-то всем головам летать!» Выехал другой богатырь, и с ним тоже случилось. Выехал третий; бился с ним Незнаюшка целый час: богатырь рассек ему руку до крови; а Незнайко снял с него голову и подбросил вверх; тут все войско арапское дрогнуло и побежало врозь. В те поры король с королевнами на городской стене стоял; увидала меньшая королевна, что у храброго витязя кровь из руки струится, снимала с своей шеи платочек и сама ему рану завязывала; а король звал его в гости. «Буду, – отвечал Незнайко, – только не теперь». Ускакал в чистое поле, отпустил коня, нарядился в шкуру,

на голову пузырь надел и стал по саду ходить, ворон пугать.

Ни много, ни мало прошло времени – про- сватал король двух старших дочерей за слав- ных царевичей и затеял большое веселье. По- шли гости в сад погулять, увидали Незнайку и спрашивают: «Это что за чудище?» Отвеча- ет король: «Это Незнайко, живет у меня вме- сто пугала – от яблонь птиц отгоняет». А меньшая королева глянула Незнайке на ру- ку, заприметила свой платочек, покраснела и слова не молвила. С той поры, с того времени начала она в сад почасту ходить, на Незнайку засматриваться, про пиры, про веселье и ду- мать забыла. «Где ты, дочка, все ходишь?» – спрашивает ее отец. «Ах, батюшка! Сколько лет я у вас жила, сколько раз по саду гуляла, а никогда не видала такой умильной пташки, какую теперь видела!» Потом стала она отца просить, чтоб благословил ее за Незнайку за- муж идти; сколько отец ее ни отговаривал, она все свое. «Если, – говорит, – за него не вы- дашь – так век в девках останусь, ни за кого не пойду!» Отец согласился и обвенчал их.

После того пишет к нему арапский короле-

вич в третий раз, просит выдать за него меньшую дочь. «А коли не так – все государство огнем сожгу, а ее силой возьму». Отвечает король: «Моя дочь уж обвенчана; если хочешь, приезжай – сам увидишь». Арапский королевич приехал: видя, что такое чудище да на такой прекрасной королевне обвенчано, задумал Незнайку убить и вызвал его на смертный бой. Незнайко сбросил с себя шкуру, снял с головы пузырь, вызвал своего доброго коня и выехал таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Съехались они в чистом поле, широком раздолье; бой недолго длился: Иван купеческий сын убил арапского королевича. Тут только король узнал, что Незнайко – не чудище, а сильномогучий и прекрасный богатырь, и сделал его своим наследником. Стал Иван купеческий сын с своей королевой жить-поживать да добра наживать и родного отца к себе взял; а мачеху казни предали.

* * *

В некотором селе, не далеко, не близко, не высоко, не низко – жил-был старик, имел у себя три сына: Гришка да Мишка, третий Ва-

нюшка. Ванюшка не хитёр, не мудёр, а куды смысловат! Работал не работал, все на печке лежал; отлежал бока и говорит братьям: «Эх вы, тетери! Отпирайте-ка двери; хочу идти туда – сам не знаю куда». И пристал он к отцу, к матери: «Выделите меня совсем, а что за выделом останется, в тот братнин живот[228] я вступаться не буду». Старик выделил, дал ему триста рублей. Ванюшка взял денежки, дому поклон, из села бегом, пришел в столицу и начал по городу бродить, по трактирам ходить, по кабакам гулять да пьяниц созывать. Спрашали его пьяницы: «Как тебя по имени зовут?» А он в ответ: «Право, братцы, не знаю! Когда поп крестил да имя нарекал – в те поры я был глуп и мал». С того самого и прозвали его Незнайкою.

Прогулял Незнайко все свои деньги с теми пьяницами и стал думать, как ему, горемыке, жить да как бы пущей беды не нажить. Пошел наниматься к прасолам.[229] «А что возьмешь?» – спрашивают прасолы. Незнайко подумал, что хлеб-то годом, а деньги переходом, и отвечал: «Не прошу с вас за работу деньгами, только кормите меня досыта да пойте до-

пьяна; мне на вас не просить, вам с меня не спрашивать!» Прасолы на то согласились – любо им, что работник безденежный; тотчас договором утвердили, судом закрепили. А Незнайко рад вину-хлебу даровому; начал жить – не тужить, порядком ежедён напиваться, без памяти валяться; чуть проспится – опять за вино, и много время так провождал, никогда не работал. Стали его наряжать, на работу посылать, а он в ответ: «Ну вас к богу! Чего пристали? Ведь у нас ряжено: кормить меня досыта, поить допьяна; мне на вас не просить, вам с меня не спрашивать!» Рады прасолы от него отстать: «Пропадай наши и хлеб и вино, только б по суду не сыскивал!»

Пошел Незнайко от них к царским садовникам, нанимается сады караулить; садовники живо его порядили и на том же договор учинили: за работу ничего не платить, а кормить его досыта и поить допьяна. Принялся Незнайко сады караулить, и днем и ночью гуляет, трезвый николи не бывает. Случилось по одну ночь – садовников дома не было, и удумал Незнайко яблони, винограды и прочие дрeвеса пересадить. А у царя было три до-

чери; две на спокойе были, а меньшая за цветами сидела, во всю ночь не сыпала и видела, как Незнайко сады пустошил, свою силу объявил: старые деревья с корня вырывал да за тын метал. Утром пришли садовники, закричали-заругались: «Что ты за дурак такой! Ни за чем усмотреть не сможешь! Говори, кто это сделал?» – «Не знаю!» Тотчас его нечестно брали, перед царя поставляли. Очутился Незнайко в царских палатах, крест клал пописаному, поклон вел по-ученому, приступил близко, поклонился низко, стал прямо, говорил смело: «Ваше величество! Твои сады не порядком были высажены; не беда, коли деревья повырваны, за тын побросаны! Позволь, я все поправлю, а меня со всякое дело станет!»

Царь позволил; по другую ночь взялся Незнайко сады ровнять, цветы-деревья рассаживать: которого дерева двадцать человек не поднимут, то он единой рукою подхватывает! К утру все сады готовы, по порядку высажены. Царь Незнайку к себе призывает, чару зелена вина ему наливает; а Незнайко правой рукой чару принимает, за единый дух выпи-

вает. После того вынул Незнайко три яблочка и подносит царевнам: старшей дает перезре- лое, средней спелое, а меньшей – зеленое. Царь смотрит да умом смекает, что царевны его на возрасте: старшей давно время быть за- мужем, и средней пора пришла, да и самой меньшей недолго ждать. В тот же день собрал он князей, и бояр, и думных советников; на- чали они думу думать, как тех царевен замуж отдать. Вот и придумали – напечатали имен- ные указы, разослали во все державы: та- кой-то-де царь хочет своих дочерей замуж вы- давать, дак на тот случай чтобы женихи со всего свету съезжались.

Вот и собрались на царский двор цареви- чи, королевичи и сильномогучие богатыри; задал им царь великий пир, все на пиру нае- дались, все на пиру напивались и сидели пья- ны и веселы. Царь приказал своим дочерям снарядиться в платья разноцветные, высту- пить из теремов и выбирать себе суженых по душе, по нраву. Царевны снарядились в пла- тья разноцветные, выступали на посмотре- ние, подошли к гостям близко, поклонились низко: собой они статны, умом сверстны,[230]

очи ясные, как у сокола, брови черные, как у соболя; наливали чаши зелена вина и пошли по ряду избирать себе супружников. Большая подавала чашу царевичу, середняя королеви-чу, а малая сестра носила, носила, на стол по-становила и говорит отцу: «Государь-батюш-ка! Здесь мне жениха нет». – «Ах, дочь моя милая! Этакие молодцы сидят, а тебе не по нраву!» После пира гости разъехались.

Во второй раз собрал царь княжеских, бо-ярских и богатых купеческих детей, приказал своей малой дочери снарядиться в цветное платье и идти – себе жениха выбирать. Снаря-дясь, она выступила, наливала чашу зелена вина, ходила-ходила, чашу на стол постано-вила, отдала отцу поклон и сказала: «Госу-дарь батюшка! Здесь нет по мне жениха». От-вечал на то отец: «Ах ты, дочь моя разборчи-вая! Из каких же людей тебе жениха надоб-но? Коли так, соберу теперь мещан да кре-стьян, дураков – голь кабацкую, скоморохов, плясунов да песельников; хочешь не хо-чешь – выбирай себе мужа!»

Разослал царь свое повеление по всем го-родам, деревням и селам; собралось на цар-

ский двор мещан и крестьян, дураков – пьяниц кабацких, плясунов и песельников много множество; в том числе и Незнайко был. Снарядилась царица в цветное платье, вышла на красное крыльцо, наливала чашу зелена вина и смотрела на тот простой народ. Увидела Незнайку: ростом он всех больше, туловом толще, кудри словно золото по плечам рассыпаются; подошла к нему близко, поклонилась низко, подала ему чашу заздравную и таково слово молвила: «Пей, мой суженый! Тебя со всякое дело станет». Незнайко принимал чашу правой рукой, выпивал за единый дух, брал царицу за руки белые, целовал в уста сахарные, и пошли они к самому царю. Царь приказал всем троим зятьям свадьбы играть; свадьбы сыграли, пиры отпировали, и стали царицы с мужьями жить – ни о чем не тужить.

За теми свадьбами захопнулся царь и позабыл воротить назад своих посланников, что поехали с его указами – из чужих стран женихов сзывать. А посланники в те поры успели до срацынского королевства добратся; кликнули клич по торгам, по рынкам и по-

вестили царский указ. Вот и собралось трое братьев; были то храбрые борцы, сильные богатыри, много земель на своем веку изъездили, много держав покорили. Сперва отправился в путь меньшей брат, а за ним пошло войско несчетное. Подошел он к столице этого царя и узнал, что царевны уж замужем; очень рассердился и послал к царю грозное письмо: «Приехал-де я от срацынского королевства с добрым делом – сватовством, проезжал для того многие земли и области, а ты дочерей замуж отдал, своих посланников не закликал; [231] заплати мне теперь за протори, за убытки. Ежели не заплатишь, весь город пожгу, весь народ прибью и тебя самого при старости лютой смерти предам!»

Говорит тогда царь: «Зятя мои милые! Как нам быть, что делать?» Отвечали королевич с царевичем: «Мы той грозы не боимся, сами с богатырем сразимся! Собирай-ка, батюшка, силу-армию и конную гвардию». По тем словам собиралось войско немалое: царевич устроил пехотные полки, королевич – конные; выехали оба в чистое поле далеким-далеко, увидали храброго борца, сильно-

го богатыря, убоялись и уезжали в господские дачи, за леса дремучи, за болота зыбучи: не найти их, не сыскать! Оставались полки без начальства; что делать – не ведают, страшного суда ждут. А Незнайко на печке лежит, его богатырское сердце кипит; говорит своей жене: «Жена моя милая! Пойдем-ка в деревню; того и смотри что город сожгут, людей прибьют, отца твоего в полон возьмут, а мы этому делу не виновны, этой беде не причинены». – «Нет, – отвечала царевна, – я лучше умру, от отца, от матери не уйду». Простилась она с Незнайкою и пошла к отцу на балкон; царь на балконе стоит, во чистое поле в подзорную трубку глядит.

Незнайко срядился по-деревенски – надел шляпу, кафтан, рукавицы, вышел за город никому невидимо, никому незнаемо, пришел на высокий холм и скричал тут богатырским голосом, молодецким посвистом. На тот его крик да бежит из чиста поля добрый конь со всеми доспехами: изо рта у него огонь-пламя пышет, из ушей дым кудряв валит, из ноздрей искры сыплются; хвост у коня в три сажени, грива до копыт легла. Незнайко-дурак по-

дошел поближе, накладывал на коня потники, войлоки, седельце черкасское; подтянул двенадцать подпруг, тринадцатую нагрудную; подпруги были бел шелковые, пряжицы красного золота, спенки[232] были булатные – то не для басы[233] их, для крепости богатырския, что шелк не рвется, булат не гнется, красное золото в земле не ржавеет. На себя накладывал все доспехи военные: латы железные, щит булатный, копье долгомерное, меч-палицу боевую и саблю вострую; садился да на добра коня, бил коня по крутым бедрам, просекал мясо до белых костей. Его добрый конь възъярятся, от сырой земли кверху подымается, что повыше лесу стоячего, пониже облака ходячего; начал скакать – по мерной версте за единый скок; ископыт[234] коня богатырского – целые печи земли выворачивались,[235] подземные ключи воздымались, во озерах вода колебалася, с желтым песком помешалася, во лесах деревья пошатались, к земле приклонялись.

Скричал Незнайко богатырским голосом, сосвистал молодецким посвистом – звери на цепях заревели, соловьи в садах запели, ужи-

змеи зашипели. Такова была поездка Незнайкина! Ехал он мимо дворца государева, мимо крыльца красного, говорил: «Здравствуй, великий государь, со всей свитой царскою!» Перескочил через те стены белокаменные, через те башни наугольные да во чисто поле, где стояла сила-армия и конная гвардия; скричал: «Здравствуйте, ребята! Где ваши начальники?» Увидал да во чистом поле храброго борца, сильного богатыря: на добре коне разъезжает, как орел воспархивает, силу-армию устрашивает; закричал Незнайко зычным голосом, аки трубою громкою, и начали они в одно место съезжаться, подняли палицы железные в пятьдесят пудов.

И как съехались – словно горы скатились, палицами ударились – палицы поломались, одни чивья в руках их остались. Расскочились еще надвое далеким-далеко да по чистому полю, добрых коней обворачивали, в одно место съезжались; копьями ткнулись – их копыя до рук погнулись, а лат проколоть не смогли; срацынский богатырь во седле пошатнулся. Еще расскочились да по чистому полю; как в третий раз съехались – ударились

мечами острыми, и вышиб Незнайко сра-
цынского рыцаря из седла на сыру землю; во
глазах ему свет сменился,[236] изо рта, из но-
су кровь потекла! Соскочил Незнайко да со
своего коня, прижал богатыря да к сырой зем-
ле, выхватил из кармана чинбалишшо[237] –
булатный нож в полтора пуда, распорол у сра-
цынского рыцаря платье его цветное, вскрыл
его груди белые, досмотрел его сердце рети-
вое, пролил его кровь горячую, выпустил его
силу богатырскую; отрубил потом ему буйну
голову, подымал на то копьё долгомерное и
скричал по-богатырскому: «Ай вы, други мои
милые! Выезжайте, зятя, из дубровы да заби-
райте войска – все живы, здоровы».

Потом обворачивал Незнайко своего доб-
рого коня; его конь как ясен сокол летит, до
земли не дотыкается; скоро подъезжает он
к городу. Государь, и вся свита, и жена его,
Незнайкина, – все с балкона бегут, навстречу
спешат; а Незнайко лицо свое закрывает:
«Пусть-де никто меня не признает!» Говорит
ему государь таково слово: «Храбрый молодой
рыцарь! Коих ты родов, какого отца-матери, и
кто тебя из каких городов послал в помощь

нам? Чем тебя дарить – не знаю, чем награждать – не ведаю; милости просим к нам во дворец!» Отвечал на то добрый молодец: «Не ваш хлеб кушаю, не вас и слушаю!» Уезжал за город в зелену дуброву, расседлал своего коня, отпускал на волю; сымал с себя латы булатные, кольчуги железные, прибирал доспехи богатырские в свое место до времени, сам домой пошел. Как пришел в свою хату – в старое платье снаряжился, на печку спать повалялся.

Прибежала его жена молодая, говорила таково слово: «Ах, муж ты мой Незнаюшко! Ничего ты не знаешь, не ведаешь. Выезжал из дубровы молодой боец, кричал зычным голосом – аж граждане все убоялися; перескочил через те стены белокаменные, через те башни наугольные, да во чисто поле, где стояла сила-армия и конная гвардия, – едва устранилися! Затрубил он в трубу громкую; услышал то срацынский рыцарь, скоро своего коня обворачивал. Стали они во единое место съезжаться, словно тучи грозные скататься; съехались, палицами ударились – их палицы поломались, только чивья в руках оставались;

во второй раз съехались, копьями ткнулись – их копыа до рук погнулися; в третий раз еще съехались, мечами сразилися, и упал срацынский рыцарь на сырую землю, а молодой боец выпрынул из своего седла, наскочил ему на груди на богатырские, вспорол у него тело белое, досмотрел у него сердце ретивое, снял со плеч голову буйную, поднял на то копые долгомерное и уезжал во чисто поле». – «Ах ты, глупая женщина! Не видала ты на миру людей, в темном лесе зверей; этакые ли богатыри на белом свете водятся!»

Тем временем царские зятья из лесов, из дубровы воздымались, в чистом поле собиралися, забирали свою силу-армию и конную гвардию и погнали в город; в городе звоны зазвонили, в полках в барабаны забили, в трубы заиграли и песни запели. Государь на радостях скоро им ворота отпирает, силу-армию в город запускает, во всех трактирах и кабаках солдат вином угощает, а на весь честной народ задает великий пир. Целые шесть недель пировали, все у царя да напивались, все у него да наедалися, все в городе были и пьяны и веселы; только малый зять его

Незнайко мало здоров с таковых ударов: никто про то дело не ведает, сколько плечи его вынесли! Говорит он жене своей: «Жена моя милая, отцу своему постылая! Поди-тка, попроси у царя чашу зелена вина выпить да свиной окорок на закуску».

Пошла царевна к отцу, подходила к нему близко, поклонялась низко, смотрела прямо, говорила смело: «Государь ты мой батюшка! Прошу твоей милости – дай мужу моему, а твоему зятю, Незнайку-дураку, чашу зелена вина выпить да свиной окорок на закуску». Отвечал ей царь: «Под лежачий камень и вода нейдет! Вот твой муж, а наш зять, когда было скучно-печально, так он – всем людям на посмех – в деревню убежал; а теперь, как мы победили, назад воротился да на печку повалился. Кабы, дочь моя милая, вышла ты за такого молодца, что на брань выезжал да вражью силу побивал, и нам бы любо и тебе не подло[238] было! Ну, так и быть: как со стола понесут, тогда и вам остаточки подадут». Говорила на то царевна: «Не всем таковым быть, как твои старшие зятя, что в боевое время в заповедных лесах пролежали, а те-

перь на пир прибежали – пьют да веселятся! А нам с мужем после их блюдолизничать – статошное ль дело?»

Еще пир не скончался, а курьер уже догнал во срацынское королевство; скоро к сильным богатырям приезжал, скорее того несчастье объявлял: «Наезжал-де молодой боец, убил брата вашего, на поле трупло его валяется, горячая кровь проливается, сила-армия и конная гвардия вся в плен ушла». Тут братья-богатыри рассердились, скорёхонько на коней садились, накладывали на себя латы булатные, кольчуги железные, прибирали оружие военное: мечи-кладенцы, боевые палицы, сабли острые, копыя долгомерные, и отправлялись во путь, во дорогу; наперед себя посылали к царю посланника с таковым письмом: «Отдай-де того молодца, что пролил кровь нашего брата; ежели не отдашь, то всю силу твою мечом побьем, стольный город на огонь пустим, народ в плен возьмем, а тебя самого при старости горькой смерти предадим». Приезжает посланник в царский дворец и подает то письмо государю; царь взял, распечатал и как стал читать – его резвые ножки подломи-

лись, его белые ручки подрогнули, ясные очи смотреть не могут – катятся слезы горючие...

Здумал царь, велел послать во все стороны курьеров, собирать думных людей, генералов и начальных офицеров; от малого до великого начал выпрашивать: кто из них ведает про того молодца, что срацынского рыцаря на бою победил? Никто не знает, не ведает; большие чины за средних хоронятся, средние за малых прячутся, а от малых ответу нет. Так ни с чем и отпустил царь посланника. Подступили срацынские богатыри,[239] начали города-села разбивать, огню предавать. Незнайко на печке лежит, его ретивое сердце кипит; говорит он жене таковую речь: «Жена моя милая, у отца постылая! Пойдем со мной в деревню, здесь жить тесно стало». Отвечает царевна: «Я в деревню нейду, лучше здесь помру!» Сошел Незнайко с печки, вздохнул тяжело: «Прощай, – говорит, – жена моя милая! Коли отца твоего побьют, и тебе живой не остаться». Брал на плечи деревенское платье, на голову шляпу, в руки батоги,[240] вышел – сам осматривается: не увидал бы кто. Заприметил его царь с балкона – богоданный батюшка:

«Что это за дурак такой! Убежать хочет, а того не ведает: коли что случится, всех найдут...» Старшие зятя возле стоят, думают – как бы честь свою показать: «Государь наш батюшка! Собирай-ка силу-армию и конную гвардию; мы тебе в беде помога!»

Начал царь силу собирать, полки устраивать; зятя свои рати прибавили и пошли на брань. Напустились срацынские богатыри на те передовые полки, страшно мечами бьют, вдвое конями мнут; потекла кровь ручьями, раздались стоны раненых. Незнайко услышал, на помочь поспешал, пришел на высокий холм и скричал богатырским голосом, молодецким посвистом. На тот его крик бежит из чиста поля добрый конь, бежит-спотыкается. «Ах ты, волчья сыть, травяной мешок! Что бежишь-спотыкаешься? Аль несчастье слышишь?» Отвечает добрый конь: «Будет кровь на обоих – на коне и на хозяине!» Накладывал Незнайко на своего коня узду тесмянную, потники, войлоки, седельце немецкое, подтягивал двенадцать подпруг, тринадцатую нагрудную: подпруги все были белoshелковые – того шелку чистого, пряжицы были красного

золота – того золота аравицкого, спенки были булатные – того булата заморского, и то не для басы добра молодца, а для крепости богатырския, потому – шелк не рвется, булат не гнется, красное золото не ржавеет. Снарядил коня, начал себя снаряжать: накладывал платье рыцарское, латы булатные, в руки брал железный щит, боевую палицу, к ногам прицеплял копьё крепкое, долгомерное, на бедре саблю вострую, позади себя меч-кладенец.

Садился Незнайко на добра коня, вкладывал ноги резвые в стремяна немецкие, еще брал плеточку шелковую, бил коня по крутым бедрам, рассекал кожу лошадиную. Его конь възъяряется, от сырой земли подымается, что повыше лесу стоячего, пониже облака ходячего; скакал с горы на гору, реки-озера промеж ног пропускал, зыбучие болота хвостом устилал; изо рта коня огонь-пламя пышет, из ноздрей искры сыплются, из ушей дым кудряв валит; ископытъ того коня – целые печи земли выворачивались, подземные ключи воздымались. Скричал Незнайко богатырским голосом, сосвистал молодецким посвистом – в озерах вода сколебалася, с жел-

тым песком помешалася, старые дубы пошатились, верхушками до земли догибались. В чистом поле – срацынский богатырь[241] на коне как копыта сидит; его конь как сокол летит, да сырой земли не дотрагивается, сам богатырь похваляется – хочет Незнайку целиком проглотить.

Как скоро они съехались, проговорил Незнайкин конь: «Ну, хозяин! Преклони свою голову на мою гриву – может быть спасешься». Только Незнайко головой прикорнул, как срацынский богатырь мечом махнул, левую руку с плеча ему повредил, у коня левое ухо срубил; а Незнайко тем часом угодил ему копьем в самую пельку[242] и обворотил его, как ржаного снопа. Упал срацынец на сырую землю, и лежало тут трупло богатырское – валялося, горячая кровь проливалася. Скоро сила-армия надвигала, конная гвардия наскочила, а Незнайко уезжал на своем добром коне к царским палатам и кричал зычным голосом: «Люди добрые! Не предайте меня смерти напрасныя, захватите мою кровь горячую». Побежала с балкону вся свита царская, впереди всех царевна – жена Незнайкина, именным

платком левую руку ему завязала, а своего мужа не признала; он пот с лица утирал, себя, добра молодца, укрывал.

Поехал Незнайко к своей хате, бросил коня без привязи, вошел в сени, на пол свалился и покрыл лицо свое рукою. А царь ничего не ведает, стоит на балконе да смотрит, как зятья его управляют. Вот жена Незнайкина подошла к хате, глядь – у крыльца стоит лошадь богатырская со всеми доспехами, а в сенях богатырь лежит; наскоро побежала, про все отцу рассказала. В тот час государь поспешил туда со всей свитою, дверь отворяет, на колени припадает, говорит речь умильно: «Ты скажись, добрый молодец, ты какого роду-племени? Как тебя по имени будет звать, по отчеству величать?» Отвечает Незнайко: «Ах ты, богоданный мой государь-батюшка, аль меня не признаешь? Ты ж меня завсегда дураком называешь». Тут все его признали, за сильномогучего богатыря почитали; а старшие зятья как прослышали про то дело, тотчас с женами своими сряжались да по своим домам убирались. Незнайко скоро поправлялся, зелена вина напивался, заводил пир на

весь мир; а по смерти царя начал сам царствовать, и житие его было долгое и счастливое.

НЕСМЕЯНА-ЦАРЕВНА

Как подумаешь, куда велик божий свет! Живут в нем люди богатые и бедные, и всем им просторно, и всех их призирает и рассуждает господь. Живут роскошные – и празднуют; живут горемычные – и трудятся; каждому своя доля!

В царских палатах, в княжьих чертогах, в высоком терему красовалась Несмеяна-царевна. Какое ей было житье, какое приволье, какое роскошье! Всего много, все есть, чего душа хочет; а никогда она не улыбалась, никогда не смеялась, словно сердце ее ничему не радовалось.

Горько было царю-отцу глядеть на печальную дочь. Открывает он свои царские палаты для всех, кто пожелает быть его гостем. «Пускай, – говорит, – пытаются развеселить Несмеяну-царевну; кому удастся, тому она будет женою». Только это вымолвил, как закипел народ у княжьих ворот! Со всех сторон

едут, идут – и царевичи и княжевичи, и бояре и дворяне, полковые и простые; начались пирры, полились меды – царевна все не смеется.

На другом конце в своем уголке жил честной работник; по утрам он двор убирал, вечерами скот пасал,[243] в беспрестанных был трудах. Хозяин его – человек богатый, правдивый, платою не обижал. Только покончился год, он ему мешок денег на стол: «Бери, – говорит, – сколько хочешь!», а сам в двери и вышел вон. Работник подошел к столу и думает: как бы перед богом не согрешить, за труды лишнего не положить? Выбрал одну только денежку, зажал ее в горсть да вздумал водицы напиться, нагнулся в колодезь – денежка у него выкатилась и потонула на дно.

Остался бедняк ни при чем. Другой бы на его месте заплакал, затужил и с досады б руки сложил, а он нет. «Все, – говорит, – бог посылает; господь знает, кому что давать: кого деньгами наделяет, у кого последние отнимает. Видно, я худо рачил,[244] мало трудился, теперь стану усердней!» И снова за работу – каждое дело в его руках огнем горит! Кончился срок, минул еще год, хозяин ему мешок де-

нег на стол: «Бери, – говорит, – сколько душа хочет!», а сам в двери и вышел вон. Работник опять думает, чтоб бога не прогневить, за труд лишнего не положить; взял денежку, пошел напиться и выпустил невзначай из рук – денежка в колодезь и потонула. Еще усерднее принялся он за работу: ночь недосыпает, день недоедает. Поглядишь: у кого хлеб сохнет, желтеет, а у его хозяина все бутеет;[245] чья скотина ноги завивает,[246] а его по улице брыкает; чьих коней под гору тащат, а его и в поводу не сдержат. Хозяин разумел, кого благодарить, кому спасибо говорить. Кончился срок, миновал третий год, он кучу денег на стол: «Бери, работничек, сколько душа хочет; твой труд, твоя и деньга!», а сам вышел вон.

Берет работник опять одну денежку, идет к колодезю воды испить – глядь: последняя деньга цела, и прежние две наверх выплыли. Подобрал он их, догадался, что бог его за труды наградил; обрадовался и думает: «Пора мне бел свет поглядеть, людей распознать!» Подумал и пошел куда глаза глядят. Идет он полем, бежит мышь: «Ковалек, дорогой куманек! Дай денежку; я тебе сама пригожусь!»

Дал ей денежку. Идет лесом, ползет жук: «Ковалек, дорогой куманек! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!» Дал и ему денежку. Поплыл рекой, встрелся сом: «Ковалек, дорогой куманек! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!» Он и тому не отказал, последнюю отдал.

Сам пришел в город; там людей, там дверей! Загляделся, завертелся работник на все стороны, куда идти – не знает. А перед ним стоят царские палаты, серебром-золотом убраны, у окна Несмеяна-царевна сидит и прямо на него смотрит. Куда деваться? Затуманилось у него в глазах, нашел на него сон, и упал он прямо в грязь. Откуда ни взялся сом с большим усом, за ним жучок-старичок, мышка-стрижка; все прибежали. Ухаживают, ублаживают: мышка платице снимает, жук сапожки очищает, сом мух отгоняет. Глядела-глядела на их услуги Несмеяна-царевна и засмеялась. «Кто, кто развеселил мою дочь?» – спрашивает царь. Тот говорит: «Я»; другой: «Я». – «Нет! – сказала Несмеяна-царевна. – Вон этот человек!» – и указала на работника. Тотчас его во дворец и стал работник перед царским лицом молодец-молодцом! Царь свое

царское слово сдержал; что обещал, то и даровал. Я говорю: не во сне ли это работнику снилось? Заверяют, что нет, истинная правда была, – так надо верить.

НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ

Был-жил король вдовый; у него было двенадцать дочерей, одна другой лучше. Каждую ночь уходили эти царевны, а куда – неведомо; только что ни сутки – изнашивали по новой паре башмаков. Не наготовится король на них обуви, и захотелось ему узнать, куда это они по ночам уходят и что делают? Вот он сделал пир, созвал со всех земель королей и королевичей; дворян, и купцов, и простых людей и спрашивает: «Не сумеет ли кто разгадать ему эту загадку? Кто разгадает – за того отдаст любимую дочь замуж да полцарства в приданое». Никто не берется узнать, где бывают по ночам королевны; вызвался один бедный дворянин. «Ваше королевское величество! Я узнаю». – «Ладно, узнай!»

После бедный дворянин одумался и говорит сам себе: «Что я наделал? Взятся узнать, а сам ничего не ведаю! Если теперь не узнаю,

ведь король меня под караул отдаст». Вышел из дворца за город, идет – раскручинился-пригорюнился; попадается ему навстречу старушка и спрашивает: «О чем, добрый молодец, призадумался?» Он в ответ: «Как мне, бабушка, не призадуматься? Взятся я у короля проведать, куда его дочери по ночам уходят». – «Да, это дело трудное! Только узнать можно. Вот тебе шапка-невидимка, с нею чего не высмотришь! Да помни: как будешь спать ложиться, королевны подадут тебе сонных капель испить; а ты повернись к стене и вылей в постель, а пить не моги!» Бедный дворянин поблагодарил старуху и воротился во дворец.

Время к ночи подходит; отвели ему комнату рядом с тою, в которой королевны почивали. Прилег он на постель, а сам сторожить собирается. Тут приносит одна королевна сонных капель в вине и просит выпить за ее здоровье. Не мог отказаться, взял чарку, оборотился к стене и вылил в постель. В самую полночь пришли королевны посмотреть: спит ли он? Бедный дворянин притворился, будто крепко, беспробудно спит, а сам за всяким

шорохом следит. «Ну, сестрицы! Наша стража заснула; пора нам на гульбище идти». – «Пора! Пора!»

Вот нарядились в лучшие свои наряды; старшая сестра подошла к своей кровати, отодвинула ее – и вдруг открылся ход в подземное царство к заклятому царю. Стали они спускаться по лестнице; бедный дворянин встал потихоньку с кровати, надел на себя шапку-невидимку и пошел за ними. Наступил нечаянно младшей королевне на платье; она испугалась, сказала сестрам: «Ах, сестрицы, будто кто на мое платье наступил; эта примета беду нам пророчит». – «И, полно! Ничего не будет». Спустились с лестницы в рощу, в той роще золотые цветы растут. Бедный дворянин взял сломил одну веточку – вся роща зашумела. «Ах, сестрицы, – говорит младшая королевна, – что-то недоброе нам сулит! Слышите, как роща шумит?» – «Не бойся; это у заклятого царя музыка гремит!»

Приходят они во дворец, встречает их царь с придворными; заиграла музыка, и начали танцевать; до тех пор танцевали, пока башмаки изорвали. Велел царь вино наливать да го-

стям разносить. Бедный дворянин взял с подноса один бокал, вино выпил, а бокал в карман сунул. Кончилось гулянье; королевны распростились с кавалерами, обещались и на другую ночь прийти; воротились домой, разделись и легли спать.

Поутру призывает король бедного дворянина: «Что – укараулил ты моих дочерей?» – «Укараулил, ваше величество!» – «Куда ж они ходят?» – «В подземное царство к заклтому царю, там всю ночь танцуют». Король позвал дочерей, начал их допрашивать: «Где вы ночью были?» Королевны запираются: «Нигде не были!» – «А у заклтого царя не были? Вот бедный дворянин на вас показывает, уличить вас хочет». – «Где ж ему, батюшка, уличить нас, когда он всю ночь мертвым сном проспал?» Бедный дворянин вынул из кармана золотой цветок и бокал: «Вот, – говорит, – и улика налицо!» Что тут делать? Сознались королевны отцу; король велел засыпать ход в подземное царство, а бедного дворянина женил на младшей дочери, к стали все они счастливо жить да быть.

* * *

Захотелось царю узнать, куда ходит по ночам его дочь. И взялся за то дело солдат, купил у мясника коровий пузырь, приладил его к подбородку и явился во дворец на часы. У царя были гости, гремела музыка, и своим порядком шли танцы за танцами; но только пробило девять часов, как царевна сказалась больною и ушла в свою спальню; так она всегда делала. Немного погодя выбегает ее служанка и зовет солдата к царевне, а у них уже был готов стакан с сонным зельем. Подносит ему стакан сама царевна: «Выпей, служивый!» Он принял стакан, притворился, что пьет, да вместо того в пузырь вылил. После того пошел, покачиваясь, и стал у дверей на карауле; постоял-постоял, да нарочно и свалился на пол, закрыл глаза и ну храпеть – точно и вправду заснул!

Тут царевна с служанкою облоклись в нарядные платья, выбежали из палат, спустились с крыльца и прямо в сад; солдат приподнялся потихохоньку да вслед за ними. Вот как пришли они в сад, царевна сорвала три яблочка, бросила одно через яблоню и промолвила: «Лети, мое яблочко, через дерево, а мать

сыра земля расступися!» Земля расступилась, и обе девицы ушли в провал к подземному царю. Уходя в провал, царевна выбросила оттуда другое яблочко и проговорила: «Вылети, мое яблочко, и пади на сыру землю, а ты, мать сыра земля, сосступися!» Земля сосступилась.

Солдат все это выглядел, все это высмотрел и сам хочет туда ж отправляться. Сорвал одно яблочко, протянул было за другим руку и услышал позади себя большой гам и крик. Оглянулся, а то два мужика дерутся. «Эй вы! За что бьетесь?» – спросил их солдат. Мужики отвечали: «Есть у нас шапка-невидимка да сапоги-скороходы, да не знаем, как поделить!» – «Давайте я поделю! Вот я брошу это яблоко: кто его подхватит да наперво прибежит ко мне, тому и шапканевидимка и сапоги-скороходы». И закинул яблоко далеко-далеко; мужики бросились за яблоком, а он надел те сапоги на ноги, шапку-невидимку на голову, сорвал три яблочка, перекинул одно через яблоньку и промолвил: «Лети, мое яблочко, через дерево, а мать сыра земля расступися!» Земля расступилась, солдат сошел в провал,

явился невидимо во дворец к подземному царю и застал, что тот царь с царевною уже портретами меняются, кольцами обручаются; солдат утащил оба кольца и портреты и на другой день уличил царевну.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Жил себе старик со старухою. Раз старуха рубила капусту на пироги, задела нечаянно по руке и отрубил мизинный палец; отрубил и бросил за печку. Вдруг послышалось старухе, кто-то говорит за печкой человеческим голосом: «Матушка! Сними меня отсюда». Изумилась она, сотворила честной крест и спрашивает: «Ты кто таков?» – «Я твой сынок, родился из твоего мизинчика». Сняла его старуха, смотрит – мальчик крохотный-крохотный, еле от земли видно! И назвала его Мальчик с пальчик. «А где мой батюшка?» – спрашивает Мальчик с пальчик. «Поехал на пашню». – «Я к нему пойду, помогать стану». – «Ступай, дитятко».

Пришел он на пашню: «Бог в помочь, батюшка!» Осмотрелся старик кругом. «Что за чудо! – говорит. – Глас человеческий слышу,

а никого не вижу. Кто таков говорит со мною?» – «Я – твой сынок». – «Да у меня и детей сроду не бывало!» – «Я только что родился на белый свет: рубила матушка капусту на пироги, отрубила себе мизинный палец с руки, бросила за печку – вот я и стал Мальчик с пальчик! Пришел тебе помогать – землю пахать. Садись, батюшка, закуси чем бог послал да отдохни маленько!» Обрадовался старик, сел обедать; а Мальчик с пальчик залез лошади в ухо и стал пахать землю; а наперед отцу наказал: «Коли кто будет торговать меня, продавай смело; небось – не пропаду, назад домой приду».

Вот едет мимо барин, смотрит и дивуется: конь идет, соха орет,[247] а человека нет! «Этого, – говорит, – еще видом не видано, слыхом не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!» – «Что ты, разве ослеп! – отозвался ему старик. – То у меня сын пашет». – «Продай его мне!» – «Нет, не продам; нам только и радости со старухой, только и утехи, что он!» – «Продай, дедушка!» – пристаёт барин. «Ну, давай тысячу рублей – твой будет!» – «Что так дорого?» – «Сам видишь: мальчик мал, да удал, на

ногу скор, на посылку легок!» Барин заплатил тысячу, взял мальчика, посадил в карман и поехал домой. А Мальчик с пальчик напаскудил ему в карман, прогрыз дыру и ушел.

Шел-шел, и пристигла его темная ночь; спрятался он под былинку подле самой дороги, лежит себе, спать собирается. Идут мимо три вора. «Здравствуйте, добрые молодцы!» – говорит Мальчик с пальчик. «Здорово!» – «Куда идете?» – «К попу». – «Зачем?» – «Быков воровать». – «Возьмите и меня с собой!» – «Куда ты годишься? Нам надо такого молодца, чтоб раз дал – и дух вон!» – «Пригожусь и я: в подворотню пролезу да вам ворота отопру». – «И то дело! Пойдем с нами».

Вот пришли вчетвером к богатому попу; Мальчик с пальчик пролез в подворотню, отворил ворота и говорит: «Вы, братцы, здесь на дворе постойте, а я заберусь в сарай да выберу быка получше и выведу к вам». – «Ладно!» Забрался он в сарай и кричит оттуда во всю глотку: «Какого быка тащить – бурого али черного?» – «Не шуми, – говорят ему воры, – тащи какой под руку попадет». Мальчик с пальчик вывел им быка что ни есть самого

лучшего; воры пригнали быка в лес, зарезали, сняли шкуру и стали делить мясо. «Ну, братцы, – говорит Мальчик с пальчик, – я возьму себе требуху: с меня и того будет». Взял требуху и тут же залез в нее спать, ночь коротать; а воры поделили мясо и пошли по домам.

Набежал голодный волк и проглотил требуху вместе с мальчиком; сидит он в волчьем брюхе живой, и горя ему мало! Плохо пришлось серому! Увидит он стадо, овцы пасутся, пастух спит, и только что подкрадетя овцу унести – как Мальчик с пальчик и закричит во все горло: «Пастух, пастух, овечий дух! Ты спишь, а волк овцу тащит!» Пастух проснется, бросится на волка с дубиною да притравит его собаками, а собаки ну его рвать – только ключья летят! Еле-еле уйдет сердешный!

Совсем отощал волк, пришлось пропадать с голоду. «Вылези!» – просит волк. «Довези меня домой к отцу, к матери, так вылезу», – говорит Мальчик с пальчик. Побежал волк в деревню, вскочил прямо к старику в избу; Мальчик с пальчик тотчас вылез из волчьего брюха задом, схватил волка за хвост и кричит: «Бейте волка, бейте серого!» Старик схватил

дубинку, старуха другую и давай бить волка; тут его и порешили, сняли кожу да сынку тулуп сделали. И стали они жить-поживать, век доживать.

ВЕРЛИОКА

Жили-были дед да баба, а у них были две внучки-сиротки – такие хорошенькие да смирные, что дед с бабушкой не могли ими нарадоваться. Вот раз дед вздумал посеять горох; посеял – вырос горох, зацвел. Дед глядит на него, да и думает: «Теперь буду целую зиму есть пироги с горохом». Как назло деду, воробьи и напали на горох. Дед видит, что худо, и послал младшую внучку прогонять воробьев. Внучка села возле гороха, машет хворостиной да приговаривает: «Кишь, кишь, воробьи! Не ешьте дедова гороху!» Только слышит: в лесу шумит, трещит – идет Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге – в деревянном сапоге, костылем подпирается, сам страшно ухмыляется. У Верлиоки была уже такая натура: завидит человека, да еще смиренного, не утерпит,

чтобы дружбу не показать, бока не поломать; не было спуску от него ни старому, ни малому, ни тихому, ни удалому. Увидел Верлиока дедову внучку – такая хорошенькая, ну как не затрогать ее? Да той, видно, не понравились его игрушки: может быть, и обругала его – не знаю; только Верлиока сразу убил ее костью-лем.

Дед ждал-ждал – нет внучки, послал за нею старшую.

Верлиока и ту прибрал. Дед ждет-пождет – и той нет! – и говорит жене: «Да что они там опозднились? Пожалуй, с парубками развозились, как трещотки трещат, а воробьи горох лущат. Иди-ка ты, старуха, да скорей тащи их за ухо». Старуха с печки сползла, в углу палочку взяла, за порог перевалилась, да и домой не воротилась. Вестимо, как увидела внучек да потом Верлиоку, догадалась, что это его работа; с жалости так и вцепилась ему в волосы. А нашему забияке то и на руку...

Дед ждет внучек да старуху – не дождетя; нет как нет! Дед и говорит сам себе: «Да что за лукавый! Не приглянулся ли и жене парень чернявый? Сказано: от нашего ребра не

ждать нам добра; а баба все баба, хоть и старая!» Вот так мудро размысливши, встал он из-за стола, надел шубку, закурил трубку, помолился богу, да и поплелся в дорогу. Приходит к гороху, глядит: лежат его ненаглядные внучки – точно спят; только у одной кровь, как та алая лента, полосой на лбу видна, а у другой на белой шейке пять синих пальцев так и оттиснулись. А старуха так изувечена, что и узнать нельзя. Дед зарыдал не на шутку, целовал их, миловал да слезно приговаривал.

И долго бы проплакал, да слышит: в лесу шумит, трещит – идет Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге – в деревянном сапоге, костылем подпирается, сам страшно ухмыляется. Схватил деда и давай бить; насилу бедный вырвался да убежал домой. Прибежал, сел на лавку, отдохнул и говорит: «Эге, над нами строить штуки! Постой, брат, у самих есть руки... Языком хоть что рассуждай, а рукам воли не давай. Мы и сами с усами! Задел рукой, заплатишься головой. Видно тебя, Верлиока, не учили сызмала пословице: делай добро –

не кайся, а делай зло – сподевайся! [248] Взял лычко, отдай ремешок!» Долго рассуждал дед сам с собою, а, наконец, наговорившись досыта, взял железный костыль и отправился бить Верлиоку.

Идет-идет и видит ставок, [249] а на ставке сидит куцый селезень. Увидал деда селезень и кричит: «Так, так, так! Ведь я угадал, что тебя сюда поджидал. Здоров, дед, на сто лет!» – «Здорово, селезень! Отчего же ты меня поджидал?» – «Да знал, что ты за старуху да за внучек пойдешь к Верлиоке на расправу». – «А тебе кто сказал?» – «Кума сказала». – «А кума почему знает?» – «Кума все знает, что на свете делается; да другой раз еще дело и не сделалось, а кума куме уж о том на ухо шепчет, а нашепчутся две кумы – весь мир узнает». – «Смотри, какое диво!» – говорит дед. «Не диво, а правда! Да такая правда, что бывает не только с нашим братом, а водится и промеж старшими». – «Вот что!» – молвил дед и рот разинул; а потом, опомнившись, снял шапку, поклонился куцему селезню и говорит: «А вы, добродее, [250] знаете Верлиоку?» – «Как, как, как не знать! Знаю я его, кри-

ВОГО».

Селезень поворотил голову на сторону (сбоку они лучше видят), прищурил глаз, поглядел на деда, да и говорит: «Эге! С кем не случается беда? Век живи, век учись, а все дурнем умрешь. Так, так, так!» Поправил крылья, повертел задом и стал учить деда: «Слушай, дедушка, да учись, как на свете жить! Раз как-то вот тут на берегу начал Верлиока бить какого-то горемыку. А в те поры была у меня за каждым словом поговорка: ах, ах, ах! Верлиока потешается, а я сижу в воде, да так себе и кричу: ах, ах, ах!.. Вот он, управившись по-своему с горемыкою, подбежал ко мне, да, не говоря худого слова, хватя меня за хвост! Да не на таковского напал, только хвост у него в руках остался. Оно хоть хвост и невелик, а все-таки жаль его... Кому свое добро не дорого? Говорят же: всякой птице свой хвост ближе к телу. Верлиока пошел домой, да и говорит дорогою: „Постой же! Научу я тебя, как за других заступаться“. Вот я и взялся за ум и с той поры – кто бы что ни делал, не кричу: ах, ах, ах! а все придакиваю: так, так, так! Что же? И житье стало лучше, и почету от людей

больше. Все говорят: „Вот селезень – хоть куп-
цый, да умный!“» – «Так не можешь ли ты,
добродее, показать мне, где живет Верлио-
ка?» – «Так, так, так!» Селезень вылез из воды
и, переваливаясь с боку на бок, словно купчи-
ха, пошел по берегу, а дед за ним.

Идут-идут, а на дороге лежит бечевочка и
говорит: «Здравствуй, дедушка, умная голо-
вушка!» – «Здравствуй, бечевочка!» – «Как жи-
вешь? Куда идешь?» – «Живу и так и сяк; а
иду к Верлиоке на расправу; старуху задушил,
двух внучек убил, а внучки были такие хоро-
шие – на славу!» – «Я твоих внучек знала, ста-
руху поважала;[251] возьми и меня на подмо-
гу!» Дед подумал: «Может, пригодится связать
Верлиоку!» – и отвечал: «Полезай, когда зна-
ешь дорогу». Вереvочка и поползла за ними,
словно змея.

Идут-идут, на дороге лежит колотушка, да
и говорит: «Здравствуй, дедушка, умная голо-
вушка!» – «Здравствуй, колотушка!» – «Как
живешь? Куда идешь?» – «Живу и так и сяк; а
иду к Верлиоке на расправу. Подумай: стару-
ху задушил, двух внучек убил, а внучки были
на славу». – «Возьми меня на подмогу!» – «Сту-

пай, когда знаешь дорогу». А сам думает: «Колотушка и впрямь поможет». Колотушка поднялась, уперлась ручкой о землю и прыгнула.

Пошли опять. Идут-идут, а на дороге лежит желудь и пищит: «Здравствуй, дед долгоногий!» – «Здравствуй, желудь дубовый!» – «Куда это так шагаешь?» – «Иду Верлиоку бить, когда его знаешь». – «Как не знать! Пора уж с ним расплатиться; возьми и меня на подмогу». – «Да чем ты поможешь?» – «Не плюй, дед, в колодезь – достанется водицы напиться; синица не велика птица, да все поле спалила. А еще говорят; мал золотник, да дорог; велика Федора, да дура!» Дед подумал: «А пускай его! Чем больше народу, тем лучше», и говорит: «Плетись позади!» Какое – плетись! Желудь так и скачет впереди всех.

Вот и пришли они в густой, дремучий лес, а в том лесу стоит избушка. Глядят – в избушке никого нет. Огонь давно погас, а на шестке стоит кулиш.[252] Желудь не промах – вскочил в кулиш, веревочка растянулась на пороге, колотушку положил дед на полку, селезня посадил на печку, а сам стал за дверью. Пришел Верлиока, кинул дрова на землю и стал

поправлять в печке. Желудь, сидя в кулише, затянул песню: «Пи... пи... пи! Пришли Верлиоку бить!» – «Цыц, кулиш! В ведро вылью», – крикнул Верлиока. А желудь не слушает его, знай свое пищит. Верлиока рассердился, схватил горшок да бух кулиш в ведро. Желудь как выскочит из ведра, щелк Верлиоку прямо в глаз, выбил и последний. Верлиока кинулся было наутек, да не тут-то было – веревочка перецепила его, и Верлиока упал. Колотушка с полки, а дед из-за дверей, и давай его потчевать; а селезень за печкой сидит да приговаривает: «Так, так, так!» Не помогли Верлиоке ни его сила, ни его отвага. Вот вам сказка, а мне бубликов вязка.

ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ

Жил один кузнец. «Что, – говорит, – я горя никакого не видал. Говорят, лихо на свете есть; пойду поищу себе лихо». Взял и пошел, выпил хорошенько и пошел искать лихо. Навстречу ему портной. «Здравствуй!» – «Здравствуй!» – «Куда идешь?» – «Что, брат, все говорят: лихо на свете есть: я никакого лиха не видал, иду искать». – «Пойдем вместе. И я хорошо живу и не видал лиха; пойдем поищем». Вот они шли-шли, зашли в лес, в густой, темный, нашли маленькую дорожку, пошли по ней – по узенькой дорожке. Шли-шли по этой дорожке, видят: изба стоит большая. Ночь; некуда идти. «Сём, – говорят, – зайдем в эту избу». Вошли; никого там нету, пусто, нехорошо. Сели себе и сидят. Вот и идет высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая. «А! – говорит. – У меня гости. Здравствуйте». – «Здравствуй, бабушка! Мы пришли ночевать к тебе». – «Ну, хорошо; будет что поужинать мне!» Они перепугались. Вот она пошла, беремья дров большое принесла; принесла беремья[253] дров, поклала в печку,

затопила. Подошла к ним, взяла одного, портного, и зарезала, посадила в печку и убрала. [254]

Кузнец сидит и думает: что делать, как быть? Она взяла – поужинала. Кузнец смотрит в печку и говорит: «Бабушка, я кузнец». – «Что умеешь делать-ковать?» – «Да я все умею». – «Скуй мне глаз». – «Хорошо, – говорит, – да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебе вковал глаз». Она пошла, принесла две веревки, одну потоньше, а другую толще. Вот он связал ее одною, которая была потоньше. «Ну-ка, бабушка, повернись!» Она повернулась и разорвала веревку. «Ну, – говорит, – нет, бабушка! Эта не годится». Взял он толстую веревку да эту веревкою скрутил ее хорошенько. «Повернись-ка, бабушка!» Вот она повернулась – не порвала. Вот он взял шило, разжег его, поставил на глаз-то ей на здоровый, взял топор да обухом как вдарит по шилу. Она как повернется – и разорвала веревку, да и села на пороге. «А, злодей, теперича не уйдешь от меня!» Он видит, что опять лихо ему, сидит, думает: что делать? Потом пришли с поля овцы;

она загнала овец в свою избу ночевать. Вот кузнец ночевал ночь. Поутру стала она овец выпускать. Он взял шубу, да вывернул шерстью вверх, да в рукава-то надел и подполз к ней, как овечка. Она все по одной выпускала, как хватит за спинку, так и выкинет ее. И он подполз; она и егохватила за спинку и выкинула. Выкинула его, он встал и говорит: «Прощай, Лихо! Натерпелся я от тебя лиха; теперь ничего не сделаешь». Она говорит: «Постой, еще натерпишься, ты не ушел!»

И пошел кузнец опять в лес по узенькой тропинке. Смотрит: в дереве топорик с золотой ручкой; захотел себе взять. Вот он взялся за этот топорик, рука и пристала к нему. Что делать? Никак не оторвешь. Оглянулся назад: идет к нему Лихо и кричит: «Вот ты злодей, и не ушел!» Кузнец вынул ножичек, в кармане у него был, и давай эту руку пилить; отрезал ее и ушел. Пришел в свою деревню и начал показывать руку, что теперь видел лихо. «Вот, – говорит, – посмотрите – каково оно: я, – говорит, – без руки, а товарища моего совсем съела». Тут и сказке конец.

ГОРЕ

В одной деревушке жили два мужика, два родные брата: один был бедный, другой богатый. Богач переехал на житье в город, выстроил себе большой дом и записался в купцы; а у бедного иной раз нет ни куска хлеба, а ребятишки – мал мала меньше – плачут да есть просят. С утра до вечера бьется мужик как рыба об лед, а все ничего нет. Говорит он однова[255] своей жене: «Дай-ка пойду в город, попрошу у брата: не поможет ли чем?» Пришел к богатому: «Ах, братец родимый! Помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дети без хлеба сидят, по целым дням голодают». – «Проработай у меня эту неделю, тогда и помогу!» Что делать? Принялся бедный за работу: и двор чистит, и лошадей холит, и воду возит, и дрова рубит. Через неделю дает ему богатый одну ковригу хлеба: «Вот тебе за труды!» – «И за то спасибо!» – сказал бедный, поклонился и хотел было домой идти. «Постой! Приходи-ка завтра ко мне в гости и жену приведи: ведь завтра – мои именины». – «Эх, братец; куда мне? Сам знаешь: к тебе придут куп-

цы в сапогах да в шубах, а я в лаптях хожу да в худеньком сером кафтанишке». – «Ничего, приходи! И тебе будет место». – «Хорошо, братец, приду».

Воротился бедный домой, отдал жене ковригу и говорит: «Слушай, жена! Назавтрее нас с тобой в гости звали». – «Как в гости? Кто звал?» – «Брат; он завтра именинник». – «Ну что ж, пойдем». Наутро встали и пошли в город, пришли к богатому, поздравили его и уселись на лавку. За столом уж много именитых гостей сидело; всех их угощает хозяин на славу, а про бедного брата и его жену и думать забыл – ничего им не дает; они сидят да только посматривают, как другие пьют да едят. Кончился обед; стали гости из-за стола вылазить да хозяина с хозяйюшкой благодарить, и бедный тож – поднялся с лавки и кланяется брату в пояс. Гости поехали домой пьяные, веселые, шумят, песни поют.

А бедный идет назад с пустым брюхом. «Давай-ка, – говорит жене, – и мы запоем песню!» – «Эх ты, дурак! Люди поют от того, что сладко поели да много выпили; а ты с чего петь вздумал?» – «Ну, все-таки у брата на име-

нинах был; без песен мне стыдно идти. Как я запою, так всякий подумает, что и меня угостили...» – «Ну, пой, коли хочешь, а я не стану!» Мужик запел песню, и слышалось ему два голоса; он перестал и спрашивает жену: «Это ты мне подсобляла петь тоненьким голоском?» – «Что с тобой? Я вовсе и не думала». – «Так кто же?» – «Не знаю! – сказала баба. – А ну, запой, я послушаю». Он опять запел; поет-то один, а слышно два голоса; остановился и спрашивает: «Это ты, Горе, мне петь пособляешь?» Горе отозвалось: «Да, хозяин! Это я пособляю». – «Ну, Горе, пойдем с нами вместе». – «Пойдем, хозяин! Я теперь от тебя не отстану».

Пришел мужик домой, а Горе зовет его в кабак. Тот говорит: «У меня денег нет!» – «Ох ты, мужичок! Да на что тебе деньги? Вишь, на тебе полушубок надет, а на что он? Скоро лето будет, все равно носить не станешь! Пойдем в кабак, да полушубок по боку...» Мужик и Горе пошли в кабак и пропили полушубок. На другой день Горе захохотало, с похмелья голова болит, и опять зовет хозяина винца испить. «Денег нет», – говорит мужик. «Да на

что нам деньги? Возьми сани да телегу – с нас и довольно!» Нечего делать, не отбиться мужику от Горя: взял он сани и телегу, потащил в кабак и пропил вместе с Горем. Наутро Горе еще больше заохало, зовет хозяина опохмелиться; мужик пропил и борону и соху. Месяца не прошло, как он все спустил; даже избу свою соседу заложил, а деньги в кабак снес. Горе опять пристаёт к нему: «Пойдем да пойдем в кабак!» – «Нет, Горе! Воля твоя, а больше тащить нечего». – «Как нечего? У твоей жены два сарафана: один оставь, а другой пропить надобно». Мужик взял сарафан, пропил и думает: «Вот когда чист! Ни кола, ни двора, ни на себе, ни на жене!»

Поутру проснулось Горе, видит, что у мужика нечего больше взять, и говорит: «Хозяин!» – «Что, Горе?» – «А вот что: ступай к соседу, попроси у него пару волов с телегою». Пошел мужик к соседу: «Дай, – просит, – на времечко пару волов с телегою; я на тебя хоть неделю за то проработаю». – «На что тебе?» – «В лес за дровами съездить». – «Ну, возьми; только не велик воз накладывай». – «И, что ты, кормилец!» Привел пару волов, сел вме-

сте с Горем на телегу и поехал в чистое поле. «Хозяин! – спрашивает Горе. – Знаешь ли ты на этом поле большой камень?» – «Как не знать!» – «А когда знаешь, поезжай прямо к нему». Приехали они на то место, остановились и вылезли из телеги. Горе велит мужику поднимать камень; мужик поднимает, Горе пособляет; вот подняли, а под камнем яма – полна золотом насыпана. «Ну, что глядишь? – спрашивает Горе мужику. – Таскай скорей в телегу».

Мужик принялся за работу и насыпал телегу золотом, все из ямы повыбрал до последнего червонца; видит, что уж больше ничего не осталось, и говорит: «Посмотри-ка, Горе, никак там еще деньги остались?» Горе наклонилось: «Где? Я что-то не вижу!» – «Да вон в углу светятся!» – «Нет, не вижу». – «Полезай в яму, так и увидишь». Горе полезло в яму; только что опустилось туда, а мужик и накрыл его камнем. «Вот этак-то лучше будет! – сказал мужик. – Не то коли взять тебя с собою, так ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а все же пропьешь и эти деньги!» Приехал мужик домой, свалил деньги в подвал, волов от-

вел к соседу и стал думать, как бы себя устроить; купил лесу, выстроил большие хоромы и зажил вдвое богаче своего брата.

Долго ли, коротко ли – поехал он в город просить своего брата с женой к себе на именины. «Вот что выдумал! – сказал ему богатый брат. – У самого есть нечего, а ты еще именины справляешь!» – «Ну, когда-то было нечего есть, а теперь, слава богу, имею не меньше твоего; приезжай – увидишь». – «Ладно, приеду!» На другой день богатый брат собрался с женою, и поехали на именины; смотрят, а у бедного-то голыша хоромы новые, высокие, не у всякого купца такие есть! Мужик угостил их, употчевал всякими наедками, напоил всякими медами и винами. Спрашивает богатый у брата: «Скажи, пожалуй, какими судьбами разбогател ты?» Мужик рассказал ему по чистой совести, как привязалось к нему Горе горемычное, как пропил он с Горем в кабаке все свое добро до последней нитки: только и осталось, что душа в теле; как Горе указало ему клад в чистом поле, как он забрал этот клад да от Горя избавился.

Завистно стало богатому: «Дай, – думает, –

поеду в чистое поле, подниму камень да выпущу Горе – пусть оно дотла разорит брата, чтоб не смел передо мной своим богатством чваниться». Отпустил свою жену домой, а сам в поле погнал; подъехал к большому камню, своротил его в сторону и наклоняется посмотреть, что там под камнем? Не успел порядком головы нагнуть – а уж Горе выскочило и уселось ему на шею. «А, – кричит, – ты хотел меня здесь уморить! Нет, теперь я от тебя ни за что не отстану». – «Послушай, Горе! – сказал купец. – Все не я засадил тебя под камень...» – «А кто же, как не ты?» – «Это мой брат тебя засадил, а я нарочно пришел, чтоб тебя выпустить». – «Нет, врешь! Один раз обманул, в другой не обманешь!» Крепко насело Горе богатому купцу на шею; привез он его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе уж с утра за свое принимается; каждый день зовет купца опохмелиться; много добра в кабак ушло. «Этак несходно жить! – думает про себя купец. – Кажись, довольно потешил я Горе; пора б и расстаться с ним, да как?»

Думал-думал и выдумал: пошел на широ-

кий двор, обтесал два дубовых клина, взял новое колесо и накрепко вбил клин с одного конца в втулку. Приходит к Горю: «Что ты, Горе, все на боку лежишь?» – «А что ж мне больше делать?» – «Что делать! Пойдем на двор в гулючки играть». А Горе и радо; вышли на двор. Сперва купец спрятался – Горе сейчас его нашло, после того черед Горю прятаться. «Ну, – говорит, – меня не скоро найдешь! Я хоть в какую щель забьюсь!» – «Куда тебе! – отвечает купец. – Ты в это колесо не влезешь, а то – в щель!» – «В колесо не влезу? Смотри-ка, еще как спрячусь!» Влезло Горе в колесо; купец взял да и с другого конца забил в втулку дубовый клин, поднял колесо и забросил его вместе с Горем в реку. Горе потонуло, а купец стал жить по-старому, по-прежнему.

ДВЕ ДОЛИ

Жил да был мужик, прижил двух сыновей и помер. Задумали братья жениться: старший взял бедную, младший – богатую; а живут вместе, не делятся. Вот начали жены их меж собой ссориться да вздорить; одна говорит: «Я за старшим братом замужем; мой верх должен быть!» А другая: «Нет, мой верх! Я богаче тебя!» Братья смотрели-смотрели, видят, что жены не ладят, разделили отцовское добро поровну и разошлись. У старшего брата что ни год, то дети рожаются, а хозяйство все плоше да хуже идет; до того дошло, что совсем разорился. Пока хлеб да деньги были – на детей глядя, радовался, а как обеднял – и детям не рад! Пошел к меньшому брату: «Помоги-де в бедности!» Тот наотрез отказал: «Живи, как сам знаешь! У меня свои дети подрастают».

Вот немного погодя опять пришел бедный к богатому. «Одолжи, – просит, – хоть на один день лошади; пахать не на чем!» – «Сходи на поле и возьми на один день; да смотри – не замучь!» Бедный пришел на поле и видит,

что какие-то люди на братниных лошадях землю пашут. «Стой! – закричал. – Сказывайте, что вы за люди?» – «А ты что за спрос?» – «Да то, что эти лошади моего брата!» – «А разве не видишь ты, – отозвался один из пахарей, – что я – Счастье твоего брата; он пьет, гуляет, ничего не знает, а мы на него работаем». – «Куда же мое Счастье девалось?» – «А твое Счастье вон там-то под кустом в красной рубашке лежит, ни днем, ни ночью ничего не делает, только спит!» – «Ладно, – думает мужик, – доберусь я до тебя».

Пошел, вырезал толстую палку, подкрался к своему Счастью и вытянул его по боку изо всей силы. Счастье проснулось и спрашивает: «Что ты дерешься?» – «Еще не так прибью! Люди добрые землю пашут, а ты без просыпу спишь!» – «А ты небось хочешь, чтоб я на тебя пахал? И не думай!» – «Что ж? Все будешь под кустом лежать? Ведь этак мне умирать с голоду придется!» – «Ну, коли хочешь, чтоб я тебе помочь делал, так ты брось крестьянское дело да займись торговлею. Я к вашей работе совсем непривычен, а купеческие дела всякие знаю». – «Займись торговлею!.. Да было бы на

что! Мне есть нечего, а не то что в торг пускаться». – «Ну хоть сними с своей бабы старый сарафан да продай; на те деньги купи новый – и тот продай! А уж я стану тебе помогать: ни на шаг прочь не отойду!» – «Хорошо!»

Поутру говорит бедняк своей жене: «Ну, жена, собирайся, пойдем в город». – «Зачем?» – «Хочу в мещане приписаться, торговать зачну». – «С ума, что ли, спятил? Детей кормить нечем, а он в город норовит!» – «Не твое дело! Укладывай все имение, забирай детишек и пойдем». Вот и собрались. Помолились богу, стали наглухо запирать свою избушку и слышали, что кто-то горько плачет в избе. Хозяин спрашивает: «Кто там плачет?» – «Это я – Горе!» – «О чем же ты плачешь?» – «Да как же мне не плакать? Сам ты уезжаешь, а меня здесь покидаешь». – «Нет, милое! Я тебя с собой возьму, а здесь не покину. Эй, жена! – говорит. – Выкидывай из сундука свою поклажу». Жена опорожнила сундук. «Ну-ка, Горе, полезай в сундук!» Горе влезло; он его запер тремя замками; зарыл сундук в землю и говорит: «Пропадай ты, проклятое! Чтоб век с тобой не знаясь!»

Приходит бедный с женой и с детьми в город, нанял себе квартиру и начал торговать: взял старый женин сарафан, понес на базар и продал за рубль; на те деньги купил новый сарафан и продал его за два рубля. И вот таким-то счастливым торгом, что за всякую вещь двойную цену получал, разбогател он в самое короткое время и записался в купцы. Услыхал про то младший брат, приезжает к нему в гости и спрашивает: «Скажи, пожалуйста, как это ты ухитрился – из нищего богачом стал?» – «Да просто, – отвечает купец, – я свое Горе в сундук запер да в землю зарыл». – «В каком месте?» – «В деревне, на старом дворе». Младший брат чуть не плачет от зависти; поехал сейчас на деревню, вырыл сундук и выпустил оттуда Горе. «Ступай, – говорит, – к моему брату, разори его до последней нитки!» – «Нет! – отвечает Горе. – Я лучше к тебе пристану, а к нему не пойду; ты – добрый человек, ты меня на свет выпустил! А тот лиходей – в землю упрятал!» Немного прошло времени – разорился завистливый брат и из богатого мужика сделался голым бедняком.

ИСТОРИЯ О СЛАВНОМ И ХРАБРОМ БОГАТЫРЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И О СОЛОВЬЕ-РАЗБОЙНИКЕ

В славном было городе Муроме, в селе Карачарове – жил крестьянин Иван Тимофеевич. У него было любимое детище Илья Муромец; сидел он сиднем тридцать лет, и как минуло тридцать лет, то стал он ходить на ногах крепко, и ощутил в себе силу великую, и сделал себе сбрую ратную и копье булатное, и оседлал коня доброго, богатырского. Приходит к отцу и матери и стал у них просить благословения: «Государи мои, батюшка и матушка! Отпустите меня в славный город Киев богу помолиться, а князю киевскому поклониться». Отец и мать его дают ему благословение, кладут на него заклятие великое и говорят такие речи: «Поезжай ты прямо на Киев-град, прямо на Чернигов-град, и на пути своем не делай никакой обиды, не проливай напрасно крови христианской». Илья Муромец принял у отца и матери благословение, богу молится, с отцом и с матерью прощается,

и поехал в путь свой.

И так далеко заехал во темны леса, что наехал на таборы разбойничьи; и те разбойники увидели Илью Муромца, и разгорелись у них сердца разбойнические на коня богатырского, и стали между себя разговаривать, чтобы лошадь отнять, что такой лошади ни в которых местах не видывали, а ныне едет на таком добром коне незнамо какой человек. И стали на Илью Муромца напускать человек по десяти и по двадцати; и стал Илья Муромец останавливать коня своего богатырского, и вынимает из колчана калену стрелу, и накладывает на тугой лук. Пустил он калену стрелу по-над землю, калена стрела стала рвать на косую сажень. И, видя то, разбойники испужались и собирались во един круг, пали на колени и стали говорить: «Государь ты наш батюшка, удал добрый молодец! Виноваты мы перед тобою, и за такую вину нашу бери казны, сколько надобно, и платья цветного, и табуны лошадей, сколько угодно». Илья, усмехнувшись, сказал: «Некуды мне девать!.. А если хотите живы быть, так вперед не отважьтесь!» – и поехал в путь свой к славному

граду Киеву.

Подъезжает он ко граду Чернигову, и под тем градом Черниговом стоят войска басурманские, что и сметы[256] нет, и Чернигов-град осадили, и хотят его вырубить и божию церкву на дым пустить, а самого князя и воеводу черниговского живых в полон взять. И той великой силе Илья Муромец ужаснулся; однако положился на волю создателя своего господа бога и вздумал положить главу свою за веру христианскую. И стал Илья Муромец побивать силу басурманскую копием булатным, и всю силу поганую побил, и царевича басурманского в полон взял и ведет во град Чернигов. Встречают его из града Чернигова граждане с честью, идет сам князь и воевода черниговский, принимают доброго молодца с честью, благодарение господу богу воссылают, что господь прислал нечаянно граду очищение и не дал всем напрасно погибнуть от такой силы басурманския; взяли его в палаты свои, и сотвориша великий пир, и отпустиша его в путь.

Илья Муромец поехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернигова, которую заложил

Соловей-разбойник ровно тридцать лет, не пропускал ни конного, ни пешего, а убивал не оружием, но своим свистом разбойничьим. Выехал Илья Муромец в чисто поле и увидел попрыски[257] богатырские, и по ним поехал, и приехал на те леса Брянские, на те грязи топучие, на те мосты калиновы и к той реке Смородинке. Соловей-разбойник слышал себе кончину и несчастие великое и, не допуская Илью Муромца за двадцать верст, засвистал своим свистом разбойническим крепко; но богатырское сердце не утрашилось. И, не допуская еще за десять верст, засвистал он громче того, и с того свисту под Ильею Муромцем конь спотыкнулся. Приехал Илья Муромец под самое гнездо, которое свито на двенадцати дубах; и Соловей-разбойник, на гнезде сидя, увидел святорусского богатыря, и засвистал во весь свист, и хотел Илью Муромца убить до смерти.

Илья Муромец снимает с себя тугой лук, накладывает калену стрелу и пускает на то гнездо Соловьиное, и попал ему в правый глаз и вышиб вон; Соловей-разбойник свалился с гнезда, что овсяный сноп. Илья Муромец

мец берет Соловья-разбойника; привязал его крепко к стремени булатному и поехал к славному граду Киеву. На пути стоят палаты Соловья-разбойника, и как поравнялся Илья Муромец против палат разбойнических, у которых окна были растворены и в те окна смотрели разбойничьи три дочери, – увидела его меньшая дочь и закричала своим сестрам: «Вон наш батюшка едет с добычею и везет к нам мужика, привязанного у стремени булатного». А большая дочь посмотрела и горько заплакала: «Это не батюшка наш едет; это едет незнамо какой человек и везет нашего батюшку». И закричали они мужьям своим: «Мужья наши милые! Поезжайте к мужику навстречу и отбейте у него нашего батюшку, не кладите наш род в таком позоре».

Мужья их, сильные богатыри, поехали против святорусского богатыря; кони у них добрые, копыта острые, и хотят они Илью на копытах поднять. И увидел Соловей-разбойник и стал говорить: «Зятя мои милые! Не позорьтесь вы и не дразните такого сильного богатыря, чтобы всем вам не принять от него смерти; лучше с покорностию попросите его в

дом мой выпить чару зелена вина». По просьбе зятей поворотил Илья в дом, не ведая их злобы. Большая дочь подняла железную на цепях подворотню, чтоб его пришибить. Но Илья усмотрел ее на воротах, ударил копием и ушиб до смерти.

И как приехал Илья Муромец в Киев-град, въезжает прямо на княженецкий двор и входит в палаты белокаменные, богу молится и князю кланяется. Князь киевский спрашивает: «Скажи, добрый молодец, как тебя зовут и из которого города ты уроженец?» Ответ держит Илья Муромец: «Меня, государь, зовут Ильюшкою, а по отчеству Иванов, уроженец города Мурома, села Карачарова». Князь спрашивает: «Которою дорогою ехал ты из Мурома?» – «На Чернигов-град, и под Черниговом побил войска басурманские, что и сметы нет, и очистил Чернигов-град; и оттуда поехал прямою дорогою, и взял сильного богатыря Соловья-разбойника, и привел его с собою у стремени булатного».

Князь, осердясь, сказал: «Что ты обманываешь!»

Как услышали это богатыри Алеша Попо-

вич и Добрыня Никитич, они бросились смотреть и, увидев, князя уверили, что справедливо так. И приказал князь поднести чару зелена вина доброму молодцу. Захотелось князю разбойнического свисту послушать. Илья князя со княгинею обернул в шубу соболью и, поставя их под мышки, призвал Соловья и приказал в полсвиста засвистать соловьем. А Соловей-разбойник засвистал во весь разбойнический свист и оглушил богатырей так, что они упали на пол; и за то убил его Илья Муромец.

Илья Муромец назвался с Добрынею Никитичем братьями. И оседлали они своих добрых коней, и поехали в чистые поля гулять, и ездили ровно три месяца, не нашли себе супротивника. Только наехали в чистом поле: идет калечище[258] прохожий; гуня[259] на нем в пятьдесят пуд, шляпа в девять пуд, костыль в десять сажон. Илья Муромец стал на него коня напускать и хочет отведать с ним своей силы богатырския. И увидал калечище прохожий Илью Муромца и говорит: «Ой ты еси, Илья Муромец! Помнишь ли, мы с тобою в одной школе грамоте учились, а ныне ты на

меня, такого калику, напускаешь коня, как на некоего неприятеля; а того ты не ведаешь, что во славном городе Киеве великая невзгода учинилась: приехал неверный сильный богатырь Идолище нечестивый, голова у него с пивной котел, а в плечах сажень, промеж бровьми пядь, промеж ушей калена стрела, а ест он по быку, а пьет он по котлу; и князь киевский вельми о тебе соболезнует, что ты его в этакой печали оставил».

Нарядясь в калечищино платье, едет Илья Муромец прямо на княженецкий двор и закричал богатырским голосом: «Ой еси ты, князь киевский! Сошли мне, калечищу прохожему, милостыню». И увидел его князь и говорит такову речь: «Поди ко мне в палаты, калечище! Я тебя накормлю-напою и золотой казны на дорогу дам». И вошел калечище в палаты и стал у печи – поглядывает. Идолище просит есть. Принесли ему быка целого жареного, а он его и с костями съел. Идолище просит пить. Принесли котел пива, а несли двадцать человек; и он взял его за уши и выпил весь. Илья Муромец говорит: «Была у моего батюшки кобыла обжорлива, обожралась и

издохла!» Идолище не утерпел и говорит: «Ой еси ты, калечище прохожий! Что ты меня за-
маешь?[260] Мне тебя нечего и в руки взять! Не то что ты, – каков был у вас Илья Муромец, я бы и с тем стычку дал». – «Да вот каков он!» – сказал Илья Муромец, и схватил с себя шляпу, и ударил его в голову тихонько – только прошиб стену палат, и взял туловище (Идолищино) – туда ж выкинул. И за то князь Илью Муромца почтил великими похвалами и причел в сильные, могучие богатыри.

* * *

Во славном граде Муроме слушал Илья Муромец заутреню воскресную, поход держал ко граду Киеву, ко славному князю Владимиру Всеславьевичу, а завет положил, чтоб отнюдь во всю широкую дорогу острой сабли из ножен не вынимать, а на крепкий лук тетивы не накладывать.

И тако поехал Илья Муромец тою дорогою. Как будет он под градом Себежем, и там стоят три царевича заморские, а силы с ними триста тысяч, и хотят они Себеж-град за щитом взять, а самого царя себежского в полон взять.

И тако поехал Илья Муромец в сугонь[261] за тремя царевичами, и нагнал их у морской пристани, и достальных людей побил, а трех царевичей в полон взял, и возвратился во град Себеж. И увидели его граждане и возвестили о нем царю себежскому.

И потом себежский царь приказал отворять врата градские и принимать Илью Муромца за руки белые, а сам говорит: «Гой еси ты, добрый молодец, как твое имя и коего ты граду?» Отвещает Илья Муромец: «Зовут меня Ильею, по отчеству Иванов сын, уроженец града Мурома». Потом рече себежский царь: «Откуда твоя дорога лучилась?[262]» Отвещает Илья Муромец: «Еду я на мосты калиновы». А Илья Муромец спрашивает у него дороги ко граду Киеву. И рече ему себежский царь: «Прямая у нас дорога лежит на мосты калиновы; только та у нас дорога залегла давно: тридцать лет от Соловья никакой человек не прохаживал и птица никакая не пролетала».

И тут поехал Илья Муромец тою дорогою. Как будет он на мосту калиновом, и там увидел его Соловей и засвистал своим посвистом. В то время под Ильею Муромцем добрый его

конь спотыкнулся. И вынул Илья Муромец свой крепкий лук, и наложил калену стрелу, и попал Соловью в правый глаз; в то время упал Соловей с девяти дубов, что овсяный сноп. А Илья Муромец слез с своего доброго коня и хочет ретиво сердце вынуть. И возмолится ему Соловей: «Гой еси ты, добрый молодец! Оставь душу мою хотя на покаяние!» И говорит ему Илья Муромец: «Где твоя лежит злата казна?» Отвещает Соловей: «Лежит моя злата казна в моих селах Кутузовых, а гонцы гоняют (туда) по два месяца, а скоро-наскоро месяц».

И тут поехал Илья Муромец тою дорогою. Как будет он под селом Кутузовом, и увидели Соловья его двенадцать сынов, и надевают на себя сбрую богатырскую, и хотят с Ильей Муромцем битися. И говорит Соловей: «Светы мои дети малые! Зовите вы его за столы дубовые, а подносите ему меду сладкого...»

(В рукописи пропуск.)

...Потом вшел Илья Муромец в ту палату каменную ко князю Владимиру, и молится он

чудным образом и князю Владимиру поклоняется, а после на все четыре стороны. И в то время у князя Владимира было пируваньё великое. Потом князь Владимир принимает Илью Муромца за руки белые, а сам говорит: «Гой еси ты, добрый молодец! Как твое имя и коего ты граду?» Отвещает Илья Муромец: «Зовут меня Ильею, по отчеству Иванов сын, уроженец града Мурома». Потом рече князь Владимир: «Когда ты, Илья Муромец, выехал из Мурома?» Отвещает Илья Муромец: «Поехал я из града Мурома, слушавши заутреню воскресную; как я будучи под градом Себежем, и там стоят три царевича заморские, а силы с ними триста тысяч, и хотели они Себеж-град за щитом взять, а самого царя себежского в полон взять. Вторая причина: как я будучи на мосту калиновом, и там увидел (меня) Соловей и засвистал своим посвистом; в то время подо мною конь спотыкнулся. И я его из лука попал в правый глаз и привел его с собою, и теперь он стоит у моего доброго коня». И выглянул Илья Муромец во оконце и велел Соловью засвистать. И Соловей стал свистать; в то время у князя Владимира крес-

ла подломились, и у палаты своды потряслись, и все богатыри на землю попадали, а ветхие хоромы и совсем повалились. И князь Владимир стал весел и говорит ему: «Послужи ты мне, Илья Муромец, верою и правдою и покажи свою силу богатырскую!»

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЗМЕЙ

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был мужичок и с хозяйскою. Живет он богатой рукой, всего у него довольно, капитал хороший имеет. И говорят они промеж собой, сидя с хозяйскою: «Вот, хозяйка, довольно всего у нас, только у нас детей нету; станем просить бога, авось господь нам создаст детище хотя бы напоследях, при старости». Стали просить бога, и забрюхатела она, и время пришло – родила детище. Прошел год, и два, и три года прошли, ноги у него не ходят, а должно б ему ходить; восемнадцать годов прошло – все без ног сидит.

Вот пошел отец с матерью на покос убирать сено, и остался сын один. Приходит к нему нищенский братия и просит у него милостыньку: «Хозяинушка! Сотвори старичку

господню милостыньку Христа ради!» Вот он ему и говорит: «Старичок господень, не могу я тебе подать милостыньку: я без ног». Вошел старичок в избу. «Ну-тка, – говорит, – встань-ка с постели, дай мне ковшичек». Вот, взявши, дал ему ковшичек. «Поди, – говорит, – принеси мне водицы». Принес ему воды и подает в ручки: «Извольте, старичок господень!» Вот он ему назад и отдает. «Выпей, – говорит, – в ковше всеё воду». Опять посылает он его за водою: «Опять сходи, принеси другой ковшик воды». Шедши он за водою за которое дерево ни ухватится – из корню выдернет. Старичок господень и спрашивает у него: «Слышишь ли теперь в себе силу?» – «Слышу, старичок господень! Сила теперь во мне есть большая: кабы утвердить в подвселенную такое кольцо, я бы смог поворотить подвселенную». Как принес он другой ковшик, старичок господень выпил полковша, а другую половину дал ему выпить: силы у него и поубавилось. «Будет, – говорит он, – с тебя и этой силы!» Помолился старичок господень богу и пошел домой. «Оставайся, – говорит, – с богом!»

Скучно ему лежать, и пошел он копать в лес, свою силу пробовать. И ужаснулся народ, что он сделал, сколько лесу накопал! Вот идет и отец с матерью с покосу. Что это такое? Лес весь вырыт; кто такой вырыл? Подходят ближе. Жена и говорит своему мужу: «Хозяин, ведь это наш Илюшенька роет!» – «Дура, – говорит он, – не может наш Илюшенька это сделать; пустяки, что это наш Илюшенька!» И подошли к нему: «Ах, батюшка ты наш, как тебе господь создал это?» Вот и говорит Илья: «Пришел ко мне старичок господень, милостыньку просить стал; я ему и отвечаю: „Старичок господень, не могу я тебе милостыньку подать: я без ног“. Вот он ко мне и пришел в избу: „Ну-тка, говорит, встань-ка с постели, дай мне ковшичек!“ Встал я и дал ему ковшичек. „Поди, говорит, принеси мне водицы“. Принес ему воды и подал в ручки. „Выпей, – говорит старичок, – в ковше всеё воду!“ Выпил – и стала во мне сила великая!»

Вот сходятся мужики на улицу, говорят промеж собою: «Вона какой он стал сильный, могучий богатырь! – называют этак мужики Илью. – Вишь он наделал какую копать! На-

добно, – говорят, – в городе объявить про него». Вот узнал об нем и государь, что есть такой сильный, могучий богатырь; призвал его к себе, и показался[263] он государю, и нарядил его государь в платье, како следует. И показался он всем и служить стал хорошо. Вот и говорит государь: «Сильный, могучий ты богатырь! Подымешь ли мой дворец под угол?» – «Извольте, ваше царское величество! Хошь набок, как угодно подыму его». Вот у царя дочь прекрасная, красавица такая, что не можно вздумать, ни взгадать, ни в бумаге пером написать. И показала она ему очень, и хочет с ней обвенчаться.

Вот как-то государь и поехал в друго государство к королю к другому. Приезжает к другому королю, а у другого короля тоже весьма хороша дочь, и повадился к ней змей летать об двенадцати голов, всё её иссушил: совсем извелась! Вот государь и говорит этому королю: «У меня есть такой сильный, могучий богатырь, он убьет змея об двенадцати голов». Король и просит: «Пожалуйте – ко мне его пришлите». Вот как приехал он в свое государство и разговаривает с своей государыней:

«У этакого-то короля повадился змей об двенадцати глав летать к дочери, всеё ее извел, иссосал». И говорит: «Илья Иванович! Не можешь ли ты послужить, его убить?» – «Извольте, ваше царское величество, могу; я его убью».

Вот государь и говорит: «На почте поедешь и трахтами пойдешь, так и так-то возьмешь». – «Я верхом один поеду, пожалуйста мне жеребца». – «Войди в конюшню, – говорит ему государь, – выбирай любого». А дочь просит его в другой комнате: «Не ездите, Илья Иванович; вас убьет змей об двенадцати головах, не сможете с ним сладить». Он и говорит: «Извольте оставаться и ничего не думать; я приеду в сохранности и в добром здравье». Пошел в конюшню жеребца себе выбирать; пришел к жеребцу к первому, наложил на жеребца руку, тот спотыкнулся; перепробовал всех жеребцов в конюшне: на которого ни наложит руку – всякий спотыкается, ни один не удержит. Пришел к самому последнему жеребцу – так, в забросе стоял, – ударил его по спине рукой; он только заржал. И говорит Илья: «Вот мой верный слуга, не спотыкнул-

ся!» Приходит к государю: «Выбрал, ваше царское величество, себе жеребца, слугу верно-го». Отпускают его с молебном, со добрыми порядками.

Сел на доброго коня, ехал долго ли, мало ли, подъезжает к горе: прекрутая, большая гора, и на ней все песок; насилу въехал. На горе стоит столб, на столбе подписано три дороги: по одной дороге ехать – сам сыт будешь, конь голоден; по другой дороге ехать – конь сыт, сам голоден; по третьей дороге ехать – самого убьют. Вот он взял да и поехал по этой дороге, по которой самого убьют; а он на себя надеялся. Долго ли, мало ли ехал лесами дремучими: не можно взглянуть – такой лес! А тут сделалась в лесу елань[264] такая широкая, а на ней стоит избушка. Подъезжает он к избушке и говорит: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом». Избушка поворотилась, стала к лесу задом, к нему передом. Слезает он с доброго коня и привязывает его к столбу. И услышала это баба-яга и говорит: «Кто такой невежа приехал? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а таперьча и сама русский дух хочу очьми видеть».

Вот, взявши, ударила она жезлом по двери, и дверь отворилась. А у ней в руках коса кривая, и хочет она ею взять богатыря за шею и срезать ему голову. «Постой, баба-яга! – говорит он. – Я с тобой поправлюсь». Взял у ней выдернул косу эту из рук, схватил ее за волосы, ударил ее и говорит:

«Ты бы прежде спросила, какой я фамилии, какого роду и какого поведения и куда еду». Вот она и спрашивает: «Какой вы фамилии, какого роду и куда едете?» – «Меня зовут Илья Иванович, а еду туда-то». – «Пожалуйте, – говорит, – Илья Иванович, ко мне в горницу». Вот он и пошел к ней в горницу; она сажает его за стол, ставит на стол кушанья и напитки всякие и потчевает, а девушку послала баньку топить для него. Вот покушал он и выпарился, перестоял у нее сутки и собирается опять в путь-дорогу, куда надлежит. «Извольте, – говорит баба-яга, – я напишу письмо к сестрице, чтоб она вас не тронула, а приняла бы с честью с хорошею... А то она вас убьет, как завидит!» Отдает ему письмо и провожает его с честью доброю, хорошею.

Вот садится богатырь на доброго коня и по-

ехал лесами дремучими; ехал много ли, мало ли: не можно взглянуть – такой лес! И приезжает на елань – такая широкая елань, а на ней стоит избушка наслана. Подъезжает он к избушке, и слезает с добра коня, и привязывает своего добра коня к столбу. Услышала это баба-яга, что он привязывает к столбу коня, и закричала: «Что такое? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а таперьча и сама русский дух очьми хочу видеть». Вот она ударила жезлом по двери; дверь отворилася. И хватает она его саблюю по шее; он и говорит: «Ты не моги со мною барахтаться! Вот тебе письмо сестрица прислала». Она прочитала и принимает его с честью к себе в дом: «Пожалуйте ко мне в гости!» Идет Илья Иванович. Она сажает его за стол и становится на стол кушанья всякие, напитки и наедки,[265] потчевает, а сама послала девушку топить для него баньку. Покушавши, пошел выпарился в бане. Двое суток он у ней перестоял, сам отдохнул, и добрый конь его отдохнул. Стал на добра коня садиться, и провожает она его с честью. «Ну, Илья Иванович, – говорит, – таперьча тебе не проехать; тут Соловей-разбой-

ник ждет, на семи дубах у него гнездо свито, он не допустит на тридесять верст – свистом оглушит!»

Вот он ехал долго ли, мало ли, подъезжает к тому месту, что слышал свист от Соловья-разбойника, и как до половины дороги доехал, конь его спотыкнулся. Вот он и говорит: «Не спотыкайся, добрый конь, уж послужи мне». Подъезжает к Соловью-разбойнику, он все свищет. Подъехавши к гнезду, взял стрелу, натянул и пустил в него – и упал Соловей с гнезда. Вот он его на земле и ударил снова,[266] чтобы не до смерти убить, и посадил к себе в торока[267] на седло, и едет к дворцу. Видят его из дворца и говорят: «Соловей-разбойник везет кого-то в тороках!» Подъезжает богатырь ко дворцу и подает бумагу. Подали королю от него бумагу; тот прочитал и приказал его впустить. Вот и говорит король Илье Ивановичу: «Велите Соловью-разбойнику засвистать». А Соловей-разбойник говорит: «Вы бы накормили и напоили Соловья-разбойничка: у меня уста запеклися». Вот и принесли ему винца, а он говорит: «Что мне штофик! Вы бы бочоночек принесли мне по-

рядочный». Принесли ему бочонок вина, вылили в ведро. Он выпил зараз и говорит: «Еще бы Соловью-разбойничку две ведерочки, так выпил бы!» – да уж не дали ему. И просит король: «Ну, прикажи, – говорит, – ему засвистать». Илья велел ему засвистать, а короля и всю его фамилию[268] поставил к себе под руки, под мышки: «А то, – говорит, – он оглушит вас!» Как засвистал Соловей-разбойник, насилу остановил его Илья Иванович, ударил его жезлом – он и перестал свистать, а то было попадали все!

Вот и говорит король Илье Ивановичу: «Послужишь ты мне вот этакую службу, как я стану тебя просить? К моей дочери вот летает змей о двенадцати голов; как бы его убить?» – «Извольте, ваше королевское величество! Что для вас угодно – все сделаю». – «Пожалуйста, Илья Иванович; вот в таком-то часу прилетит змей к моей дочери, так постарайся!» – «Извольте, ваше королевское величество!..» Лежит королева в своей комнате; в двенадцать часов и летит к ней змей. Вот и стали они драться: как ни ударит Илья, так с змея голова долой; как ни ударит, голова долой! Дра-

лись много ли, мало ли время, осталась одна голова; и последнюю голову с него сшиб: ударил жезлом и расшиб ее всю. Радехонька же королева встала, пришла к нему и его благодарила; доложила отцу с матерью, что убит змей: все-де головы посбивал! Король и говорит: «Благодарю тебя; изволь послужить сколько-нибудь у меня». – «Нет, – говорит, – я поеду в свое государство». Отпустил его король от себя с честью хорошею. Вот он и поехал опять тою же дорогою. Как приехал к первой бабе-яге ночевать, приняла она его с честью; и к другой приехал, и та приняла его с честью со всякою. Приехал в свое государство и подал государю от того короля бумагу. И государь принял его с честью, а дочь государева насилу дождалася: «Ну, тятенька, извольте, я за него замуж пойду». Отец с ней воли не снял: «Ну, коли угодно, так поди!» Обвенчались и таперьча живут.

ВАСИЛИЙ БУСЛАВИЧ

Жил-был Буслав девяносто годов, живучи Буслав переставился.[269] Остается его любима молода жена Ванилфа Тимофеевна, остается у нее млад сын Василий Буславич. И стал этот сын Василий Буславич с малыми ребятами поигрывать: у кого руку оторвет, у кого голову расколет. Отдала Ванилфа Тимофеевна своего сына любимого старику Угрумищу учить – во листы писать; а выучился Василий Буславич не во листы писать, а выучился соколом летать. Вот однажды у старика Угрумища сделались пир и беседа; он не позвал на него своего любимца Василья Буславича.

Пришел сам Василий Буславич на пир на беседу, из переднего угла гостей повыхватал, со скамеечки повыдергал, проводил на новы сени черным вязом. Старша Угрумища осерчал на него, на своего любимца, и сказал ему: «Ты не секчи, молодой сектун! Тебе не выпить из Оби воды, не выбить из граду людей; выпьешь из Оби воду, выбьешь из граду людей – вот тебе пятьсот рублей!» Пришел наш

Василий Буславич домой к своей матери и говорит: «Ах, матушка родимая! Я в молодых годах расхвастался, с старшом Угрумищей рассорился». Мать взяла его пьяного напоила и в темную темницу заложила.

Вот народ собрался с ним воевать, а он в темнице спит да спит, ничего не знат. Женщина по воду ходила и ему в окошко закричала: «Что, – говорит, – Василий Буславич, спишь, ничего не знашь; я, – говорит, – по воду ходила, сколько людей коромыслом прибила!» Василий Буславич, услыхав эти слова, вышиб каменную стену у темницы и пошел народ-силу бить. Старша Угрумища и возмолился ему: «Гой ли ты, Василий Буславич! Уходи, – говорит, – свое сердце ретивое, утоли плеча богатырские: я тебе пятьсот сулил, а теперь отдам всю тысячу!» Вот Василий Буславич смиловался и пошел к своей матери: «Ах, – говорит, – матушка родимая! Я сегодня много крови пролил, много народу побил!»

Вот мать на него осерчала, сделала ему корабль, набрала людей и отправила, по морю; сказала ему, чтоб ехал он куды хочет и рукой вслед махнула. Василий Буславич приплыл

на зеленые луга. Тут лежит морская пучина – вокруг глаза. Он вокруг нее похаживает, сапожком ее попинывает, а она ему и говорит: «Василий Буславич! Не пинай меня, и сам тут будешь». Вот после этого рабочие его расшутились меж собой и стали скакать через морскую пучину. Все перескочили, а он скакнул напоследке и задел ее только пальцем правой ноги, да тут и помер.

АЛЕША ПОПОВИЧ

На небесах зародился млад-светел месяц, на земле-то у старого соборного у Леонтья-попа зародился сын – могучий богатырь; а имя нарекли ему млад Алеша Попович – имечко хорошенькое. Стали Алешу кормить-поить: у кого недельный, он денной такой; у новых [270] годовой, Алеша недельный такой. Стал Алеша по улочке похаживати, стал с малыми ребятками поигрывать: кого возьмет за ручку – ручка прочь, кого за ножку – ножка прочь; игра-то у него некорыстно пошла! Кого за середку [271] возьмет – живота лишит. И стал Алеша на возрасте; учал у отца-матери просить благословеньица: ехать-гулять во чи-

сто поле. Отец говорит: «Алеша Попович! Посажаеть ты во чисто поле; есть у нас и по сильней тебя; ты возьми себе в слуги верные Марышка Паранова сына». И садились добры молодцы на добрых коней; как поехали они во чисто поле – пыль столбом закурилася: только добрых молодцев и видели!

Приезжали добры молодцы ко князю ко Владимиру; тут Алеша Попович прямые[272] идет в белокаменные палаты ко князю ко Владимиру, крест кладет по-писаному, поклоняется по-ученому на все на четыре стороны, а князю Владимиру на особицу. И встречает добрых молодцев Владимир-князь и сажает их за дубовый стол: хорошо добрых молодцев попоить-покормить и втапор вестей поспросить; учили добры молодцы есть пряники печатные, запивать винами крепкими. Тут спросил добрых молодцев Владимир-князь: «Кто вы, добры молодцы? Сильные ли богатыри удалые или путники перехожие – сумки переметные? Не знаю я вам ни имени, ни отчины». Ответ держит Алеша Попович: «Я сын старого соборного Леонтья-попа Алеша Попович млад, а в товарищах слуга Марышко Па-

ранов сын». Как поел да попил Алеша Попович, учал правиться[273] на кирпичну печь, лег полудновать,[274] а Марышко за столом сидит. В те поры да в то времечко наезжал Змеевич-богатырь и облаатынил[275] все царство князя Владимира. Идет Тугарин Змеевич в палаты белокаменны ко князю Владимиру; он левой ногой на порог ступил, а правой ногой за дубовый стол; он пьет и ест и с княгиней обнимается, а над князем Владимиром играетя и ругается; он кладет ковригу за щеку, а другую за другую кладет; на язык кладет целого лебедя, пирогом попихнул – все вдруг проглотнул.

Лежит Алеша Попович на кирпичной печи и говорит такие речи Тугарину Змеевичу: «Было у нашего батюшки у старого у Леонтья-попа – было коровище, было обжорище, ходило по пивоварням и съедало целые кадцы пивоварные с гущею; дошло коровище, дошло обжорище до озера, всю воду из озера выпило – взяло его тут и розорвало, а и тебя бы Тугарина так за столом-то всего прирвало!» Рассердился Тугарин на Алешу Поповича, бросил в его булатным ножом; Алеша Попович

увертлив был, увернулся от его за дубовый столб. Говорит Алеша таково слово: «Спасибо тебе, Змеевич Тугарин-богатырь, подал ты мне булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я тебе очи ясные, засмотрю я твоего ретива сердца».

В те поры выскакал Марышко Паранов сын из-за стола из-за дубового на резвы ноги и хватил Тугарина за навороть,[276] выхватил из-за столъя и бросил о палату белокаменну – и посыпались оконницы стекольчатые. Как возговорит Алеша Попович с кирпичной печи: «Ой ты, Марышко, Марышко Паранов сын, ты верная слуга неизменная!» Отвечает Марышко Паранов сын: «Подай-ка ты мне, Алеша Попович, булатный нож; распорю я Тугарину Змеевичу груди белые, застелю я ему очи ясные, засмотрю его ретива сердца». Ответ держит Алеша с кирпичной печи: «Ох ты, Марышко Паранов сын! Не руди [277] ты палат-то белокаменных, отпусти его во чисто поле; некуда он там деваается; съедемся с ним заутро во чистом поле».

Поутру раным-ранешенько подымался вмествах с солнышком Марышко Паранов сын,

выводил он резвых коней пить воды на быстру реку. Летает Тугарин Змеевич по поднебесью и просит Алешу Поповича во чисто поле. И приезжал Марышко Паранов сын к Алеше Поповичу: «Бог тебе судья, Алеша Попович! Не дал ты мне булатного ножа; распорол бы я поганцу груди белые, застлал бы я его очи ясные, высмотрел бы я его ретива сердца; теперя что возьмешь у него, у Тугарина? Летает он по поднебесью». Говорит Алеша таково слово: «Не замена моя, все измена!»

Выводил Алеша своего добра коня, обседлал во черкасское седло, подтянул двенадцатью подпругами шелковыми – не ради басы, [278] ради крепости, поехал Алеша во чисто поле. Едет Алеша по чисту полю и видит Тугарина Змеевича: он летает по поднебесью. И взмолился Алеша Попович: «Пресвятая мати богородица! Накажи-ка ты тучу черную; дай бог из тучи черной часта дождичка крупенистого, смочило бы у Тугарина крыльица бумажные». У Алеши была мольба доходная: накатила туча черная; из той тучи грозной дал бог дождичка частого, частого да крупенистого, и смочило у Тугарина крыльица бу-

мажные; пал он на сыру землю и поехал по чисту полю.

Не две горы вместе скатаются, то Тугарин с Алешей съезжались, палицами ударились – палицы по чивьям[279] поломались, копьями соткнулись – копья чивьями извернулись, саблями махнулись – сабли исцербились. Тут-то Алеша Попович валился с седла, как овсяный сноп; и тут Тугарин Змеевич учал бить Алешу Поповича, а тот ли Алеша увертлив был, увернулся Алеша под конное черево, с другой стороны вывернулся из-под черева и ударил Тугарина булатным ножом под правую пазуху, и спихнул Тугарина со добра коня, и учал Алеша Попович кричать Тугарину: «Спасибо тебе, Тугарин Змеевич, за булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я твои очи ясные, засмотрю я твоего ретива сердца».

Отрубил ему Алеша буйну голову, и повез он буйну голову ко князю ко Владимиру; едет да головушкой поигрывает, высоко головушку выметывает, на востро копье головушку подхватывает. Тут Владимир ополохнулся: [280] «Везет-де Тугарин буйну голову Алеши

Поповича! Попленит он теперь наше царство христианское!» Ответ держит Марышко Паранов сын: «Не тужи ты, красно солнышко Владимир стольный, киевский! Если едет по земли, а не летает по поднебесью поганый Тугарин, сложит он свою буйну голову на мое копье булатное; не печалуйся, князь Владимир: какова пора – я с им побратаются!»

Посмотрел тут Марышко Паранов сын в трубочку подзорную, опознал он Алешу Поповича: «Вижу я ухватку богатырскую, поступку молодецкую: накруто Алеша коня поворачивает, головушкой поигрывает, высоко головушку выметывает, на востро копье головушку подхватывает. Едет это не Тугарин поганый, а Алеша Попович, сын Леонтья-попа старого соборного; везет он головушку поганого Тугарина Змеевича».

ДАНИЛО БЕССЧАСТНЫЙ

Во городе Киеве у нашего князя Владимира много слуг и крестьян, да был при нем Данило Бессчастный дворянин: придет день воскресный – Владимир-князь всем по рюмке горького подаст, а ему в горб да в горб; придет большой праздник – кому награда, а ему все ничего! Накануне было светлого воскресения, во страстную субботу, зовет Владимир-князь Данилу Бессчастного, отдает ему на руки сорок сороков соболей, велит к празднику шубу сшить: соболь не делан, пуговицы не литы, петли не виты; в пуговицах наказано лесных зверей заливать, в петлях заморских птиц зашивать.

Опостылела Даниле Бессчастному работа, бросил – пошел за ворота, пошел ни путем ни дорогою и слезно плачет. Идет ему навстречу старая старуха: «Мотри, Данило, не распороть бы те брюха! О чем ты, Бессчастный, плачешь?» – «Ах ты, старая пузырьница, – пузырем ж... заплачена, лихорадкой подхвачена! Поди прочь, мне не до тебя!» Отошел немного и думает: «Зачем я ее разбранил!» Стал к ней

подходить и такие речи говорить: «Бабушка-голубушка! Прости меня; вот мое горе: дал мне Владимир-князь сорок сороков неделанных соболей, чтоб завтра шуба поспела; были бы часты пуговицы литые, шелковые петли витые; в пуговицах были бы львы золотые, а в петлях были бы птицы заморские завиты – пели бы, распевали! А где мне того взять? Лучше за стойкой чарку водки держать!»

Говорит ему старуха заплатано брюхо: «А, теперь бабушка-голубушка! Поди же ты к синему морю, стань у сырого дуба; в самую полночь сине море всколыхается, выйдет к тебе Чудо-Юдо, морская губа, без рук, без ног, с седой бородою; ухвати его за бороду и бей по тех пор, пока Чудо-Юдо спросит: за что ты, Данило Бессчастный, бьешь меня? А ты отвечай: хочу, чтоб явилась передо мной Лебедь-птица, красная девица, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы кости казались, сквозь костей бы в примету было, как из косточки в косточку мозг переливается, словно жемчуг пересыпается». Пришел Данило Бессчастный к синю морю, стал у сыра дуба. В самую полночь сине море всколыхалось,

вышло к нему Чудо-Юдо, морская губа, без рук, без ног – одна борода седая! Ухватил его Данило за ту бороду и принялся бить о сырую землю. Спрашивает Чудо-Юдо: «За что ты бьешь меня, Данило Бессчастный?» – «А вот за что: дай мне Лебедь-птицу, красную девицу, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы – косточки, а из косточки в косточку мозг бы переливался, словно жемчуг пересыпался».

Через малое время плывет Лебедь-птица, красная девица; приплывает к берегу и говорит таково слово: «Что, Данило Бессчастный, от дела лытаешь или дела пытаешь?» – «Ах, Лебедь-птица, красная девица! Где от дела лытаю, а где вдвое пытаю. Вот Владимир-князь дал мне шубу сшить: соболь не делан, пуговицы не литы, петли не виты!» – «Возьмешь ли меня за себя? В те поры все будет сделано!» Начал он думу думать: как возьму ее за себя? «Ну, Данило, что думаешь?» – «Нечего делать, возьму за себя». Она крылышками махнула, головкой кивнула – вышли двенадцать молодцев, все плотники, пильщики, каменщики, и принялись за работу: сейчас и дом го-

тов! Берет ее Данило за правую руку, целует во уста сахарные и ведет в палаты княжеские; сели они за стол, пили-ели, прохлаждались, за одним столом обручались. «Теперь, Данило, ложись-почивай, ни о чем не помышляй! Все будет готово».

Уложила его спать, сама вышла на хрустальный крылец, крылышками махнула, головкой тряхнула: «Родимый мой батюшка! Подавай мне своих мастеров». Явились двенадцать молодцев и спрашивают: «Лебедь-птица, красная девица! Что прикажешь делать?» – «Сейчас шейте мне шубу: соболи не деланы, пуговицы не литы, петли не виты». Принялись за работу; кто соболя делает да шубу шьет, кто кует – пуговицы льет, а кто петли вьет, и вмиг шуба на диво сработана. Лебедь-птица, красная девица, подходит и будит Данилу Бессчастливого: «Вставай, милый друг! Шуба готова, а в городе Киеве у князя Владимира слышен благовест; время тебе подняться, к заутрене убраться». Данило встал, надел шубу и пошел. Она глянула в окошечко, остановила, дала ему серебряную трость и наказывает: «Как выйдешь от заут-

рени – ударь ею в грудь; весело птицы запоют, грозно львы заревут. Ты сьмай шубу с своих плеч да уряди[281] князя Владимира в тот час, не забывал бы он нас. Станет он тебя в гости звать, станет чару вина подавать – не пей чару до дна, а выпьешь до дна – не увидишь добра! Да не хвались ты мною; не хвались, что за едину ночь дом построили с тобою». Данило взял трость и отправился; она опять его воротила, подает ему три яичка: два серебряные, одно золотое, и говорит: «Серебряными похристосуйся со князем, со княгинею, а золотым – с кем тебе век прожить».

Распростился с нею Данило Бессчастный и пошел к заутрене. Все люди удивляются: «Вот Данило Бессчастный каков! И шуба поспела у него к празднику». После заутрени подходит он ко князю со княгинею, начал христосоваться и вынул нечаянно золотое яйцо. Увидел это Алеша Попович, бабий пересмешник. Стали расходиться из церкви, Данило Бессчастный ударил себя в грудь серебряной тростью – птицы запели, львы заревели, все удивляются, на Данилу глядят; а Алеша Попович, бабий пересмешник, перерядился ни-

цим-каликою и просит святой милостыньки. Все ему подают, только один Данило Бесщастный стоит да думает: «Что я-то подам? Нет ничего!» Ради праздника великого подал ему золотое яичко. Алеша Попович, бабий пересмешник, взял то золотое яйцо и переоделся во свое платье прежнее. Владимир-князь позвал всех к себе на закуску. Вот они пили-ели, прохлаждались, собой величались. Данило пьян напивается, спьяну женой похваляется. Алеша Попович, бабий пересмешник, стал на пиру хвастаться, что он знает Данилину жену; а Данило говорит: «Коли ты знаешь мою жену – мне рубить голову, а коли не знаешь – тебе рубить голову!»

Пошел Алеша – куда глаза глядят; идет да плачет. Попадается ему навстречу старая старуха: «О чем ты плачешь, Алеша Попович?» – «Отойди, старуха-пузырница! Мне не до тебя». – «Ладно же, пригожусь и я тебе!» Вот он начал ее спрашивать: «Бабушка родимая! Что ты мне сказать хотела?» – «А, теперь бабушка родимая!» – «Да вот я похвастался, что знаю жену Данилину...» – «И-и, батюшка! Где тебе ее знать? Туда мелкая пташка не залетывала.

Поди ты к такому-то дому, зови ее к князю обедать; она станет умываться, собираться, положит на окно цепочку; ту цепочку ты унеси, и покажь ее Даниле Бесщастному». Вот подходит Алеша к косящату окну, зовет Лебедь-птицу, красную девицу, на обед к князю; она стала было умываться, наряжаться, на пир собираться: в то самое время унес Алеша цепочку, побежал во дворец и казал ее Даниле Бесщастному. «Ну, Владимир-князь, – говорит Данило Бесщастный, – вижу теперь, что надо рубить мою голову; позволь мне домой сходить да с женой проститься».

Вот приходит домой: «Ах, Лебедь-птица, красная девица! Что я наделал: спяну тобой похвалился, своей жизни лишился!» – «Все знаю, Данило Бесщастный! Поди зови к себе в гости и князя с княгинею и всех горожан. А станет князь отзываться на пыль да на грязь, ныне-де пути недобрые, сине море всколыхалось, топи зыбкие открылися, – ты скажи ему: не бойся, Владимир-князь! Через топи, через реки строены мосты калиновые, переводины [282] дубовые, устланы мосты сукнами багровыми, а убиты всё гвоздями полуженными: у

добра молодца сапог не запылится, у его коня копыто не замарается!» Пошел Данило Бес-
счастный гостей звать, а Лебедь-птица, крас-
ная девица, выступила на крылечко, кры-
льшками тряхнула, головкой кивнула – и
сделала мост от своего дома до палат князя
Владимира: весь устлан сукнами багровыми,
а убит гвоздями полуженными; по одну сто-
рону цветы цветут, соловьи поют, по другую
сторону яблоки спеют, фрукты зреют.

Срядился князь со княгинею в гости и по-
ехал в путь-дорогу со всем храбрым воин-
ством. К первой реке подъехал – славное пиво
бежит; около того пива много солдат попада-
ло. К другой реке подъехал – славный мед бе-
жит; больше половины войска храброго тому
меду поклонилось, на бок повалилось. К тре-
тьей реке подъехал – славное вино бежит; тут
офицеры кидались, допьяна напивались. К
четвертой реке подъехал – бежит крепкая
водка, тому же вину тетка; оглянулся князь
назад, все генералы на боку лежат.

Остался князь сам-четверт: князь со княги-
нею, Алеша Попович, бабий пересмешник, да
Данило Бессчастный. Приехали гости званые,

вошли в палаты высокие, а в палатах столы стоят кленовые, скатерти шелковые, стулья раскрашенные; сели за стол – много было разных кушаньев, а напитков заморских не бутыли, не штофы – реки целые протекли! Князь Владимир со княгинею не пьют ничего, не кушают, только смотрят: когда ж выйдет Лебедь-птица, красная девица?

Долго за столом сидели, долго ее поджидали: время и домой собираться. Данило Бесчастный звал ее раз, и другой, и третий – нет, не пошла к гостям. Говорит Алеша Попович, бабий пересмешник: «Если б это сделала моя жена, я б ее научил мужа слушать!» Услыхала то Лебедь-птица, красная девица, вышла на крылечко, молвила словечко: «Вот-де как мужей учат!», крылышком махнула, головкой кивнула, взвилась-полетела, и остались гости в болоте на кочках: по одну сторону море, по другую – горе, по третью – мох, по четвертую – ох! Отложи, князь, спесь, изволь на Данилу верхом сесть. Пока до палат своих добрались, с головы до ног грязью измарались! Захотелось мне тогда князя со княгиней повидать, да стали со двора пихать; я в подво-

ротню шмыг – всю спину сшиб!

ВАСИЛИЙ-ЦАРЕВИЧ И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь Иван, и у того царя был брат Василий-царевич – ни в чем ему счастья не было! Самый царь на него распрогневался и выгнал из своего дому; с той поры и прозвали его несчастным Васильем-царевичем; наконец дошел он до такой бедности, что не имел у себя даже новой одежды. Приходит праздник – Христов день; накануне того дня ходит весь народ царя поздравлять, а царь для того праздника дарит кого деньгами, кого чем. Вот в самую-таки страстную субботу шел Василий-царевич куда-то по улице, и попадается ему навстречу бабка голубая шапка и говорит: «Здравствуй, Василий-царевич! Что ходишь невесел, что головушку повесил?» А он ей в ответ: «Ах, бабка голубая шапка! Как мне быть радостному? Приходит этакий праздник, все имеют хорошую одежду; а я, царский брат, не имею ничего, даже и разговеться нечем». – «Пооди же ты, – говорит она цареви-

чу, – к брату Ивану-царю и попроси, чтобы он тебя пожаловал – чем-нибудь да подарил».

Василий-царевич послушался; вошел он в царскую комнату, увидел его брат и спрашивает: «Что скажешь, Василий Несчастный?» – «Я пришел до тебя, братец, – сказал Василий-царевич, – для такого праздника ты всех даришь, а меня еще ничем не пожаловал». В это время было у царя много всяких генералов, и начал царь над братом смеяться, говорит ему: «Чем я тебя, дурака, подарю, чем пожалую?» И выносит ему царь подарочек – сорок сороков черных соболей, и еще дарит золота на пуговицы, шелку на петельки: «Вот тебе, брат, и подарочек! Сшей из него тулупко христовской заутрене, и чтоб в каждой пуговице было по райской птице, по коту заморскому!» Поблагодарил его Василий-царевич, заплакал и пошел; не рад и подарку стал. Вот он идет да идет по улице, и попадается ему опять навстречу бабка голубая шапка; спрашивает его: «Чем, Василий-царевич, подарил тебя братец?» – «Ой, бабка голубая шапка! Подарил мне брат сорок сороков черных соболей, чистого золота на пуговицы и зеленого

шелку на петельки; велел сшить ко христовской заутрене шубу, и чтобы в каждой пуговице райские птицы пели и коты заморские мяукали». Говорит бабка голубая шапка: «Иди за мной, Василий-царевич! Не тужи и не печалься».

Идут они путем-дорожкой, и близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли – приходят ко дворцу Елены Прекрасной; говорит бабка голубая шапка: «Ты, Василий-царевич, останься за воротами, а я пойду к Елене Прекрасной в буду за тебя сватать». Входит она к Елене Прекрасной в комнату и сказывает: «Матушка Елена Прекрасная! Я пришла сватать тебя за Василья-царевича». Елена Прекрасная спрашивает бабку голубую шапку: «А где же Василий-царевич?» Она отвечает: «Василий-царевич остался за воротами; не спросясь, не смеет взойти». Елена Прекрасная тотчас приказала взойти Василью-царевичу, глянула на него, и он ей весьма понравился; посылала она царевича в другую комнату, давала ему двух слуг и почитала его женихом своим; а бабка голубая шапка говорит: «Ах, матушка Елена Прекрасная! Ему брат подарил на тулуп

сорок сороков черных соболей, чистого золота на пуговицы, зеленого шелку на петельки и приказал ко христовской заутрене шубу сшить, и чтобы в каждой пуговице пели птицы райские, кричали коты заморские». Елена Прекрасная, выслушав, отвечает бабке, что все будет готово. Бабка голубая шапка распростилась и ушла.

Под вечер Елена Прекрасная выходит на свой крылец и кричит: «Гой еси, братец Ясен Сокол, лети ко мне скоро-наскоро, время-навремя!» И вот прилетает Ясен Сокол, ударился о крылец и сделался удал молодец. «Здравствуй, сестрица!» – «Здравствуй, братец!» Кое о чем потолковали, посудачили; наконец Елена Прекрасная сказала своему братцу: «Я выбрала себе жениха, Василия-царевича; сшей ты ему тулуп ко христовской заутрене». Отдает ему сорок сороков черных соболей, чистое золото на пуговицы и зеленый шелк на петельки и накрепко наказывает, чтобы в каждой пуговице пели птицы райские и мяукали коты заморские и чтобы тулуп непременно был готов вовремя. «Не беспокойся, сестрица, все будет сделано». А Василий-царевич того и

не ведает, что завтра будет с обновою.

Только заблаговестили заутреню, прилетел Ясен Сокол, ударился о крылец, сделался удал добрый молодец; сестрица выходит встречать брата, а он отдает ей готовый тулуп. Поблагодарила Елена Прекрасная своего братца за такую услугу, отослала эту одежду к Василью-царевичу и приказала надеть. Обрадовался царевич, нарядился и приходит в комнату Елены Прекрасной. Она тотчас приказала заложить в повозку лошадей, чтобы ехать к заутрене; перед отъездом отдала ему три яичка: «Первым яичком похристосовайся с протопопом, второе отдай брату Ивану-царю, а третье тому, кто тебе больше мил; а в церкву войдешь – становись впереди своего братца родного». Приезжает он к заутрене и становится, как ему велено, поперед брата. Царь не узнал его, сам с собой думает: что это за человек?

Приказывает своему генералу подойти поближе и спросить поучтивее: кто он таков? Генерал подходит и спрашивает Василья-царевича: «Царь приказал узнать: царь ли вы царевич, король ли вы королевич или силь-

ный, могучий богатырь?» Он ему отвечает: «Я здешний».

На отходе заутрени Василий-царевич стал наперед христосоваться с протопопом; похристосовавшись, отдает ему яичко; идет потом к брату Ивану-царю и говорит: «Христос воскресе, братец!» Тот отвечает: «Воистину воскресе!» И отдает ему Василий-царевич другое яичко; оставалось у него еще одно. Выходит он из церкви, попадается ему Алеша Попович: «Христос воскресе, Василий-царевич!» – «Воистину воскресе!» Пристает Алеша Попович: «Давай яичко!» – «Нет у меня», – отвечает Василий-царевич, пришел домой, похристосовался с Еленой Прекрасной и отдал ей третье яичко. Она говорит: «Ну, Василий-царевич, а я не думала, чтоб ты мне оставил яичко; теперь я согласна выйти за тебя замуж; поезжай просить своего братца на свадьбу к нам». Василий-царевич поехал к брату; тот ему шибко обрадовался. Стал Василий-царевич просить его на свадьбу к себе; а брат спрашивает: «Где ж ты берешь невесту?» – «Я беру невесту Елену Прекрасную».

Вот сыграли они свадьбу, после той сва-

дъбы сделал Иван-царь пир на весь мир и позвал брата Василья-царевича с женой Еленой Прекрасною. Время приходит на пир идти, зовет Василий-царевич жену свою; она говорит: «Василий-царевич! Я так хороша, что боюсь, как бы меня не изурочили;[283] поезжай лучше один». Приезжает к брату Василий-царевич, а тот спрашивает: «Что же ты один приехал, а не с женою?» – «Она нездорова, братец!» Вот они много ли, мало ли попиrowали, и, подгулявши, каждый из гостей начал хвалиться; у этого то хорошо, у другого другое; а Василий-царевич молчит, ничем не хвалится. Подходит к нему брат и спрашивает: «Ты, братец, что сидишь, ничем не похвалишься?» – «Да чем похваюсь я?» – говорит Василий-царевич. «Ну, хоть тем похвались, что жена у тебя хороша». – «Да, правда твоя, братец, жена у меня хорошая».

Вдруг подбегает к Василью-царевичу Алеша Попович и говорит: «Ну, уж хороша! Я с нею без тебя ночь спал». Тут все гости сказали: «Коли ты спал с нею, так поди же с нею выпарься в бане и принеси именно ее кольцо; тогда мы поверим. А не принесешь коль-

да – поведем тебя на виселицу». Нечего делать, пошел Алеша Попович, сам запечалился.

Идет он путем-дорожкой; попадаетеся ему навстречу бабка голубая шапка и спрашивает: «Что ты, Алеша, так печален?» – «Как мне не печалиться! Похвалился я у царя, что с Еленой Прекрасною ночь переспал; тут все гости сказали: коли ты с нею спал, так поди ж с нею выпарься в бане и принеси именно ее кольцо; а не принесешь – велим тебя повесить». – «Не печалься, пойдем со мною!» – говорит бабка. Приходят они к дому Елены Прекрасной; бабка голубая шапка Алешу Поповича оставляет за воротами, а сама подлезла в подворотню, вошла в сени, глядь – а перстень именной тут на лавке лежит: позабыла его Елена Прекрасная в то самое время, как после отдыха умывалась. Сохватила старая это кольцо, отдала его Алеше Поповичу да велела ему зайти на реку, намочить водой голову, будто в бане был. Он то и сделал. Приходит к царю во двор, показывает всем именное кольцо. Василий-царевич крепко огорчился, тотчас поехал домой и продал Елену Прекрасную

купцам за сто рублей.

В городе, куда увезена Елена Прекрасная, помер царь, и поэтому был клич, чтобы все сходились в тот город выбирать царя; а царей у них выбирали так: кто войдет в церковь со свечкой и коли свеча сама затеплится, тому и царем быть. Все перепробовали свое счастье, свеча ни у кого не затеплилась. Елена Прекрасная услышала про то и думает себе: «Дай и я пойду, попробую своего счастья». Одевается она в мужскую одежду, берет в руки свечу и идет в церковь; только вошла в церковь, у ней тотчас свеча и затеплилась. Все обрадовались и посадили ее на царство. Стала она царствовать и не забыла распроедать о своем муже Василье-царевиче, где он и как поживает? Узнала, что он крепко по ней скучает, и послала за ним послов. Вот когда он приехал да рассказал, как и что было, Елена Прекрасная догадалась, кто были виновники ихнего горя, и помирилась с мужем.

Послали они за Алешей Поповичем, и он во всем им сознался, что кольцо отдала ему бабка голубая шапка, а он насаждал у царя на Елену Прекрасную нарочно, потому-де, что

христосовался он с Васильем-царевичем да просил у него яичко, а царевич ему не дал. Послали и за бабкою голубою шапкою; когда ее привезли, тотчас начали допрашивать: за-чем она украла у Елены Прекрасной именное кольцо? «Затем, – сказала, – что ты, Елена Прекрасная, хотела меня поить-кормить три года, да не исполнила». Тут повелели Алешу Поповича и бабку голубую шапку расстрелять, а Василью-царевичу Елена Прекрасная поручила царство, и стали они жить-поживать да добра наживать.

БАЛДАК БОРИСЬЕВИЧ

В славном городе во Киеве у царя у Владимира собирались князья и бояре и сильно-могучие богатыри на почестный пир. Возговорил Владимир-царь таково слово: «Гой есте, мои ребята! Собирайтесь, сокопляйтесь за единый стол». Собиралися за единый стол, вполсыта наедалися, вполпитья напивалися, и возговорил Владимир-царь: «Кто бы сослужил мне службу великую: съездил за тридцать земель, в тридесятое царство, к самому салтану турецкому – увести у него коня злато-

гривого, вышничка багрового (?), убить ко-та-бахаря,[284] самому салтану турецкому в глаза наплевать?» Выбирался добрый молодец Илья Муромец, сын Иванович. У царя у Владимира была дочь возлюбленная; возговорит она таково слово: «Гой еси, мой батюшка, Владимир-царь! Хоша хвалится Илья Муромец, сын Иванович, не сослужить ему этой службы! Распусти, батюшка, почестный пир; поди искать по своему граду по царевым кабакам млада Балдака, сына Борисьевича, от роду семилетнего».

И послушал царь своей дочери, пошел искать млада Балдака, сына Борисьевича, и нашел в кабаке – спит под лавкою. Ткнул его носком Владимир-царь; от того Балдак скочил ото сна, как ни в чем не бывал. «Гой еси, Владимир-царь! К чему меня требуешь?» На то отвечал ему Владимир-царь: «Прошу тебя на почестный пир». – «Не достоин я на почестный пир идти; в кабаках я запиваюся, под ногами валяюся». Возговорит ему Владимир-царь таково слово: «Когда на пир зову, надо идти; есть до тебя нужда великая». И посылает его млад Балдак, сын Борисьевич, из

кабака обратным путем в чердаки[285] царские, а я-де скоро за тобой буду.

Оставался Балдак один в кабаке, опохмелялся тут зеленым вином, сколько требовалось, и пошел к царю Владимиру в чердаки бездокладочно; крест кладет он по-писаному, поклон ведет по-ученому; поклоняется на все стороны, самому царю в особину: «Здравствуй, Владимир-царь! На что меня требовал?» Отвечает ему Владимир-царь: «Гой еси, млад Балдак, сын Борисьевич! Сослужи мне службу великую: сходи за тридевять земель, в тридесятое царство, к салтану турецкому; уведи у него коня златогривого, вышничка багрового, убей кота-бахаря, самому салтану турецкому в глаза наплюй. Бери с собой народу-силы сколько надобно; бери золотой казны сколько хочется!» И возговорит млад Балдак, сын Борисьевич: «Уж ты гой еси, Владимир-царь! Дай мне силы только двадцать девять молодцев, а сам я тридцатый буду».

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; отправлялся млад Балдак, сын Борисьевич, во путь во дорожку к салтану турецкому; приноровился приехать в самую пол-

ночь. Вошел на салтанский двор, увел из конюшни коня златогривого, вышничка багрового, схватил кота-бахаря, разорвал его надвое, самому салтану глаза заплевал. А был у салтана турецкого любимый сад – на три версты; всякие древа в саду понасажены, всякие цветы произведены. Млад Балдак, сын Борисевич, приказал своим товарищам, двадцати девяти молодцам, весь сад повалить-вырубить, а сам достал огоньку, да тем огнем выжег все начисто, да поставил тридцать белых тонких полотняных шатров.

Поутру ранешенько просыпается от сна турецкий салтан; был у него первый взгляд на свой на любимый сад, и как скоро взглянул – видит, что все деревья порублены, повыжжены, а стоят в саду тридцать белых полотняных шатров. «Кто такой наехал ко мне, – думает он про себя, – царь ли царевич, или король королевич, или сильномогучий богатырь?» Закричал тут салтан громким голосом своему любимому паше турецкому, призывает к себе его и возговорит таково слово: «Неблагополучно в царстве моем! Дожидался я русского виновника – млада Балдака, сына

Борисьевича; а теперь наехал на меня... царь ли царевич, или король королевич, или сильномогучий богатырь? – того не ведаю, и как сведать – не придумаю».

На тот совет выходит салтана турецкого большая дочь и говорит своему отцу: «О чем вы советуете, а узнать не можете? Ох ты, батюшка турецкий салтан! Дай-ка мне свое благословение да прикажи выбрать во всем царстве двадцать девять девиц, чтобы лучше их по красе не было! Я сама буду тридцатая, я пойду в те шатры полотняные ночь ночевать и открою вам виновного». И на то отец согласился, и пошла она к тем шатрам с двадцатью девятью девицами: лучше их по красе во всем царстве не было. Выходил к ней млад Балдак, сын Борисьевич, взял ее за белые руки и крикнул своим громким голосом: «Эй вы, молодцы-товарищи! Вы берите красных девиц по рукам, ведите их по своим шатрам и что знаете – то и делайте!» Переспали вместе единую ночь; наутро воротилась к салтану турецкому его большая дочь, говорит ему: «Гой еси, любезный батюшка! Прикажи из белых полотняных шатров всем тридцати молодцам

к тебе в дом прийти; я сама укажу виновника».

В тот час посылает салтан турецкий к тем шатрам своего любимого пашу, чтобы позвал к нему, потребовал млада Балдака, сына Борисьевича, со всеми его товарищами. Вышли из шатров тридцать молодцев; все на один лик, словно братцы родные, волос – в волос, голос – в голос! И говорят послу таково слово: «Ступай назад, а мы за тобой скоро будем!» Млад Балдак, сын Борисьевич, молвил своим ребятам: «Нет ли на мне какой значки? Осмотрите всего». И оказалось на нем: по колен ноги в золоте, по локоть руки в серебре. «Она хитра, а я разе того не разумею!» – сказал Балдак и сделал у всех своих товарищей такую же значку: по колен у ребят ноги в золоте, по локоть руки в серебре; велел им надевать на руки перчатки. «Как заедем к салтану в дом, без приказу моего никто не сымай!»

Вот пришли они к салтану в дом; выступает его большая дочь и узнает виновника, млада Балдака, сына Борисьевича. Говорит ей Балдак: «Ты почем меня признаешь – по каким уликам?» Отвечает салтанова большая

дочь: «Скинъ-ка с ноги сапог да с руки перчатку: тут у меня значка положена – по колен ноги в золоте, по локоть руки в серебре». – «Разве у нас таких молодцев не бывает?» – и приказывает млад Балдак, сын Борисьевич, своим ребятам: «Скидавайте все с ноги по сапогу, с руки по перчатке!» Какая значка у него, такая и у всех объявилась – в покоях все осияло! А салтан турецкий был добре милослив, на то дочери своей не поверовал: «Врешь ты! Мне один виновник надобен, а теперь по-твоему все тридцать оказались!» Приказал салтан турецкий: «Убирайтесь все вон!»

После того еще больше закручинился, еще больше запечалился и стал опять думать, со своим любимым пашою советовать, как бы узнать им виновного? На тот совет выходит вторая салтанова дочь и говорит салтану турецкому: «Дай мне, батюшка, двадцать девять девиц; я сама буду тридцатая, пойду с ними к белым полотняным шатрам, переночую в тех шатрах единую ночь и открою вам виновника». Сказано – сделано. Поутру зовет салтан турецкий млада Балдака, сына Борисьевича, в палаты к себе, а зовет его с товарищами чрез

своего пашу любимого. Отвечает Балдак по-прежнему: «Ступай назад, а мы скоро будем!» Как скоро ушел паша, млад Балдак вскричал своим громким голосом: «Выходите из шатров все мои товарищи, двадцать девять молодцев; поглядите, нет ли на мне какой значки?» Тотчас все из шатров выскочили и усмотрели у него на голове золотые волосы. Возговорит млад Балдак, сын Борисьевич: «Она хитра, а разве я не разумею того!» Сделал у всех молодцев, равно как у себя, золотые волосы и велел наложить шапки на буйные головы: «Как будем в палатах у салтана турецкого, без моего приказы никто не сымай!»

Как скоро вошел млад Балдак, сын Борисьевич, со своими товарищи в палаты салтанские, – сказал тут салтан своей средней дочери: «Узнавай, дочь любезная, который – виновник?» А она знает наверное – по тому самому, что переспала с ним единую ночь; подходит прямо к младу Балдаку и говорит: «Вот вам виновник!» Отвечает на то млад Балдак, сын Борисьевич: «Почем ты меня признаешь – по каким уликам?» – «Сними с головы своей шапку; тут у меня значка сделана – во-

лосы золотые». – «А разве у нас таких молодых не бывает!» – и приказал млад Балдак всем своим ребятам скинуть шапки долой: объявились у них золотые волосы – в покаях все осияло! Рассердился салтан на свою вторую дочь: «Неправда твоя! Мне один виновник надобен, а по-твоему все оказались!» – и приказал: «Убирайтесь-ка из палат вон!»

Еще пуще запечалился-закручинился салтан турецкий; выходит третья, меньшая дочь и хулит двух старших сестер, а сама у отца напрашивается: «Любезный мой батюшка! Прикажи мне выбрать двадцать девять девиц – чтоб лучше их во всем царстве не было; я сама буду тридцатая и узнаю тебе виновника». По прошенью своей младшей дочери исполнил салтан. Отправилась она к тем же шатрам ночь ночевать. Выскочил тут млад Балдак, сын Борисевич, из своего шатра, берет салтанову дочь за белые руки и ведет к себе; а своим молодцам вскричал громким голосом: «Берите-ка, ребята, красных девиц по рукам да ведите по своим шатрам». Переночевали ту ночь, и пошли девицы наутро домой. Посылает салтан за добрыми молодцами сво-

его любимого пашу. Идет посол к белым полотняным шатрам, зазывает млада Балдака с товарищи в палаты к самому салтану турецкому. «Ступай назад, а мы за тобой скоро будем!» Возговорит млад Балдак, сын Борисьевич, своим товарищам: «Ну, ребяташки, смотрите, нет ли на мне какой значки?» Везде высмотрели, везде выглядели – не могли найти. «Ах, братцы, видно я теперь погиб!» – и стал млад Балдак просить, чтоб сослужили ему службу последнюю; раздавал им по вострой сабле и велел держать под одежею: «А как знак подам – руби во все стороны!»

Как скоро пришли они пред салтана турецкого, выступила его меньшая дочь, указала на млада Балдака: «Вот он, виновник-то! Есть у него под пятой золотая звезда». И по тем речам означилась у него под пятой золотая звезда. Выслал салтан турецкий из своих палат всех двадцать девять молодцев; оставлял одного виновника – млада Балдака, сына Борисьевича, закричал на него громким, зычным голосом: «Как возьму тебя, на одну ладонь посажу да другой прихлопну – только мокренько будет!» Отвечает ему млад Балдак:

«Гой еси, турецкий салтан! Боялись тебя цари-царевичи, короли-королевици и сильно-могучие богатыри, а я, семилетний мальчишка, тебя не боюсь: увел у тебя коня златогривого, вышничка багрового, убил кота-бахаря, тебе, салтану, в глаза наплевал, а еще порубил-повыжег твой любимый сад!» Осерчал салтан больше прежнего, приказал своим служителям, чтоб поставили на площади два столба дубовые, перекладину кленовую, а на той перекладине три петли стотовили: первую шелковую, другую пеньковую, третью лычаную, и давал знать по всему городу, чтобы все, от малого до великого, собирались на площадь смотреть, как будут казнить русского виновника.

Сам салтан турецкий садился в легкую повозку, брал с собой любимого пашу и меньшую дочь, что открыла виновника; а млада Балдака связали, сковали, у ног посадили, и поехали прямо к дубовым столбам. Вот дорогою завел млад Балдак таковые речи: «Стану я загадки загадывать, а ты, салтан турецкий, отгадывай. Добро конь идет, на что хвост волочится?» – «Не дурак ли ты? – отвечал сал-

тан. – Конь с хвостом и на свет родится». Немного проехали, говорит опять Балдак: «Передние колеса конь везет, а задние почто черт несет?» – «Вот дурак! Наготове до смерти с ума сошел, в словах завирается! Мастер четыре колеса сделал – четыре и катятся». Приехали на площадь и вышли из повозки вон; взяли виновного, развязали, расковали, повели на виселицу.

Млад Балдак, сын Борисьевич, перекрестился, на все стороны поклонился и возговорил громким голосом: «Гой еси, турецкий салтан! Не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить». – «Говори, что такое?» – «Есть у меня батюшкино подареньице, матушкино благословение – игральный рожок. Прикажи мне при последнем времени поиграть в него: себя потешить и вас повеселить». – «Играй, играй при последнем времени!» Млад Балдак заиграл веселую – у всех разум помутился; загляделись на него, заслушались, позабыли – зачем приехали; у салтана язык не шевелится. Услыхали рожок двадцать девять молодцев, зашли с задних рядов и давай острыми саблями народ сечь. Млад Балдак до тех пор иг-

рал, пока молодцы, его товарищи, не посекли весь народ, пока не дошли они до самой виселицы.

Тут млад Балдак, сын Борисьевич, покинул играть и молвил салтану турецкому последнее слово: «Не ты ли дурак! Обернись-ка, назад погляди: мои гуси твою пшеницу клюют!» Салтан турецкий обернулся – весь народ побит, на земле лежит; только и осталось их трое при виселице: сам салтан с дочерью да любимый паша. Млад Балдак приказал своим молодцам повесить салтана в петлю шелковую, любимого его пашу в пеньковую, а меньшую дочь в лычаную. Тем дело свое покончили и отправились во славный город Киев к самому царю Владимиру.

ВАСИЛИСА ПОПОВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Василий-поп. У него была дочь Василиса Васильевна. Одевалась она в мужское платье, ездила верхом на лошади, стреляла из ружья и все делала совсем не по-девичьи, так что очень немногие знали, что она – девушка, а думали, что она – мужчина, и звали ее Василием Васильевичем; а больше потому, что Василиса Васильевна была охоча до водки; а это, знашь, девушкам совсем не к лицу. Вот единова царь Бархат (так звали царя той стороны) поехал поохотиться за дичинкой, и ему навстречу попалась Василиса Васильевна. Ехала она верхом в мужской одежде тоже за охотой. Царь Бархат, увидав ее, спрашивает у своих слуг: «Кто это такой молодой человек?» Один слуга ему и отвечает: «Это ведь, царь, не мужчина, а девушка; мне доведомо известно, что это дочь попа Василия и что зовут ее Василисой Васильевной».

Лишь только царь Бархат воротился до двора, тотчас написал к попу Василию гра-

мотку, чтобы он своего сына Василия Васильевича отпустил к нему в гости отведать царского стола. А между тем сам пошел к бабушке-задворенке-ягинишне и давай ее выпытывать, как бы узнать, что Василий Васильевич точно девушка. Бабушка-задворенка-ягинишна и говорит ему: «Ты по праву-то руку в палате своей повесь пяла,[286] а по ле-ву-то руку ружья; если она точно Василиса Васильевна, то, когда взойдет в палату, прежде всего хватится за пяла, а если – Василий Васильевич, то за оружия». Царь Бархат послушался бабушку-задворенку-ягинишну и велел своим слугам поставить в палату пяла и развесить ружья.

Как только грамотка царская дошла до отца Василия и он показал ее своей дочери, тотчас Василиса Васильевна пошла на конюший двор, оседлала для себя коня сивого, коня сивого-сивогривого, и прямо бух к царю Бархату на двор. Царь Бархат ее встречает; она по-учтивому богу молится, по-писаному крест кладет, на все четыре сторонушки поклон отдает, с царем Бархатом ласково здоровается и входит с ним в царские палаты. Сели вместе

за стол и давай пить-питья пьяные и есть яствы сахарные. После обеда Василиса Васильевна стала с царем Бархатом по палатам разгуливать и как только увидела пята, то и учала царя Бархата осуждать: «Что то, – говорит, – такое у тебя, царь Бархат, за дрянность? У моего батюшки этакого девичья шелепетья и видом не видать и слыхом не слышать, а у царя Бархата девичье шелепетье в палатах висится!» Потом она с царем Бархатом по-учтивому распростилась и поехала домой. Царь не мог изведать, что она точно девушка.

Этак дня через два, не больше, царь Бархат посылает опять к попу Василию грамотку и просит его отпустить к нему своего сына Василия Васильевича. Тотчас, как только Василиса Васильевна услышала об этом, пошла на конюший двор, оседлала для себя коня сивого, коня сивого-сивогривого, и пахнула[287] прямо к царю Бархату на двор. Царь Бархат ее встречает. Она с ним ласково здоровается, по-учтивому богу молится, по-писаному крест кладет, на все четыре сторонушки поклон отдает. Царь Бархат по наказу бабушки-задворенки-ягинишны велел к ужину сварить ка-

шу и начинить ее жемчугом; вишь, бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то жемчуг будет в горсточку класть, а если Василий Васильевич, то под стол кидать.

Вот подошло время и ужинать. Сел царь за стол, а Василису Васильевну посадил по праву руку, и стали они пить питья пьяные и есть яствы сахарные. После всего подали кашу, и как только Василиса Васильевна ее хлебнула и попалась ей жемчужина, она швырк ее под стол вместе с кашею и учала царя Бархата осуждать. «Что это, – говорит, – за дрянь такая в каше накладена? У моего батюшки этакого девичья шелепетья и видом не видать и слыхом не слыхать, а у царя Бархата девичье шелепетье в кушанье кладут!» Потом она с царем Бархатом по-учтивому распростилась и поехала домой. Царь опять не мог изведать, что она точно девушка; а ведь это больно ему хотелось.

Дня через два царь Бархат по наказу бабушки-задворенки-ягинишны велел истопить баню; вишь, бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то в баню

вместе с царем не пойдет. Истопили баню.

Опять царь Бархат пишет к попу Василию грамотку, чтобы он своего сына Василия Васильевича в гости к нему отпустил. Как только Василиса Васильевна узнала об этом, тотчас пошла на конюший двор, оседлала своего коня сивого, коня сивого-сивогривого, и прямо бухнула к царю Бархату на двор. Царь ее встречает на парадном крылечке. Она с ним ласково здоровается и входит по бархатному коврику в палаты; взошед в оные, по-учтивому богу помолилась, по-писаному перекрестилась, на все четыре сторонушки низехонько поклонилась; села с царем Бархатом за стол и стала с ним пить питья пьяные и есть яствы сахарные.

После обеда царь и говорит: «Не в угодую ли, Василий Васильевич, со мной в баньку сходить?» – «Извольте, ваше царское величество, – отвечает Василиса Васильевна, – я давным-давно в бане не бывал и больно охоч париться». Вот они и пошли вместе в баню. Поколесь царь Бархат разоблакался в передбанке, она в ту пору успела искупаться, да и была такова. Царь не мог и в бане ее захватить. Ва-

силиса Васильевна, вышед из бани, писала меж тем к царю писульку и велела слугам отдать ему, когда он сам выйдет из бани. А в этой писулке было написано: «Ах ты ворона, ворона, царь Бархат! Не умела ты, ворона, сокола в саду соймасть! А я ведь не Василий Васильевич, а Василиса Васильевна». Вот наш царь Бархат и остался на бобах: вишь, какая Василиса-то Васильевна была мудрая, да и лепообразная!

ПРО МАМАЯ БЕЗБОЖНОГО

На Русе было на православной, княжил князь тут Дмитрий Иванович. Засылал он с даньёй русского посла Захарья Тютрина к Мамаю безбожному, псу смердящему. Правится путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин; пришел он к Мамаю безбожному, псу смердящему. «Давай-примай, – говорит, – дань от русского князя Дмитрия Ивановича!» Отвечает Мамай безбожный: «Покуль не омоешь ног моих и не поцелуешь бахил,[288] не приму я дани князя Дмитрия Ивановича». Взадь[289] отвечает русский посол Захарко Тютрин: «Чем бы с дороги молодца напо-

ить-накормить, в бане выпарить, втепор вестей попросить, а ты, Мамай безбожный, пес смердящий (за эвти-то слова раздуй твою утробу толще угольной ямы!), того-перво велишь мыть твои басурманские ноги и целовать бахилы; не след мыть ноги и целовать бахилы русскому послу Захарью Тютрину! Пусть поганый татарин, Мамай безбожный, буде есть вера, целует ноги русского посла Захарья Тютрина!»

Разъярился собака-татарин, рвал свои черные кудри, метал их наземь – по застолью, княжеские бумаги придрал и писал свои ярлыки скорописчатые: «Когда будет овес кудряв, баран мохнат, у коня под копытом трава и вода, втепор Мамай безбожный будет с святой Русью воевать: втепор мне ни воды, ни хлеба не надо!» Набрал он из татар сильных, могучих богатырей тридцать человек без одного, посылает их на нечестное побоище: «Пошли, – говорит, – слуги мои верные, попервое русского посла Захарья Тютрина; дорогой уходите его в темных лесах, в крутых угорах, а тело вздымите на лесину в откормку птицам».

Правится путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин; пристигала его темна ночь на бору: не оснащается ночевать – одно идет вперед. Поутру, на восхожем на солнышке, видит русский посол Захарий Тютрин: выходят из лесу тридцать без одного сильных, могучих богатырей. Не уробил[290] Захарий Тютрин поганых татаровей, захватил оберуч корзоватую уразину[291] и ждет незваных гостей. Ударили татаровья на Захарья Тютрина, поставили на округ[292] доброго молодца. Учал Захарко поворачиваться, учал он уразиной гостей чествовать: кого раз ударит – грязьёй сделает. Невмоготу стало поганым татаровьям супротивничать русскому послу Захарью Тютрину, учили они конаться[293] ему хорошими речьми: «Отпусти ты нас живьем, русский посол Захарий Тютрин, не посмеем больше перечить тебе!» Глядит Захарко на сильных, могучих богатырей: из тридцати голов без одной остались живы только пять голов, да и те уразиной испроломаны, кушаками головы завязаны; сжалялся он над погаными нехристями, отпустил их к Мамаю безбожному. «Правьтесь, – говорит, – скажите, како-

во обидеть русского посла Захарья Тютрина».

Ударил он своего доброго коня по крутым бедрам: конь по первый ускок сделал сто сажень печатных, вторым усokoком версту промеж ногами проложил, третьего усokoка на земле опятнать[294] не могли. Смекнул дело путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин: наимал[295] он двенадцать ясных соколов да тридцать белых кречетов; पहले того испридрал[296] ярлыки Мамай поганого и писал свои листы скорописчаты; написавши, привязал к птичьим хвостам и примолвил:

«Ясные соколы и белые кречеты! Полетите вы ко князю ко Дмитрию Ивановичу в каменну Москву, накажите, чтоб Задонский князь Дмитрий Иванович собирал по городам и селам и по дальним деревням рать-силу несметную; оставлял бы по домам только слепых, да хромых, да малых ребят-недоростков – их печаловать. А я пойду, накажите, в свое место, стану собирать мохначей, бородачей – донских казаков».

Поутру было, на всхожем на солнышке, пошли морока[297] по ясну небу, понесли с собой частый, мелкий дождь со буйным ветром

со вихорем. Во шуму, во грому ничего не чуть [298] стало, только чуть громкий зык от терема княжеского; Задонский князь Дмитрий Иванович наказал клич кликать по всей Москве белокаменной: «Собирайтесь все князья и бояра, и сильные, могучие богатыри, и все поленицы [299] удалые ко князю во светлый терем на трапезу». Собирались со всех концов Москвы белокаменной все князи и бояра, сильные, могучие богатыри и все поленицы удалые ко князю во светлый терем на трапезу – послушать его разумных речей, а и того пуще – посмотреть его очи ясные. Как матерый дуб промеж тонкими кустами вересовыми, [300] что вершиною в небо взвивается, – значит великий князь промеж своими князьями и боярами.

Не золота трубочка вострубила, Задонский князь Дмитрий Иванович стал речь держать: «Воины мои любимые! Не на попойку призывал я вас, не на радостный пир вы ко мне собирались; собирались вы ко мне за печальной весточкой: Мамай безбожный, пес смердящий, со всема своима ордами некрещеными, идет святую Русь воевать; будет нам от

Мамая-собаки пить горькая чаша! Пойдемте, мои любимые воины, к океан-морю, изладим легкие струги, и побежим мы из океан-моря в море Хвалынское[301] к соловецким чудотворцам: запремся там – и нечего с нас будет взять Мамаю безбожному, псу смердящему; в другую сторону[302] он нас полонит, очи выкопает и злой смерти предаст».

Отвечают князи и бояре, буйны головы понуривши: «Задонский князь Дмитрий Иванович! Одно солнышко катится по небу – один князь княжит над Русью православною: не перечить мы пришли твоему слову крепкому; позволь нас заставить речь-ответ держать, как надоть ладить с Мамаем безбожным, псом смердящим. Задонский князь Дмитрий Иванович! Пойдем мы к океан-морю, прирубим легкие струги, скалёпки[303] смечем в океан-море, сами соберем рать-силу великую и будем драться с Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови – и будет на Магая безбожного победа!» – «Что за слых, что за гром грянул по трапезе?» – говорит Задонский князь Дмитрий Иванович. Отвечает калика перехожая[304] – сумка пере-

метная: «Это, Задонский князь Дмитрий Иванович, нечистая, неприятная сила (что тебе под ухо шептала, чтоб шел ты к океан-морю строить легкие струги, из океан-моря в море Хвалынское), когда ты бога прославил, из терема побежала».

Задонский князь Дмитрий Иванович чинил крепкие наказы, чтоб собирали рать-силу несметную по городам с пригородками, по селам с приселками и по всем дальним печищам,[305] оставляли б дома только слепых, да хромых, да малых ребят-недоростков им в печальники. Собрали со всех концов Руси православной рать-силу великую, утвердили силу поза Москве белокаменной, расклали силу по жеребьям: Семену Тупику, Ивану Квашнину, русскому послу Захарью Тютрину и семи братьям Белозерцам. Пошла сила на поле на Куликово, Москвы не хватаячи. На поле на Куликове учили думу думать, как надо силу сметить? Русский посол Захарий Тютрин сядил на своего доброго коня, объезжал округ силы три дня и три часа – не мог силы сметить: на сколько верст стоит?

Задонский князь Дмитрий Иванович про-

говорил таково слово: разойтись силе по чисту полю и взять силе по камушку, по злочной пуговке, и приказал дубы заметывать [306] теми камушками. Заметала сила семь дубов: с комля[307] и до вершины дубов не видно! Разделили ту силу несметную на три полка: первый полк взял Задонский князь Дмитрий Иванович, другой – русский посол Захарий Тютрин, третий полк взяли: Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев. Учали они кидать жеребьи: кому первому на татаровой поганых идти? Первый жеребий выпал русскому послу Захарью Тютрину, с мохначами, бородачами – донскими казаками; другой – Семену Тупику, Ивану Квашнину и семи братьям Белозерцам, третий жеребий выпал Задонскому князю Дмитрию Ивановичу.

Втепор слышал шведский король про великое побоище, набрал силы сорок тысяч: «Подите, воины мои любимые, на поле на Куликово, Москвы не хватаяючи; станьте, мои воины, на бугры на высокие: станет Задонский князь Дмитрий Иванович побивать Мамаю безбожного – по Дмитрию Ивановичу

пристаньте; буде Мамай безбожный побивать Дмитрия Ивановича – по Мамаю пристаньте». Лукав был шведский король, велел по правой силе приставать! Турецкий король слышал про великое побоище, приказал набрать силы сорок тысяч и посылал их на поле на Куликово – сам наказывал: «Воины мои любимые! Какую силу побивать будут, по той пристаньте». Прост был турецкий король, по виноватой силе велел приставать!

Засряжалась рать-сила могучая на поле на Куликове на кровавое побоище; перёд держал русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами – донскими казаками. Палась им встречу сила Мамаева безбожного: когда сила с силою сходилась, мать сыра земля подгибалась, вода подступалась. Втепор выскочил из земли Кроволин-татарин – вышина семь сажень; кричал татарин зычным голосом: «Задонский князь Дмитрий Иванович! Давай мне-ка поединщика; буде не поставишь мне поединщика, я твою силу один побью-вырублю, грязьёй сделаю!»

Говорит Задонский князь Дмитрий Иванович: «Не на кого мне-ка надеяться; самому

пришло идти супротивником-поединщиком на Кроволина-татарина!» Оболокает он свои латы крепкие, застегает пуговицы воальянские; обседлали ему добра коня во седло черкасское, берет он с собой палицу боевую, поезжает к Кроволину-татарину. Пал ему вступу незнамый воин: «Осади лошадь, Задонский князь Дмитрий Иванович! Пойду я на Кроволина-татарина, отрублю ему по плеч басурманскую голову!» Седлал он своего доброго коня, подтягивал двенадцатима подпругима шелковыми не ради басы, ради крепости. «Оборону я тебя, Задонский князь Дмитрий Иванович, от первыя смерти! Буде я побью Кроволина-татарина, то бейся и дерись ты с окаянным врагом, с Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови: и будет на Мамаея безбожного победа!»

Задонский князь Дмитрий Иванович с незнамым воином обменялись конями, простились, и благословил его князь Дмитрий Иванович на дело великое, на побоище смертное. Съехались два сильные, могучие богатыря на чистом поле на Куликове в бою-драке переведаться. Палицами ударились –

палицы по чивья поломались; копьями со-
ткнулись – копья извернулись; саблями мах-
нулись – сабли исцербились; скакали они со
добрых коней, и бились они рукопашным бо-
ем, и бились они три дня, три ночи, три часа
не пиваючи, бились не едаючи; на четвертый
день оба тут и упокоились. И учал князь
Дмитрий Иванович досматривать: незнамый
воин правую руку на тулово[308] Кроволи-
на-татарина накинул. Князь своего воина сря-
дил, похоронил, над ним крест поставил и
вызолотил.

У Мамаю безбожного, пса смердящего, вы-
скочил из земли другой воин и звопил своим
зычным голосом: «Задонский князь Дмитрий
Иванович! Подавай мне-ка супротивника; в
другую сторону я твою силу побью, и тебе,
князю, глаза выкопаю – свет отниму!» Пону-
рил буйну голову Задонский князь Дмитрий
Иванович: «Не на кого мне-ка надеяться, са-
мому пришло идти на Кроволина-татарина».
Садился он на своего добра коня, поезжал на
Кроволина-татарина. Пал ему вступу другой
воин: «Осади лошадь, Задонский князь Дмит-
рий Иванович! Избавлю я тебя от скорыя

смерти. Буде я побью собаку-татарина, бейся и дерись со Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови: и будет на Мамаю безбожного победа! А буде Квашник-богатырек побьет меня, садись на моего доброго коня: увезет он тебя от смерти от скорья».

Князь Дмитрий Иванович и незнамый воин обменялись конями, простились, и благословил его Дмитрий Иванович на дело великое, на побоище смертное. Съехались два сильные, могучие богатыря на чистом поле на Куликове в бою-драке переведаться. Впервые палицами они ударились – палицы по чивья поломались, копьями кололись – копья извернулись, острыми саблями рубились – сабли исцербились; скочили они со добрых коней, бились-дрались рукопашным боем, бились-дрались три дня, три ночи и три часа, не пиваючи, не едаючи и ясных глаз не смыкаючи; на четвертый день оба тут и упокоились. И учал князь Дмитрий Иванович досматривать: у воина князева права пола на поганого татарина накинута. Князь своего воина честно срядил, похоронил и на могиле крест

поставил и вызолотил.

Втепор русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами – донскими казаками напущался на силу Мамаю безбожного. Светлый день идет ко вечеру, а бой-драка еще не кончилась: когда кончилась драка, учили смечать: у кого сколько силы пало? У русско-го посла Захарья Тютрина на одного мохнача, бородача – донского казака по две тысячи по двести татаровой выпало. Стал попущаться другой полк,[309] Семена Тупика, Ивана Квашнина и семи братьев Белозерцев. Красное солнышко из-за леса привздывается, бой-драка не умаляется; красное солнышко на покать пошло, нашу силу побивать стали.

Втепор стал попускаться Задонский князь Дмитрий Иванович. Живет он в силе Мамаю безбожного, как острая коса в сеностав[310] в мягкой траве; куда проедет на коне – там улица, поворотится – переулочек, оборота на коне даст – площадью силу сделает. Невмогуту стало биться Задонскому князю Дмитрию Ивановичу: забрызгал он свои очи ясные поганю татарскою кровью, тут у него и свет выбрало – отемнел. Законался[311] он своему

коню добром: «Увези ты меня, конь, от скорья смерти!» Бил он коня по крутым бедрам; подымался конь – только топ стоит! Привозил его конь в поле чистое к кудрявой березе, а опричь тоё кудрявой березы на поле нет ни лесинки. Слезал он со добра коня: «Побегай, мой добрый конь, в чистые поля, в широкие луга, ешь шелкову траву, пей свежую воду; не достанься, мой добрый конь, поганому Мамаю безбожному, псу смердящему».

Сел Задонский князь Дмитрий Иванович на кудрявую березу. Летит по небу через поле чистое стадо белых лебедей. Поглядел на стадо Дмитрий Иванович, сам проговорил: «За грехи мои окаянные попускает господь бог на землю русскую Мамаю безбожного; не по нас птицы летят: будет на Русь православную победа!» Обсиделся Задонский князь Дмитрий Иванович; мало[312] – бежит по чисту полю стадо серых волков. «Господи, истинный Христе! Смилуйся над Русью православною, не отдай нас в лихо к некрещеному поганому татарину; не по нас звери бежат: пить нам от Мамаю безбожного, пса смердящего, горькая чаша!» Заспал Задонский князь Дмитрий

Иванович на кудрявой березе.

Втепор сила Мамаея безбожного, пса смердящего, нашу силу побивать стала. Русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами – донскими казаками, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев и вся Дмитрия Ивановича сила-рать могучая господу богу возмолились «Господи Иисусе, истинный Христос, Дон-мать[313] пресвятая богородица! Не попустите некрещеному татарину наругаться над храмами вашими пречистыми, пошлите нам заступника Георгия Храброго». Из-за тех ли темных лесов, зеленых дубрав выезжает сильное воинство; ударилось оно на силу Мамаея безбожного. Побежали поганые татары по чисту полю, прибежали поганые татары в зыбкую орду,[314] в этой орде поганые татары и живот скончали.

Спыхватилась рать-сила могучая Задонского князя Дмитрия Ивановича. Русский посол Захарий Тютрин, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев учили силу спрашивать: не пометил ли кто пути-дороги Задонского князя Дмитрия Ивановича? Молчит рать-сила могучая: ни от кого ответа нет.

Русский посол Захарий Тютрин, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев по- нурили свои буйны головы; положили они на скопе:[315] погиб Задонский князь Дмитрий Иванович в бою-драке от поганых татаровей. Взадь пошла рать-сила могучая по чистому полю. Увидел русский посол Захарий Тютрин в чистом поле кудрявую березу, а на той кудрявой березе чернизину;[316] походил Захарко на чернизину, признавал он Задонского князя Дмитрия Ивановича. В ноги пал он князю Дмитрию Ивановичу: «Возрадуйся, Задонский князь Дмитрий Иванович! Постояли мы за матушку Русь православную, победили Мамая безбожного, пса смердящего!» Соходит князь Дмитрий Иванович с кудрявой березы; на восток он три раза земно кланяется. Настигали они рать-силу могучую, находили в том радость-веселие.

СКАЗАНИЕ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

Жил на свете царь; имя его было Александр Македонский. Это было в старину, давно-давно, так что ни деды, ни прадеды, ни прапрадеды, ни пращурьы наши не запомнят. Царь этот был из богатырей богатырь. Никакой силач в свете не мог победить его. Он любил воевать, и войско у него было все начисто богатыри. На кого ни пойдет войною царь Александр Македонский – все победит. И покори́л он под свою власть все царства земные. И зашел он на край света и нашел такие народы, что сам, как ни был храбр, ужаснулся их: свирепы пуще лютых зверей и едят живых людей; у иного из них один глаз – и тот во лбу, а у иного три глаза; у иного одна только нога, а у иного три, и бегают они так быстро, как летит из лука стрела. Имя этих народов было: Гоги и Магоги.

Однако ж царь Александр Македонский от этих дивных народов не струсил; начал он с ними воевать. Долго ли, коротко ли он с ними вел войну – это неведомо; только дивии наро-

ды трусили и пустились от него бежать. Он за ними, гнать-гнать, и загнал их в такие трущобы, пропасти и горы, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Там-то они и скрылись от царя Александра Македонского. Что же сделал с ними царь Александр? Он свел над ними одну гору с другою сводом, и поставил на своде трубы, и ушел назад в свою землю. Подуют ветры в трубы, и подыметесь страшный вой; они, сидя там, кричат: «О, видно еще жив Александр Македонский!» Эти Гоги и Магоги до сих пор еще живы и трепещут Александра, а выйдут оттудова перед самую кончиною света.

ШЕМЯКИН СУД

В некоторых палестинах два брата живяше: один богатый, а другой – убогий. Прииде убогий брат к богатому лошади просити, на чем бы ему в лес по дрова съездить. Богатый даде ему лошадь. Убогий же нача и хомута прошати; богатый же вознегодовал на брата и не даде ему хомута. Убогий же брат умысли себе привязать дровни лошади за хвост, и поехал в лес по дрова, и насек воз велик, елико сила лошади может везти, и приехал ко двору своему, и отворил ворота, а подворотню забыл выставить. Лошадь же бросилась чрез подворотню и оторвала у себя хвост. Брат же убогий к богатому приведе лошадь без хвоста; богатый же виде лошадь без хвоста, не принял у него лошади и поиде на убогого бити челом к Шемяке-судье. Убогий, ведая, что пришла беда его – будет по него посылка, а у голого давно сменено, что хоженного дать будет нечего, поиде вслед брата своего.

И приидоша оба брата к богатому мужику на ночлег. Мужик нача с богатым братом пити и ясти и веселиться, а убогого пригласить

не хотяху к себе. Убогий же вниде на полати, поглядывая на них, и внезапно упал с полатей и задавил ребенка в люльке до смерти. Мужик же поиде к Шемяке-судье на убогого бити челом.

Идущим им ко граду купно (богатый брат и оный мужик, убогий же за ними идяше), прилучися[317] им ийти высоким мостом. Убогий разуме, что не быть ему живому от судьи Шемяки, и бросился с мосту: хотел ушибиться до смерти. Под мостом сын вез отца хворого в баню, и он попал к нему в сани и задавил его до смерти. Сын же поиде бити челом к судье Шемяке, что отца его ушиб.

Богатый брат прииде к Шемяке-судье бити челом на брата, како у лошади хвост выдернул. Убогий же подня камень, и завязал в плат, и кажет позади брата, и то помышляет: аще судья не по мне станет судить, то я его ушибу до смерти. Судья же, чая – сто рублей дает от дела, приказал богатому отдать лошадь убогому, пока у нее хвост вырастет.

Потом прииде мужик, подаде челобитну в убийстве младенца и нача бити челом. Убогий вынув тот же камень и показа судье поза-

ди мужика. Судья же, чая – другое сто рублей дает от другого дела, приказал мужику отдать убогую жену по тех мест, пока у ней ребенок родится: «И ты в те поры возьми к себе жену и с ребенком назад».

Прииде сын об отце бить челом, како задавил отца его до смерти, и подаде челобитну на убогого. Убогий же, вынув тот же камень, кажет судье. Судья, чая – сто рублей дает от дела, приказал сыну стать на мосту: «А ты, убогий, стань под мостом, и ты, сын, так же соскочи с мосту на убогого и задави его до смерти».

Судья Шемяка выслал слугу к убогую прошать денег триста рублей. Убогий же показав камень и рече: «Аще бы судья не по мне судил, и я хотел его ушибить до смерти». Слуга же прииде к судье и сказа про убогого: «Аще бы ты не по нем судил, и он хотел тебя этим камнем ушибить до смерти». Судья нача креститься: «Слава богу, что я по нем судил!»

Прииде убогий брат к богатому по судейскому приказу лошади прошать без хвоста, пока у ней хвост вырастет. Богатый же не восхоте лошади дати, даде ему денег пять рублей

да три четверти хлеба, да козу дойную, и помирися с ним вечно.

Прииде убогий брат к мужику и нача по судейскому приказу жену прошати по тех мест, пока ребенок родится. Мужик же нача с убогим миритися и даде убогому пятьдесят рублей, да корову с теленком, да кобылу с жеребенком, да четыре четверти хлеба, и помирися с ним вечно.

Прииде убогий к сыну за отцово убийство и нача ему говорить, что «по судейскому приказу тебе стать на мосту, а мне под мостом, и ты бросайся на меня и задави меня до смерти». Сын же нача помышляти себе: «Как скочу [318] с мосту, его не задавишь, а сам ушибуся до смерти!» и нача с убогим миритися, даде ему денег двести рублей, да лошадь, да пять четвертей хлеба – и помирися с ним вечно.

ЗАГАДКИ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик; у него был сын. Ездили они по селам, по городам да торговали по-маленьку. Раз поехал сын в окольные деревни торг вести. Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, приехал к избушке и попросился ночь ночевать. «Милости просим, – отвечала старуха, – только с тем уговором, чтоб ты загадал мне загадку неразгаданную». – «Хорошо, бабушка!» Вошел в избушку; она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила, а сама села возле и велела задавать загадку. «Погоди, бабушка; дай подумаю!» Пока купец думал, старуха уснула; он тотчас собрался, и вон из избушки. Старуха услышала шум, пробудилась – а гостя нет, выбежала на двор и подносит ему стакан с пойлом. «Выпей-ка, – говорит, – посошок на дорожку!» Купец не стал на дорогу пить, вылил пойло в кувшин, и съехал со двора.

Ехал-ехал, и застигла его в поле темная ночь; остановился ночевать где бог привел – под открытым небом. Стал он думать да га-

дать, что такое поднесла ему старуха, взял кувшин, налил себе на ладонь, с той ладони помазал плеть, а той плетью ударил коня; только ударил – коня вмиг разорвало! Поутру налетело на пададь тридцать воронов; наклевались-наелись, да тут же и переколели все. Купец собирал мертвых воронов и развесил по деревьям. В то самое время ехал мимо караван с товарами; увидели приказчики птиц на деревьях, взяли их – поснимали, изжарили и съели: только съели – так мертвые и попадали! Купец захватил караван и поехал домой.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли – заехал опять к той же старухе ночь ночевать. Она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила и велит задавать загадку. «Хорошо, бабушка, скажу тебе загадку: только уговор лучше денег: коли отгадаешь – возьми у меня весь караван с товарами, а коли не отгадаешь – заплати мне столько деньгами, сколько стоит караван с товарами». Старуха согласилась. «Ну, вот тебе загадка: из стакана в кувшин, из кувшина на ладонь, с ладони на плетку, с плетки на коня,

из коня в тридцать воронов, из воронов в тридцать молодцев». Старуха маялась-маялась, так и не отгадала; делать нечего, пришлось платить денежки. А купец воротился домой и с деньгами и с товарами и стал себе жить-поживать, добра наживать.

* * *

Был-жил мужичок, у него был сын; вот как померла его хозяйка, мужичок вздумал да женился на другой бабе, и прижил с нею еще двух сыновей. И невлюбила ж мачеха пасынка, ругала его и била, а после пристала к мужу: «Отдай-де его в солдаты!» Нечего с злой бабою спорить, отдал мужик старшего сына в солдаты. Прослужил молодец несколько лет и отпросился домой на побывку.

Явился к отцу; мачеха видит, что из него вышел бравый солдат и что все к нему с почетом, озлобилась еще пуще, сварила лютого зелья, налила в стакан и стала его потчевать. Только солдат каким-то манером про то проведал, взял стакан, выплеснул потихоньку зелье за окно и попал нечаянно на пару отцовских коней; в ту же минуту их словно порохом разорвало. Отец потужил-потужил и

велел сыновьям свезти пададь в овраг; там налетело шесть ворон, нажрались падали и тут же все подошли. Солдат подобрал ворон, ощипал перья, изрубил мясо и просит мачеху испечь ему пирогов на дорогу. А та и рада: «Пусть дурак воронье жрет!»

Скоро пироги поспели; солдат забрал их в сумку, распрощался с родичами и поехал в дремучий лес, где проживали разбойники. Приехал в разбойничий притон, когда из хозев никого дома не случилось: только одна старуха оставалась; вошел в хоромы, разложил на столе пироги, а сам на полати влез. Вдруг загикали, захлопали, прикатили на двор разбойники – всех их двенадцать было. Говорит атаману старуха: «Приехал без вас какой-то человек, вот и пироги его, а сам на полатях спит!» – «Ну что ж! Подавай вина; вот мы выпьем да его пирогами закусим, а с ним еще успеем разделаться». Выпили водки, закусили пирогами – и с той закуски все двенадцать на тот свет отправились.

Солдат слез с полатей, забрал все разбойничье добро – серебро и золото, и воротился в полк. В то время прислал к православному

царю басурманский король лист и требует, чтобы загадал ему белый царь загадку: «Если я не отгадаю – руби с меня голову и садись на мое царство, а коли отгадаю – то с тебя голову долой, и все твое царство пусть мне достанется». Прочитал царь этот лист и созвал на совет своих думных людей и генералов; сколько они ни думали, никто ничего не выдумал. Услыхал про то солдат и явился сам к царю: «Ваше величество, – говорит, – я пойду к басурманскому королю; моей загадки ему в жизнь не разгадать!»

Царь отпустил его. Приезжает солдат к королю, а он сидит за своими волшебными книгами, и булатный меч перед ним на столе лежит. Вздумал добрый молодец, как от единого стакана две лошади пали, от двух лошадей шесть ворон подошли, от шести ворон двенадцать разбойников померли, и стал задавать загадку: «Один двоих, двое шестерых, а шестеро двенадцать!» Король думал-думал, вертел-вертел свои книжки, так и не смог отгадать. Солдат взял булатный меч и отсек ему голову; все басурманское царство досталось белому царю, который пожаловал солдата

полковничьим чином и наградил большим именем. И был в те поры у нового полковника большой пир, на том пиру и я был, мед-вино пил, по усу текло, в рот не попало; кому подносили ковшом, а мне решетом.

ГОРШЕНЯ

Один, слышь, царь велел созвать со всего царства всех, сколь ни есть, бар,[319] всех-на-всех к себе, и вот этим делом-то заганул [320] им загадку: «Нуте-ка, кто из вас отганёт? Загану я вам загадку: кто на свете лютей и злоедливей, – говорит, – всех?» Вот они думали-думали, думали-думали, ганали-ганали, [321] и то думали и сё думали – всяко прикидывали, знашь, кабы отгануть. Нет, вишь, никто не отганул. Вот царь их и отпустил; отпустил и наказал: «Вот тогда-то, смотрите, вы опять этим делом-то ко мне придите».

Вот, знашь, меж этим временем-то один из этих бар, очень дошлый,[322] стал везде выспрашивать, кто что ему на это скажет? Уж он и к купцам-то, и к торгошам-то, и к нашему-то брату всяко прилаживался: охота, знашь, узнать как ни есть да отгануть цар-

ску-то загадку. Вот один горшеня, что, знашь, горшки продает, и выискался. «Я, слышь, сумею отгануть эту загадку!» – «Ну скажи, как?» – «Нет, не скажу, а самому царю отгану». Вот он всяко стал к нему прилаживаться: «Вот то и то тебе, братец, дам!» – и денег-то ему сулил, и всяку всячину ему представлял. Нету, горшеня[323] стоял в одном, да и полно: что самому царю, так отгану, беспрерывно отгану; опричь[324] – никому! Так с тем и отошел от него барин, что ни в жисть, говорит, не скажу никому, опричь самого царя.

Вот как опять, знашь, сызнова собрались бары-то к царю и никто опять не отганул загадку-то, тут барин-от тот и сказал: «Ваше-де царское величество! Я знаю одного горшеню; он, – говорит, – отганёт вам эту загадку». Вот царь велел позвать горшеню. Вот этим делом-то пришел горшеня к царю и говорит: «Ваше царское величество! Лютей, – говорит, – и злоедливей всего на свете казна.[325] Она очень всем завидлива: из-за нее пуще [326] всего все, слышь, бранятся, дерутся, убивают до смерти друг дружку: в иную пору режут ножами, а не то так иным делом. Хоть, –

говорит, – с голоду околевай, ступай по миру, проси милостыню, да того гляди – у нищего-то суму отымут, как мало-мальски побольше кусочков наберешь, коим грехом еще сдобненьких. Да что и говорить, ваше царское величество, из-за нее и вам, слышь, лихости [327] вволю[328] достается». – «Так, братец, так! – сказал царь. – Ты отганул, – говорит, – загадку; чем, слышь, мне тебя наградить?» – «Ничего не надо, ваше царское величество!» – «Хошь ли чего, крестьянин? Я тебе, слышь, дам». – «Не надо, – говорит горшеня, – а коли ваша царска милость будет – говорит, – сделай запрет продавать горшки вот на столько-то верст отсюда: никто бы тут, опричь меня, не продавал их». – «Хорошо!» – говорит царь, и указал сделать запрет продавать там горшки всем, опричь его. Горшеня вот как справен стал от горшков, что на диво!

А вот как царь, знашь, в прибыль ему сказал, чтоб никто к нему не являлся без горшка, то один из бар, скупой-перескупой, стал торговать у него горшок. Он говорит: «Горшок стоит пятьдесят рублей». – «Что ты, слышь, в уме ли?» – говорит барин. «В уме», – говорит

горшеня. «Ну, я в ином месте куплю», – говорит барин. После приходит: «Ну, слышь, дай мне один горшок!» – «Возьми, давай сто рублей за него», – говорит горшеня. «Как сто рублей? С ума, что ли, – говорит, – сошел?» – «Сошел али нет, а горшок стоит сто рублей». – «Ах ты, проклятый! Оставайся со своим горшком!» – и ушел опять тот барин.

Уж думал он без горшка сходить к царю, да обдумался: «Нехорошо, слышь, я приду к нему один, без горшка». Сызнова воротился. «Ну, – говорит, – давай горшок: вот тебе сто рублей». – «Нет, он стоит теперь полторы сотни рублей», – говорит горшеня. «Ах ты, окаянный!» – «Нет, я не окаянный, а меньше не возьму». – «Ну, продай мне весь завод: что возьмешь за него?» – «Ни за какие деньги не продам, а коли хошь – даром отдам тебе: доведи меня, – говорит, – на себе верхом к царю». Барин-то был очень скуп и очень завидлив, согласился на это и повез горшеню на себе верхом к царю. У горшени руки-то в глине, а ноги-то в лаптях торчали клином. Царь увидал, засмеялся: «Ха-ха-ха!.. Ба! Да это ты! (узнал, слышь, бари́на-то, да и горшеню-то).

Как так?» – «Да вот то и то», – рассказал горшеня обо всем царю. «Ну, братец, снимай, слышь, все с себя и надевай на бари́на, а ты (барину-то сказал) скидай все свое платье и отдай ему: он теперь будет бари́ном на твоём месте в вотчине, а ты будь вместо его горшенею».

МУДРЫЕ ОТВЕТЫ

Служил солдат в полку целые двадцать пять лет, а царя в лицо не видал. Пришел домой; стали его спрашивать про царя, а он не знает, что и сказать-то. Вот и зачали его корить родичи да знакомцы: «Вишь, – говорят, – двадцать пять лет прослужил, а царя в глаза не видал!» Обидно это ему показалось; собрался и пошел царя смотреть. Пришел во дворец. Царь спрашивает: «Зачем, солдат?» – «Так и так, ваше царское величество, служил я тебе да богу целые двадцать пять лет, а тебя в лицо не видал; пришел посмотреть!» – «Ну, смотри». Солдат три раза обошел кругом царя, все оглядывал. Царь спрашивает: «Хорош ли я?» – «Хорош», – отвечает солдат. «Ну теперь, служивый, скажи: высоко ли небо от зем-

ли?» – «Столь высоко, что там стукнет, а здесь слышно». – «А широка ли земля?» – «Вон там солнце всходит, а там заходит – столь широка!» – «А глубока ли земля?» – «Да был у меня дед, умер тому назад с девяносто лет, зарыли в землю, с тех пор и домой не бывал: верно, глубока!» Потом отослал царь солдата в темницу и сказал ему: «Не плошай, служба! Я пошлю к тебе тридцать гусей; умей по перу выдернуть». – «Ладно!»

Призвал царь тридцать богатых купцов и загадал им те же загадки, что и солдату загадывал; они думали-думали, не смогли ответить, и велел их царь посадить за то в темницу. Спрашивает их солдат: «Купцы-молодцы, вас за что посадили?» – «Да вишь, государь нас допрашивал: далеко ли небо от земли, и сколь земля широка, и сколь она глубока; а мы – люди темные, не смогли ответить». – «Дайте мне каждый по тысяче рублей – я вам правду скажу». – «Изволь, брат; только научи». Взял с них солдат по тысяче и научил, как отгадать царские загадки. Дня через два призвал царь к себе и купцов и солдата; задал купцам те же самые загадки, и как скоро они

отгадали – отпустил их по своим местам. «Ну, служба, сумел по перу сдернуть?» – «Сумел, царь-государь, да еще по золотому!» – «А далеко ль тебе до дому?» – «Отсюда не видно – далеко, стало быть!» – «Вот тебе тысяча рублей; ступай с богом!» Воротился солдат домой и зажил себе привольно, богато.

МУДРАЯ ДЕВА

Помер старик со старухою, оставался у них сын сирота. Взял его к себе дядя и заставил овец пасти. Ни много, ни мало прошло времени, призывает дядя племянника, хочет попытать у него ума-разума и говорит ему: «Вот тебе сотня баранов, гони их на ярмонку да продай с барышом, чтобы и сам был сыт, и бараны были целы, и деньги сполна выручены». Что тут делать! Заплакал бедняга и погнал баранов в чистое поле; выгнал, сел на дороге и задумался о своем горе. Идет мимо девица: «О чем слезы льешь, добрый молодец?» – «Как же мне не плакать? Нет у меня ни отца, ни матери; один дядя, и тот обижает!» – «Какую ж обиду он тебе делает?» – «Да вот послал на ярмонку, велел баранами тор-

говать, да так, чтобы и сам был сыт, и бараны были целы, и деньги сполна выручены». – «Ну, это хитрость не великая! Найми-ка ты баб да остриги баранов, а волну отнеси на ярмонку и продай, после возьми всех баранов выложи[329] да яйца съешь; вот у тебя и деньги, и бараны в целости, и сам сыт будешь!» Парень так и сделал; продал волну, пригнал стадо домой и отдает дяде вырученные деньги. «Хорошо, – говорит дядя племяннику, – только ведь ты не своим разумом вздумал это? Чай, тебя научил кто-нибудь?» Парень признался: «Шла, – говорит, – мимо девица, она научила».

Дядя тотчас приказал закладывать лошадь: «Поедем, станем сватать ту девицу». Вот и поехали. Приезжают прямо на двор, спрашивают: куда лошадь девать? «Привяжите до зимы аль до лета!» – говорит им девица. Дядя с племянником думали-думали, не знают, за что привязать; стали у ней спрашивать: до какой зимы, до какого лета? «Эх вы, недогадливые! Привяжите к саням, а не то к телеге». Привязали они лошадь, вошли в избу, помолились богу и сели на лавочку. Спра-

шивает ее дядя: «Ты с кем живешь, девица?» – «С батюшкой». – «Где ж твой отец?» – «Уехал сто рублей на пятнадцать копеек менять». – «А когда назад воротится?» – «Если кругом поедет – к вечеру будет, а если прямо поедет – и через три дня не бывать!» – «Что ж это за диво такое? – спрашивает дядя. – Неужто и вправду отец твой поехал сто рублей на пятнадцать копеек менять?» – «А то нет? Он поехал зайцев травить; зайца-то затравит – всего пятнадцать копеек заработает, а лошадь загонит – сто рублей потеряет». – «А что значит: ежели он прямо поедет – и в три дня не прибудет, а ежели кругом – к вечеру будет?» – «А то значит, что прямо болотом ехать, а кругом дорогою!» Удивился дядя уму-разуму девицы и сватал ее за своего племянника.

ПОПОВ РАБОТНИК

В некотором селе поп нанял себе батрака и послал его на сучонке пахать, и дал ему целую ковригу хлеба, и гуторя[330] ему: «На, батрак, будь сам сыт, и сучонка чтобы была сыта, да чтобы и коврига была цела».

Во батрак, взявши, поехал в поле, а приехавши, зачал пахать. Во пахал, пахал, уж время бы, кажись, и червячка заморить:[331] животики ему так и подвело; да что станешь делать с поповым-то приказом? Но голод не тетка, уму-разуму научит. Во и вздумал думу батрак, кажись бы гожа! Ну, быть делу так. Взял верхнюю корку с хлебушка тихохонько снял, мякиш всеё повытаскивал, сам досыта наелся и сучонку накормил, а корки опять сложил по-прежнему, как было, да и попахивает себе до вечера как будто ни в чем не был, горя мало ему! Во уж начало смеркаться. Он и поехал домой. Приезжает, а поп его уж у ворот встречает и спрашивает его: «Что, мол, батрак, сыт?» Он кажа: «Сыт». Поп опять спрашивает: «А сучонка сыта?» Батрак кажа: «Сыта». Поп опять гуторя: «А коврига цела?» Батрак кажа:

«Цела! На вот, батюшка, целехонька». Во как разглядел поп-от, да и рассмеялся, и гуторя: «Хитрец ты окаянный! Как на тя[332] погляжу, из тебя прок будет. Люблю за обычай и за твою догадливость! Ухитрился, молодец! Оставайся у меня, живи; мне такой и надобен». И оставил его у себя, прибавил еще сверх договорной цены за то, что парень-то попался ему ухарский и разухабистый да больно догадливый. Тут-то батраку пошло житье, что твоя маслена, и умирать не надо.

ЦАРЕВИЧ-НАЙДЕНЬШ

Жил царь с царицею; у них родился сын. Понадобилось царю отлучиться из дому; без него беда пришла – царевич пропал! Искали-искали царевича – как в воду канул, ни слуху, ни духу об нем! Долго плакали царь с царицею. Прошло целые пятнадцать лет, и донеслись до царя вести, что в одной деревне такой-то мужик нашел ребенка – всем на диво: и красотой и умом взял! Царь приказал доставить наскоро к себе мужика. Привезли его, начали спрашивать, где и когда нашел мальчика? Мужик объявил, что нашел его

пятнадцать лет тому назад в овине, что на нем одежда была такая-то, богатая. По всем приметам, кажись, и царский сын!

Говорит царь мужику: «Скажи твоему найденьшу, чтоб он ко мне побывал ни наг, ни одет, ни пешком, ни на лошади, ни днем, ни ночью, ни на дворе, ни на улице». Мужик приехал домой, плачет и рассказывает мальчику: как теперь быть? Мальчик говорит: «Не больно хитро! Эту загадку разгадать можно». Взял разделся с ног до головы да накинул на себя сетку, сел верхом на козла, приехал к царю в сумерки и въехал на козле в ворота: передние ноги на дворе, а задние на улице. Царь увидал и говорит: «Вот мой сын!»

СОСВАТАННЫЕ ДЕТИ

Жили-были два богатых купца: один в Москве, другой в Киеве; часто они съезжались по торговым делам, вместе дружбу водили и хлеб-соль делили. В некое время приехал киевский купец в Москву, свиделся с своим приятелем и говорит ему: «А мне бог радость дал – жена сына родила!» – «А у меня дочь родилась!» – отвечает московский купец. «Ну-ка, давай по рукам ударим! У меня – сын, у тебя – дочь, чего лучше – жених и невеста! Как вырастут, обвенчаем их и породнимся». – «Ладно, только это дело нельзя просто делать. Пожалуй, еще твой сын отступится от невесты; давай мне двадцать тысяч залог!» – «А если твоя дочь да помрет?» – «Ну, тогда и деньги назад». Киевский купец вынул двадцать тысяч и отдал московскому; тот взял, приезжает домой и говорит жене: «Знаешь ли, что скажу? Ведь я свою дочь просватал!» Купчиха изумилась: «Что ты! Али с ума сошел? Она еще в люльке лежит!» – «Ну что ж что в люльке? Я все-таки ее просватал: вот двадцать тысяч залог взял».

Вот хорошо. Живут купцы всякий в своем городе, а друг друга не навещают – далеко, да и дела так пошли, что надо дома оставаться. А дети их растут да растут: сын хорош, а дочь еще лучше. Прошло осьмнадцать лет; московский купец видит, что от старого его знакомого нет ни вести, ни слуху, и просватал дочь свою за полковника. В то самое время призывает киевский купец своего сына и говорит ему: «Поезжай-ка ты в Москву; там есть озеро, на том озере я поставил пленку;[333] если в эту пленку попалась утка – то утку вези, а ежели нет утки – то пленку назад». Купеческий сын собрался и поехал в Москву; ехал-ехал, вот уж близко, всего один перегон остался. Надо ему через реку переправляться, а на реке мост: половина замощена, а другая нет.

Тою же самою дорогою случилось ехать и полковнику; подъехал к мосту и не знает, как ему перебраться на ту сторону? Увидел он купеческого сына и спрашивает: «Ты куда едешь?» – «В Москву». – «Зачем?» – «Там есть озеро, в том озере – лет осьмнадцать прошло, как поставил мой отец пленку, а теперь послал меня с таким приказом: если попалась

в пленку утка – то утку возьми, а если утки нет – то пленку назад!» – «Вот задача! – думает полковник. – Разве может простоять пленка осьмнадцать лет? Ну, пожалуй, пленка еще простоит; а как же утка-то проживет столько времени?» Думал-думал, гадал-гадал, ничего не разгадал. «Как же, – говорит, – нам через реку переехать?» – «Я поеду задом наперед!» – сказал купеческий сын; погнал лошадей, доехал до половины моста и давай задние доски наперед перемащивать; намостил и перебрался на другую сторону, а вместе с ним и полковник переехал. Вот приехали они в город. «Ты где остановишься?» – спрашивает купеческого сына полковник. «А в том доме, где весна с зимой на воротах». Распрощались и повернули всякий в свою сторону.

Купеческий сын пристал у одной бедной старухи; а полковник погнал к невесте. Там его стали поить, угощать, о дороге спрашивать. Он и рассказывает: «Повстречался я с каким-то купеческим сыном; спросил его: зачем в Москву едет? А он в ответ: есть-де в Москве озеро, на том озере – лет осьмнадцать прошло, как мой отец пленку поставил, а теперь

послал меня с таким приказом: если попалась в пленку утка – то утку возьми, а ежели утки нет – то пленку назад! Тут пришлось нам через реку переправляться; на той реке мост, половина замощена, а другая нет. Раздумался я, как на другую сторону переехать? А купеческий сын сейчас смекнул, задом наперед переехал и меня перевез». – «Где же он на квартире стал?» – спрашивает невеста. «А в том доме, где весна с зимой на воротах».

Вот купеческая дочь побежала в свою комнату, позвала служанку и приказывает: «Возьми кринку молока, ковригу хлеба да лукошко яиц; из кринки отпей, ковригу почни, из лукошка яйцо скушай. Потом ступай в тот дом, где на воротах трава с сеном привязаны; разыщи там купеческого сына, отдай ему хлеб, молоко и яйца да спроси: в своих ли берегах море или упало? Полон ли месяц или в ущербе? Все ли звезды в небе или скатились?» Пришла служанка к купеческому сыну, отдала гостинцы и спрашивает: «Что море – в своих ли берегах или упало?» – «Упало». – «Что месяц – полон или в ущербе?» – «В ущербе». – «Что звезды – все ли на небе?» –

«Нет, одна скатилась». Вот служанка воротилась домой и рассказала эти ответы купеческой дочери. «Ну, батюшка, – говорит отцу купеческая дочь, – ваш жених мне не годится; у меня есть свой давнишний – с его отцом по рукам ударено, договором скреплено». Сейчас послали за настоящим женихом, стали свадьбу справлять да пир пировать, а полковнику отказали. На той свадьбе и я был, мед-вино пил, по усам текло, в рот не попало.

ДОБРОЕ СЛОВО

Жил-был купец богатый, умер, оставался у него сын Иван Бессчастный; пропил он, промотал все богатство и пошел искать работы. Ходит он по торгу, собой-то видный; на ту пору красная девушка, дочь купецкая, сидела под окошечком, вышивала ковер разными шелками. Увидала она купецкого сына... Полюбился ей купецкий сын. «Пусти меня, – говорит матери, – за него замуж». Старуха и слышать было не хотела, да потолковала со стариком: «Может быть, жениным счастьем и он будет счастлив, а дочь наша в сорочке родилась!» Взяли ее да и отдали – перевенчали.

Жена купила бумаги,[334] вышила ковер и послала мужа продавать: «Отдавай ковер за сто рублей, а встретится хороший человек – за доброе слово уступи».

Встретился ему старичок, стал ковер торговать: сторговал за сто рублей, вынимает деньги и говорит: «Что хочешь – деньги или доброе слово?» Купецкий сын подумал-подумал: жена не даром наказывала... «Сказывай, – говорит, – доброе слово; на ковер!» – «Прежде смерти ничего не бойся!» – сказал старик, сам взял ковер и ушел. Приходит купецкий сын домой, рассказал все хозяйке; хозяйка молвила ему спасибо, купила шелку, вышила новый ковер и опять посылает мужа продавать: «Отдавай ковер за пятьсот рублей, а встретится хороший человек – за доброе слово уступи». Выходит купецкий сын на торг; попадается ему тот же старичок, сторговал ковер за пятьсот рублей, стал деньги вынимать и говорит купецкому сыну: «А хочешь – я тебе доброе слово скажу?» – «На ковер; говори доброе слово». – «Пробуди, дело разбери, головы не сымаючи!» – сказал старик, взял ковер и ушел. Воротился купецкий сын домой, расска-

зал все хозяйке – та ни слова.

Вот дядья купецкого сына собралися за море ехать, торг торговать; купецкий сын собрал кое-как один корабль, простился на постели с женой, да и поехал с ними. Едут они по морю; вдруг выходит из моря морской горбыль.[335] «Давай нам, – говорит горбыль купцам, – русского человека на судьбину – дело разобрать; я его назад опять ворочу». Дядья думали, думали, и пришли к племяннику с поклоном, чтоб он шел в море. Тот вспомнил слово старика: прежде смерти ничего не бойся, и пошел с горбылем в море. Там Судьбина разбирает, что дороже: золото, серебро или медь? «Разберешь ты это дело, – говорит Судьбина купецкому сыну, – награжу тебя». – «Изволь, – отвечает он, – медь дороже всего: без меди при расчете обойтись нельзя; в ней и копейка, и денежка, и полушки, из нее и рубль набрать можно; а из серебра и золота не откусишь». – «Правда твоя! – говорит Судьбина. – Ступай на свой корабль». Выводит горбыль его на корабль, а тот корабль битком набит камнем самоцветным.

Дядья уже далеко уехали, да купецкий сын

догнал их и заспорил с ними, чей товар лучше. Те ему говорят: «У тебя, племянничек, один кораблишко, а у нас сто кораблей».

Спорили-спорили, осерчали и пошли на него царю жаловаться. Царь сперва хотел просто без суда повесить купецкого сына: не порочь, дескать, дядьев! да после велел товары на посмотр принести. Дядья принесли ткани золотые, шелковые... Царь так и засмотрелся. «Показывай свои!» – говорит он купецкому сыну. «Прикажи, государь, закрыть окна; я свои товары ночью показываю». Царь приказал закрыть окна; тот вынул из кармана камушек – так все и осветило! «Твой лучше товар, купецкий сын! Возьми себе за то дядины корабли».

Он забрал себе дядины корабли, торговал ровно двадцать лет, наторговал много всякого добра и с большим, несметным богатством ворочается домой. Входит в свой дом и видит: хозяйка его лежит на постели с двумя молодцами. Закипело у него ретивое, вынул саблю вострую. «Зарублю, – думает, – друзей жениных!» И вспомнил доброе слово старика: пробуди, дело разбери, головы не сумаючи! Раз-

будил свою хозяйку, а та вскочила и ну толкать молодцов! «Детки, – говорит, – ваш батюшка приехал». Тут и узнал купецкий сын, что жена без него родила ему двойчат.

ДОЧЬ ПАСТУХА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; наскучило ему ходить холостому и задумал жениться; долго приглядывался, долго присматривался, и никак не мог найти себе невесты по сердцу. В одно время поехал он на охоту и увидал на поле: пасет скотину крестьянская дочь – такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать, а другой такой во всем свете не сыскать. Подъехал царь к ней и говорит ласково: «Здравствуй, красная девица!» – «Здравствуй, государь!» – «Которого отца ты дочь?» – «Мой отец – пастух, недалече живет». Царь расспросил про все подробно: как зовут ее отца и как слывет их деревня, распрощался и поехал прочь. Немного погодя, день или два, приезжает царь к пастуху в дом: «Здравствуй, добрый человек! Я хочу на твоей дочери жениться». – «Твоя воля, государь!» – «А ты, красная

девица, пойдешь за меня?» – «Пойду!» – говорит. «Только я беру тебя с тем уговором, чтоб ни одним словом мне не поперечила; а коли скажешь супротив хоть единое словечко – то мой меч, твоя голова с плеч!» Она согласилась.

Царь приказал ей готовиться к свадьбе, а сам разослал по всем окрестным государствам послов, чтоб съезжались к нему короли и королевичи на пир на веселье. Собрались гости; царь вывел к ним свою невесту в простом деревенском платье: «Что, любезные гости, нравится ли вам моя невеста?» – «Ваше величество, – сказали гости, – коли тебе нравится, а нам и подавно». Тогда велел ей нарядиться в царские уборы, и поехали к венцу. Известное дело: у царя не пиво варить, не вино курить – всего вдоволь! Перевенчались и подняли пир на весь мир: пили-ели, гуляли и потешались. Отпиروвали, и зачал царь жить с своей молодой царицею в любви и согласии. Через год времени родила царица сына, и говорит ей царь грозное слово: «Твоего сына убить надо, а то соседние короли смеяться будут, что всем моим царством завладеет после

меня мужицкий сын!» – «Твоя воля! Не могу тебе поперечить», – отвечает бедная царица. Царь взял ребенка, унес от матери и тайно велел отвезти его к своей сестре: пусть у ней растет до поры до времени. Прошел еще год – царица родила ему дочь; царь опять говорит ей грозное слово: «Надобно изгубить твою дочь, а то соседние короли смеяться будут, что она не царевна, а мужицкая дочь!» – «Твоя воля! Делай что знаешь, не могу тебе поперечить». Царь взял девочку, унес от бедной матери и отослал к своей сестре.

Много лет прошло, много воды утекло; царевич с царевною выросли: он хорош, она еще лучше – другой такой красавицы нигде не найти! Царь собрал своих думных людей, призвал жену и стал говорить: «Не хочу с тобой больше жить; ты – мужичка, а я – царь! Снимай царские уборы, надевай крестьянское платье и ступай к своему отцу». Ни слова не сказала царица, сняла с себя богатые уборы, надела старое крестьянское платье, воротилась к отцу и по-прежнему начала в поле скотину гонять. А царь задумал на иной жениться; отдал приказ, чтобы все было к свадьбе го-

тово, и, призвав свою прежнюю жену, говорит ей: «Хорошенько прибери у меня в комнатах; я сегодня невесту привезу». Она убрала комнаты, стоит – дожидается.

Вот привез царь невесту, за ним следом наехало гостей видимо-невидимо; сели за стол, стали есть-пить, веселиться. «Что, хороша ли моя невеста?» – спрашивает царь у прежней жены. Отвечает она: «Если тебе хороша, так мне и подавно!» – «Ну, – сказал ей царь, – надевай опять царские уборы и садись со мной рядом; была ты и будешь моей женою. А эта невеста – дочь твоя, а это – сын твой!» С этих пор начал царь жить с своею царицею без всякой хитрости, перестал ее испытывать и до конца своей жизни верил ей во всяком слове.

ОКЛЕВЕТАННАЯ КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ

Был-жил купец, имел у себя двух детей: дочь да сына. Стал купец помирать (а купчиху-то прежде его на погост свезли) и приказывает: «Дети мои! Живите хорошо – в любви и совете, так, как мы с покойницей жили». Вот и помер; схоронили его и помянули, как следует. Немного погодя задумал купеческий сын за морем торговать; снарядил три корабля, нагрузил их разными товарами и стал сестре наказывать: «Ну, милая сестрица, еду я в дальнюю дорогу, оставляю тебя одну-одиношеньку дома; смотри же, веди себя скромно, в худые дела не вдавайся, по чужим людям не таскайся». После того поменялись они своими портретами: сестра взяла братнин портрет, а брат – сестрин; поплакали на расставанье и простились.

Купеческий сын снялся с якорей, отвалил от берега, поднял паруса и вышел в открытое море; плывет год, плывет другой, а на третий год приезжает к некоему богатому, стольному городу и останавливает свои корабли в гавань.

ни. Как скоро приехал, сейчас набрал блюдечко драгоценных камней да сверток лучшего бархату, камки[336] и атласу и понес к тамошнему царю на поклон. Приходит во дворец, подает царю гостинец и просит позволения торговать в его стольном городе. Полюбился царю дорогой гостинец, говорит он купеческому сыну: «Хорош твой дар! Сколько лет я на свете живу, никто так меня не учествовал; даю тебе за то первое место по торгу. Продавай-покупай, никого не бойся, а коли обида будет – прямо ко мне приходи; завтра я сам к тебе на корабль побываю». На другой день приехал царь к купеческому сыну, стал по кораблю похаживать, товары осматривать и увидел в хозяйской каюте – портрет висит; спрашивает купеческого сына: «Чей это портрет?» – «Моей сестрицы, ваше величество!» – «Ну, господин купец, такой красоты я еще отродясь не видывал; а скажи по правде: какова она нравом и обычаем?» – «И тиха и чиста, как голубка!» – «Ну, коли так, быть ей царицею; возьму за себя замуж». А в те поры был при царе генерал, да такой злющий, завистный: чужое счастье ему поперек в горле ста-

новилось. Услыхал он царские речи и страшно озлобился: этак, пожалуй, придется нашим женам купчихе кланяться! Не выдержал и говорит царю: «Ваше величество! Не прикажите казнить, прикажите слово вымолвить». – «Сказывай!» – «Эта купеческая дочь вам вовсе не пара; я сам ее давно знаю, не раз с нею на постели леживал, в любовные игры поигрывал; совсем девка распутная!» – «Как же ты, иноземный купец, говоришь, что она тиха и чиста, как голубка, худыми делами не занимается?» – «Ваше величество! Коли генерал не врет, пусть достанет от моей сестры именной перстень да узнает, какова у ней тайная примета есть». – «Хорошо, – говорит царь и дает тому генералу отпуск, – коли в срок не достанешь перстня да приметы не скажешь – то мой меч, твоя голова с плеч!»

Собрался генерал и поехал в тот город, где жила купеческая дочь; приехал и не знает, как ему быть? Ходит по улицам взад и вперед, такой кручинный, задумчивый. Попадается ему навстречу старушонка, просит милостыни; он ей подал. Спрашивает старуха: «О чем, господин, призадумался?» – «Что тебе сказыв-

вать? Ведь ты моему горю не пособишь». – «Кто знает – может, и пособию!» – «Знаешь ты, где живет такая-то купеческая дочь?» – «Как не знать!» – «Ну так достань у нее именной перстень да разузнай, какова у ней тайная примета есть; сделаешь это дело, награжу тебя золотом». Старушонка потащилась к купеческой дочери, постучалась в ворота, вошла в горницу, помолилась и стала рассказывать, что идет ко святым местам: не будет ли какого подаяния? Повела такие хитрые речи, что красная девица совсем заслушалась и не заметила, как проговорилась о своей тайной примете; пока то да се, старушонка стибрила со столика именной перстень и в рукав запрянула. После того попрощалась с хозяйкою и бегом к генералу, отдает ему перстень и говорит: «А тайная примета у купеческой дочери – золотой волосок под левою мышкою».

Генерал наградил ее щедрой рукою и отправился в обратный путь; приезжает в свое государство и является во дворец; и купеческий сын тут же. «Ну что, – спрашивает царь, – достал именной перстень?» – «Вот он, ваше величество!» – «А какова у купеческой

дочери тайная примета?» – «Золотой волосок под левою мышкою». – «Так ли?» – спрашивает царь купеческого сына. «Точно так, государь!» – «Как же смел ты передо мною лгать? За твою вину велю казнить тебя». – «Царь-государь! Не откажи в последней милости, позволь написать к сестре письмо; пусть придет, со мной попросится». – «Хорошо, – отвечал царь, – пиши; только я долго ждать не стану!» Отложил казнь на срок, а до того времени приказал заковать его в железа и посадить в темницу.

Вот купеческая дочь, как получила от брата письмо да прочитала, тотчас пустилась в дорогу; едет да золотую перчатку вяжет, а сама горько плачет: слезы падают бриллиантами; она те бриллианты подбирает да на перчатку сажает. Приехала в стольный город наскоро, наняла у бедной вдовы квартиру и спрашивает: «Что у вас в городе нового?» – «У нас новостей нет никаких, окромя того, что один иноземный купец через свою сестру страждает, завтрашний день его вешать будут». Поутру встала купеческая дочь, наняла карету, нарядилась в богатое платье и поеха-

ла на площадь; там уж виселица готова, войска расставлены, и народу набралось многое множество; вон уж и брата ее ведут. Она вышла из кареты и прямо к царю, подает ему ту перчатку, что дорогой связала, и говорит: «Ваше величество! Оцените, что такая перчатка стоит?» Царь посмотрел. «Ей, – говорит, – и цены нету!» – «Ну так ваш генерал был у меня в дому и точно такую перчатку украл – дружку этой самой; прикажите розыск сделать».

Царь позвал генерала: «Вот на тебя жалоба, будто ты дорогую перчатку украл». Генерал начал божиться: ничего знать не знаю и ведать не ведало. «Как же ты не знаешь? – говорит ему купеческая дочь. – Сколько раз бывал в моем доме, со мной на постели леживал, в любовные игры поигрывал...» – «Да я тебя впервой вижу! Никогда у тебя не бывал, и теперь – хоть умереть – не знаю: кто ты и откуда приехала». – «Так за что же, ваше величество, мой брат страждает?» – «Который брат?» – спрашивает царь. «А вон которого на виселицу привели!» Тут все дело начистоту открылось; царь приказал купеческого сына освободить, а генерала повесить; а сам сел с

красной девицей, купеческой дочерью, в карету и поехал в церковь. Там они обвенчались, сделали большой пир и стали жить-поживать, добра наживать, и теперь живут.

ЦАРИЦА-ГУСЛЯР

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь с царицею; пожил он с нею немалое время и задумал ехать в ту чужедальнюю землю, где жида Христа распяли. Отдал приказы министрам, попрощался с женою и отправился в дорогу. Долго ли, коротко ли – приехал в чужедальнюю землю, где жида Христа распяли; а в той земле правил тогда проклятый король. Увидел этот король царя, велел схватить его и посадить в темницу. Много у него в темнице всяких невольников; по ночам в цепях сидят, а по утрам надевает на них проклятый король хомуты и пашет пашню до вечера. Вот в такой-то муке прожил царь целые три года и не знает, как ему оттуда вырваться, как дать о себе царице весточку? И выискал-таки случай, написал к ней письмецо. «Продавай, – пишет, – все наше имение да приезжай выкупать меня из

неволи».

Получила царица письмо, прочитала и заплакала: «Как мне выкупить царя? Если сама поеду – увидит меня проклятый король и возьмет к себе заместо жены; если министров пошлю – на них надежи нет!» И что ж она вздумала? Остригла свои косы русые, нарядилась музыкантом, взяла гусли и, никому не сказавшись, отправилась в путь-дорогу дальнюю. Приходит к проклятому королю на двор и заиграла в гусли, да так хорошо, что век бы слушал – не наслушался. Король как услышал такую славную музыку, тотчас велел позвать гусяра во дворец. «Здравствуй, гусяр! Из которой земли ты, из которого царства?» – спрашивает король. Отвечает ему гусяр: «Сызмала хожу, ваше величество, по белому свету, людей веселю, да тем свою голову кормлю». – «Оставайся-ка у меня, поживи день, другой, третий; я тебя щедро награжу». Гусяр остался; день-деньской перед королем играет, а тот все досыта не наслушается. Экая славная музыка! Всякую скуку, всякую тоску как рукой снимает.

Прожил гусяр у короля три дня и прихо-

дит прощаться. «Что ж тебе за труды пожаловать?» – спрашивает король. «А пожалуй, государь, мне единого невольника, у тебя много в темнице насажено; а мне нужен товарищ в дороге. Хожу я по чужедальным государствам; иной раз не с кем слова вымолвить». – «Изволь, выбирай себе любого!» – сказал король и повел гусяра в темницу. Гусляр оглянул заключенных, выбрал себе царя-невольника, и пошли они вместе странствовать. Подходят к своему государству, царь и говорит: «Отпусти меня, добрый человек! Я ведь – не простой невольник, я сам царь; сколько хочешь, бери выкуп: ни денег, ни крестьян не пожалею». – «Ступай с богом, – говорит гусляр, – мне твоего ничего не надо». – «Ну, хоть в гости ко мне зайди». – «Будет время – побываю». Тут они распрощались и пошли каждый своею дорогою.

Царица побежала окольною дорогою, прежде мужа домой поспела, сняла с себя гуслярское платье и нарядилась, как быть следует. Через час времени закричали, забегали по дворцу придворные: царь пришел! Царица к нему навстречу бросилась, а он со всеми здо-

ровается, а на нее и смотреть не хочет. Поздоровался с министрами и говорит: «Вот, господа, какова жена у меня! Теперь на шею бросается, а как сидел я в неволе да писал к ней, чтоб все добро продавала да меня выкупала — небось ничего не сделала. О чем же она думала, коли мужа позабыла?» Министры доложили царю: «Ваше величество! Как только царица получила ваше письмо, в тот же самый день неизвестно куда скрылася и все это время пропадала; во дворец только сегодня явилась».

Царь сильно разгневался и приказывает: «Господа министры! Судите мою неверную жену по правде по истинной. Где она по белу свету таскалася? Зачем не хотела меня выкупить? Не видать бы вам своего царя веки вечные, если б не молодой гусяр; за него стану бога молить, ему половину царства не пожелаю отдать». Тем временем царица успела нарядиться гусяром, вышла на двор и заиграла в гусли. Царь услышал, побежал навстречу, схватил музыканта за руку, приводит во дворец и говорит своим придворным: «Вот этот гусяр, что меня из неволи выручил!» Гусяр

сбросил с себя верхнюю одежду – и все тотчас узнали царицу. Тут царь возрадовался; начал на радостях пир пировать, да так целую неделю и прохлаждался.

ОТЕЦ И ДОЧЬ

В некотором царстве, не в нашем государстве жил-был богатый купец, у него жена была красавица, а дочь такова, что даже родную мать красотой превзошла. Пришло время, купчиха заболела и померла. Жаль было купцу, да делать нечего; похоронил ее, поплакал-погоревал и стал на свою дочь засматриваться. Обуяла его нечистая любовь, приходит он к родной дочери и говорит: «Твори со мной грех!» Она залилась слезами, долго его уговаривала-умоляла; нет, ничего не слушает. «Коли не согласишься, – говорит, – сейчас порешу твою жизнь!» И сотворил с нею грех насильно, и с того самого времени понесла она чадо. А у того купца было двенадцать приказчиков. Как только заприметил он, что дочь тяжела, тотчас начал ее выспрашивать: «Послушай, дочь моя милая! Когда ты родишь, на кого скажешь?» – «На кого мне сказывать?

Прямо на тебя». – «Нет, дочка, ты на меня не сказывай, а лучше скажи на приказчика». – «Ах, отец, как я скажу понапрасну на человека невинного?»

Сколько купец ее ни уговаривал, она все свое твердит. А время идет да идет.

Вдруг приезжает за ним гонец от государя: «Царь-де спрашивает». Приехал к царю: «Что, ваше величество, прикажете?» – «Собери корабли да поезжай в тридешатое государство за товарами». Ну, царя нельзя не послушаться; хоть не хочешь – поедешь. Велел купец изготовить все к походу, а сам к дочери: «В последний раз тебя, дочка, спрашиваю: когда ты родишь, на кого скажешь?» – «На кого мне сказывать? Прямо на тебя». Купец схватил острый меч со стены и отсек ей голову: кровь так и брызгнула! После взял убитую, отнес в сад и спрятал в погреб; сам сел на корабль и уехал в тридешатое государство.

Всем домом купеческим стал заправлять главный приказчик. Вот в первую же ночь снится ему, будто кто говорит: «Что ты спишь! Ничего не ведаешь, что у тебя произошло?» Приказчик проснулся, взял клю-

чи и пошел по кладовым; кажись, все кладовые обошел, а один ключ все лишний, и не придумает приказчик, что бы такое тем ключом было заперто. «Дай пойду в сад, поразгуляюся!» Только он в сад, а соловей сидит на кустике да громко поет, словно человеческим голосом выговаривает: «Добрый молодец! Вспомни про меня, я здесь лежу!» Приказчик стал присматриваться и набрел на погреб; еле-еле доискался входа – так заросло все травой да деревьями. Попробовал – лишний ключ как раз сюда пришелся; отворил дверь, а в том погребе стоит гроб, в гробу девица, кругом свечи горят воску ярого, по стенам образа в золотых ризах так и светятся. Говорит ему девица, дочь купеческая: «Сослужи мне службу, добрый молодец! Облегчи меня: возьми меч и вынь из меня младенца». Приказчик побежал за мечом; входит в ту самую горницу, где отец дочь загубил, смотрит – а на полу, где кровь текла, там цветы цветут! Взял меч, воротился в сад, разрезал у купеческой дочери чрево, вынул младенца и отдал его воспитывать своей матери.

Ни много, ни мало прошло времени, прие-

хал купец из тридесятого государства; стал государю про свои дела докладывать, а мальчик прибежал во дворец, да все возле них увивается. «Чей такой славный ребенок?» – спрашивает царь. «Это сын моего приказчика». Царь пожелал видеть этого приказчика; позвали его во дворец, а он тотчас и рассказал все, как было. Царь приказал купца расстрелять, а мальчика взял к себе: и теперь при государе живет!

СОЛДАТ И ЦАРЬ В ЛЕСУ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик; у него было два сына. Пришла солдатчина, и взяли старшего сына в рекруты. Служил он государю верою и правдою, да таково счастливо, что в несколько лет дослужился до генеральского чина. В это самое время объявили новый набор, и пал жеребей на его меньшего брата; забрали ему лоб, и случилось так, что он попал в тот самый полк, в котором брат его был генералом. Солдат признал было генерала, да куды! тот от него начисто отказывается: «Я тебя не знаю, и ты меня не ведай!»

Раз как-то стоял солдат на часах у полкового ящика, возле генеральской квартиры; а у того генерала был большой званый обед, и наехало к нему много офицеров и бар. Видит солдат, что кому веселье, а ему – нет ничего, и залился горькими слезами. Стали его спрашивать гости: «Послушай, служивый, что ты плачешь?» – «Как мне не плакать? Мой родной брат гуляет да веселится, про меня не вспомянет». Гости рассказали про то генералу, а генерал рассердился: «Что вы ему верите? Сдуру врет!» Приказал сменить его с часов и дать ему триста палок, чтоб не смел в родню причитаться. Обидно показалось это солдату; нарядился в свою походную амуницию и бежал из полку.

Долго ли, коротко ли – забрался он в такой дикий, дремучий лес, что мало кто туда и заживал, и стал там время коротать, ягодами да кореньями питаться. Вскоре после того собрался царь и выехал на охоту с большою свитою; поскакали они в чистое поле, распустили гончих собак, затрубили в трубы и начали тешиться. Вдруг откуда ни взялся – выскочил красивый олень, стрелой мимо царя

и бух в реку; переплыл на другую сторону и прямо в лес. Царь за ним плыл-плыл, скакал-скакал... смотрит – олень из глаз скрылся, охотники далеко назади остались, а кругом густой, темный лес; куда ехать – неведомо, ни одной тропинки не видно. До самого вечера блуждал он и крепко умаялся. Попадает ему навстречу беглый солдат. «Здравствуй, добрый человек! Как сюда попал?» – «Так и так, поехал поохотиться, да в лесу заблудился; выведи, брат, на дорогу». – «Да ты кто таков?» – «Царский слуга». – «Ну, теперь темно; пойдем, лучше где-нибудь в овраге ночуем, а завтра я тебя на дорогу выведу».

Пошли искать – где бы им ночь переспать; шли-шли и увидели избушку. «Эва! Бог ночлег послал; зайдем сюда», – говорит солдат. Входят они в избушку; там сидит старуха. «Здорово, бабушка!» – «Здорово, служивый!» – «Давай нам пить да есть!» – «Сама бы съела, да нечего». – «Врешь ты, старая чертовка!» – сказал солдат и стал в печи да по полкам шарить; глядь – у старухи всего вдоволь: и вино припасено, и кушанье всякое изготовлено. Сели за стол, поужинали всласть и полезли на

чердак спать. Говорит солдат царю: «Береженого и бог бережет! Пусть один из нас отдыхает, а другой на часах стоит». Кинули жеребей, доставалось первому царю сторожить. Солдат дал ему свой острый тесак, поставил у дверей, приказал не дремать, а коли что случится – тотчас его разбудить; сам лег спать и думает: «Как-то будет мой товарищ на часах стоять? Пожалуй, с непривычки не сможет. Дай на него посмотрю».

Вот царь стоял-стоял, и начало его в сон клонить. «Что качаешься? – окликает его солдат. – Аль дремлешь?» – «Нет», – отвечает царь. «То-то, смотри!» Царь постоял с четверть часа и опять задремал. «Эй, приятель, никак ты спишь?» – «Нет, и не думаю». – «Коли заснешь, не пеняй на меня!» Царь постоял еще с четверть часа; ноги у него подкосились, свалился он на пол и заснул. Солдат вскочил, взял тесак и давай его угощать да приговаривать: «Разве так караул держат? Я десять лет прослужил, мне начальство ни одной ошибки не простило; а тебя, зная, не учили! Раз другой простило, а уж третья вина завсегда виновата... Ну, теперь ложись спать; я сам на ча-

сы стану».

Царь лег спать, а солдат на часах стоит, глаз не смыкает. Вдруг засвистали-захлопали, приехали в ту избушку разбойники; старуха встречает их и говорит: «К нам-де гости ночевать пришли». – «Ладно, бабушка! Вот мы целую ночь понапрасну проездили, а наше счастье само в избу привалилось. Давай-ка наперед ужинать!» – «Да ведь гости наши всё приели, всё выпили!» – «Ишь, смельчаки какие! Да где они?» – «На чердак спать забрались». – «Ну, я пойду с ними сделаюсь!» – сказал один разбойник, взял большой нож и полез на чердак; только просунул было в дверь голову, солдат как шаркнет тесаком – так голова и покатила; солдат тотчас втащил на чердак туловище, стоит-дожидается: что дальше будет? Разбойники ждали-ждали, и говорят: «Что он долго возится?» Послали другого; солдат и того убил. Вот так-то в короткое время перебил он всех разбойников.

На рассвете проснулся царь, увидел трупы и спрашивает: «Ах, служивый, куда мы попались?» Солдат рассказал ему все, как было. Потом сошли они с чердака. Увидел солдат

старуху и закричал на нее: «Постой, старая чертовка! Я с тобою разделаюсь. Ишь, что выдумала – разбой держать! Подавай сейчас все деньги!» Старуха открыла сундук, полон золота; солдат насыпал золотом ранец, набил все карманы и говорит своему товарищу: «Бери и ты!» Отвечает царь: «Нет, брат, не надобно; у нашего царя и без того денег много, а коли у него есть – и у нас будут». – «Ну, как знаешь!» – сказал солдат и повел его из лесу; вывел на большую дорогу; «Ступай, – говорит, – по этой дороге; через час в городе будешь». – «Прощай, – говорит царь, – спасибо тебе за услугу. Побывай ко мне, я тебя счастливым человеком сделаю». – «Полно врать! Ведь я в бегах, если в город покажусь – сейчас схватят». – «Не сомневайся, служивый! Меня государь очень любит; коли я за тебя попрошу да про твою храбрость расскажу, он не то что простит, еще тебя пожалует». – «Да где тебя найти?» – «Прямо во дворец приходи». – «Ну, ладно; завтра побываю».

Распрощался царь с солдатом и пошел по большой дороге; приходит в свой столичный город и, не мешкая, отдает приказ по всем за-

ставам, абвахтам[337] и караулам, чтоб не зевали: как скоро покажется такой-то солдат, сейчас отдавали бы ему генеральскую честь. На другой день только показался солдат у заставы, сейчас весь караул выбежал и отдал ему генеральскую честь. Дивуется солдат: что б это значило? и спрашивает: «Кому вы честь отдаете?» – «Тебе, служивый!» Он вынул из ранца горсть золота и дал караульным на водку. Идет по городу: куда ни покажется, везде часовые ему честь отдают – только успевай на водку отсчитывать. «Экой, – думает, – болтун этот царский слуга! Всем успел разблаговестить, что у меня денег много». Подходит ко дворцу, а там уже войско собрано, и встречает его государь в том самом платье, в котором на охоте был. Тут только узнал солдат, с кем он в лесу ночь ночевал, и крепко испугался: «Это-де царь, а я с ним, словно с своим братом, тесаком управился!» Царь взял его за руку, перед всем войском благодарил за свое спасение и наградил генеральским чином, а старшего брата его в солдаты разжаловал: не отказывайся вперед от роду от племени!

СОЛДАТ И РАЗБОЙНИК

Жил-был мужик да баба; мужик-то разбо-
ем промышлял, а жена ему помогала.
Вот раз поехал он на разживу; дома остава-
лась одна баба. На ту пору случилось прохо-
дить той деревней солдату; постучался к ней
в окно и просится: «Пусти переночевать, хозя-
юшка!» – «Ступай!» Солдат вошел в избу, снял
с себя ранец и лег спать. Немного погода при-
езжает хозяин, увидел гостя и говорит: «Ну
слава богу, хоть на дороге не выездил, да в из-
бе нашел!» Сел ужинать и велит жене: «Разбу-
ди-ка солдата! Пусть и он со мной поужина-
ет». Вот и солдат уселся за стол; хозяин нали-
вает ему стакан вина – он выпил; наливает
другой – и другой выпил; наливает третий – а
он больше не пьет, отнекивается. «Не чвань-
ся! Хоть пей, хоть не пей – все равно поми-
рать!» – сказал хозяин: вылез из-за стола, взял
в руки топор и говорит: «Ну, служивый, мо-
лись богу; немного тебе жить осталось!» Сол-
дат начал просить, умолять, чуть не в землю
кланяется – нет, ничего не берет. Стал он на
колени перед святою иконою и так усердно,

от всего сердца молится да в грехах кается. «Скорей молись! Пора!» А солдат все стоит да молится.

Вдруг кто-то стукнул в окно, и неведомый голос проведился: «Служба, а служба! Что ты копаешься; иди, я тебя давно дожидаюсь». Мужик испугался и топор выронил, а солдат надел ранец и вышел на крыльцо – стоит тройка добрых коней; он сел в повозку—лошади понесли, и не успел солдат очнуться – глядь: перед ним отцовский двор. Тройка пропала, словно ее и не было. Возблагодарил солдат бога за свое спасение и пошел в избу; отец с матерью обрадовались ему, не знают – как принять, чем угостить. Живет у них солдат день и другой; на третий приезжает к ним в гости тот самый мужик, что хотел было порешить солдата; вишь, разбойник-то был женат на его родной сестре, только солдат про то не ведал, да и сестра его не признала. Сейчас за стол, стали есть да пить; разбойник смекнул, что его дело неладно, сидит – не пьет, а солдат его потчует: «Хоть пей, – говорит, – хоть не пей – все одно помирать!» – «Бог с тобой, сынок! Что ты говоришь нехорошее?» – напу-

стилились на него отец с матерью. Солдат рассказал все, как было; тут разбойника схватили, заковали и в острог отправили.

РАЗБОЙНИКИ

Жил-был поп с попадьею; у них была дочка Аленушка. Вот этого попа позвали на свадьбу; он собрался ехать с женою, а дочь оставляет домоседкою. «Матушка! Я боюсь оставаться одна», – говорит Аленушка матери. «А ты собери подружек на посиделки, и будешь не одна». Поп и попадья уехали, а Аленушка собрала подружек; много сошлось их с работою: кто вяжет, кто плетет, а кто и прядет. Одна девица уронила невзначай веретено; оно покатилося и упало в трещину, прямо в погреб. Вот она полезла за веретеном в погреб, сошла туда, смотрит, а там за кадушкою сидит разбойник и грозит ей пальцем. «Смотри, – говорит он, – не рассказывай никому, что я здесь, а то не быть тебе живой!» Вот вылезла она из погреба бледная-бледная, рассказала все шепотом одной подружке, та другой, а эта третьей, и все, перепуганные, стали собираться домой. «Куда вы? – уговаривает их

Аленушка. – Пойдите, еще рано». Кто говорит, что ей надо по воду идти; кто говорит, что ей надо отнести к соседу холст, – и все ушли. Осталась одна Аленушка.

Разбойник услышал, что все приутихло, вышел из погреба и говорит ей: «Здравствуй, красная девица, пирожная мастерица!» – «Здравствуй!» – отвечает Аленушка. Разбойник осмотрел все в избе и вышел посмотреть еще на дворе, а Аленушка тем временем поскорей двери заперла и огонь потушила. Разбойник стучится в избу: «Пусти меня, а то я тебя зарежу!» – «Не пущу; коли хочешь, полезай в окно!» – а сама приготовила топор. Только разбойник просунул в окно голову, она тотчас ударила топором и отрубила ему голову, а сама думает: скоро приедут другие разбойники, его товарищи; что мне делать? Взяла отрубленную голову и завязала в мешок; после притащила убитого разбойника, разрубила его на куски и поклала их в разные мешки и горшки. Прошло ни много ни мало, приехали разбойники и спрашивают: «Справился ли?» Они думали, что товарищ их жив. «Справился, – говорит Аленушка голосом разбойни-

ка, – вот два мешка денег, вот крынка масла, вот ветчина!» – и подает приготовленные мешки и горшки в окно. Разбойники забрали все это, да на воз. «Ну, поедем!» – говорят они. «Поезжайте, – говорит Аленушка, – а я посмотрю, нет ли еще чего». Те и уехали.

Рассвело. Поп с попадъей воротились со свадьбы. Она и рассказала им все, как было: «Так и так, сама разбойников победила». А разбойники приехали домой, да как поглядели в мешки и в горшки, так и ахнули: «Ах она такая-сякая! Хорошо же, мы ее сгубим!» Вот нарядились они хорошо-хорошо и приехали к попу свататься за Аленушку, а в женихи ей выбрали дурачка, нарядили и его. Аленушка сметила их по голосу и говорит отцу: «Батюшка! Это не сваты, это те же разбойники, что прежде приезжали». – «Что ты врешь? – говорит поп. – Они такие нарядные!» А сам-то рад, что такие хорошие люди приехали свататься за его дочь и приданого не берут. Аленушка плакать – ничего не помогает. «Мы тебя из дому прогоним, коли не пойдешь теперь замуж!» – говорит поп с попадъею. И просватали ее за разбойника и сыграли свадьбу. Сва-

дѣба была самая богатая.

Повезли разбойники Аленушку к себе, и только въехали в лес и говорят: «Что ж, здесь станем ее казнить?» А дурачок и говорит: «Хочь бы она денечек прожила, я бы на нее поглядел». – «Ну, что тебе, дураку, смотреть!» – «Пожалуйста, братцы!» Разбойники согласились, поехали и привезли Аленушку к себе, пили-пили, гуляли-гуляли; потом и говорят: «Что ж, теперь пора ее сказнить!» А дурачок: «Хочь бы мне одну ноченьку с нею переночевать». – «Ну, дурак, она, пожалуй, еще уйдет!» – «Пожалуйста, братцы!» Разбойники согласились на его просьбу и оставили их в особой клети.

Вот Аленушка и говорит мужу: «Пусти меня на двор – я простужусь».[338] – «А ну как наши-то услышат?» – «Я потихонечку; пусти хочь в окошко». – «Я бы пустил, а ну как ты уйдешь?» – «Да ты привяжи меня; у меня есть славный холст, от матушки достался; обвяжи меня холстом и выпусти, а когда потянешь – я опять влезу в окно». Дурачок обвязал ее холстом. Вот она это спустилась, поскорей отвязалась, а вместо себя привязала за рога козу

и немного погодя говорит: «Тащи меня!» – а сама убежала. Дурачок потащил, а коза – мекеке-мекеке! Что ни потянет, коза все – мекеке да мекеке! «Что ты мекёкаешь? – говорит молодой. – Наши услышат, сейчас же тебя изгубят». Притащил – хватъ – а за холст привязана коза. Дурачок испугался и не знает, что делать: «Ах она проклятая! Ведь обманула». Поутру входят к нему разбойники. «Где твоя молодая?» – спрашивают его. «Ушла». – «Ах ты, дурак, дурак. Ведь мы ж тебе говорили, так нет!»

Сели верхами и поскакали нагонять Аленушку; едут с собаками, хлопают да свищут – такая страсть! Аленушка услышала погоню и влезла в дупло сухого дуба и сидит там ни жива ни мертва, а вокруг этого дуба собаки так и вьются. «Нет ли там ее? – говорит один разбойник другому. – Ткни-ка, брат, туда ножом». Тот ткнул ножом в дупло и попал Аленушке в коленку. Только Аленушка была догадлива, схватила платок и обтерла нож. Посмотрел разбойник на свой нож и говорит: «Нет, ничего не видать!» И опять они поскакали в разные стороны, засвистали и захлопа-

ли.

Когда все стихло, Аленушка вылезла из дупла и побежала; бежала-бежала, и слышит опять погоню. А по дороге, видит она, едет мужик с корытами и лотками. «Дяденька, спрячь меня под корыто!» – просит она. «Эка ты какая нарядная! Ты вся вымарашься». – «Пожалуйста, спрячь! За мной разбойники гонятся». Мужик раскидал корыта, положил ее под самое нижнее и опять сложил. Только что успел кончить, как наехали разбойники. «Что, мужик, не видал ли такой-то женщины?» – «Не видал, родимые!» – «Врешь! Сваливай корыта». Вот он стал сбрасывать корыта и побросал уж все, кроме последнего. «Нечего, братцы, здесь искать; поедemте дальше!» – сказали разбойники и поскакали с гамом, свистом и хлопаньем.

Когда все стихло, Аленушка и просит: «Дяденька,пусти меня!» Мужик выпустил ее, и она опять побежала; бежала-бежала, и слышит опять погоню. А по дороге, видит она, едет мужик – везет кожи. «Дяденька, – молит она, – спрячь меня под кожи! За мной разбойники гонятся!» – «Эка, вишь ты какая наряд-

ная! Под кожами ты вся вымарашься». – «Ничего, только спрячь!» Мужик раскидал кожи, положил ее под самую нижнюю и опять сложил все по-прежнему. Только что успел кончить, как наехали разбойники. «Что, мужик, не видал ли такой-то женщины?» – «Не видал, родимые!» – «Врешь! Сваливай кожи». – «Да зачем, родимые, стану я разбрасывать свое добро?» Разбойники бросились сами сбрасывать кожи и посбросали, почитай, все кожи; только две-три оставалось. «Нечего, братцы, здесь искать; поедемте дальше!» – сказали они и поскакали с гамом, свистом и хлопанием.

Когда не стало слышно ни стуку этого, ни грома, она и просит: «Дяденька, пусти меня!» Мужик выпустил ее, и она опять побежала; бежала-бежала, и пришла домой в полночь, да и легла в стог сена, закопалась туда вся и заснула. Рассвело. Поп пошел давать коровам сена, и только воткнул вилами в стог – Аленушка и схватилась руками за вилы. Поп оробел, крестится и говорит: «С нами крестная сила! Господи помилуй!» Потом уж спросил: «Кто там?» Аленушка узнала отца и вылезла

из сена. «Как ты сюда попала?» – «Так и так, вы отдали меня разбойникам; они хотели меня убить, да я убежала», – и рассказывает все страсти. Немножко погодя приезжают к попу разбойники, а он Аленушку спрятал. Поп спрашивает: «Жива ли, здорова дочка моя?» – «Слава богу! Она осталась дома хозяйничать», – говорят разбойники, и сели они как бы в гостях; а поп тем временем собрал солдат, потом вывел дочь и говорит: «А это кто?» Тут разбойников похватали, связали – да в тюрьму.

МУДРАЯ ДЕВИЦА И СЕМЬ РАЗБОЙНИКОВ

Жил-был крестьянин, у него было два сына: меньшей был в дороге, старшой при доме. Стал отец помирать и оставил сыну при доме все наследство, а другому ничего не дал; думал, что брат брата не избидит. Как отец-то помер, старшой сын его похоронил и все наследство у себя удержал. Вот приезжает другой сын и горько плачет, что не застал отца в живых. Старшой ему и говорит: «Отец мне все одному оставил!» И детей-то у него не

было, а у меньшого был сын родной да дочь-приемыш.

Вот старшой получил все наследство, разбогател и стал торговать дорогими товарами; а меньшой был беден, рубил в лесу дрова да возил на рынок. Соседи, жалея его бедность, собрались и дают ему денег, чтобы он хоть мелочью торговал. Бедняк боится, говорит им: «Нет, добрые люди, не возьму я ваши деньги; неравно проторгуюсь – чем я вам долг заплачу?» И уговорились двое соседей как-нибудь ухитриться да дать ему денег. Вот как поехал бедный за дровами, один из них настиг его окольной дорогой и говорит: «Поехал я, братец, в дальний путь; на дороге отдал мне должник триста рублей – не знаю, куда их девать! Домой ворочаться не хочется; возьми, пожалуйста, мои деньги, похрани у себя, а лучше-ка торгуй на них; я приеду не скоро; после выплатишь мне понемножку».

Бедный взял деньги, привез домой и боится, как бы их не потерять, как бы жена не нашла да не издержала заместо своих. Думал-думал, и спрятал в малёнку[339] с золой, а сам ушел со двора. Приехали без него ме-

новщики – вот что скупают золу да меняют ее на товар. Баба взяла и отдала им эту малёнку с золой. Вернулся домой муж, видит, что малёнки нет, спрашивает: «Где зола?» Жена отвечает: «Я ее продала меновщикам». Вот он испугался, тоскует и горюет, а только все молчит. Видит жена, что он печален; приступила к нему: «Что за напасть с тобой случилась? Отчего так печален?» Он и признался, что в золе были спрятаны у него чужие деньги; рассердилась баба – и рвет, и мечет, и слезами заливается: «Зачем ты мне не поверил? Я б лучше твоего припрятала!»

Опять поехал мужик по дрова, чтобы потом на рынке продать да хлеба купить. Настигает его другой сосед, говорит ему те же самые речи и дает под сохрану пятьсот рублей. Бедняк не берет, отказывается, а тот ему насильно всунул деньги в руку и поскакал по дороге. Деньги-то были бумажками; думал-думал: куда их положить? Взял да промеж подкладки и спрятал в шапку. Приехал в лес, шапку повесил на елку и начал рубить дрова. На его беду прилетел ворон и унес шапку с деньгами. Мужик потужил, погоревал, да,

видно, так тому и быть! Живет себе по-прежнему, торгует дровишками да мелочью, кое-как перебивается. Видят соседи, что времени прошло довольно, а у бедного торг не прибывает; спрашивают его: «Что ж ты, братец, худо торгуешь? Али наши деньги затратить боишься? Коли так, лучше отдай наше добро назад». Бедный заплакал и рассказал, как пропали у него ихние деньги. Соседи не поверили и пошли просить на него в суд. «Как рассудить это дело? – думает судья. – Мужик – человек смирный, неимущий, взять с него нечего; коли в тюрьму посадить – с голоду помрет!»

Сидит судья, пригорюнясь, под окошком, и взяло его большое раздумье. На то время как нарочно играли на улице мальчишки. И говорит один – такой бойкий: «Я бурмистр буду: стану вас, ребята, судить, а вы приходите ко мне с просьбами». Сел на камень; а к нему подходит другой мальчишка, кланяется и просит: «Я-де вот этому мужичку дал денег займы, а он мне не платит; пришел к твоей милости суда на него просить». – «Ты брал займы?» – спрашивает бурмистр у виноватого. «Брал». – «Почему ж не платишь?» –

«Нечем, батюшка!» – «Слушай, челобитчик! Ведь он не отпирается, что брал у тебя деньги, а заплатить ему не вмоготу, так ты отсрочи ему долг лет на пять – на шесть, авось он поправится и отдаст тебе с лихвою. Согласны?» Мальчишки оба поклонились бурмистру: «Спасибо, батюшка! Согласны». Судья все это слышал, обрадовался и говорит: «Этот мальчик ума мне дал! Скажу и я своим челобитчикам, чтоб отсрочили они бедному». По его словам согласились богатые соседи обождать года два-три; авось тем временем мужик поправится!

Вот бедный опять поехал в лес за дровами, полвоза нарубил – и сделалось темно. Остался он на ночь в лесу: «Утром-де с полным возом ворочусь домой». И думает: где ему ночевать? Место было глухое, зверей много; подле лошади лечь – пожалуй, звери съедят. Пошел он дальше в чащу и влез на большую ель. Ночью приехали на это самое место разбойники – семь человек, и говорят: «Дверцы, дверцы, отворитесь!» Тотчас отворились дверцы в подземелье; разбойники давай носить туда свою добычу, снесли всю и приказывают: «Дверцы,

дверцы, затворитесь!» Дверцы затворились, а разбойники поехали снова на добычу. Мужик все это видел, и когда кругом его стихло – спустился с дерева: «А нутка я попробую – не отворятся ль и мне эти дверцы?» И только сказал: «Дверцы, дверцы, отворитесь!» – Они в ту же минуту и отворились. Вошел он в подземелье, смотрит – Лежат кучи золота, серебра и всякой всячины. Возрадовался бедный и на рассвете принялся таскать мешки с деньгами; дрова долой сбросил, нагрузил воз серебром да золотом и поскорей домой.

Встречает его жена: «Ох ты, муж-муженек! А я уж с горя пропадала; все думала: где ты? Либо деревом задавило, либо зверь съел!» А мужик веселехонек: «Не кручинься, жена! Бог дал счастья, я клад нашел; пособляй-ка мешки носить». Кончили работу, и пошел он к богатому брату; рассказал все, как было, и зовет с собой ехать по счастью. Тот согласился. Приехали вместе в лес, отыскали ель, крикнули: «Дверцы, дверцы, отворитесь!» Дверцы отворились. Начали они таскать мешки с деньгами; бедный брат наложил воз – и доволен стал, а богатому все мало. «Ну ты, братец, по-

езжай, – говорит богатый, – а я за тобой скоро буду». – «Ладно! Не забудь же сказать: „Дверцы, дверцы, затворитесь!“» – «Нет, не забуду». Бедный уехал, а богатый никак не может расстаться: всего вдруг не увезешь, а покинуть жаль! Тут его и ночь застигла. Приехали разбойники, нашли его в подземелье и отрубили ему голову; снимали свои мешки с возу, вместо того положили убитого, настегали лошадь и пустили на волю. Лошадь бросилась из лесу и привезла его домой. Вот атаман разбойничий и бранит того разбойника, что убил богатого брата: «Зачем ты убил его рано? Надо было наперед расспросить, где он живет? Ведь у нас много добра убыло: видно, он же повытаскал! Где теперь найдем?» Есаул говорит: «Ну, пускай тот и доискивается, кто его убил!»

Недолго спустя стал тот убийца разведывать; не отыщется ли где их золото? Приходит как есть к бедному брату в лавочку; то-другое поторговал, заметил, что хозяин скучен, задумывается, и спрашивает: «Что так приуныл?» А тот и говорит: «Был у меня старшой брат, да беда стряслась: кто-то убил его, тре-

тъяго дни лошадь на двор привезла с отрубленной головою, а сегодня похоронили». Разбойник видит, что на след попал, и давай спрашивать; притворился, будто очень жалеет. Узнал, что после убитого вдова осталась, и спрашивает: «Хоть есть ли у сироты свой-то уголок?» – «Есть – дом важный!» – «А где? Укажи мне». Мужик пошел, указал ему братнин дом; разбойник взял кусок красной краски и положил на воротах заметку. «Это для чего?» – спрашивает его мужик. А тот отвечает: «Я-де хочу помочь сироте, а чтоб легче дом найти – нарочно заметку сделал». – «Э, брат! Моя невестка ни в чем не нуждается: слава богу, у нее всего довольно». – «Ну, а ты где живешь?» – «А вот и моя избушка». Разбойник и у него на воротах положил такую ж заметку. «А это для чего?» – «Ты, – говорит, – мне очень понравился; стану к тебе на ночлег заезжать; поверь, брат, для твоей же пользы!» Вернулся разбойник к своей шайке, рассказал все по порядку, и уговорились они ехать ночью – ограбить и убить всех в обоих домах да воротить свое золото.

А бедный пришел ко двору и рассказывает:

«Сейчас, спознался со мной молодец, запятнал мои ворота – стану, говорит, к тебе завсегда на постой заезжать. Такой добрый! А как о брате сожалел, как хотел невестке помочь!» Жена и сын слушают, а дочь-приемыш говорит ему: «Батюшка, не ошибся ли ты? Ладно ли этак будет? Не разбойники ль это убили дядюшку, а теперь хватились своего добра да нас разыскивают? Пожалуй, наедут, разграбят, и от смерти не уйдешь!» Мужик испугался: «А что дивить? Ведь я его допрежде того никогда не видывал. Вот беда! Что же делать-то станем?» А дочь говорит: «Поди же ты, батюшка, возьми краски да по всему околотку и запятнай ворота такими же метками». Мужик пошел и запятнал ворота во всем околотке. Приехали разбойники и не могли ничего разыскать; воротились назад и приколотили разведчика: зачем неладно пятнал? Наконец рассудили: «Видно, мы на хитрого напали!» и погода немного приготовили семь бочек; в шесть бочек посадили по разбойнику, а в седьмую масла налили.

Поехал прежний разведчик с этими бочками прямо к бедному брату, приехал под вечер

и попросился ночевать. Тот и пустил его, как знакомого. Дочь вышла на двор, стала осматривать бочку, одну открыла – в ней масло, другую попробовала открыть – нет, не сможет; припала ухом и слушает, а в бочке кто-то шевелится и дышит. «Э, – думает, – да тут недобрая хитрость!» Пришла в избу и говорит: «Батюшка! Чем будем гостя, потчевать! Семка[340] я пойду затоплю печку в задней избе да изготовлю чего-нибудь поужинать». – «Ну что ж, ступай!» Дочь ушла, затопила печь, да между стряпней все воду греет, кипятилок носит да в бочки льет; всех разбойников заварила. Отец с гостем поужинали; а дочь сидит в задней избе да караулит: что-то будет? Вот когда хозяева уснули, гость вышел на двор, свистнул – никто не откликается; подходит к бочкам, кличет товарищей – нет ответа; открывает бочки – оттуда пар валит. Догадался разбойник, запряг лошадей и убрался со двора с бочками.

Дочь заперла ворота, пошла будить своих домашних и рассказала все, что сделалось. Отец и говорит: «Ну, дочка, ты нам жизнь спасла, будь же законной женой моему сы-

ну». Веселым пирком и свадьбу сыграли. Молодая одно отцу твердит, чтобы продал свой старый дом да другой купил: крепко боялась разбойников! Не ровен час – опять пожалуют. Так и случилось. Через некое время тот самый разбойник, что приезжал с бочками, снарядился офицером, приехал к мужику и просится ночевать; его пустили. Никому невдомек, только молодая признала и говорит: «Батюшка! Ведь это прежний разбойник!» – «Нет, дочка, не тот!» Она замолчала; да как стала спать ложиться – принесла вострый топор и положила подле себя; всю ночь глаз не смыкала, все караулила. Ночью офицер встал, берет свою саблю и хочет ее мужу голову отсечь: она не сробела, махнула топором – и отрубила ему правую руку, махнула еще раз – и голову снесла. Тут отец уверился, что дочка его подлинно премудрая; послушался, продал дом и купил себе гостиницу. Перешел на новоселье, начал жить, богатеть, расторговываться.

Заезжают к нему соседи – те самые, что давали ему денег да после на него в суде просили. «Ба! Ты как здесь?» – «Это мой дом, недав-

но купил». – «Важный дом! Видно, у тебя деньга водится. Что ж ты долгу не платишь?» Хозяин кланяется и говорит: «Слава богу! Мне господь дал, я клад нашел и готов заплатить вам хоть втрое». – «Хорошо, брат! Давай же теперь новоселье праздновать». – «Милости просим!» Вот погуляли, попраздновали; а при доме сад куда хорош! «Можно сад посмотреть?» – «Извольте, честные господа! Я и сам с вами пойду». Ходили, ходили по саду, и нашли в дальнем углу малёнку золы. Хозяин как увидал, так и ахнул: «Честные господа! Ведь это та самая малёнка, которую моя жена продала». – «А нутка, нет ли в золе денег?» Вытряхнули, а они тут и есть. Тогда соседи поверили, что мужик им правду сказывал. «Станем, – говорят, – деревья осматривать; ведь шапку-то ворон унес – верно, в ней гнездо свил». Ходили-ходили, увидали гнездо, стащили баграми – как есть та самая шапка! Выбросили гнездо и нашли деньги. Заплатил им хозяин долг свой и стал жить богато и счастливо.

УБОГИЙ

Жил-был Нестерка, было у него детей шестерко; детей-то много, да имения никакого, нечем ему с семьей кормиться, а воровать боится. Вот он запряг повозку, забрал детишек и поехал по миру. Едет дорогою, оглянулся назад – лежит в грязи старичок безногий. И просит этот старичок: «Возьми меня, пожалуйста, с собою!» – «Куда мне тебя, батюшка, – отвечает Нестерка, – у меня шестеро детей, а лошадь худая». Опять просит безногий: «Возьми меня, пожалуйста!» Нестерка взял этого убогого, посадил на повозку и поехал. Говорит ему убогий: «Давай мы с тобой бросим жеребей, кому быть из нас большим братом». Бросили они жеребей, доставалось быть большим братом убогому.

Приехали в деревню. Убогий приказывает: «Поди, просись ночевать вот в этот дом». Нестерка стал проситься ночевать; вышла старуха, отвечает ему: «У нас негде, и без вас тесно!» Вернулся Нестерка к убогому. «Сюда не пускают», – говорит; а убогий опять его посылает: непременно просись! Пошел Нестер-

ка и таки выпросился ночевать; въехал на двор, стал носить своих детей в избу, и убогого перенес. Велит ему хозяйка: «Клади ты своих детей под лавку, а безногого на полати посади!» Посадил он безногого на полати, а детей под лавку положил. «Где твой муж?» – спрашивает хозяйку убогий. «На разбой поехал и двух сыновей взял».

Вот приезжает домой хозяин, впустил двенадцать возов на двор – все серебром насыпаны, отложил лошадей и пришел в избу. Увидал нищих и закричал на хозяйку: «Что ты за людей напустила?» – «Это нищие, ночевать выпросились». – «Нужно было! И на улице б ночевали!» Сел хозяин с хозяйкою и с двумя сыновьями ужинать, а нищих не зовут. Убогий вынул половину просvirки, сам покушал и Нестерке и детишкам его дал; все сыты наелись. Хозяин только удивляется: «Отчего так: мы четверо целый хлеб съели – и то впроголодь, а их восьмеро половиной просvirки сыты?» Как заснули хозяева, убогий и посылает Нестерку на двор посмотреть, что там делается. Нестерка вышел – все лошади овес едят. В другой раз посылает его убогий: «Поди, опять

посмотри!» Вышел он, посмотрел – на всех лошадях хомуты надеты. В третий раз посылает Нестерку убогий; опять вышел он – все лошади запряжены. Воротился в избу и говорит: «Все лошади в упряжи стоят». – «Ну, – сказал убогий, – теперь выноси своих детей и меня да поедем».

Сели они на свою повозку и поехали со двора, а двенадцать хозяйских лошадей вслед за ними с возами пошли. Ехали-ехали, и приказывает убогий, чтобы сходил Нестерка в тот дом, где они ночевали, да рукавицы взял: «Я-де на полатях забыл». Пришел Нестерка – а того дома как не бывало, сквозь землю провалился! Одни рукавицы на печном столбу уцелели. Взял он рукавицы, приходит к убогому и говорит, что весь дом провалился сквозь землю. «Это господь за разбой покарал! Возьми себе эти двенадцать возов со всем, что есть», – сказал убогий и из глаз пропал. Нестерка приехал домой, посмотрел – все возы серебром засыпаны, и стал он богато жить.

Посылает его жена: «Что, – говорит, – лошади так гуляют? Поезжай-ка в извоз». Он собрался и поехал в город. Повстречала его на

дороге неведомо чья девица: «Это, – говорит, – не твои лошади!» – «Не мои, – отвечает Нестерка, – коли ты признала их – возьми, бог с тобой!» Девица взяла двенадцать лошадей, а мужик домой воротился. На другой день пришла к нему под окно эта девица и говорит: «На, возьми своих лошадей; я с тобой пошутила, а ты их и отдал!» Нестерка взял лошадей, смотрит, а в возах больше прежнего серебра да золота насыпано!

БЕССТРАШНЫЙ

В некотором царстве жил купеческий сын; сильный, смелый, смолоду ничего не боялся; захотелось ему страсти[341] изведать, и поехал он с работником странствовать. Долго ли, коротко ли – приехали они к дремучему лесу, а тут как нарочно и смерклося. «Поезжай в лес!» – говорит купеческий сын. «Эх, хозяин, сюда страшно ехать; ведь теперь ночь, могут либо звери напасть, либо разбойники обидеть». – «Вот испугался! Делай, что приказываю», Въехали они в лес и спустя немного увидали: висит на одном дереве мертвец. Работник еще пуще набрался страху, а купече-

скому сыну все нипочем – снял мертвеца с дерева, положил в повозку и велел ехать дальше. Через час – через два подъезжают они к большому дому; в окна огонь светится. «Ну, вот и знатно: есть где переночевать!» – говорит купеческий сын; а работник упирается: «Лучше в лесу ночевать, чем в этом доме; того и гляди к разбойникам попадем – оберут нас до нитки, да и смерти не миновать!» И впрямь тут жили разбойники; но купеческий сын ничего не слушает, сам и ворота отворил и на двор въехал. Выпряг лошадей и берет с собой работника в хоромы.

Входят – а там за большим столом сидят разбойники, все в богатой одежде, у всех при боку славные сабли; пьют разные напитки да едят рыбу. «Здравствуйте, господа, – сказал им купеческий сын, – посадите-ка и меня с собой попить-покушать». Разбойники смотрят на него: что за молодец? – и не отвечают ни слова. Незванный гость сам к столу подходит, взял кусок рыбы, съел и говорит: «Ну, господа, плоха ваша рыба! Эй, работник, поди-ка принеси сюда ту белужину, что в повозке лежит». Работник сбегал, принес мертвеца. Купече-

ский сын взял мертвое тело, бросил на стол и принялся ножом кромсать; отрезал кусок, понюхал и закричал: «Нет, нехороша и эта белужина! Работник! Лови-ка живых!» А сам на разбойников показывает; разбойники с испугу разбежались в разные стороны и попрятались кто куда. «Ну вот, ты боялся! Где же страсть-то? – спрашивает купеческий сын работника. – Сядем лучше за стол да поужинаем». Сели, напились-наелись, а ночевать не остались; запрягли лошадей и поехали в путь-дорогу.

Вот подъезжают они к кладбищу. «Стой! – закричал купеческий сын. – Остановимся здесь ночевать». А работник опять за свое. «Тут страшно, по ночам мертвецы встают!» – «Экой ты, всего боишься!» Остановились и легли спать на могиле. Купеческий сын заснул, а работнику и сна нет. Вдруг из той могилы подымается мертвец в белом саване, огромного роста; навалился на купеческого сына и начал его душить. Тот пробудился, сшиб мертвеца под себя и принялся, в свою очередь, бить и мучить всячески. Мертвец терпел-терпел и стал пощады просить. «Я те-

бя, пожалуй, отпущу (говорит купеческий сын), если ты через час унесешь и доставишь мне дочь такого-то царя, что живет отсюда за тридевять земель». – «Доставлю, только отпусти!» Купеческий сын отпустил мертвеца, и через час времени возле его повозки появилась спящая царевна – на той же самой кровати, на какой обыкновенно она почивала в царских палатах. Купеческий сын не будил царевны до тех пор, пока она сама не проснулась; а воротившись домой, вступил с нею в законное супружество.

Много купеческий сын по разным землям странствовал, а страху нигде не испытал; приехал домой, и вот что случилось с ним в некое время. Имел он сильную охоту рыбу ловить; целые дни и ночи на реке проводил. Матери его больно не нравилось, что он надолго из дому отлучался; вот она и попросила рыбаков как-нибудь испугать его. Рыбаки наловили ершей и, как скоро заметили, что купеческий сын, плавая в лодке, заснул, – подплыли к нему потихоньку и положили ему за пазуху несколько ершей. Ерши затрепетались, купеческий сын вскочил, испугался и

упал в воду, кое-как выплыл и тут-то впервые узнал, что такое страх!

РАССКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХ

В одном селе была девка – лежака, лентяйка, не любила работать, абы как поговорить да побалакать! И вздумала она собрать к себе девок на попрядухи. А в деревнях вестимо уж лежаки собирают на попрядухи, а лакомогузки[342] ходят. Вот она собрала на ночь попрядух; они ей прядут, а она их кормит, потчует. То, сё, и разговорились: кто из них смелее? Лежака говорит: «Я ничего не боюсь!» – «Ну, ежели не боишься, – говорят попрядухи, – дак поди мимо погосту[343] к церкви, сними с дверей образ да принеси». – «Хорошо, принесу; только каждая напряди мне по початку[344]». А это чувство-то в ней есть, чтоб ей ничего самой не делать, а чтоб другие за нее делали. Вот она пошла, сняла образ и принесла. Ну, те видят – точно образ от церкви. Надо теперь несть образ назад, а время уж к полночи. Кому несть? Лежака говорит: «Вы, девки, прядите; я сама отнесу, я ничего не боюсь!»

Пошла, поставила образ на место. Только идет назад мимо погосту и видит: мертвец в белом саване сидит на могиле. Ночь-то месячная, все видно. Она подходит к мертвецу, стащила с него саван; мертвец ничего не говорит, молчит – знать, время не пришло еще ему говорить-то. Вот она взяла саван, приходит домой. «Ну, – говорит, – образ отнесла, поставила на место, да вот еще с мертвеца саван стащила!» Девки – которые спужались, которые не верят, смеются. Только поужинали, легли спать, вдруг мертвец стучится в окна и говорит: «Отдай мой саван! Отдай мой саван!» Девки перепугались – ни живы ни мертвы; а лежачка берет саван, идет к окну, отворила: «На, – говорит, – возьми!» – «Нет, – отвечает мертвец, – неси туда, где взяла!» Только вдруг петухи запели – и мертвец исчез.

На другую ночь уж попрядухи все по домам разошлись; в тот же самый час опять мертвец приходит, стучится в окно: «Отдай мой саван!» Вот отец и мать лежачки отворяют окно, отдают ему саван. – «Нет, – говорит, – пуцай она отнесет туда, где взяла!» Ну, как идти с мертвецом на погост? Страшно! Только пе-

тухи пропели – исчез мертвец. На другой день отец и мать послали за священником; рассказали ему так и так и просят пособить их горю: «Нельзя ли, – говорят, – обедню отслужить?» Священник подумал: «Ну, пожалуй! Велите ей завтра к обедне выходить». Назавтра пошла лежака к обедне; началась служба, народу много нашло! Только как стали херувимскую петь, вдруг откуда поднялся страшный вихрь, ажно все ниц попадали! Ухватил ее, да оземь. Девки не стало, только одна коса от нее осталась.

* * *

Ехал ночью мужик с горшками; ехал-ехал, лошадь у него устала и остановилась как раз против кладбища. Мужик выпряг лошадь, пустил на траву, а сам прилег на одной могиле; только что-то не спится ему. Лежал-лежал, вдруг начала под ним могила растворяться; он почувал это и вскочил на ноги. Вот могила растворилась, и оттуда вышел мертвец с гробовою крышкою, в белом саване; вышел и побежал к церкви, положил в дверях крышку, а сам в село. Мужик был человек смелый; взял гробовую крышку и стал возле своей телеги,

дожидается – что будет?

Немного погодя пришел мертвец, хватать – а крышки-то нету; стал по следу добираться, добрался до мужика и говорит: «Отдай мою крышку, не то в клочья разорву!» – «А топор-то на что? – отвечает мужик. – Я сам тебя искрошу на мелкие части!» – «Отдай, добрый человек!» – просит его мертвец. «Тогда отдам, когда скажешь: где был и что делал?» – «А был я в селе; уморил там двух молодых парней». – «Ну, скажи теперь: как их оживить можно?» Мертвец поневоле сказывает: «Отрежь от моего савана левую полу и возьми с собой; как придешь в тот дом, где парни умерены, насыпь в горшочек горячих угольев и положи туда клочок от савана, да дверь затвори; от того дыму они сейчас отживут». Мужик отрезал левую полу от савана и отдал гробовую крышку. Мертвец подошел к могиле – могила растворилась; стал в нее опускаться – вдруг петухи закричали, и он не успел закрыться как надо: один конец крышки снаружи остался.

Мужик все это видел, все приметил. Стало рассветать; он запряг лошадь и поехал в село.

Слышит в одном доме плач, крики; входит туда – лежат два парня мертвые. «Не плачьте! Я смогу их оживить». – «Оживи, родимый; половину нашего добра тебе отдадим», – говорят родичи. Мужик сделал все так, как научил его мертвец, и парни ожили. Родные обрадовались, а мужика тотчас схватили, скрутили веревками: «Нет, дока! Мы тебя начальству представим; коли оживить сумел, стало быть ты и уморил-то!» – «Что вы, православные! Бога побойтесь!» – завопил мужик и рассказал все, что с ним ночью было. Вот дали знать по селу, собрался народ и повалил на кладбище, отыскали могилу, из которой мертвец выходил, разрыли и вбили ему прямо в сердце осиновый кол, чтоб больше не вставал да людей не морил; а мужика знатно наградили и с честью домой отпустили.

* * *

Случилось одному ремесленнику поздним вечером ворочаться домой из чужой деревни, с веселой приятельской пирушки. Навстречу ему старинный приятель – лет с десятков тому, как помер. «Здоров!» – «Здравстуй!» – говорит гуляка, и позабыл, что знакомый его дав-

ным-давно приказал долго жить. «Зайдем ко мне; хватим еще по чарке, по другой». – «Пойдем; на радостях, что свиделись, можно выпить!» Пришли в избу, пьют-гуляют. «Ну прощай! Пора домой идти!» – «Постой, куда теперь идти! Переночуй со мной». – «Нет, брат, и не проси – нельзя; завтра дело есть, так надо пораньше быть дома». – «Ну, прощай! Да что тебе пешком идти? Лучше садись на мою лошадь, живо довезет». – «Спасибо, давай!» Сел верхом и понесся – что твой вихрь летит! Вдруг петух запел!.. Страшно: кругом могилы, а под ездоком надгробный камень!

* * *

Отпустили одного солдата в побывку на родину; вот он шел, шел, долго ли, коротко ли, и стал к своему селу приближаться. Недалеко от села жил мельник на мельнице; в былое время солдат водил с ним большое знакомство; отчего не зайти к приятелю? Зашел; мельник встретил его ласково, сейчас винца принес, стали распивать да про свое житье-бытье толковать. Дело было к вечеру, а как погостил солдат у мельника – так и вовсе смерклось. Собирается солдат идти на село; а

хозяин говорит: «Служивый, ночуй у меня; теперь уж поздно, да, пожалуй, и беды не уйдешь!» – «Что так?» – «Бог наказал! Помер у нас страшный колдун; по ночам встает из могилы, бродит по селу и то творит, что на самых смелых страх нагнал! Как бы он и тебя не потревожил!» – «Ничего! Солдат – казенный человек, а казенное ни в воде не тонет, ни в огне не горит; пойду, больно хочется с родными поскорей увидаться».

Отправился; дорога шла мимо кладбища. Видит – на одной могиле огонек светит. «Что такое? Дай посмотрю».

Подходит, а возле огня колдун сидит да сапоги тачает. «Здорово, брат!» – крикнул ему служивый. Колдун взглянул и спрашивает: «Ты сюда зачем?» – «Да захотелось посмотреть, что ты делаешь». Колдун бросил свою работу и зовет солдата на свадьбу: «Пойдем, брат, погуляем – в селе нонче свадьба!» – «Пойдем!» Пришли на свадьбу, начали их пить, угощать всячески. Колдун пил-пил, гулял-гулял и осердился; прогнал из избы всех гостей и семейных, усыпил повенчанных, вынул два пузырька и шильце, ранил шильцем

руки жениха и невесты и набрал их крови. Сделал это и говорит солдату: «Теперь пойдём отсюда». Вот и пошли. На дороге солдат спрашивает: «Скажи, для чего набрал ты в пузырьки крови?» – «Для того, чтоб жених с невестой померли; завтра никто их не добудится! Только один я знаю, как их оживить». – «А как?» – «Надо разрезать у жениха и невесты пяты и в те раны влить опять кровь – каждому свою: в правом кармане спрятана у меня кровь жениха, а в левом невестина».

Солдат выслушал, слова не проронил; а колдун все хвалится: «Я, – говорит, – что захочу, то и сделаю!» – «Будто с тобой, и сладить нельзя?» – «Как нельзя? Вот если б кто набрал костер осиновых дров во сто возов да сжег меня на этом костре, так, может, и сладил бы со мною! Только жечь меня надо умеючи; в то время полезут из моей утробы змеи, черви и разные гады, полетят галки, сороки и вороны; их надо ловить да в костер бросать: если хоть один червяк уйдет, тогда ничто не поможет! В том червяке я ускользну!» Солдат выслушал и запомнил. Говорили, говорили, и дошли, наконец, до могилы, «Ну, брат, – сказал колдун, –

теперь я тебя разорву; а то ты все расскажешь». – «Что ты, образумься! Как меня рвать? Я богу и государю служу». Колдун закрипел зубами, завыл и бросился на солдата, а тот выхватил саблю и стал наотмашь бить. Дрались-дрались, солдат почти из сил выбился; эх, думает, ни за грош пропал! Вдруг запели петухи – колдун упал бездыханен. Солдат вынул из его карманов пузырьки с кровью и пошел к своим родичам.

Приходит, поздоровался; родные спрашивают: «Не видал ли ты, служивый, какой тревоги?» – «Нет, не видал». – «То-то! А у нас на селе горе: колдун ходить повадился». Поговорили и легли спать; наутро проснулся солдат и начал спрашивать: «Говорят, у вас свадьба где-то справляется?» Родные в ответ: «Была свадьба у одного богатого мужика, только и жених и невеста нынешней ночью померли, а отчего – неизвестно». – «А где живет этот мужик?» Указали ему дом; он, не говоря ни слова, пошел туда; приходит и застаёт все семейство в слезах. «О чем горюете?» – «Так и так, служивый!» – «Я могу оживить ваших молодых; что дадите?» – «Да хоть половину име-

нья бери!» Солдат сделал так, как научил его колдун, и оживил молодых; вместо плача начались радость, веселье; солдата и угостили и наградили. Он налево кругом и марш к старосте; наказал ему собрать крестьян и приготовить сто возов осиновых дров.

Вот привезли дрова на кладбище, свалили в кучу, вытащили колдуна из могилы, положили на костер и зажгли; а кругом народ обступил – все с метлами, лопатами, кочергами. Костер облился пламенем, начал и колдун гореть; утроба его лопнула, и полезли оттуда змеи, черви и разные гады, и полетели оттуда вороны, сороки и галки; мужики бьют их да в огонь бросают, ни одному червяку не дали ускользнуть. Так колдун и сгорел! Солдат тотчас собрал его пепел и развеял по ветру. С того времени стала на селе тишина; крестьяне отблагодарили солдата всем миром; он побыл на родине, нагулялся досыта и воротился на царскую службу с денежками. Отслужил свой срок, вышел в отставку и стал жить-поживать, добра наживать, худа избывать.

УПЫРЬ

В некотором царстве, в некотором государстве был-жил старик со старухой; у них была дочь Маруся. В их деревне был обычай справлять праздник Андрея Первозванного: соберутся девки в одну избу, напекут пампушек и гуляют целую неделю, а то и больше. Вот дождались этого праздника, собрались девки, напекли-наварили, что надо; вечером пришли парубки с сопелкою, принесли вина, и началась пляска, гульба – дым коромыслом! Все девки хорошо пляшут, а Маруся лучше всех. Немного погодя входит в избу такой молодец – что на поди! Кровь с молоком! Одет богато, чисто. «Здравствуйте, – говорит, – красивые девицы!» – «Здравствуй, добрый молодец!» – «Гулянье вам!» – «Милости просим гулять к нам!» Сейчас вынул он кошель полон золота, послал за вином, за орехами, пряниками – разом все готово; начал угощать и девок и ребят, всех оделил. А пошел плясать – любо-дорого посмотреть! Больше всех полюбились ему Маруся; так к ней и пристаёт.

Наступило время по домам расходиться.

Говорит этот молодец: «Маруся! Поди, проводи меня». Она вышла провожать его; он и говорит: «Маруся, сердце! Хочешь ли, я тебя замуж возьму?» – «Коли бы взял, я бы с радостью пошла. Да ты отколя?» – «А вот из такого-то места, живу у купца за приказчика». Тут они попрощались и пошли всякий своей дорогою. Воротилась Маруся домой, мать ее спрашивает: «Хорошо ли погуляла, дочка?» – «Хорошо, матушка! Да еще скажу тебе радость: был там со стороны добрый молодец, собой красавец, и денег много; обещал взять меня замуж». – «Слушай, Маруся: как пойдешь завтра к девкам, возьми с собой клубок ниток; станешь провожать его, в те поры накинь ему петельку на пуговицу и распускай потихоньку клубок, а после по этой нитке и сведаешь, где он живет».

На другой день пошла Маруся на вечерницу и захватила с собой клубок ниток. Опять пришел добрый молодец: «Здравствуй, Маруся!» – «Здравствуй!» Начались игры, пляски; он пуще прежнего льнет к Марусе, ни на шаг не отходит. Уж время и домой идти. «Маруся, – говорит гость, – проводи меня». Она вы-

шла на улицу, стала с ним прощаться и тихонько накинула петельку на пуговицу; пошел он своею дорогою, а она стоит да клубок распускает; весь распустила и побежала узнавать, где живет ее названный жених? Сначала нитка по дороге шла, после потянулась через заборы, через канавы и вывела Марусю прямо к церкви, к главным дверям. Маруся попробовала – двери заперты; пошла кругом церкви, отыскивала лестницу, подставила к окну и полезла посмотреть, что там делается? Влезла, глянула – а названный жених стоит у гроба да упокойника ест; в церкви тогда ночевало мертвое тело. Хотела было потихоньку соскочить с лестницы, да с испугу не остереглась и стукнула; бежит домой – себя не помнит, все ей погоня чудится; еле жива прибежала!

Поутру мать спрашивает: «Что, Маруся, видела того молодца?» – «Видела, матушка!» – а что видела, того не рассказывает. Вечером сидит Маруся в раздумье: идти или нет на вечерницу? «Ступай, – говорит мать, – поиграй, пока молода!» Приходит она на вечерницу, а нечистый уже там. Опять начались игры, сме-

хи, пляска; девки ничего не ведают! Стали по домам расходиться; говорит нечистый: «Маруся! Поди, проводи меня». Она нейдет, боится. Тут все девки на нее накинулись: «Что с тобой? Или застыдилася? Ступай, проводи добра молодца!» Нечего делать, пошла – что бог даст! Только вышли на улицу, он ее и спрашивает: «Ты вчера к церкви ходила?» – «Нет!» – «А видела, что я там делал?» – «Нет!» – «Ну, завтра твой отец помрет!» Сказал и исчез.

Вернулась Маруся домой грустна и невесела; поутру проснулась – отец мертвый лежит. Поплакали над ним и в гроб положили; вечером мать к попу поехала, а Маруся осталась: страшно ей одной дома. «Дай, – думает, – пойду к подругам». Приходит, а нечистый там. «Здравствуй, Маруся! Что не весела?» – спрашивают ее девки. «Какое веселье? Отец помер». – «Ах, бедная!» Все тужат об ней; тужит и он, проклятый, будто не его дело. Стали прощаться, по домам расходиться. «Маруся, – говорит он, – проводи меня». Она не хочет. «Что ты – маленькая, что ли? Чего боишься? Проводи его!» – пристают девки. Пошла провожать;

вышли на улицу. «Скажи, Маруся, была ты у церкви?» – «Нет!» – «А видела, что я делал?» – «Нет!» – «Ну, завтра мать твоя помрет!» Сказал и исчез.

Вернулась Маруся домой еще печальнее; переночевала ночь, поутру проснулась – мать лежит мертвая. Целый день она проплакала, вот солнце село, кругом темнеть стало – боится Маруся одна оставаться; пошла к подругам. «Здравствуй! Что с тобой? На тебе лица не видеть!» – говорят девки. «Уж какое мое веселье! Вчера отец помер, а сегодня мать». – «Бедная, несчастная!» – сожалеют ее все. Вот пришло время прощаться. «Маруся! Проводи меня», – говорит нечистый. Вышла провожать его. «Скажи, была ты у церкви?» – «Нет!» – «А видела, что я делал?» – «Нет!» – «Ну, завтра ввечеру сама помрешь!» Маруся переночевала с подругами, поутру встала и думает: что ей делать? Вспомнила, что у ней есть бабка – старая-старая, уж ослепла от долгих лет. «Пойду-ка я к ней, посоветуюсь».

Отправилась к бабке. «Здравствуй, бабушка!» – «Здравствуй, внучка! Как бог милует? Что отец с матерью?» – «Померли, бабушка!» –

и рассказала ей все, что с нею случилось. Старуха выслушала и говорит: «Ох, горемычная ты моя! Ступай скорей к попу, попроси его: коли ты помрешь, чтоб вырыли под порогом яму, да несли бы тебя из избы не в двери, а протащили б сквозь то отверстие; да еще попроси, чтоб похоронили тебя на перекрестке – там, где две дороги пересекаются». Пришла Маруся к попу, слезно заплакала и упросила его сделать все так, как бабушка научила; воротилась домой, купила гроб, легла в него – и тотчас же померла. Вот дали знать священнику; похоронил он сначала отца и мать Маруси, а потом и ее. Вынесли Марусю под порогом, схоронили на раздорожье.

В скором времени случилось одному боярскому сыну проезжать мимо Марусиной могилы; смотрит – а на той могиле растет чудный цветок, какого он никогда не видывал. Говорит барич своему слуге: «Поди, вырой мне тот цветок с корнем; привезем домой и посадим в горшок: пусть у нас цветет!» Вот вырыли цветок, привезли домой, посадили в муравленый горшок и поставили на окно. Начал цветок расти, красоваться. Раз как-то не

поспалось слуге ночью; смотрит он на окно и видит – чудо совершилось: вдруг цветок зашатался, упал с ветки наземь – и обратился красной девицей; цветок был хорош, а девица лучше! Пошла она по комнатам, достала себе разных напитков и кушаньев, напилась-наелась, ударилась об пол – сделалась по-прежнему цветком, поднялась на окно и села на веточку.

На другой день рассказал слуга баричу, какое чудо ему в ночи привиделось. «Ах, братец, что ж ты меня не разбудил? Нынешнюю ночь станем вдвоем караулить». Пришла ночь – они не спят, дожидаются. Ровно в двенадцать часов цветок начал шевелиться, с места на место перелетать, после упал наземь – и явилась красная девица; достала себе напитков и кушаньев и села ужинать. Барич выбежал, схватил ее за белые руки и повел в свою горницу; не может вдоволь на нее насмотреться, на красоту ее наглядеться. Наутро говорит отцу, матери: «Позвольте мне жениться; я нашел себе невесту». Родители позволили. Маруся говорит: «Я пойду за тебя только с тем уговором, чтобы четыре года в церковь не хо-

дить». – «Хорошо!»

Вот обвенчались, живут себе год и два, и прижили сына. Один раз наехали к ним гости; подгуляли, выпили, и стали хвалиться своими женами: у того хороша, у другого еще лучше. «Ну, как хотите, – говорит хозяин, – а лучше моей жены во всем свете нету!» – «Хороша, да некрещена!» – отвечают гости. «Как так?» – «Да в церковь не ходит». Те речи показались мужу обидны; дождался воскресенья и велел жене наряжаться к обедне. «Знать ничего не хочу! Будь сейчас готова!» Собрались они и поехали в церковь; муж входит – ничего не видит, а она глянула – сидит на окне нечистый. «А, так ты вот она! Вспомни-ка старое: была ты ночью у церкви?» – «Нет!» – «А видела, что я там делал?» – «Нет!» – «Ну, завтра у тебя и муж и сын помрут!»

Маруся прямо из церкви бросилась к своей старой бабушке. Та ей дала в одном пузырьке святой воды, а в другом живущей и сказала, как и что делать. На другой день померли у Маруси и муж и сын; а нечистый прилетел и спрашивает: «Скажи, была у церкви?» – «Была». – «А видела, что я делал?» – «Мертвого

жрал!» Сказала да как плеснет на него святой водою – он так прахом и рассыпался. После взбрызнула живущей водой мужа и сына – они тотчас ожили и с той поры не знали ни горя, ни разлуки, а жили все вместе долго и счастливо.

ИВАН КУПЕЧЕСКИЙ СЫН ОТЧИТЫВАЕТ ЦАРЕВНУ

В некотором государстве жил-был купец, у него был сын Иван. Выучился Иван грамоте и нанялся к одному богачу в работники; пожил у него три года, получил за все это время жалованье и собрался домой. Идет он дорогою, а навстречу ему нищий плетется – и хром, и слеп, и просит святой милостыньки Христа ради. Купеческий сын отдал убогому все заработанные деньги и пришел домой ни с чем; а тут несчастье – отец помер, надо хоронить да долги платить. Кое-как сбился, управился с делами и принялся за торг. Вскоре прослышал он, что два его дяди нагружают корабли товарами и хотят за море ехать. «Дай, – думает, – и я поеду! Авось дяди возьмут меня с собою». Пошел к ним проситься.

Дяди обещали. «Приходи, – говорят, – завтра!», а на завтра чуть свет распустили паруса и уехали одни, без племянника.

Иван запечалился; говорит ему мать: «Не кручинься, сынок! Ступай на рынок, найми себе приказчика – только постарей выбирай; старые люди – бывалые, на все догадливые. Как наймешь приказчика, изготовь корабль, и поезжайте вдвоем за море. Бог не без милости!» Иван купеческий сын послушался, побежал на рынок, а навстречу ему седой старичок: «Куда спешишь, добрый молодец?» – «Иду, дедушка, на рынок, хочу нанять приказчика». – «Найми меня!» – «А что возьмешь?» – «Половину барыша». Купеческий сын согласился и принял старика в приказчики. Изготовили они корабль, нагрузили товарами и отвалили от берега; ветер был попутный, корабль ходкий, и прибыл Иван в чужестранное государство в то самое время, как дядины корабли в пристань входили.

В том государстве обмерла у царя дочь; вынесли ее в церковь и каждую ночь посылали к ней по одному человеку на съедение. Много народу погибло; этак, думает царь, пожалуй,

и царство мое не устоит, и выдумал: вместо своих людей посылать к дочери приезжих из иных земель; какой бы купец ни явился у пристани – должен наперед перебыть ночь в церкви, а потом, коли уцелеет, – может и покупать, и продавать, и назад ехать. Вот новоприезжие купцы сошлись на пристани и стали судить да рядить, кому прежде в церковь идти. Кинули жребий, и доставалось: на первую ночь идти старшему дяде, на вторую ночь – младшему дяде, а на третью ночь – Ивану купеческому сыну. Дядя испугался и давай просить своего племянника: «Голубчик Ванюшка! Переночуй за нас в церкви; что хочешь – то и возьми за услугу, спорить не будем». – «Постойте, я спрошусь у дедушки». Пошел к старику: «Так и так, – говорит, – дяди пристают, просят за них потрудиться; как ты, дедушка, присоветуешь?» – «Ну что ж – потрудись; только пусть они за то по три корабля тебе дадут». Иван купеческий сын передал эти слова своим дядюшкам, они согласились: «Ладно, Ваня! Шесть кораблей – твои».

Когда наступил вечер, старичок взял Ивана за руки, привел в церковь, поставил возле

гроба и начертил круг: «Стой крепко, из-за черты не выходи, читай псалтырь и ничего не бойся!» Сказал и ушел; Иван купеческий сын остался один в церкви, развернул книгу и начал псалмы читать. Как только пробило двенадцать часов – подымается крышка с гроба, встает царевна и подходит прямо к черте: «Я тебя съем!» – грозит, рвется вперед, кричит на разные голоса, и по-собачьи и по-кошачьи, а переступить черты не может. Иван читает, на нее не смотрит; вдруг петухи запели, и царевна бросилась в гроб как попало; ее платье через край повисло. Поутру посылает царь своих прислужников: «Ступайте в церковь, приберите кости». Прислужники отперли двери, заглянули в церковь – а купеческий сын стоит живой перед гробом да все псалтырь читает.

На другую ночь было то же самое; а на третий день вечером взял его старик за руку, привел в церковь и говорит: «Как только ударит двенадцать часов, ты не мешкая полезай на хоры; там стоит большой образ Петра-апостола, стань позади его – ничего не бойся!» Купеческий сын принялся за псалтырь; чи-

тал-читал; ровно в двенадцать часов видит – крышка с гроба подымается; он поскорей на хоры и стал позади большого образа Петра-апостола. Царевна выскочила да за ним; прибежала на хоры, искала-искала, все углы обошла – не могла найти. Подходит к образу, глянула на лик святого апостола и задрожала; вдруг от иконы глас раздался: «Изыди, окаянный!» В ту же минуту злой дух оставил царевну, пала она перед иконою на колени и начала со слезами молиться. Иван купеческий сын вышел из-за образа, стал с нею рядом, крестится да поклоны кладет.

Поутру приходят в церковь царские прислужники, смотрят – Иван купеческий сын и царевна стоят на коленях и богу молятся; тотчас побежали и доложили царю. Царь обрадовался, поехал сам в церковь, привез царевну во дворец и говорит купеческому сыну: «Ты мою дочь и все царство избавил; возьми ее за себя замуж, а в приданое жалую тебе шесть кораблей с дорогими товарами». На другой день их перевенчали; весь народ пировал на свадьбе – и бояре, и купцы, и простые крестьяне. Через неделю после того собрался

Иван купеческий сын домой ехать; распростился с царем, взял молодую жену, сел на корабль и велел выходить в море. Бежит его корабль по морю, а вслед за ним двенадцать других плывут; шесть кораблей, что царь подарил, да шесть кораблей, что у дядей выслужил.

На половине пути говорит старичок Ивану купеческому сыну: «Когда ж станем барыши делить?» – «Хоть сейчас, дедушка! Выбирай себе шесть кораблей, какие полюбятся». – «Это не все; надо и царевну поделить». – «Что ты, дедушка, как ее делить?» – «Да вот разрублю надвое: тебе половина да мне половина». – «Бог с тобой! Этак она никому не достанется; лучше бросим жребий». – «Не хочу, – отвечает старик, – сказано – барыши пополам, так тому и быть!» Выхватил меч и рассек царевну надвое – поползли из нее разные гады и змеи. Старик перебил всех гад и змей, сложил царевнино тело, взбрызнул раз святою водою – тело срослось, взбрызнул в другой – царевна ожила и сделалась краше прежнего. Говорит тогда старик Ивану купеческому сыну: «Бери себе и царевну и все двенадцать кораблей, а

мне ничего не надо; живи праведно, никого не обижай, нищую братию наделяй да молись святому апостолу Петру». Сказал и исчез. Купеческий сын воротился домой и жил с своею царевною долго и счастливо, никого не обижал и бедным завсегда помогал.

РАССКАЗЫ О ВЕДЬМАХ

Поздним вечером приехал один казак в село, остановился у крайней избы и стал проситься: «Эй, хозяин, пусти переночевать!» – «Ступай, коли смерти не боишься». – «Что за речь такая!» – думает казак, поставил коня в сарай, дал ему корму и идет в избу. Смотрит – и мужики, и бабы, и малые ребятишки – все навзрыд плачут да богу молятся; помолились и стали надевать чистые рубашки. «Чего вы плачете?» – спрашивает казак. «Да вишь, – отвечает хозяин, – в нашем селе по ночам смерть ходит, в какую избу ни заглянет – так наутро клади всех жильцов в гроба да вези на погост. Нынешнюю ночь за нами очередь». – «Э, хозяин, не бойся; бог не выдаст, свинья не съест». Хозяева полегли спать; а казак себе на уме – и глаз не смыкает.

В самую полночь отворилось окно; у окна показалась ведьма – вся в белом, взяла кропило, просунула руку в избу и только хотела кропить – как вдруг казак размахнул своей саблей и отсек ей руку по самое плечо. Ведьма заохала, завизжала, по-собачьи забрехала и убежала прочь. А казак поднял отрубленную руку, спрятал в свою шинель, кровь замыл и лег спать. Поутру проснулись хозяева, смотрят – все до единого живы-здоровы, и несказанно обрадовались. «Хотите, – говорит казак, – я вам смерть покажу? Соберите скорей всех сотников и десятников да пойдете ее по селу искать». Тотчас собрались все сотники и десятники и пошли по домам; там нету, здесь нету, наконец добрались до пономарской избы. «Вся, ли семья твоя здесь налицо?» – спрашивает казак. «Нет, родимый! Одна дочка больна, на печи лежит». Казакглянул на печь, а у девки рука отсечена; тут он объявил все, как было, вынул и показал отрубленную руку. Мир наградил казака деньгами, а эту ведьму присудил утопить.

* * *

В некотором королевстве жил-был король;

у этого короля была дочь волшебница. При королевском дворе проживал поп, а у попа был сыночек десяти лет и каждый день ходил к одной старушке – грамоте учиться. Раз случилось ему поздно вечером идти с ученья; проходя мимо дворца, глянул он на одно окошечко. У того окошечка сидит королева, убирается: сняла с себя голову, мылом намылила, чистой водой вымыла, волосы гребнем расчесала, заплела косу и надела потом голову на старое место. Мальчик диву дался: «Вишь какая хитрая! Прямая колдунья!» Воротился домой и стал всем рассказывать, как он королеву без головы видел. Вдруг расхворалась-разболелась королевская дочь, призвала отца и стала ему наказывать: «Если я помру, то заставьте поповского сына три ночи сряду надо мною псалтырь читать». Померла королева, положили ее в гроб и вынесли в церковь. Король призывает попа: «Есть у тебя сын?» – «Есть, ваше величество». – «Пусть, – говорит, – читает над моей дочерью псалтырь три ночи сряду». Поп воротился домой и велел сыну изготовиться.

Утром пошел попович учиться и сидит над

книгою такой скучный. «О чем запечалился?» – спрашивает его старушка. «Как мне не печалиться, коли я совсем пропал?» – «Да что с тобой? Говори толком». – «Так и так, бабушка! Надо читать над королевною, а она ведь колдунья!» – «Я прежде тебя это ведала! Только не бойся, вот тебе ножик; когда придешь в церковь, очерти около себя круг, читай псалтырь да назад не оглядывайся. Что бы там ни было, какие бы страсти ни представлялись – знай свое, читай да читай! А если назад оглянешься – совсем пропадешь!» Вечером пришел мальчик в церковь, очертил ножом около себя круг и принялся за псалтырь. Пробыло двенадцать часов, с гроба поднялась крышка, королева встала, выбежала и закричала: «А, теперь ты узнаешь, как под моими окнами подсматривать да людям рассказывать!» Стала на поповича бросаться, да никак через круг перейти не может; тут начала она напускать разные страсти; только что ни делала – он все читает да читает, никуда не оглядывается. А как стало светать, бросилась королева в гроб и со всего размаху повалилась в него – как попало!

На другую ночь то же приключилось; попович ничего не убоялся, до самого света безостановочно читал, а поутру пошел к старухе. Она спрашивает: «Ну что, видел страсть?» – «Видел, бабушка!» – «Нынче еще страшнее будет! Вот тебе молоток и четыре гвоздя – забей их по четырем углам гроба, а как станешь псалтырь читать – молоток против себя поставь». Вечером пришел попович в церковь и сделал все так, как научила старушка. Пробыло двенадцать часов, гробовая крышка на пол упала, королевна встала и начала летать по всем сторонам да грозить поповичу; то напускала большие страсти, а теперь еще больше: чудится поповскому сыну, что в церкви пожар сделался, пламя так все стены и охватило; а он стоит себе да читает, назад не оглядывается. Перед рассветом королевна в гроб бросилась, и тотчас пожара как не бывало – все наважденье сгинуло! Поутру приходит в церковь король, смотрит – гроб открыт, в гробу королевна кверху спиной лежит. «Что такое?» – спрашивает мальчика; тот ему рассказал, как и что было. Король приказал забить своей дочери осиноый кол в грудь и зарыть

ее в землю, а поповича наградил казною и разными угождями.

* * *

Жил-был солдат, служил богу и великому государю пятнадцать годов, ни разу не видался с своими родителями. На ту пору вышел от царя приказ отпускать рядовых для свидания с своими сродственниками по двадцати пяти человек с роты; заодно с другими отпросился и наш солдат и отправился домой на побывку в Киевскую губернию. Долго ли, коротко ли — пришел он в Киев, побывал в лавре, богу помолился, святым мощам поклонился и пошел на родину в ближний уездный город. Шел-шел, вдруг попадается ему навстречу красная девица, из того же уездного города дочь купеческая, собой знатная красавица. Известное дело: коли завидит солдат пригожую девку, ни за что не пройдет просто, а чем-нибудь да зацепит. Так и этот солдат: поравнялся с купеческой дочерью и говорит ей в шутку: «Эх, хороша девушка, да не объезжена!» Отвечает красная девица: «Бог знает, служивый, кто кого объездит: либо ты меня, либо я тебя!» Засмеялась и пошла своей дорогой.

Вот приходит солдат домой, поздоровался с родными и крепко обрадовался, что всех их застал в добром здоровье. Был у него старый дедушка, белый как лунь, лет сто с хвостиком прожил. Стал ему солдат рассказывать: «Ишел я, дедушка, домой, и попалась мне навстречу знатная девица; я – грешный человек – так и так посмеялся над ней, а она мне сказала: бог знает, служивый: либо ты меня объездишь, либо я тебя!» – «Ах, батюшки! Что ж ты наделал; ведь это дочь нашего купца – страшная ведьма! Не одного молодца свела она с белого свету». – «Ну, я и сам не робкого десятку! Меня не скоро напугаешь; еще поглядим: что бог даст?» – «Нет, внучек, – говорит дед, – если не станешь меня слушать, тебе завтра живому не быть». – «Вот еще беда!» – «Да такая беда, что ты этакой страсти и на службе не видывал...» – «Что ж мне делать, дедушка?» – «А вот что: приготовь узду да возьми толстое осиновое полено и сиди в избе – никуда не ходи; ночью она прибежит сюда, и если успеет прежде тебя сказать: стой, мой конь! – в ту ж минуту оборотишься ты жеребцом; она сядет на тебя верхом и до тех пор бу-

дет гонять, пока не заедит тебя до смерти. А если ты успеешь наперед сказать: „Гпрру! стой, моя кляча!“, то она сама сделается кобылою, тогда зануздай ее и садись верхом. Она понесет тебя по горам, по долам, а ты знай свое – бей ее осиновым поленом в голову, и до тех пор бей, пока не убьешь до смерти!»

Не чаял солдат такой службы, а нечего делать – послушался деда: приготовил узду и осиновое полено, сел в углу и дожидается, что-то будет. В глухую полночь скрипнула дверь в сенях, и послышались шаги – идет ведьма; только отворила дверь в избу, он тотчас и вымолвил: «Гпрру! стой, моя кляча!» Ведьма оборотилась кобылою; солдат зануздал ее, вывел на двор и вскочил верхом. Понесла его кобыла по горам, по долам, по оврагам и все норовит, как бы сбить седока долой; да нет! Солдат твердо сидит да то и дело по голове ее осиновым поленом осаживает; до тех пор угощал ее поленом, покудова с ног сбил, а после накинулся на лежачую, хватил еще разов пять и убил ее до смерти. Стало светать, он домой пришел. «Ну, друг, как твое дело?» – спрашивает старик. «Слава богу, дедушка,

убил ее до смерти». – «Ладно! Теперь ложись спать». Солдат лег и заснул крепким сном.

Вечером будит его старик: «Вставай, внучек!» Он встал. «Ну, как же теперь-то? Ведь купеческая дочь померла, так отец ее за тобой приедет – станет звать тебя к себе псалтырь читать над покойницей». – «Что ж, дедушка, идти али нет?» – «Пойдешь – жив не будешь, и не пойдешь – жив не будешь! Однако лучше иди...» – «А коли что случится, куда я денусь?» – «Слушай, внучек! Когда пойдешь к купцу, будет он тебя вином потчевать – ты не пей много, выпей сколько надобно. После того поведет тебя купец в ту комнату, где дочь его во гробу лежит, и запрет тебя на замок; будешь ты псалтырь читать с вечера до полуночи, а в самую полночь вдруг дунет сильный ветер, гробница заколыхается, крышка долой упадет... Вот как эта страсть начнется, ты скорей полезай на печь, забейся в угол и твори потихоньку молитвы; там она тебя не найдет!»

Через полчаса приезжает купец и просит солдата: «Ах, служивый! Ведь у меня дочка померла, почитай над нею псалтырь». Солдат

взял псалтырь и поехал в купеческий дом. Купец тому радехонек, сейчас его за стол посадил и давай вином поить. Солдат выпил, сколько ему надобно, а больше не пьет, отказывается. Купец взял его за руку, повел в ту комнату, где мертвая лежала. «Ну, – говорит, – читай псалтырь!» Сам вышел вон, а двери на замок запер. Нечего делать, принялся солдат за псалтырь, читал-читал, вдруг в самую полночь дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой слетела; солдат поскорей на печь, забился в угол, оградил себя крестом и давай шептать молитвы. Ведьма выскочила из гроба и начала во все стороны кидаться – то туда, то сюда! Набежало к ней нечистых видимо-невидимо – полна изба! «Что ты ищешь?» – «Солдата: вот сейчас читал, да пропал!» Черти бросились в розыски; искали, искали, все закоулки обшарили, стали на печь заглядывать... тут на солдатское счастье петухи закричали: в один миг все черти пропали, а ведьма зря на полу растянулась. Солдат слез с печи, положил ее в гроб, накрыл, как следует, крышкою, и опять за псалтырь.

На рассвете приходит хозяин, отворил две-

ри: «Здравствуй, служивый!» – «Здравия желаю, господин купец!» – «Благополучно ли ночь провел?» – «Слава богу!» – «Вот тебе пятьдесят рублей; приходи, друг, еще ночку почитай!» – «Хорошо, приду!» Воротился солдат домой, лег на лавку и спал до вечера; проснулся и говорит: «Дедушка! Купец велел приходить другую ночь псалтырь почитать; идти али нет?» – «Пойдешь – жив не будешь, и не пойдешь – то же самое! Однако лучше иди: вина много не пей – выпей сколько надобно; а как ветер дунет, гробница заколыхается – тотчас в печь полезай! Там тебя никто не найдет!» Солдат собрался и пошел к купцу: тот его посадил за стол и давай вином поить; после повел к покойнице и запер дверь на замок. Солдат читал-читал, читал-читал; наступила полночь – дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала; он поскорей в печь... Ведьма вскочила и начала метаться; набежало к ней нечистых – полна изба! «Что ты ищешь?» – «Да вот сейчас читал, да с глаз пропал! Найдти не могу...» Черти бросились на печь. «Вот, – говорят, – то место, где он вчера сидел!» – «Место тут, да его нету!» Туда-сю-

да... вдруг петухи запели – нечистые сгинули, ведьма на пол повалилась.

Солдат отдохнул немного, вылез из печи, положил купеческую дочь в гроб и стал псалтырь читать. Смотрит – уж светает, хозяин идет: «Здравствуй, служивый!» – «Здравия желаю, господин купец!» – «Благополучно ли ночь прошла?» – «Слава богу!» – «Ну, пойдём!» Вывел его из той комнаты, дал сто рублей денег и говорит: «Приходи, пожалуйста, почитай и третью ночь; я тебя не обижу». – «Хорошо, приду!» Воротился солдат домой. «Ну, внучек, что бог дал?» – «Ничего, дедушка! Купец велел еще приходить. Идти али нет?» – «Пойдешь – жив не будешь, и не пойдешь – жив не будешь! Однако лучше иди». – «А коли что случится, куда мне спрятаться?» – «Вот что, внучек: купи-ка себе сковороду и схорони так, чтобы купец не видал; а как придешь к купцу, станет он тебя вином дюже неволить; ты смотри много не пей, выпей, сколько снести можешь. В полночь, как только зашумит ветер да гробница заколыхается, ты в ту ж минуту полезай на печной столб и накройся сковородою; там тебя никто не сы-

щет!»

Солдат выпался, купил себе сковороду, спрятал ее под шинель и к вечеру пошел на купеческий двор. Купец посадил его за стол и давай вином поить; всячески его просит, улещает. «Нет, – говорит солдат, – будет; я свое выпил, больше не стану». – «Ну, когда не хочешь пить, так ступай псалтырь читать». Привел его купец к мертвой дочери, оставил одного и запер двери. Солдат читал-читал, читал-читал – наступила полночь, дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала. Солдат влез на столб, накрылся сковородой, оградился крестом и ждет – что-то будет? Ведьма вскочила, начала всюду метаться; набежало к ней нечистых видимо-невидимо – полна изба! Бросились искать солдата, заглянули в печь. «Вот, – говорят, – место, где он вчера сидел!» – «Место цело, да его нет!» Туда-сюда – нигде не видать! Вот лезет через порог самый старый черт: «Что вы ищете?» – «Солдата; сейчас читал, да с глаз пропал!» – «Эх вы, слепые! А это кто на столбе сидит?» У солдата так сердце и ёкнуло, чуть-чуть на землю не упал! «И то он, – закричали черти, –

только как с ним быть? Ведь его достать нельзя!» – «Вот нельзя! Бегите-ка раздобудьте огарок, который не благословясь зажжен был». Вмиг притащили черти огарок, разложили костер у самого столба и запалили; высоко ударило пламя, жарко солдату стало – то ту, то другую ногу под себя поджигает. «Ну, – думает, – смерть моя пришла!» Вдруг на его счастье петухи запели – черти сгнули, ведьма на пол повалилась, солдат соскочил с печного столба и давай огонь тушить. Погасил, убрал все как следует, купеческую дочь в гроб положил, крышкою накрыл и принялся псалтырь читать.

На рассвете приходит купец, прислушивается – жив ли солдат али нет? Услыхал его голос, отворил дверь и говорит: «Здравствуй, служивый!» – «Здравия желаю, господин купец!» – «Благополучно ли ночь провел?» – «Слава богу, ничего худого не видал!» Купец дал ему полтора рубли и говорит: «Много ты потрудился, служивый! Потрудись еще: приходи сегодня ночью да свежи мою дочку на кладбище». – «Хорошо, приду!» – сказал солдат и бегом домой. «Ну, друг, что бог

дал?» – «Слава богу, дедушка, уцелел! Купец просил побывать к нему ночью, отвезти его дочь на кладбище. Идти али нет?» – «Пойдешь – жив не будешь, и не пойдешь – жив не будешь! Однако надо идти; лучше будет». – «Что же мне делать? Научи». – «А вот что! Как придешь к купцу, у него все будет приготовлено. В десять часов станут с покойницей сродственники прощаться, а после набьют на гроб три железных обруча, поставят его на дроги, в одиннадцать часов велят тебе на кладбище везти. Ты гроб вези, а сам в оба гляди: лопнет один обруч – не бойся, смело сиди; лопнет другой – ты все сиди; а как третий лопнет – сейчас скачи через лошадь да сквозь дугу и беги задом. Сделаешь так, ничего тебе не будет!»

Солдат лег спать, проспал до вечера и отправился к купцу. В десять часов стали с покойницей сродственники прощаться; потом начали железные обручи нагонять; нагнали обручи, поставили гроб на дроги: «Теперь поезжай, служивый, с богом!» Солдат сел на дроги и поехал; сначала вез тихо, а как с глаз уехал, припустил что есть духу. Скачет, а сам

все на гроб поглядывает. Лопнул один обруч, за ним другой – ведьма зубами скрипит. «Постой, – кричит, – не уйдешь! Сейчас тебя съем!» – «Нет, голубушка! Солдат – человек казенный; их есть не дозволено». Вот лопнул и последний обруч – солдат через лошадь да сквозь дугу и побежал задом. Ведьма выскочила из гроба и кинулась догонять; напала на солдатский след и по тому следу повернула к лошади, обежала ее кругом, видит, что нет солдата, и опять в погоню. Бежала-бежала, на след напала и опять повернула к лошади... Совсем с толку сбилась, разов десять назад ворочалась; вдруг петухи запели, ведьма так и растянулась на дороге!

Солдат поднял ее, положил в гроб, заколотил крышку и повез на кладбище; привез, свалил гроб в могилу, закидал землею и воротился к купцу. «Все, – говорит, – сделал; бери свою лошадь». Купец увидел солдата и глаза выпучил: «Ну, служивый, я много знаю; об дочери моей и говорить нечего – больно хитра была; а ты, верно, и больше нашего знаешь!» – «Что ж, господин купец, заплати за работу». Купец вынул ему двести рублей; солдат

взял, поблагодарил его и пошел угощать свою родню. На том угощении и я был; дали мне вина корец, моей сказке конец.

СМЕРТЬ СКУПОГО

Жил-был скупой скряга, старик; имел двух сыновей и множество денег; слышал смерть, заперся один в избе и сел на сундук, начал глотать золотые деньги и есть ассигнации и так покончил свою жизнь. Пришли сыновья, положили мертвого под святые иконы и позвали дьячка читать псалтырь. Вдруг в самую полночь является в образе человека нечистый, поднял мертвого старика на плечо и сказал: «Держи, дьячок, полу!» И начал трусить старика: «Деньги твои, а мешок мой!» Понес его и невидим стал.

СКРИПАЧ В АДУ

Был-жил мужик, у него было три сына. Жил он богато, собрал два котла денег – один закопал в овине, другой в воротах. Вот помер этот мужик, а про деньги никому не сказал. Однажды был на деревне праздник; шел скрипач на гулянку и вдруг провалился сквозь землю; провалился и попал в ад, прямо в то место, где богатый мужик мучился. «Здравствуй! знакомый!» – говорит скрипач. Отвечает ему мужик: «Ты неладно попал сюда! Здесь ад, и я в аду сижу». – «За что же ты, дядя, сюда угодил?» – «За деньги! Было у меня денег много, нищим не давал, два котла в землю закопал. Вот сейчас станут меня мучить, палками бить, когтями терзать». – «Как же мне-то быть? Пожалуй, и меня замучают!» – «А ты поди, сядь за трубой на печке да три года не ешь – так уцелеешь!» Скрипач спрятался за трубой, пришли ненаши, [345] стали богатого мужика бить да приговаривать: «Вот тебе, богач! Тьму денег накопил, а спрятать не сумел; туда закопал их, что нам сторожить не вмоготу! В воротах бесперечь ез-

дят, лошади нам головы подковами поразбивали, а в овине цепами нас молотят».

Только ушли ненаши, мужик и говорит скрипачу: «Если выйдешь отсюда, скажи моим детям, чтобы они взяли деньги: один котел у ворот закопан, а другой – в овине, и чтобы роздали их на нищую братию». Потом еще набежала целая изба ненаших и спрашивают у богатого мужика: «Что у тебя русским духом пахнет?» Мужик говорит: «Это вы по Руси ходили, русского духу набрались!» – «Как бы не так!» Стали искать, нашли скрипача и закричали: «Ха-ха-ха, скрипач здесь!» Стащили его с печки и заставили играть на скрипке. Он три года играл, а ему за три дня показалось; устал и говорит: «Что за диво! Бывало, играл я – в один вечер все струны изорву, а теперь третий день играю – и всё целы. Господи благослови!» Только вымолвил – все струны и лопнули. «Ну, братцы, – говорит скрипач, – сами видите: струны лопнули, не на чем играть!» – «Постой, – сказал один нечистый, – у меня есть два бунта[346] струн, я тебе принесу». Сбежал и принес; скрипач взял струны, потянул и опять только вымол-

вил: «Господи благослови!» – оба бунта лопнули. «Нет, братцы, ваши струны мне не годятся; у меня свои дома есть, дайте – схожу!» Ненаши его не пускают: «Ты уйдешь!» – говорят. «Если вы не верите, то пошлите со мной кого-нибудь в провожатых». Ненаши выбрали одного и послали с скрипачом.

Скрипач пришел в деревню; слышит: в крайней избе свадьбу справляют. «Пойдем на свадьбу!» – «Пойдем!» Вошли в избу; тут все скрипача узнали, спрашивают: «Где это ты, братец, три года пропадал?» – «На том свете был!» Посидели, погуляли; ненаш зовет скрипача: «Пора идти!» А тот: «Погоди еще немножко; дай мне на скрипке поиграть, молодых повеселить». До тех пор просидели, пока петухи запели: тут ненаш пропал, а скрипач стал говорить сыновьям богатого мужика: «Ваш батюшка приказал вам взять деньги: один котел у ворот зарыт, а другой – в овине, и велел все эти деньги нищим раздать». Вот откопали оба котла, стали раздавать деньги по нищей братии: чем больше их раздают, тем больше их прибавляется.

Вывезли эти котлы на перекресток: кто ни

едет мимо, всякий берет оттуда, сколько рукой захватит, а деньги всё не сбывают. Подали челобитную государю; он и приказал: в некотором городе шла дорога в объезд – верст пятьдесят будет, а если прямо проложить, то всего пять верст, и приказал государь выстроить прямоезжий мост. Вот и выстроили, мост на пять верст, и на то дело оба котла опорожнили.

В те времена некая девица родила сына и покинула его с малолетства; этот младенец три года не ел, не пил, и все с ним божий ангел ходил. Пришел младенец на мост и говорит: «Ах, какой славный мост! Дай бог тому царство небесное, на чьи деньги его построили». Услышал господь эту молитву и велел своим ангелам выпустить богатого мужика из аду кромешного.

ГОРШЕЧНИК

Едет дорогою горшечник; навстречу ему прохожий: «Найми, – говорит, – меня в работники!» – «Да умеешь ли ты горшки делать?» – «Еще как умею-то!» Вот порядились, ударили по рукам и поехали вместе. Приезжают домой, работник и говорит: «Ну, хозяин, приготовь сорок возов глины, завтра я за работу примусь!» Хозяин приготовил сорок возов глины: а работник-то был – сам нечистый, и наказывает он горшечнику: «Я стану по ночам работать, а ты ко мне в сарай не ходи!» – «Отчего так?» – «Ну да уж так! Придешь – беды наживешь!» Наступила темная ночь; как раз в двенадцать часов закричал нечистый громким голосом, и собралось к нему чертенят видимо-невидимо, начали горшки лепить, пошел гром, стук, хохот по всему двору. Хозяин не вытерпел: «Дай пойду – посмотрю!» Приходит к сараю, заглянул в щелочку – сидят черти на корточках да горшки лепят; только один хромой не работает, по сторонам смотрит, увидал хозяина, схватил ком глины да как пустит – и попал ему прямо в глаз!

Окривел хозяин на один глаз и вернулся в избу, а в сарае-то гам да хохот пуще прежнего!

Наутро говорит работник: «Эй, хозяин! Ступай горшки считать, сколько за одну ночь наработано». Хозяин сосчитал – сорок тысяч наработано. «Ну, теперь готовь мне десять сажень дров; в эту ночь стану обжигать горшки». Ровно в полночь опять закричал нечистый громким голосом; сбежались к нему со всех концов чертенята, перебили все горшки, покидали черепье в печь и давай обжигать. А хозяин закрестил щелочку и смотрит. «Ну, – думает, – пропала работа!» На другой день зовет его работник: «Погляди, хорошо ли сделал?» Хозяин приходит посмотреть – все сорок тысяч горшков стоят целы, один одного лучше! На третью ночь созвал нечистый чертенят, раскрасил горшки разными цветами и все до последнего на один воз уклал.

Дождлся хозяин базарного дня и повез горшки в город на продажу; а нечистый приказал своим чертенятам бегать по всем домам, по всем улицам да народ скликать – горшки покупать. Сейчас повалил народ на базар: обступили со всех сторон горшечника

и в полчаса весь товар разобрали. Приехал мужик домой и полон мешок денег привез. «Ну, – говорит ему нечистый, – давай барыши делить». Поделили пополам. Черт взял свою часть, распрощался с хозяином и пропал. Через неделю поехал мужик с горшками в город; сколько ни стоял он на базаре, никто не покупает; все обходят его мимо, да еще всячески ругают: «Знаем мы твои горшки, старый хрен! С виду казисты, а нальешь воды – сейчас и развалятся! Нет, брат, теперь не надуеть». Перестали брать у него горшки; совсем обеднял мужик, запил с горя и стал по кабакам валяться.

ВДОВА И БЕС

Жил-был мужик, была у него жена-красавица; крепко они любили друг дружку и жили в ладу и согласии. Ни много, ни мало прошло времени, помер муж. Похоронила его бедная вдова и стала задумываться, плакать, тосковать. Три дня, три ночи бесперечь слезами обливалась; на четвертые сутки, ровно в полночь, приходит к ней бес в образе ее мужа. Она возрадовалась, бросилась ему на шею и спрашивает: «Как ты пришел?» – «Да слышу, – говорит, – что ты, бедная, по мне горько плачешь, жалко тебя стало, отпросился и пришел». Лег он с нею спать; а к утру, только пелухи запели, как дым исчез. Ходит бес к ней месяц и другой; она никому про то не рассказывает, а сама все больше да больше сохнет, словно свечка на огне тает!

В одно время приходит ко вдове мать-старуха, стала ее спрашивать: «Отчего ты, дочка, такая худая?» – «От радости, матушка!» – «От какой радости?» – «Ко мне покойный муж по ночам ходит». – «Ах ты, дура! Какой это муж – это нечистый!» Дочь не верит. «Ну, слушай

же, что я тебе скажу: как придет он к тебе в гости и сядет за стол, ты урони нарочно ложку, да как станешь подымать – посмотри ему на ноги». Послушалась вдова матери; в первую же ночь, как пришел к ней нечистый, уронила под стол ложку, полезла доставать, глянула ему на ноги – и увидала, что он с хвостом. На другой день побежала к матери. «Ну что, дочка? Правда моя?» – «Правда, матушка! Что мне делать, несчастной?» – «Пойдем к попу». Пошли, рассказали все, как было; поп начал вдову отчитывать, три недели отчитывал – насилу отстал от нее злой бес!

ЛЕШИЙ

Одна поповна, не спросясь ни отца, ни матери, пошла в лес гулять и пропала без вести. Прошло три года. В этом самом селе, где жили ее родители, был смелый охотник: каждый божий день ходил с собакой да с ружьем по дремучим лесам. Раз идет он по лесу; вдруг собака его залаяла, и песья шерсть на ней щетиною встала. Смотрит охотник, а перед ним на лесной тропинке лежит колода, на колоде мужик сидит, лапоть ковыряет; подковырнет лапоть, да на месяц и погрозит: «Свети, свети, ясен месяц!» Дивно стало охотнику: отчего так, думает, собою мужик – еще молодец, а волосом как лунь сед? Только подумал это, а он словно мысль его угадал: «Оттого, говорит, я и сед, что чертов дед!» Тут охотник и смекнул, что перед ним не простой мужик, а леший; нацелился ружьем – бац! и угодил ему в самое брюхо. Леший застонал, повалился было через колоду, да тотчас же привстал и потащился в чащу. Следом за ним побежала собака, а за собакою охотник пошел.

Шел-шел и добрел до горы; в той горе рас-

щелина, в расщелине избушка стоит. Входит в избушку, смотрит: леший на лавке валяется – совсем издох, а возле него сидит девица да горько плачет: «Кто теперь меня поить-кормить будет!» – «Здравствуй, красная девица, – говорит ей охотник, – скажи: чья ты и откуда?» – «Ах, добрый молодец! Я и сама не ведаю, словно я и вольного света не видала и отца с матерью не знавала». – «Ну, собирайся скорей! Я тебя выведу на святую Русь». Взял ее с собою и повел из лесу; идет да по деревьям всё метки кладет. А эта девица была лешим унесена, прожила у него целые три года, вся-то обносилась, оборвалась – как есть совсем голая! А стыда не ведает.

Пришли на село; охотник стал выспрашивать: не пропадала ли у кого девка? Выискался поп. «Это, – говорит, – моя дочька!» Прибежала попадья: «Дитячко ты мое милое! Где ты была столько времени? Не чаяла тебя и видеть больше!» А дочь смотрит, только глазами хлопает – ничего не понимает; да уж после стала помаленьку приходить в себя... Поп с попадьею выдали ее замуж за того охотника и наградили его всяким добром. Стали было

искать избушку, в которой она проживала у лешего, долго плутали по лесу, только не нашли.

МОРОКА

Жил-был старик да старуха. Пришел бурлак и просится ночевать. Старик пустил: «Пожалуй, ночуй, только с таким уговором, чтобы всю ночь сказки сказывал». – «Изволь, буду сказывать». Ну, вот хорошо; полез старик с бурлаком на полати, а старуха сидит на печи – лен прядет. Бурлак и думает про себя: «Дай-ка, разве подшутить над ним!» – и оборотил себя волком, а старика медведем. «Побежим, – говорит, – отсюда», – и побежали в чистое поле. Увидал волк старикову кобылу и говорит: «Давай съедем кобылу!» – «Нет, ведь это моя кобыла!» – «Ну да ведь голод не тетка!» Съели они кобылу и опять побежали; увидели старуху, старикову-то жену, – волк опять и говорит: «Давай съедем старуху!» – «Ой, да ведь это моя старуха», – отвечает медведь. «Какая твоя!» Съели и старуху. Так-то медведь с волком лето целое пробегали; настает зима. «Давай, – говорит волк, – засядем в

берлогу; ты полезай дальше, а я наперед сяду. Коли найдут нас охотники, так меня первого застрелят; а ты смотри, как меня убьют, начнут кожу сдирать, – ты выбеги, да через кожу-то переметнись, и обернешься опять человеком». Вот лежат они в берлоге; набрели на них охотники, сейчас застрелили волка и начали снимать с него кожу. В то самое время медведь как выскочит, да кувырк через волчью шкуру – и полетел старик с полатай вниз головою. «Ой, ой! – заревел он. – Всю спину отбил!» Старуха кричит: «Что ты, черна немочь! Почто пал? Кажись, пьян не был». – «Да вот почто – и начал рассказывать: – Ты ведь ничего не знаешь, а мы с бурлаком зверьем были: он – волком, я – медведем; целое лето да зиму пробегали, и кобылу нашу съели, и тебя, старую, съели!» Старуха принялась хохотать, просто удержу нету: «Ай да бурлак! Славно подшутил!»

ДОКА НА ДОКУ

Пришел солдат в деревню и просится ночевать к мужику. «Я бы тебя пустил, служивый, – говорит мужик, – да у меня свадьба заводится, негде тебе спать будет». – «Ничего, солдату везде место!» – «Ну, ступай!» Видит солдат, что у мужика лошадь в сани запряжена, и спрашивает: «Куда, хозяин, отправляешься?» – «Да, вишь, у нас такое заведение: у кого свадьба, тот и поезжай к колдуну да вези подарок! Самый бедный без двадцати рублей не отделаётся, а коли богат, так и пятидесяти мало; а не отвезешь подарка, всю свадьбу испортит!» – «Послушай, хозяин! Не вози, и так сойдет!» Крепко уверил мужика, тот послушался и не поехал к колдуну с гостинцами.

Вот начали свадьбу играть, повезли жениха с невестою закон принимать; едут дорогою, а навстречу поезду бык несется, так и ревет, рогами землю копает. Все поезжане испугались, а солдат усом не мигнет: где ни взялась – выскочила из-под него собака, бросилась на быка и прямо за глотку вцепилась – бык так и грохнулся наземь. Едут дальше, а на-

встречу поезду огромный медведь. «Не бойтесь, – кричит солдат, – я худа не допущу!» Опять где ни взялась – выскочила из-под него собака, кинулась на медведя и давай его душить; медведь заревел и издох. Миновала та беда, снова едут дальше; а навстречу поезду заяц выскочил и перебежал дорогу чуть-чуть не под ногами передней тройки. Лошади остановились, храпят, а с места не трогаются! «Не дури, заяц, – крикнул на него солдат, – мы опосля поговорим с тобой!» – и тотчас весь поезд легко двинулся. Приехали к церкви благополучно, обвенчали жениха с невестою и отправились назад в свою деревню. Стали ко двору подъезжать, а на воротах черный ворон сидит да громко каркает – лошади опять стали, ни одна с места не тронется. «Не дури, ворон, – крикнул на него солдат, – мы с тобой опосля потолкуем». Ворон улетел, лошади в ворота пошли.

Вот посадили молодых за стол; гости и родичи свои места заняли – как следует, по порядку; начали есть, пить, веселиться. А колдун крепко осердился; гостинцев ему не дали, пробовал было страхи напускать – и то дело

не выгорело! Вот пришел сам в избу, шапку не ломает, образам не молится, честным людям не кланяется; и говорит солдату: «Я на тебя сердит!» – «А за что на меня сердиться? Ни я не занимал у тебя, ни ты мне не должен! Давай-ка лучше пить да гулять». – «Давай!» Взял колдун со стола ендову пива, налил стакан и подносит солдату: «Выпей, служивый!» Солдат выпил – у него все зубы в стакан выпали! «Эх, братец, – говорит солдат, – как мне без зубов-то быть? Чем будет сухари грызть?» Взял да и бросил зубы в рот – они опять стали по-прежнему. «Ну, теперь я поднесу! Выпей-ка от меня стакан пива!» Колдун выпил – у него глаза вылезли! Солдат подхватил его глаза и забросил неведомо куда. Остался колдун на всю жизнь слепым и закаялся страхи напускать, над людьми мудрить; а мужики и бабы стали за служивого бога молить.

ВОРОЖЕЯ

В одном селе жила-была старуха старая, а у ней был сын не велик и не мал, такой, что еще в поле не сможет хорошо работать. Вот они дожили до того, что им пришлось – и перекусить нечего; вот тут-то задумалась больно старуха, думала себе, гадая крепку думушку, как им быть и на белу свету жить, да что-бы и хлебушка был.

Думала-думала и вздумала думу, да и гуторит своему мальчуге: «Сынок, поди хоть ты, уведи у кого лошадушек и привяжи их в таком-то кусте да сена дай, а потом отвяжи опять, и отведи в этакую-то лощину, и там поколь[347] пусти их». Малый ее был, нечего сказать, больно проворен; как услышал, что матушка ему приказывает, вот он пошел да и свел где-то лошадушек, и сделал все так, как матушка ему гуторила.

Про старуху же преж сего была молва, что она таки кое-что знает и по просьбе кой-когда бывала ворожа.

Как хватились хозяева своих лошадушек, давай искать, и долго бились они сердечные,

да нигде не нашли. Вот и гуторят: «Что делать? Надоть найти знахаря, чтобы поворожить, хошь[348] бы и заплатить ему не больно так много, чтобы найти их». Вот и вспомнили про старуху, да и говорят: «Семка[349] пойдём к ней, попросим поворожить; авось она и скажет нам об них что-нибудь». Как сказано, так и сделано. Вот и пришли к старухе да и бают: «Бабушка-кормилица! Мы слышали от добрых людей, что ты кой-чем маракуюешь, умеешь гадать по картам и по ним смекаешь, как по-писаному: поворожи-ка и нам, родимая! У нас пропали лошадушки». Вот бабушка и кажет им: «Ох, батюшки мои светы, да у меня и мочушки-то[350] нет! Удушье, родимые мои, меня замучило». А они ей кажут: «Эка, бабушка, потрудись, желанная ты наша! Это не дарма,[351] а мы тебе за работу заплатим».

Вот она, переминаясь и покашливая, расклала карты, посмотрела на них долго и кажет им (хошь ничего не знала, да делать нечего; голод не свой брат, уму-разуму научит): «Эка притча.[352] Подумаю. Глядь-ка сюда, мои батюшки! Вот, кажись, ваши лоша-

душки стоят в этакое-то месте, в кусте привязаны». Вот хозяйева обрадовались, дали старухе за работу и пошли себе искать своих животинушек.[353] Пришли к сказанному кусту, а там уж их лошадей-то и нет, хошь и было заметно то место, где были привязаны лошади, потому что отрезан гуж от узды и висит на кусте, да и сена навалено, чай, немало. Вот они пришли, посмотрели, а их и след простыл; взгоревались бедняги и не знают, что и делать; подумали меж собой и опять отправились к старухе: коли раз узнала, то и теперь скажет.

Вот пришли опять к старухе, а она лежит на печи да уж так-то кряхтит да охает, что и невесть какая болеть на ее приключилась. Они стали ее униженно просить еще им поворожить. Она было опять по-прежнему стала отнекиваться, говоря: «Мочи нет, и старость-то осилила!» – а все для того, чтобы больше дали ей за труды-то. Они обещали, коли найдутся, ничего не жалеть для ней, и теperича дать покель поболе. Вот старуха слезла с печи, покрёхтывая и кашляя, раскинула опять карты, призадумалась, посмотрела на

них и гуторит: «Ступайте, ищите их в этой-то лощине, они там, кажись, ходят, точнехонько ваши!» Хозяева дали ей с радости за работу очень довольно и пошли от ней опять искать. Вот пришли они в лощину, глядь – а там их лошади ходят целехоньки; они взяли их и повели домой.

Вот и пошла про старуху великая слава, что, мол, такая-то ворожея умеет ворожить во как: что ни скажет – быть делу так. Эта слава распространилась далеко, и дошел этот слух до одного боярина, у которого пропал целый сундук денег неизвестно куды. Вот как он услышал, да и послал за бабушкой-ворожейкой свою карету, чтоб ее к нему привезли непременно, будь она хошь как больна; а послал двух своих людей – Самона да Андрюху (они-то и сдули эти деньги у барина). Вот они приехали к бабке и почти силом [354] ее посадили в карету и повезли к барину. Дорогой бабушка начала тосковать, охать и вздыхать, и гуторит про себя: «Охо-хо-хо! Кабы не мамон [355] да не брюхо, где бы этому делу сбыться, чтобы мне ворожейкой быть и ехать в карете к боярину для того, чтобы он меня запрятал

туда, куда ворон и костей моих не занес. Ох, плохо дело!»

Самон это подслушал, да и кажет: «Чуешь, [356] Андрюха! Старуха о сю пору что-то про нас бормочет. Кажись, плохо дело будет!» Андрюха ему гуторит: «Что ты так сробел, может это так тебе со страстей почудилось». А Самон ему баает: «Послухай-ка сам, вот она опять что-то гуторит». А старуху самоё берет страх и горе: вот она, посидя немного, опять свое твердит: «Охо-хо-хо! Коли б не мамон да не брюхо, где бы этакой оказии сбыться!» Вот ребята давай прислухивать, что старуха бормочет: а она, посидя немного, опять за свое примется: «Мамон да брюхо» – и бесперечь со страстей [357] все свое несет. Как ребята это услышали, и оторопь сильно взяла: что делать? да и загуторили промеж себя, что надоть бабушку упросить как можно, чтобы она не болтнула этого боярину, а то старая все твердит: «Кабы не Самон да не Андрюха, где бы этакой оказии сбыться?» Они, окаянные, со страстей-то не разобрали, что старуха гуторит о мамоне да о брюхе, а не Самоне да Андрюхе.

Как меж собой у них сказано, так было и

сделано. Вот они и начали просить старуху: «Бабушка, желанная ты наша, кормилица, не погуби нас, а заставь вечно за тя бога молить. Ну что тебе будет прибыли погубить нас и оговорить перед боярином? Лучше не сказывай на нас, а так как-нибудь; а мы-то уж тебе за это что хошь заплатим». А бабушка не дура, себе на уме, чует эти слова, схаменулась, [358] и страсть с нее вся соскочила – как рукой сняло, да и спрашивает их: «Где же вы, детушки, все это дели?» Они гуторят уж с плачем: «Что, родимая, чай нас сам окаянный [359] соблазнил, что грех такой сделали». Бабушка опять спрашивает: «Да где же они?» Вот они и гуторят: «Да куда ж их окромя было спрятать-то, как не на мельницу под гать, [360] покуля пройдет такая непогодь».

Вот они, сгугорившись дорогою как надоть, и приехали в дом к боярину. Боярин как увидал, что привезли старуху, сделался и невесть как рад, взял ее под руки к себе в хоромы, [361] начал потчевать всякими этакими питьями и яствами, чего ее душеньке угодно, и, напотчевавши ее досыта, давай просить ее, чтоб она ему про деньги поворожила. А ба-

бушка себе на уме свое несет, что мочи-то нет и насилу ходит; а боярин и кажет: «Экая ты, бабушка! Ты будь у меня как в своем дому, хошь – сядь, а хошь – ляжь, если уж тебе не-моготу сидеть-то, да только поворожи, об чем я тя прошу, и если узнаешь, кто взял мои деньги, да еще я найду свою пропажу, то не только угощу, а еще и награжу ты чем душе-ньке твоей угодно, как следует, без всякой обиды».

Вот старуха, переминаясь, как бы ее и в самом деле лихая болезнь изнимает, взяла карты, разложила как следует и долго на них смотрела, все пришептывая что-то губами. Посмотревши, и гуторит: «Пропажа твоя на мельнице под гатью лежит». Боярин как только услышал это, что сказала старуха, сейчас и послал Самона да Андрюху, чтобы это все отыскать и к нему принести: он не знал, что это всё они сами спроворили. Вот те нашли, отыскали и принесли к боярину; а боярин-то, глядя на свои деньги, так обрадовался, что и считать их не стал, а дал старухе сейчас сто рублей и еще кое-чего очень доволь-но, да еще и напередки[362] обещался ее не

оставлять за такую услугу; потом, угостя ее хорошенько, отослал опять в карете домой, наградя еще на дорогу кое-чем по домашнему. Дорогой Самон и Андрюха благодарили старуху, что она хошь знала про их дела, да боярину не сказала, и дали ей еще денег.

С этих пор наша старуха еще боле прославилась и стала жить себе – не тужить, и не только что хлебушка стало у нее вволю, но и всякого прочего, и всего невпроед, да и скотиноушки развели очень довольно; и стали с своим сынком себе жить да поживать и добра наживать, да бражку и медок попивать. И я там был, мед-вино пил, только в рот не попало, а по усам текло.

ЗНАХАРЬ

Жил бедный да продувной мужичок, по прозванию Жучок; украл у бабы холстину и спрятал в омете соломы, а сам расхвастался, что ворожить мастер. Пришла к нему баба и просит погадать. Мужик спрашивает: «А что за работу дашь?» – «Пуд муки да фунт масла». – «Ладно!» Стал гадать; погадал-погадал и сказал ей, где холст спрятан. Дня через два, через три пропал у барина жеребец; он же, плут, его и увел да привязал в лесу к дереву. Посылает барин за этим мужиком; стал мужик гадать и говорит: «Ступайте скорей, жеребец в лесу, к дереву привязан». Привели жеребца из лесу; дал барин знахарю сто рублей, и пошла об нем слава по всему царству.

Вот на беду пропало у царя его венчальное кольцо; искать-искать – нет нигде! Послал царь за знахарем, чтобы как можно скорей во дворец его привезли. Взяли его, посадили в повозку и привезли к царю. «Вот когда попал-то, – думает мужик, – как мне узнать, где девалось кольцо? Ну как царь опалится да туда зашлет, куда Макар и телят не гонял!» –

«Здравствуй, мужичок, – говорит царь, – поворожи-ка мне; отгадаешь – деньгами награжу, а коли нет – то мой меч, твоя голова с плеч!» Тотчас приказал отвести знахарю особую комнату: «Пускай-де целую ночь ворожит, чтоб к утру ответ был готов».

Знахарь сидит в той комнате да думает: «Какой ответ дам я царю? Лучше дождусь глухой полночи да убегу куда глаза глядят; вот как пропоют третьи петухи, сейчас и задам тягу!» А кольцо-то царское стащили три дворовых человека: лакей, кучер да повар. «Что, братцы, – говорят они меж собой, – как этот ворожейка да узнает нас? Ведь тогда нам смерть неминучая.. Давайте-ка подслушивать у дверей: коли он ничего – и мы молчок; а коли узнает нас, так уж делать нечего – станем просить его, чтоб царю-то не доказывал».

Пошел лакей подслушивать; вдруг петухи запели, мужик и промолвил: «Слава тебе господи! Один уже есть, остается двух ждать». У лакея душа в пятки ушла; прибежал он к своим товарищам: «Ах, братцы, ведь меня узнал; только я к двери, а он кричит: один уже есть, остается двух ждать!» – «Постой, я пойду!» –

сказал кучер; пошел подслушивать. Запели вторые петухи, а мужик: «Слава тебе господи, и два есть, остается одного ждать». – «Эх, братцы, и меня узнал». Повар говорит: «Ну, если и меня узнает, так пойдем прямо к нему, бросимся в ноги и станем упрашивать». Пошел подслушивать повар; третьи петухи запели, мужик перекрестился: «Слава богу, все три есть!» – да поскорей в двери – бежать хочет; а воры к нему навстречу, пали в ноги и просят и молят: «Не погуби, не сказывай царю; вот тебе кольцо!» – «Ну, так и быть, прощаю вас!»

Взял мужик кольцо, поднял половицу и бросил его под пол. Наутро царь спрашивает: «Что, мужичок, как твои дела?» – «Выворожил; кольцо твое укатилось под эту половицу». Подняли половицу и достали кольцо; царь щедро наградил знахаря деньгами и велел накормить-напоить его до отвала, а сам пошел в сад гулять. Идет по дорожке, увидел жука, поднял его и воротился к знахарю: «Ну, коли ты знахарь, так узнай, что у меня в руке?» Мужик испугался и говорит сам себе: «Что, попался, Жучок, царю в руки!» – «Так, так, твоя правда!» – сказал царь, еще больше

его наградил и с честью домой отпустил.

СЛЕПЦЫ

В Москве белокаменной жил один парень в
работниках; задумал на лето в деревню ид-
ти и стал просить у хозяина расчета. Только
не много пришлось ему получать денег, все-
го-навсего один полтинник. Взял он этот пол-
тинник и пошел за Калужскую заставу; смот-
рит – сидит на валу слепой нищий и просит
Христовым именем подаяния. Мужик подум-
мал-подумал и сжалился; подал ему полтин-
ник и сказывает: «Это, старичок, полтинник;
прими из него Христа ради семитку, а сорок
восемь копеек дай мне сдачи». Слепой поло-
жил полтинник в свою мошну и снова заты-
нул: «Православные христиане, Подайте Хри-
ста ради слепому-невидущему!» – «Что ж ты,
старик? Подавай мне сдачу». А он будто не
слышит: «Ничего, родимый! Еще солнышко
высоко, успею до двора помаленьку добре-
сти». – «Оглох, что ли? Мне самому идти доб-
рых сорок верст, деньги в дороге-то надоб-
ны!» Взяло мужика горе пуще острого ножа:
«Эй, – говорит, – старый черт! Подавай сдачу;

не то я с тобой разделаюсь по-своему!» И начал его поворачивать на все стороны. Слепой во всю глотку закричал: «Батюшки, грабят! Караул, караул!»

Побоялся мужик беды нажить, бросил слепого; лучше, думает про себя от греха уйти, а то не ровён час – прибегут караульные, да еще в город поведут! Отошел шагов с десяток али больше, остановился на дороге и все глядит на нищего: жалко, вишь, своих трудовых денег! А тот слепой на двух костылях ходил, и оба костыля при нем лежали: один с правого боку, другой с левого. Разгорелось у мужика сердце, рад всякое зло ему сделать: «Постой же, хоть костыль унесу да посмотрю, как-то ты домой поплетешься!» Вот подобрался потихонечку и утащил костыль; а слепой посидел немного времени, вылупил свои бельмы на солнце и говорит: «Ну, солнышко не высоко; чай, время и домой собираться. Эй вы, костылики, мои батюшки! Не пора ли ко двору идти?» Стал он шарить[363] с обеих сторон: слева-то костыль тут, а справа-то нету: «Уж этот мне костыль давно опостыл! Никогда его сразу не оцупаю». Пошарил-пошарил

и говорит сам с собой: «Знать, кто-нибудь надо мною шутку сшутил! Да ничего: и на одном добреду». Встал и поплелся на одном костыле; следом за ним пошел и мужик.

Шли, шли; недалече от деревни, у самого-таки перелеска, стоят две старых избушки. Подошел слепой к одной избушке, распоясался, снял с пояса ключ и отпер свою келью; только он отворил дверь настежь – а мужик поскорей туда, забрался наперед его, сел на лавку и дух притаил. «Посмотрю, – думает, – что дальше будет?» Вот слепой пошел в избушку, наложил на дверь изнутри крючок, оборотился к переднему углу и помолился на святые иконы; опосля бросил кушак с шапкою на прилавок и полез под печку – так и загремели сковородни да ухваты. Маленько погодя тащит оттудова бочонок; вытащил, поставил на стол и начал вытряхать из мошны набранные деньги да в бочонок класть; у того бочонка сбоку горлышко было малое – так, чтобы медному пятаку пролезть. Покидал туда деньги, а сам таково слово вымолвил: «Слава богу! Насилу пятьсот доровнял; да спасибо и тому молодцу, что полтинник дал; кабы не

он под руку попался, еще дня три просидел бы на дороге».

Усмехнулся слепой, сел на пол, раскорячился и ну покатывать бочонок с деньгами: покатит его от себя, а он ударится об стенку да назад к нему. «Дай подсоблю ему, – думает мужик, – полно ему, старому черту, куражиться!» – и тотчас к рукам прибрал бочонок с деньгами. «Ишь, зацепил за лавку!» – говорит слепой и пошел щупать; щупал, щупал – нет нигде; испугался, сердечный, отворил немного дверь, просунул голову и закричал: «Пантелей, а Пантелей! подь-ка, брат, сюда!»

Пришел Пантелей – такой же слепец; рядом с этим в другой келье жил. «Что такое?» – спрашивает он. «Да вишь какая притча вышла! Катал я по полу бочонок с деньгами, а куда он теперь девался – сам не ведаю; шутка ли – пятьсот рублей денег! Уж не стибрил ли кто? Кажись, в избе никого не было». – «Подделом вору и мука! – сказал Пантелей. – Вишь ты, старый, совсем из ума выжил! Словно малый ребенок, задумал деньгами играть; вот теперь и плачь от своей игры! А ты бы сделал по-моему: у меня своих, почитай, с пятьсот

рублев, вот я разменял их на ассигнации и зашил в эту старую шапчонку; небось на нее никто не польстится!»

Мужик услышал эти речи и думает: «Ладно! Ведь шапка у тебя к голове не гвоздем прибиита». Стал Пантелей входить в избу, только за порог переступил, а мужик цап-царап с него шапку, да в дверь, и побежал домой без оглядки. А Пантелей подумал, что шапку-то подцепил у него сосед, хватить его по рылу: «У нас, брат, так не делают! Свои деньги потерял да на чужие заришься!» Ухватили друг друга за честные волосы, и пошла у них драка великая. Пока они дрались, мужик далеко ушел; на те деньги он знатно поправился и зажил себе припеваючи.

ВОР

Жил-был старик со старухою; у них был сын по имени Иван. Кормили они его, пока большой вырос, а потом и говорят: «Ну, сынок, доселева мы тебя кормили, а нынче корми ты нас до самой смерти». Отвечал им Иван: «Когда кормили меня до возраста лет, то кормите и до уса». Выкормили его до уса и говорят: «Ну, сынок, мы кормили тебя до уса, теперь ты корми нас до самой смерти». – «Эх, батюшка, и ты, матушка, – отвечает сын, – когда кормили меня до уса, то кормите и до бороды». Нечего делать, кормили-поили его старики до бороды, а после и говорят: «Ну, сынок, мы кормили тебя до бороды, нынче ты нас корми до самой смерти». – «А коли кормили до бороды, так кормите и до старости!» Тут старик не выдержал, пошел к барину бить челом на сына.

Призывает господин Ивана: «Что ж ты, дармоед, отца с матерью не кормишь?» – «Да чем кормить-то? Разве воровать прикажете? Работать я не учился, а теперь и учиться поздно». – «А по мне как знаешь, – говорит ему ба-

рин, – хоть воровством, да корми отца с матерью, чтоб на тебя жалоб не было!» Тем временем доложили барину, что баня готова, и пошел он париться; а дело-то шло к вечеру. Вымылся барин, воротился назад и стал спрашивать: «Эй, кто там есть? Подать босовики!» [364]» А Иван тут как тут, стащил ему сапоги с ног, подал босовики; сапоги тотчас под мышку и унес домой. «На, батюшка, – говорит отцу, – снимай свои лапти, обувай господские сапоги».

Наутро хватился барин – нет сапогов; послал за Иваном: «Ты унес мои сапоги?» – «Знать не знаю, ведать не ведаю, а дело мое!» – «Ах ты, плут, мошенник! Как же ты смел воровать?» – «Да разве ты, барин, не сам сказал: хоть воровством, да корми отца с матерью? Я твоего господского приказы не хотел послушаться». – «Коли так, – говорит барин, – вот тебе мой приказ: украдь у меня черного быка из-под плуга; уворуешь – дам тебе сто рублей, не уворуешь – влеплю сто плетей». – «Слушаю-с!» – отвечает Иван.

Тотчас бросился он на деревню, стащил где-то петуха, ощипал ему перья, и скорей на

пашню; подполз к крайней борозде, приподнял глыбу земли, подложил под нее петуха, а сам за кусты спрятался. Стали плугатарии вести новую борозду, зацепили ту глыбу земли и своротили на сторону; ощищенный петух выскочил и что сил было побежал по кочкам, по рытвинам. «Что за чудо из земли выкопали!» – закричали плугатарии и пустились вдогонку за петухом. Иван увидал, что они побежали как угорелые, бросился сейчас к плугу, отрубил у одного быка хвост да воткнул другому в рот, а третьего отпряг и увел домой.

Плугатарии гонялись-гонялись за петухом, так и не поймали, воротились назад: черного быка нет, а пестрый без хвоста. «Ну, братцы, пока мы за чудом бегали, бык быка съел; черного-то совсем сожрал, а пестрому хвост откусил!» Пошли к барину с повинною головою: «Помилуй, отец, бык быка съел». – «Ах вы, дурачье безмозглое, – закричал на них барин, – ну где это видано, где это слыхано, чтоб бык да быка съел? Позвать ко мне Ивана!» Позвали. «Ты быка украл?» – «Я, барин». – «Куда же ты девал его?» – «Зарезал; кожу на базар снес, а мясом стану отца да мать кормить». – «Мо-

лодец, – говорит барин, – вот тебе сто рублей. Но украдь же теперь моего любимого жеребца, что стоит за тремя дверями, за шестью замками; уведешь – плачу двести рублей, не уведешь – влеплю двести плетей!» – «Изволь, барин, украду».

Вечером поздно забрался Иван в барский дом; входит в переднюю – нет ни души, смотрит – висит на вешалке господская одежда; взял барскую шинель да фуражку, надел на себя, выскочил на крыльцо и закричал громко кучерам и конюхам: «Эй, ребята! Оседлать поскорей моего любимого жеребца да подать к крыльцу». Кучера и конюхи признали его за барина, побежали в конюшню, отперли шесть замков, отворили трое дверей, вмиг все дело исправили и подвели к крыльцу оседланного жеребца. Вор сел на него верхом, ударил хлыстиком – только и видели!

На другой день спрашивает барин: «Ну, что мой любимый жеребец?» А он еще с вечера выкраден. Пришлось посылать за Иваном. «Ты украл жеребца?» – «Я, барин». – «Где ж он?» – «Купцам продал». – «Счастлив твой бог, что я сам украсть велел! Возьми свои двести

рублей. Ну, украдь же теперь керженского [365] наставника». – «А что, барин, за труды положишь?» – «Хочешь триста рублей?» – «Изволь, украду!» – «А если не украдешь?» – «Твоя воля; делай, что сам знаешь».

Призвал барин наставника. «Берегись, – говорит, – стой на молитве всю ночь, спать не моги! Ванька-вор на тебя похваляется». Перепугался старец, не до сна ему, сидит в келье да молитву твердит. В самую полночь пришел Иван-вор с рогозиным [366] кошельем и стучится в окно, «Кто ты, человек?» – «Ангел с небеси, послан за тобою унести живого в рай; полезай в кошель». Наставник сдуру и влез в кошель; вор завязал его, поднял на спину и понес на колокольню. Тащил-тащил. «Скоро ли?» – спрашивает наставник. «А вот увидишь! Сначала дорога хоть долга, да гладка, а под конец коротка, да колотлива».

Втащил его наверх и спустил вниз по лестнице; больно пришлось наставнику, пересчитал все ступеньки! «Ох, – говорит, – правду сказывал ангел: передняя дорога хоть долга, да гладка, а последняя коротка, да колотлива! И на том свете такой беды не знавал!» – «Тер-

пи, спасен будешь!» – отвечал Иван, поднял кошель и повесил у ворот на ограду, положил подле два березовых прута толщиной в палец и написал на воротах: «Кто мимо пройдет да не ударит по кошелью три раза – да будет анафема проклят!» Вот всякий, кто ни проходит мимо, – непременно стегнет три раза. Идет барин: «Что за кошель висит?» Приказал снять его и развязать. Развязали, а оттуда лезет керженский наставник. «Ты как сюда попал? Ведь говорил тебе: берегись, так нет! Не жалко мне, что тебя прутьями били, а жалко мне, что из-за тебя триста рублей даром пропали!»

* * *

Был старик со старухой, у них сын Климка. Думали-гадали, в какое мастерство отдать его учиться, и придумали отдать вору на выучку. Долго ль, коротко ль, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается; жил Климка у мастера-вора, да и выучился воровать на славу; не ведал только, как у сороки яйца красть. «Пойдем, – говорит мастер Климке, – я покажу тебе, как у сороки яйца крадут. Показал бы я тебе, как штаны с живого человека

снять, да сам не умею!» Вот полез мастер на дерево; яиц у сороки украсть не удалось, а Климка штаны с него стибрил. «Нечему мне тебя учить, – говорит мастер Климке, – ты сам меня научишь!»

Пришел Климка к отцу, к матери и стал кормить их своим мастерством. Что ни увидит – так в избу и тацит; повесят ли бабы сорочки сушить, станут ли холсты белить – он все к рукам приберет. Собрались крестьяне миром и пошли жаловаться барину: «Появился-де вор Климка, богатых мужиков разорил, а бедных совсем оголил». – «Что ж вы, дурачье, его не изловите?» – «Не такой вор, батюшка! Так востёр, так хитёр, что, кажись, изпод птицы яйца выкрадет!» Захотелось барину попробовать Климовой удали, велел позвать его. Пришел Климка. «Можешь ли украсть у меня барана?» – «Могу!»

Вот барин и наказал пастухам беречь баранов от Климки-вора. Пастухи погнали стадо в поле, а Климка-вор забежал вперед, сделал петлю, да такую хитрую, что повиснуть на ней можно, а удавиться нельзя, взлез на березу и надел на шею петлю, будто повесился.

Как увидали его пастухи – и бегут перестали. А Климка соскочил с дерева, забежал опять вперед, взлез на осину и зацепил веревку на шею. Подошли пастухи, глядь – Климка-вор и здесь висит! Один пастух говорит: «Климка на осине повесился!», а другой говорит: «Врешь, это не он; Климка на березе повесился!» Спорили-спорили и побились об заклад; побежали смотреть, кто повис на березе? Тем временем Климка соскочил с дерева, барана за рога да в кабак. Наутро призывает барин Климку: «Ты украл барана?» – «Я». – «Где же он?» – «Продал». – «А деньги где?» – «Пропил». – «Украдь же теперь у меня шкатулку с деньгами». – «Изволь!»

Барин взял шкатулку, нарочно у окна поставил, себе ружье достал, а лакеям дал сабли: «Пускай-ка сунется, мы его примем по-своему!» Ночью Климка-вор украл козла, поднял окно, просунул в горницу козлиную голову и тычет прямо на барина. Барин и лакеи думают: сам черт лезет; пороняли ружье и сабли и попадали со страстей на пол, а Климка за шкатулку, да и был таков! Наутро призывает барин Климку: «Ты унес шкатулку?» –

«Я». – «Где ж она?» – «Разломал». – «А деньги где?» – «Промотал да пропил». – «Теперь украдь у меня лошадь». – «Изволь!»

Наказал барин конюхам беречь лошадь пуще своего глаза: одному велел за хвост держать, другому за повод, третьего верхом посадил, еще двух у дверей поставил с дубинами. Климка надел барское платье, и только стемнело – пошел в конюшню. «Вы здесь, ребята?» – закричал Климка и голос свой переменил – точь-в-точь как у барина. «Здесь», – отвечают конюхи. «Небось озябли?» – «Озябли, барин!» – «Ну вот погрейтесь, я принес вам водки; только смотрите, стеречь хорошенько!» – «Рады стараться!» Напоил Климка всех конюхов допьяна; верхового посадил на слегу, [367] который за повод держал – тому дал веревку, который за хвост – тому пук соломы, а что у дверей стояли – тех за волосы скрутил друг с дружкой; сам вскочил на лошадь, приударил плеткою – и след его простыл.

Утром приходит барин в конюшню: лошадь украдена, а конюхи спят с похмелья. Как прикрикнет, затопает ногами – что тут

было только! Один конюх со слези упал, все кишки отбил; другой спросонок забормотал: «Стой, одёр! Тпррру!» А двое, за волоса связанные, потянулись в разные стороны и давай рваться, давай угощать друг друга тумачами да подзатыльниками. Плюнул барин и послал за Климкую. «Ты украл лошадь?» – «Я». – «Где ж она?» – «Продал». – «А деньги где?» – «Промотал да пропил». – «Ну, черт с тобой!»

* * *

Жил барин именитый, у него был крестьянин Каньга, по прозвищу Лыга; сам барин так его прозвал за то, что дюже много облыгал. Вот посылает барин: «Призовите, – говорит, – ко мне Каньгу-Лыгу». Лыга пришел. «Ну что, Каньга! – говорит барин. – Сказывают, ты дюже фастаешься, что ты хитер на разные этакие проворные дела. Уведешь ли ты крестьянских лошадей?» – «Уведу». – «Врешь! Я вот пошлю семьдесят пять подвод с просом на мельницу; ежели ты уведешь, так дам тебе, – говорит, – тысячу рублей». – «Ладно, барин, только дайте задатку». – «Изволь!» Вынул трехрублевую и отдал.

Вот отправил барин семьдесят пять возов с

просом на мельницу; мужики поехали через бор. А Лыга-то впереди их поспел да в бору поперек дороги на лежнях[368] быдто повесился. Один мужик подходит: «О, – говори, – да это Лыга! Что ты тут делаешь?» Он молчит. Вот тот возьмет – хлопнет его кнутом, другой возьмет – хлопнет, он все молчит, как мертвый какой! Поехали дальше, а Лыга-то рысью успел вперед взять, да на дороге опять и повесился. Как мужики-то подъехали, один и говорит: «Ба! Да это никак Лыга?» А другой говорит: «Нет, не он! Лыга там позади остался». – «А давай об заклад, что он». – «Давай!» Вот ударились об заклад. «Ну, – говорят, – пойдём взад – посмотрим; мы еще недалече отъехали».

Пошли двое, а за ними и все побегли. Лыга, увидавши, что мужиков нет, а подводы тут, взял отвязался и погнал подводы ближнею дорогою к себе на двор. Мужики приходят: нет ни возов, ни лошадей. Послали своего старосту доложить барину, что так и так: все подводы пропали. «Эх, – говорит барин, – верно это Лыга, сучий сын, проказит! Ступай к нему да возьми все назад». Староста пришел к

Лыге: «Что, у тебя подводы с просом?» – «У меня». – «Барин велел назад взять». – «Пускай-ка наперед тысячу рублей пришлет!»

ВОРОВАТЫЙ МУЖИК

Жила-была старуха, у ней было два сына: один-то помер, а другой в дальнюю сторону уехал. Дня три спустя как уехал сын, приходит к ней солдат и просится: «Бабушка, пусти ночевать». – «Иди, родимый. Да ты откуда?» – «Я, бабушка, Никонец, с того свету выходец». – «Ах, золотой мой! У меня сыночек помер; не видал ли ты его?» – «Как же, видел; мы с ним в одной горнице жили». – «Что ты!» – «Он, бабушка, на том свете журавлей пасет». – «Ах, родненький, чай он с ними замаялся?» – «Еще как замаялся! Ведь журавли-то, бабушка, всё по шиповнику бродят». – «Чай, он обносился?» – «Еще как обносился-то, совсем в лохмотьях». – «Есть у меня, родимый, аршин сорок холста да рублей с десятков денег; отнеси к сынку». – «Изволь, бабушка!» Долго ли, коротко ли, приезжает сын: «Здравствуй, матушка!» – «А ко мне без тебя приходил Никонец, с того свету выходец, про

покойного сынка сказывал; они вместе в одной горнице жили; я услала с ним туда холстик да десять рублей денег». – «Коли так, – говорит сын, – прощай, матушка! Я поеду по вольному свету; когда найду дураковатей тебя – буду тебя и кормить и поить, а не найду – со двора спихну!» Повернулся и пошел в путь-дорогу.

Приходит в господску деревню, остановился возле барского двора, а на дворе ходит свинья с поросятами; вот мужик стал на колени и кланяется свинье в землю. Увидала то из окна барыня и говорит девке: «Ступай спроси, чего мужик кланяется?» Спрашивает девка: «Мужичок, чего ты на коленях стоишь да свинье поклоны бьешь?» – «Матушка! Доложи барыньке, что свинья-то ваша пестра, моей жене сестра, а у меня сын завтра женится, так на свадьбу прошу. Не отпустит ли свинью в свахи, а поросят в поезд?» Барыня как выслушала эти речи, и говорит девке: «Какой дурак! Просит свинью на свадьбу, да еще с поросятами. Ну что ж! Пусть с него люди посмеются. Наряди поскорей свинью в мою шубу да вели запрячь в повозку пару лошадей, пусть

не пешком идет на свадьбу». Запрягли повозку, посадили в нее наряженну свинью с поросятами и отдали мужику; он сел и поехал назад.

Вот воротился домой барин, а был он в то время на охоте. Барыня его встречает, сама со смеху помирает: «Ах, душенька! Не было тебя, не с кем было посмеяться. Был здесь мужичок, кланялся нашей свинье: ваша свинья, говорит, пестра – моей жене сестра, и просил ее к своему сыну в свахи, а поросят в поезжане». – «Я знаю, – говорит барин, – ты ее отдала». – «Отпустила, душенька! Нарядила в свою шубу и дала повозку с парой лошадей». – «Да откуда мужик-то?» – «Не знаю, голубчик!» – «Это, выходит, не мужик – дурак, а ты – дура!» Рассердился барин, что жену обманули, выбежал из хором, сел на виноходца и поскакал в погоню.

Слышит мужик, что барин его нагоняет, завел лошадей с повозкою в густой лес, а сам снял с головы шляпу, опрокинул наземь и сел возле. «Эй ты, борода! – закричал барин. – Не видал ли – не проехал ли здесь мужик на паре лошадей? Еще у него свинья с поросятами

в повозке». – «Как не видать! Уж он давно проехал». – «В какую сторону? Как бы мне его догнать!» – «Догнать – не устать, да поворток много; того и смотри заплутаешься. Тебе, чай, дороги неведомы?» – «Поезжай, братец, ты, поймай мне этого мужика!» – «Нет, барин, мне никак нельзя! У меня под шляпою сокол сидит». – «Ничего, я постерегу твоего сокола». – «Смотри, еще выпустишь! Птица дорогая! Меня хозяин тогда со свету сживет». – «А что она стоит?» – «Да рублей триста будет». – «Ну коли упусти, так заплачу». – «Нет, барин, хоть теперь ты сулишь, а что после будет – не ведаю». – «Экой невера! Ну вот тебе триста рублей про всякий случай». Мужик взял деньги, сел на виноходца и поскакал в лес, а барин остался пустую шляпу караулить.

Долго ждал барин; уж и солнышко закатывается, а мужика нет как нет! «Постой, посмотрю: есть ли под шляпою сокол? Коли есть, так приедет; а коли нет, так и ждать нечего!» Поднял шляпу, а сокола и не бывало! «Экой мерзавец! Ведь, наверно, это был тот самый мужик, что барыню обманул!» Плюнул с досады барин и поплелся к жене; а мужик

уж давно дома. «Ну, матушка, – говорит старухе, – живи у меня; есть на свете и тебя дурашливее. Вот ни за что ни про что дали тройку лошадей с повозкою, триста рублей денег да свинью с поросятами».

СОЛДАТСКАЯ ЗАГАДКА

Шли солдаты прохожие, остановились у старушки на отдых. Попросили они попить да поесть, а старуха отзывается: «Детоньки, чем же я вас буду потчевать? У меня ничего нету». А у ней в печи был вареный петух – в горшке, под сковородой. Солдаты это дело смекнули; один – вороватый был! – вышел на двор, раздергал воз со снопами, воротился в избу и говорит: «Бабушка, а бабушка! Посмотри-ка, скот-ат у тебя хлеб ест». Старуха на двор, а солдаты тем времечком заглянули в печь, вынули из горшка петуха, наместо его положили туда ошмёток,[369] а петуха в суму спрятали. Пришла старуха: «Детоньки, миленьки! Не вы ли скота-то пустили? Почто же, детоньки, пакостите? Не надо, миленьки!» Солдаты помолчали-помолчали да опять попросили: «Дай же, бабушка, поесть нам!» –

«Возьмите, детоньки, кваску да хлебца; будет с вас!»

И вздумала старуха похвалиться, что провела[370] их, и заганула им загадку: «А что, детоньки, вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мне: ныне в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович?» – «Нет, бабушка!» – «А кто же, детоньки, вместо его?» – «Да Липан Липанович[371]». – «А где же Курухан Куруханович?» – «Да в Сумин город переведен, бабушка». После того ушли солдаты. Приезжает сын с поля, просит есть у старухи, а она ему: «Подди-ка сынок! Были у меня солдаты да просили закусить, а я им, дитяtko, заганула загадочку про петуха, что у меня в печи; они не сумели отгадать-то». – «Да какую ты, матушка, заганула им загадку?» – «А вот какую: в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович? Они не отганули. „Нет, бают, бабушка!“ – „Где же он, родимые?“ – „Да в Сумин город переведен“. А того и не знают, курвины дети, что у меня в горшке-то есть!» Заглянула в печь, ан петух-то улетел; только лапоть вытащила. «Ахти, дитяtko,

обманули меня проклятые!» – «То-то, матушка! Солдата не проведешь, он – человек бывалый».

МЕРТВОЕ ТЕЛО

В некоем царстве, не в нашем государстве жила старушка-вдова; у ней было два сына умных, а третий дурак. Стала мать помирать, стала имение отказывать – кому что, и просит умных: «Не обделите, сынки, дурака; было бы всем поровну!» Вот старуха померла, умные братья разделили все имение меж собой, а дураку ничего не дали. Дурак схватил покойницу со стола и потащил на чердак. «Что ты, дурак! – закричали на него братья. – Куда поволок?» А дурак в ответ: «Вы двое все добро себе забрали; мне одна матушка осталась!» Втащил наверх и принялся кричать во все горло: «Люди добрые, поглядите – матушку убили!» Братья видят – худо дело! – и говорят ему: «Дурак, не кричи! Вот тебе сто рублей; вот тебе лошадь!»

Дурак взял деньги, запряг лошадь, посадил старуху на дровни и повез ее, словно живую, на большую дорогу. Скачет навстречу ему ба-

рин, колокольчик под дугой так и заливается: дурак с дороги не сворачивает. «Эй ты, олух, вороти в сторону!» – кричит барин. «Сам вороти!» – отвечает дурак. Барин осерчал, заругался, не велел сворачивать, наскочил на дровни и опрокинул набок; старуха упала, а дурак завопил: «Караул, караул! Барин матушку до смерти зашиб!» – «Молчи, дуралей, вот тебе сто рублей». – «Давай триста». – «Черт с тобой! Бери триста, только кричать перестань». Дурак взял с барина деньги, положил старуху на дровни и поехал в ближнее село; пробрался задами к попу на двор, залез в погреб, видит – стоят на льду кринки с молоком. Он сейчас снимал с них покрышки, приволок свою старуху и усадил возле на солому; в левую руку дал ей кувшин, в правую – ложку, а сам за кадку спрятался.

Немного погодя пошла на погреб попадья; глядь – незнамо чья старуха сметану с кринок сымает да в кувшин собирает; попадья ухватила палку, как треснет ее по голове – старуха свалилась, а дурак выскочил и давай кричать: «Батюшки-светы, караул! Попадья матушку убила!» Прибежал поп: «Молчи, – го-

ворит, – я тебе сто рублей заплачу и мать даром схороню». – «Неси деньги!» Поп заплатил дураку сто рублей и похоронил старуху. Дурак воротился домой с деньгами; братья спрашивают: «Куда мать девал?» – «Продал, вот и денежки». Завидно стало братьям, стали сговариваться: «Давай-ка убьем своих жен да продадим. Коли за старуху столько дали, за молодых вдвое дадут». Ухлопали своих жен и повезли на базар; там их взяли, в кандалы заковали и сослали в Сибирь. А дурак остался хозяином и зажил себе припеваючи, мать поминуючи.

ШУТ

В одной деревне жил шут. Какой-то поп вздумал ехать к нему, говорит попадье: «Ехать было к шуту, не сшутит ли каку шутку!» Собрался и поехал; шут по двору похаживает, за хозяйством присматривает. «Бог в помощь, шут!» – «Добро жаловать, батюшка! Куда тебя бог понес?» – «К тебе, свет; не сшутит ли шутку мне?» – «Изволь, батюшка; только шутку-то я оставил у семи шутов, дак снаряди потеплей да дай лошади съездить за нею». Поп дал ему лошадь, тулуп и шапку. Шут сел и поехал. Приехал к попадье и говорит: «Матушка! Поп купил триста пудов рыбы; меня вот послал на своей лошади к тебе за деньгами, триста рублей просит». Попадья тотчас отсчитала ему триста рублей; шут взял и поехал назад. Приезжает домой, тулуп и шапку положил в сани, лошадь в ограду пустил, а сам спрятался. Поп пождал-пождал, не мог дожждаться, собрался и воротился к попадье. Она спрашивает: «А где рыба-то?» – «Какая рыба?» – «Как какая! Шут приезжал за деньгами, сказывал, будто ты заторговал три-

ста пудов рыбы; я ему триста рублей дала». Узнал поп, каковую шутку сыграл над ним шут!

На другой день собрался, и опять к шуту. Шут знал, что поп приедет, переоделся женщиной, взял пресницу[372] и сел под окошко, сидит да прядет. Вдруг поп: «Бог в помочь!» – «Добро жаловать!» – «Дома шут?» – «Нету, батюшка!» – «Где же он?» – «Да ведь он, батюшка, с тобой вчерась пошутил да после того и дома не бывал». – «Экой плут! Видно, назавтрее приезжать». На третий день приехал; шута все нет дома. Поп и думает: «Чего же я езжу без дела? Эта девка, знать, сестра его, увезу ее домой, пусть зарабатывает[373] мои деньги». Спрашивает ее: «Ты кто же? Как шуту доводишься?» Она говорит: «Сестра». – «Шут у меня триста рублей денег взял, так ступай-ка, голубушка, зарабатывай их...» – «Дак что! Ехать дак ехать!» Собралась и поехала с попом. Живет у него уж и долго.

У попа были дочери-невесты. Вдруг к нему сватовщики – какой-то богатый купец начал сватать дочь за сына. Поповски дочери что-то купцу не понравились, не поглянулись, он и

высватал стряпку,[374] шутову сестру. Веселым пирком да и за свадебку. Справили все как следует. Ночью молодая говорит мужу: «Высади меня в окошко по холсту поветрить-ся; а как тряхну холстом, назад тяни». Муж спустил ее в сад; женушка привязала вместо себя козлуху, тряхнула – молодой потащил. Притащил в горницу, смотрит – козлуха. «Ох, злые люди испортили у меня жену-то!» – закричал молодой; все сбежались, начали возиться с козлухой; дружки взялись наговаривать, чтобы обратить ее в женщину, и совсем доконали-замучили: пропала[375] козлуха!

Шут между тем пришел домой, переоделся и поехал к попу. Тот его встретил: «Милости просим, милости просим!» – угощает. Шут сидит, ест да пьет; те-други разговоры; он и спрашивает: «Батюшка, где же моя сестра? Не увозил ли ты?» – «Увез, – говорит поп, – да и отдал взамуж за богатого купца». – «А как же, батюшка, без моего спросу отдали ее взамуж? Разе[376] есть таки законы? Ведь я просить пойду!» Поп биться-биться с ним, чтобы не ходил в просьбу. Шут выпросил с него триста рублей; поп отдал. Шут взял и говорит опять:

«Ладно, батюшка, теперь своди-ка меня к сватушку-то; покажи, каково они живут». Поп не захотел спорить; собрались и поехали.

Приезжают к купцу; тут их встретили, начали потчевать. Шут сидит уж и дивно[377] времени – сестры не видать, и говорит он: «Сватушка, где же моя-то сестра? Я давно с ней не видался». Те посемывают.[378] Он опять спрашивает; они и сказали ему, что злы люди похимостили,[379] испортили ее в козлуху. «Покажите козлуху!» – просит шут; они говорят: «Козлуха пропала». – «Нет, не козлуха пропала, а вы разве мою сестру убили; как сделаться ей козлухой! Пойду просить на вас». Те ну просить его: «Не ходи, пожалуйста не ходи просить; чего хочешь бери!» – «Отдайте триста рублей, не пойду!» Деньги отсчитали, шут взял и ушел, сделал где-то гроб, склал в него деньги и поехал.

Вот едет шут, а навстречу ему семь шутов; спрашивают: «Чего, шут, везешь?» – «Деньги». – «А где взял?» – «Где взял! Вишь, покойника продал и везу теперь полон гроб денег». Шуты, ничего не говоря, приехали домой, перебили всех своих жен, поделали гроба, скла-

ли на телеги и везут в город; везут и кричат: «Покойников, покойников! Кому надо покойников?» Услыхали это казаки, живо подскакали и давай их понужать плетями; драли-драли, еще с приговорами: «Вот вам покойники! Вот вам покойники!» – и проводили вон из города. Еле-еле убрались шуты; покойников схоронили, сами и ступай к шуту отмстить за насмешку; тот уж знал, вперед изготовился.

Вот они приехали, вошли в избу, поздоровались, сели на лавку; а у шута в избе была козлуха: она бегала-бегала, вдруг и выронила семигривенник. Шуты увидели это, спрашивают: «Как это козлуха-то семигривенник выронила?» – «Она у меня завсегда серебро носит!» Те и приступили: продай да продай! Шут упрямится, не продает: самому-де надо. Нет, шуты безотступно торгуют. Он запросил с них триста рублей. Шуты дали и увели козлуху; дома-то поставили ее в горнице, на пол ковров настлали, дожидаются утра, думают: «Вот когда денег-то наносит!» А вместо того она только ковры изгадила.

Шуты опять поехали мстить тому шуту. Тот уже знал, что они будут; говорит своей

жене: «Хозяйка, смотри, я тебе привяжу под пазуху пузырь с кровью; как придут шуты бить меня, я в те поры стану просить у тебя обедать; раз скажу – ты не слушай, другой скажу – не слушай, и в третий – тоже не слушай. Я ухвачу нож и ткну в пузырь, кровь побежит – ты и пади, будто умерла. Тут я возьму плетку, стегну тебя раз – ты пошевелись, в другой – ты поворотись, а в третий – скочи да на стол собирай». Вот приехали шуты: «Ну, брат, ты нас давно обманываешь, теперича мы тебя убьем». – «Дак что! Убьете – так убьете; дайте хоть в последний раз пообедать. Эй, хозяйка! Давай обедать». Та ни с места; он вдругорядь приказывает – она ни с места; в третий раз говорит – то же самое. Шут схватил ножик, хлоп ее в бок – кровь полилась ручьями, баба пала, шуты испугались: «Что ты наделал, собака? И нас упекёшь тут же!» – «Молчите, ребята! У меня есть плетка; я ее вылечу».

Сбегал за плеткой, стегнул раз – хозяйка пошевелилась, в другой – поворотилась, в третий – скочила и давай на стол собирать. Шуты говорят: «Продай плетку!» – «Купите». –

«Много ли возьмешь?» – «Триста рублей». Шуты отсчитали деньги, взяли плетку, ступай с ней в город; видят – везут богатого покойника, они кричат: «Стой!» Остановились. «Мы оживим покойника!» Раз стегнули плеткой – покойник не шевелится, в другой раз – тоже, в третий, четвертый, пятый – покойник все не шевелится. Тут их, сердешных, забрали и давай самих драть; плетьюми стегают да приговаривают: «Вот вам, лекаря! Вот вам, лекаря!» До полусмерти истегали, отпустили. Они кое-как доплелись до двора, поправились и говорят сами с собой: «Ну, ребята, не докуль шуту над нами смеяться; пойдёмте уьём его! Чего на него смотреть-то?»

Тотчас собрались и поехали; застали шута дома, схватили и потащили на реку топить. Он просится: «Дайте хоть с женой да с родней проститься, приведите их сюда!» Ну, согласились, пошли все за родней; а шута завязали в куль и оставили у проруби. Только ушли, вдруг едет солдат на паре каурых, а шут что-то и скашлял. Солдат остановился, соскочил с саней, развязал куль и спрашивает: «А, шут! Пошто залез тут?» – «Да вот высватали за ме-

ня убегом таку-то (называет ее по имени), сегодня и украли; а отец и хватился, давай искать. Нам некуда деваться; вот мы спрятались в кули, нас завязали да и растащили по разным местам, чтоб не узнали». Солдат был вдовый, говорит: «Пусти, брат, меня в куль-от». Шут упрямится, не пускает. Солдат уговаривать, и уговорил его. Шут вышел, завязал солдата в куль; сел на лошадей и уехал. Солдат сидел-сидел в кулю и уснул.

Семь шутов воротились одни, без родни, схватили куль и бросили в воду; пошел куль ко дну – буры да кауры! Сами побежали домой; только прибежали, расселись по местам, а шут и катит мимо окон на паре лошадей – ух! «Стой!» – закричали семеро шутов. Он остановился. «Как ты из воды выбился?» – «Эх вы, дураки! Разве не слышали: как пошел я ко дну, то сказывал: буры да кауры? Это я коней имал. Там их много, да какие славные! Это что еще! Я дрянь взял – спереди, а там дальше вороные – вот так лошади!» Шуты поверили: «Спускай, брат, нас в воду; пойдём и мы коней выбирать». – «Извольте!» Всех извязал в кули и давай спускать по одному; выпускал

всех в воду, махнул рукой и сказал: «Ну, выезжайте же теперь на вороных!»

ИВАНУШКА-ДУРАЧОК

Был-жил старик со старухою; у них было три сына: двое – умные, третий – Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил. В одно время наварила старуха аржаных клецок и говорит дураку: «На-ка, снеси эти клецки братьям; пусть поедят». Налила полный горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям. День был солнечный; только вышел Иванушка за околицу, увидел свою тень сбоку и думает: «Что это за человек со мной рядом идет, ни на шаг не отстает? Верно, клецок захотел?» И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все сбоку идет. «Эка ненасытная утроба!» – сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком – разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают: «Ты, дурак, зачем?» – «Вам обед принес». – «Где же обед? Да-

вай живее». – «Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо какой человек, да все и поел!» – «Какой-такой человек?» – «Вот он! И теперь рядом стоит!» Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать.

Принялся дурачок пасти: видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать; всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радехонек, словно дело сделал. Братья пообедали, воротились в поле. «Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое?» – «Да пошто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались; я и придумал: стал их ловить, в кучу собирать, глаза выдирать; во как умаялся!» – «Постой, еще не так умаешься!» – говорят братья и давай угощать его кулаками; порядком-таки досталось дураку на орехи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушку-дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушка: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка была такая,

знать, неудалая, везет – не везет! «А что, – думает себе Иванушка, – ведь у лошади четыре ноги, и у стола тож четыре; так стол-от и сам добежит». Взял стол и выставил на дорогу. Едет-едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и вьются над ним да всё каркают. «Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались!» – подумал дурачок; выставил блюда с ествами наземь и начал потчевать: «Сестрицы-голубушки, кушайте на здоровье!» А сам все вперед да вперед подвигается.

Едет Иванушка перелеском; по дороге всё пни обгорелые. «Эх, – думает, – ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!» Взял понадевал на них горшки да корчаги. Вот доехал Иванушка до реки, давай лошадь поить, а она не пьет. «Знать, без соли не хочет!» – и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет. «Что ж ты не пьешь, волчье мясо! Разве задаром я мешок соли высыпал?» Хватил ее поленом, да прямо в голову, и убил наповал. Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет; ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! А он думает, что ложки-то говорят: «Иванушка-ду-

рак!» – бросил их и ну топтать да приговаривать: «Вот вам Иванушка-дурак! Вот вам Иванушка-дурак! Еще вздумали дразнить, негодные!»

Воротился домой и говорит братьям: «Все искупил, братики!» – «Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки-то?» – «А стол-от бежит, да, знать, отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то поиво лошади посолил, а ложки дразнятся – так я их на дороге покинул». – «Ступай, дурак, поскорее собери все, что разбросал по дороге». Иванушка пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину – всяких: и больших и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит. «Пиво, не броди, дурака не дразни!» – говорит Иванушка. Нет, пиво не слушается; взял да и выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли

Иванушку, зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать. На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушка и ну кричать: «Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!» – «Постой, дурак, – сказал барин, – я умею и судить и рядить; вылезай из куля!» Иванушка вылез из куля, зашил туда барины, а сам сел в его повозку и уехал из виду. Пришли братья, спустили куль под лед и слушают, а в воде так и буркает. «Знать, бурка ловит!» – проговорили братья и побрели домой. Навстречу им откуда ни возьмись едет на тройке Иванушка, едет да прихвастывает: «Вот-ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сивко – такой славный!» Завидно стало братьям; говорят дураку: «Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорей в прорубь! Не уйдет от нас сивко...» Опустил их Иванушка-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать. Был у Иванушки колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

ДУРАК И БЕРЕЗА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик, у него было три сына: двое – умных, третий – дурак. Помер старик, сыновья разделили имение по жеребью: умным досталось много всякого добра, а дураку один бык – и тот худой! Пришла ярмарка, умные братья собираются на торг ехать. Дурак увидал и говорит: «И я, братцы, поведу своего быка продавать».

Зацепил быка веревкою за рога и повел в город. Случилось ему идти лесом, а в лесу стояла старая сухая береза; ветер подует – и береза заскрипит. «Почто береза скрипит? – думает дурак. – Уж не торгует ли моего быка? – Ну, – говорит, – коли хочешь покупать – так покупай; я не прочь продать! Бык двадцать рублей стоит; меньше взять нельзя... Вынимай-ка деньги!» Береза ничего ему не отвечает, только скрипит; а дураку чудится, что она быка в долг просит. «Изволь, я подожду до завтраго!» Привязал быка к березе, распрощался с нею и пошел домой. Вот приехали умные братья и стали спрашивать: «Ну что, ду-

рак, продал быка?» – «Продал». – «За дорого?» – «За двадцать рублей». – «А деньги где?» – «Денег еще не получал; сказано – завтра придеть». – «Эх ты – простота!»

На другой день поутру встал дурак, снаряжился и пошел к березе за деньгами. Приходит в лес – стоит береза, от ветру качается, а быка нету; ночью волки съели. «Ну, земляк, подавай деньги, ты сам обещал, что сегодня заплатишь». Ветер подул – береза заскрипела, а дурак говорит: «Ишь ты какой неверный! Вчера сказывал: завтра отдам, и нонче то же сулишь! Так и быть, подожду еще один день, а уж больше не стану – мне самому деньги надобны». Воротился домой. Братья опять к нему пристають: «Что, получил деньги?» – «Нет, братцы, пришлось еще денек подождать». – «Да кому ты продал?» – «Сухой березе в лесу». – «Экой дурак!»

На третий день взял дурак топор и отправился в лес. Приходит и требует денег. Береза скрипит да скрипит. «Нет, земляк, коли все будешь завтраками потчевать, так с тебя никогда не получишь. Я шутить-то не люблю, живо с тобой разделаюсь!» Как хватит ее то-

пором – так щепки и посыпались во все стороны. В той березе было дупло, а в том дупле разбойники спрятали полный котел золота. Распалось дерево надвое, и увидел дурак чистое золото; нагреб целую полу и потащил домой, принес и показывает братьям. «Где ты, дурак, добыл столько?» – «Земляк за быка отдал; да тут еще не сполна все, чай и половины домой не притащил! Пойдемте-ка, братцы, забирать остальное!» Пошли в лес, забрали деньги и несут домой. «Смотри же, дурак, – говорят умные братья, – никому не сказывай, что у нас столько золота». – «Небось не скажу!»

Вдруг попадается им навстречу дьячок. «Что вы, ребята, из лесу тащите?» Умные говорят: «Грибы». А дурак поперечит: «Врут они! Мы деньги несем; вот посмотри!» Дьячок так и ахнул, бросился к золоту и давай хватать пригоршнями да в карман, совать. Дурак рассердился, ударил его топором и убил до смерти. «Эх, дурак! Что ты наделал? – закричали братья. – Сам пропадешь и нас заубишь! Куда теперь мертвое тело девать?» Думали-думали и стащили его в пустой погреб,

да там и бросили.

Поздно вечером говорит старший брат середнему: «Дело-то выходит неладно! Как станут про дьячка разыскивать, ведь дурак все расскажет. Давай-ка убьем козла да схороним в погреб, а мертвое тело зароем в ином месте». Дождали они глухой ночи, убили козла и бросили в погреб, а дьячка снесли в иное место и зарыли в землю. Прошло несколько дней, стали про дьячка везде разыскивать, у всех спрашивать; дурак и отозвался: «На что он вам? А намедни я его топором убил, а братья на погреб снесли».

Тотчас ухватились за дурака: «Веди, показывай!» Дурак полез в погреб, достал козлиную голову и спрашивает: «Ваш дьячок черный?» – «Черный». – «И с бородою?» – «Да, и с бородою». – «И рога есть?» – «Какие там рога, дурак!» – «А вот смотрите!» – и выбросил голову. Люди смотрят – как есть козел, плюнули дураку в глаза и разошлись по домам. Сказке конец, а мне меду корец.

НАБИТЫЙ ДУРАК

Жил-был старик со старухою, имели при себе одного сына, и то дурака. Говорит ему мать: «Ты бы, сынок, пошел, около людей потерся да ума набрался». – «Постой, мама; сейчас пойду». Пошел по деревне, видит – два мужика горох молотят, сейчас подбежал к ним; то около одного потрется, то около другого. «Не дури, – говорят ему мужики, – ступай, откуда пришел»; а он знай себе потирается.

Вот мужики озлобились и принялись его цепами потчевать: так ошарашили, что едва домой приполз. «Что ты, дитяtko, плачешь?» – спрашивает его старуха. Дурак рассказал ей свое горе. «Ах, сынок, куда ты глупешенек! Ты бы сказал им: бог помочь, добрые люди! Носить бы вам – не переносить, возить бы – не перевозить! Они б тебе дали гороху; вот бы мы сварили, да и скушали».

На другой день идет дурак по деревне; навстречу несут упокойника. Увидал и давай кричать: «Бог помочь! Носить бы вам – не переносить, возить бы – не перевозить!» Опять

его прибили; воротился он домой и стал жаловаться. «Вот, мама, ты научила, а меня прибили!» – «Ах ты, дитятко! Ты бы сказал: „Канун да свеча!“ да снял бы шапку, начал бы слезно плакать да поклоны бить; они б тебя накормили-напоили досыта». Пошел дурак по деревне, слышит – в одной избе шум, веселье, свадьбу празднуют; он снял шапку, а сам так и разливается, горько-горько плачет. «Что это за невежа пришел, – говорят пьяные гости, – мы все гуляем да веселимся, а он словно по мертвому плачет!» Выскочили и порядком ему бока помяли...

ЛУТОНЮШКА

Жил-был старик со старухой; был у них сын-нок Лутоня. Вот однажды старик с Лутоню занялись чем-то на дворе, а старуха была в избе. Стала она снимать с гряд[380] полено, уронила его на загнетку[381] и тут превеликим голосом закричала и завопила. Вот старик услышал крик, прибежал поспешно в избу и спрашивает старуху: о чем она кричит? Старуха сквозь слез стала говорить ему: «Да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел на загнетке – я бы его ведь ушибла поленом-то!» Ну, и старик начал вместе с нею кричать о том, говоря: «И то ведь, старуха! Ты ушибла бы его!..» Кричат оба что ни есть мочи!

Вот бежит со двора Лутоня и спрашивает: «О чем вы кричите?» Они сказали о чем: «Если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сыночек, и если б он давеча[382] сидел вот здесь, старуха убила бы его поленом: оно упало прямо сюда, да таково резко!» – «Ну, – сказал Лутоня, – исполать вам!» Потом взял свою шап-

ку в охাপку и говорит: «Прощайте! Если я найду кого глупее вас, то приду к вам опять, а не найду – и не ждите меня!» – и ушел.

Шел-шел и видит: мужики на избу тащат корову. «Зачем вы тащите корову?» – спросил Лутоня. Они сказали ему: «Да вот видишь, сколько выросло там травы-то!» – «Ах, дураки набитые!» – сказал Лутоня, взял залез на избу, сорвал траву и бросил корове. Мужики ужасно[383] тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы он у них пожил да поучил их. «Нет, – сказал Лутоня, – у меня таких дураков еще много по белу свету!» – и пошел дальше.

Вот в одном селе увидал он толпу мужиков у избы: привязали они в воротах хомут и палками вгоняют в этот хомут лошадь, умаяли [384] ее до полусмерти. «Что вы делаете?» – спросил Лутоня. «Да вот, батюшка, хотим запрячь лошадку». – «Ах вы, дураки набитые! Пустите-ка, я вам сделаю».

Взял и надел хомут на лошадь. И эти мужики с дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтоб остался он у них хоть на недельку. Нет, Лутоня пошел дальше.

Шел-шел, устал и зашел на постоялый

двор. Тут увидал он: хозяйка-старушка сварила саламату,[385] постановила на стол своим ребятам, а сама то и дело ходит с ложкою в погреб за сметаной. «Зачем ты, старушка, понапрасну топчешь лапти?» – сказал Лутоня. «Как зачем, – возразила старуха охриплым голосом, – ты видишь, батюшка, саламата-то на столе, а сметана-то в погребе». – «Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то; у тебя дело пошло бы по масличку!» – «И то, родимый!» Принесла в избу сметану, посадила с собою Лутоню. Лутоня наелся донельзя, залез на полатки[386] и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка моя дале начнется, а теперь пока вся.

МЕНА

Чистил мужик навоз и нашел овсяное зерно; приходит к жене, у жены изба топится. Он говорит: «Ну-ка ты, хозяйка, поворачивайся, загребай-ка ты жар, сыпь это зерно в печь; выгребь из печи, истолки его и смели, киселю навари, отлей в блюдо; вот я и пойду к царю, понесу блюдо киселю; ну, хозяйка, не пожалует ли нас царь чем-нибудь?» Вот он и пришел к царю, принес блюдо киселю; царь его пожаловал золотой тетеркой. Пошел от царя домой; идет полем; берегут табун коней. Пастух его спрашивает: «Мужичок, где ты был?» – «Ходил к царю, носил блюдо киселю». – «Чем тебя царь пожаловал?» – «Золотой тетеркою». – «Променяй нам тетерку на коня». Ну, променял, сел на коня и поехал.

Вот он едет: берегут стадо коров. Пастух говорит: «Где ты, мужичок, был?» – «Ходил к царю, носил блюдо киселю». – «Чем тебя царь пожаловал?» – «Золотою тетеркою». – «Где у тебя тетерка?» – «Я ее променял на коня». – «Променяй нам коня на корову».

Променял, ведет коровку за рога; берегут

стадо овец. Пастух говорит: «Мужичок, где ты был?» – «Ходил к царю, носил блюдо киселю». – «Чем тебя царь пожаловал?» – «Золотою тетеркою». – «Где золотая тетерка?» – «Променял на коня». – «Где конь?» – «Променял на коровку». – «Променяй нам коровку на овечку».

Променял, гонит овцу; берегут стадо свиной. Пастух говорит: «Где ты, мужичок, был?» – «Ходил к царю, носил блюдо киселю». – «Чем тебя царь пожаловал?» – «Золотою тетеркою». – «Где золотая тетерка?» – «Променял на коня». – «Где конь?» – «Променял на коровку». – «Где коровка?» – «Променял на овечку». – «Променяй нам овечку на свинью».

Променял, гонит свинью; берегут стадо гусей. Пастух спрашивает: «Где ты, мужичок, был?» – «Ходил к царю, носил блюдо киселю». – «Чем тебя царь пожаловал?» – «Золотою тетеркою». – «Где у тебя золотая тетерка?» – «Я променял на коня». – «Где конь?» – «Я променял на коровку». – «Где коровка?» – «Я променял на овечку». – «Где овечка?» – «Я променял на свинью». – «Променяй нам сви-

ню на гуська».

Променял, несет гуська; берегут уток. Пастух говорит: «Мужичок, где ты был?» – «Ходил к царю, носил блюдо киселю». – «Чем тебя царь пожаловал?» – «Золотою тетеркою». – «Где золотая тетерка?» – «Я променял на коня». – «Где конь?» – «Я променял на коровку». – «Где коровка?» – «Я променял на овечку». – «Где овечка?» – «Я променял на свињу». – «Где свинья?» – «Я променял на гуська». – «Променяй нам гуська на уточку».

Променял, несет утку; ребята играют в клюшки.[387] «Где ты, мужичок, был?» – «Ходил к царю, носил блюдо киселю». – «Чем тебя царь пожаловал?» – «Золотою тетеркою». – «Где золотая тетерка?» – «Я променял на коня?» – «Где конь?» – «Я променял на коровку». – «Где коровка?» – «Я променял на овечку». – «Где овечка?» – «Я променял на свињу». – «Где свинья?» – «Я променял на гуська». – «Где гусек?» – «Я променял на утку». – «Променяй нам утку на клюшку».

Променял, идет; пришел домой, клюшку поставил у ворот, а сам пошел в избу. Жена стала спрашивать; он рассказал все до клюш-

ки. «Где клюшка» – «У ворот». Она пошла, взяла клюшку да клюшкой-то возила-возила[388] его: «Не меняй, не меняй, старый черт! Ты хоть бы утку принес домой!»

СКАЗКА ПРО БРАТЬЕВ ФОМУ И ЕРЕМУ

*Ах, да Ерема да Фома были два
братейка:
Они волосом однаки и умом рав-
ны,
У них бороды, как бороды, и усы,
как усы.
Вот задумали братаны в божью
церковь идти;
В божью церковь идти, богу мо-
литься.
Вот Ерема зашел в церковь, а Фо-
ма в алтарь,
Вот Ерема взял книгу, а Фома
псалтырь;
Ох, Ерема-то запел, а Фома заго-
ворил.
То слышали попы со высокоя го-
ры,
Попы грамотные, люди надоб-
ные...*

Вот Ерему взяли в шею, а Фома у
толчки.

.....
Ерема-то из двери, а Фома из ок-
на.

Ох, Ерема пошел в ельник, а Фома
в сосняк;

Они оба испугались, оба вместе
соходились.

Вот задумали братаны серых зай-
ков промышлять,
Серых зайков, побегошков: ничего
не нашли!

Вот пошли они, братаны, по кру-
тому бережку,

По крутому бережку, по желто-
му по песку.

Вот увидели братаны, что две
уточки плывут;

Одна уточка белешенька, а дру-
гая-то что снег.

Ох, Ерема схватил палку, а Фома
косарь:

Как Ерема недокинул, Фома через
перекинул.

Вот задумали братаны себе рыбу
промышлять,

Себе рыбу промышлять, красну

семужску.

Ох, Ерема сел да в лодку, а Фома в ботню:

У них лодка без набоев[389] и ботня безо дна.

Они три года тонули – не могли потонуть,

Их три черта давили – не могли задавить!

Вот задумали братаны свои головы кормить,

Свои головы кормить, себе хлеб наживать,

И положили ребята себе пашню пахать;

Вот Ерема пошел в рынок, а Фома на базар,

Вот Ерема купил мерина, Фома жеребца —

Он у них, мерин-то, не тянет, и соха-то не валит;

Они мерина колом, сами с пашенки бегом!

ХОРОШО, ДА ХУДО

Ехали барин и мужик. «Мужик, откуда ты?» – «Издалеча, бачка». – «А откуда?» – «Из города Ростова, а барина Толстова». – «А велик ли город?» – «Не мерил». – «А силен?» – «Не боролся». – «А за чем ехал?» – «За покупкой дорогою: за мерою гороха». – «Вот это хорошо!» – «Хорошо, да не дюже!» – «А что ж?» – «Ехал пьяный, да рассыпал». – «Вот это худо!» – «Худо, да не дюже!» – «А что ж?» – «Рассыпал-то меру, а подгреб-то две!» – «А вот это хорошо!» – «Хорошо, да не дюже!» – «Да что ж?» – «Посеял, да редок». – «Вот это худо!» – «Худо, да не дюже!» – «А что ж?» – «Хоть редок, да стручист!» – «Вот это хорошо!» – «Хорошо, да не совсем!» – «А что ж?» – «Поповы свиньи повадились горох топтать, топтать – да и вытоптали». – «Этак худо!» – «Худо, да не дюже!» – «А что ж?» – «Я поповых свиней убил да два чана свежины насолил». – «Вот это хорошо!» – «Хорошо, да не дюже!» – «А что ж?» – «Поповы собаки повадились свежину таскать, таскать – да повытаскали». – «Вот это худо!» – «Худо, да не дюже!» – «А что ж?» – «Я тех

собак убил да жене шубу сшил!» – «Вот это хорошо!» – «Хорошо, да не дюже!» – «А что ж?» – «Пошла моя шельма жена мимо попова двора; поп-то узнал да шубку снял». – «Вот это худо!» – «Худо, да не дюже!» – «А что ж?» – «Я с попом судился, судился, сивого мерина да рыжую коровку цап-царап! Мое-то дело и выгорело!»

* * *

Повстречались два мужика. «Здорово, брат!» – «Здорово!» – «Откуда ты?» – «Из Ростова». – «Не слыхал ли что нового?» – «Не слыхал». – «Говорят, ростовскую мельницу сорвало?» – «Нет; мельница стоит, жернова по воде плавают, на них собака сидит, хвост согнувши, – повизгивает да муку полизывает...» – «А был на ростовской ярманке?» – «Был». – «Велика?» – «Не мерил». – «Сильна?» – «Не боролся». – «Что ж там почем?» – «Деньги по мешкам, табак по рожкам, пряники по лавкам, калачи по санкам». – «А ростовского медведя видел?» – «Видел». – «Каков?» – «Серый!» – «Не бредь! Это волк». – «У нас волк по лесу побегивает, ушми подергивает!» – «Это заяц!» – «Черта ты знаешь! Это трус![390]» – «У нас то трус,

что на дубу сидит да покаркивает». — «Это ворона!» — «Чтоб тебя лихорадка по животу порола!»

* * *

«Афонька! Где был-побывал, как от меня бежал?» — «В вашей, сударь, деревне — у мужика под овином лежал». — «Ну, а кабы овин-то вспыхнул?» — «Я б его прочь отпихнул». — «А кабы овин-то загорелся?» — «Я бы, сударь, погрелся». — «Стало, ты мою деревню знаешь?» — «Знаю, сударь». — «Что, богаты мои мужички?» — «Богаты, сударь! У семи дворов один топор, да и тот без топорлица». — «Что ж они с ним делают?» — «Да в лес ездят, дрова рубят; один-то дрова рубит, а шестеро в кулак трубят». — «Хорош ли хлеб у нас?» — «Хорош, сударь! Сноп от снопа — будет целая верста, копна от копны — день езды». — «Где ж его сложили?» — «На вашем дворе, на печном столбе». — «Хорошее это дело!» — «Хорошо, да не очень: ваши борзые разыгрались, столб упал — хлеб в лохань попал». — «Неужто весь пропал?» — «Нет, сударь! Солоду нарастили да пива наварили». — «А много вышло?» — «Много! В ложке растирали, в ковше разводили, семьдесят

семь бочек накатали». — «Да пьяно ли пиво?» — «Вам, сударь, ковшом поднести да четвертным поленом сверху оплести, так и со двора не свести». — «Что ж ты делал, чем промышлял?» — «Горохом торговал». — «Хорошо твое дело!» — «Нет, сударь, хорошо, да не так», — «А как?» — «Шел я мимо попова двора, выскочили собаки, я бежать — и рассыпал горох. Горох раскатился и редок уродился». — «Худо же твое дело!» — «Худо, да не так!» — «А как?» — «Хоть редок, да стручист». — «Хорошо же твое дело!» — «Хорошо, да не так!» — «А как?» — «Повадилась по горох попова свинья, все изрыла-перепортила». — «Худо же, Афонька. твое дело!» — «Нет, сударь, худо, да не так». — «А как?» — «Я свинью-то убил, ветчины насолил».

«Эй, Афонька!» — «Чего извольте?» — «С чем ты обоз пригнал?» — «Два воза сена, сударь, да воз лошадей». — «А коня моего поил?» — «Поил». — «Да что же у него губа-то суха?» — «Да прорубь, сударь, высока». — «Ты б ее подрубил». — «И так коню четыре ноги отрубил» — «Ах, дурак, ты мне лошадь извел!» — «Нет, я ее на Волынский двор к собакам свел». — «Ты ни-

как недослышишь?» – «И так коня не сыщешь». – «Жену мою видел?» – «Видел». – «Что ж, хороша?» – «Как сука пестра». – «Как?» – «Словно яблочко наливное».

НЕ ЛЮБО – НЕ СЛУШАЙ

Жили два брата умных, а третий дурак. Вот однажды поехали они на чащу,[391] и захотелось им там пообедать; насыпали они круп в горшок, налили воды холодной (так командовал дурак), а огня не знали где добыть. Неподалеку от них был пчельник. Вот большой брат и говорит: «Пойти мне за огнем на пчельник». Приходит и говорит старику: «Дедушка, дай мне огоньку». А дед говорит: «Сыграй прежде песенку мне». – «Да я, дедушка, не умею». – «Ну, попляши». – «Я, дедушка, не горазд». – «А, не горазд, так нет тебе и огня!» К тому ж за провинку взял вынул у него из спины ремень. И приходит этот большой брат без огня к своим братьям. Тут средний брат закроптался[392] на него, говоря: «Экой ты, брат! Не принес нам огню! Да-ка [393] я пойду», – и пошел. Пришел на пчельник и кричит: «Дедушка, пожалуй мне огонь-

ку!» – «Ну-ка, свет, сыграй мне песенку!» – «Я не умею». – «Ну, сказку скажи». – «Да я, дедушка, ничего не умею». Старик взял и у этого брата вырезал из спины ремень. Приходит и этот без огня к своим братьям. Вот умные братья и поглядывают друг на друга.

Дурак все смотрел на них и проговорил: «Эх вы, умные братцы, не взяли вы огня!» – и пошел сам за огнем. Приходит и говорит: «Дедушка, нет ли у тебя огоньку?» А дед говорит: «Попляши прежде!» – «Я не умею», – отвечал дурак. «Ну, сказку скажи». – «Вот это так мое дело, – сказал дурак, присаживаясь на лежащий плетень, – да смотри, – продолжает дурак, – садись-ка насупротив меня, слушай, да не перебивай, а если перебьешь, то из спины твоей три ремня». Вот старик сел напротив его – к солнцу лысиной, а лысина была большая. Дурак откашлялся и начал сказку: «Ну, слушай же, дед!» – «Слушаю, свет!» – отвечал старик.

«Была у меня, дедушка, пегонькая лошаденка; я на ней ездил в лес сечь дрова. Вот однажды сидел я на ней верхом, а топор у меня был за поясом; лошадь-то бежит – трюк, трюк,

а топор-то ей по спине – стук, стук; вот стучал, стучал, да и отсек ей зад. Ну, слушай, дед!» – говорит дурак, а сам его голицею[394] по лысине щелк! «Слушаю, свет!» – «Вот я на передке этом еще три года ездил, да потом как-то нечаянно в лугах увидел задок моей лошади; ходит он и траву щиплет. Я взял поймал его и пришел к передку, пришел, да еще три года ездил. Слушай, дед!» А сам опять голицею его по лысине щелк! «Слушаю, свет!» – «Ездил-ездил, приехал я в лес и увидел тут высокий дуб; начал по нем лезть и залез на небо. Вот увидел я там, что скотина дешева, только комары да мухи дороги, взял и слез на землю, наловил я мух и комарей два куля, взвалил их на спину и вскарабкался опять на небо. Сложил кули и стал раздавать грешным людям: отдаю я муху с комаренком, а беру с них на обмен корову с телятком, – и набрал столько скотины, что и сметы нет. Вот и погнал я скотину, пригнал я к тому месту, где взлезал, – хватился: дуб-то подсекли. Тут я пригорюнился и думал, как мне с неба слезть, и вздумал, наконец, сделать веревку до земли: для этого перерезал я всю скотину, сделал

долгий ремень и начал спускаться. Вот спускался-спускался, и не хватило у меня ремнев вышиною поболее твоего шалаша, дедушка, а спрыгнуть побоялся. Слушай, дед!» А сам голицею по лысине его щелк! «Слушаю, свет!» – «Вот мужик на мое счастье веет овес: полова-то[395] летит вверх, а я хватаю да веревку мотаю. Вдруг поднялся сильный ветер и начал меня качать туда и сюда, то в Москву, то в Питер; оторвалась у меня веревка из половы, и забросило меня ветром в тину. Весь я ушел в тину, одна голова лишь осталась; вылезть мне хочется, а нельзя. На моей голове свила утка гнездо. Вот повадился бирюк ходить на болото и есть яйца. Я как-нибудь[396] вытянул из тины руку и ухватился за хвост бирюку, как стоял он подле меня, ухватился и закричал громко: тю-лю-лю-лю! Он меня и вытащил из тины. Слушаешь, дед?» А сам голицею его по лбу щелк! «Слушаю, свет!»

Видит, дурак, что дело-то плохо: сказка вся, а дед сдержал свое слово, не перебивал его; чтобы раздражить старика, начал дуракиную побаску:[397] «Мой дедушка на твоём дедушке верхом ездил...» – «Нет, мой на тво-

ем ездил верхом!» – перебил сказку старик. Дурак тому и рад, того и добивался, свалил старика и вырезал у него из спины три ремня; взял огня и пришел к своим братьям. Тут разложили они огонь, поставили горшок с крупами на таган и начали варить кашу. Когда каша сварится, тогда и сказка продлится, а теперь пока вся.

* * *

У одного мужика много было гороху засеяно. Повадились журавли летать, горох клевать. «Постой, – вздумал мужик, – я вам переломаю ноги!» Купил ведро вина, вылил в корыто, намешал туда меду; корыто поставил на телегу и поехал в поле. Приехал к своей полосе, выставил корыто с вином да с медом наземь, а сам отошел подальше и лег отдохнуть. Вот прилетели журавли, поклевали гороху, увидели вино и так натюкались, что тут же попадали. Мужик – не промах, сейчас прибежал и давай им веревками ноги вязать. Опутал веревками, прицепил за телегу и поехал домой.

Дорогой-то порастрясло журавлей; протрезвились они, очувствовались; стали кры-

льями похлопывать, поднялись, полетели и понесли с собою и мужика, и телегу, и лошадь. Высоко! Мужик взял нож, обрезал веревки и упал прямо в болото. Целые сутки в тине сидел, едва оттуда выбрался. Воротился домой – жена родила, надо за попом ехать, ребенка крестить. «Нет, – говорит, – не поеду за попом!» – «Отчего так?» – «Журавлей боюсь! Опять понесут по поднебесью; пожалуй, с телеги сорвусь, до смерти ушибусь!» – «Не бойсь! Мы тебя к телеге канатом прикрутим».

Вот хорошо, положили его в телегу, обвязали канатом, лошадь поворотили на дорогу; стегнули раз, другой – она и поплелась рысцою. За деревней-то был колодец, а лошадь-то была не поена; вздумалось ей напиться, свернула с дороги в сторону и прямо к колодцу; а колодец был без сруба, а упряжь-то без шлеи, и узда без повода, а хомут большой, просторный; лошадь наклонилась к воде, а хомут через голову и съехал долой. Вот лошадь напилась и пошла назад, а мужик с телегою остался у колодца. На ту пору выгнали охотники из лесу медведя; медведь бросился со всех ног, набежал на телегу, хотел перескочить, прыг-

нул – да прямо в хомут и попал! Видит, что беда на носу, и пошел валять что есть силы с телегою. «Батюшки, помогите!» – кричит мужик.

От того крику медведь еще пуще напугался; пошел таскать по кочкам, по яругам,[398] по болотам. Прибежал на пчельник, полез на дерево и телегу за собой потащил – захотелось, видно, медку попробовать. Взлез на самую верхушку, а телега вниз тянет: бедный медведь и сам не рад, ни назад, ни вперед! Немного спустя времени пришел хозяин, увидал медведя. «Ага, – говорит, – попался! Вишь ты какой бездельник, Мишка: не просто за медом пришел, на телеге приехал!» Схватил топор и ну рубить дерево под самый корень. Дерево повалилось наземь, разбило телегу и задавило совсем мужика; а медведь выскочил из хомута да бежать: только унеси бог ноги! Вот каковы журавли!

* * *

Пустил мужик петуха в подвал; петух там нашел горошинку и стал кур скликать. Мужик услышал про находку, вынул петуха, а горошинку полил водою. Вот она и начала рас-

ти; росла-росла – выросла до полу. Мужик пол прорубил, горошинка опять начала расти; росла-росла – доросла до потолка. Мужик потолок прорубил, горошинка опять росла-росла – доросла до крыши. Мужик и крышу разобрал, стала горошинка еще выше расти; росла-росла – доросла до небушка. Вот мужик и говорит жене: «Жена, а жена! Полезу я на небушко, посмотрю, что там деется? Кажись, там и сахару и меду – всего вдоволь!» – «Полезай, коли хочешь».

Мужик и полез на небушко, лез-лез, насилу влез. Входит в хоромы: везде такое загляденье, что он чуть было глаз не проглядел! Среди хором стоит печка, в печке и гусятины, и поросятины, и пирогов – видимо-невидимо! Одно слово сказать – чего только душа хочет, все есть! Сторожит ту печку коза о семи глазах. Мужик догадался, что надобно делать, и стал про себя приговаривать: «Засни, глазок, засни, глазок!» Один глаз у козы заснул. Мужик стал приговаривать погромче: «Засни, другой, засни, другой!» И другой глаз заснул. Таким побытом все шесть глаз у козы заснули; а седьмого глаза, который был у козы на

спине, мужик не заметил и не заговорил. Недолго он думал, полез в печку, напился-наелся, насахарился; вылез оттуда и лег на лавочку отдохнуть. Пришел хозяин, а коза про все ему и рассказала: вишь, она все-то видела седьмым глазком. Хозяин осердился, кликнул своих слуг, и прогнали мужика взашей.

Побрел он к тому самому месту, где была горошинка: глянул – нет горошинки. Что будешь делать? Начал собирать паутину, что летает летом по воздуху; собрал паутину и свил веревочку; зацепил эту веревочку за край неба и стал спускаться. Спускался-спускался, хватать – веревочка вся, а до земли еще далеко-далеко; он перекрестился – и бух! Летел-летел и упал в болото. Долго ли, коротко ли сидел он в болоте (а сидел он в болоте по самую шею), только вздумалось утке на его голове гнездо свить; свила гнездо и положила яйца. Мужик ухитрился, подкараулил утку и поймал ее за хвост. Утка билась, билась и вытащила-таки мужика из болота. Он взял и утку и яйца, принес домой и рассказал про все жене.

Не то чудо из чудес,

*Что мужик упал с небес;
А то чудо из чудес,
Как он туда залез!*

БАЙКА ПРО СТАРИНУ СТАРОДАВНЮЮ

*Старину скажу стародавнюю,
Стародавнюю, небывалую;
Старика свяжу со старухой,
Со старухой с кособрюхой.
То вам не чудо, не диковинка,
Я видал чуда чуднее того:
Среди моря овин горит,
По чисту полю корабль бежит!
То вам не чудо, не диковинка,
Еще вот вам чудо чуднее того:
Уж как кутюшка[399] бычка ро-
дила,
Поросеночек яичко снес!
Это вам не чудо, не диковинка,
Я видал чуда чуднее того:
Мужики на улице заезки[400]
бьют,
Заезки бьют, они рыб ловят!
То вам не чудо, не диковинка,
Я видал чуда чуднее того:
По поднебесью медведь летит,*

Ушками, лапками помахивает,
Серым хвостиком поправливает;
На дубу кобыла белку злаяла,
В стойле сука в запрягу стоит,
В осеку[401] овца гнездо свила!
И тому чуду не дивуйтесь:
С горы корова на лыжах катится,
Расширя ноги, глаза выпуча!
И то не чудо, не диковинка,
Я видал чуда чуднее того:
Сын на матери снопы возил,
Молода жена в пристяжи была;
Сын матушку припонюживал,
[402]
Молоду жену призадёрживал!
Я еще видел чудо-диковинку:
Бьется сноха со свекровкой,
Большим боем бьются – мутов-
ками,
Ложками стреляли во чисто по-
ле;
Устрелили татарина мертвого,
Кафтан с него сняли рогозяный,
Опоясочку с него сняли лычану,
Сапоги с него сняли берестяные.
Кто богат да скуп: пива не варит,
Нас, молодец, не кормит, не по-
ит,

*Тому даст бог кошечье вздыханье,
Собачье взрыданье.
Небогатому, да тороватому,
Кто пиво варит, нас, молодец,
поит,
Даст бог на поле приплод,
На гумне примолот.
В квашне спорину,[403]
На столе сдвижину.[404]
С пива с того приупился мужик,
Приупившись, сам на сарае ле-
жит,
У рта кроха – полтора колпака...
[405]*

УДАЛОЙ БАТРАК

У одного мирошника[406] был работник. Мирошник послал его засыпать на ковш пшеницы, а работник пошел и засыпал-то на камень. Мельница завертелася, а пшеница вся разметалася. Хозяин как пришел на мельницу и как увидел разметанную пшеницу – и согнал работника. Работник пошел домой, в свое село, и заплутался. Вот зашел он в этакie кусты и лег спать. Приходит бирюк; видит, что работник спит, и подошел к нему близко,

стал его обнюхивать, а работник-то ухватил бирюка за хвост, убил его и снял с него шкуру!

Вот работник вышел на гору, а на горе стояла пустая мельница: он у этой мельницы и остановился ночевать. Приехали три человека, разбойники; развели в мельнице огонь и начали дуван дуванить.[407] Один разбойник говорит: «Я свою часть положу под испод мельницы»; другой разбойник: «А я под колесо подпихну»; а третий говорит: «Я в ковш спрячу». А работник лежит в ковше и, убоившись, как бы разбойники его не убили, вздумал себе: «Дай я вон так-то закричу: Денис, ступай туда на низ; а ты, Хвока, гляди с бока; а ты, малый, гляди там, а я тут! Держи их, ребята! Бей их, ребята!» Разбойники уробели, бросили свое имение и разбежались.

Работник вылез из ковша, подобрал все богатство и пошел домой; приходит и рассказывает отцу с матерью: «Вот все, что я заработал на мельнице. Поедем теперь, дедушка, на базар, и купим себе ружье, и будем охотничать». Поехали себе на базар, купили ружье и едут с базару. Вот работник и говорит деду:

«Ты, дедушка, гляди, не попадетсЯ ли нам заяц, лиса, а не то куница». Едут да оба дремлют, и наконец уснули. Где ни взялись два бирюка, зарезали у них лошадь и съели всю. Дедушка проснулся да как стегнет кнутом – думал по лошади, ан по бирюку! Бирюк-то попал в хомут и давай носить, а дед правит. А другой бирюк сзади хочет ухватить работника, и тот бирюк-то был с щербиной. Работник как стегнет бирюка кнутом, а он хотел кнут-то зубами поймать, да на кнуте был узел, – этот узел и застрял у бирюка в щербине! Работник и потащил его за телегою. Один бирюк везет, а другой сзади идет. Вот приехали они домой; собачка выскочила и давай лаять. Бирюки испугались, один как повернул круто – тележонка и опрокинулась, работник с стариком упали на землю; тут бирюк из хомута выскочил, а работник кнут из рук выпустил, так оба бирюка и убежали, а старик с работником остались ни при чем. Жили они богато; двор у них кольцом, три жердины конец с концом, три кола забито, три хворостины завито, небом накрыто, а светом обгорожено!

ИВАН-ДУРАК

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик со старухой. У них было три сына, третьего звали Иван-дурак. Первые двое женатые, а Иван-дурак холостой; два брата занимались делом, управляли домом, пахали и сеяли, третий же ничего не делал. Один раз отец и снохи стали Ивана посылать на поле допахать сколько-то лех[408] пашни. Парень поехал, приехал на пашню, запряг лошадь, проехал с сохой раз ли, два ли, видит: счету нет комаров да мошек; он схватил хлыстик, стегнул по боку лошадь, убил их без сметы; ударил по другому, убил сорок паутов[409] и думает: «Ведь я на один замах убил сорок богатых, а мелкой сошки[410] сметы нет!» Взял их всех положил в кучу и завалил конским калом; сам не стал пахать, выпряг лошадь, поехал домой. Приезжает домой и говорит снохам и матери: «Давайте мне полог [411] и седло, а ты, бабушка, давай саблю, которая у тебя висит – на стене заржавела. Что я за мужик! У меня ничего нет».

Те посмеялись над ним и дали на смех ка-

кой-то расколотый тюрик[412] наместо седла; парень наш приделал к нему подпруги и надел на худую кобыленку. Вместо пологу мать дала какой-то старый дубас;[413] он и то взял, да взял саблю у отца, пошел, выточил, собрался и поехал. Доезжает до расстаней[414] – а был еще мало-мало грамотный – написал на столбе: приезжали бы сильные богатыри Илья Муромец и Федор Лыжников в такое-то государство к сильному и могучему богатырю, который на один помах убил сорок богатырей, а мелкой сошки сметы нет, и всех их камнем привалил.

Точно, после его приезжает богатырь Илья Муромец, видит на столбе надпись: «Ба, – говорит, – проехал сильный, могучий богатырь: послушаться не годно». Поехал, догонят Ванюху; далеко не доехал, снял шапку и кланяется: «Здравствуй, сильный, могучий богатырь!» А Ванюха не ломат шапки, говорит: «Здорово, Илюха!» Поехали вместе. Не чрез долго времени к тому же столбу приехал Федор Лыжников, видит, на столбе написано, послушаться не годно: Илья Муромец проехал! – и он поехал туда же; так же далеко не доехал до Ва-

нюхи – снимет шапку, говорит: «Здравствуй, сильный, могучий богатырь!» А Ванюха шапки не ломат. «Здорово, – говорит, – Федюнька!»

Поехали вместе все трое; приезжают в одно государство, остановились на царских лугах. Богатыри поставили себе шатры, а Ванюха распялил дубас; коней два богатыря спутали шелковыми путами, а Ванюха сорвал прут с дерева, свил его и спутал свою кобылу. Вот и живут. Царь из своего терему увидел, что его любимые луга травят какие-то люди, тотчас отряжат ближнего своего спросить, что за люди? Тот приехал на луга, подошел к Илье Муромцу, спрашивает, что они за люди и как смели без спросу топтать царские луга? Илья Муромец отвечал: «Не наше дело! Спрашивай вон старшого – сильного, могучего богатыря».

Посол подошел к Ванюхе. Тот закричал на него, не дал слова молвить: «Убирайся, докуля жив, и скажи царю, что на его луга приехал сильный, могучий богатырь, который на один помах убил сорок богатырей, а мелкой сошки сметы нет, и камнем привалил, да Илья Муромец и Федор Лыжников с ним, и

требует у царя дочь замуж». Тот пересказал это царю. Царь хватил по записям: Илья Муромец и Федор Лыжников есть, а третьего, который убивает на один помах по сороку богатырей, нет в записях. То царь приказал собрать рать, захватить трех богатырей и привести к нему. Где захватить? Ванюха увидел, как стала подходить ближе рать; он крикнул: «Илюха! Ступай прогони их, что за люди?» – сам лежит, растянулся да поглядывает, как сыч.

Илья Муромец на того слова соскочил на коня, погнал, не столько руками бил, сколько конем топтал; всех прибил, оставил только одних язычников[415] царю. Царь услышал эту беду, того больше собрал силы и послал поймать богатырей. Иван-дурак крикнул: «Федюнька! Поди-ка прогони эту сволочь!» Тот соскочил на коня, всех прибил, оставил одних язычников.

Чего делать царю? Дело худо, силу побили богатыри; царь призадумался и вспомнил, что у него в царстве живет сильный богатырь Добрыня. Он посылает к нему письмо, просит приехать победить трех богатырей. Добрыня

приехал; царь на третьем балконе встретил его, а Добрыня наверхний[416] подъехал к балкону вровень с царем: вот какой был! Поздоровался, поговорили. Он и поехал на царские луга. Илья Муромец и Федор Лыжников увидели, что к ним едет Добрыня, испугались, соскочили на своих лошадей да ступай-ка оттуда – угнали. А Ванюха не успел. Пока имал свою кобыленку, Добрыня и подъехал к нему, да и смеется, что это за сильный, могучий богатырь? Маленький, худенький! Согнулся головой к самому Ванюхе, смотрит на него, да и любуется. Ванюха да как-то не обробел, выхватил свою саблешку, да и ссек ему голову.

Царь это увидел, перепугался: «Ох, – говорит, – богатырь убил Добрыню; беда теперя! Ступайте скорее, зовите богатыря во дворец». За Ванюхой приехал такой почет, что батюшки упаси! Кареты самолучши, люди все изжалованы. Посадили и привезли к царю. Царь его угостил и отдал дочь; обвенчались они, и теперя живут, хлеб жуют.

Я тут был, мед пил; по усам текло, в рот не попало. Дали мне колпак, да почали толкать; дали мне кафтан, я иду домой, а синичка ле-

тат и говорит: «Синь да хорош!» Я думал: «Скинь да положь!» Взял скинул, да и положил. Это не сказка, а присказка, сказка впереди!

ФОМА БЕРЕННИКОВ

Жила-была старуха, у нее был кривой сын Фома Беренников. Вот поехал Фома пахать; лошаденка худенькая, взяло его горе, сел на завалинку... мухи около навоза так и жужжат.

Схватил он хворостину, да как хлыснет по куче, стал считать: сколько побил? Насчитал пятьсот, да еще много без счету осталось. Решил Фома, что им и сметы нет! Приходит к своему коню, на нем сидит двенадцать оводов; он всех и побил. Воротился Фома Беренников к матери и просит у ней благословенья великого: «Побил, дескать, мелкой силы – счету нет, да двенадцать могучих богатырей; пусти меня, матушка, на подвиги великие, а землю пахать – не мое дело богатырское, то дело мужицкое!» Благословила его матушка на подвиги великие, на поприща богатырские. Берет он за плечи тупой серп, за пояс

лычный кошель, а в тот кошель кладет тупой косарь.

Вот едет Фома путем-дорогою, стороною незнакомою, и наехал на столб; пишет он на том столбе – не было у него в кармане ни злата, ни серебра, а случился в кармане мел – вот и пишет он мелом: «Проехал здесь богатырь Фома Беренников, который сразу побивает двенадцать могучих богатырей, да опричь того силу несметную». Написал и поехал дальше. Едет той же дорогою Илья Муромец, подъезжает к столбу, видит надпись и говорит: «Видна попрыска[417] богатырская; не тратит ни злата, ни серебра, один мел!» Написал он серебром: «Вслед за Фомою Беренниковым проехал богатырь Илья Муромец». Наезжает он Фому Беренникова и говорит (устрашился, зная, тоё надписи меляныя): «Могучий богатырь Фома Беренников! Где ехать: спереди или сзади?» – «Ступай сзади!» – отвечает Фома.

Вот едет той же дорогою Алеша Попович млад; наезжает он на тот столб, издавеча видит на том столбе надпись – как жар горит! Прочитал надписи Фомы Беренникова да

Илья Муромца, вынимает из кармана чисто золото и пишет: «За Ильею Муромцем проехал Алеша Попович млад». Наезжает он Илью Муромца: «Ты скажи, скажи, Илья Муромец, впереди ехать или сзади мне?» – «Не меня испроси, а мово брата старшего Фому Беренникова». Подъехал Алеша Попович млад к Фоме Беренникову: «Удалой боец Фома Беренников! Где укажешь ехать Алеше Поповичу?» – «Ступай сзади!»

Вот едут они путем-дорогою, стороною незнакомою; приезжают они в зелены сады. Илья Муромец и Алеша Попович раскидывают белы шатры, а Фома Беренников свои портки. А те сады были самого царя, царя прусского, и воевал того царя король китайский с шестью могучими богатырями. Посылает царь прусский грамотку к Фоме Беренникову, а в той грамотке значит: «Воюет меня, царя прусского, король китайский; не будет ли ваша помощь?» Фомка грамоте не больно разумел, посмотрел на грамотку, покачал головою и говорит: «Хорошо!»

Вот подступает король китайский близко к городу; приходят Илья Муромец и Алеша По-

пович млад к Фоме Беренникову и говорят таково слово: «Подъезжают под царя, к самому городу; надо его защитить. Сам пойдешь или нас пошлешь?» – «Ступай ты, Ильюшка Муромец!» Побил Илья Муромец всех. А после того приводит король китайский еще шесть богатырей и рать-силу несметную. Илья Муромец с Алешей Поповичем приходят к Фомке Беренникову: «Ты скажи, скажи, Фома Беренников, сам пойдешь или нас пошлешь?» – «Ступай ты, брат, Алешка Попович млад!» Поехал Алеша Попович млад и побил всю рать-силу несметную и тех шесть могучих богатырей. Говорит китайский король: «Есть у меня еще один богатырь, берег его на племя; пуцу и его теперь!»

Вот приводит он рать-силу несметную и с нею богатыря могучего, заветного, и говорит король своему богатырю: «Не силой бьет нас русский богатырь, а хитростью; что станет делать русский богатырь, то и ты делай!» Приезжают Илья Муромец да Алеша Попович млад к Фомке Беренникову: «Сам пойдешь или нас пошлешь?» – «Сам пойду; приведи моего коня». Кони богатырские по чисту полю ходят,

травку щиплют, а Фомкин стоит да овес уплетает. Подошел Илья Муромец к Фомкину коню, а тот разъелся, брыкается и кусается! Взала досада Илью Муромца, схватил он коня Фомкина за хвост, да и кинул его через плетень. Молвил ему Алеша Попович млад: «Не увидел бы нас Фома Беренников! Задаст он нам жару!» – «Знать, вся сила не в коню, а в самом молодцу!» – говорит Илья Муромец и подводит тоё клячу к Фомке Беренникову. Фомка садится на лошадь, а сам думает: «Пусть убьют! Сраму не будет». Едет он, пригнулся к коню на гриву и зажмурился. Богатырь китайский, помня королевский наказ, и сам к коню пригнулся да зажмурился. Фомка слез с коня, сел на камень и давай точить серп; китайский богатырь и себе тож: слезает с могуча коня и точит свой меч. Видит он, что Фомка Беренников на один глаз крив, думает про себя: «Он один глаз прищурил; дай-ка я ухитрюсь да оба зажмурю!»

Не успел он зажмурить, как Фомка Беренников отсек ему голову. Берет он его коня богатырского, хочет на него сесть, да не влезет. Привязал Фомка сильномогучего коня к сто-

летнему дубу, взобрался на дерево, да и вспрыгнул на коня верхом. Почуял конь седока, как рванется – и вырвал дуб с корнем вон; летит во всю мочь богатырскую и волочит за собою громадный дуб. Фома Беренников кричит: «Помогите, помогите!» А китайцы-дураки русского языка не знают, побежали с испугу врозь; богатырский конь их ногами топчет да столетним дубом бьет; всех перебил до единого! Вот и пишет китайский король к Фомке Беренникову грамотку: «Никогда не буду с тобой воевать». А Фомке то и надобно! И дивуются Илья Муромец и Алешка Попович млад тому Фомке Беренникову.

Вот едет Фома к царю прусскому. «Чем тебя жаловать? – спрашивает царь. – Бери казны золотой сколько надобно, или полцарства моего белого, или царевну прекрасную». – «Давай царевну прекрасную да позови на свадьбу меньших моих братьев Илью Муромца да Алешу Поповича млада». И женился Фома Беренников на прекрасной царевне. Видно, не одним богатырям бывает удача! Кто накричит о себе больше, тому и лучше.

СКАЗКА О ЗЛОЙ ЖЕНЕ

Злая жена худо с мужем жила, ничего мужа не слушала. Велит муж ране встать, так она трои сутки спит; велит муж спать, а она нисколько не спит. Велит муж блины печи, а она говорит: «Не стоишь, вор, блинов!» Муж говорит: «Не пеки, жена, блинов, коли не стою»; она выпечет кринку в два ведра и говорит: «Ешь, вор, чтоб съедено было!» – «Ну, – говорит, – жена, не стряпай и на сенокос не ходи; мне тебя жаль!» А она говорит: «Нет, вор, я пойду, и ты ступай за мною!»

Только он побился с ней, помаялся, пошел с горя в лес по ягоды, и нашел куст смородины, и увидел в этом кусту бездонную яму; поглазел он и смекнул: «Что я живу со злой женой, маюся? Не могу ли я ее в эту яму засадить, не могу ли я ее проучить?» Пришел в избу и говорит: «Не ходи, жена, в лес за ягодами!» – «Нет, шишморник,[418] пойду!» – «Я нашел куст смородины, не бери!» – «Нет, сама пойду, оберу, тебе не дам смородины!» Муж пошел, жена с ним; пришел к кусту к смородине, а жена вскочила в куст и матом кричит:

«Не ходи, вор, в куст, убью!» – и сама полезла в середину, да в яму-то и хлоп бездонную!

Муж с радостей в избу пошел и прожил трои сутки, на четвертые пошел проведывать; взял бечеву длинную, пустил в ямищу и вытащил оттуда чертенка; испугавшись, и хочет чертенка в яму опустить. Закричал тот матом, замолился и говорит: «Крестьянин, не обрати назад, пусти на свет! Пришла злая жена, всех нас приела, прикусила, прищипала – тошно нам! Я тебе добро сделаю!» Крестьянин отпустил его на божью волю – на святую Русь. Чертенок и говорит: «Ну, крестьянин, пойдём со мною во град Вологду; я стану людей морить, а ты – лечить».

Ну вот пошел чертенок по купеческим женам и по купеческим дочерям; стал он в них входить, стали они дуреть, стали они болеть. Вот этот крестьянин – где заболеют – придет в дом, а неприятель-то вон, в дому благодать будет, и смекают все, что этот крестьянин – лекарь, деньги дают, да и пирогами кормят. И набрал крестьянин денег несметную сумму себе. Вот чертенок и говорит: «Полно, крестьянин, с тебя, доволен ли ты? Теперь я пой-

ду в боярскую дочь; мотри[419] не ходи ее ле-
чить; не то съем я тебя!» Боярышня заболела
и так задурела, что требует людей ести.

Приказал боярин крестьянина найти – та-
кого-то лекаря отыскать. Он приходит в хоро-
мы и велит боярину, чтоб все горожане и кар-
реты с кучерами стояли в этой улице противу
дому боярского; потом дает приказ, чтоб все
кучера щелкали в арапельники[420] и матом
кричали: «Злая жена пришла, злая жена при-
шла!» – и сам пошел в комнаты. Пришел он в
комнаты: чертенок возлился на него и гово-
рит: «Что ты, русский, зачем пришел? Я тебя
съем!» Он говорит: «Что ты! Я пришел тебя не
выживать, а пришел, тебя жалея, сказать:
зла-то жена сюда пришла!» Черт на окошко
вскочил, вытаращил зенки,[421] да и чует:
[422] все одним матом орут: «Злая жена!» –
«Крестьянин, – взговорил черт, – мне-то куды
деваться?» – «Ступай опять в ямищу: она туды
больше не пойдет». Черт туды и ушел к злой
жене. За это боярин пожаловал милость, доч-
ку (за крестьянина) замуж отдал, пол-именья
подарил, а злая жена и теперь в яме сидит в
татарары.[423]

Собирался мужик в поле, говорит жене: «Не пеки блинов». А жена говорит: «Вот таки напеку!» – «Если напекешь, так в поле не носи». – «Вот таки напеку и понесу!» – «А понесешь, так через мост не ходи». – «А вот пойду, так пойду!» – «А пойдешь, так каменьев в пазуху не клади». – «Вот накладу, так накладу!» – «А накладешь, так с мосту в воду не сигай[424]». – «Вот сигну, так сигну!» – «Если прыгнешь, так чертей не пужай». – «Вот распужаю, так распужаю!»... Едет мужик с поля, выскочил чертенок и кричит ему: «Дядюшка, возьми свою жену, а то нам житья от нее в воде нет!» – «Не надо мне ее», – отвечал мужик. «Я, мужичок, шляпу денег принесу». Мужик и от денег отказался, только чтоб чертенок с женой к нему не вязался.

У Антипки была распрезлющая жена да детей куча. Антипка – слово, баба – за рычаг[425] да в бок норовит. Захочет Антипка проучить жену, возьмет кнут, а баба разорется-раскричится, до того разозлится, что выхватит из люльки ребенка за ногу и давай им отмахивать.

ваться; глаза вытаращит, пена у рта, черт-чертом! Не стало Антипке житья. Что стареет жена, то хуже. Стал он задумываться, как бы жену сбыть? И придумал.

Воротился однажды из лесу такой развеселый и гуторит жене ласково: «Послушай-ка, моя женушка! Заживем мы с тобой по-боярскому, разряжу тебя павою, – ведь я нашел казны гибель страшную, несметную». – «Где, пострел? Покажи-ка мне! Не во сне ли тебе, чучелу, пригрезилось?» – «Нет, моя ластушка, нет, моя любушка! Хоть очми не досмотрел, а ушми дослышал, как злато-серебро перезвякивало». – «Да где?» – «Там, в лесу, в провале, что над самым крутояром, подле дуба-то тройчатого». – «Ну, пойдём, – говорит баба ласковее, – да смотри: коли сбрежал, задам вытаску! Как же ты слышал? Расскажи-ка мне». – «Вот видишь, захотелось мне швырнуть камень в еван-то[426] ямище; швырнул, а целковики да, кажись, лобанчики[427] так и зазвякали. Я в другой раз, ан еще дюжей! Я и в третий – право слово, звякают!» Пришли к ямищу – черно, глубоко! «Ну, жена, вот булыга[428] – брось сама, коли мне веры не да-

ешь!»

Баба взяла камень да, наклонясь, бросила, а Антип тем часом потрафил ей в шею: баба кувырк, полетела в ямище и не пикнула. Только пришел Антип ко двору, детишки – все девчура мелкая – с визгом его встретили: «Батя, каши, батя, хлеба, батя, молока!» А тут сам корову дой, сам на речку беги – пеленки стирай, лошадей убирай да ночь не спи – малолеток качай. «Ай, ай! – вскричал Антип, почесываясь в затылке. – С бабой была беда, а без бабы десять бед, и работать некогда!» Обнищал Антип и вздумал думу новую: «Да пойду жену вытащу!» Начал собирать обрывки да веревки, от лаптей оборки, связал все вместе, наставил и надвил, на конце клепец[429] в аршин присадил; пошел к ямищу, опустил веревку с клепцом да потряхивает. И вот мудреное дело – на веревке что-то потяжелело, а не с бабу весом; стал наверх тащить, тащил-тащил, глядь – на конце чертенок сидит, вершков шести, весь в шерсти. Антип закричал: «Прочь! Знаю, ты мал, да шибко удал! Отцепись, проклятый, да ступай туда, где прежде был; на белый свет я тебя не пущу; слышь,

как раз перекрещу».

Взмолился бесенок: «Антипушка! Я добрый черт, я тебе богатство дам: станут по чужим домам вселяться, а ты меня словом гони да деньги греби. Только, слышь, до двух раз! Выберу тебе богачей на заказ. Как злая баба в ямище упала, нам просто житья не стало!.. Вытащи, Антипушка! Я свое обещание сдержу, на корень твой двор посажу; будут у тебя батраки и батрачки, наймешь няньку за детьми ходить, будешь с господами хлеб-соль водить». Соблазнился Антип, вытащил беса наружу – на канате вдруг полегче стало, бесенка словно ветром унесло.

Не прошло и недели, как слышит Антип, что у богача-подрядчика в больших каменных палатах поднялась громотня, стукотня, по ночам хохот, беготня, жильцам житья не стало! Идет Антип к подрядчику, поклонился и говорит: «У вас, батюшка, в доме нечисто, поселился презлой бесенок; ты ничем его не выживешь, разве мне приказать изволишь». – «Гони, гони, Антипушка! – говорит подрядчик. – Во как поклонюсь». – «Добро! – отвечает Антип. – Из поклона ведь шубы не

гачают, а я мужик бедный семьянистый; у меня семь дочерей – старшой лишь осьмой годок пошел, а баба-то сбежала, так за всем сам присмотри! Дай мне на каждую дочь по тысяче, я твой дом обойду, свистну да слово скажу – и не будет чертей».

Подрядчик не стал спорить, достал мошну, отсчитал семь тысяч и повел Антипа по своим упокоям. Антип что войдет в упокой, свистнет и закричит: «Вон!» В ответ ему из-за печки пищит: «Уйду!» Обошел весь дом – и везде сделалось и тихо и смирно. Поздравил хозяина с благодатью в дому; ну, хозяин подносит ему и вина заморского, и травнику, и наливки, а на стол закусок наставил: яйца вкрутую да щуку обливную,[430] разные колбасы и всякие припасы. Подгулял Антип, на целую неделю наелся – аж подпояску долой!

Простился с подрядчиком и поплелся до дому. Завелись у него и батраки, и батрачки, и кони славные, и всякого добра много. Молва об Антипе далеко бежит, что Антип – мастак ворожить, и хоть не бабка он, а большой чертогон!

Вот через месяц, через два, шлет из города

откупщик гонца за Антипом. «Помоги, Антипушка, у нас несчастье», – сказывает гонец. «Что, ай дом горит?» – «Нет! Хоть не горит, а пуще того: нечистая сила откупом вертит; в дому и шум и гам, паутина да грязь по чанам. Откупщик за плату не постоит, только возьмишь, брат, от беса полечить». – «Хорошо!» – промолвил Антип, заложил в беговые дрожки рысака и поехал к откупщику на двор. Откупщик берет его за руку, с честью в дом ведет, вперед ему ход отдает, что слово – почтенным величает, на мягки диваны сажает. «Родимый, помоги!» А Антип бородку гладит, на десять тысяч ладит; деньги в карман кладет и, свистнув, по палатам идет: прогнал беса, везде и тихо и смирно! «Спасибо, – сказал откупщик, – за твою службу прикажу тебе бочку вина отвезти в дом».

Поехал Антип от него мимо гостиных рядов: на черепенники[431] и калачи уж и не глядит. «Подавай сластей!» – говорит. Приезжает домой, глядь – на дороге приказчик стоит: «Эй, Антип! Собирайся скорей на боярский двор». – «Зачем?» – «Да, вишь, черт поселился, бедами качает, боярыня слезно рыдает, дети

ревмя ревут...» – «Родимый Иваныч! Помилуй, я в третий раз не смогу черта прогнать». – «Поди-ка изволь с барином толковать! Коли, говорит, к ночи не выгонит беса вон, так я его на конюшне с головы до пят испарю, на поселенье сошлю, а дочек на барщину возьму, на тальках-то[432] заморю!» – «Нечего делать, – отвечает Антип, – сейчас прибегу; дай только лошадь отпрягу».

Антип был мужик из десятка не простого, наострился людей надувать, захотел обмануть и духа злого. Отпряг рысака, долой новую одежду, сыскал старую и ту в клочки изорвал, волосы овином встрепал, переоделся в старье, сапоги на осметки[433] сменил да исцарапал в кровь лицо и побежал в село на боярский двор. «Ты зачем, – говорит бесенок, – разве забыл уговор?» – «Знаю, – отвечает Антип, – я гнать тебя не хочу, сам у боярина защиты ищу; ведь моя баба из ямы выдралась, следом за мною бежит, хочет со свету изжить!» – «Как? – закричал бесенок. – Из ямы выдралась, за тобою бежит! Нет, лучше я к братьям в ямище уйду; теперь, чай, без бабы пирушки в аду!» Убежал бесенок в ямище – и

стихло в боярских хоромах. Тут боярин Антипку на милость принял, от барщины ему совсем отказал.

Воротился Антипка домой, глядь – на дворе бочка с вином стоит; не обманул откупщик! Созвал он соседей – и давай угощаться; на другой день надо опохмелиться, опохмелился да не в меру – опять пьян напился... С той самой поры начал он и по дням, и по ночам к бочке прикладываться: все ему жена грезится! Заснет – а она на грудь коленом станет да за горло давит; проснется – а она в углу стоит да кулаком грозит. Страшно и жутко! Поневоле за чарку возьмешься. Умер Антип от запою; отнесли его на погост,[434] девченок на барщину взяли, а добро и казну по рукам растащили.

ЖЕНА-СПОРЩИЦА

У одного мужика была жена сварлива и упряма; уж что, бывало, захочет, дак муж дай ей, и уж непременно муж соглашайся с ней. Да больно она льстива была на чужую скотину; как, бывало, зайдет на двор чужая скотина, дак уж муж и говори, что это ее. Страшно надоела жена мужу. Вот однажды и зашли к ней на двор барские гуси. Жена спрашивает: «Муж, чьи это гуси?» – «Барские». – «Как барские!» Вспылила со злости, пала на пол. «Я умру, – говорит, – сказывай: чьи гуси?» – «Барские». Жена охает, стонет. Муж наклонился к ней: «Что ты стонешь?» – «Да чьи гуси?» – «Барские». – «Ну, умираю, беги скорей за попом».

Вот муж послал за попом; уж и поп едет. «Ну, – говорит муж, – вот и священник едет». Жена спрашивает: «Чьи гуси?» – «Барские». – «Ну, пуцай священник идет, умираю!» Вот исповедали ее, приобщили, поп ушел. Муж опять: «Что с тобой, жена?» – «Чьи гуси?» – «Барские». – «Ну, совсем умираю, готовь домовище!» Изготовили домовище. Муж подо-

шел: «Ну, жена, уж и домовище готово». – «А чьи гуси?» – «Барские». – «Ну, совсем умерла, клади в домовище».

Положили в домовище и послали за попом. Муж наклонился к жене, шепчет: «Уж домовище поднимают, нести хотят отпевать в церковь». А она шепчет: «Чьи гуси?» – «Барские». – «Ну, несите!» Вот вынесли домовище, поставили в церкви, отпели панихиду. Муж подходит прощаться: «Уж и панихиду, – говорит, – отпели; выносить хотят на кладбище». Жена шепчет: «Чьи гуси?» – «Барские». – «Несите на кладбище!»

Вот и вынесли; подняли домовище опущать в могилу, муж нагинается к ней: «Ну, жена, уж тебя в могилу опускают и землей тотчас засыплют». А она шепчет: «Чьи гуси?» – «Барские». – «Ну, опускайте и засыпайте!» Домовище опустили и засыпали землю. Так уходили бабу барские гуси!

* * *

Была у одного мужа жена, да только такая задорная, что все ему наперекор говорила. Бывало, он скажет: «Бритое», а уж она непременно кричит: «Стриженое!» Всякий день

бранились! Надоела жена мужу; вот он и стал думать, как бы от нее отделаться. Идут они раз к реке, а вместо моста на плотине лежит перекаладинка: «Постой, – думает он, – вот теперь-то я ее изведу». Как стала она переходить по перекаладинке, он и говорит: «Смотри же, жена, не трясись, не то как раз утонешь!» – «Так вот же нарочно буду!» Тряслась, тряслась, да и бултых в воду. Жалко ему стало жены; вот он влез в воду, стал ее искать и идет по воде в гору.[436] «Что ты тут ищешь?» – говорят ему прохожие мужики. «А вот жена утонула, вон с этой перекаладинки упала!» – «Дурак, дурак! Ты бы шел вниз по реке, а не в гору; ее теперь, чай, снесло». – «Эх, братцы, молчите! Она все делала наперекор, так уж и теперь, верно, пошла против воды».

* * *

Мужик обрил бороду и говорит: «Смотри, жена, как я чисто выбрился». – «Да разве это брито? Это так только – стрижено!» – «Врешь, каналья! Говори: брито!» – «Нет, стрижено!» – «Я тебя изобью; говори: брито». – «Нет, стрижено». Муж побил жену и нудит: «Говори: брито, не то утоплю!» – «Что хочешь делай, а

стрижено!» Повел ее топить: «Говори: брито!» – «Нет, стрижено!» Ввел ее в глубину по самую шею и толкает в голову; скажи да скажи: брито! Жена и говорить не может, подняла руку из воды и двумя пальцами показывает, что стрижено.

ЖЕНА-ДОКАЗЧИЦА

Жил-был старик со старухой. Не умела старуха языка держать на привязи; бывало, что ни услышит от мужа – сейчас вся деревня узнает. Пока не повздорят промеж себя – еще туда-сюда, а случится старику со старухой подраться да поколотить ее – она озлится и побежит по людям да на господский двор, всю подноготную расскажет; иной раз вдвое больше наврет, чем правды скажет. По тем наговорам и тащат старика; только успевай спиной расплачиваться.

Вот одна пошел старик в лес за дровами; ступил в одном месте ногою – нога провалилась. «Что за притча! Дай-ка я стану рыть, может – на мое счастье, что и найдется». Взялся за лопату; копнул раз, другой, третий – и вырыл котел полнехонек золота. «Слава богу!

Только как домой взять? От жены не укро- ешься, она всему свету разблаговестит; еще беды наживешь!» Подумал-подумал, зарыл котел в землю и пошел в город, купил щуку да живого зайца, щуку повесил на дерево – на самую верхушку, а зайца посадил в морду.

Приходит в избу: «Ну, жена, какое мне счастье бог послал, только тебе сказать-то нель- зя; пожалуй, всем разболтаешь!» – «Скажи, старичок, – пристаёт баба, – право слово – ни- кому не заикнусь; хочешь – побожусь, образ сниму да поцелую». – «Вот что, старуха: на- шел я в лесу полон котел золота». – «Экой ты! Пойдем поскорее, домой унесем...» – «Смотри же, старая! Никому не сказывай, не то беду наживем». – «Небось, ты только не сказывай, а я не скажу! Ты когда пьян, всегда хваста- ешь!»

Повел мужик бабу, дошел до того места, где щука на дереве висит, остановился, под- нял вверх голову и смотрит: «Ну, что глаза- ешь? Пойдем скорее!» – «Да разве не видишь? Глянь, щука на дереве выросла!» – «Ой ли! По- лезай за нею; ужотка на ужин зажарим». Ста- рик слазил на дерево и достал щуку. Пошли

дальше. Шли-шли: «Дай, старая, к реке сбегаю, в морды посмотрю». Заглянул в морду и давай жену звать: «Глянь-ка, заяц в морду попал!» – «А коли попал, бери его поскорей – к празднику на обед пригодится». Взял старик зайца и привел старуху в лес; отрыли вдвоем котел с золотом и потащили домой. Дело было к вечеру; совсем потемнело. «Старик, а старик! – говорит баба. – Никак овцы ревут?» – «Какие овцы! То нашего барина черти дерут». Шли-шли, старуха опять говорит: «Старик, а старик! Никак коровы ревут?» – «Какие коровы! То нашего барина черти дерут». Шли-шли; стали к деревне подходить, старуха старику говорит: «Никак волки ревут?» – «Какие волки! То нашего барина черти дерут».

Разбогател старик со старухой. Вздурилась старуха пуще прежнего, пошла каждый день гостей зазывать да такие пиры подымать, что муж хоть из дому беги. Совсем от рук отбилась и слушаться перестала. Старик терпел-терпел, да не вытерпел, схватил ее за косу и давай таскать по полу; досыта потешился! Как только вырвалась баба, сейчас принялась ругаться: «Постой, подлец! Узнаешь ме-

ня. Ты хочешь все золото себе забрать; нет, врешь! Я тебя упеку, в Сибири места не сыщешь! Сейчас пойду к барину!»

Побежала к барину, завывала-заплакала: «Так и так, – говорит, – нашел муж полон котел золота и с той самой поры зачал крепко вином зашибать. Я было его уговаривать, а он меня колотить; таскал-таскал за косу, еле из рук вырвалась! Прибежала к вашей милости мое горе объявить, на негодного мужа челом бить: отберите у него, подлеца, все золото, чтоб работал, а не пьянствовал!» Барин позвал несколько дворовых людей и пошел к старику. Приходит в избу и закричал на него: «Ах ты, мошенник этакий! Нашел на моей земле целый котел золота – сколько времени прошло, а мне до сих пор не доложил! Начал пьянствовать, разбойничать да жену тиранить! Подавай сейчас золото...» – «Смилуйся, барин, – отвечает старик, – я знать не знаю, ведать не ведаю: никакого золота не находил». – «Врешь ты, бесстыжие твои глаза! – напустилась на него старуха. – Пойдемте, барин, за мною; я покажу, где деньги спрятаны».

Приводит к сундуку, подняла крышку – нет ничего, пустехонек. «Ах он, плут! Пока я ходила, в иное место перепрятал». Тут барин пристал к старику вплотную: «Покажь золото!» – «Да где ж мне его взять? Извольте про все доподлинно допросить мою старуху». – «Ну, голубушка, расскажи мне толком, хорошенько: где и в какое время найден котел с золотом?» – «Да вот, барин, – начала старуха, – шли мы лесом – еще в те поры щуку на дереве поймали...» – «Опомнись, дура, – говорит старик, – ведь ты заговариваешься!» – «Нет, подлец, я не заговариваюсь, а правду сказываю, еще тут же мы зайца из морды вынули...» – «Ну, пошла! Чай, теперь сам, барин, слышишь! Ну как можно, чтобы звери в реке водились, а рыба в лесу на дереве плодилась?» – «Так по-твоему того не было? А помнишь, как мы назад шли, – я сказала: „Никак овцы режут?“ А ты отвечал: „То не овцы режут, то нашего барина черти дерут!“» – «Врешь, старая! С ума спятила». – «Я опять сказала: „Никак коровы режут?“ А ты: „Какие коровы! То нашего барина черти дерут“. А как стали подъезжать к деревне, мне почудилось, что волки режут; а

ты сказал: „Какие волки! То нашего барина черти дерут...“» Барин слушал-слушал, осерчал и ну толкать в шею старуху. После того старуха недолго жила, а старик взял за себя молодую жену, накупил товаров и стал жить-поживать да в городе торговать.

* * *

Жил старик со старухою; сбили они на реке заезочек[437] и заложили по мордочке. Пошли домой; на дороге увидела старуха клад и давай всем рассказывать. Что с ней делать? Вздумал старик пошутить над старухою, пошел в поле, поймал зайца и отправился на реку морды смотреть; вынул одну – а в ней щука попалась. Он щуку-то взял, вместо ее посадил в морду зайца, а рыбу в поле понес и положил в горох. Воротился домой и зовет старуху горох крючить.[438] Вот собрались и поехали. Дорогою старик начал сказывать: «Люди говорят, что ныне рыба в полях живет, а в водах зверь поселился». – «Что ты, старик!» Приехали в поле. «Вот правда и есть! – закричал старик. – Погляди, старуха, щука-то в горох заползла!» – «Лови ее!» Старик взял щуку, положил в пестерёк:[439] «Пойдем-ка теперь

на реку, не попалось ли чего в морды?» Достал морду: «Ах, старуха, ведь люди-то правду сказывают! Погляди, заяц попал!» – «Держи его крепче, а то, пожалуй, опять в воду нырнет!» Взял старик зайца: «Ну, говорит, поедем клад добывать».

Забрали все деньги и поехали домой. Дорогою усмотрела старуха, что в стороне медведь корову рвет, и говорит: «Эй, старик, погляди-ка, медведь корову рвет». – «Молчи, жена! Это черт с нашего барина шкуру дерет». Приехали ко двору; старик пошел деньги прятать, а старуха побежала рассказать соседке; соседка рассказала дворецкому, а дворецкий барину. Барин призвал старика: «Ты клад нашел?» – «Никак нет». – «Твоя старуха сказала». – «Да, пожалуй, ей врать не впервой!» Послал барин за старухою: «Что, старуха, нашли вы клад?» – «Нашли, батюшка!» – «Как же ты, старик, говоришь, что нет?» – «Что ты врешь, глупая баба! Ну, где мы клад нашли?» – «Как где? В поле; еще в то время щука в горохе плавала, а заяц в морду попал». – «Врешь ты, старая кочерга! Где это видано, чтобы рыба в поле жила, а заяц в воде плавал?» – «Ну вот, по-

забыл! Еще в то самое время черт с нашего барина шкуру драл...» Барин хлоп ее по уху: «Что ты бредишь, подлая! Когда черт с меня шкуру драл?» – «Да, таки драл, ей-богу, драл!» Барин рассердился, велел принести розог и заставил при себе ее наказывать. Растянули ее, сердечную, и начали потчевать; а она знай себе – и под розгами то же сказывает. Барин плюнул и прогнал старика со старухою.

* * *

Жил мужик на чужой стороне, не заработал ни копейки и пошел домой. Стал подходить к своей деревне и думает: как без денег домой показаться? Попадает ему богатый жид навстречу; мужик хватил его топором, ушиб до смерти, деньги к себе прибрал, а мертвое тело под куст стащил. Приходит домой, увидала жена деньги и ну приставать: «Где добыл такую великую казну?» Мужик и проговорись: «Встречного убил, под куст положил; смотри, жена, никому не сказывай!» Проговорился, да и сам не рад: «Ну как разболтает баба? Ведь у них волос длинен, да ум короток! Беда моя будет!»

Побежал поскорей в поле, ухватил-пово-

лок жида в иное место и зарыл где-то в лесной труппе, а заместо его под кустом бросил зарезанного козла; потом закупил целый четверик груш и нацеплял их на вербу; а стояла та верба как раз на дороге к барской усадьбе. День прошел – баба молчит, и другой прошел – все молчит; а на третий черт и попутал. Вишь, муж в частую дома не живал, так баба с добрым молодцем знакомство свела; доведалься мужик, что баба-то гуляет, и давай ее бить-колотить – что только силы было! «Ах ты, разбойник, – закричала она, – одного ты убил и денежки обобрал, а теперь и меня хочешь забить до смерти! Пойдем, душегуб, к барину; я на тебя все докажу...»

Пошли судиться к барину. «Стой, жена, – говорит мужик дорогою, – погляди-ка, на вербе груши выросли, давай трусить». – «Давай!» Натрусили полон мешок, снесли домой и опять собрались к барину. Вот и усадьба барская. Стала жена на мужа доказывать: «Батюшка барин! Заступись, оборони от злодея: мой муж человека сгубил, деньги обобрал, мертвое тело под куст положил». – «Что ты врешь, полоумная? Не верьте ей, добрый ба-

рин: она у меня издавна завирается. Я козла зарезал, а ей человек почудился». Барин поехал сам осматривать; глянул под куст – зарезанный козел лежит, «Что ж ты клепишь, глупая баба?» – «Нет, барин, – отвечает баба, – я не клеплю, а говорю сущую правду; должно быть он, мошенник, мертвое тело запрятал куда подальше, а вместо его козла подкинул». – «Ну, мужик, признавайся!» – говорит барин. «Да в чем признаваться-то, коли ни душой, ни телом не виноват? Известное дело – баба: волос долог, ум короток; сдуру врет! Она, пожалуй, скажет, что груши на вербе растут, – так ей и верить?» – «Да, таки растут! Сегодня полон мешок с вербы натрусили...» – «Пошла вон, дура, – закричал барин, – ты совсем с ума спятила». Пошла баба, несолоно хлебавши; а дома мужик опять за плетку и порядком поучил ее: с неделю спина и бока болели!

ГОЛОВИХА

Одна баба бойка была; пришел муж с советом, она и спрашивает его: «Чего вы там судили?» – «Чего судили-то! Голову выбрали». – «А кого выбрали?» – «Никого еще». – «Выберите меня», – бает[440] баба. Дак что [441] муж пошел на совет (она зла была, ему хотелось ее проучить), сказал это старикам; те тотчас бабу выбрали в головы. Живет баба, судит и рядит, и вино с мужиков пьет, и взятки берет.

Пришло время подушно собирать. Голова не успел, не мог собрать вовремя; приехал казак, стал спрашивать голову, а баба прятаться: узнала, что приехал казак, бежит скорей домой. «Да куда же я, да куда же я спрячусь? – говорит мужу. – Завяжи-ка меня, батюшка-муженек, в мешок да поставь вон к мешкам с хлебом-то». Тут стояло с ярицей [442] мешков пять. Муж завязал голову, поставил в середку мешков. Казак пришел да говорит: «Э, голова-то спрятался!» Давай-ка по мешку-то плетью хлестать. Баба во все горло заревела: «Ой, батюшка, не пойду в головы,

не пойду в головы!» Казак отхлестал, ушел, баба полно головить[443] и стала после того мужа слушать.

МУЖ ДА ЖЕНА

Жили муж с женой, по виду будто хорошо, да как-то жена была мудрена: уйдет муж – она весела, придет – захворает; так и старается ему дело найти, куда-нибудь с рук сбыть; нынче пошлет его туда, завтра в другое место, а без него у нее гулюшки, пирушки! Придет муж – и чисто и прибрано; сама охает, больна, на лавочке лежит. Муж верит, чуть сам не плачет. Вот раз придумала жена послать его за лекарством в Крым-град. Муж пошел. На дороге ему встрелся солдат: «Куда ты, мужик?» – «В Крым-град за лечбой!» – «Кто болен?» – «Жена!» – «Воротись, воротись безотменно; я сам дока, я пойду с тобою!» Поворотил его налево кругом, и очутился мужик опять у своего гумна. «Сядь же ты здесь, – говорит дока, – я спроведаю, какова хворая?»

Вошел на двор, приложил ухо к избе – там игры, там скоки, гульба! Забилась солдатская грудь, ударил в дверь, растворилась изба – хо-

зьяйка по ней лебедем носится, перед ней молодой парень вприсядку рассыпается, зелено вино по столу разливается. Пришел солдат вовремя, выпил чарку и пошел вприсядку; полюбился хозяйке: что за солдат, что за дети-на! Угодлив, догадлив, словно век тут жил! Поутру надо пирожки печь. «Солдат, сходи на гумно, принеси соломки вязаночку».

Солдат пошел; набрал соломы, завернул туда мужа, скрячил[444] веревкой, вскинул за плечи и принес к хозяйке. Хозяйка рада, затулила песенку: «Пошел муж во Крым-град зелья купить, жене зельем живот лечить! Туда ему не доехать и оттуда не приехать!.. Солдат, подтягивай мне!» Солдат начал свою песню: «Чуешь ли, солома, что деется дома?» – «О, твоя нехороша, моя лучше; давай вместе: пошел муж во Крым-град зелья купить, жене зельем живот лечить». Она поет громко, а солдат еще громче: «Чуешь ли, солома, что деется дома? Плеть висит на стене, а быть ей на спине!» Солома почуяла, затряслась, веревка лопнула, вязанка распалась – и выскочил муж, схватил плетку и давай стегать хозяйку. Как рукой сняло – вылечил жену.

ВЕЩИЙ ДУБ

Тошно молодой жене с старым мужем, тошно и старику с молодой женой! В одно ушко влезет, в другое вылезет, замаячит – в глазах одурачит, из воды суха выйдет: и видишь и знаешь, да ни в чем ее не поймаешь!

Одному доброму старичку досталась молодая жена – плутоватая баба. Он ей слово в науку, она ему в ответ: «Нет тебе, старый лежебок, ни пить, ни есть, ни белой рубахи надеть!» А не стерпишь – слово вымолвишь: дело старое! Вот и придумал он жену выучить. Сходил в лес, принес вязанку дров и рассказывает: «Диво дивное на свете деется: в лесу старый дуб все мне, что было, сказал и что будет – угадал!» – «Ох, и я побегу! Ведь ты знаешь, старик: у нас куры мрут, у нас скот не стоит... Пойду побалакать; авось скажет что». – «Ну, иди скорей, пока дуб говорит; а когда замолчит, слова не допросишься». Пока жена собиралась, старик зашел вперед, влез в дубовое душло и поджидает ее.

Пришла баба, перед дубом повалилася, замолилася, завывла: «Дуб дубовистый, дедушка

речистый, как мне быть? Не хочу старого любить, хочу мужа ослепить; научи, чем полегчить?» А дуб в ответ: «Незачем лечить, зелья попусту губить, начни масленей кормить. Сжарь курочку под сметанкою, не скупись: пусть он ест – сама за стол не садись. Свари кашу молочную, да больше маслом полей; пускай ест – не жалея! Напеки блинцов; попроси, поклонись, чтоб их в масло макал да побольше съедал – и сделается твой старик слепее кур слепых».

Пришла жена домой, муж на печке кряхтит. «Эх ты, старенький мой, ай опять что болит, ай опять захирел? Хочешь: курочку убью, аль блинцов напеку, кашку маслом полью? Хочешь – что ль?» – «Съел бы, а где взять?» – «Не твоя печаль! Хоть ты и журишь меня, а все тебя жалко!.. На, старинушка, ешь, кушай, пей – не жалея!» – «Садись и ты со мною». – «Э, нет, зачем? Мне б только тебя напитать! Сама я там-сям перекушу – и сыта. Ешь, голубчик, помасяней ешь!» – «Ох, постой, жена! Дай водицы хлебнуть». – «Да вода на столе». – «Где на столе? Я не вижу». – «Перед тобою стоит!» – «Да где же? Что-то в глазах темно ста-

ло». – «Ну, полезай на печку». – «Укажи-ка, где печь? Я и печь не найду». – «Вот она, полезай скорее». Старик сбирается головой в печь лезть. «Да что с тобой? Ослеп, что ли?» – «Ох, согрешил я, жена! Сладко съел, вот божий день и потемнел для меня. Ох-хо!» – «Экое горе! Ну, лежи пока; я пойду, кое-что принесу».

Побежала, полетела, собрала гостей, и пошел пир горой. Пили-пили, вина не хватило; побежала баба за вином. Старик видит, что жены нету, а гости напитались и носы повесили; слез с печи, давай крестить – кого в лоб, кого в горб; всех перебил и заткнул им в рот по блину, будто сами подавились; после влез на печь и лег отдыхать. Пришла жена, глянула – так и обмерла: все други, все приятели как боровы лежат, в зубах блины торчат; что делать, куда покойников девать? Зареклася баба гостей собирать, зареклася старика покидать. На ту пору шел мимо дурак. «Батюшка, такой-сякой! – кричит баба. – На тебе золотой, душу с телом пусти, беду с нас скости!» Дурак деньги взял и потащил покойников: кого в прорубь всадил, кого грязью прикрыл и концы схоронил.

ДОРОГАЯ КОЖА

В одном селе жили два брата – Данило и Гаврило. Данило был богатый, а Гаврило бедный; только и живота было у Гаврилы, что одна корова, да и тому Данило завидовал. Поехал Данило в город закупить кое-что и, воротясь из городу, пришел к брату и говорит: «Что ты, брат, держишь корову? Я был сегодня в городе и видел: там коровы очень дешевы, по пяти и шести рублей, а за кожу двадцать пять дают». Гаврило поверил ему, заколол корову и приел говядину, после дождался рынку и отправился в город. Приехал в город и поволок продавать кожу. Увидел его кожевник и спрашивает: «Что, любезный, продаешь кожу?» – «Продаю». – «Что просишь?» – «Двадцать пять рублей». – «Что ты, безумный! Возьми два с полтиной». Гаврило не отдал и волочил кожу целый день; никто ему не дает больше. Наконец, поволок ее мимо гостиного ряду; увидел его купец и спрашивает: «Что, продаешь кожу?» – «Продаю». – «Дорого ли просишь?» – «Двадцать пять рублей». – «Что ты, шальной! Где слыхал про такие дорогие

кожи? Возьми два с полтиной». Гаврило подумал-подумал и сказал: «Так и быть, господин купец, уступлю тебе! Только поднеси мне хоть водки стакан». – «Хорошо, об водке ни слова!» Отдал ему купец два с полтиной да вынимает из кармана платок и говорит: «Ступай вон в тот каменный дом, отдай хозяйке платок и скажи, что я велел тебе поднести полон стакан вина».

Гаврило взял платок и пошел; приходит в дом, хозяйка его и спрашивает: «Ты зачем?» Гаврило ей говорит: «Так и так, сударыня, продал я твоему хозяину за два с полтиной кожу, да еще вырядил полон стакан вина; дак он меня сюда послал, велел тебе платок отдать да сказать, чтобы ты винца поднесла». Хозяйка тотчас налила стакан, только немного не полон, и поднесла Гавриле; он выпил и стоит. Хозяйка спрашивает: «Что ж ты стоишь?» Гаврило говорит: «У нас была рядом – полон стакан вина!» А в то время сидел у купчихи полюбовник, услышал он эти слова и говорит: «Налей ему, душа, еще!» Она налила еще полстакана; Гаврило выпил и все стоит. Хозяйка опять спрашивает: «Теперь чего до-

жидаетесь?» Отвечает Гаврило: «Да у нас рюда была – полон стакан, а ты полстакана пода-ла». Любовник велел поднести ему в третий раз; тогда купчиха взяла графин с вином, ста-кан отдала Гавриле в руки и налила его так, что через край побежало. Только Гаврило вы-пил, а хозяин на ту пору домой грядет. Она не знает, куда полюбовника девать, и спрашивает: «Куда ж я тебя спрячу?» Любовник забежал по горнице, а Гаврило за ним да кричит: «Ку-да я-то денусь?» Хозяйка отворила западню и пихнула обоих туда.

Хозяин пришел и привел еще с собой го-стей. Когда они подпили, то начали песни за-певать; а Гаврило, сидя в яме, говорит своему товарищу: «Как хочешь – это любимая ба-тюшкова песня! Я запою». – «Что ты, что ты! Пожалуйста, не пой. На тебе сто рублей, толь-ко молчи». Гаврило взял деньги и замолчал. Немного погодя запели другую; Гаврило опять говорит товарищу: «Как хочешь, а те-перь запою; это любимая песня матушки-на!» – «Пожалуйста, не пой! На тебе двести рублей». Гавриле то на руку – уже триста руб-лей есть; спрятал деньги и молчит. Вскоре за-

пели третью песню; Гаврило говорит: «Теперь хоть четыреста давай, дак запою». Любовник его всячески уговаривать; а денег больше нет. Хозяйка услышала, что они там ерошатся, отперла западню и спросила потихоньку: «Что вы там?» Любовник потребовал пятьсот рублей; она живо вернулась, подала пятьсот рублей, Гаврило опять взял и замолчал.

Как-то попалась тут Гавриле подушка и бо-ночок смолы; он приказал товарищу раздеться. Когда тот разделся, он окатил его смолой; потом распорол подушку, рассыпал пух и велел ему кататься. Вот как тот выкатался в пуху, Гаврило растворил западню, сел на товарища верхом, едет, а сам кричит: «Девятая партия из здешнего дому убирается!» Гости увидали и кинулись по домам; думают, что то черти явились. Так все и разбежались, а купчиха стала говорить своему мужу: «Ну вот! Я тебе говорила, что у нас чудится». Купец сдур-у-то возьми да и поверь, и продал свой дом за бесценок.

Гаврило пришел домой и послал своего старшего сына за дядей Данилом, чтоб пришел к нему деньги пересчитать. Сын пошел,

стал звать своего дядю; а тот ему смеется: «Да что у него считать-то? Али Гаврило двух с полтиной сосчитать не может!» – «Нет, дядя, он много принес денег». Тогда жена Данилова стала говорить: «Подь, сходи! Что, тебе не охота? Хоть посмеешься над ним». Послушался Данило жены и пошел. Вот как Гаврило высыпал перед ним кучу денег, Данило удивился и спрашивает: «Где ты, брат, взял столько денег?» – «Как где? Ведь я корову заколол да кожу в городе продал за двадцать пять рублей; на те деньги сделал оборот: купил пять коров, заколол да кожи опять продал по той же цене; так все и перебивался». Данило услышал, что брат его так легко нажил богатство, пошел домой, заколол всю свою скотину и стал дожидаться рынку; а как время было жаркое, то говядина у него вся испортилась. Повез продавать кожи, и дороже двух с полтиной никто ему не дал. Так-то ему дался барыш с накладом, и стал он жить беднее Гаврилы; а Гаврило пошел на выдумки, да и нажил себе большое богатство.

КАК МУЖ ОТУЧИЛ ЖЕНУ ОТ СКАЗОК

Жил себе дворник. Он имел у себя жену, которая страсть как любила сказки, и запретила она пущать к себе в постояльщики тех, кто не умел сказки сказывать. Ну, разумеется, мужу то убыточно, он и думает: «Как бы мне жену отучить от сказок!» Вот однажды в зимнюю пору, поздно ночью, идет себе старичок, весь иззяб, и просится переночевать. Муж выбегает к нему: «А что, – говорит, – умеешь ты сказки сказывать? Жена не велит пущать никого, кто не умеет сказки сказывать». Мужик видит – дело плохо, от холода чуть не мерзнет. «Умею», – говорит. «А долго будешь сказывать?» – «Да всю ночь».

Ну, вот хорошо. Впустили мужика. Муж говорит: «Ну, жена, вот мужик посулился всю ночь сказывать сказки, да только с тем, чтоб поперечки[445] ему не делать и не перебивать». Мужик говорит: «Да, поперечки не делать, а то сказывать не буду». Вот поужинали, легли спать; мужик и начал: «Летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду; летела

сова мимо сада, села на колоду, выпила воду...» И пошел твердить все одно и то же: «Летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду...» Хозяйка слушала, слушала, да и говорит: «Что ж это за сказка, все одно и то же твердит!» – «Так для чего же ты меня перебиваешь? Ведь я говорил, чтобы мне поперечки не делать; ведь это так уж сказка сказывается вначале, а там пойдет другое». Вот муж, услышавши это, а ему то и нужно было, скочил с лавки и давай жену колотить: «Тебе сказано, чтоб ты не поперечила! И сказку не дала кончить!» Уж он бил-бил, бил-бил, так что жена возненавидела сказки и с тех пор зареклась сказки слушать.

КРЕСТ – ПОРУКА

В одном было городе – жили два купца по самый край речки: один русский, а другой татарин; оба были богатые люди. Только русский по каким-то торговым делам обанкротился, так что у него не осталось ничего из пожитков; всё описали и обобрали. Нечего было делать русскому купцу – остался гол как сокол; пошел к своему приятелю татарину и просит у него займы денег. Татарин говорит: «Давай поручителя!» – «А кого ж я тебе дам, когда у меня нет никого?»

Ну да постой, вот тебе порука – на церкви животворящий крест!» – «Хорошо, друг! – говорит татарин. – Я кресту вашему поверю; для меня все равно, что ваша вера, то и наша». И дал русскому купцу пятьдесят тысяч рублей. Русский взял деньги, распростился с татаринном и отправился опять торговать по разным местам.

Через два года на эти пятьдесят он нажил сто пятьдесят тысяч рублей, и случилось ему с товаром плыть по Дунай-реке из одного места в другое; вдруг поднялась буря, так и хо-

чет судно потопить. Тут купец и вспомнил, что брал деньги и давал в поручители животворящий крест, а долгу не заплатил: так, верно, оттого и буря поднялась! Только подумал это, как стала буря утихать. Купец взял бочонок, отсчитал пятьдесят тысяч рублей, написал к татарину записку, положил ее вместе с деньгами в бочонок и бросил тот бочонок в воду, думая про себя: «Когда я давал в поручители крест, так он и доставит!»

Бочонок тотчас же на дно пошел; все так и думали, что деньги потеряются. Что же случилось? Жила у татарина русская стряпка. Вот однажды случилось ей идти на реку за водой; приходит и видит – плавает бочонок; побрела по воде и давай его хватать – не тут-то было! Она к бочонку, а бочонок от нее; она от бочонка к берегу, а бочонок за ней плывет. Так она билась-билась немалое время, пошла домой и рассказала про то своему хозяину. Он сначала было ей не поверил, а потом сам решился идти на реку и посмотреть, что за бочонок такой там плавает. Приходит туда – бочонок, точно, плавает, и недалеко от берега. Татарин снял с себя одежду, зашел в воду, и только что

побрел, как бочонок сам к нему подплывает; взял татарин бочонок, принес домой и раскупорил; заглянул, а в бочонке деньги лежат, наверху денег записка виднеется. Взял он – прочитал записку, а в ней вот что говорилось: «Любезный друг! Возвращаю тебе пятьдесят тысяч рублей, которые когда у тебя занимал, то давал тебе в поручители животворящий крест».

Татарин прочитал и удивился силе животворящего креста; пересчитал деньги: все ли налицо? Деньги оказались все сполна. Между тем русский купец, поторговавши лет с пяток, нажил, порядочный капиталец; приезжает в свое место и, думая, что бочонок его пропал, за первый долг поставил рассчитаться с татаринном; приходит он к нему и отдает занятые деньги. Тогда татарин рассказал купцу все, что было, и как он поймал на реке бочонок с деньгами и с запиской; показал ему эту записку и спросил: «Точно ли это твоей руки?» Тот отвечал: «Точно, моей». Все подивились чудному явлению, и татарин сказал: «Так мне, брат, не нужно с тебя других денег получать; неси-ка их назад». Русский купец отслу-

жил богу благодарственный молебен; а татарин на другой же день крестился со всем своим семейством. Русский купец был у него крестным отцом, а стряпка – крестною матерью. После того жили они оба долго и счастливо; прожили до глубокой старости и скончались в мире.

ОБ ОТЦЕ НИКОЛАЕ

В одном городе был вороватый человек, и наделал уже много бед. Однажды случилось ему обокрасть богатого человека; дело это подметили и послали за ним погоню. Долго он бежал лесом, а впереди того леса была чистая степь верст по крайней мере на десять. Как пробежал весь лес, остановился и не знает, что ему делать. Если бежать по степи, то сейчас поймут, потому что версты на две все видно, а погоня, слышит, уже близко. Тогда-то он начал молиться: «Господи! Прости мою душу грешную; батюшка отец Николай, сокрой меня – я тебе гривенную свечку поставлю».

Вдруг ниоткуда взялся – предстал человек пожилых лет и спрашивает вора: «Что ты те-

перь говорил?» Вор отвечает: «Вот что я говорил: „Батюшка отец Николай, сокрой меня в этой глуши“. И обещался ему свечу поставить». Тут он покаялся старичку в своем грехе. Старик ему сказал: «Если хочешь, полезай в это падалище!» А тут неподалеку лежала падаль. Нечего было делать вору, надо было лезть в падаль, потому что пойману быть не хочется. Залез он туда, а старичок в ту же минуту невидим стал. Тот старичок был сам отец Николай.

Вот приближается погоня; выехали люди на степь, отъехали с полверсты – никого не видать, и воротились обратно; а вор лежит в падалище, еле дышит – такой гнилой дух! Когда проехала погоня мимо, он вылез оттуда и видит опять того же старичка – стоит неподалечку да собирает воск. Вор подходит к нему, благодарит за избавление; тогда старичок снова спросил: «А что ты обещал отцу Николаю, когда искал убежища?» Вор отвечает: «Я обещался сменить гривенную свечу». – «То-то и есть! Как тебе было душно лежать в падалище, так и отцу Николаю было бы душно от твоей свечи». И дал ему старичок наставле-

ние: «Никогда не проси господа бога и святых его угодников на злые дела, потому что господь не благословляет злых дел. Да смотри же, помни мои слова, да и прочим скажи, чтоб никогда не просили бога в худых делах!» Сказал это и скрылся из глаз.

СКРЯГА

Жил-был богатый купец Марко – скупей его не было! Раз как-то пошел он гулять; идучи дорогою, увидел нищего: сидит старец и просит милостыни: «Подайте, православные, Христа ради!» Марко Богатый прошел мимо. Следом за ним шел на ту пору бедный мужик, возжалел нищего и подал ему копеечку. Стыдно показалось богатому, остановился он и говорит мужику: «Послушай, земляк, дай мне займы копеечку; хочется убогому по-дать, да мелких нету!» Мужик дал ему и спрашивает: «А когда за долгом приходиться?» – «Завтра приходи!» На другой день бедный идет к богатому за своей копейкою. Пришел на его широкий двор: «Что, Марко Богатый дома?» – «Дома! Тебе что надо?» – спрашивает Марко. «За копеечкой пришел». – «Ах, брат,

приди, после; ну, право, мелких нет». Бедный поклонился и назад. «Я, – говорит, – приду завтра». Наутро приходит – опять то же: «Мелких денег вовсе нет, коли хочешь, давай с сотенной сдачи... а не то приходи через две недели». Через две недели снова идет бедный к богатому, а Марко Богатый увидел его в окно и говорит жене: «Слушай, жена! Я разденусь догола и лягу под святые; а ты покрой меня полотном, сиди и плачь словно над мертвым. Когда придет мужик за долгом, скажи ему, что я сегодня помер».

Вот ладно, как муж приказал, так жена и сделала: сидит да горючими слезами заливается. Приходит мужик в горницу, она его и спрашивает: «Тебе что?» – «За должком к Марку Богатому», – отвечает бедный. «Ну, мужичок, Марко Богатый приказал долго жить; сейчас только помер». – «Царство ему небесное! Позволь, хозяйка, за мою копеечку послужу ему – хоть грешное тело обмою». С этим словом ухватил чугуна с горячей водою и давай Марка Богатого кипятком ошпаривать. Марко еле терпит, морщится да ногами дрыгает. «Дрыгай не дрыгай, а копейку подай!» –

говорит бедный. Обмыл, снарядил как надо. «Ну, хозяйка, покупай гроб да вели в церковь выносить; я стану над ним псалтырь читать». Положили Марка Богатого в гроб и вынесли в церковь; а мужик стал над ним псалтырь читать.

Наступила темная ночь. Вдруг открывается окно и лезут в церковь воры-разбойники; мужик за алтарь спрятался. Воры влезли и начали меж собой добычу делить; все поделили, остается золотая сабля – всякий к себе тащит, никто не уступает. Бедный как выскочит, как закричит: «Что вы спорите? Кто мертвецу голову отрубит, того и сабля будет!» Марко Богатый вскочил сам не свой. Воры испугались, побросали свою казну и кинулись бежать. «Ну, мужичок, – говорит Марко, – давай деньги делить». Разделили поровну; много досталось и тому и другому. «Что ж копеечку?» – спрашивает бедный. «Эх, брат, сам видишь – мелких нет!» Так-таки и не отдал Марко Богатый копеечки.

Народные анекдоты

Старуха-мать ругала мальчишку, чтоб он не ходил на реку купаться: «Ну, курвин сын, смотри, коль утонешь, так и домой не ходи!»

* * *

Раз зимою ехали по Волге-реке извозчики. Одна лошадь заартачилась и бросилась с дороги в сторону; извозчик тотчас погнался за нею и только хотел ударить кнутом, как она попала в майну[446] и пошла под лед со всем возом. «Ну, моли бога, что ушла, – закричал мужик, – а то я бы нахлестал тебе бока-то!»

* * *

Поехал молодой мужик на промыслы, а жена пошла его провожать; прошла с версту и заплакала. «Не плачь, жена, я скоро приеду». – «Да разве я о том плачу? У меня ноги озябли!»

* * *

Заприметил солдат, что у хохла в сенях висело под коньком пуда два свиного сала в мешке: прорыл ночью крышу, стал отвязывать мешок, да как-то осклизнулся и упал вместе с салом в сени. Хозяин услышал шум и

вышел с огнем: «Чого тобі треба?» – «Не надо ли тебе сала?» – спрашивает солдат. «Ни, у мене свого богацько!» – «Ну так потрудиш, навали мне мешок на спину». Хохол навалил ему мешок на спину, и солдат ушел.

* * *

Раз вошел хохол в церковь в шапке и стал впереди всех; другой увидал и толкнул его: «Что ты шапки не скидаешь?» Тот оглянулся: «А шо, хйба староста здись?»

* * *

В одной слободе напроказил что-то дьячок. Собралась громада[447] и послала за ним десятского. «Пан дьячок, иды в громаду, – сказал десятский, – щось на тебе громада рыпить! [448]» – «Сейчас приду», – отвечал дьячок; захватил с собой кувшин с дегтем да кнач[449] и пошел в громаду. «Кто тут на меня рыпит?» – спрашивает дьячок. «Та хоть бы и мы!» – крикнул старшина. Дьячок мазнул его дегтем по губам – он замолчал. «Еще кто?» Все и замолчали.

* * *

Прибили одного дурня ночью, и стали ему на другой день смеяться. «Ну, – говорит он, –

«молите бога, что ночь была светлая; а то я выкинул бы вам штуку!» – «Какую, скажи, пожалуйста!» – «Я бы спрятался!»

* * *

Трое прохожих пообедали на постоялом дворе и отправились в путь. «А что, ребята, ведь мы, кажется, дорого за обед заплатили?» – «Ну, я хоть и дорого заплатил, – сказал один, – зато не даром!» – «А что?» – «А разве вы не заметили? Только хозяин засмотрится, я сейчас схвачу из солоницы горсть соли, да в рот, да в рот!»

* * *

Какой-то мужик купил полуштоф вина, выпил зараз – ничего; купил еще косушку – все не пьян; выпил еще шкалик – и опьянел. И начал тужить: «Зачем покупал я полуштоф да косушку? Лучше б прямо купил шкалик – с него б меня и так разобрало!»

* * *

Овдовел мужик, пришлось самому хлеба ставить. Вот он замесил в деже[450] тесто и вышел куда-то. В сумерках воротился, хотел было вздуть огонь, как услышал, что кто-то пыхтит; а это хлеба кисли. «Недавно, – дума-

ет себе, – ушел, а кто-то уж забрался в избу!» – и впотьмах наступил на кочергу. Она ударила его в лоб, он закричал: «Сделай милость, не дерись, ведь я тебе ничего не сделал!» – а сам ну пятиться вон из избы. На беду нога разулась, и мужик при выходе прихлопнул оборку[451] дверью и упал. «Батюшка, отпусти! Не держи меня, право слово – ничего тебе не сделаю!»

* * *

Мужик позвал соседа на обед и поставил на стол щи с говядиною. Гость захватил себе весь кусок говядины и говорит: «Ну, брат, что зацепил – то и бог дал!» А хозяин похлебал, похлебал щей, да потом ухватил гостя за волосы и давай таскать: «Ну, брат, что зацепил – то и бог дал!»

* * *

Богатый купец часто зазывал к себе всяких людей, поил, кормил, угощал: только коли кто скажет ему противное – того непременно поколотит. Раз зазвал он к себе ямщика. Тот отпряг лошадей, вошел в хоромы и после долгого угощения сказал: «Довольно, хозяин! Мне пора ехать». Купец давай его бить, так

что ямщик едва вырвался и стал запрягать лошадей. Купец за ним. Ямщик нарочно начал дугу вкладывать кольцом назад. Купец закричал: «Не так вкладываешь!» А ямщик давай его бить да приговаривать: «Не твое дело указывать! Не твое дело указывать!»

* * *

Один мужичок охотник был драться; зазвал к себе в гости мужика, велел хозяйке собрать на стол, велит гостю садиться за стол. Тот отговаривается: «Что ты, Демьян Ильич, беспокоишься напрасно?» Демьян Ильич ему плюху,[452] да и по щеке, и говорит: «В чужом доме хозяина слушай!» Тому нечего делать, сел за стол, потчует его; он ест. Хозяин начал рушать[453] хлеба много. Мужик и говорит: «Куда ты, Демьян Ильич, столько хлеба нарушиваешь?» Демьян Ильич и другу ему чику: [454] «Не указывай, – говорит, – в чужом доме! Делай то, чего хозяин велит». Мужик не рад стал: ежели потчует – не ест, не слушает Демьяна. Тот его бьет да приговаривает: «В чужом дому хозяина слушай!»

На эту пору ниоткуда возьмись – другой детина, только в невзрачной лопотине,[455] а

парень бойкий, без спросу отворяет ворота, заезжает в ограду; а Демьян вышел на крыльцо, кланяется: «Милости просим, милости просим!» – охота и этого побить! Детина – неробкий, снимает шапку и говорит: «Извини, Демьян Ильич, я не спросился – заехал». – «Ничего, ничего! Милости просим в избу». Детина вошел. Хозяин и его садит за стол, жене велит ставить ество, нести хлеба, так и потчует! А детина ест да ест, не перечит. Демьян сколько ни бился – детина ни в чем не перечит: не удалось ему ударить. Он и пошел на проделки, вынес хорошее, самое лучшее платье, говорит детине: «Скидай то, надевай вот это!» Думает сам: «Ужо-де отпираться станет, я его выколочу». Детина не прекословит, надевает. Демьян то, другое подсунет; детина все не спорит. Вывел хорошую лошадь, обседлал в лучшее седло, надел добру узду и говорит детине: «Садись на мою лошадь; твоя-то худая!» – ужо да не станет ли перечить? Детина сел. Демьян велит ехать; тот молчит, понужнул[456] лошадь, выехал из ограды и говорит: «Прощай, Демьян! Не черт пихал, сам попал!» И уехал – поминай как звали: только

и было! Демьян посмотрел вслед, хлопнул руками, да и сказал: «Ну, видно, нашла коса на камень! Дурак же я – хотел побить, да лошадь и пробил!» Может, лошадь-то со сбруей-то сот полторных стоила.

* * *

Жил-был барин; вышел однажды на базар и купил себе канарейку за пятьдесят рублей. Случилось быть при этом мужику; пришел мужик домой и говорит своей бабе: «Знаешь ли что, жена?» – «А что?» – «Ходил я сегодня на базар; там был и барин, и купил он себе малую пташку – пятьдесят рублей заплатил. Дай-ка я понесу к нему своего гусака: не купит ли?» – «Понеси!» Вот взял мужик гусака и понес к барину. Приносит: «Купи, барин, гусака». – «А что стоит?» – спросил барин. «Сто рублей». – «Ах ты, болван!» – «Да коли ты за малую пташку не пожалел пятидесяти, так за эту и сотня дешево!» Барин рассердился, прибил мужика и отобрал у него гуся даром. «Ну, ладно, – сказал мужик, – попомнишь ты этого гусака!» Воротился домой, снарядился плотником, взял в руки пилу и топор и опять пошел; идет мимо барского дома и кричит: «Ко-

му теплы сени работать?» Барин услышал, зовет его к себе: «Да сумеешь ли ты сделать?» – «Отчего не сделать; вот тут неподалечку растет теплый лес: коли из того лесу да выстроить сени, то и зимой топить не надо». – «Ах, братец, – сказал барин, – покажи мне этот лес поскорее». – «Изволь, покажу». Поехали они вдвоем в лес. В лесу мужик срубил огромную сосну и стал ее пластать на две половины; расколол дерево с одного конца и ну клин вбивать, а барин смотрел, смотрел, да спроста и положил руку в щель. Только он это сделал, как мужик вытащил клин назад и накрепко зацебил ему руку. Потом взял ременную плетку и начал его дуть да приговаривать: «Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!» Уж он его дул, дул! Вволю натешился и сказал: «Ну, барин, бил я тебя раз, прибью и в другой, коли не отдашь гусака да сотню рублей в придачу». Сказал и ушел, а барин так и пробыл до вечера: дома-то поздно хватились его, да пока нашли да из тисков высвободили – времени и многолько ушло!

Вот барин захворал, лежит на постели да

охаает; а мужик нарвал трав, цветов, обтыкался ими кругом, обрядился дохтуром и опять идет мимо барского двора и кричит: «Кого полечить?» Барин услышал, зовет его: «Ты что за человек?» – «Я дохтур; всякую болезнь снимаю». – «Ах, братец, пожалуйста, вылечи меня!» – «Отчего не вылечить? Прикажи истопить баню». Тотчас вытопили баню. «Ну, – говорит мужик барину, – пойдём лечиться; только никого не бери с собой в баню, бойся дурного глаза!» Пошли они вдвоем в баню; барин разделся. «А что, сударь, – спрашивает дохтур, – стерпишь ли, коли в этаким жару начну тебя мазью пачкать?» – «Нет, не стерпеть мне!» – говорит барин. «Как же быть? Не велишь связать тебя?» – «Пожалуй, свяжи». Мужик связал его бечевою, взял нагайку и давай валять на обе корки. Уж он валял-валял, а сам приговаривал: «Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!» После, уходя, сказал: «Ну, барин, бил я тебя два раза; прибью и в третий, коли не отдашь гусака да двух сотен рублей на придачу». Барин еле жив из бани вылез, не захотел ожидать третьего раза и отослал мужику и гусака и

двести рублей.

* * *

Жил-был купец; у него был сын. Вот однажды посылает он сына в нижние города товары закупать и на прощанье наказывает: «Смотри же, сынок, будь умен да рассудлив, с рыжим да с красным не связывайся!» Поехал купеческий сын в путь-дорогу. День-то был морозный; вот он прозяб и заехал в кабак обогреться; входит – за стойкою сидит рыжий целовальник. «Налей-ка мне, – говорит ему купеческий сын, – стакан доброй наливки». Выпил стакан наливки, и больно пришлась она ему по вкусу: «Вот наливка, так наливка! Сто рублей стоит! Налей-ка еще». Выпил в другой раз – еще лучше показалась: «Ну, брат, этот стакан двух сот стоит». – А целовальник себе на уме: какую цену сказывал купеческий сын, ту и на стенку записывал. Пришло дело до расчета. «Сколько тебе?» – спрашивает купеческий сын. «Триста рублей». – «Что ты, белены объелся? Экую цену заломил!» – «Не я заломил, ты же сам назначил, да теперь назад пятишься. Только, брат, от меня не отвертишься; коли не заплатишь – с двора не спу-

цу!» Нечего делать, заплатил купеческий сын триста рублей, поехал дальше и думает сам с собою: «Вот она правда-то! Водись после того с рыжими да с красными! Недаром отец наказывал; родительское слово пустяшное не бывает».

На ту самую пору попадается навстречу рыжий мужик с возом. Как увидал его купеческий сын, тотчас выскочил из кибитки и сунулся ничком в снег, ажно дрожит с испугу! «Что с ним случилось? Не попритчилось ли?» – подумал встречный мужик, подошел к купеческому сыну и стал поднимать его на ноги: «Вставай, брат!» – «Отвяжись от меня! Уж один рыжий надул меня, и ты надуешь». – «Полно, брат! Рыжий да красный всякий бывает: бывает плут, бывает и добрый человек. Да кто тебя обманул-то?» – «Так и так, рыжий целовальник из соседнего села». – «Воротись со мной; я с ним сделаюсь». Вот приехали они в кабак, мужик тотчас окинул глазом всю избу, увидал: под матицей баранья лопатка висит, подошел к целовальнику, спросил рюмку водки, да тут же бьет его по плечу и говорит: «Продай-ка мне эту лопаточку!» – «Купи». –

«Что возьмешь?» – «Рубль серебра». Мужик выкинул целковый; после вынул из-за пазухи широкий нож и дает купеческому сыну в руки: «На, брат, вырежь у него лопатку – мне на закуску». – «Что ты! – говорит целовальник. – Я тебе баранью лопатку продал, а не эту». – «Рассказывай! Меня, брат, не проведешь, как этого купеческого сына; не на таковского напал!» Целовальник просить да молить, чуть не в ноги кланяется. «Ну, так и быть! – сказал мужик. – Отпущу тебя, коли воротишь купеческому сыну все деньги сполна». Целовальник отдал назад триста рублей; а мужик того и добивался. «Вот видишь, – говорит купеческому сыну, – рыжий да красный всякий бывает: бывает и плут, бывает и добрый человек. Поезжай теперь с богом!» А купеческий сын только и думает, как бы скорее убраться; сел в кибитку, погоняет лошадей и говорит сам с собой об мужике: «Слава богу, вырвался! Целовальник рыжий плутоват, а этот еще плутоватей; коли б с ним связался, кажись, он с меня с живого бы кожу снял!»

* * *

Жил-был бедный мужик; детей много, а

добра – всего один гусь. Долго берег он этого гуся, да голод не тетка: до того дошло, что есть нечего: вот мужик и зарезал гуся; зарезал, зажарил и на стол поставил. Все бы хорошо, да хлеба нет, а соли не бывало. Говорит хозяин своей жене: «Как станем мы есть без хлеба, без соли? Лучше я отнесу гуся-то к барину на поклон да попрошу у него хлеба». – «Ну что ж, с богом!» Приходит к барину: «Принес вашей милости гуська на поклон; чем богат, тем и рад. Не побрезгуй, родимый!» – «Спасибо, мужичок, спасибо! Раздели же ты гуся промеж нас без обиды!» А у того барина была жена, да два сына, да две дочери – всего было шестеро. Подали мужику нож; стал он кроить, гуся делить. Отрезал голову и дает барину: «Ты, – говорит, – всему в доме голова, так тебе голова и следует». Отрезал гузку, дает барыне: «Тебе дома сидеть, за домом смотреть; вот тебе гузка!» Отрезал ноги, дает сыновьям: «А вам по ножке, топтать отцовские дорожки!» Дочерям дал по крылышку: «Вам с отцом, с матерью недолго жить; вырастете – прочь улетите. А я, – говорит, – мужик глуп, мне глодать хлуп».[457] Так всего гуся и выга-

дал себе. Барин засмеялся, напоил мужика вином, наградил хлебом и отпустил домой.

Услыхал про то богатый мужик, позавидовал бедному, взял – зажарил целых пять гусей и понес к барину. «Что тебе, мужичок?» – спрашивает барин. «Да вот принес вашей милости на поклон пять гуськов». – «Спасибо, братец! Ну-ка раздели промеж нас без обиды». Мужик и так и сяк; нет, не разделишь поровну! Стоит да в затылке почесывает. Послал барин за бедным мужиком, велел ему делить. Тот взял одного гуся, отдал барину с барыней и говорит: «Вы теперь, сударь, сам-третей!» Отдал другого гуся двум сыновьям, а третьего – двум дочерям: «И вы теперь сам-третий!» Остальную пару гусей взял себе: «Вот и я сам-третей!» Барин говорит: «Вот молодец, так молодец! Сумел всем поровну разделить, и себя не забыл». Тут наградил он бедного мужика своею казною, а богатого выгнал вон.

* * *

Повез бедный мужичок дрова продавать. Встречает его богатый да чванный. «Эй, стой! Что на базар везешь?» – «Солому». – «Врешь, дурак! Какая солома – этой дрова!» –

«Ну, коли сам видишь, так неча и спрашивать! У тебя глаза не вылезли!» Сказал бедный и поехал своей дорогой. На другой день идет богатый да чванный по улице с приятелем. «Так и так, – рассказывает ему, – разобидел меня бедный мужичишка!» А бедный как тут – едет опять навстречу. «Вот он – вчерашний мужик-то!» – говорит богатый. «Нет, врешь! – отвечает ему бедный. – Я не вчерашний: скоро сорок лет стукнет, как я живу на белом свете».

* * *

Шли проселком нищие – старик да старуха; стали подходить к деревне. Старик говорит: «Я здесь молока попрошу!» Старуха в ответ: «А я в молоко хлеба накрошу!» Старик ухватил старуху и давай бить да приговаривать: «Не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет, не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет!» Пришли в деревню, а молока никто не дал.

* * *

Повезла баба в город кринку масла продавать; время-то шло к масленой. Нагоняют ее два солдата: один позади остался, а другой

вперед забежал и просит бабу: «Эй, тетка, подпояшь меня, пожалуйста». Баба слезла с воза и принялась подпоясывать. «Да покрепче подтяни!» Баба подтянула покрепче. «Нет, это туго; ослабь маленько». Отпустила послабже. «Уж это больно слабо будет: закрепи потуже». Пока завязывала баба пояс то крепче, то слабже, другой солдат успел утащить кринку с маслом и убрался себе подобру-поздорову. «Ну, спасибо тебе, тетка! Подпоясала ты меня на всю масленицу», – говорит солдат. «На здоровье, служба!» Приехала баба в город, хватить – а масла как не бывало!

* * *

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке: «Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть». А старуха в ответ: «Вот там на гвоздике повесь». – «Аль ты совсем глуха, что не чуешь?» – «Где хошь, там и заночуешь». – «Ах ты, старая ведьма, я те глухоту-то вылечу!» И полез было с кулаками: «подавай на стол!» – «Да нечего, родимый!» – «Вари кашицу!» – «Да не из чего, родимый!» – «Давай топор; я из топора сварю». – «Что за диво! – думает баба. – Дай посмотрю, как из

топора солдат кашу сварит». Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил, варил, попробовал и говорит: «Всем бы каша взяла, только б малую толику круп подсыпать!» Баба принесла ему круп. Опять варил-варил, попробовал и говорит: «Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашу: «Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли, да принимайся за ложку; станем кашу есть». Похлебали вдвоем кашу. Старуха спрашивает: «Служивый! Когда же топор будем есть?» – «Да вишь, он еще не уварился, – отвечал солдат, – где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю». Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошел в иную деревню. Вот так-то солдат и кашу поел и топор унес!

* * *

Купил мужик гуся к празднику и повесил в сених. Проведали про то двое солдат; один взобрался на крышу гуся добывать, а другой вошел в избу. «Здорово, хозяин!» – «Здорово, служба!» – «Благослови колядовать!» – «Колядуй, добрый человек!» Солдат начал:

*А в лесе, в лесе
Солдат на стреси;[458]
Стреху продрал,
Гуся забрал.
Святой вечер!*

А хозяину и невдогад, что солдат прямо в глаза ему смеется. «Спасибо тебе, служивый! Я, – говорит, – такой коляды отроду не слыхивал». – «Ничего, хозяин, завтра сам ее увидишь». Наутро полезла хозяйка за гусем, а гусем и не пахнет давно!

* * *

Дело было весной. Вынесли бабы холсты белить. «Ну, – говорят, – теперь надо смотреть да смотреть, как бы кто холстов не стибрил!» – «У меня все будет цело! – стала похваляться одна старушка. – Кто к моим холстам только руку протянет, тот с места не встанет!» Похвальные речи завсегда гнилы; старуха-то выдавала себя за колдунью, а какая колдунья! Бывало, у людей кровь заговаривает, а у себя и соплей утереть не сможет. Вот разостлала она по полю холсты и уселась сторожить. Проходили мимо двое солдат, и вздумали поживиться чужим добром. «Слушай, то-

варищ! – говорит один. – Ты залезь в кусты, да смотри не зевай, а я пойду, стану с бабой лясы точить». Сказано – сделано. Подошел солдат к старухе: «Здравствуй, баушка!» – «Здорово, ба-тюшка! Куда тебя господь несет?» – «Иду к начальству за тем, за сем, больше незачем». – «И-и, родимый, служба-то ваша куды мудрена!» – «А я, баушка, к тебе с запросом; вижу: ты – человек бывалый! Разрешит-ка наш солдатский спор. Товарищи мои говорят, что в вашей стороне совсем не так звонят, как у нас; а я говорю, что все равно». – «Вестимо, все равно; небось и у вас колокола-то медные!» – «То-то! Прозвони-ка, баушка, по-вашему». – «По-нашему: тинь-тинь-тинь! дон-дон! тинь-тинь-тинь! дон-дон!» – «Не много разницы! У нас, баушка, звонят пореже». Тут солдат махнул своему товарищу рукою и зазвонил: «Тини-тини, потягивай, тини-тини, потягивай!» Старуха и рот разинула; пока она слушала, другой солдат стянул холст – и был таков! «Ну, служивый, – говорит старуха, а сама так и заливается со смеху, – звоны-то ваши куда чудны! Досыта насмеешься!» – «А вот ужо – так досыта наплачешься! Прощай, ба-

ушка!» – «С богом, родимый!» Вечером стали бабы холсты считать; у старухи нет одного. Заплакала она горькими слезами, и наплакалась досыта: правду сказал солдат!

* * *

У мужика в сенях висел кусок сала. Один солдат взобрался на чердак; другой вошел в избу: «Здравствуй, бабушка! Скажи, пожалуйста, как у вас звонят?» – «Неужли ж ты не слыхивал?» – «Не доводилось, бабушка!» – «У нас звонят: тень-бом! тень-бом!» – «А у нас: тини-тини, по-тя-ги-вай, на сто-ро-ну по-глядывай!» – «Хорошо и этак!» – говорит баба. Ну, пока один звонил, другой (солдат) сало стащил.

* * *

Пошел солдат в отпуск; шел-шел, много верст ногами измерил, и добрался к вечеру до одной деревушки. Время было осеннее: то дождем поливало, а тут изморозь пошла. Солдат крепко измочился и весь иззяб; остановился у одной избы, постучался в окно и просится ночевать! «Кто там?» – спрашивает хозяин. «Солдат». – «Откуда тебя черти принесли? Ступай туда, откуда пришел». Постучался солдат

у другой и у третьей избы, всю деревню обошел – нигде не пускают; приходится на улице мерзнуть! Увидал он – на другом краю стоит еще избушка, пошел туда и говорит:

«Эй, хозяин, пусти на ночь кости обогреть!» – «Пожалуй, пуцу, только с тем уговором, чтобы ты всю ночь сказывал нам сказки». – «Хорошо, – говорит солдат, – я стану сказывать, только чтоб никто мне не поперечил; а коли кто хоть едино слово промолвит, так уж не погневись – тому и сказки рассказывать до белого дня». – «Ладно, ладно, служивый!» Вот поужинали и улеглись на ночь: хозяин с солдатом на лавках, хозяйка на печке, а работник под печкою. «Ну, – сказал солдат, – теперь слушайте, начинается моя сказка: как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки! Как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки!» И пошел твердить одно и то же, разов сто уж повторил! Мужик слушал-слушал, разобиделся и не вытерпел: «Послушай, служивый! Ведь ты и меня заодно ругаешь, не я ль тебя в избу пустил?» Солдат вскочил с лавки, хлоп хозяина по уху: «Мое дело было сказывать, твое – слушать да мол-

чать!» Пристал к нему вплотную; ничем не отвяжешься! «Полно, служивый! – говорит хозяин. – Ложись с богом. Я сам тебе стану сказку сказывать». Солдат улегся, а мужик начал: «Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пущу! Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пущу!» Разов сто повторил он эти речи; на ту пору проснулась на печи хозяйка, слышит, что в избе все еще бормочут, и говорит: «Полно вам болтать, скоро свет, а вы всё не спите!» Мужик с солдатом вскочили и пристали к старухе: «Как ты смела перебить нашу сказку? Теперь сама рассказывай!» Нечего делать, начала старуха: «Какой, – говорит, – хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил! Какой хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил!» Твердила, твердила; вот услышал работник и отозвался под печкою: «Будет вам толковать; из пустого в порожнее переливать; добрые люди давно спят!» Тут все трое, и солдат и хозяин с хозяйкою, уцепились за работника: говори-де нам сказку! Работник начал: «Как не спали мы с

вечера, так и не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти! Как не спали мы с вечера, так не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти!» И говорил он эти речи до самого света. Поутру собрался солдат в дорогу: «Прощай, хозяин!» – «Ну те к бесу!»

* * *

Два солдата шли домой на побывку; шли, шли – дело-то было зимою – и набрали на мерзлого человека. Один говорит: «Вот беда!» Другой ему: «Что за беда? Это бог клад дает!» Отрубил у мертвого ногу и положил ее в ранец со всем с сапогом. Пришли они в большое село, сговорились промежду себя и выпросились один у богатого мужика на ночь, другой – у его соседа. Тот, что ночевал у богатого мужика, собрался рано-рано, только светать начинало, подбросил на полати отрубленную ногу и ушел потихоньку. Погодя немного приходит его товарищ, стучится в избу и кричит: «Вставай! Солдату долго спать не приходится; пора в поход идти». – «Да его здесь нету, – говорит хозяйка, – видно спозаранку ушел». – «Вот те на, что выдумала, как же он про меня-то забыл?» Тотчас вошел солдат в избу,

бросился на полати, искал-искал и нашел отрубленную ногу, вытащил ее. «А это что?» – говорит. Хозяин с хозяйкою перепугались: «Батюшка! Знать не знаем, ведать не ведаем; ни душою, ни телом не виноваты». – «Врете вы, воры! Польстились на солдатские деньги, да и зарезали: вот так-то вы нашего брата прохожего обираете да свои карманы набиваете – с того и богатеете! Да что с вами много разговаривать! Пойду к сотскому и заявлю; пускай это дело суд разбирает». Мужик чуть не в ноги кланяется солдату: «Служивый! Батюшка! Нельзя ли как помириться?» Принес ему штоф водки, потчует, а сам все упрашивает. Солдат как выпил, еще пуще зашумел. «Не погуби, родимый! – просит мужик. – Хочешь полсотни взять?» – «Как бы не так! С убитого ты, чай, целую тысячу заграбил; давай пятьсот, в убытке не будешь! Коли дашь – все шито да крыто, а не дашь – на себя пеняй!» Нечего делать, заплатил ему мужик пятьсот рублей. «Давай еще на придачу лошадь с телегой». Мужик и на том не постоял. Вот солдат сел в повозку и поехал в путь-дорогу; нагнал своего товарища, что вперед-то ушел, и гово-

рит: «Здорово, земляк! Не подвезти ли?» – «Что, как дело?» – «Да ведь я ж тебе говорил, что бог клад дает».

* * *

Сидели старик со старухою на печи. Старуха смотрит в окошечко на поле и говорит: «Что, старик, кабы был у нас сынок Иванушка, да была дочка Аленушка, вот бы сынок вспахал тут да посеял хлеба, хлеб-то бы вырос, а дочка сжала; нарастила бы я солоду, наварила бы пива, всю родню свою созвала бы, а твоих не позвала б!» – «Нет, моих позови, а своих не надо!» – говорит старик. «Нет, своих позову, а твоих не надо!» Старик вскочил и ну таскать старуху за косу; таскал-таскал и с печи толкнул.

Старик поехал в лес за дровами, а старуха бежать собралась; напекла пирогов да хлебов, уложила в большой мешок и пошла к соседке прощаться. Узнал как-то про это старик, воротился домой, повынул из мешка все, что баба на дорогу заготовила, отнес пироги да хлебы в клеть, а сам сел в мешок. Старуха пришла домой, подняла мешок на спину и ударилась в беги. Сделала верст пять или шесть, оста-

новилась и говорит: «Сесть было на пенек, съесть было пирожок!» А старик из мешка кричит: «Вижу-вижу, слышу-слышу!» – «Ах, проклятый, он, пожалуй, догонит!» – думает старуха и пустилась дальше. Опять верст шесть отошла и говорит: «Сесть было на пенек, съесть было пирожок!» – «Вижу-вижу, слышу-слышу!» – кричит старик. Она опять бежать; много верст отсчитала и так-то приустиала, не пивши, не евши, что и сил больше не хватает. «Что будет – не будет, остановлюсь здесь, – думает старуха, – отдохну маленько да закушу». Глядь – а в мешке-то муж. Взмолилась старуха старику: «Батюшка, помилуй! Николи вперед не стану бегать». Старик ее простил, и пошли вместе домой.

* * *

Бедный мужик, идучи по чистому полю, увидал под кустом зайца, обрадовался и говорит: «Вот когда заживу домкомто! Возьму этого зайца, убью плетью да продам за четыре алтына, на те деньги куплю свинушку, она принесет мне двенадцать поросеночков; поросятки вырастут, принесут еще по двенадцати; я всех приколю, амбар мяса накоплю; мя-

со продам, а на денежки дом заведу да сам оженюсь; жена-то родит мне двух сыновей Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки давать: эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька, шибко людей на работу не туганьте,[459] видно, сами бедно не живали!» Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал!

* * *

Мужик стащил в лавке куль пшеничной муки; захотелось к празднику гостей зазвать, пирогами попотчевать. Принес домой муку, да и задумался: «Жена! – говорит он своей бабе. – Муки-то я украл, да боюсь – узнают, спросят: отколь ты взял такую белую муку?» – «Не кручинься, мой кормилец, я испеку из нее такие пироги, что гости ни за что не отличат от аржаных».

* * *

«Куда, добрый человек, идешь?» – «Да вон в соседнюю деревню». – «Что ж, там родня у тебя?» – «Да из нашей деревни отдана туда девка замуж». – «Так зачем же ты идешь?» –

«Да либо пива напиться, либо подраться».

* * *

Пришла в кабак баба и спрашивает о своем муже: «Не был ли здесь мой пьяница?» – «Был». – «Ах, подлец, ах, разбойник! На сколько он выпил?» – «На пятак». – «Ну так давай мне на гривну».

* * *

Выдали девку замуж; она сидит и воет: «Свет-то моя крашенина, у матушки на печи осталась!» – «Какая крашенина? Много ли аршин?» – «Да я в квасу хлеба накрошила густо-нагусто, и с лучком и с маслицем!»

* * *

У одной бабы был муж глухой. Раз как-то вздумалось ей приласкаться к мужу. Вот она и говорит ему: «Ох ты, моя защита и оборона!» – «Как, я ощипана ворона? Ах ты, такая-сякая!» – и отколотил жену. «Что ты, глухой черт! – закричала баба. – Разбойник, обидчик этакой!» – «Вот давно бы так!» – сказал муж.

* * *

Давно было. Не стало на селе попа. Согласились мужики избрать попа миром, выбра-

ли и пошли к дяде Пахому. «Пахом, – говорят ему, – а Пахом! Будь ты у нас на селе попом». Пахом и стал попом, да то беда: ни службы не знает, ни петь, ни читать не умеет. Вот однажды собрались миряне в церковь, а в тот день был большой у бога праздник. Пахом выносит книгу и спрашивает: «Православные! Знаете ли вы эту книгу?» – «Знаем, батька, знаем. Еще покойный поп все, бывало, ее читал». – «Ну, коли знаете, нечего вам ее и читать». Выносит другую: «Православные! А эту книгу знаете?» – «Нет, батька, этой не знаем». – «Ну, так что ж вам ее и читать!»

* * *

Повез мужик в город три четверти ржи продавать. Подъезжает к заставе. Обступили его мошенники: «Стой! Как тебя зовут?» – «Егором, родимые!» – «Эх, брат! Недавно у нас четыре Егора церковь обокрали; троих-то нашли, а четвертого всё ищут! Смотри ж, коли где тебя спросят: как зовут? – говори: без четверти Егор; а не то свяжут да в тюрьму посадят». – «Спасибо, родимые, спасибо, что научили!» Приехал мужик на подворье, хватился, а четверти ржи как не бывало! На заставе

стащили.

* * *

Жил-был мужик Иван да жена Арина. Послал он ее в поле рожь жать. Вот Арина пришла на полосу, выжала такое местечко, чтоб можно было одной улечься; улеглась, выпалась хорошохонько и отправилась домой, будто и впрямь потрудились-поработала. «Что, жена, – спрашивает муж, – много ли сегодня выжала?» – «Слава тебе господи, одно местечко выжала». – «Ну, это хорошо! – думает мужик. – Одна полоса, значит, покончена». На другой день опять пошла Арина в поле, выжала местечко и проспала до вечера; и на третий день – то же самое, и на четвертый – то же самое; так всю неделю и проволочила. Пора, думает мужик, за снопами в поле ехать; приезжает – а рожь стоит вся нежатая; кое-где, кое-где выжато местечками, да и то такими, что только человеку улечься. Стал жену искать и видит: лежит она на одном местечке да так-то храпит! Мужик сейчас домой, захватил ножницы, патоки и пуху; воротился на жниву, остриг свою бабу наголо, вымазал ей голову патокой и осыпал пухом; сделал все

это и воротился на деревню. Вот Арина спала-спала, да, наконец, и проснулась; хватилась рукой за голову и говорит сама себе: «Чтой-то попритчилось! Кажись, я – Арина, а голова не моя! Пойду домой: коли собака заляет, так я, значит, – не Арина». Пришла на деревню прямо к своей избе и спрашивает под окошком: «Что, ваша Арина дома?» Муж смекнул и говорит ей: «Дома!» Тут вылезла из-под ворот собака, не признала хозяйки и бросилась на нее словно на чужую; так за полы и хватает. Арина бегом да бегом, как бы только живой от своего дома уйти! И пошла она бродить по полю; целые сутки ничего не пила, не ела. После того мужик сжалился, простил ее, и с той поры стала Арина жать бесхитростно.

* * *

Доселева одинокий был Мартынка, задумал жениться и пошел свататься к попу; вот и сватает девку Устинью. Поп ему и бает: «Ой, Мартынка, отдал бы, да как станешь жить-то? Ведь Устя уросливая[460] такая!» Мартынка отвечает ему: «Батюшка! Я один, а с ней будем двое, не на кого будет сердиться, не с кем

будет браниться». Поп согласился отдать Устю за Мартынка. Вот они и свенчались. Мартынко увез Устю к себе домой; она спрашивает: «Коли ты осердишься, что делаешь?» Он сказал: «Когда осержусь, с воды пьян бываю!» Потом спросил Устю: «А ты, Устя, когда осердишься, что делаешь?» – «Коли я сердита, тогда стану сидеть на печи к углу лицом и у кокошника козырек назад сделаю». На другой день утром уехал наш Мартынко на своей пегой кобыле пахать под вешну.[461] Устя после его настряпала шанег,[462] понесла к нему, кричит: «Мужик, иди есть!» Он как будто не слышит, пашет себе. Устя рассердилась, ушла домой, стряпню свою съела и села на печь к углу лицом. Мартынко как приехал домой, выпил два ковша воды, взял ягненка и порвал; начал полезать на печь к жене, оборвался, пал к дверям избы на пол и захрапел. Жена тихонько слезла с печи, дверей отпереть не посмела, в окошко дров натаскала, истопила печку и настряпала для Мартынка. Он проснулся, она его напотчевала и созвала в гости к отцу. Вот Мартынко запряг свою пегую кобылу в сани – нужды нет, что весной!

Поехали; дорогою кобыла-то у них не пошла, Мартынко отсек ей голову и запряг свою Устю. Подъезжает к дому тестя: увидела попадья с дочерьми, что Устя Мартынка везет, выскочила встречать, взяли кто за гужи, кто за оглобли, пособляют Усте; а поп благодарит Мартынка, что так учит уросливых. Пришли в избу, Устя заказывает своим, чтобы воды нигде не было, а поили бы вином да пивом; сказывала: когда Мартынко воды напьется — беда сердит! На другой день как-то одна стряпка оставила в сенях ведро с водою; он и напился воды, задурел как пьяный, приказывает Усте запрягаться, а она дрожит да все по-па просит, чтобы дал им своего бурка. Поп подарил им лошадь; Мартынко уехал с Устей домой, и теперь они живут да хлеб жуют, а Устя поди-кось какая послушная стала!

* * *

В одном селе жил-был старик, да такой скупой, прижимистый! Как сядет за стол, нарежет хлеба, сидит да на снох посматривает: то на ту, то на другую, а сам ничего не ест. Вот, глядя на него, и снохи тоже поглазеют-поглазеют, да и полезут вон из-за стола го-

лодные. А старик опосля, только что уйдут они по работам, втихомолку наестся, напьется и разляжется на печи сытехонек. Вот одна отпросилась меньшая сноха и пошла к своему отцу, к матери и стала жаловаться на свекра: «Такой-де лютый, ненавистный! Жить нельзя! Совсем есть не дает, все ругается: ненаеды вы этакие!» – «Хорошо, – говорит ей отец, – я приду к вам в гости, сам посмотрю ваши порядки». И погодя денек-другой пришел он к старику вечером. «Здорово, сват!» – «Здорово!» – «Я к тебе в гости; рад ли мне?» – «Рад не рад, делать нечего; садись, так и гость будешь!» – «Как моя дочушка живет, хорошо ли хлеб жует?» – «Ништо, живет себе!» – «Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормят; давай-ка поужинаем, легче говорить будет». Сели за стол; старик нарезал хлеба, сам не ест – сидит, все на снох глядит, «Эх, сват! – говорит гость. – Это не по-нашему; у нас нарезал хлеба да поел, еще нарезал – и то поел. Ну вы, бабы молодые, больше хлеба ешьте, здоровее будете!» После ужина стали спать укладываться. «Ты, сват, где ляжешь?» – спрашивает хозяин. «Я лягу на кутничке». – «Что ты! Я тут завсе-

гда сплю», – говорит старик; вишь, в кутё у него спрятаны были яйца, хлеб и молоко; ночью, как заснут в избе, он украдкою встанет и наестся вдоволь. Сват это дело заприметил. «Как хочешь, – говорит, – а я лягу на кутничке». Вот улеглись все спать. В самую как есть полночь старик ползком-ползком да прямо в залавок – скрип! А гость еще с вечера припас про него большой ремённый кнут; как вытянет свата раз, другой, третий – сам бьет да приговаривает: «Брысь, окаянная, брысь!» Пришлось старику не евши спать. Вот так-то прогостил сват у свата целых три дня и заставил надолго себя помнить. Проводил его старик, и с тех пор полно – перестал у снох во рту куски считать.

* * *

Послала хохлушка в город мужа – продавать кадку масла да купить очипок,[463] и накрепко ему наказала по сторонам не зевать, а смотреть, чтобы не стащил кто кадки. Приехал хохол на базар, поставил свою кадку и уселся на ней. «Что, хохол, продаешь?» – «Масличко». – «Покажи». – «Ни, вкрадешь!» И это говорил он всякому, кто только хотел торго-

вать у него масло. Так без толку и просидел на базаре до самого вечера; а тут пришли два солдата. «Знаешь что, хохол? – сказал ему один, – ведь с вашего брата набор, тебя, пожалуй, в солдаты возьмут. Не хочешь ли помериться? Может, ты и не годишься...» Хохол встал и пошел в меру становиться; солдат примерил его и говорит: «Ну, счастлив твой бог! Ты, брат, не годен». А тем временем другой солдат уж успел стащить у него кадку с маслом. Приходит хохол назад, смотрит – масло украдено; потужил он, потужил и поехал домой. Только в двери, а жена спрашивает: «Що, человек, купив очипок?» – «Ни». – «А масличко продав?» – «Ни». – «Сгубив?» – «Ни». – «Вкрали?» – «Ни». – «Де ж воно?» – «Ге! Усе утро стояв – не вкрали, повдень стояв – не вкрали, та насилу-насилу вже к вичеру вкрали!»

* * *

Шел солдат домой на побывку и забрел к одному мужику ночь ночевать. «Здравствуй, хозяин! Накорми и обогрей прохожего!» – «Ну что ж, садись за стол, гость будешь!» Солдат снял тесак да ранец, помолился образам и

уселся за стол; а хозяин налил стакан горького и говорит: «Отгадай, служба, загадку – стакан вина поднесу; не отгадаешь – оплеуха тебе!» – «Изволь, сказывай загадку». – «А что значит чистота?» Солдат подумал-подумал и вымолвил: «Хлеб чист, значит он и чистота». Мужик хлоп его по щеке. «Что ж ты дерешься? Нас бьют да вину сказывают». – «Чистота, брат, кошка: завсегда умывается! А что значит благодать?» Солдат опять подумал-подумал и говорит: «Знамое дело, хлеб – благодать!» Мужик хлоп его в другой раз: «Врешь, брат, служба! Благодать – вода. Ну, вот тебе последняя загадка: что такое красота?» Солдат опять свое: «Хлеб, – говорит, – красота!» – «Врешь, служба; красота – огонь; вот тебе и еще оплеуха! Теперь полно, давай ужинать». Солдат ест да про себя думает: «Сроду таких оплеух не видал, и на службе царской того не было; постой же, я тебе и сам удружу; будешь меня помнить!»

Поужинали и легли спать. Солдат выждал ни много, ни мало времечка; видит, что хозяйка заснула, слез с полатей, поймал кошку, навязал ей на хвост пакли, паклю-то зажег да

кошку на чердак погнал: бросилась она туда со всех четырех ног и заронила огонь в солому; вмиг загорелась изба, и пошло драть! Солдат наскоро оделся, подошел к хозяину и давай в спину толкать. «Что ты, служивый?» – «Прощай, хозяин! Иду в поход». – «Ступай с богом!» – «Да вот тебе на прощанье загадка: взяла чистота красоту, понесла на высоту: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати! Отгадывай!» – сказал солдат и пошел со двора. Пока мужик ломал себе голову, что бы такое значили солдатские речи, загорелся потолок. «Воды! Воды!» – кричит хозяин, а воды-то в доме ни капли нет; так все и сгинуло. «Ну, правду солдат загадал: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати!» Отольются кошке мышинные слезки!

* * *

Одна глупая баба приехала на ярмарку купить образ Временной Пятницы.[464] Приходит в балаган к разносчику: «Дядюшка, покажи-ка мне образ Временной Пятницы!» Вместо того показывает он ей Егория Храброго. «Дядюшка! Да отчего же она, матушка, на коне?» – «Экая ты, баба, дура! Оттого она и назы-

вается Временною, что иной раз пешком ходит, а временем на коне ездит. Вишь, конь-то так копытища и задирает!»

* * *

Одна баба, ставя по праздникам свечку перед образом Георгия Победоносца, всегда показывала змию кукиш: «Вот тебе, Егорий, свечка; а тебе шиш, окаянному!»

Этим она так рассердила нечистого, что он не вытерпел; явился к ней во сне и стал стращать: «Ну уж попадись ты только ко мне в ад, натерпишься муки!»

После того баба ставила по свечке и Егорию и змию. Люди и спрашивают, зачем она это делает? «Да как же, родимые! ведь незнамо еще куда попадешь: либо в рай, либо в ад!»

* * *

Орал мужик в поле, выорал самоцветный камень. Идет домой, а навстречу ему сосед, такой стародревний. Показал ему камень: «Кому гож?» – «Неси, – говорит, – к царю». Понес; приходит во дворец и повстречал генерала. Поклонился ему до земли: «Батюшка! Доведи до царя». – «Зачем тебе нужно?» – «Несу из деревни подарок». – «Ну, мужичок, чем

царь тебя наградит, отдай мне половину; а не хочешь – вовек не дойти тебе до царя». Мужик согласился. Вот генерал довел его до самого царя. «Благодарю, мужичок! – говорит царь. – Вот тебе в награду за то две тысячи рублей». Мужик пал на колени: «Не надо мне, царь-государь иной награды, кроме пятидесяти стежей в спину». Возжалел его царь и приказал дать ему пятьдесят стежей легонько. А мужик зачал считать; как дали двадцать пять, он и закричал: «Полно, будет с меня; другая половина посулена тому, что довел меня до вашего царского величества». Ну, того позвали и сполна отсчитали половину награды, как следовало; только он не рад был такой награде! Царь поблагодарил мужичка и подарил ему целых три тысячи.

* * *

В некоем царстве поехал король по столичному городу покататься и в то время обронил с своей руки именной перстень. Тотчас же приказал он публиковать в газетах: кто найдет и доставит к нему перстень, тому будет большая награда деньгами. И посчастливилось найти тот перстень одному простому

солдату. «Как теперь быть? – думает солдат. – Коли в полку объявить, то дело пойдет по начальству – от фельдфебеля к ротному, от ротного к батальонному, от батальонного командира к полковнику, а тот к бригадному: так не скоро конца дождешься! Дай-ка я лучше пойду прямо к королю». Приходит во дворец; увидал его дежурный. «Ты зачем?» – «Я, – говорит, – королевский перстень нашел». – «Хорошо, братец! Я об тебе доложу королю, только с тем уговором: какую тебе даст король награду, из той награды половину мне». Солдат задумался: «Вот в кои-то веки счастье попалось, да и тем поделись! – Хорошо, – говорит дежурному, – только дайте расписку, что вам половина и мне половина». Дежурный дал расписку и доложил про него королю. Король похвалил солдата за находку: «Спасибо тебе, молодец! Я тебе пожалуйю за это две тысячи!» – «Нет, ваше королевское величество, это не солдатская награда; солдатская награда – двести палок». – «Дурак же ты!» – сказал король и велел принести палок. Стал солдат раздеваться, расстегнул пуговицы, и выпала у него расписка. «Это что за бумага?» – спросил

король. «А это, государь, расписка, что из теперешней награды только половина моя, а другая следует дежурному». Король засмеялся, позвал дежурного и велел отсчитать ему сто палок. Вот по тому приказу и принялись угощать его палками; как скоро начали отсчитывать последний десяток, солдат подошел к королю и сказал: «Ваше величество, когда он такой жадный, что ему много надобно, то я, так и быть, жертвую ему и свою половину». – «Вишь какой добрый!» – сказал король и велел дать дежурному и другую сотню. С той награды дежурный еле на карачках домой дополз; а солдата отпустил король в чистую отставку и при отпуске пожаловал ему на жить-бытье три тысячи рублей.

* * *

Был в одной помещичьей деревне управляющий-немец, праздников наших не почитал и завсегда заставлял мужиков работать. Приходит к нему однажды староста и говорит: «Завтра у нас праздник, работать нельзя». – «Какой там праздник выдумал?» – «Да святого Николы, батюшка!» – «А где он? Покажь мне его!» Староста принес образ. «Ну,

это доска! – говорит немец. – Мне она ничего не сделает, и сам буду работать, и вы не лени-тесь». Вот мужики и придумали сыграть с немцем шутку; опять приходит к нему староста: «У нас, батюшка, завтра праздник». – «Какой праздник?» – «Да преподобного шерст-ня». – «А где он? Покажь!» Староста привел его к старому дуплу, где шерстни водились: «Вот он!» Немец стал заглядывать в щели, а шерстни так и гудят! «Ишь, – говорит немец, – как песни-то распевает! Али водочки хлеб-нул? Ну, да я его не боюсь, все-таки прикажу работать». Пока немец рассуждал, шерстни вылетели и давай его жалить. «Ай-ай! – за-кричал он во всю мочь. – Право слово – не ве-лю работать, и сам не стану; пускай мужики хоть всю неделю гуляют».

Докучные сказки и прибаутки

ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ

* * *

Жили-были два братца, два братца – кулик да журавль. Накосили они стожок сенца, поставили среди польца. Не сказать ли сказку опять с конца?

* * *

Жил-был старик, у старика был колодец, а в колодце-то елец,[465] тут и сказке конец.

* * *

Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли с начала?

* * *

«Сказать ли тебе сказку про белого бычка?» – «Скажи». – «Ты скажи, да я скажи, да сказать ли тебе сказку про белого бычка?» – «Скажи». – «Ты скажи, да я скажи, да чего у нас будет, да докуль это будет! Сказать ли тебе сказку про белого бычка?[466]»

* * *

«Рассказать ли тебе докучную сказочку?» – «Расскажи». – «Ты говоришь: расскажи, я говорю: расскажи; рассказать ли тебе докучную сказочку?» – «Не надо». – «Ты говоришь: не надо, я говорю: не надо; рассказать ли тебе докучную сказочку?» – и т. д.

ПРИБАУТКИ

* * *

«Государь ты наш Сидор Карпович, много ли тебе от роду лет?» – «Семьдесят, бабушка, семьдесят, Пахомовна!» – «Государь ты наш Сидор Карпович, когда ты умирать будешь?» – «В среду, бабушка, в среду, Пахомовна!» – «Государь ты наш Сидор Карпович, когда ж тебя хоронить будут?» – «В пятницу, бабушка, в пятницу, Пахомовна!» – «Государь ты наш Сидор Карпович, чем тебя поминать будут?» – «Блинами, бабушка, блинами, Пахомовна!» – «Государь ты наш Сидор Карпович, во что после тебя позвонить будет?» – «В сковороду, бабушка, в сковороду, Пахомовна!» – «Государь ты наш Сидор Карпович, много ли

у тебя детушек?» – «Семеро, бабушка, семеро, Пахомовна!» – «Государь ты наш Сидор Карпович, чем после тебя поить-кормить будет?» – «По миру, бабушка, по миру, Пахомовна!» – «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить – зима студена!» – «В лапотках, бабушка, в лапотках, Пахомовна!» – «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить – собаки съедят!» – «С палочкой, бабушка, с палочкой, Пахомовна!» – «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить – не во что милостыню класть!» – «В сумочку, бабушка, в сумочку, Пахомовна!»

* * *

«Куда, миленький, снаряжаешься?» – «Не скажу». – «Скажи, мой дорогой, куда снаряжаешься?» – «В город на ярманку». – «Миленький, возьми меня с собой!» – «Не возьму». – «Возьми, мой дорогой, меня с собой». – «Садись на самый краешек». – «Что у тебя, миленький, в возу?» – «Не скажу». – «Что, мой дорогой, в возу?» – «Яблоки». – «Дай мне, миленький, яблочко». – «Не дам». – «Дай, дорогой, яблочко». – «Возьми одно». – «Где мы, миленький, ночуем с тобой?» – «Не скажу». –

«Скажи мой дорогой, где ночуем с тобой?» – «В большой деревне, у попа в пелевне[467]».

* * *

«Коза, коза, лубяные глаза, где ты была?» – «Коней пасла». – «А кони-то где?» – «Николка увел». – «А Николка-то где?» – «В клеть ушел». – «А клеть-то где?» – «Водой унесло». – «А вода-то где?» – «Быки выпили». – «А быки-то где?» – «В гору ушли». – «А гора-то где?» – «Черви сточили». – «А черви-то где?» – «Гуси выклевали». – «А гуси-то где?» – «В вересняк[468] ушли». – «А вересняк-то где?» – «Девки выломали». – «А девки-то где?» – «Замуж выскакали». – «А мужья-то где?» – «Все примерли».

* * *

«Галка-копалка, ты куда, галка, летала?» – «На дедину полянку». – «Чего делают на дединой полянке?» – «Грамоту пишут, на девицу здышут».[469] – «Девица, девица, сходи за водицей!» – «Рака боюся!» – «Рак на болоте, рубахи колотит, в цветном платье; трой сани с козырями, трой с вычурами».

* * *

Гуси-лебеди летели, в чисто поле залетели,

в поле банюшку доспели. Воробей дрова коллол, таракан баню топил, мышка водушку носила, вошка парилася, приушмарилася;[470] бела гнида подхватила, на рогожку повалила; сера блошка подскочила, ножку подломила, в передбанок вошку выносила...

* * *

Кот на печи сухари толчет, кошка в окошке ширинку[471] шьет, свинья в огороде овес толчет, курочка в сапожках избушку метет; вымела избушку, положила голичок под порожичок.

* * *

Ходит курочка в сапожках, выронила перышко, из перышка-то ядрышко; укатилось оно на Иваново село. На Ивановом селе-то собачка на лычке потявкивает, медведь на цепочке порывается, господин на печке обувается, госпожа за печкой оладьи печет, сухари толчет.

* * *

Слетались птицы стадами, садились малыми рядами, пели они – воспевали, жалобно причитали: кто у нас на море большим? Кто на синем-то меньше? На море орел царем, на

море орлица царица, его голубушка перепелка, русский гусь торговый, сера утка попадья, воробышек дьячок, малые чирята крылошане, дикие гуси дворяне, на море филин водовозом, на море журавль перевозом: то-то ли долгие ноги, то-то ли короткое платье! Журавль по бережку ходит, людей перевозит, цветно платье не мочит; галочки черноваты, малиновки штуковаты,[472] синички молодичицы, касаточки красны девицы; малая птица синица сенушко косить не смогает, по корму скотинушку пускает; жаворон[473] воспеваает, слышит весну красну, слышит лето тепло: стала мать-рожь на колос метаться, скотинушка в лес убираться; ворона-то вшивая, понаплетка фальшивая, летом ворона по суслонам,[474] зимой ворона по дороге, каждого следу перегребаает, каждого братом называет; сорока-то гостиная жена, хочет щепотко[475] ходити, с денежки на денежку ступать, рублем ворота отпирать, полтиною замечать, без калача исть не сядет, без водки не изопьет.

* * *

Лежит зайка под кустом; охотники за ним взорят, зверя малого ловят. Скочил зайка на

ноги: «Вы, охотнички, идите – на мой хвостик посмотрите!»

«Заинька серенький, где ты был-спобывал?» – «Был я, побывал в огороде-ельничке, в амбарчике-спальничке». – «Кого видел-сповидал?» – «Видел я, повидал три девчины хороши, три любчины пригожи; Анюшенька черноброва, черноглаза лучше всех». – «Заинька серенький, они звали ли тебя?» – «Звали-звали, позывали: Катюша на часок, Марьюша на денек; Анюшенька удала на недельку позвала». – «Заинька серенький, кормили ли тебя?» – «Катюша-то блинами, Марьюша-то пирогами; Анюшенька удала кашу с маслом поднесла». – «Заинька серенький, поили ли тебя?» – «Катюшка-то пивцом, Марьюша-то винцом; Анюшенька удала стакан меду налила». – «Заинька серенький, положили ли тебя?» – «Катюша-то на лавку, а Марьюша на другую; Анюшенька удала подушечку подала». – «Заинька серенький, не били ли тебя?» – «Катюша-то клюкой, а Марьюша кочергой; Анюшенька удала за ушеньки подрала». – «Заинька серенький, провожали ли тебя?» – «Катюша-то на сенец, а Марьюша на

крылец; Анюшенька удала за ворота провела».

* * *

Тень-потетень, выше города плетень; на полице трубица гороховая, на печи калачи, как огонь горячи, с печки упали, в горшочек попали. Кушайте, бояре, поварных щей. Тетка-божатка,[476] сошей-ка рубашку, тонёнью, белёнью, косой вороток. Поеду я жениться, на сивке, на бурке, на соловой кобылке. Кобылка, кобылка, не сдерни овина; в овине Арина ткёт полотно, перетыки-то[477] кладет, да недотыкивает. Шапка-татарка поехала по лавкам; бей в доску да поминай Москву. Как на Вологде вино по три денежки ведро, хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся! Куколка, куколка, для ча долго не жила? Я боялась типуна. А типун-то не судья, а судья-то лодыга. Лодыгины дети хотят улетети за Иванов город. Они по грамотке пишут, на девицу дышут. Девица, девица, поди по водицу! На дороге-то волки горох молотили, поповы ребята попу-то сказали, попадья-то с печи обломала плечи. Сём-пересём на лопатке испечен; мужик песню спел, на капустник сел, съел три

короба блинов, три костра пирогов, заулочок рогулек, заход калачей, макинницу сулою,[478] овин киселя, поваренку щей!

* * *

Ну-тка, дядюшка Корнило, запрягай-ка ты кобылу, у Макарья на песку приразмычь горе-тоску: стоит бражка в туеску,[479] бражка пьяная-пьяна, весела хмельная голова! Бражку порняй[480] выпивай!..

* * *

Пошел полковник погулять, поймал птичку-перепелочку; птичка перепелочка пить похотела, поднялась-полетела, пала-пропала, под лед попала, попа поймала, попа-поповича, Петра Петровича.

* * *

Однажды говорила о себе репа: «Я, репа, с медом хороша!» – «Поди прочь, хвастунья! – отвечал ей мед. – Я и без тебя хорош».

* * *

Была репа важная, дивилась старуха кажная; одним-днем кругом не обойдешь; у той репы половину мы с семьей целую неделю ели, а другую половину другую неделю; корку навалили да кобылу надсадили и телегу об-

ломили. Вот какая была мудрость недавно утресь![481]

* * *

Стоит град пуст, а во граде куст; в кусте сидит старец да варит изварец; и прибежал к нему косою заяц и просит изварец. И приказал старец безногому бежать, а безрукому хватать, а голому в пазуху класть.

* * *

Теща про зятя пирог пекла, творила[482] да вмесила три осьмины муки, соли да крупы на четыре рубли, масла да яиц на восемь рублей, окорок свиной да поросенок годовой. Этого пирожка семерым не снесть, а хоть семеро подымут, так десятком не съесть. А зятек сел, в присядку[483] все съел. Теща по полу похаживает, скоса на зятя поглядывает: «Милый зять, не одуло ли тебя?» – «Ласкова теща, не прибавишь ли еще хоть сито блинов, решето пирогов?» – «Что тебя, зятюшка, не розорвало?» Вот зять идет дорогой, а брюшина стороной; навстречу ему прохожий – спрашивает: «Что это за диво? Где я ни бывал, нигде не видал!» – «Какое это диво – зятева брюшина!»

* * *

«Бабушка Арина, куда ты ходила?» – «В новую деревню». – «Ну что в новой деревне?» – «Утка в юбке, селезень в кафтане, корова в рогоже – нет ее дороже». Это присказка, сказка будет впереди. Кудель, кудель, куда ты летила, на кусточек села, на кусточек села – соловьем запела? У нас не так, как у вас: и кудель поет соловьем!

* * *

Наташка, Наташка, сладенька кулажка, [484] сладка медовая, в печи не бывала, жару не видала. Заиграли утки в дудки, журавли пошли плясать, долги ноги выставлять, долги шеи протягать.

* * *

Меж долами, меж горами сидит баба с пирогами, недорого продает, все по денежке пирог. Она век-от свой торгует, ходит босиком: чулки новы, пяты голы, носки выпадали. Призакаялась молодка пирогами торговать, пироги печи, на базар везти.

* * *

Курошинским-то ребятам ныне ложилось, прибогатилось; они с торгу муку брали, муку на солод меняли, часто пивушко варили,

бражку пьяненькую, бражку хмельненькую. Они пили пировали, сами все проистощали, кошелечки нашивали и пестери наплели, по дворам побрели.

* * *

Не белая березонька в поле шатается, шелудивый с плешивым считается: «Хороши твои кудри, хороши твои русы, да не выросли!»

Русские заветные сказки

СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОП ТЕЛЕНКА РОДИЛ

Был-жил поп да попадья. У них был казак, [485] по имени Ванька; только житье у них казаку было не очень-то хорошее: больно скупа попадья была. Вот однажды поехал поп с казаком по сено, верст за десять. Приехали, наклали воза два. Вдруг пришло к сену стадо коров. Поп схватил хворостину и давай за ними бегать; прогнал коров и воротился к казаку весь в поту. Тотчас вместе dokonчили работу и поехали домой. Было темно. «Ванька, – сказал поп, – не лучше ли нам ночевать в деревне хоть у Гвоздя: он – мужик добрый, да у него и двор-то крытый». – «Хорошо, батюшко», – отвечал Ванька.

Приехали в деревню, выпросились ночевать у того мужика. Казак вошел в избу, помолился богу, поклонился хозяину и сказал: «Смотри, хозяин, когда станешь садиться ужинать, то скажи: садитесь, все крещеные; а

если скажешь попу: садись, отец духовный, то он рассердится на тебя и не сядет ужинать; он не любит, когда его так называют». Поп выпряг лошадей и пришел в избу, тут хозяин велел жене собрать на стол и, когда все было готово, сказал: «Садитесь все крещеные, ужинать». Все сели, кроме попа; он сидел на лавочке да подумывал, что его хозяин особенно просить станет, а то и не сбылось. Отужинали. Хозяин и спросил попа: «Что, отец Михаил, не сядился с нами ужинать?» А поп отвечал: «Мне не хочется есть».

Стали ложиться спать. Хозяин отвел попа и его казака в скотницу, потому что в ней было потеплее, чем в избе. Поп лег на печь, а казак на полати. Ванька сейчас уснул, а поп все думает, как бы найти что-нибудь поесть. А в скотной ничего не было, окромя квашни с раствором. Поп стал будить казака: «Что, батюшка, надобно?» – «Казак, мне есть хочется». – «Ну, так что не ешь? В квашне тот же хлеб, что и на столе, – сказал Ванька и сам сошел с полатей, наклонил квашню и говорит: – будет с тебя». Поп начал лакать из квашни, а Ванька как будто невзначай толкнул ее и об-

лил попа раствором. Поп, налакавшись досыта, лег опять и скоро заснул.

В это время отелилась на дворе корова и стала мычать. Хозяйка услышала, вышла на двор, взяла теленка, принесла в скотную и пихнула его на печь к попу; а сама ушла. Поп проснулся ночью, слышит: кто-то лижет его языком; схватил рукою теленка и стал будить казака. «Что опять понадобилось?» – сказал Ванька. А поп: «Ванька! Ведь у меня на печи-то теленок, и не знаю: откуда он явился?» – «Вот еще что выдумал, сам родил теленка, да и говорит: не знаю, откуда взялся». – «Да как же это так могло случиться?» – спрашивает поп. – «А вот как, помнишь, батюшка, как мы сено клали, мало ли ты бегал за коровами! вот теперь и родил теленка!» – «Ванька, как бы сделать, чтобы попадья не узнала?» – «Давай триста рублей, все сделаю, никто не узнает». Поп согласился. «Смотри же, – говорит казак попу, – ступай теперь тихонько домой, да надень вместо сапогов мои лаповики [486]».

Только что ушел поп, казак к хозяину: «Ах вы, ослы! Ведь не знаете того, что теленок по-

па съел, оставил только одни сапоги. Ступайте посмотрите». Напуганный мужик обещал казаку триста рублей, чтоб обделать дело так, чтоб никто про это не узнал. Ванька все обещался сделать, взял деньги, сел на лошадь и поскакал за попом. Нагнал его и говорит: «Батюшка, теленка-то хозяин хочет привести к попадье, да сказать, что ты его родил». Поп еще больше испугался и набавил Ваньке сотнягу: только обделай все тихонько. «Ступай себе, все сделаю», – сказал казак и поехал опять к мужику: «Ведь попадья сойдет с ума без попа, тебе худо будет». Этот простофиля дал казаку еще сотнягу: «Только обмани попадью, да никому не сказывай». – «Хорошо, хорошо!» – сказал казак; приехал на погост, содрал с попа денежки, отошел от него, женился и стал себе поживать да добра наживать.

КАКОВ Я!

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, такой плутоватый, что боже упаси! Стибрил где-то сотню рублей и убежал из своей деревни. Шел-шел и выпросился переночевать у попа: «Ступай, – говорит поп, – ты у нас места не пролежишь». Пришел мужик, разделся и лег на лавке. Вздумалось ему пересчитать деньги, вынул и давай считать. Поп увидал, что мужик считает деньги – а на это они чутки – и думает: «Ишь, ходит оборванцем, а денег какая пропасть. Дай-ко напою его пьяным да и оберу». Вот поп немного погодя подошел к мужику и говорит: «Пойдем, свет, к нам ужинать». Мужик обрадовался: «Спасибо, батюшка!» Сели ужинать; поп поставил вина и давай его наливать: так поштует – просто отдыха не дает. Мужик напился пьян и свалился на пол, поп сейчас вытащил у него из кармана деньги, припрятал к себе, а мужика уложил на лавку.

Наутро проспался мужик, глядь, а в кармане пусто; смекнул в чем дело, да что возьмешь: коли просить на попу – так станут

спрашивать: откуда деньги взял и сам откуль пришел; еще беды наживешь. Так мужик и ушел, таскался кое-где месяц, другой и третий, а там и думает себе: «Чай поп теперь меня позабыл; оденусь-ка так, чтобы не признал меня, да пойду к нему за старое отплатить». Пришел к попу в избу; а попа на ту пору дома не случилось, одна попадья сидела. «Пусти, матушка, переночевать к себе». – «Пожалуй, иди». Он вошел в избу и уселся на лавке. «Как зовут, свет? Откуда идешь?» – «Какофием, матушка, иду издалеча на богомолье».

На столе у попа лежала книга. Вот мужик взял, переворачивает листы да губами бормочет, будто читает, а потом как заплачет. Попадья и спрашивает: «О чем, свет, плачешь?» – «Как мне не плакать? В Святом-то писании писано, что кому за какие грехи будет, а мы грешные столько творим нечестивого, что не ведаю, матушка, как еще бог грехам-то терпит?» – «А ты, свет, научен грамоте?» – «Как же, матушка, насчет этого дела я не обижен от бога». – «А петь по-дьячковски умеешь?» – «Умею, матушка, умею. С малых лет учился: весь церковный устав знаю». – «А у нас, свет,

дьячка нету; уехал отца хоронить; не можешь ли батьке завтра обедню отслужить?» – «Хорошо, матушка! Отчего не помочь?»

Приехал поп, попадья ему все рассказала. Поп тому и рад, угостил мужика как можно лучше. Наутро пришел с мужиком в церковь и начал служить обедню. Только мужик стоит на крылосе и молчит себе. Поп закричал на него: «Что же ты стоишь молча, а не поешь?» А мужик ему. «Пожалуй, я и сяду, коли стоять не велишь». И сел... Поп опять кричит: «Что же ты сидишь, а не поешь?» – «Пожалуй, я и лягу». И развалился на полу. Поп подошел и выкурил его из церкви, а сам остался обедню доканчивать. Мужик пришел к попу на двор. Попадья спрашивает: «Что, отслужили обедню?» – «Отслужили, матушка!» – «А где же батька?» – «Он в церкви остался: надо хоронить покойника. А меня послал к тебе взять новый тулуп, сукном крытый, да бобровую шапку, идти далеко, дак он хочет потеплей одеться». Попадья пошла за тулупом и шапкою. А мужик зашел в избу, снял свою шапку... в нее и положил на лавку, а сам взял поповский тулуп с бобровою шапкою и драла.

Поп отслужил обедню и приходит домой. Попадья увидела, что он в старом тулупе, и спрашивает: «Где ж новый тулуп-то?» – «Какой?» Ну тут рассказали друг дружке про мужика и узнали, что мужик-то их обманул. Поп сгоряча схватил шапку, надел на голову и побежал по деревне искать мужика, а из шапки так и плывет по роже: весь обгадился. Подбежал к одной избе и спрашивает хозяина: «Не видал ли Какофья?» – «Вижу, батюшка, каков ты! Хорош!» Кого ни спросит – все ему одно отвечают. «Какие дураки, – говорит поп, – им одно толкуешь, а они тебе другое!» Бегал, бегал, всю деревню обегал, а толку не добился. «Ну, думает, что с воза упало, то пропало»... Тем сказка и кончилась.

В-ЧЕМ-Я?

Жил-был старик со старухою; у них был сын Иван-дурак. Пришло время – старик со старухой умерли. Иван-дурак и говорит: «Что мне жить одному дома, лучше идти на божий путь бурлачить». Вот он и пошел. Ему навстречу попал поп. Поп говорит Ивану-дураку: «Ты куда пошел?» Иван-дурак отвечает: «Да вот отец и мать у меня умерли, так я пошел бурлачить». – «Наймись ко мне в строшны». [487] «Пожалуй». «Тебя как зовут?» – «Зовут меня: В-чем-я».

Вот поп нанял строшного. После и спрашивает у него: «Ты учен грамоте?» – «Учен». – «Ну, пойдём, – говорит поп, – обедню со мной служить». – «Пожалуй, пойдём». Они зашли в церковь. Поп надевает на себя ризу, а Иван-дурак спрашивает: «А мне чего надеть-то?» – «Где-то был куль рогожный, – сказывает поп, – надень хоть его». Иван-дурак принес куль, спрашивает: «Как же надевать его? Куда голову запихать-то?» Поп говорит: «Где-то был нож?», принес его, перерезал в куле дыру: «Пихай вот сюда».

Иван надел куль и стал служить за дьякона. Поп учит его: «Говори: благослови, владыко». – А Иван ему: «А тебя, батько, можно повесить на лыко». Поп взял и выгнал его из церкви. Иван-дурак побежал к попадье: «Давай, попадья, четыреста рублей, поп деревню купил». Она и отдала ему четыреста рублей. В поповой избе стояла квашня с раствором; Иван взял да и вылил раствор попу в шляпу, поставил ее на стол и закрыл платком, а сам убежал.

Приходит поп от обедни домой. Попадья спрашивает; «На какую деревню просил ты четыреста рублей денег?» – «Что ты, вздурела? Когда я просил?» – «Да строшной приходил за ними, говорит: батько деревню купил; я ему сама отдала». – «Что ты, подлая, надела? Ведь он обманул тебя!»

Схватил поп шляпу с раствором-то, надел на себя: «Побегу, – говорит, – нагоню его». Вот и побежал догонять; бежит себе, а мужик навстречу дрова везет. Поп спрашивает у него: «Не видал ли, свет, В-чем-я?» – «Да, кажись, в растворе, батюшка». Поп побежал дальше, увидал другого мужика, спросил и этого; он

то же сказал. Поп пустился еще дальше, увидел третьего мужика, рубит в лесу дрова. «Дядюшка, – спрашивает его, – скажи, не видал ли ты В-чем-я?» – «Да ты, батько, весь в растворе. Оглянись на себя – сам увидишь».

Поп осмотрелся, а по нем из шляпы так и ползет раствор-то. Поп вернулся домой, весь морщится. «Что, поп, морщишься? Али гриб с корешком съел?» – спрашивает попадья. Поп осерчал, выбил попадью и пошел с горя в кабак, да пропил себе рясу.

СУД О КОВОВХ

В одной деревне жил-был поп да мужик; у попа было семь коров, у мужика была только одна, да хорошая. Только поповы глаза завистливы; задумал поп, как бы ухитриться, да отжилить у мужика и последнюю корову: «Тогда было бы у меня восемь!» Случился как-то праздник, пришли люди к обедне, пришел и тот мужик. Поп вышел из алтаря, вынес книгу, развернул и стал читать середь церкви: «Послушайте, миряне! А еще кто подарит своему духовному пастырю одну корову – тому бог воздаст по своей великой мило-

сти: та одна корова приведет за собой семеро!»

Мужик услышал эти слова и думает: «Что уж нам в одной корове? На всю семью и молока не хватает. Сделаю-ка я по Писанию, отведу корову к попу. Может, и впрямь бог смилуется». Как только отошла обедня, мужик пришел домой, зацепил корову за рога веревкою и повел со двора к попу. Привел к попу: «Здравствуй, батюшка!» – «Здорово, свет, что хорошего скажешь?» – «Был я сегодня в церкви, слышал, что сказано в Писании: кто отдаст своему духовному отцу одну корову, тому она приведет семеро. Вот я, батюшка, и привел к вашей милости в подарок корову». – «Это хорошо, свет, что ты помнишь слово божее! Бог тебе воздаст за то седемерицею. Отведи-ка, свет, корову в сарай и пусти к моим коровам». Мужик свел свою корову в сарай и воротился домой. Жена ну его ругать: «Зачем, подлец, отдал попу буренку? С голоду что ли нам пропадать, как собакам?» – «Эка ты дура, – говорит мужик, – разве ты не слыхала, что поп в церкви читал? Дождемся, наша корова приведет за собой еще семь: тады[488]

похлебаем молочка досыта!»

Целую зиму прожил мужик без коровы. Дождались весны. Стали люди выгонять в поле коров, выгнал и поп своих. Вечером погнал пастух стадо в деревню; пошли все коровы по своим дворам, а корова, что мужик попу подарил, по старой памяти побежала на двор к своему прежнему хозяину; семеро поповых коров так к ней привыкли, что и они следом за буренкою очутились на мужицком дворе. Мужик увидел в свое окошко и говорит своей бабе: «Смотри-кась, ведь наша корова привела за собой целых семь. Правду читал поп: божие слово завсегда сбывается. А ты еще ругалась. Будет у нас теперича и молоко и говядинка». Тотчас побежал, загнал всех коров в хлев и накрепко запер.

Вот поп видит: уж темно стало, а коров нету, и пошел искать по деревне. Пришел к этому мужику и говорит: «Зачем ты, свет, загнал к себе чужих коров?» – «Поди ты с богом! у меня чужих нет, а есть свои, что мне бог дал: это моя коровушка привела за собой ко мне семеро, как помнишь, батька, сам ты читал на празднике в церкви». – «Врешь ты, су-

кин сын! это мои коровы». – «Нет, мои». Спорили-спорили. Поп и говорит мужику: «Ну, черт с тобой. Возьми свою корову назад; отдай хоть моих-то». – «Не хошь ли кляпа собачьего?»

Делать нечего, давай поп с мужиком судиться. Дошло дело до архиерея. Поп подарил его деньгами, а мужик холстом, архиерей и не знает, как их рассудить. «Вас, – говорит им, – так не рассудишь. А вот что я придумал: теперь ступайте домой, а завтра из вас кто придет раньше утром ко мне, тому и коровы достанутся». Поп пришел домой и говорит своей матке-попадье: «Ты, смотри, пораньше меня разбуди завтра утром». А мужик не будь дурак, как-то ухитрился, домой-то не пошел, а забрался к архиерею под кровать. «Здесь, – думает себе, – пролежу целую ночь и спать не стану, а завтра рано подымусь – так попу коров-то и не видать».

Лежит мужик под кроватью и слышит: кто-то в дверь стучится. Архиерей сейчас вскочил, отпер дверь и спрашивает: «Кто такой?» – «Я, игуменья, отче!» [Лежа под кроватью, мужик слышит разговор архиерея с игу-

меньей; на другой день, опасаясь разоблачений мужика, архиерей присуждает ему коров]. Так поп и остался ни при чем, а мужик зажил себе припеваючи.

ЖАДНЫЙ ПОП

Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не принесет гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет страмить: «Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог набрать гривенника, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаянных, богу молится».

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак. Поп просто взбесился. «Послушай, проклятый, – говорит ему, – откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?» – «Помилуй, батюшка, где я больше возьму? что есть, то и даю!» – «По б.....да по кабакам носить, небось, есть деньги, а духовному отцу одни грехи тащишь! ты про эдакий случай хоть украдь что

да продай, а священнику принеси, что подobaет; заодно уж перед ним покаешься и в том, что своровал; так он все тебе грехи отпустит». И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди. «И не приходи ко мне без гривенника».

Солдат пошел прочь и думает; что мне с попом делать? Глядит, а около крылоса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка. «Дай-ка, – говорит сам себе, – попробую эту шапку утащить». Унес шапку и потихоньку вышел из церкви да прямо в кабак; тут солдат продал ее за двадцать рублей, прятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу. «Ну, что, принес гривенник?» – спросил поп, – «Принес, батюшка». – «А где взял, свет?» – «Грешен, батюшка, украл шапку да продал за гривенник». Поп взял этот гривенник и говорит: «Ну, бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю».

Солдат ушел, а поп, покончивши исповедывать своих прихожан, стал служить вечерню; отслужил и стал домой собираться. Бросился к крылосу взять свою шапку, а шапки-то нету: так простоволосый и домой при-

шел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает: «Что угодно, батюшка?» – «Ну, скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?» – «Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит». – «А из которого места ты ее стащил?» – «Да в нашей церкви висела она на поповской палке у самого крылоса». – «Ах ты, сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца? Ведь это смертный грех!» – «Да вы, батюшка, сами меня от этого греха разрешили и простили».

ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ

Пришел великий пост: надо мужику итить на исповедь к попу. Завернул он в кулек березовое полено, обвязал его веревкой и пошел к попу. «Ну, говори, свет, в чем согрешил? А это у тебя что такое?» – «Это, батюшка, белая рыбица, тебе на поклон принес!» – «Ну, это дело хорошее! Чай замерзла?» – «Замерзла, все на погребке лежала». – «Ну, когда-нибудь растает!» – «Я пришел, батюшка, покаяться: раз стоял за обеднею да...» – «Что это за грех! Я и сам один раз в алтаре... Это ничего, свет! Ступай с богом».

Тут начал поп развязывать кулек, смотрит, а там березовое полено.

– «Ах, ты... проклятый! Где-же белорыбица-то?!»

АРХИЕРЕЙ ОТЧИТЫВАЕТ

Был у барина продувной слуга Ванька. Убежал от него и принялся воровать да плутовать. Идет он по рынку, видит: мужик свинью продает. «Что, продаешь свинью?» – «Продаю». – «А сколько просишь?» – «Пять карбованцев». – «Ну, вези за мной на архиерейский двор; нам архиерей не приказывал торговаться». Приехали на архиерейский двор.

А Ванька знал, что архиерей нечистых из людей выгоняет, отчитывает. Сейчас бросился к нему: «Святой владыко! Беда случилась: в моего батюшко нечистый вселился; нельзя ли отчитать?» – «Веди его сюда». Ванька воротился к мужику. «Ступай, – говорит, – к преосвященному за деньгами, да как прийдешь – нагни голову пониже; он наперед молитву прочитает». Старик прошел в горницу и нагнул голову, а владыко взял книгу и давай отчитывать.

Тем временем Ванька сел на телегу и уехал по-добру, по-здорову, и лошадь украл, и свинью увез. Мужик стоял-стоял, согнувшись, инда тошно стало – шея заболела, а архиерей

знай себе читает. Надоело старику. «Буде, владыко, пора деньги за свинью платить!» – «Ах, окаянный, и впрямь в тебе бес сидит, – говорит архиерей, – вишь про свинью поминает». – «Что ты, владыко, али деньги зажилить хочешь? Коли так, я лучше свинью назад повезу».

Бросился на двор – ни повозки, ни свиньи. Ванька уж давно все это спустил, куда надобно, и идет себе как ни в чем не бывало. Шел, шел да в лошадиное дерьмо и попал. Слегка ногою коп – выскочил поп. «Ты откуда, долгогривый, взялся? Как сюда попал?» Ванька еще покопал, на два дьякона напал; взял палочку да тычком – выскочил пономарь с дьячком.

ДОБРЫЙ ПОП

Жил-был поп; нанял себе работника, привел его домой: «Ну, работник, служи хорошенько, я тебя не оставлю». Пожил работник с неделю, настал сенокос. «Ну, свет, – говорит поп, – бог даст, переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено». – «Хорошо, батюшка».

Дождались они утра; встали рано. Поп и говорит попадье: «Давай-ка нам, матка, завтракать; мы пойдем на поле, косить сено». Попадья собрала на стол, сели они вдвоем и позавтракали порядком. Поп говорит работнику: «Давай, свет, мы и пообедаем за один раз, и будем косить до самого полдня без роздыху». – «Как вам угодно, батюшка. Пожалуй и пообедаем». – «Подавай, матка, на стол обедать!» – приказал поп жене. Она подала им и обед. Они по ложке, по другой хлебнули и сыты. Поп говорит работнику: «Давай, свет, за одним столом и пополуднуем; и будем косить до самого ужина». – «Как вам угодно, батюшка, полудновать, так полудновать». Попадья подала на стол полдник. Они опять хлебну-

ли по ложке, по другой и сыты. «Все равно, свет, – говорит поп работнику, – давай заодно и поужинаем, и заночуем в поле – завтра раньше на работу поспеем». – «Давай, батюшка!»

Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола. Работник схватил свой армяк и собирается вон. «Куда ты, свет?» – спрашивает поп. «Как куда? Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться». Пошел в сарай и проспал до света. С тех пор перестал поп угощать работника зараз завтраком, обедом, полдником и ужином.

ПАХОМ

Помер в селе поп, оставался один дьякон; худо ему стало без попа, доходу нет ни копейки, а жить надо; и задумал он поставить какого-нибудь мужика за попа. В одно время пошел он искать, не согласится ли кто на селе быть попом. Идет дорогою, повстречался с ним мужик.

«Здравствуй, мужичок!» – «Здорово, дьячок!» – «Как тебя звать?» – «Пахом». – «Ну, ты будешь у нас попом». – «Да я грамоте не умею» – «Ничего, я тебя научу, что говорить надобно».

Мужик согласился. Пришли они в село; дьячок объявил его прихожанам: «Вот-де вам поп новый поставлен». Дождались праздника, зазвонили к обедне. Мужик оделся в поповские ризы и затянул в алтаре нараспев: «Во время оно шел дьячок, навстречу ему мужичок, – Здравствуй, мужичок! – Здравствуй, дьячок! – Как тебя звать? – Меня зовут Пахом! – Ну, будь у нас ты попом!» А дьячок знай подхватывает: «Господи, помилуй!» Православные слушают да поклоны бьют.

Вот так-то и пошло дело у них на лад. Только через год, через два случилось в то село захватить архиерею; приказал он попу служить обедню и певчих своих на крылосе поставил. Пахом оделся в ризы и затянул по-прежнему: «Во время оно шел дьячок, навстречу его мужичок. – Здравствуй, мужичок! – Здравствуй, дьячок! – Как тебя звать? – Меня зовут Пахом! – Ну, будь ты попом! – Я грамоте не учен! – Не в грамоте дело; говори: архиерею будет четверня лошадей, а певчим пятьсот рублей». Архиерей услышал, что ему сулят лошадей, да всю обедню и прослушал молча; а как отошла обедня, взял четверню и пятьсот рублей на певчих и уехал куда надо, а мужика Пахома похвалил за усердие: он и теперь еще служит.

ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ

Жил-был мужик, у него был кобель. Рассердился мужик на кобеля, взял – повез его в лес и привязал около дуба. Вот кобель начал лапами копать землю, подкопался под самый дуб, так что его ветром свалило. На другой день пошел мужик в лес и вздумал посмотреть на своего кобеля, пришел на то место, где привязал его, смотрит: дуб свалился, а под ним большой котел золота. Мужик обрадовался, побежал домой, запряг лошадь да опять в лес, забрал все деньги и кобеля посадил на воз. Воротился домой и говорит бабам: «Смотрите, угождайте у меня кобелю всячески; коли не станете за ним ходить да не будете его кормить – я с вами по-своему разделаюсь». Ну, бабы стали кормить кобеля на убой, сделали ему мягкую постель, холят его всячески. А хозяин никому, кроме кобеля, и не верит: куда ни поедет, а ключи завсегда повесит кобелю на шею.

Жил-жил кобель, заболел да окошел. Вздумалось мужику похоронить кобеля со всей церемонией; взял он пять тысяч и пошел к

попу: «Батюшка, у меня помер кобель и отказал тебе пять тысяч денег с тем, чтобы ты похоронил его по христианскому обряду». – «Ну, это хорошо, свет, только в церковь носить не надо, а похоронить можно! Приготовляйся, завтра приду к выносу». Мужик изготовился, сделал гроб, положил в него кобеля, а наутро пришел поп с дьяконом и дьячками, в ризах, пропели что надо и понесли кобеля на кладбище да и закопали в могилу.

Дошло у попа до дележа с причтом; он и обидел дьячков, мало им дал; вот они просьбу на него к архиерею: так и так, дескать, похоронили кобеля по-христиански. Архиерей позвал к себе попа на суд: «Как ты смел, – говорит, – хоронить нечистого пса?» – и посадил его под арест. А мужик взял десять тысяч и пошел к архиерею попа выручать. «Ты зачем?» – спрашивает архиерей. Так и так, отвечает мужик: «Помер у меня кобель, отказал вашему преосвященству десять тысяч денег да попу пять». – «Да, братец, я слышал про то и посадил попа под арест, зачем он, безбожник, как нес кобеля мимо церкви – не отслужил по нем панихиды». – Взял архиерей отка-

занные кобелем десять тысяч, выпустил попа и пожаловал его благочинным, а дьячков сдал в солдаты.

ПОХОРОНЫ КОЗЛА

Жил старик со старухой; не было у них ни одного детища, только и был что козел; тут все и животы!.. Старик никакого мастерства не знал, плел одни лапти – только тем и питался. Привык козел к старику: бывало – куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним из дому.

Вот однажды случилось старику идти в лес за лыком, и козел за ним побежал. Пришли в лес: старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям да траву щиплет; щипал-щипал, да вдруг передними ногами и провалился, в рыхлую землю, зачал рыться и вырыл оттедова котелок с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему – и увидал золото; несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги и домой. Рассказал старухе обо всем. «Ну, старик, – говорит старуха, – это нам бог дал такой клад на старость за то, что столько лет с тобой потрудились в бед-

ности. А теперь поживем в свое удовольствие». – «Нет, старуха, – отвечал ей старик, – эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловым, теперича надо нам жалеть и беречь козла пуще себя». С тех пор зачали они жалеть и беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать, да и сами-то поправились – лучше быть нельзя! Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе – поживают, никакого горя не знают.

Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухой, что делать: «Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед богом и людьми грешно, потому что все счастье наше мы через козла получили. А лучше пойду я к попу и попрошу его похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят». Собрался старик, пришел к попу и кланяется: «Здравствуй, батюшко!» – «Здорово, свет! Что скажешь?» – «А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою, у меня на дому случилось большое несчастье – козел номер. Пришел звать тебя на похороны».

Как услышал поп такие речи, крепко рас-

сердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе: «Ах ты, окаянный, что выдумал, вонючего козла хоронить!» – «Да, вить, этот козел, батюшка, был совсем-таки православный; он отказал тебе двести рублей». – «Послушай, старый хрен, – сказал поп, – я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сю пору не дал мне знать о его кончине; может, он у тебя уж давно помер».

Взял поп с мужика двести рублей и говорит: «Ну, ступай же скорее к отцу-дьякону, скажи, чтоб приготавлился: сейчас пойдём козла хоронить». Приходит старик к дьякону и просит: «Потрудись, отец-дьякон, приходи ко мне в дом на вынос!» – «А кто у тебя помер?» – «Да вы знавали моего козла, он-то и помер!».

Как начал дьякон хлестать его с уха на ухо. «Не бей меня, отец-дьякон, – говорит старик, – ведь козел-то был, почитай, совсем православный; как умирал – тебе сто рублей отказал за погребение». – «Эка ты стар да глуп, – сказал дьякон, – что же ты давно не известил меня о его преславной кончине; ступай скорей к дьячку; пуцай прозвонит по козловой душе!»

Прибегает старик к дьячку и просит: «Ступай, прозвони по козловой душе». И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать. Старик кричит: «Отпусти, пожалуйста! Вить козел-то был православный, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал». – «Что же ты до этих пор копаешься, надобно было пораньше сказать мне; следовало бы давно прозвонить!» Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валять во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и стали похороны отправлять; положили козла во гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что поп де козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом: «Как вы смели похоронить козла? Ах вы, безбожники!» – «Да, вить, этот козел, – говорит старик, – совсем был не такой, как другие козлы – он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей!» – «Эка ты, глупый старик, я не за то сужу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!..» Взял тысячу и отпустил старика

и попа по домам.

ПОП-ВОРОЖЕЙКА

Жил-был поп, по прозвищу Жаворонок; а при нем дьячок находился: оба горькие пьяницы. Овдовел и поп, овдовел и дьячок, и начали еще больше прежнего пить горькую. Пропили сначала дьячково имение, а после промотали и батьково. Не на что стало опохмелиться. Говорит поп дьячку: «Возьми, свет, с крылоса церковные книги; заложим в кабак, а после, как поправимся – назад выкупим» Дьячок сейчас сграбастал книги, заложил в кабак и кутнули с попом на славу. Наутро голова трещит, надо бы опохмелиться – да опять не на что! Как быть? Откуда достать? «Погоди, свет, – говорит поп, – что ни будет, а я свои ризы заложу, дак еще с тобой погуляем». Заложили ризы и тут же пропили с дьячком все деньги.

Вот так-то они в две недели все церковные вещи обработали; все в кабак пошло.

Приходит воскресенье, а попу и обедни отслужить нельзя: нет ни одной книги, ни одной ризы – не во что и одеться. «Что нам де-

«...ать, дьяче?» – «Не знаю, батюшка. Что вам угодно, то и делайте; ведь с вас, не с меня спросят» – «Ну, я вот больным скажусь; пускай люди знают, что оттого обедни нет, что поп заболел».

Прошло одно воскресенье, и другое, и третье, а до церкви все не звонят. Люди поговаривают: «Батюшко крепко болен. Нельзя же нам быть без службы божией, станем просить себе другого попа». Услыхал про то поп. «Ну, думает, это дело неладно. Еще, черт возьми, коли наедет иной священник да увидит, что у нас в церкви дочиста обработано, так мне за это достанется; неровен час и в Сибирь уодишь. Надо выдумывать, как бы поправиться». Призывает поп дьячка: «Что, свет, дело-то наше плохо. Умели мы гулять, надо суметь и поправиться». Дьячок в ответ: «Мое дело сторона, я ничего не ведаю, что хотите, то и делайте». – «Да ты слушай, что я стану сказывать». – «Сказывайте, батюшка». – «Вот что, дьяче. Ты ступай воровать, а я буду ворожить. Коли что украдешь – мне прямо и сказывай, где спрячешь, а я буду отгадывать. Вот мы и поправимся». – «Ну, хорошо».

На их счастье в ту же ночь гнали через село гурт быков: дьячок отшиб одну пару и загнал в лес; приходит к попу: «Ну, батюшка, я пару быков украл». – «Куда ж девал?» – «А вот за селом в лесу к сосне привязаны». – «Ладно, свет. Завтра, когда станут быков искать, посылай ко мне ворожить».

Утром рано хватился купеческий приказчик быков, ходит по селу – везде ищет – нет нигде. «Что ты ищешь?» – спрашивает его дьячок. «Да беда приключилась; нынешней ночью пропала из гурта пара лучших быков. Не могу отыскать». – «Эх, почтенный! Да вы ступайте к нашему попу: он сейчас выворожит и вашему горю поможет. Хоть он теперь болен, ну, да коли вы получше заплатите, так ничего, – авось для вас потрудится. Он – старик добрый». – «Да я сотни рублей не пожалею, только бы пропажа нашлась».

Пошел приказчик к попу: «Здравствуйте, батюшка!» – «Здравствуй, свет! Что скажешь?» – «Я к вашей милости.

Потрудитесь, батюшка, пособите моему горю». – «Какому, свет?» – «Пропала у меня пара быков, так поворожите». – «Ах, свет! Я тепери-

ча слаб, хвор, не знаю, что и делать-то?» – «Сделайте милость! Вот вам, батюшка, за труды сто рублей». – «Ну, так и быть. Становись, свет, перед образом на колени да молись богу: авось откроет». Купеческий приказчик встал перед образом на колени и давай лбом поклоны бить, а поп взял старую книгу, книгу читает, а сам воздыхает. Битый час читал, приказчик аж вспотел. «Ну, свет, – говорит поп, – пропажа твоя нашлася, открыл господь. Ступай за село, там есть лесок, а в том лесу твои быки к сосне привязаны; только иди скорее, а то мошенники дальше уведут».

Приказчик бегом в лес пустился и как сказал поп – так и вышло: стоят быки к сосне привязаны. Воротился приказчик в деревню, благодарит попа и говорит между слов: «Батюшка, мне бы хотелось узнать, кто это спроворил – моих быков увел?» – «Ну, свет, этого нам не дано знать». После того призывает поп дьячка: «Теперь, брат, поправимся. Сто рублей в кармане. На первый раз выкупим ризы да книги; а там посмотрим». – Выкупили ризы и книги.

Два дня спустя сказывает поп дьячку: «По-

ди-ка, свет, к нашему барину, сведи с конюшни любимого его жеребца; тогда совсем поправимся». Дьячок дождался ночи и забрался на барский двор; на его счастье кучера были пьяные, он вывел жеребца из стойла да в чистое поле, завел в овраг и привязал около пня. Воротился к попу: «Ну, батюшка, барский жеребец в наших руках». – «Хорошо, свет! Где же ты его спрятал?» – «В овраге».

Поутру просыпаются кучера, смотрят в стойло – нет барского любимого жеребца: где искать? Доложили барину: жеребца де нету. – «Как нету? Где же вы были, чего смотрели? Вот я вас всех передеру, всех в солдаты отдам, коли не сыщете!..» Искали, искали – не нашли – нечего делать, посылает барин за попом, чтобы непременно к нему явился. Пришел поп: «Здравствуйте, барин». – «Здравствуй, поп!» – «Что вам надобно?» – «А вот что, отец, в прошлую ночь у меня воровство случилось: пропал с конюшни жеребец, что ни есть самый лучший; я за него три тысячи заплатил». – «Да, это дело нехорошее». – «Тот и есть. Потрудись, поворожи, а я тебе за хлопоты триста рублей жертвую». – «Надо для

вашей милости потрудиться; прикажите мне отвести особую комнату».

Барин приказал отвести ему особую комнату. Поп взял старую книгу, стал у образа и начал читать; битый час читал, а после выходит к барину: «Господь, – говорит, – открыл вашу пропажу мне, грешному, нашелся жеребец». – «Где, батька?» – «А вот в таком-то овраге у пня привязан: скорей поезжай на то место, а то мошенники вечером уведут дальше». Барин нашел жеребца, воротился домой и отдал попу триста рублей с великою благодарностью: «Спасибо, отец, за твои труды».

Поп выкупил на те деньги и остальные церковные вещи и начал опять служить в церкви, да еще порядком осталось – было на что погулять с дьячком, не день, не два, а почитай с целый месяц, коли не больше. Как только узнали прихожане, что поп может ворожить, так все к нему и бросились: у кого курица али поросенок пропадет, тот сейчас к попу и тащится. «Поворожи, батюшка!» – «Подите вы, окаянные, с эдакими пустяками лезете; стану я курицею да поросенком богу надоедать».

Пошла о попе слава по всему околотку. Вот у одного знатного князя пропала как-то из кабинета шкатулка с деньгами, а денег-то было тысяч со сто; свои люди утащили. Князь приказал заложить карету и ехать за попом, чтоб непременно к вечеру его представить. Приехали за попом. «Собирайся, – говорят, – к князю, у него деньги пропали, ворожить надо». Поп думает: «Что ж это дьячок мне ничего про то не сказывал?» Призывает к себе дьячка: «Что же, свет, молчишь? Куда деньги спрятал?» – «Какие деньги? Я ничего не знаю». – «Как не знаешь? Ведь у князя деньги пропали, требует меня ворожить». – «Да я в его вотчине сроду не бывал». – «Боже мой, что делать-то? Что я князю-то скажу; ведь он меня кнутом засечет». – «Что хотите, то и делайте. Мое дело сторона».

Поп – нечего делать – взял свою старую книгу, сел в карету и поехал на княжеский двор. «Здравствуй, батька!» – «Здравствуйте, ваше сиятельство!» – «Ну, слушай; я ведаю, что ты большой мастер ворожить; поворожи-ка мне, у меня пропала из кабинета шкатулка с деньгами, тысяч сто будет. Ежели во-

ротишь – половину тебе дарю». – «Рад потрудиться для вашей милости; только не знаю, как господь откроет». – «Да неужели ж я грешнее того барина, у которого жеребец пропал? Ты – я вижу, батька, постараться не хочешь». – «Никак нет, ваше сиятельство! Прикажете отвести комнату, стану трудиться. Авось господь милостив – и откроет».

Отвели попу особую комнату; зажег он свечу перед образом, положил свою книгу на стол, читает, а сам думает: «Какой ответ дам я князю? Лучше дождусь глухой полночи и как только пропоют третьи петухи, убегу куда глаза глядят и домой не явлюся». Стоит у стола и книгу читать перестал, дожидается, когда улягутся все спать, да петухи пропоют.

А шкатулку-то князеву украли три его камердинера; сошлись они меж собой и говорят: «Что, братцы, как этот ворожейка-поп да нас узнает, ведь все в Сибирь пойдём. Он, проклятый, теперь книгу читает. Чего доброго, пожалуй, и вычитает. Давайте подслушивать у дверей: коли вычитает – так станем его просить, чтоб на нас князю не доказывал». Пошел один и стал у дверей подслушивать.

Вдруг петухи запели, а поп перекрестился и говорит: «Слава тебе господи, один уже есть; остается двух ждать».

Лакей прибежал к своим товарищам: «Ах, братцы! Одного вычитал; только я к двери, а он и кричит: слава тебе господи, один есть». Пошел другой подслушивать; запели вторые петухи. А поп крестится: «Слава богу, и два есть». – «Эх, братцы, и меня вычитал; только я к двери – сейчас узнал». Третий говорит: «Ну, коли и меня помянет, то пойдем к нему прямо, бросимся в ноги и станем просить, чтобы не выдавал барину». Пошел подслушивать третий, а петухи опять запели. Поп перекрестился: «Слава тебе господи, все три есть!» Схватил книгу подмышку да в дверь бежать, а лакеи ему навстречу – бросились в ноги: «Батюшка, голубчик, не погуби, прости, не сказывай князю, что мы деньги-то унесли». – «Знаю, светы, что унесли; да где спрятали?» – «В саду, батюшка, в озеро, по канату спущены!» – «Знаю, что в озере, да в каком месте?» – «У такого-то дуба». – «Ну, ладно, ложитесь спать, не бойтесь – не выдам».

Утром призывает князь попа: «Что, батька,

твои дела?» – «Слава богу! Господь открыл вашу пропажу». – «Где ж шкатулка?» – «Да в саду – в озеро по канату опущена». – «Кто же за тащил ее туда?» – «Известно кто – нечистый!» Сейчас вытащили шкатулку, принесли в горницу. Князь отомкнул ее, высыпал на стол золото и разделил на две части: «Ну, поп, бери свою кучу!» Поп стал загребать деньги, а у самого на уме – кабы поскорей удрать домой. Князь не пускает: «Пообедай, батька, у меня; а после обеда велю тебя домой отвезти».

А самому князю жалко стало денег. Вот он изловил молодого жаворонка, принес в горницу и посадил под блюдо, и говорит попу: «Ну-ка, ворожея, отгадай, что под этим блюдом? Коли отгадаешь, твоя будет и другая куча золота, а не отгадаешь, – и прежнюю назад возьму». Поп вздохнул и проговорил про себя: «Вот когда попался, Жаворонок». Князь плюнул: «Ну, батька, твоя взяла. Забирай и остальные деньги». Поп взял и другую кучу. Приехал домой и говорит дьячку: «Вот когда поправились – так поправились; в целую жизнь не пропьешь. Одначе полно ворожить, а то еще в беду попадешь. Давай-ка этой но-

чью сожжем книгу».

Как скоро стемнело, поп выбрал из дому все деньги и зажег свою избу. Набежали на пожар люди. Поп орет: «Православные, помогите; книгу-то, книгу-то вытащите». Нет, не вытащили. Поп выстроил себе новый каменный дом и зажил с дьячком богато, в свое удовольствие, а ворожить перестал: «Не могу, – говорит, – книга сторела».

ПОП УГОДИЛ В СОЛДАТЫ

Попадья попу говорила: «Поп, что нам Северная пчела принесет?» – «Вестимо, не смолу, а мед; к нам не прильнет – размещаем мы с кутьей да съедим с тобой, любезною попадьей». – «Да нет, поп! Я тебе говорю не задор». Поп рассердился, попадье в шею сунул, пошел полосьмушки клюнул. Не проспится поп ни ночью, ни днем; повезли попа на прием. Поп возопил: «Прощай, моя питательная кутья; оставайся, моя горемышная попадья! Будешь теперь ты ни матушкой, ни маткой, а навеки солдаткой!» Попал поп в солдаты, говорит себе: «Наполню теперь водою манерку, забуду до веку пить горелку; насыплю в ра-

нец сухарей – я солдат, не иерей. Может, заслужу чин генерала, а покамест хоть дойти до капрала».

ПОП, ПОПАДЬЯ, ДЪЯКОН И РАБОТНИК

Жил-был поп да пападзья, дзьякон да дзьяконица. Тольки и случись так, што пападзья-то полюби дзьякона, а ни попа. У папа был казак,[489] такой парень работсяга. А йон и узнай, што пападзья-то любит не папа, а дзьякона; только и думайт, как бы эдак отучить дзьякона ат пападзьи, а пападзью ат дзьякона. Вот ланно! Анной парой поехали яны с папом на пустыш. Пападзья и блиной, и пирагов напекла, а сама атпустила сваво папа с коркай хлеба. Казак смикнул, што яна настряпала для дзьякона. «Постой-ка, – байт, – я те дам знатсь!»

Лишь только поп с казаком уехали, а дзьякон и шмык к пападзьи и ну угащатсьцы. Дзело приходит к вечиру. Поп, наработавши, стал ложитьцы спать, а казак: «Пусти-ка, – байт, – батя, я схожу на беседки к дзевкам, а на зари – байт, – опятьсь приду к тебе рабо-

татсь». – «Што дзелатсь, – байт поп, – ступай погуляй, да матри приходзи раньше». – «Нешто», байт казак и ушол. Только не к дзевкам, а к пападзьи – посмотреть, што яна дзедает.

Пришел да пад акном[490] и слушает. А дзьякон сидзит у пападзьи да и гаварит: «Ну што, – байт, – если поп или казак придет таперичка, куда мне будзет дзеватьця?» – «Я тя, – байт пападзья, – спрятаю так, што ни каторый из них не найдзет; вот матри: только лишь стукнет к нам в окно каторый нибудзь, ты скорей под печку». Только лишь яна этое молвила, казак стук в окно. «Хто тама?» – «Я», – байт. «Зачем ты?» – «Черт бы вас драл с папом-та: день работай, да и ночью покою нет! Откутай-ка»[491] – «Ну што?» – «Вишь, – байт, – поп велел завостринныя кольи пад печку накидать, штобы яны тама высохли». – «Ланно, – байт пападзья, – ступай атдыхай; я сама пакидаю». – «Да черт знает, каво из вас слушатсь! Мне батька велел, так я сам перекидаю. Посто-ка. Што это так, как ровна мешает?» – «Эта камни», – байт пападзья. – «Ну, так ланно! прощай покаместо; я опять пойду

к папу на пустыш».

Еще гдзе да зари, а уж казак будзит папа: «Ставай, – байт, – батюшка, пара на работу!» Поп скочил и ну работатсь. Весь день бенной работал – не линился. Приходзит ночь. «Пусти-ка, батя, опять меня на беседки; мне нешто полюбилося!» – «Ступай, – байт поп, – да матри, приходзи завстра нонешней порой». – «Нешто!» Пашол, да вместо посидзелок к пападзьи.

Падашол под окно да и слухат. А дзьякон-та тама так все и гостил. «Ну што, – байт, – если апятсь тот азарник придзет, куды мне дзеватьця-та?» – «Вот уж таперичка знаю, – байт пападзья, – я тебя спрятаю туды, што ион уж никогда не найдзет. Матри, как тольки ион стукнитцы пад акном, ты вота в этот мешок, што с рожью-та, и садись, а я тее [492] завяжу». – «Ланно, – байт, – дзело будет».

Только лишь успела это вымолвить, а казак как тут да и стучитцы пад акном. Наш дзьякон как прыснет, развязал мешок и сел в нево, а пападзья завизала да и кричит: «Хто там?» – «Я», – байт казак. «Зачем ты?» – «Вишь поп-та покою мне не дает: день работай, но-

чью на мельницу поезжай!» – «Экой какой! Да так и быть, – байт пападзья, – отдохни ночью, а на мельницу-та съездзишь и завтра, а не то и послезавтра; а то што теперь за езда! Ступай, ступай, агдахни». – «Да ведь черт знает, каво из вас слухать! Мне што велено, то я и дзелаю». Взял мешок, поднял на плечо. «Ох, – байт, – что-та дюжа грузна». Да как с плеча-та фуркнет. Дзьякон только тама здыхат. Вот ион апятсь да и апятсь: поднимит да кинит, поднимит да кинит. «Ну, – байт, – измучился... Черт с ним, што хочет, то и дзелаает, а те-перичка ни за што ни паеду на мельницу; и без таво устал. Прощай, матушка».

Паутру ранешинько, а уж казак апятсь на работи. Папу ничево ни байт а вчерашнем, работаит сибе. Апятсь вечир на дворе. Наш казак папрежнаму проситцы у папа пагу-лятсь. «Ступай, братец, да матри приходзи раньши!» – «Небось». Пашол апятсь туды жа, стал пад акном да и слухат. А дзьякон весь из-битай, абвязавшись сидзит в переднем углу да охает: «Ох, – байт, – как меня ваш казак изувечил. Беда, как апятсь придзет!» – «Вот уж таперичка, – байт пападзья, – амману – так

амману». – «А как?» – «Тольки лишь ион стукнитцы пад акном, ты, – байт, – скарея и пабегай в клев,[493] разденыся да распусти воласта, да и ходи на карачках».

Тольки лишь успела яна вымолвить, как тут казак и стучитцы; а дзьякон уж давно тама. «Што скажеш?» – «Черт вас дзери и с папом-та! измучился, а он йешцо велел напоить телят». – «Ланно, – байт пападзья, – я сама напою». – «Йевота! я сам пойду; гдзе плетсьта? Все ли телята дома?» – «Все». – «Ну так ланно».

Вашол в хлев, поставил пойво; тппррось. тппррось, тппррось! Теляте все падашли, только адзин стоит в углу прижавшись. «Тппрруся, бог с тобой, тппрруся!» – не идзет. Вот ион и плетсью йиво – нейдзет. Вот йищо, йищо да и йищо. Дзьякон видзит дзела неланно, стал на ноги. «А, отсец дзьякон! эта ты? Как так?» – «Малчи, брат, – байт дзьякон, – ни гавари папу; вот тси[494] сто рублев». – «Ланно, ланно, отсец дзьякон. – байт казак, – так и быть – никаму не скажу. Только матри к пападзьи не ходзить!» Пришол дамой в избу с дзьяконам; а пападзья йиму: «Батсюшка, вот

тси двестси рублев, ни гавари никому». – «Так и быть, хазяюшка, никому ни скажу; только матри дзьякона не любитсь!»

Наш работник прожил летсину у папа, взял йищо с ниво дзенежек за работу, и стал жить да поживать, да йих паминать.

* * *

Жил себе поп. Нанимается к нему в батраки дурак. «Что же с меня, – говорит поп, – возьмешь?» Батрак отвечает: «День работать, а ночь на улицу гулять». Поп тому и рад. Вот он день работал с попом в поле; ночь приходит – батрак на улицу пошел. Вернулся домой, стучит в воротах; встречает его попадьа. «Что ты, батрак, зачем?» – говорит. «Да вот день паши, а ночью опять работай на вас, – говорит батрак, – поп велел под печь колья класть – сушить». Приносит батрак колья и начал под печку пхать; а под печкой-та сидит любовник попадьи – дьякон; все ему бока исколол. Дьякон жался, жался, не в мочь стало – лезет из-под печки. «Батрак, молчи, пожалуйста, не сказывай, что был у попадьи».

Батрак смолчал; приходит он опять к попу в поле работать. «Ну что, батрак, хороша ли

улица была?» – «Эх, батюшка, славная!» Настает вечер, поп опять отпускает его на улицу. Приходит батрак домой, слушает под окном, что попадья разговаривает с дьяконом. «Ну, как дурак опять придет? куда тебе спрятаться?» – «Да куда! В закуту к овцам». Вот батрак стучится: «Отворитя ворота!» – «Что ты?» – спрашивает попадья. – «То-та, у вас день-то паши, а ночью иди скотину пой!» – «Сама поила». – «Да не знаю: не то поила, не то нет; батька велел напоить».

Батрак выгнал скотину, а дьякон с овцами на четвереньках ползет; боится, чтоб как его не признал. Скотина пьет, а дьякон уперся – не идет в реку. Вот батрак его раз десять дубиной огрел. «Что ж ты, скотина, нейдешь?» Дьякон жался, жался, да домой бежать. Батрак вернулся в избу и давай сажу обметать. «На что это, батрак?» – спрашивает попадья. – «Я не знаю; так попу захотелось». Намел кошву большую сажи, поставил на полати, а сам пошел к попу в поле пахать.

Вот опять настал вечер – батрак на улицу идет. Слушает опять под окном: дьякон тут, али нет? Дьякон спрашивает: «Куды-то мне

спрятаться будет?» – «Лезь в кошву[495] с сажею – на полатях стоит; авось дурак не догадается», – отвечает попадья. Батрак застучал в ворота. Попадья спрашивает: «Кто это?» – «Это я, матушка!» – «Зачем ты, батрак?» – «Вот тогда увидишь зачем». Схватил веретье,[496] идет в избу, накрыл кошелку с сажею, где дьякон сидел, увязал-упутал, вынес на телегу и повез со двора. «Куда ты? погоди, не езди, поужинай». – «Некогда».

Вот едет он мимо одной мельницы, а навстречу ему помещик. «Что ты, мужик, везешь?» – «Черта везу». – «Покажи, пожалуйста, чтой-то за черт? Я сроду не видал!» Отвечает батрак: «Нет, он уйдет; показать нельзя». – «Что же он тебе стоит?» – «Сто рублей». – «Покажи». – «Да ведь уйдет!» – «Я тебе плачу сто рублей за эвто». Батрак развязал и говорит дьякону: «Смотри же, беги прямо в речку». Как выскочит дьякон, как бросится – бултых в воду! Барин ужаснулся: «Эх, жаль, – говорит, – ведь взаправду ушел». Отдает барин батраку деньги, а он, получивши сто рублей, поехал к попу в поле. «Что ж, батрак, хороша ли улица была?» – «Еще какая знатная!»...

Целой день они работали; настает ночь, батрак опять на улицу просится. Приходит, слушает под окном, дьякон опять говорит попадье: «Экая шельма! Как он меня осрамил. Ну, – говорит, – завтра я сам в поле поеду – пахать стану». – «А я тебе, – отвечает попадья, – наварю каши, нажарю поросятинки, лепешек наделаю, полуштоф вина припасу да все и принесу. Да как тебя найтить?» – «Я буду по дороге стружки стругать; по тем стружкам прямо ко мне придешь. А лошадь у меня, сама знаешь, пегая – не то, что у попа, вороная».

Вот поутру встает попадья и принимается обед готовить, а батрак уже давно к попу воротился. Стали пахать. Пахали, пахали. «Что, батрак, – говорит поп, – а не пора ли обедать?» – «Нет, ище рано. Погоди маленько, нам попадья принесет славной обед». – «Эх, батрак, она сродясь не нашивала». – «Небось, батюшка, принесет». Тут батрак взял – скинул с себя белые портки и навязал на свою лошадь, а стружки уж он давно перетаскал к себе на дорогу. Вот попадья несет обед по стружкам. «Батька! Смотри-ка, вон попадья идет, обед несет». – «И то никак она». Попадья

увидала, что не туда попала, хотела было назад воротиться, а батрак во все горло кричит: «Сюда, сюда неси, матушка». Нечего делать, пошла прямо; поп обрадовался, бежит к ней, гриву растрепав: «Ай да мать! Право слово умица». А батрак стоит без портков. «Прости, – говорит, – матушка, что без порток пахал, вишь какая жара».

Вот сели они обедать; попадья глядь-глядь по сторонам: «Это кто там пашет?» – «Отец дьякон», – говорит поп. «Позови, поп, дьякона, а то скажет: вишь, не позвал». – «Батрак, поди позови». Батрак пришел к дьякону и говорит: «Ну, отец дьякон, поп узнал, что ты с его попадьею живешь, хочет топором тебя срубить. Нарочно затем и зовет тебя». Дьякон не пошел. Батрак приходит и говорит попу: «Нейдет – не хочет». Попадья говорит: «Эй, поп, поди сам, позови». Поп пошел. Батрак и кричит ему: «Захвати, батюшка, топор, у него собаки злы». Поп захватил топор.

Вот дьякон увидел, что поп идет с топором, да скорее бежать с пашни; поп за ним. «Что ты, дьякон, постой, постой!» – Нет, тот все улетывает. Попадья за ними вслед. Батрак по-

добрал все съестное-та, вышел на большую дорогу, сел, поедает да водочку попивает.

Наезжает на него помещик с борзыми и гончими собаками. «Не видал ли ты, мужик, каких зверей тут?» – «Э, да вон тут побежал в яругу волк, за волком медведь, за медведем лисица». Помещик кинулся в яругу, распустил всех гончих и видит: поп бежит за дьяконом, попадья за попом... Плюнул и поехал куда ему надобно.

ПОП У БАБЫ И БАТРАК

Жил мужик (хохол) да баба; у них был работник – хитрый, молодой. И повадился к той бабе поп ходить; как только услышит, что мужа дома нет, сейчас и прибежит к ней. Работник это заметил. Вот дело было в самый сенокос – собрался мужик вечером ехать к морю за песком, запряг лошадей и выехал на улицу. «Послушай, хозяин, – говорит работник, – не ездь нонче за песком, воротись потихоньку назад, – увидишь, как твоя жена с попом гуляет». – «Как же мне это сделать?» – «А вот как». Взял работник лошадей, повернул назад в сарай и говорит хозяину: «Вот те-

бе нож и мешок; садись в мешок, я тебя завяжу, а вот как хозяйка пошлет меня за щепками – я тебя и принесу в избу. Тогда сам узнаешь, как твоя жена с попом прохлаждаются. Станут они пить, гулять и меня с собой посадят, а после заставят петь песни. Ты хорошенько слушай, что я запою – так ты и делай».

Завязал мужика в мешок и пошел в избу. «Что, проводил хозяина?» – спрашивает работника баба. – «Проводил». – «Ну, ступай скорей – позови попа». Работник сбегал за попом; сели они за стол, стали угощаться. «Ну, работник, садись с нами; ведь ты, чай, совсем управился». – «Совсем, хозяйюшка! только вот щепок надо принести – завтра печь топить поутру». – «Ну, ступай, – принеси». Работник побежал в сарай, притащил в избу мешок и положил под печку. Принялись они пить, гулять, песни затягивать. Поп порядком-таки подкутил и говорит работнику: «Спой-ка, свет, ты нам песенку». – «Нет, пускай прежде хозяйюшка споет». Хозяйка затянула: «Ой, пошхав мой Григорий! Да пошхав вин до моря! Ой, бог знае – ой, бог висть, чи буде вин до-

ма!» Потом запел работник: «Да чи чуешь ты, Григорий, што твоя жена говорить? Возьми нож, мех пореж; бери швидче макогон,[497] давай жинки перегон – жинку раз, попа два... трактата-трактата» – «Славная песня, – говорит поп, – вот тебе за нее стакан водки! Спойка еще разок».

Работник запел в другой раз; мужик разрезал мешок, выскочил из-под печки, ухватил макогон и давай лупить бабу – раз, попа – два. Поп насилу выбрался; в окно улизнул.

ПОП РЖЕТ КАК ЖЕРЕБЕЦ

В некотором селе жил-был поп, великий охотник до молодых баб: как только увидит, бывало, в окне, что мимо двора его идет молодка – сейчас высунет голову и заржет по-жеребячьи. На том же селе жил один мужик, у которого жена была очень хороша собой. И ходила она каждый день за водою мимо поповского двора; а поп только усмотрит ее – сейчас высунет в окно голову и заржет. Вот баба пришла домой и спрашивает у мужика: «Муженек, скажи, пожалуй, отчего это; иду я за водою мимо попова двора, – а поп на всю

улицу ржет по-жеребьячьи». – «Эх, дура баба! Это он тебя любить хочет. А ты смотри, как пойдешь за водой и станет поп ржать по-жеребьячьи: иго-го! – ты ему и сама заржи тонким голосом: иги-ги! Он к тебе сейчас выскочит и попросится ночевать с тобой; ты его и замани; вот мы попа-то и обработаем: пусть не ржет по-жеребьячьи».

Взяла баба ведра и пошла за водой. Поп увидел ее из окошка и заржал на всю улицу «иго-го! иго-го!». А баба в ответ ему заржала: «иги-ги, иги-ги». Поп выскочил, надел подрясник, выбежал из избы к бабе: «Что, Марьюшка, нельзя ли того...» – «Можно, батюшка! вот муж собирается в город на ярманку, только лошадей нигде не добудет». – «Ты давно бы сказала! присылай его ко мне – я дам свою пару лошадей и с повозкой: пусть себе едет». Воротилась баба домой и говорит мужу: так и так, бери у попа лошадей.

Мужик сейчас собрался и прямо к попу, а поп давно его ждет. «Сделайте милость, батюшка, дайте пару лошадей на ярманку съездить». – «Изволь, изволь, свет!» Запряг мужик поповых лошадей в повозку, приехал домой и

говорит жене: «Ну, хозяйка, я выеду за деревню, постою немножко, да и назад. Пусть поп приходит к тебе гулять, а как я ворочусь, да застучу в ворота, он испугается и станет спрашивать: где-бы спрятаться? Ты и спрячь его в этот сундук, что с голанской сажей стоит; слышишь?» – «Ладно!»

Сел мужик в повозку и поехал за деревню. Поп увидел и сейчас бросился к бабе: «Здравствуй, Марьюшка!» – «Здравствуй, батюшка, теперь нам своя воля – погуляем! Садись-ка за стол да выпей водочки». Поп выпил рюмку и не терпится ему: поскидал с себя рясу и сапоги... Вдруг как застучат у ворот. Поп испугался и спрашивает: «Кто это, Марьюшка, стучится?» – «Ах, батюшка, ведь это мой муж домой приехал, кажись что-то позабыл». – «Куда ж мне-то, свет, спрятаться?» – «А вон порожний сундук стоит в углу, полезай туда». Поп полез в сундук и прямо попал в сажу; улегся там, еле дышит; баба сейчас закрыла его крышкой и заперла на замок.

Вошел мужик в избу. Жена и спрашивает: «Что воротился?» – «Да позабыл захватить сундук с сажею; авось на ярманке-то купят.

Пособи-ка на повозку снести». Подняли они вдвоем сундук с попом и потащили из избы. «Отчего он такой тяжелый, – говорит хозяин, – кажись совсем порожний, а тяжел?» А сам тащит-тащит, да нарочно об стенку или об дверь и стукнет. Поп катается в сундуке и думает: «Ну, попал в добрый капкан». Втащили на повозку; мужик сел на сундук, и поехал на поповых лошадях в город; выехал на дорогу, как стал кнутом помахивать да коней по-стегивать, помчались они во весь дух.

Вот едет ему навстречу барин и говорит лакею: «Поди, останови этого мужика, да спроси – куда так шибко гонит?» Лакей побежал и кричит: «Эй, мужичок, постой, постой!» Мужик остановился. «Барин велел спросить, что так шибко гонишь?» – «Да чертей ловлю, оттого шибко и гоню». – «Что же, мужичок, поймал хоть одного?» – «Одного-то поймал, а за другим гнался, а вот ты помешал. Теперь за ним не угонишься». Лакей рассказал про то барину; так и так, одного черта мужик поймал. Барин сейчас к мужику: «Покажи, братец, мне черта; я с роду их не видывал». – «Дашь, барин, сто рублей – покажу». – «Хоро-

шо», – сказал барин.

Взял мужик с барина сто рублей, открыл сундук и показывает, а в сундуке сидит поп весь избитый да вымазанный сажею, с растрепанными патлами. «Ах, какой страшный, – сказал барин, – как есть черт! Волосы длинные, рожа черная, глазища так и вылупил». Потом мужик запер своего черта и опять поскакал в город. Приехал на площадь, где была ярманка, и остановился. «Что, мужик, продаешь?» – спрашивают его. «Черта», – отвечает он. – «А что просишь?» – «Тысячу рублей» – «А меньше как?» – «Ничего меньше. Одно слово тысячу рублей». Тут собралось около мужика столько народу, что яблочку упасть негде. Пришли двое богатых купцов, протолкались кое-как к повозке. «Мужик, продай черта!» – «Купите». – «Ну что цена будет?» – «Тысяча рублей, да и то за одного черта без сундука, сундукто мне нужен: коли еще поймаю черта, чтоб было куда посадить».

Купцы сложились и дали ему тысячу. «Извольте получить!» – говорит мужик; открыл сундук. Поп как выскочит – да бежать! Прямо в толпу бросился, а народ как шарахнется от

него в разные стороны... Так поп и убежал. «Экой черт! К эдакому коли попадешься, со всем пропадешь!» – говорят купцы промеж себя. А мужик воротился домой, отвел к попу лошадей. «Спасибо, – говорит, – батюшка, за повозку; славно торговал, тысячу рубликов зашиб!»

После того баба его пошла за водой мимо попова двора, увидала попа, и ну ржать: иги-иги-иги! «Ну, – сказал поп, – муж твой славно меня угигикал!» С тех пор перестал поп ржать по-жеребьячи.

МУЖ ДА ЖЕНА

Жил мужик да баба; она была больно востра, не любила мужика, полюбила попа; сама не работала, да и мужу не давала, все больной прикидывалась, да посылала в разные места за лекарствами: хочется как-нибудь да извести мужа. Вот посылает его раз в Ревель[498] за лекарем. Муж пошел, повстречался с мужиком. Тот спрашивает: «Куда идешь?» – «Да жена больна, иду приискать лекаря». – «Давай, я вылечу». – «Пойдем, батюшка! Помоги Христа ради, замучилась бед-

ная».

Вот вернулись, стали подходить к избе; лекарь и говорит: «Погодит-ко на дворе, дай я наперед посмотрю, что с ней делается?» Заглянул в окно – она с попом гуляет, харчей, вина и браги – всего вдоволь. Он и просится: «Хозяюшка, пусти ночевать». Она было не хотела, да поп говорит: «Пусти, ведь он не знает: ни кто ты, ни кто я».

Ппустила его в избу и накормила-напоила, мужик говорит: «Хозяюшка, мне бы соломки надобно». – «Пойди в пелевню,[499] возьми сколько надобно». Он пошел, завернул хозяйна в солому и принес в избу. После ужина баба с попом заплясала. «Мужичок, – говорит, – спой песенку». – «Прежде ты спой, а потом я спою». Она пляшет и поет: «Пошел мужик до Ревеля, пошел мужик до лекаря; ему дома не бывать, жены не видать». А мужик запел: «Слышишь ли, солома, что делается дома? Кнут висит на стене, быть ему на спине». Мужик выскочил из соломы и ну дуть по па да хозяйку. Важно отдул. Перестала хворать.

ХИТРАЯ БАБА

Жил-был мещанин, у него была пригожая жена. Жили они и прожились. И говорит жена мужу: «Надо нам с тобой поправиться, чтоб было чем свои головы прокормить». – «А как поправиться?» – «Уж я придумала, только не ругай меня». – «Ну, делай, коли придумала». – «Спрячься-ка, – говорит жена, – да выжидай; а я пойду приведу к себе гостя, ты и застучи: тут мы дело и обделаем». – «Ну, хорошо!» Вот взяли они короб, насыпали сажею и поставили на полатях. Муж спрятался, а жена набелилась, нарумянилась, убралась и вышла на улицу, да и села подле окошечка – такая нарядная.

Немного погода едет мимо верхом на лошади поп, подъехал близко и говорит: «Что, молодушка, нарядилась, али у тебя праздник какой?» – «Какой праздник, с горя нарядилась: теперь я одна дома». – «А муж где?» – «На работу уехал». – «Что ж, голубушка, твоему горю пособить можно; пусти-ка меня к себе в гости, так и не будешь одна ночь коротать». – «Милости просим, батюшка!» – «Куда ж ло-

шадь девать-то?» – «Веди во двор. А я велю батраку прибрать ее».

Вот вошли они вдвоем в избу. «Как же, голубушка, надо наперед выпить; вот целковый – посылай за вином». Принес батрак им целый штоф водки; они выпили и закусили. «Ну, теперь пора и спать ложиться», – говорит поп... Поп только улегся на кровать, как муж застучал шибко-нашибко. «Ох, беда моя! Муж воротился! Полезай, батюшка, на полати и спрячься в короб!» Поп вскочил в короб и улегся в саже. А муж идет в избу да ругается: «Что ты, мать твою разъедак! Дверь долго не отворяешь!»

Подошел к столу, выпил водки стакан и закусил; вышел потом из избы и опять спрятался, а жена поскорей на улицу и села под окошечком. Едет мимо дьякон. С ним то ж случилось. Как застучал муж, дьякон, раздетый до гола, чебурах в короб с сажей и прямо попал на попа: «Кто тут?» – «Это я, – говорит поп шепотом. – А ты, свет, кто?» – «Я, батюшка, дьякон». – «Да как ты сюда попал?» – «А ты, батюшка, как? Уж молчи, чтоб хозяин не услышал, а то беда будет».

Потом таким же образом заманила к себе хозяйка дьячка. Очутился и он в коробе с сажей; ощупал руками попа и дьякона: «Кто здесь?» – «Это мы, я и отец дьякон, – говорит поп, – а ты, кажись, дьячок?» – «Точно так, батюшка». Наконец пошла хозяйка на улицу и звонаря заманила. Звонарь только разделся, как раздался шум и стук, он бултых в короб: «Кто тут?» – «Это я, свет, с отцом дьяконом и дьячком; а ты, кажись, звонарь?» – «Так точно, батюшка». – «Ну, свет, теперь весь причт церковной собрался».

Муж вошел и говорит жене: «Нет ли у нас сажи продажной? Спрашивают, купить хотят», – «Пожалуй, продавай, – говорит жена, – на полатях целый короб стоит». Взял он с батраком, взвалили этот короб на телегу и повезли по большой дороге. Едет барин: «Сворачивай!» – кричит во всю глотку. – «Нельзя, у меня черти на возу» – «А покажи», – говорит барин. – «Дай пятьсот рублей!» – «Что так дорого?» – «Да коли открою короб, только и видел их: сейчас уйдут». Дал ему барин пятьсот рублей: как открыл он короб – как выскочил оттуда весь причт церковный да во всю

прыть бежать – настоящие черти, измазанные да черные.

ХИТРАЯ ЖЕНА

Жил-был бедняк чеботарь, [500] ничего за душой не было, и пошел он на выдумки; попросил товарищей придти с утра на свой пустырь с лопатами да носилками и обещал им за то выставить на последние деньги ведро водки, и начали они на улице рвы копать. Увидал то богатой купец и стал спрашивать бедного: «Что он делает?» А парень в ответ: «Хочу дом каменный ставить, так вот рвы копаю».

Купец поверил. На другой день посватался парень за купеческую дочь. Купец обрадовался: «У него, вить, – думает, – деньги есть». И выдал за него свою Машу. А Маша была куда хитра. Видит, что у мужа нет ничего, и вздумала поправиться; оделась в цветные платья и пошла гулять по городу; подходит к монастырю, видит – стоит у ворот монах. Она к нему под благословение. Монах благословил, да и позарился на бабу: «Зачем, – говорит, – милая, сюда зашла?» – «Да что от вас, отец

святой, утаишь, а от бога-то нет; по правде сказать, погулять хочется...» – «Ну, это ничего. Хочешь ли со мной познакомиться?» – Маша ответила, что не прочь с ним знакомство вести, коли даст за то сто рублей, объявила ему свою квартиру и велела приходить вечером. Воротившись домой, рассказала про все мужу, села под окошечко и дожидается гостя.

Как только стемнело, а монах уж тут. «Ах, это вы, душенька! – встречает его Маша. – Пожалуйста сюда!» Впустила его в комнату. Монах снял свой клобук и рясу, взял Машу, посадил к себе на колени. – «Постойте, – говорит Марья Гавриловна, – отдайте наперед, ваше преподобие, рядные деньги». Монах вынул деньги и отдал сто рублей. Хозяйка взяла, а муж подошел тут к двери и давай кричать сердито: «Эй, шкура! Отпирай двери!» Монах испугался: «Что такое?» – «Ах, милушка, ведь это мой хозяин пришел, да никак еще пьяный». – «Ох, куда ж я-то деваюсь?» – А у чеботаря стояла большая кадка, в которой мочил он кожи; Марья Гавриловна посадила туда монаха и закрыла крышкою; потом, отперла дверь ипустила мужа. Он вошел и закричал:

«Что, курва, намочила ль кожи?» – «Намочила, голубчик!» – «Врешь». – «Да хоть сам посмотри». Он поднял крышку, заглянул в кадку и заревел. «Это что за черт сидит?» – Ухватил монаха за волосы, вытащил из кадки и ударил об пол, да таково крепко, что из него и дух вон. Что тут делать? Взял мертвое тело и положил пока в подполье.

На другой день Маша нарядилась и пошла опять прогуляться, дошла до монастыря, встретила иного монаха и того к себе на ночь подговорила. Пришел святой отец в гости и только было хотел разговеться, как муж в дверь застучал. Монах с испугу под печь схоронился, где лежали старые колодки. Вошел муж в избу: «Ну, что, шкура, нашла мои колодки?» – «А я тебе что за слуга! Ищи сам, коли надо». Он взял свечку, заглянул под печку, увидел монашьи ноги: «Это что за ноги?» Ухватил монаха, вытащил, ударил об пол и убил до смерти, а убивши, спрятал в подполье. На те деньги, что жена взяла с гостя, купили они вина и закусок и пировали себе, как ни в чем не бывало.

На третий день Марья Гавриловна подго-

ворила третьего монаха, взяла с него сто рублей и запрятала в печь. Муж вошел в избу, и просит у жены поесть. А она говорит: «Что есть в печи, то и на стол мечи!» Чеботарь открыл заслонку и закричал: «Это что за гусь в печи?» Вытянул монаха за длинные космы, ударил об пол, убил до смерти и бросил в подполье. После того думает он себе: «Куда ж я их деваю?» Взял три рубля денег и пошел в кабак, а там на ту пору пьяница Тимошка Кавардак. Стали они вместе пить да гулять; выпили целый штоф. Тимошка просит приятеля: «Возьми еще полштофа». – «Как же? За что тебя поить-то?» – «Всем заслужу! Только прикажи». Чеботарь купил ему полштофа, вывел его в сени и говорит: «Надо-де снести мертвого монаха; залез ко мне в голбес,[501] да там и окачурился». – «Ишь его леший занес куда! Да ладно, – говорит, – все сделаю».

Пошли они домой; ночью взвалил Тима монаха на плечи и понес в воду; прилучилось ему идти мимо монастыря; около ворот стоит придверник и окликает: «Кто идет?» – «Черт», – отвечает Тима. «Кого несет?» – «Монаха!» – «Ахти, какая беда! Да куда ж он

несет?» – «В воду». Придверник побежал к настоятелю с докладом: «Ваше преподобие, черт-де монаха унес!» Настоятель оградил себя крестным знамением: «Что ты, дурак, бредишь!» – и прогнал его вон. Тима успел уже бросить одного мертвеца в воду и воротился к чеботарю. «Ну, – говорит, – обработал дело, снес монаха». – «А это что?» – отвечает ему чеботарь и показывает на другого монаха; он вытащил его из подполья. Тима давай пихать мертвеца ногами: «Ах ты, дьявол длинногривый, прежде меня успел назад прибежать!»

Схватил его за плечи и потащил опять тою же дорогою. Монастырский привратник опять спросил Тимошку, получил прежние ответы и побежал снова с докладом к его преподобию. Настоятель диву давался и велел пересчитать монахов. Пересчитали – трех как есть недостает. Настоятель крепко смутился, взял крест в руки, велел монахам поднять иконы и обходить монастырь крестным ходом. Надо же отстаивать себя от нечистой силы. Пока все это готовилось, Тиме пришлось стащить в воду третьего мертвеца: «Ишь – говорит Тима, – ты все из воды бегаешь? Так я

же ухитрюсь, свяжу тебя веревкою по рукам и по ногам, авось в омуте останешься».

Спутал мертвецу руки и ноги, стянул крепко-накрепко, выпил стакан-другой вина и понес к реке. Идет мимо монастыря, а навстречу ему сам настоятель и иноки, с крестами, образами и хоругвиями, тянутся вереницею и поют псалмы: «Кто идет?» – спрашивает опять привратник. – «Черт!» – «Что несет?» – «Монаха!» – «Куда?» – «В омут!» Монахи испугались, побросали кресты и образа и пустились – кто куда попало. А Тима им вдогонку: «Вот я до вас доберусь! Лови их! Держи их!» Тем дело и кончилось.

НИКОЛА ДУПЛЯНСКИЙ

Жил-был старик, у него была жена молодая. Повадился к ней в гости ходить парень, Тереха Гладкий. Опознал про то старик и говорит жене: «Хозяйка, я был в лесу, Миколу Дуплянского нашел: о чем его ни попросишь – то и дает тебе». А сам наутро побежал в лес, нашел старую сосну и залез к ней в дупло.

Вот баба его напекла пирогов, колобов да масляных блинков и пошла в лес молиться Миколу Дуплянскому. Пришла к сосне, увидела старика и думает: «Вот он, батюшка, Микола Дуплянский-то!» – Давай ему молиться: «Ослепи, батюшка Микола, моего старика». А старик отвечает: «Ступай, женка, домой и будет твой старик слеп; а зобенку[502] с пирогами оставь здесь». Баба оставила зобенку с пирогами у сосны и воротилась домой.

Старик сейчас вылез из дупла, наелся пирогов, колобов и блинков, высек себе дубинку и пошел домой. Идет ощупью, будто слепой. «Что ты, старичок, – спрашивает его жена, – так тихо ползешь? Разве не видишь?» – «Ох,

женушка, беда моя пришла, ничего-таки не вижу». Жена подхватила его под руки, привела в избу и уложила на печку. В вечеру того ж дня пришел к ней дружок, Тереха Гладкий. «Ты теперича ничего не бойся, – говорит ему баба, – ходи ко мне в гости, когда хочешь. Я нынче ходила в лес, молилась Миколе Дуплянскому, чтобы мой старик ослеп; вот он воротился намедни домой и уж ничего не видит».

Напекла баба блинов, поставила на стол, а Тереха принялся их уписывать на обе щеки. «Смотри, Тереха, – говорит хозяйка, – не подавись блинами, я схожу, масла принесу». Только вышла она из избы по масло, старик взял самострел, зарядил и выстрелил в Тереху Гладкого; так и убил его насмерть. Тут соскочил старик с печки, свернул блин комом, будто он сам подавился; сделал так и влез на печь. Пришла жена с маслом, смотрит: сидит Тереха мертвый. «Говорила тебе, не ешь без масла, а то подавишься, так не послушал: вот теперь и помер». Взяла его, сволокла под мост и легла одна спать.

Не спится ей одной-то, и ну звать к себе

старика; а старик говорит: «Мне и здесь хорошо». Полежал-полежал старик и закричал ровно во сне: «Жена, вставай! У нас под мостом Тереха лежит мертвый». – «Что ты, старик? Тебе во сне привиделось». Старик слез с печки, вытащил Тереху Гладкого и поволок к богатому мужику, увидел у него бадью с медом, поставил около бадьи Тереху и дал ему в руки лопаточку, будто мед колупает. Смотрит мужик, кто-то мед ворует, подбежал, да как ударит Тереху по голове, тот на землю и повалился, аки мертв. А старик выскочил из-за угла, схватил мужика за ворот: «За что ты парня убил?» – «Возьми сто рублей, только никому не сказывай!» – говорит мужик, – «Давай пятьсот, а то в суд поволоку». Дал мужик пятьсот рублей. Старик подхватил мертвеца и поволок на погост; вывел из поповой конюшни жеребца, посадил на него Тереху, привязал вожжи к рукам и пустил по погосту. Поп выбежал, ругает Тереху и хочет его изловить; жеребец от попа да прямо в конюшню, да как ударит Тереху Гладкого об перекладину, он упал и покатился на земь. А старик выскочил из-за угла и ухватил попа за бороду: «За что

убил парня? Пойдем-ка в суд». Делать нечего, дал ему поп триста рублей, только отпусти да никому не сказывай, а Тереху похоронил.

* * *

Жил-был поп с попадъей; завела попадья себе любовника. Батрак заметил то, и стал ей всячески помеху творить. «Как бы избыть его?» – думает попадья и пошла за советом к старухе-знахарке, а батрак с ней давно сделался. Приходит и спрашивает: «Родимая, бабушка, помоги мне, как бы работника с попом извести». – «Поди, – говорит старуха, – в лес; там явился Никола Дуплянский, его попроси – он тебе поможет».

Побежала попадья в лес искать Николу Дуплянского. А батрак выпачкался сам весь и бороду свою выпачкал мукой, влез на ель и кряхтит. Попадья глядь – и увидала: сидит на ели белый старец. Подошла к ели и давай молить: «Батюшка Никола Дуплянский! Как бы мне извести батрака с попом?» – «О, жено, жено, – отвечает Никола Дуплянский, – совсем извести грех, а можно ослепить. Возьми завтра напеки побольше да и масляней блинов; они поедят и ослепнут; да еще навари им яиц:

как поедят, так и оглохнут».

Попадья пошла домой и давай творить блины. На другой день напекла блинов и наварила яиц. Поп с батраком стали собираться в поле; она им и говорит: «Наперед позавтракайте!» И стала их потчевать блинами да яйцами, а масла так и поливает – ничего не жалует. «Кушайте, родимые, маслянее. Мокайте в масло-то, поскусней будет». А батрак уж и попа научил, пошли они и стали говорить: «Что-то темно стало». А сами прямо-таки на стену лезут. «Что с вами, родимые?» – «Бог покарал, совсем ослепли».

Попадья отвела их на печь, а сама позвала своего дружка и стала с ним пить-гулять и веселиться... Тут поп с батраком слезли с печи и ну их валять со всего маху: важно отдули.

МОНАХ И ИГУМЕНЬЯ

В одном городе было два монастыря, вот хоть бы так, как у нас в Питере: Невский да Смольный. В одном монахи, в другом монашеники. Вот хорошо. Повадился один молодой монах ходить к монашенике, а чтоб не узнали, всегда наряжался в женское платье. Бороды у него еще не было, а волосы у попов да у монахов все такие ж по-бабьему положению. Видят все, что к монашенике часто гостья жалует, ну да что за беда! А она уж брюхата стала. Дали знать про то игуменья. Игуменья дает приказ: «Коли кто придет к той монашенике, тотчас доложить».

Вот на другой день приходит монах к своей любовнице. Увидели его келейницы и побежали к матушке-игуменья. «Пришла-де какая-то женщина в гости». Игуменья приказала вытопить баню и всем, кто только есть в монастыре, идтить париться. Нечего делать, собрались все монашеники. Повели и гостью с собой. Пришли в баню и стали раздеваться. Монах разделся да поскорее на полоч, забился в уголке и не знает, как ему быть? У него на

шее висел крест на тесемке. Отвязал... [крестом, который ниже пояса повесил, «стыд» прикрыл]. Вот игуменья надела очки, взяла в руки свечку и стала обходить всех монашек да осматривать, нет ли кого между ними... Стала игуменья к монаху приглядываться, подошла поближе, нагнулась... [тут тесемка и оборвалась, крест нательный отлетел в сторону] да прямо игуменья в левый глаз попал. – «Ай господи! С нами пресвятая богородица!» – закричала игуменья и схватилась за левый глаз. А глаза как не бывало – совсем-таки вышиб! Пока что – монах уже выскочил из бани и убежал голый. Игуменья осталась кривою.

Прошло время – монашенка родила. Я и на крестинах был, только не разобрал: кого бодал – мальчика или девочку?

РАЙСКАЯ ДУДКА

Жили-были три брата: двое умных, а третий Иван-дурак. Вырыл дурак яму. «Стану, – говорит, – волков ловить». Вот в первую же ночь попал в яму серый волк. Дурак пошел и выпустил его на волю. Приходит домой, братья и спрашивают: «Что, поймал?» – «Нет, братцы, попалась в яму попова собака, я ее назад выпустил». – «Какая собака?» – «Да, такая серая, большущая, глаза так и светятся». – «Да ведь это волк». – «Ну, пусть в другой раз попадет; ни за что не выпущу».

На другую ночь попала в яму лисица. Дурак пошел и ту выпустил. «Что, поймал?» – спрашивают опять братья. «Нет, братцы, попалась попова кошка с большим пушистым хвостом». – «Эх ты, дурак, ведь это лиса». – «Ну, пускай в другой раз попадется – от меня не увернется».

На третью ночь попала в яму какая-то деревенская баба. Дурак пошел. «Ага, – говорит, – попалась!» Взял дубину, убил ее до смерти и волочит домой. «Дурак, где взял мертвую бабу?» – спрашивают братья. – «Ка-

кая баба? Это лисица – в яму попала, я ее поленом и доконал!» – «Ах ты, бестолочь эдакая! С тобой беды наживешь». И задумали умные братья бросить дурака и бежать от него – в иное место жить. Сговорились и собрались бежать ночью; только дурак подслушал их уговор, взял ступу и побежал вслед за ними. Братья в лес, и он в лес. Так и не ушли от дурака. Что тут делать? Время ночное, пришлось в лесу ночевать. Вот они влезли все трое на деревья, уселись на ветках и сидят себе.

На ту пору ехали мимо купцы-разносчики. «Что нам плутать-то ночью? – говорят меж собой. – Остановимся у этого дерева, отдохнем до утра, а как станет светать, тогда и в путь поедем». Остановили возы, распрягли лошадей и сели под тем самым деревом, где дурак спрятался, развели костер и давай варить кашу. [Следует неудобный для печати эпизод, как дурак напугал купцов.] Купцы всполошились да – бежать, и ушли в разные стороны, весь товар покидали. Братья слезли наземь и поделили меж собой. Умные взяли себе красный товар, а дурак – целый воз ладану.

Сейчас положил его в кучу, зажег и пустил хвалу к богу. Только прилетает к нему ангел божий и говорит: «Ну, мужичок, за то, что ты не пожалел целого воза ладану и пустил такую хвалу богу, сказывай, чего ты желаешь? Все тебе дано будет». – «Дай мне, – говорит дурак, – что у бога в раю за дверьми висит». Ангел полетел и принес ему дудочку.

Вот дурак взял райскую дудочку, пошел к попу и нанялся в работники – лошадей пасти. И что же? Как только пригонит дурак лошадей в поле, то и зачнет играть на своей дудочке, а лошади в пляс пойдут. Так целый день – он на дудочке играет, а лошади пляшут да пляшут – исхудали бедные. Спрашивает поп работника: «Что у тебя животные-то исхудали, на какой траве пасешь их?» – «На хорошей, батька; лучше нигде не сыскать». – «Дай сам погляжу», – думает поп.

На другой день дурак погнал лошадей в поле, а поп собрался да следом за ним и залез в терн. Дурак пригнал поповские животные,[503] сел под кустик, вынул дудочку и принялся наигрывать. Стали лошади плясать. Схватился поп трепака откалывать; уж он плясал-пля-

сал, весь-то ободрался, искололся, и до тех пор выдeldывал ногами всякие штуки, пока дурак играл. Измаялся поп, еле ноги тащит, прибрел кое-как домой и говорит попадьe: «Ну, матка, у нашего работника есть такая дудка, что коли заиграет, то и мертвый распляшется, а живому и удержу нет». – «Ах, батька, как бы мне послушать?» – «Сама проси, а с меня уж будет; я и слушать не стану».

Вечером, только работник пригнал лошадей, попадья и просит: «Заиграй, пожалуйста!» – «Хорошо», – говорит дурак. Поп услышал, живо побежал на чердак и спрятался в сундук, а попадья на ту пору квашню месила. Вот дурак достал дудочку и заиграл – пошла попадья по избе плясать вместе с квашнею, а поп, сколько ни крепился, не мог выдержать: выскочил из сундука и ну по чердаку отжаривать, и до тех пор плясал, пока с чердака упал, да работник играть перестал. Смотрит поп, а попадья до того доплясалась, что язык высунула. «Ах, матка, – говорит поп, – наняли работника себе на беду, на горе. Давай, убежим из дому!» – «Убежим, батька!»

Вот они с вечера наклали целый мешок

книжек и поставили в угол. Дурак потихоньку выбрал из мешка все книжки и залез в него сам. Ночью поп проснулся и будит попадью: «Вставай, матка, бежать пора». Подняли они мешок и пошли из дому. Шли, шли, вдруг работник как закричит из мешка: «Что ж ты, батя, возьми и меня с собою!» – «Ах, проклятый! Гонится за нами следом; побежим скорей, матка». И припустили бежать, сколько силы хватило. Бежали-бежали, утомились и стали было опять шажком идти, тут работник как закричит: «Батя, возьми меня с собою!» Они опять принялись бежать; так, наконец, измаялись, что и ноги не держат. «Ну, что будет – то будет, а остановимся здесь отдохнуть», – говорит поп. Бросил мешок на землю, глядь – лезет оттуда работник. «Не стыдно ль тебе, батюшко, сам пошел с матушкой, а про меня и забыл».

Вот все трое подошли к реке и остановились ночевать на бережку. Поп положил работника с край реки и говорит попадье: «Как только заснет батрак, ты его и столкни в воду». Работник подслушал эти речи и не спит, ворочается; прошло не много, не мало време-

ни, уснули и поп и попадья; он сейчас перетащил попа на свое место, а сам на его место лег. Попадья проснулась да как толкнет попа в воду. Пошел на дно рыб считать. Наутро проснулась. «Где поп?» – «Черти с водяным утащили».

После того попадья пошла замуж за своего работника, и стал Иван-дурак за попа, хоть ни читать, ни обедни служить не умеет. А с той попадьею еще допрежде жил архиерей. Вот одна собрался архиерей и поехал подначальные церкви смотреть да попов судить. Приезжает в то самое село, где Иван-дурак в попы угодил, и прямо в церковь. Что делать? Надо обедню служить; вот Иван-дурак нарядился в ризу, взял в руки книгу и давай читать: «Братие! Был архиерей, гулял с моей попадьею; милости прошу и теперь с ней гулять, и ныне, и присно, и во веки веков!» И твердит все одно да одно. Архиерей слушал-слушал и говорит: «Много церквей я объехал, а такого умного попа нигде еще не видывал: всю службу церковную знает!»

ПОП-ТОЛОКОННЫЙ ЛОБ

В одном селе жил-был поп-толоконный лоб, по имени Ерема; у него был малый сынок Петрушка, такой прихотливый да балованный: уж если чего захочет, так в ту же минуту давай; не то – заревет так, что святых выноси. Да все, что под руку попадет, начнет бить-кромсать, на куски ломать. Хоть летами мал, а ноготок востер: не раз случалось – попу с попадьей глаза подбивал. А батракам просто житья не было: ни один еще не оставался больше дня у попа-толоконного лба.

Вот поп Ерема пустился на выдумку, вздумал наперед уговор делать с каждым наемщиком. Однава сидел поп под окном и смотрел, пригорюнясь, в огород: надо бы гряды полоть, да некому. На ту пору идет по улице мужик с лопатой и кричит: «Кому поработать? Кому поработать?» Поп тотчас схватился, накинул свой подрясник, выбежал за ворота, кликнул мужика и говорит: «Ступай ко мне в батраки; за деньгами спору не будет. Только, мужичок, я с тем уговором нанимаю: если ты на меня рассердишься, то я вырежу из твоей

спины ремень пальца в два ширины, а если я рассержусь на тебя – тогда ты вырезывай из моей спины».

Мужик согласился и пошел к попу в батраки. «За что, – думает, – стану я на попа сердиться». Принялся за работу и проработал до самого обеда. Приходит в избу и только было сел за стол, Петрушка заревел во все горло: «Я гулять хочу!» – «Батрак, – говорит поп, – веди сынка погулять». Батрак взял поповича за руку и повел на улицу. Часа два протаскался с ним без толку; воротился в избу, а уж поп с попадьей давно пообедали и спать завалились. Остался батрак с голодным брюхом. На другой день опять то же, а на третий батрак не выдержал. «Нет, батька, черт с тобой и с твоим потрохом, а я больше не хочу у тебя ни жить, ни работать!» – «Что ж ты сердишься?» – сказал поп. Вырезал у него по уговору ремень из спины и отпустил, не заплатив ни копейки.

У того мужика был меньшей брат Иван; по всей деревне дураком слыл. Видит дурак, что брат его на печь залез да все охает, и спрашивает: «Что ты, аль спина болит?» – «Пожи-

ви-ка у попа, так сам узнаешь». Иван взял лопату и отправился в путь. Пришел в то же село и нанялся к попу-толоконному лбу Ереме. Поп и ему говорит: «Слушай, Иван, у меня за деньгами остановки не будет; только соблю-дешь ли уговор? Если кто из нас двоих рассер-дится, у того из спины ремень вырезать». – «Ладно, батько, – отвечал Иван, – только ты не сердись, а мне не за что!»

Взялся батрак за работу, целое утро за дво-их работал, пришло время обедать, только се-ли за стол, Петрушка и ну кричать: «Гулять хочу!» – «Батрак, – говорит поп, – поведи мое-го сына прогуляться да присмотри, пожалуй-ста, чтоб не убился где». – «Хорошо, батько». Повел батрак Петрушку и прозевал обед. «Плохо, – думает, – надо за ум браться». На другой день опять только за обед, а Петрушка гулять хочет, Иван схватил со стола кулебяку и повел поповича. Пока тот играл, батрак ку-лебяку убирал. Воротился в избу, а поп с выго-вором: не годится-де так делать; зачем куле-бяку унес? А батрак в ответ: «Никак ты, бать-ко, осердился? Подставляй-ко спину, я ремень вырежу». – «И, что ты? Я вовсе не сержусь, так

только пошутил с тобой...» – «То-то же, смотри», – говорит Иван.

На третий день Петрушка опять за свое: «Гулять хочу». Батрак ухватил целую ногу жареной баранины и пошел с ней на улицу. Пока Петрушка гулял да играл, батрак баранину уплетал. Поп и сам не рад своей затее; иной раз и поругал бы батрака, так тот сейчас ему в ответ: «Никак ты осерчал, батько? Подставляй-ко спину!»

Вот как-то был на селе праздник; попадья напекла и нажарила всего вдоволь. Сели было обедать; батрак думает: «Вот когда нажрусь, упьюсь!» По губам уж слюнки текут. Не тут-то было, веди Петрушку гулять. Иван повел его в огород, да с досады посадил его на кол, а сам в избу воротился и уселся за стол. «А Петрушка где?» – спрашивает попадья. – «Да с ребятишками играть остался». На дворе давно стемнело, а Петрушка все не ворочается. Пошла попадья искать, смотрит, а он на колу торчит: совсем-таки окоченел. Поп с попадьею обмыли его, поплакали и похоронили, а выговаривать батраку бояться: пожалуй еще до спины доберется.

Стали они думать, как бы от него избавиться, целых три дня думали. На четвертый день зовет поп Ивана и приказывает: «Сослужи мне великую службу, съезди на Чертово озеро да спроси у нечистых: почему давно оброка не платят? Чтобы сейчас весь заплатили». – «Изволь, – отвечает Иван, – для чего не сделать такой безделицы?» Запряг лошадь в телегу и поехал на Чертово озеро. Поп возрадовался: «Ну, попадья, авось его черти возьмут!» Батрак ехал лесом, надрал лык полную телегу и приехал на озеро, сел на берег и принялся веревку вить. Был день и прошел, а Иван все веревку вьет. Вдруг выпрыгнул из воды чертенок. «Батрак, что ты делаешь?» – «Сам, чай, видишь: веревку вью». – «А зачем тебе веревка?» – «Как зачем? Хочу озеро морщить да вас, чертей, корчить». – «Что ты, батрак? За какую вину?» – «А за такую, зачем попу Ереме оброку не платите?» – «Подожди немножко, не морщи озера, я пойду своему дедушке скажу», – сказал чертенок, и пырь в воду.

Иван тем временем вырыл глубокую яму, накрыл ее шапкою, а в шапке-то загодя дыру

прорезал. Чертенок выскочил и говорит батраку: «Дедушка спрашивает, много ли оброку надо?» – «Вот эту шапку полную серебра насыпать». Чертенок бултых в воду, передал ответ дедушке; жаль стало старому черту с деньгами расставаться; велел наперед внуку померяться с батраком силами: стоит ли отдавать ему деньги? Чертенок ухватил дедушкину палицу и говорит Ивану: «Ну, батрак, кто из нас выше бросит?» – «Бросай ты прежде».

Чертенок бросил палицу так высоко, что за щепочку показалась, а назад упала – земля ходенем пошла. Теперь очередь стала за батраком; взял он палицу за один конец и видит, что не только бросить вверх, да и поднять не может. Пустился на хитрости: взвел глаза на небо и начал пристально присматриваться. «Что же ты попусту глазеешь?» – «А вот поджидаю, когда пойдет облачко; хочу на него забросить твою палицу». – «Что ты! – закричал чертенок, – не бросай, а то дедушка прибрани меня». – «Ишь, чертово племя, жалко небось. Ну, завяжи свои зенки-то, не то лопнут, как я палицу брошу!» Чертенок завязал глаза, а Иван понатужился, приподнял па-

лицу, да его по лбу; едва он опомнился. Нечего делать, стал мешки с серебром таскать да шапку насыпать; долго таскал, насилу с батраком расплатился.

Тогда Иван склал все серебро на телегу и повез попу Ереме. «Бери, батько! Взыскал с чертей весь оброк дочиста». Поп и деньгам не рад: «Коли с чертом сладил, до нас с попадьей еще скорей доберется; надо бежать». И уговорились поп с попадьей уйти от батрака...

(Конец тот же, что в сказке «Райская дудка»).

ЧУДЕСНАЯ ДУДОЧКА

Жил-был мальчик крестьянский, у него была чудесная дудочка да скотины всего одна свинья с тремя поросятами. Выгонит он свинью в поле пасти, сядет на пенечке да заиграет в дудочку. Свинья с поросятами знай пляшет перед ним. Была у царя дочь – прекрасная царевна. Узнала, что у этого-то мальчика свинка с поросятами пляшет, и вздумала купить хоть поросеночков.

Приезжает в поле. Мальчик сидит на пенечке, играет в дудочку, а свинья пляшет с

поросятами. Говорит царевна: «Продай мне поросенок!» – «У меня они не продажные, а заветные». – «Сколько у тебя завету?» – «Показать свое тело по колена». Царевна показала ему свое белое тело по колена, он ей и отпустил поросенок. Привезла их домой, созвала музыкантов. Музыканты взыграли, а поросенок со страху врозь разбежались, визг на весь дом подняли. «Верно без матки скучают, – подумала царевна, – сем поеду да матку куплю».

Приезжает она в поле; мальчик сидит на пенечке, играет в дудочку, а свинья перед ним пляшет. «Продай мне свинку, поросенок без матки скучают». – «Она не продажная, а заветная». – «А сколько завету?» – «Показать все свое тело наголо». Нечего делать, показала ему свое белое тело наголо; мальчик ей и свинку отдал. Привозит царевна свинку, собрала музыкантов. Музыканты взыграли; нет, не пляшут ни поросенок, ни свинка, туды-сюды бросаются да визжат.

Поехала царевна покупать дудочку. [Следует неудобное для печати третье требование мальчика, после чего царевна получает дудочку].

Узнал отец и выдал ее замуж за того пастуха. Сделался крестьянский парень царевичем и зажил себе во дворце без хлопот, без дела. Поехал он однажды на охоту, и попался ему на дороге поп. Увидал поп названного царевича, поклонился ему. «А ты, батька, куда идешь?» – спрашивает его царский зять. И пошли у них разговоры: «Я иду с требою, а вы куда изволите?» – «А я на охоту выехал». – «Ах ваше высочество, застрелите мне вот ту птичку».

На ту пору, как нарочно, прилетела малая пташка и села в кустах шиповника да репейника, а кругом кустов грязная лужа стоит. «Хорошо, застрелю; только, батька, сам доставай». Царский зять застрелил пташку, а поп полез доставать; только пошел в кусты, а хитрый царевич вытащил свою дудочку и заиграл в нее. Поп плясать пустился: так и скачет, так и прыгает, весь-то он в кустах изодрался, ноги, руки, лицо в кровь исцарапал, весь-то он в луже измазался. Перестала дудочка играть, а поп еле дух перевести может. Вылез усталый, избитый, испачканный; рассердился и пошел к царю жаловаться: «Твой-де зять из-

бил меня всего, а за что – не знаю; ехал на охоту, напал на меня и давай тузить; чуть-чуть не убил, насилу убежал».

Гневен стал государь, разослал слуг во все стороны, чтобы тотчас же привели к нему зятя. Приехал царевич домой, царь захотел судить его перед всем народом, велел собрать и вельмож, и войско, и купцов, и чернь; по тому приказу живо все сошлись на площадь и стали супротив царского крыльца. Царь вышел на свое высокое крыльцо и говорит зятю: «Показывай по сущей правде, как дело было?» Царевич вынул свою дудочку; поп, как увидел ее, побледнел со страху, лихорадка так его и трясет, и начал просить, чтобы взяли его да покрепче к каменному столбу привязали. Тотчас явилась стража с веревками, скрутила ему руки и накрепко притянула к столбу. «Косу-то, косу-то привяжите!» – кричал поп. Привязали и косу.

Тут царевич заиграл в дудочку, и, боже мой, весь народ, все войско, и сам царь с придворными пустились вприсядку отжаривать, а поп головой о каменной столб бьет, ногами всякие шутки выделывает, а сам что есть мо-

чи орет да в грехах кается. Перестал царевич играть, и все затихло. Царь узнал, в чем было дело, прогнал попа со своих светлых глаз, зятя простил и после того долго-долго смеялся его шутке.

НЕ ЛЮБО, НЕ СЛУШАЙ

Как у нас на селе подралась попадья с дьяконницей; маленько поноровя, черт треснул пономоря; поп затужил и обедни не служил. Собрались сельски, деревенски, господски, посадски, собралось семьдесят семь нищих; плели они лычный колокол о сто пудов, повесили на крапивный сук, ударили в соборе не рано; услышали люди не мало; Филька да Илька, Савка да Ванька. Приносили они нищим пищу: куричьи сливки, свиные рожки, бараньи крылья. Пошел Ванька в кладь, взял кусок железа, сковал себе топор – ни мал, ни велик – с комарье плечо. Пошел с ним в чистое поле пресвятое дерево рябину рубить; впервые тюкнул – пошатилась, вдругорядь тюкнул – повалилась. Он рубил-рубил, ничего не срубил, только у себя как-то ногу отсек. День лежал и ночь лежал, никто не

спознал; спознали комар да муха, зеленое брюхо; посадили его на колеска, повезли на небеска. На небесах стоит церковь – из пирогов складена, шаньгой покрыта, калачом заложена. Ванька на это хитер бывал: взял – калач переломил, да и двери отворил. В церкви-то все не по-нашему: паникадило репяное, свечи морковны, образа – пряничны; стоит поп железный, пономарь оловянный, жестяная просвирня. Он у них спросил: «Когда у вас бывает репно заговенье?» Они ничего ему на то не сказали, а Ванька осерчал, по щелчку им дал, да с неба упал.

СОЛДАТ-СКРИПАЧ И ЧЕРТ

Солдат идет в отпуск, садится около ручья на отдых и играет на скрипке. Приходит черт, зовет его к себе в гости. Солдат проводит три года, как три дня, и боится вернуться в полк. Черт делает его попом. Поп служит в праздник обедню. Черт приходит и заставляет его играть на скрипке. Поп играет. Его берут и сажают в острог. Черт его освобождает из темницы. – «Что ты обробел, – говорит нечистый, – я тебя теперь архиереем сделаю».

Приводит солдата в иное государство и выдает его за архиерея. Король взял его к себе и дал место в своем столичном городе. А у этого короля были три прекрасные дочери. Настал великий пост, и вздумали они говеть. Пришло время – надо исповедоваться. Вот пошла старшая королевна к архиерею на исповедь, покаялась в своих грехах. И дает ей архиерей крест целовать. Вдруг является к нему нечистый и на ухо шепчет: «Что она совсем исповедолась?» – «Совсем!» – «Ну, теперь возьми ее, поцелуй». – «Как можно, – я за это могу пострадать!» – «Ничего не бойся, – целуй смело».

Архиерей взял да и поцеловал ее. Она пошла от него и думает: «Видно так по закону следует».

Приходит на исповедь середняя королевна. Покаялась. Дает ей архиерей крест целовать. В ту же минуту опять шепчет ему на ухо нечистый: «Совсем ли исповедалась?» – «Совсем!» – «Ну, возьми ее... за груди». – «Ах, что ты! Король меня за это смерти предаст». – «Ничего, хватай смело за груди». Он взял... потрогал и отпустил от себя. Королевна пошла, думает, что так по закону и следует.

Наконец приходит меньшая королевская дочь. Отисповедовал ее архиерей и дает крест целовать. Вдруг является нечистый и опять шепчет: – «Что кончил исповедь?» – «Кончил!» – «Ну теперь сотвори с ней грех». – «Нет, ни за что не сделаю. Король меня непременно на казнь отдаст». – «Делай, что говорю, – все равно тебе пропадать. Если не сотворишь с нею греха, я всем объявлю, что ты беглый солдат, а не архиерей». Архиерей, – делать нечего...[послушался нечистого]. И эта королевна пошла и думает: «Видно так по закону велено!» С того самого часу младшая королевна

забрюхатела.

Прошло несколько месяцев. Отец заметил... и стал ее спрашивать: – «Что это с тобой? Отчего...?» – «Оттого, батюшка, что как ходила я к архиерею на исповедь...» Король приказал архиерея посадить в крепость и нарядил над ним суд. На том суду приговорили его повесить.

Сидит архиерей один с кручиною в темнице и смотрит в окно. А перед окном уже релю [504] ставят. – «Что вы строите?» – спрашивает он у рабочих. – «Что, ан, не знаешь? Ни для кого другого – для тебя трудимся. Это, брат, виселица!» Еще больше задумался бедный солдат: «Связался я на свою беду с чертом!» В ту же минуту явился к нему нечистый. – «Не кручинься, – говорит, – я тебя выручу...»

Вот повели архиерея на виселицу. Народу собралось великое множество. Надели на него петлю... Подняли его на виселицу, а черт невидимо подбросил ему под ноги свою голову. Все думают, что он мертвый, а он как ни в чем – живехонек! Народ разошелся и разъехался в разные стороны, а дьявол оборвал веревку, освободил солдата от смерти и по-

шел с ним в другой город. – «Что, хочешь быть опять архиереем?» – спрашивает нечистый. – «Нет, спасибо, и так страху набрался».

Черт делает солдата купцом, а сам уходит в тридешатое царство – мучить царевну. Солдат пробирается туда же, выдает себя за лекаря. Заказывает кривые клещи и садится во дворце перед царевниной спальней. Приходит дьявол, поздоровался с ним, спрашивает: «Что это за штука?» – «Это клещи, кривые пальцы выпрямлять, чтоб лучше на скрипке играть». – «Выправь мне». Солдат сжимает его руки в тиски, бьет, освобождает царевну и делает затем уговор с чертом, чтоб ему не подходить к царевниному дворцу за сто верст, а солдату не выходить из дворца дальше тридцати верст. Если выйдешь дальше, да попадетсЯ нечистому – тот его задушит!

Женился солдат на царевне, сделался сам царем, позабыл уговор и поехал в загородный сад. Тут попался он черту. Черт позволил ему напоследок только с женой проститься. «Ну жена! – говорит царь, – принимай стыд ради меня... Разденься и ложись на траву». А нечистый подошел... увидел... Вдруг как закричит:

«Ах ты проклятый!

Опять клещи привез!» – и бросился от него бежать сколько сил было.

Так беглый солдат избавился от черта и остался царствовать в своем государстве.

СОЛДАТ-СКРИПАЧ И НЕЧИСТЫЙ

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, где мы живем, жил был царь. У того царя поселился во дворцовой палате черт – не дает никому отдыху! Вот царь и пообещал отдать свою дочь за того замуж, кто переночует ночь в этой палате и жив останется. Много находилось охотников, только все наутро помирали – поминай, как звали! Уж и охотников больше не стало. Тут приходит к царю отставной солдат. «Здравствуй, служба! Что скажешь?» – «Хочу, ваше величество, с чертом померяться». – «Ну что ж, ночуй себе во дворце – мне все едино за кого не выдать дочь – только б молодец был».

Вот солдат взял скрипку, два штофа водки, топор, бритву да железную палицу и пошел в палату, где черт поселился. Сел за стол и попивает себе водочку да орехами закусывает.

Вдруг выскочил нечистый. «Что ты русский солдат здесь делаешь?» – «Водку пью» – «Дай и мне!» – «Изволь».

Нечистый взял штоф, да весь сполна и осушил. И порядком его поразбрало. Подгулял дьявол, хоть и плясать – так готов! А солдат тотчас за скрипочку и давай комаринскую отжаривать. Нечистый плясал, плясал, уморился и говорит: «Важно, русский солдат, ты играешь! Поучи-ка меня». – «Хорошо, кому ж и играть, коли не тебе, добру молодцу».

Взял топор, расколол одну перекладину и забил в нее здоровенный клин. «Ну, – говорит нечистому, – лезь на стул да клади в щель лапы». – «А зачем?» – «Затем, что такова наука».

Нечистый просунул в щель свои лапы, взял скрипку и смычок, а солдат в ту же минуту и клин вытащил, и стул принял – так и приплюснуло дьявольские лапы, и сам-то черт так и повис на перекладине! Солдат тотчас за бритву, поднял нечистому хвост, обрил ему... Потом ухватил железную палицу и давай угощать по голой... Бьет да все приговаривает: «Живей смычком води! Чаще пальцами перебирай!» – «Отпусти, русский солдат, –

кричит нечистый. – Не хочу на скрипке учиться!» – «Нет, брат, врешь. Кому и музыканту быть, коли не тебе, добру молодцу». А сам знай лупит по бритой... Только к утру его отпустил. Черт вырвался да бежать.

Видит царь, что солдат справил свое дело, и выдал за него дочь свою, царевну. Женился солдат, взял свою молодую жену и поехал домой. А черт давно его стережет: «Отплачу, – думает, – за обиду – задушу русского солдата». Как только поехал солдат с женою в путь-дорогу, он и пустился догонять его. Видит солдат: дело нехорошее! Снял царевну с повозки... и давай ее тело брить. Черт как увидел это, сейчас назад. Прибежал в пекло, словно в лихорадке трясется: «Что ж ты задавил русского солдата?» – «Да погоди-ка, задави его! Он царевну учит на скрипочке играть, уж... бреет».

СОЛДАТ И ЧАСЫ

Был на свете царь, у него была любимая дочь Анна-царевна, на возрасте, красоты неописанной, и сидела она в белокаменных палатах, в высоких теремах за двенадцатью дверями; и у каждой дверей стояла на карауле стража великая, никого кроме царя да придворных нянюшек-матушек к ней не пускала. Не токмо человек, муха туды не пролетит.

Случилось в некое время стоять во дворце на часах одному бравому солдату, стоит он и вслух сам с собой разговаривает: «Если б у меня было столько денег, сколько у нашего царя, я бы и сам не глупей его был». Услыхал эти речи царь, осерчал и говорит: «Слушай ты, умная голова, коли ты не хвастаешь, то вот тебе сроку три месяца, бери себе денег сколько надобно, гуляй сколько хочешь, только ухитрись – сотвори грех с моей дочерью. Если это не сделаешь, велю тебя за твою похвальбу словно пса повесить!»

Вот солдат месяц гуляет, и другой гуляет; а как сотворить грех с царевною – не ведает, даже к теремам ее подойти боится. Уж и третий

месяц на исходе, пошел он в кабак, спросил штоф водки, пьет, а сам слезно плачет: «Пропадай, – говорит, – моя жизнь молодецкая!» Подошел к нему горький пьяница, ярыга кабацкая: «О чем, брат, плачешь?» – «Эх, лучше не спрашивай. Пропадаю за свою похвальбу!» – «Поднеси мне стакан, я твое горе рассужу». Солдат поднес ему стакан водки и рассказал, как было дело. «Это еще не беда, – говорит горький пьяница, – есть у тебя деньги?» – «Еще бы не быть: мне царская казна не заказана, сколько хошь – бери». – «Ну, пойдём на взморье; там приехали чужестранные купцы, привезли с собой штуки разные, затейливые».

Побежали на взморье; зашли на купеческий корабль. Стали разные товары высматривать и выбрали славные стенные часы, в большой футляр вделаны; с музыкой, с барабанами и всякими немецкими хитростями. Тотчас солдат сторговался, заплатил за те часы чистым золотом; сам в футляр залез и приказывает: «Ну, купцы-торговцы, отнесите часы во дворец да бейте царю челом, чтоб на двор принял». Купцы принесли часы во дво-

рец и били челом государю; царь принял подарок, как увидел он, что часы-то с музыкой и с барабанами, тотчас велел иноземным гостям торговать безданно-беспошлинно, а часы поставить в спальню к царевне, пускай дедешится.

Ну, солдату того и надобно. Царевна сильно возрадовалась, заставила часы играть, а сама в танцы пустилась; весь день проплясала. Приходит ночь. Легла она усталая и крепко-крепко уснула. [Солдат приходит ночью к царевне, называет себя ангелом с небес и получает от нее перстень.] Солдат взял перстень, спрятался опять в футляр и нарочно испортил музыку. Наутро стала царевна заводить часы – нет, не играют, испорчены. Как тут быть? Сейчас послала за иноземными купцами, приказали взять часы и исправить музыку. Купцы увезли часы в починку, отворили футляр и выпустили солдата. А уж срок совсем вышел; царские слуги бегают да ищут того солдата, увидали и повели: «Пойдем, – говорят, – Варвара, на расправу!» Вот привели его к царю. «Здравия желаю, ваше величество». – «Здорово, умная голова! Ну, что, сде-

«Сделал свое дело?» – «Сделал, ваше величество!» – «Врешь ты, каналья?» – «Извольте сами спросить у царевны: прилетал ли к ней ангел и что она пожаловала ему на память?» – «Позвать царевну!» – закричал царь.

Позвали. «Говори, дочка, кто у тебя был сегодня ночью?» [Царевна говорит, что прилетел ангел с небес, и она ему именно перстень пожаловала.] Солдат вынул царевнин перстень и подал государю. «Ну, хитер же ты, служивый, – сказал царь, – ступай домой с богом, денег сколько знаешь возьми, только помни, никому не хвались, что с моей дочерью сделал, не то прикажу казнить». С той поры стал солдат при деньгах. Живет себе да служит, ни о чем не тужит.

БЕГЛЫЙ СОЛДАТ

Беглый солдат залез ночью к одному мужику в ригу и залег на сене спать. Только стал засыпать, слышит – кто-то идет. Солдат испугался и залез под самую крышу. Вот пришла туда девка, а за нею парень, принесли с собой вина, разных закусок, поставили в угол, разделись... и давай целоваться, да любоваться... Девка говорит: «Ах, милый друг, коли бог даст, да рожу я ребенка – кто за ним присмотрит, кто его выходит?» А парень отвечает: – «Тот, кто над нами!»

Как услышал эти речи солдат, не вытерпел и закричал: – «Ах вы, подлые!.. Я за вас отвечать буду?!» Парень тотчас вскочил да бежать. Девка тоже – давай бог ноги! А солдат слез наземь, забрал их одежду, вино и закуски и пошел своей дорогой.

СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА

Стояли в деревне солдаты, и бабы были к ним очень привычны. Дело-то, знаешь, было не без греха: хозяин на заработку, а хозяйка... с солдатом! Вот у одного мужика была жена больно гульливая: много раз заставлял он ее и с мужиками-то, и с солдатами, а все она права оставалась. В одно время застал ее мужик с парнем в сарае: «Ну... что теперь станешь говорить?» А она... как встала да прибежала в избу – сейчас бросилась к свекрови и давай плакать. Пришел муж и говорит: «Ну, матушка! Я людям не верил, а теперь сам застал жену с парнем в сарае». А баба со слезами: «Видишь, матушка, какую терплю я напраслину!» – «Ах ты... проклятая! Вить я сейчас поднял тебя!..» – «Врешь, подлец! Ну-ка скажи, куда я головой лежала?» Мужик задумался и сказал: «А черт тебя знает, куда ты головой лежала?» – «Вот вишь, матушка, как он врет-то на меня!» Мать накинулась на сына и давай его ругать. «Хорошо, – говорит мужик, – я тебя, голубушку, опять скоро поймаю!»

Прошло несколько времени, связалась та

баба с солдатом, и пошли они вместе в сарай... Хозяин-то и подметь, пришел в сарай и захватил солдата... «Их, брат служивый! Это нехорошо». – «Черт вас разберет! – отвечает солдат, – она говорит—хорошо, а ты нехорошо. На вас не угодишь!» – «Я, брат служивый, пойду на тебя просить!» – «Ну, ты ступай, еще проси, а я уж выпросил».

СОЛДАТ И БАРИН

Вышел солдат в отпуск, нанялся служить к скупому барину, в год – за сто рублей; помещик велел ему и лошадей чистить, и навоз возить, и воду таскать, и дрова рубить, и сад мести, словом сказать – не дает ему отдыху ни на минуту, совсем измучил работой. Отслужил солдат год и просит расчета. Помещику жалко отдавать деньги, стал доставать, а сам ревмя ревет: «О чем вы, сударь, плачете?» – «Да денег жалко!» – «Экой ты барин! Ведь я тебе целый год прослужил; если бы ты мне прослужил три дня, так я б тебе отдал сто рублей и слова не сказал». – «Три дня – немного», – думает барин.

Пошел советоваться с барыней. Она гово-

рит: «Что ж, отслужи три дня!» А сама думает: «Ведь не мне служить, а мужу; ему – не мне плохо будет». Барин согласился. Солдат поужинал, лег спать в сарае, разулся, один сапог забросил в один угол, другой – в другой угол. Поутру проснулся, кричит: «Эй!» Помещик входит. «Подавай сапоги; я хочу одеваться!» Помещик хватъ – сапогов нету, и запорол горячку. Спрашивает солдата: «Где твои сапоги?» – «Ах ты, сукин сын, каналья, ты у барина спрашиваешь о сапогах? Верно и не чистил их!» – да хватъ его по уху, да по другому. Барин туда-сюда, насилу один сапог отыскал, а другого нет. «Подайте палок!» – закричал солдат и давай дуть помещика, до того промял, что он не рад и деньгам. «Не хочу, – говорит, – тебе служить, возьми свои деньги, черт с тобой!»

ВОР

Живал-бывал Микулка вор. Услыхал про него барин, что Микулка хоть что – так украдет; призывает его и говорит: «Укради из-под меня с барыней пуховик; коли украдешь – сто рублей, не украдешь – сто плетей». – «Идет!» отвечает Микулка. «Когда ж воровать придешь?» – «Нынче ночью». – «Ладно!»

Барин лег спать с барыней, а Микулка еще спозаранок забрался к нему под кровать, выждал, когда все уснули, да и напакостил промеж барина с барыней. Барин с барыней проснулись, стали друг на друга сваливать, подняли шум, никто не переспорит. Встали оба, ухватились за перину, да никак не стащут; принялись звать человека.

Тут откуда ни взялся Микулка и потащил перину на двор. Барин думает, что это ихний слуга. «Смотри же, – приказывает, – хорошенько вытряси, чтоб чисто было». Микулка унес перину к себе. А барин с барыней ждали – так и не дождались; кого ни спрашивали – никто ничего не знает. Утром приехал

Микулка на барский двор и перину привез: «Принимай, барин, да плати сто рублей!» – «Возьми хоть двести, только никому не скажывай, что мы с барыней опакостились».

Через неделю зовет барин Микулку: «Украдь, – говорит, – у меня жену; украдешь – сто рублей, не украдешь – сто плетей». – «Изволь, барин!» Воротился Микулка домой и велел купить водки и закусок разных, а сам пошел попа в гости звать. Поп тому и рад. Известное дело, у попа глаза завистные, рад на чужой счет нажраться, напиться. До тех пор поп тянул водку, пока с ног свалился.

Микулка раздел его чуть не до грешного тела, нарядился в поповскую рясу и пошел на барский двор; смотрит: кругом стоят сторожа с дубинами, все барыню берегут. Вошел Микулка в хоромы: «Здравствуйте, батюшка!» – говорит барин. «А я мимо вашего двора шел, – сказывает облыжный поп, – смотрю – стоят везде сторожа с дубиною; дай, думаю себе, зайду да разузнаю, что такое?» – «Знаете ли вы, батюшка, Микулку вора?» – «Как не знать? Такой плут, каких еще не бывало, давно бы повесить пора». – «Вот он самый и по-

хвалялся украсть нынешнюю ночью мою барыню». – «Не ладно дело. От него, хоть втрое больше поставь сторожей, все не убережешься». – «Да что же мне делать-то?» – «А вот что: отошлите-ка свою барыню (да потихоньку, чтоб никто не знал) к моей попадье, пусть вместе ночь проведут. Хоть Микулка и придет воровать, так барыни не найдет». – «И то правда. Спасибо вам, батюшка, что надоумили». – «Я, пожалуй, сам и провожу барыню».

Повел Микулка барыню только не к попу на двор, а прямо к себе. Наутро посылает барин к нему [попу] за женой, а тот еще спит с похмелья. Попадья и говорит: «Никакой барыни у нас не было, да и муж с самого вечера, как притащили пьяного от Микулки, никуда не выходил из дому, лежит словно убитый – и не ворохнет». Нечего делать, пришлось барину выручать свою жену от Микулки. Заплатил ему сто рублей, взял барыню и пошел домой, только в затылке почесывается.

Случилось попу быть у барина в гостях; зашла речь про Микулку, что вор-де вор – такой хитрый: с живого штаны сымет. А поп говорит: «Кому как, а мне Микулка не страшен:

я и сам хитер». – «Ну, батька, не хвались, прежде богу помолись». И приказывает барин своим холопьям позвать Микулку: «Поп-де не верит твоей удали, так покажи ему». – «Отчего не показать? Рад стараться». «А ну, – говорит поп, – украдь у меня сто рублей?» – «Украду». – «Да как же ты украдешь, когда я их повешу на шею себе?» – «Про то мне знать».

Поп как приехал домой от барина, сейчас вынул из сундука сто рублей, завернул в лоскутье и повесил на шею. Уж на дворе давно темно. Поп все не спит, боится, как бы вор не явился да не отобрал денежек. Микулка подвязал себе крылья, взял большой кошель, собрался и полез к попу в окно. Поп видит, крылатый человек у окна и принялся читать заклятие: «Сгинь, пропади, дьявольское наваждение». – «Я не бес, – говорит Микулка, – я – ангел с небес». – «Почто ты ко мне прилетел?» – «Господь велел взять тебя на небо, садись в кошель».

Поп сел в кошель. Микулка поднял его и понес на колокольню; начал было подниматься по лестнице, остановился и говорит: «Отче, или согрешил или при тебе есть что

мирское, больно тяжело тебя нести. Покайся наперед в грехе и сбрось с себя все мирское». Поп вспомнил, что у него на шее сто рублей привешено, снял их и отдал вору. Микулка втащил его на самый верх, привязал к перекладине и давай отзванивать во все колокола. Стал народ просыпаться, что за звон такой? Побежали все на колокольню – нет никого (Микулка уж успел улизнуть с поповскими деньгами), только мешок на перекладине болтается. Сняли мешок, распутали, а в нем поп сидит.

ЧУДЕСНАЯ ДУДКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил барин, да еще был мужик, такой бедный, что и сказать нельзя! Призвал его барин и говорит: «Послушай, мужичок! Долгу своего ты не платишь и взять с тебя нечего. Ступай ко мне и живи за долг три года».

Прожил у него мужик год и другой и третий. Барин видит, что мужику скоро срок отходит, и думает: какую бы сыскать вину, чтоб еще оставить мужика при себе на три года. Позвал его барин и стал говорить: «Послушай,

мужичок! Вот тебе десять зайцев, гони их пасти в поле, да смотри, чтобы все были целы! А то опять оставлю при себе на три года». Только погнал мужик зайцев в поле – они все у него разбежались в разные стороны. – «Что делать, – думает он: теперь пропал я!» Сел и плачет. Откудова ни возьмись – явился старик и спрашивает: «О чем, мужичок, плачешь?» – «Как мне, старик, не плакать! Дал мне барин пасти зайцев, они все и разбежались. Теперь беда мне неминуемая!» Старик дал ему дудочку и говорит: «На тебе дудочку. Когда заиграешь в нее, они все к тебе прибегут».

Мужик сказал спасибо, взял дудочку и только заиграл в нее – как тотчас все зайцы к нему прибежали. Он погнал их домой. Барин, пересчитал зайцев и говорит: «Все целы!» – «Ну что нам делать? – сказал барин своей барыне, – какую вину на мужике сыскать?» – «А вот что, душенька: когда он завтра погонит зайцев, я переоденусь в другое платье, пойду к нему и куплю одного зайца». – «Ну, хорошо!»

Наутро погнал мужик зайцев в поле, и

только подошел к лесу – они тотчас все разбежались в разные стороны. А мужик сел на траву и начал плести лапти. Вдруг едет барыня. Остановилась – подошла к нему и спрашивает: «Что, мужичок, здесь делаешь?» – «Скотину пасу». – «Какую скотину?» Мужик взял дудочку и заиграл – все зайцы сбежались к нему. – «А, мужичок! – сказала барыня – продай мне одного зайчика». – «Никак нельзя, ведь это господские зайцы, а барин у меня очень строг. Он, пожалуй, меня совсем заест!» Барыня стала к нему приставать: «Пожалуйста, продай!» Мужик видит, что ей очень хочется зайчика и говорит: «У меня, барыня, завет положен». – «Какой завет?» – «Кто даст... что потребую, тому и зайца уступлю». – «Возьми лучше деньгами, мужичок!» – «Нет, мне больше ничего не надо!» Барыня – делать нечего – согласилась... Подал ей зайца: «Только, барыня, держи его потихоньку, а то раздавишь».

Она взяла зайца, села в коляску и поехала. А мужик как заиграл в свою дудочку – этот заяц услышал, выпрыгнул из рук барыни и ушел назад к мужику. Приехала барыня домой. «Ну,

что купила зайца?» – «Купила-то купила, только как мужик заиграл в свою дудочку, заяц выпрыгнул от меня и ушел».

На другой день опять поехала барыня к мужику. Подходит к нему и спрашивает: «Что делаешь, мужичок?» – «Лапти плету да господскую скотину пасу». – «Где ж твоя скотина?» Мужик заиграл в дудочку, и сейчас сбежались к нему все зайцы. Барыня стала торговать зайца. «У меня положен завет». – «Какой?» – «Дай...» Барыня опять согласилась... и получила за то зайца. А как мужик заиграл – заяц выскочил и ушел от нее.

На третий день переоделся и поехал сам барин. «Что, мужичок, делаешь?» – «Скотину пасу». – «Да где ж твоя скотина?» Заиграл мужик в дудочку – сбежались к нему зайцы. «Продай мне одного!» – «За деньги не продам. У меня положен завет». – «Какой завет?» – «Кто захочет на кобылу влезть..., тому и зайца отдам». Барин влез на кобылу... Мужик подал ему зайца и говорит: «Держи его, барин, потихоньку, а то задавишь». Барин взял зайца и поехал домой, а мужик заиграл в дудочку – заяц услышал и ушел от него к мужику.

Видит барин, что ничего не возьмешь и отпустил мужика жить на волю.

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ЖЕНА И КУПЕЧЕСКИЙ СЫН

Жил-был богатый купец, у него был молодой приказчик. Купец нагрузил корабль дорогими товарами, дал приказчику много золота и серебра и отправил торговать в иные города. Вот приказчик приплыл в чужестранное государство, в столичный город. Зашел в трактир пообедать и услышал, что в этом городе была у генерала жена такая красавица, каких во всем свете мало рождается, и задумал, как бы ее увидеть. Только генерал держал свою жену взаперти, никуда не выпускал и к себе никого не принимал: на такую красавицу кто не позарится.

Приказчик насыпал блюдо серебра и золота и пошел к генералу в дом. «Что тебе надобно?» – спрашивает слуга. «Хочу генералу поклониться». Слуга доложил генералу, а он был куда на деньги падок. «Коли с деньгами пришел, такпусти его». Приказчик вошел в комнату, блюдо с серебром и золотом на стол

поставил. Спрашивает генерал: «Какая у тебя нужда?» – «Ах, ваше превосходительство! Во всех городах только и молвы, что про красоту вашей жены. Нельзя ли посмотреть ее?» Генерал подумал и согласился. Тотчас подошел к дверям и крикнул: «Эй, жена, подай нам водки!» Генеральша вынесла на подносе графин с водкою и две рюмки, поставила перед мужем и ушла в свою комнату.

Приказчик как увидел такую красавицу, тотчас и влюбился в нее; чуть ли с ума не сходит. На другой день насыпал он другое блюдо серебра и золота и опять понес к генералу; поклонился ему, поставил блюдо на стол и говорит: «Позвольте, ваше превосходительство, еще разок взглянуть на вашу супругу!» – «Эй, жена, подай нам водки!» – закричал генерал. Приказчик увидал ее в другой раз и еще больше прельстился. С того времени почал каждый день ходить к генералу, все деньги, товары и самый корабль, все спустил, и сделался чист молодец. Сидит в трактире и не знает, что ему делать.

В это время прибыл в тот город какой-то купеческий сын с тремя кораблями, зашел в

трактир и заказал себе хороший обед. Подали ему водки и разных кушаньев; только было принят он есть, вдруг подходит к нему оборванный и общипанный приказчик, не спрося, выпил водки и стал закусывать. Закусил и не думает за чужую хлеб-соль благодарствовать. «Это что за теребень? вишь какой обдерганый!» – говорит купеческий сын. Отвечает ему теребень: «Коли узнаешь, так сам таков будешь». Взяло купеческого сына любопытство, стал к нему приставать: «Расскажи, пожалуйста». Тот ему рассказал: «Вот, – говорит, – теперь и остался ни при чем; хожу обдерганый».

Захотелось и купеческому сыну посмотреть на генеральшу. «Слушайся меня, – сказал ему теребень, – мы сыграем с генералом такую шуточку, что долго не забудет. Рядом с генеральской квартирой отдается внаймы другая; найми ее и сделай тайный ход к нему в спальню». Купеческий сын так и сделал.

Вот генерал уехал в свое время к государю с докладом, а жену в спальне запер; купеческий сын напустил смелость и тотчас тайным ходом к его жене. Генеральша увидела, что

больно хорош собою... А после и говорит: «Ах, купеческий сын, освободи меня от мужа; мне эта каторжная жизнь наскучила». – «Хорошо, – говорит, – можно». Взял у нее мужнину трость и поехал на площадь, где государь развод делал. Ходит да тросточкой помахивает; генерал увидал свою трость, подскочил к нему: «Эта трость моя!» – «Помилуйте, ваше превосходительство, что вы на честного человека клеплете! А я на вас пойду в суд с жалобой».

Генерал сел в дрожки и поспешил домой, а купеческий сын еще скорей его приехал домой и через тайный ход отдал трость генеральше. Генерал отпер жену и спрашивает: «Где моя трость?» – «А вон в углу стоит». – «Ах, ведь я понапрасну поклепал купеческого сына». На другой день купеческий сын взял у генеральши кольцо, генерал опять пристал к нему и точно так же должен был признаться, что напрасно его поклепал. На третий день просит купеческий сын генерала: «Посватайте за меня невесту – рядом с вашей квартирой живет». Генерал рад ему услужить, чтобы только на него за напрасные поклепы не жа-

ловаться; собрался и пошел в соседнюю квартиру. А там уже все готово: сидит какая-то старуха. Генерал посватал купеческого сына за ее дочь. Старуха говорит: «Хорошо, я согласна, надо у дочери спросить». Зовет дочь – выходит к ней генеральша и сказывает: «Я, маменька, согласна». Генерал глаза вылупил: точь-в-точь моя жена. Да побоялся в третий раз вклепаться. Вернулся домой – жена его дома. «Ну, – думает, – хорошо, что остерегся».

Наутро обвенчался купеческий сын на генеральше; сам генерал их посватал и от венца домой проводил да спать уложил. После того приходит он домой – хватился – жены-то нет. Туда-сюда – нет да и только. Куда делась – никто не знает. Утром бросился к купеческому сыну: «У меня, – говорит, – жена пропала». – «Да, ведь вы, ваше превосходительство, выдали ее за меня замуж!» Генерал рассердился, поскакал к царю; царь разобрал это дело, посмеялся и сказал: «Ну, брат, ты сам ее отдал, так пенять не на кого, оставайся-ка без жены».

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король. У этого короля был сын Иван-королевич. Понравилась королю [королевичу] одна из придворных фрейлин – очень собою хороша была! Спознался он с нею и дал ей свой именной перстень. Ни много, ни мало прошло времени, – родила эта фрейлина сына. Король тотчас узнал про все ихнее дело. Приказал ее вместе с ребенком посадить в бочку и пустить в море. Бочка плавала-плавала, остановилась у одного острова и развалилась. Мать с сыном вышла на берег и осталась тут жить.

Вот сын ее рос-рос, да и вырос, В одно время говорит он: «Любезная государыня матушка! Дай мне свое благословление, я поеду службы искать». – «Поезжай с богом». Вот он приехал в тот город, где отец его Иван-королевич царствовал (король-то старый давно помер). Идет по улице и повстречал одного купца. «Господин купец! Возьми меня к себе в приказчики». – «Да ты чей?» – «Я сирота – нет у меня ни отца, ни матери». А собой он был

писанный красавец и тотчас же полюбился купцу. «Ну, – говорит, – коли ты сирота, ступай ко мне в приемьши. У меня своих детей нету». Стал купеческий приемьш торговать в лавках, и пошло дело словно по маслу. Старые приказчики только дивуются, – откуда у него такая сметка: барыши сами к нему в карман так и просятся.

В ту самую пору Иван-королевич задумал жениться на одной купеческой дочери – такая красавица была, что люди по десять тысяч за один посмотри давали. Стала купеческая дочь готовиться к свадьбе и послала свою служанку закупать в лавках разных материй. Служанка входит в лавку к купеческому приемьшу, а он сидит да игрою на гусях забавляется. И как хорошо играет! Век бы слушать – не наслушался. Служанка слушала, слушала и забыла, что ей невеста наказывала. Воротилась домой и говорит купеческой дочери: «Простите, сударыня! Так и так, позабыла, зачем меня посылали?»

Захотелось купеческой дочери самой послушать этой чудесной музыки. Одедась и поехала в лавку. А приказчик сидит себе да на

гуслях поигрывает. Только что вошла она в лавку, как усмотрела молодца, – тотчас по уши в него влюбилась. А он бросил свои гусли, встал и спрашивает: «Чего вам, сударыня, угодно?» Тут она набрала всяких товаров на несколько тысяч и говорит приказчику: «Сомной теперь денег нет, а ты приходи ко мне вечером попозднее – я тебе дома заплачу». – «Хорошо, приду».

Вечером приказчик запер лавку и пошел к купеческой дочери. Она тотчас повела его в свою комнату, положила на стол острую саблю и говорит ему: «Коли хочешь жить, – люби меня, а не станешь любить – сниму с плеч твою буйну голову!» А он и сам непрочь с нею знаться. Скоро они поладили и переспали ночь вместе. «Ну, милый, – говорит ему купеческая дочь, – сделай ты теперьча от своей лавки к моим покоям подземный ход, освети его фонарями и ходи ко мне каждую ночь, чтобы тебя никто из людей не видал. А то, коли королевич узнает, беда нам!»

Приказчик простился с нею, пришел домой и, долго не думая, нанял сейчас работников и вырыл подземный ход от лавки до поко-

ев купеческой дочери. С той поры и начал он к ней похаживать да в свайку поигрывать.

Меж тем Иван-королевич говорит отцу своей невесты: «Батюшка! Пора нам свадьбу играть». – «Да я готов хоть сейчас. Вот что дочка скажет?» А дочка притворилась больной и просит обождать до ее выздоровления. Ждали месяц, и другой, и третий – она все кажет себя больною. Запало королевичу сомнение: «Уж нет ли у нее кого другого, что за меня выходить не хочет». Поставил он везде часовых, чтобы строго смотрели: не ходит ли кто к его названной невесте. Но куда часовым усмотреть, когда ход такой устроен?

Видит королевич, что дело-то неладно. Нарядился в солдатскую шинель и пошел поздним вечером по городу: не проведает ли чего сам? Шел-шел и усмотрел – в лавке огонь светится. «Зачем бы в такое время в лавке огню быть?» Постучался в дверь. «Чего тебе, служба, надобно?» – спрашивает купеческий приемыш. – «Пусти, добрый человек, ночь переночевать. Даром нигде не пускают, а денег нет. Я пришел издалеча». Жалко его стало приказчику. «Ну, говорит, иди!» Ровно в двенадцать

часов собрался он к купеческой дочери в гости. Встал потихоньку и пошел подземным ходом. А королевич не спит – все видит. Поднялся, да вслед за ним. Вот таким-то случаем и узнал он, что к его невесте ходит подземным ходом купеческий приемыш, что каждую ночь они пьют-гуляют и спят на одной постели...

На другой день солдат простился с приказчиком и ушел. Приказчик ничего не ведает. А тут вдруг нагрянула стража и королевский указ принесла: велено его взять и в тот же день повесить на торгу на виселице. Народу сбежалось видимо-невидимо. Сам королевич приехал. Только повели купеческого приемыша вешать, а он просит последнее слово сказать: «Есть-де у меня именной перстень, от моего батюшки достался, возьмите его и перешлите на такой-то остров к моей родной матери». Королевич взглянул на перстень и тут же спознал, что этот приемыш его сын. Тотчас велел остановить казнь, обнял его крепко и стал расспрашивать, как и что с ним делалось. После того королевич обвенчал этого молодца на купеческой дочери, а сам женил-

ся на его матери.

СНЫ

Жил-был бедный мужик, с женой и детьми; в одну ночь приснился ему такой сон: будто под печкою в ихней избе лежит большой медведь. Поутру стал рассказывать свой сон жене; она говорит: «Ах, хозяин, ведь и мне такой же сон был». Дети говорят: «Ах, батюшка, ведь и мы то же самое во сне видели». Задумался мужик: «Недаром всем одно приснилось – сон вещей, да что он пророчит: к беде, али к счастью?» Думал, думал и решил ехать к колдуну Асону, который один на все царство сны судит.

Едет он деревнею, а навстречу ему мальчик: «Дяденька, покатай меня». – «Проваливай! не до тебя!» – «Дяденька, покатай, я тебе доброе слово скажу. Ведь я знаю, куда ты едешь. Ты едешь к Асону посудить сону». Мужик удивился: «Вишь, – говорит, – какой хитрый народился. Садись на телегу!» Посадил мальчика на телегу, прокатил его по деревне, выехал за околицу и спустил наземь. «Спасибо, дядюшка! – сказывает мальчик, – смотри

же: будет у тебя Асон торговать твой сон, не продавай ему дешево: бери сто тысяч. А спросит: кто тебя научил – ты молчи, на меня не показывай».

Вот приехал мужик к Асону: «Так и этак, – говорит, – приснилось мне ночью, будто под печкою лежит большущий медведь, рассуди, что этот сон значит?» Колдун бросился смотреть по своим книжкам, посмотрел и затрясся от радости: «Послушай мужичок, продай мне этот сон!» – «Пожалуй, отчего не продать?» – «Что тебе дать за него?» – «Давай сто тысяч». – «Ах ты, сукин сын, – закричал на мужика Асон и ногами затопал, – что мне в твоём сне – много ли корысти? Хочу пособить тебе при бедности; а он, дуралей, вишь какую цену заломил!» – «Как знаешь, а меньше ни единой копейки не возьму».

Спорили-спорили, ругались-ругались; нечего делать, видит колдун, что мужика не переспоришь, да и цена-то средняя: хоть и сто тысяч заплатить, все другое сто в барышах останется. Насыпал мужику два больших воза деньгами; а наутро приехал к нему на деревню с четырьмя возами. Разломал печь, а там

серебра да золота видимо-невидимо. Еле-еле на четырех подводах уложил. Стал в путь собираться и говорит хозяевам: «Послушай, мужичок, скажи, кто тебя научил запросить за твой сон так дорого? Ведь сам ты ни за что б не догадался?» – «Нет, брат, этого не скажу». – «Скажи, вот тебе пять тысяч на прибавку». Мужик тотчас польстился на деньгу и выдал мальчика. После попрощались; колдун домой поехал, а мужик разбогател и зажил себе припеваючи – по-купчески.

На другой день Асон нарядился словно барин, запряг заводских лошадей, сел в коляску и катит прямо на двор к родителям того мальчика, что мужика научил. Приезжает и говорит: «Нельзя ли отдохнуть маленько?» – «От чего нельзя, отдыхай». Вошел в избу, пошли те, другие разговоры. «Это чей мальчик спит?» – «Мой сын», – говорит старик. «Послушай, старик, мне твой сынок полюбился. Вижу я – ты живешь при бедности, а у меня и золота, и всякого имения, чего только душа просит – всего вдоволь. Только детей бог не дал. Отдай мне мальчика, я ему вместо отца буду, в люди выведу, и тебя со старухой награжу

деньгами и хлебом». Старик со старухой помялись, помялись и согласились, продали сына за десять тысяч.

Асон взял его сонного, положил в повозку и повез к себе. Приехал домой; мальчик проснулся, смотрит, где это он очутился? «Что глаза-то вылупил? Чай, знаешь, зачем привез тебя...» – «Как не знать, – отвечает мальчик, – затем, чтобы с молодой женой твоей спать». – «Вот, брат, не угадал!» – сказал колдун, зло улыбнулся и крикнул: «Позвать ко мне повара». Повар пришел; он и говорит ему на ухо: «Возьми этого мальчишку, зарежь, вынь из него сердце, изжарь и принеси ко мне». Повар привел мальчика на кухню, достал широкий нож и принялся точить на камне. «Эх, дядя, – говорит мальчик, – ведь я знаю, для чего ты нож точишь». – «А для чего?» – «Да хочешь меня зарезать». – «Правда твоя!» – «Послушай, дядя, пожалей меня – отпусти на волю: тебя бог наградит». – «Я б отпустил тебя, да ведь хозяин у меня хитер; сейчас узнает». – «Не бойся, не узнает. Есть у вас на дворе супоросая свинья, поди-ка, спроси у хозяина, сколько она поросят принесет? Он и этого не разга-

дает».

Повар пошел к Асону, спросил про свинью, воротился и говорит: «Хозяин рассказывает, что двенадцать поросят будет» – «Вот и не узнал: ваша свинья уже опоросилась – принесла тринадцать». Повар побежал, справился: как раз тринадцать. «Правда твоя», – говорит мальчику. «Ну, так отпусти ж меня на вольный свет, а тринадцатого поросенка зарежь, вынь из него сердце, зажарь и снеси хозяину». Повар так и сделал. Понес поросячье сердце, только переступил порог – и уронил блюдо. Кобель подхватил и съел сердце. «Ну, пес его бери!» – сказал колдун.

А мальчик вышел на большую дорогу и, долго ли, коротко ли, пришел в столичный город. Остановился у гостиных рядов, да на знатные заморские товары любуется. Увидел его купец и взял к себе за приказчика. С того самого времени пошла у купца торговля широкая, покупатели так и валят в лавку, просто отбою нет. Успевай только деньги брать. Время идет, мальчик растет да растет, вырос и сделался таким молодцем да красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать.

В один день поехала молодая Асонова жена в гостиные ряды за покупками; зашла в самую богатую лавку, увидела этого приказчика и сразу влюбилась в него. Набрала целый ворох всяких товаров и говорит: «Послушай, добрый молодец. Со мной денег не случилось; потрудись сегодня вечером ко мне в дом побывать, я там-то живу». – «Извольте, сударыня». Вечером приехал к ней за деньгами; она тотчас ухватила его за белые руки, повела в свою спальню, стала целовать-миловать, нежно к сердцу прижимать; уложила его на мягкую постель вместе с собой: «Ну, – говорит, – придвинься ко мне плотней, будет нам теплей!» Тут они и слюбились, и стали часто друг к другу наезжать, вместе ночи коротать.

Прошло с год времени, приснился царю этой земли такой сон: будто стоит в его палатах драгоценная золотая чарка, а в той чарке один край выломился. Встал царь поутру и думает: что бы этот сон значил? Сейчас посылает он за колдуном Асоном. «Ну-ка, Асон, рассуди мой сон!» Колдун бросился смотреть по своим книгам, искал-искал – нет, не может разгадать царского сна. Царь рассердился и

назначил ему три дня сроку: «Коли не разгадаешь, прикажу тебя казнить». Три дня прошло, повели Асона на площадь и повесили на виселице.

После того разослал царь указы по всей земле: «Коли кто разгадает этот сон, тому пожалует половину своего царства». Услыхал про то молодой приказчик, явился к царю поздним вечером и говорит: «Ваше величество! я могу ваш сон разгадать». – «Ну, разгадай. Скажешь правду – половину царства пожалую, а соврешь – то мой меч, твоя голова с плеч». – «Есть, – говорит, у вашего величества три дочери; скажите, которую царевну вы больше любите, больше жалуете?» – «Все три, – отвечает царь, – мне дороги, а больше всех люблю и жалую меньшую царевну: нет ее на свете дороже». – «Ну, так пойдете к ней в спальню – там будет разгадка». Пришли к царской спальне, смотрят, дверь заперта. Царь постучался: «Отопри-ка, дочка». – «Ах, батюшка! Я уж спать легла». – «Ничего, отопри». – «Да я не одета». – «Отопри, не то велю дверь выломать!»

Царевна отперлася: входит царь с приказ-

чиком в спальню. Приказчик тотчас подбежал к мамке. Оказывается мамка – мужчина. Царь отдал этому приказчику половину своего царства, царевну наказал, мамку казнил, а о том, что было, велел втайне хранить, лишнего никому не говорить. Приказчик сделался сам царем, женился на Асоновой вдове, разбогател и стал жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

КУПЕЧЕСКАЯ ЖЕНА И ПРИКАЗЧИК

Жил-был купец, старый хрыч, женился на молоденькой бабенке, а у него было много приказчиков. Старшего из приказчиков звали Потапом; детина он был видный, зачал к хозяйке подбираться, так у них дело и сладилось. Стали люди примечать, стали купцу сказывать. Вот купец и говорит своей жене: «Послушай, душенька, что люди-то говорят, будто ты с приказчиком Потапом живешь». – «Что ты, бог с тобой, соглашусь ли я. Не верь людям; верь своим глазам». – «Говорят, он к тебе давно подбирался. Нельзя ли как-нибудь испытать его». – «Ну что ж, – говорит жена, – послушай меня, нарядись в мое платье и пой-

ди к нему в сад – знаешь, где он спит, да потихоньку шопотом и скажи: я-де к тебе от мужа пришла. Вот и посмотришь тогда, каков он есть». – «Ладно», – сказал купец.

А купчиха улучила время и научила приказчика: как придет муж, хорошенько его поколотит, чтобы он, подлец, долго помнил. Дождался купец ночи, нарядился в женино платье с ног до головы и пошел в сад к приказчику: «Кто это?» – спрашивает приказчик. Купец отвечает шопотом: «Я, душенька!» – «Зачем?» – «От мужа ушла, да к тебе пришла». – «Ах ты, подлая! И то про меня говорят, что я к тебе хожу. А ты хочешь, чтоб я совсем опостылел хозяину». И давай колотить купца по шее, по спине, да в поволочку: «Не ходи, мерзавка, не срами меня! Я ни за что не соглашусь на такие пакости».

Кое-как купец вырвался, прибежал к жене и говорит: «Нет, милая, теперь никому в свете не поверю, что ты живешь с приказчиком. Как принялся он меня ругать, страмить да бить – насилу ушел». – «Вот видишь, а ты всякому веришь!» – сказала купчиха и с того времени стала жить с приказчиком без всякого

страху.

«НЕТ!»

Жил-был старый барин, а у него была жена и молода, и собой хороша. Случилось этому барину куда-то уехать далеко. Он боится, как бы жена его не стала с кем... и говорит: «Послушай, милая! Теперь я уезжаю надолго от тебя, так ты никаких господ не примамай к себе, чтоб они тебя не смутили, а лучше вот что: кто бы тебе и что бы тебе ни сказывал – отвечай все: „Нет!“ да „Нет!“» Уехал муж, а барыня пошла гулять в сад. Ходит по саду. А мимо на ту пору проезжал офицер. Увидел барыню такую славную и стал ее спрашивать: «Скажите, пожалуйста, какая это деревня?» Она ему отвечает: «Нет!»

«Что бы это значило, – думает офицер, – о чем ее ни спросишь, она все: нет да нет!» Только офицер не будь промах: «Ежели, – говорит, – я слезу с лошади да привяжу ее к забору – ничего за это не будет?» А барыня: «Нет!» – «А если взойду к вам в сад, вы не рассердитесь?» – «Нет!» Он вошел в сад. «А если я с вами стану гулять, вы не прогневаетесь?» –

«Нет!» Он пошел рядом с нею. «А если возьму вас за ручку, – не будет вам досадно?» – «Нет!» Он взял ее за руку. – «А если поведу вас в беседку – и это ничего?» – «Нет!» Он привел ее в беседку. – «А если вы не станете противиться?» – «Нет!»... [Потом он опять спрашивает]: – «Вы теперь довольны?» – «Нет!» – «Ну когда нет...» Еще раз спрашивает: – «А теперь довольны?» – «Нет!» Он плюнул и уехал. А барыня встала и пошла в хоромы.

Вот воротился домой барин и говорит жене: – «Ну что, все ли у тебя благополучно?» – «Нет!» – «Да что же?..» – «Нет!» Что ни спросит, она все: нет да нет. Барин и сам не рад, что научил ее.

ЖЕНА СЛЕПОГО

Жил-был барин с барыней. Вот барин ослеп, а барыня загуляла с одним подьячим. Стал барин подумывать..., и шагу не даст ей без себя сделать. Что делать? Раз пошла она с мужем в сад, и подьячий туда же пришел... Вот муж-то слепой у яблони сидит, а жена... с подьячим. А сосед ихний смотрит из своего дома, из окна в сад, увидал, что там строится... и рассказывает своей жене: «Посмотри-ка, душенька, что у яблони-то делается. Ну что как теперь откроет бог слепому глаза да увидит он – что тогда будет? Ведь он ее до смерти убьет». – «И, душенька! Вить и нашей сестре бог увертку дает!» – «А какая тут увертка?» – «Тогда узнаешь».

На тот грех и открыл господь слепому барину глаза: увидел он... – «Ах ты!.. Что ты делаешь, проклятая!» – А барыня: «Ах как я рада, милый мой! Ведь сегодня ночью приснилось мне: сделай грех с таким-то подьячим, и господь за то откроет твоему мужу глаза. Вот оно и есть правда: за мои труды бог дал тебе очи».

ДВЕ ЖЕНЫ

Жили-были два купца, оба женатые, и жили они промеж себя дружно и любовно. Вот один купец говорит другому: «Послушай, брат! Давай сделаем пробу, чья жена лучше мужа любит». – «Давай. Да как пробу-то сделать?» – «А вот как: соберемся-ка да поедем на Макарьевскую ярмарку, и которая жена пуще станет плакать, та больше и мужа любит». Вот собрались в путь, стали их провожать жены. Одна плачет, так и разливается, а другая прощается и сама смеется.

Поехали купцы на ярмарку, отъехали эдак верст пятьдесят и разговорились между собой. – «Ишь как тебя жена любит, – говорит один, – как она плакала на прощанье, а моя стала прощаться, а сама смеется!» А другой говорит: «Вот что, брат! Теперя жены нас проводили, воротимся-ка назад, таким образом да посмотрим, что наши жены без нас делают». – «Хорошо!»

Воротились к ночи и вошли в город пешие. Подходят наперед к избе того купца, у которого жена на прощанье горько плакала. Смот-

рят в окошко. Она сидит с любовником и гуляет. Любовник наливает стакан водки, сам выпивает и ей подносит: «На, милая, выпей!» Она выпила и говорит: «Друг ты мой любезный! Теперь я твоя». – «Вот какие пустяки: вся моя! Что-нибудь есть и мужнино!» Она оборотилась к нему задом и говорит: «Вот ему... – один зад!» Потом пошли купцы к той жене, которая не плакала, а смеялась. Пришли под окошко и смотрят: перед иконами горит лампадка, а она стоит на коленях, усердно молится да приговаривает: «Подаждь, господи, моему сожителю в пути всякого возвращения!» «Ну вот, – говорит один купец другому, – теперь поедем торговать».

Поехали на ярмарку и торговали очень хорошо: такая задача в торговле была, какой никогда не бывало! Пора уж домой. Стали собираться и вздумали купить своим женам по гостинцу. Один купец, у которого жена богу молилась, купил ей славной парчи на шубку, а другой купил жене парчи только на ее зад: «Вить мой только зад! Так мне только поларшина и надобно – я свою жену не хочу паскудить!» Приехали и отдали женам гостинцы.

«Что же ты купил эдакой лоскут?» – говорит жена с сердцем. – «А ты вспомни..., как сидела ты с любовником и говорила, что мой у тебя только зад, – ну, я свою часть и снарядил. Нашей парчу на него да и носи».

ЖЕНА ХИМКА

Жил муж Филя, у него жена была Хима – беспечная, сонливая, нерадивая. Раз в летний день пошла она рожь жать; жать не жала, легла в поле и заснула. Приходит Филя, взял ей остриг голову, обмазал тестом, обсыпал пухом и ушел домой. Вот Хима проснулась, схватилась за голову и говорит: «Что б это значило? По уму-то я Хима, а по голове, кажется, нет. Постой, пойду в деревню; узнаю ли свой двор?»

Идет она по деревне, считает дворы, подходит к своему двору и говорит: «Вот наш двор!»
Спрашивает хозяина:

«Филя, а Филя! Дома ли твоя Хима?» – «Дома». Вот она и пошла прочь от окна. «Постой, – думает, – суну-ка я в подворотню голову; если узнает меня собака, так я Хима, а не узнает – значит не Хима». Сунула голову в

подворотню; собака залаяла.

Тут бедная баба совсем поверила, что она не Хима, и пошла к вечеру на большую дорогу. Попадаются ей навстречу воры. Она и просит: «Возьмите меня с собой; я знаю богатого мужика, обворуем его». – «Пойдем». Пошли воровать. Проломали в клетки крышу и опустили туда Химу: «Подавай, а мы брать станем». Она набрала себе орехов, а им подала мешок с золою. Воры осерчали: «Черт с ней, – говорят, – бросим ее, пусть сидит там!» Хима услышала это, навязалась сама на веревку и кричит им: «Тащите, вот добро, так добро». Воры ее и вытащили.

Пошли искать иного места; идут мимо кладбища. «Ну, Химушка, ты посиди пока тут, а мы пойдем к дьякону баранов красть». Воры ушли, а Хима села на могиле, сидит да орехи щелкает. Вышел дьякон помочиться и видит на могиле эдакое чудище. Побежал к попу: «Вставай, батюшка, покойник из могилы вылез, зубами щелкает!» Поп был нездоров, позвал еще дьячка и велел нести себя на носилках: «Пойду, – говорит, – мертвеца отчитать». Вот дьякон с дьячком несут попа, а Хи-

ма думает, что то воры и закричала: «Что, несете?» Дьякон говорит: «Несем!» – «Жирного?» – «Жирного!» – «Ну, скорей давайте, я есть хочу». Дьякон думает: «Что ж, я-то жирнее попа, пожалуй, за меня хватится!» Испугался, бросил попа на земь, да бежать: дьячок за ним, а поп так головой о могильный камень пришелся, что еле-еле к рассвету опомнился. Поутру шел народ на работу, увидел Химу и отвел к мужу.

ФОМКА-ДУРАК И ЕГО ЖЕНА

Жил мужик с бабою; звали его Фомкою, был он большой дурак и трус. Только смеркается, то и на двор побоится выйти. А баба – известное дело, как при таком муже не завести любовника – и таки завела. Один раз Фомка пришел домой пьяный да веселый; еще никогда таким не бывал. Поужинал, снял портки и лег с женой спать. А ночь была темная-темная, дождь как из ведра поливает.

На ту пору постучался к бабе любовник, собака и залаяла. Фомка услышал, что собака на дворе лает, и давай тюкать: «Тю-тю, тю-тю». – «Молчи, – говорит жена, – а то волки по дерев-

не ходят, овец режут, пожалуй, к нам зайдут». – «Невжли ты боишься?» – «А ты разве не боишься?» – «Я-то? Да ты знаешь, какой я смельчак? Хочешь: сейчас окно отворю да начну тюкать?» – «А ну, Фомушка, отвори да потюкай». Фомка отворил окно и кричит спьяна: «Тю-тю». – «Ах, Фомушка, затвори окно, не то волки в избу залезут да нас поедят». – «Я ничего не боюсь». – «Экой ты смелый!» – «Э, ты еще меня не знаешь! Хочешь, я выйду в сени да в сенях начну тюкать?» – «А ну, выйди да потюкай в сенях», – говорит жена, а сама на уме держит, как бы поскорей его на двор выпихнуть.

Фомка вышел в сени и опять: «Тю-тю, тю-тю!» Баба идет сзади да подхваливает: «Ох, Фомушка, какой ты небоязливый! А я думала, что ты побоишься». – «Э, дура, разве не знаешь, какой я хватюга? Я еще отворю двери на двор да еще громче начну тюкать!» – «А ну, попробуй, попробуй, Фомушка!» Фомка отворил двери, высунул на двор голову и снова кричит: «Тю-тю!» Тут баба как толкнет его в шею, выпихнула на двор и заперла двери за совом, а любовника в окно впустила и легла с

ним на постель.

Фомка ходит без порток, вокруг избы, намок весь, стучится в окно да просится со слезами в избу. «Какой леший там стучится?» – спрашивает хозяйка. – «Это я», – говорит Фомка. – «А ты кто?» – «Фома!» – «Какой Фома? Ты – Мора, а не Фома. Мой Фома со мной на постели лежит». А сама шепчет любовнику: «Откликнись ему». Любовник и закричал: «Кой черт там около избы бродит? Вот только выйду на двор, так дам себя знать: так шею наkostenю, что долго не забудешь!»

Бедный Фомка не знает, что и делать. «Видно, – думает, – я пьяной к чужой избе подошел». И начал себя поверять – считает избы. «Вот эта – кумова изба, а это – братова, а эта – Кондратова, а четвертая моя». Постучал опять в окно; а его все не пускают, беда да и только. Пошел к куму, постучался. «Кто там?» – «Это я, кум». – «Чего тебе?» – «Да видишь, кум, я немножко выпивши, не могу до своей избы дойти; проводи меня, пожалуйста». Кум оделся, вышел, смотрит – Фомка без порток в одной рубахе стоит, перезяб, трясется. Провел его до двора и стучится: «Кумушка, ты

спишь?» – «Нет, кум, еще не сплю, а что там?» – «Да вот возьми своего Фому, он совсем пьяный». – «Какой там Фома? Это Мора – всю ночь около избы таскается, не дает нам покою; мой муж давно дома». На ее речи и любовник отозвался. «Что ты, кум, я давно дома; это у тебя Мора. Брось ее к черту!»

Кум испугался, бросил Фому и убежал домой. Что делать Фомке? На дворе холодно, а в избу не попадешь. Принужден был забраться к свиньям в хлев, там и переночевал до утра. На другой день приносит баба свиньям корм, увидала мужа и говорит: «Это ты, Фомушка? Каким манером сюда попал? А я тебя всю ночь проискала». – «Молчи, жена, я и сам себя с похмелья не помню. Видно меня пьяного черти таскали». – «То-то, Фомушка, говорю тебе, не напивайся».

ДОГАДЛИВАЯ ХОЗЯЙКА

Жила-была старуха, у ней была дочь – большая неряха. За что ни возьмется, все у ней из рук валится. Пришло время – нашелся дурак, сосватал ее и взял за себя замуж. Пожил с нею год и больше и прижил сына. Пришла один раз она к матери в гости. Эта ну ее угощать да потчевать. А дочь ест да рассказывает: «Ах, матушка! Какой у тебя хлеб скусный, настоящий ситный, а у меня такой, что и проглотить не хочется, – настоящий кирпич». «Послушай, дочка! – говорит старуха, – ты верно нехорошо месить квашню, оттого у тебя и хлеб не скусен. А ты попробуй квашню вымесить так, чтобы у тебя... была мокрая! Так и дело будет ладно».

Пришла дочь домой, растворила квашню и начала месить. Помесит-помесит, да подымет подол и пощупает – мокрая ли... Часа два так месила, всю... выпачкала, а узнать не может, мокрая ли у ней или нет? Мальчик посмотрел и говорит: – «Эге, матушка, у тебя все в тесте». Тут она полно месить квашню и спекла с того теста хлеба такие скусные, что, если б знали,

как она месила, – никто б и в рот не взял.

Примечания

В. Калугин. Герои русского эпоса. М., Современник, 1983, с. 130-132. Автор сообщает о битвах вокруг нашего неписьменного наследия интереснейшие вещи.

[^^^]

2

Игра слов: петенька– уменьшительная форма от слова «петух» (петел) и от имени Петр.

[^^^]

3

Канун – мед, пиво, брага, сваренные к празднику или в память усопшего.

[^^^]

4

Сладкое сдобное печенье из белой муки.

[^^^]

5

Бранное слово, то же что – враг, ворог.

[^^^]

6

Китина – ствол травы, на которой растут стручки.

[^^^]

Охотничий термин.

[^^^]

Издох.

[^^^]

Задалили.

[^^^]

10

Ситник – булка из пшеничной муки.

[^^^]

Бирюк – волк.

[^^^]

Крутой берег, обрыв.

[^^^]

Ляць.

[^^^]

Обманула.

[^^^]

Сдобная, пресная лепешка.

[^^^]

Ящик с замком для поклажи.

[^^^]

Засек, закром.

[^^^]

Жарен.

[^^^]

Смотри.

[^^^]

Ляць.

[^^^]

То есть пуль.

[^^^]

Тогда.

[^^^]

Пышать – дышать.

[^^^]

Т. е. косцам.

[^^^]

Лаяна – жители деревни Лаи, которая стоит при речке того же имени (Лая), впадающей в Северную Двину. Они занимаются приготовлением угля для портовых кузниц.

[^^^]

Погубит, изведет.

[^^^]

Голчить – говорить, кричать.

[^^^]

Уборы, женские платья (Опыт обл. великор.
словаря).

[^^^]

Приноровиться, прийти по нраву.

[^^^]

Ссорились.

[^^^]

Послушная.

[^^^]

Не поперечила.

[^^^]

Чистую рубаху.

[^^^]

Круглая коробка, лукошко с крышкой для держания хлеба.

[^^^]

Непечатый каравай хлеба, пирог без начинки.

[^^^]

Нарезал.

[^^^]

Верхние слои сосны.

[^^^]

Крестьянская баранья шуба.

[^^^]

Замерзнем.

[^^^]

40

Обеденная пора, полдень.

[^^^]

Насмехаться.

[^^^]

Ругательное слово, прилагается людям сварливым и вздорным: тряся – лихорадка.

[^^^]

Бранное выражение (см. Опыт обл. велико-
русск. словаря).

[^^^]

Собираешься, хочешь.

[^^^]

Покрывало, одеяло (сличи глагол: запахиваться, запахнуть).

[^^^]

Проворнее, скорее.

[^^^]

Прикинулся, оборотился.

[^^^]

Поболтает, поговорит.

[^^^]

Повадился.

[^^^]

50

Соскучилась.

[^^^]

Иконы (т. е. в передний угол).

[^^^]

Трут.

[^^^]

Разговори.

[^^^]

Шафурка – смутьянка, сплетница.

[^^^]

Младенца.

[^^^]

Смрадом.

[^^^]

Лягушкой.

[^^^]

Веретеном.

[^^^]

Цепляется.

[^^^]

Сряда – нарядное платье.

[^^^]

Чернуха – ягель, род полевого дикого гороха.

[^^^]

Бесперечь – беспрестанно (сноска в рукописи
другими чернилами).

[^^^]

Гремячий – журчащий.

[^^^]

Т. е. приноровился к их приемам и обычаям.

[^^^]

Пали – сваи.

[^^^]

Сомустил– совратил.

[^^^]

Худого, дурного.

[^^^]

Вместо: царской.

[^^^]

За деревню или город, т. е. в поле.

[^^^]

Подставок.

[^^^]

Стряпка – кухарка, стряпать – готовить кушанье.

[^^^]

Шибко – крепко.

[^^^]

Замужество.

[^^^]

Выскачка; поддерживать – намекать с укоризною на чей-либо счет, обиняками унижать или осмеивать.

[^^^]

ДОВОЛЬНО.

[^^^]

Прежде.

[^^^]

На дереве.

[^^^]

Одoleвать.

[^^^]

Пуще – больше, сильней.

[^^^]

Что повстречались – с кораблем Водяного царя.

[^^^]

Не раздражи.

[^^^]

Т. е. не нравятся.

[^^^]

Пусто, незанято.

[^^^]

Костку, кость.

[^^^]

Снаряжаться, готовиться к отъезду.

[^^^]

Чернеть – простой народ, чернь.

[^^^]

Помои.

[^^^]

Аред – нечистый дух, колдун.

[^^^]

Уполовник.

[^^^]

Хорт– собака, пес.

[^^^]

Погнулся, поддался.

[^^^]

Т. е. вверх.

[^^^]

Часть, кусок.

[^^^]

КОВШ.

[^^^]

Лепешки.

[^^^]

Топором.

[^^^]

Понравился.

[^^^]

Три карты одной масти.

[^^^]

Место под колесом мельницы.

[^^^]

До-кучать; на-с-кучать.

[^^^]

Вороницу.

[^^^]

Радеть– радоваться чему-либо.

[^^^]

Я что-то нездоров; немога – болезнь; немощный – больной.

[^^^]

Когда.

[^^^]

Крутиться – одеваться, собирать.

[^^^]

Издыхшая.

[^^^]

У Анастасјева вошел.

[^^^]

Гребет.

[^^^]

Стал плохо видеть, ослеп.

[^^^]

Юноша.

[^^^]

Силой втащил.

[^^^]

Парить, хлыстать (Опыт обл. велико-русск.
словаря: хвостеть).

[^^^]

Утирка– полотенце.

[^^^]

Хитро, трудно.

[^^^]

Не сильно.

[^^^]

Печальные.

[^^^]

Приятно.

[^^^]

Назад, в другую сторону.

[^^^]

Спас.

[^^^]

Встретил.

[^^^]

Бог знает.

[^^^]

Петъ.

[^^^]

123

Т. е. с приговорками, с прибаутками.

[^^^]

Не под силу.

[^^^]

Колпица.

[^^^]

Взять в запас.

[^^^]

Быстрее.

[^^^]

Вверх.

[^^^]

На корм истратили.

[^^^]

Ляжка.

[^^^]

Слово это (т. е. нашенский) употреблено для обозначения царя сего, надземного света, в противоположность царю подземных стран, о котором только что упоминала сказка.

[^^^]

Ино– что даже.

[^^^]

Во рту.

[^^^]

Гайкать – кричать, кликать.

[^^^]

Работают.

[^^^]

Поскотина – городьба вокруг скотного выгона.

[^^^]

Платок, полотенце.

[^^^]

В гробе.

[^^^]

Вороны.

[^^^]

Задержки.

[^^^]

Ухватом.

[^^^]

Т. е. бог знает.

[^^^]

Крепко бить.

[^^^]

Колдай – палка с шишкою на одном конце.

[^^^]

Еще.

[^^^]

Не выпарился.

[^^^]

В гарнизонной тюрьме.

[^^^]

Беднее.

[^^^]

Осилят, одолеют.

[^^^]

Чарку.

[^^^]

Т. е. простой, незнатный.

[^^^]

Слово это на местном наречии выговаривается: ведметь.

[^^^]

Погреб, подвал.

[^^^]

Снаряжение.

[^^^]

Яд.

[^^^]

Зря, напрасно.

[^^^]

Т. е. вода.

[^^^]

Мешок.

[^^^]

Бессовестный человек, попрошайка.

[^^^]

Мыши, крысы.

[^^^]

Черт.

[^^^]

Очень, сильно.

[^^^]

Загороженные места, куда загоняют скот.

[^^^]

Неопрятный, у кого полы всегда в грязи.

[^^^]

Го л я ш к и – голени.

[^^^]

Не мешкай.

[^^^]

Старший.

[^^^]

Суконные или шерстяные рукавицы, обшитые сверху кожей.

[^^^]

Сапоги.

[^^^]

Дудку, свирель.

[^^^]

Зрада – измена. Иногда вместо овчаров говорится о купцах, которые ехали мимо с обозом и сделали дудку; дудка играет: «По малу, малу, москалику, грай!» и проч.

[^^^]

Пристально.

[^^^]

Покоя.

[^^^]

Отогнать.

[^^^]

Клевать, бить.

[^^^]

Приманка для птиц, западня.

[^^^]

Ватажиться – знаться, сближаться, связываться, водиться.

[^^^]

Освежила чистым воздухом.

[^^^]

Есть поверье, что воры запасаются рукою мертвеца и, приходя на промысел, обводят ею спящих хозяев, чтобы вести на них непробудный сон.

[^^^]

Кожа, шкурка.

[^^^]

Мамки.

[^^^]

В праздник.

[^^^]

Т. е. чародейка.

[^^^]

Сырое, непропеченное место в хлебе.

[^^^]

КОСТЬ.

[^^^]

Т. е. свою жену.

[^^^]

Веретеном.

[^^^]

Имение, богатство, скот домашний.

[^^^]

Шкурку («кожурина»).

[^^^]

Чутъем почувствовала.

[^^^]

Бегаешь.

[^^^]

Коник– лавка с коробом в избе, у двери, для поклажи вещей.

[^^^]

Промотавшиеся, пропившиеся люди.

[^^^]

Гриб (Грип) – птица вместо Гриф-птица.

[^^^]

Нечистая сила.

[^^^]

СВЯЗКИ.

[^^^]

Т. е. в отставку.

[^^^]

Свяжуся.

[^^^]

Квартиру.

[^^^]

Потрафила.

[^^^]

Мебель.

[^^^]

Медвежъего.

[^^^]

Почудилось, показалось.

[^^^]

Исторъицу.

[^^^]

Надоедать рассказами, болтать пустяки.

[^^^]

Заманила, зазвала.

[^^^]

Т. е. сняли свивальник и пеленки.

[^^^]

До тех пор; покель – пока.

[^^^]

Раздаватель хлеба.

[^^^]

Клубочек, шарик.

[^^^]

Образом, случаем.

[^^^]

212

В город.

[^^^]

Платъе.

[^^^]

214

Вычистить, содрать шелуху.

[^^^]

Чи.

[^^^]

Готовилась.

[^^^]

Нет.

[^^^]

Остался.

[^^^]

Воскресный день.

[^^^]

Гребешок.

[^^^]

По щеке.

[^^^]

Искал, искал.

[^^^]

Как-то.

[^^^]

Ибо, потому что.

[^^^]

Башмак.

[^^^]

Забралом.

[^^^]

Святой Георгий.

[^^^]

Имущество, богатство.

[^^^]

Скупщикам мяса, рыбы.

[^^^]

Одинаковы, равны.

[^^^]

Т. е. не отозвал.

[^^^]

Шпеньки.

[^^^]

Красоты.

[^^^]

Ископытъ – земля, грязь, снег из-под копыт бегущего коня.

[^^^]

Сравни: «Песни, собр. Киреевским», I, 46.

[^^^]

Помутился.

[^^^]

Чингалище – кинжал.

[^^^]

Не обидно.

[^^^]

Рассказчик разом вывел на сцену обоих богатырей, и среднего, и старшего, и тем нарушил строй сказки; обычный эпический прием требует, чтобы сказочные герои три раза сражались со своими врагами, с каждым порознь.

[^^^]

Палку («Опыт областн. великор. словаря»).

[^^^]

Незнайко сражается с одним срацынским богатырем, о другом умолчано.

[^^^]

Пелька – часть всякой одежды, находящаяся на груди у горла.

[^^^]

Пас.

[^^^]

Усердно старался.

[^^^]

Толстеть, наливать, тучнеть.

[^^^]

Тащиться, плестись.

[^^^]

Орет – пашет.

[^^^]

Ожидай отплаты.

[^^^]

Пруд.

[^^^]

Сударь.

[^^^]

Уважать, почитать.

[^^^]

Пшенная каша.

[^^^]

Охапку, вязанку.

[^^^]

Съела.

[^^^]

Однажды, как-то.

[^^^]

Счета, числа.

[^^^]

Следы [богатырского коня].

[^^^]

Калика – нищий, просящий милостыню пением псалмов и духовных песен.

[^^^]

Гуня – худая одежда, рубище; поддевка, иногда рубашка.

[^^^]

Замать – трогать.

[^^^]

Погоня.

[^^^]

Лучилась – случилась, приключилась.

[^^^]

Понравился, полюбился.

[^^^]

Поляна в лесу.

[^^^]

Сласти.

[^^^]

Один раз.

[^^^]

Торока – мешок, сума за седлом.

[^^^]

Семью.

[^^^]

Т. е. преставился, умер.

[^^^]

ИНЫХ.

[^^^]

Поперек.

[^^^]

Прямо.

[^^^]

Правиться – собраться, отправиться.

[^^^]

Отдыхать после полудня.

[^^^]

Обратил в латинскую веру.

[^^^]

Наворотъ – воротник.

[^^^]

Не марай.

[^^^]

Красоты, щегольства.

[^^^]

Чивъе – рукоятка.

[^^^]

Испугался, утрашился.

[^^^]

Надень, наряди, набрось.

[^^^]

Перила.

[^^^]

Сглазить, навести порчу.

[^^^]

Бахарь – баюн, говорун.

[^^^]

Терема.

[^^^]

Пяльцы.

[^^^]

Прискакала.

[^^^]

Обувь, сапоги.

[^^^]

Наоборот.

[^^^]

Испугался.

[^^^]

Двумя руками суковатую дубину.

[^^^]

Поставить на округ – окружить, обставить кого-нибудь со всех сторон, лишить средств к побегу; так говорят: «мы двоима с собакой поставили медведя на округ», т. е. с одной стороны охотник, а с прочих собаки не позволили зверю выйти из известного круга.

[^^^]

Просить, умолять.

[^^^]

Опятнать – значит собственно найти сбежавшего коня по его следу на земле; в настоящем же случае опятнать – доправить, найти на земле след копыт.

[^^^]

Наловил.

[^^^]

Разодрал.

[^^^]

Облака, тучи.

[^^^]

Не слышно.

[^^^]

Поленицы – богатырши.

[^^^]

Верес – можжевельник.

[^^^]

Хвалынское море– древнерусское название Каспийского моря (Прим. ред.).

[^^^]

Иначе, в противном случае.

[^^^]

Отрубки, щепки.

[^^^]

Нищий, калека, убогой.

[^^^]

Крестьяне Шенкурского уезда, живущие по рекам Сюме и Нелинге, называют всякую деревню печищем: печище Маслово, печище Часовинское, печище Подволочское и пр. Не назывался ли первоначально этим словом каждый дом в деревне, так же как дым, труба заменяли прежде слово: изба?

[^^^]

Заметывать– метить.

[^^^]

Комель – корень.

[^^^]

Туловище.

[^^^]

Отряд, полк.

[^^^]

В сенокосную пору.

[^^^]

Замолился.

[^^^]

Мало – спустя несколько времени, через несколько минут.

[^^^]

Дон-мать – Матерь Дона, донская пресвятая богородица.

[^^^]

Орда, у крестьян архангельской губернии –
зыбкая тундра, болото, покрытое мохом.

[^^^]

На общем собрании.

[^^^]

316

Отдаленный предмет, чернеющий вдали.

[^^^]

Случилось.

[^^^]

Соскочу.

[^^^]

Бояр, господ.

[^^^]

Загадал.

[^^^]

Гадали.

[^^^]

Дошлый – смышленный, догадливый.

[^^^]

Горшечник.

[^^^]

Опричь – кроме.

[^^^]

Деньги.

[^^^]

Больше.

[^^^]

Вреда.

[^^^]

Много.

[^^^]

Охолости.

[^^^]

Говорит.

[^^^]

Заморить червяка– утолить голод.

[^^^]

Тебя.

[^^^]

Плетеная из конского волоса сеть.

[^^^]

Бумага – хлопчатобумажная пряжа, нитки.

[^^^]

Сазан.

[^^^]

Камка– шелковая китайская ткань с разводами.

[^^^]

Абвахта– гауптвахта.

[^^^]

Простудиться – прохладиться, подышать све-
жим воздухом.

[^^^]

Малёнка – деревянная кадочка, мерка, пудовка.

[^^^]

Дай-ка.

[^^^]

Страха.

[^^^]

Лакомогузки – сластенны, любители лакомств.

[^^^]

Кладбища.

[^^^]

Мера прядева.

[^^^]

Черти.

[^^^]

Бунт – пучок, связка.

[^^^]

Поколь, покель – пока.

[^^^]

Хотя.

[^^^]

Союз предположительный.

[^^^]

350

Уменьшительное от слова: мочь (сила).

[^^^]

Даром.

[^^^]

Притча – непредвиденный, несчастный случай.

[^^^]

Живот, животи́на – лоша́дь.

[^^^]

Насильно.

[^^^]

Деньги.

[^^^]

Слышишь.

[^^^]

Со страху.

[^^^]

Схаменуться – опомниться, спохватиться.

[^^^]

Нечистый дух.

[^^^]

Плотина.

[^^^]

В комнаты.

[^^^]

Наперед.

[^^^]

Искать.

[^^^]

Башмаки (туфли), надеваемые на босую ногу.

[^^^]

Раскольничий.

[^^^]

Из рогожи.

[^^^]

367

Слега – жердь, которую кладут поперек стога сена.

[^^^]

Лежень – деревья, павшие в лесах сами собою.

[^^^]

Изношенный, старый лапоть.

[^^^]

370

Обманула.

[^^^]

Курухан от слова: кур—петух; липан от слова: липа, потому что лапти плетутся из липовых лык.

[^^^]

Прялку.

[^^^]

373

Зарабатывает.

[^^^]

Кухарку, работницу.

[^^^]

Издохла.

[^^^]

Разве.

[^^^]

Много.

[^^^]

Переминаются, беспокоятся.

[^^^]

Заворожили, заколдовали.

[^^^]

Гряда – две перекладины, утвержденные
вверху избы, для сушения дров.

[^^^]

Загнетка – шесток у русской печи.

[^^^]

За несколько часов.

[^^^]

Ужасно, очень.

[^^^]

Утомилн.

[^^^]

Саламата – мучная кашица.

[^^^]

Полати.

[^^^]

Клюшка (клюка) – дубинка, палка с загнутым концом, которою дети подбивают шар.

[^^^]

Т. е. била.

[^^^]

Набойная лодка– та, у которой на бортах по одной или по две доски.

[^^^]

Заяц или кролик.

[^^^]

Чаща – лес, ельник.

[^^^]

Кропаться – тужить, сердясь говорить или ворчать; кропота, кропотливый.

[^^^]

Дай-ка.

[^^^]

Голица – рукавица.

[^^^]

Мякина, телуха.

[^^^]

Кое-как.

[^^^]

Сказку.

[^^^]

Яруги – овраги, буераки.

[^^^]

Кутя – собака.

[^^^]

Езы – заклы для рыбной ловли.

[^^^]

Осек – изгородь из кольев, отделяющая па-
жить от лугов или селение от полей.

[^^^]

Понуждал (нудил), подгонял.

[^^^]

Прибыль.

[^^^]

Частую переменную яств.

[^^^]

Колпак– большая чашка.

[^^^]

Мельник.

[^^^]

Делить грабеж, добычу; дуван – добыча, раздел добычи.

[^^^]

Мера земли.

[^^^]

Паут – слепень или овод.

[^^^]

Соха – мера земли, с которой платилось в старину. Выражение «мелкой сошки» означает здесь: низшего разряда.

[^^^]

Полог – толстая холстина, сшитая в несколько полос.

[^^^]

Тюрик – толстая холстина, сшитая в несколько полос.

[^^^]

413

Род одежды, подобной сарафану и названной так потому, что ее красят в дубовом листу.

[^^^]

Росстани – место, где одна дорога разделяется на две, перекресток.

[^^^]

Язычник (язык) – вестник.

[^^^]

416

Навершный – едущий верхом.

[^^^]

След.

[^^^]

Бранное слово, шишимора.

[^^^]

Смотри.

[^^^]

Арапники.

[^^^]

Зенки – глаза.

[^^^]

СЛЫШИТ.

[^^^]

Это слово часто встречается в заговорах: «Так бы черная немочь бежала в тартарары, во тьму кромешную» (Сахаров. Сказания русского народа I, 31).

[^^^]

Не прыгай.

[^^^]

Рычаг – рогач, ухват.

[^^^]

Еван-то – указат. частица, вон там.

[^^^]

Червонці.

[^^^]

Булыжник.

[^^^]

Железное орудие, которым ловят зимою зайцев и лисиц (Опыт великорусского словаря, с. 283).

[^^^]

Заливную.

[^^^]

Черепенники – гречневые лепешки.

[^^^]

Талька – мера пряжи (Дополнение к обл. словарю, с. 264).

[^^^]

Изношенные лапти.

[^^^]

Кладбище.

[^^^]

Домовище – гроб.

[^^^]

Вверх, против течения.

[^^^]

Заезочек – плетень поперек реки для ловли рыбы.

[^^^]

Т. е. снимать с поля (Опыт обл. великорусско-го словаря, с. 94).

[^^^]

Корзина, сплетенная из лык и бересты.

[^^^]

Говорит.

[^^^]

Только что.

[^^^]

Ярица – яровой хлеб.

[^^^]

БЫТЬ ГОЛОВОЮ.

[^^^]

Крячить – скручивать веревку палкою при связывании ноши.

[^^^]

445

От глагола: перечить – возражать.

[^^^]

Полынью.

[^^^]

Мирская сходка.

[^^^]

Рыпеть – о людях: ворчать, гневаться; о немат-
заных колесах: скрипеть.

[^^^]

Помазок.

[^^^]

Квашне.

[^^^]

Веревку от лаптя.

[^^^]

Затрещину.

[^^^]

Резать.

[^^^]

Чикать – бить, ударить.

[^^^]

Лопатина – мужская и женская одежда.

[^^^]

Понукать, нудить.

[^^^]

Птичье туловище.

[^^^]

Стреха – крыша, кровля.

[^^^]

Не понуждайте.

[^^^]

Капризная.

[^^^]

Под яровую.

[^^^]

Ватрушек, сдобных хлебов.

[^^^]

Головной убор.

[^^^]

«Пятница именуется Временною, потому что день св. Параскевы, 28 октября, временно приходится в пятое» («Русские простонародные праздники» И. Снегирева, I, 188).

[^^^]

Рыба.

[^^^]

И так далее, пока не наскучит одному спрашивать, а другому отвечать.

[^^^]

Пелевня – сарай для соломы, пуня.

[^^^]

Можжевельник.

[^^^]

По девице вздыхают.

[^^^]

470

Устала.

[^^^]

Платок.

[^^^]

Хитры.

[^^^]

Жаворонок.

[^^^]

Сделан – несколько снопов, складенных в кучу.

[^^^]

Чисто, богато.

[^^^]

Крестная мать.

[^^^]

Перетьки – особенного рода нить, затканная в полотно.

[^^^]

Сулой – мутный квас и густое сусло, из которого варят ржаной кисель.

[^^^]

Туес – берестяной бурак.

[^^^]

480

Порно – крепко, скоро, прытко.

[^^^]

Утром.

[^^^]

Существительное «твори́ло» от глагола твo-
рить – разводить муку на теплой воде.

[^^^]

За присест.

[^^^]

484

Калага – солод ржаной, смешанный с ржаной же мукою и сваренный в печке.

[^^^]

Батрак.

[^^^]

Лаповики – обноски лаптей (Ред.).

[^^^]

Страшной– работник, батрак (Ред.).

[^^^]

Тогда, в этом случае (Прим. ред.).

[^^^]

Батрак, наемный работник (Прим. ред.).

[^^^]

Окном (Прим. ред.).

[^^^]

Отвори-ка, открой-ка (Прим. ред.).

[^^^]

Тебя (Прим. ред.).

[^^^]

Хлев (Прим. ред.).

[^^^]

Тебе (Прим. ред.).

[^^^]

Кошва – длинная телега для перевозки снопов (Прим. ред.).

[^^^]

Веретье – грубая ткань, употребляемая при сушке хлеба, при перевозке в снопах легко осыпавшегося хлеба (Прим. ред.).

[^^^]

Макогон – большой деревянный пест, которым толкут семена льна, растирают мак, творог, масло и т. п. (Прим. ред.)

[^^^]

Прежнее название г. Таллина (Прим. ред.).

[^^^]

Пелевня – сарай для мякины (пелены) (Прим. ред.).

[^^^]

Сапожник (Прим. ред.).

[^^^]

Голбез – голбец.

[^^^]

Корзину (Прим. ред.).

[^^^]

Лошадей (Прим. ред.).

[^^^]

Виселицу (Прим. ред.).

[^^^]